

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9 (75). №2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол № от июня 2023 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)

Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.

Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.

Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.

Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.

Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.

Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.

Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.

Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.

Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.

Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.

Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.

Люттов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.

Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.

Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.

Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.

Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.

Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.

Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.

Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.

Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.

Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.

Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать .06.2023. Формат 70x100 1/16

усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет «__». _____. 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.8 (091)

ОРГАНИЗАЦИЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ССЫЛЬНЫХ ИЗ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО В СИБИРИ XIX – XX ВВ.

Великая О. С.

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье рассмотрены вопросы, связанные с нормативным регулированием ссылки осужденных за особо тяжкие и государственные преступления из числа жителей Великого княжества Финляндского в Восточную Сибирь; правовую организацию удовлетворения их духовных потребностей, т.е. обеспечение официальной деятельности священнослужителей соответствующей конфессиональной принадлежности, материальные условия их службы, проживания, пенсионного и прочего обеспечения. Выявлена деятельность Сената Великого княжества Финляндского в начале XX в., направленная на помилование и возвращение осужденных на ссылку, ее результаты.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, ссылка, Восточная Сибирь, духовные потребности.

Практика ссылки в отдаленные регионы страны преступников, неблагонадежных или политических противников, очевидно, существует столько же, сколько существует государство и его правоохранительная и право исполнительная системы. Не обошла стороной данная практика и финское население в период его нахождения под юрисдикцией России, о чем также свидетельствуют многочисленные научные публикации [1-10].

Вхождение финских земель в состав Российской империи и создание Великого Княжества Финляндского усложнило общегосударственную выработку и проведение уголовной и пенитенциарной политики, особенно с учетом сохранения за местным населением использования шведского законодательства.

Согласно сложившейся теории и практики, местное население в основном отбывало наказания на территории края, в большинстве случаев даже в специализированных заведениях своего региона. В тоже время, данный факт совершенно не исключал возможность осуждения за особо тяжкие и опасные преступления в заведения с особо строгим режимом содержания, в том числе крепости, что было весьма стандартным явлением.

Особо также следует подчеркнуть, что к началу XIX в. в России уже сложилась устойчивая практика применения к особо опасным преступникам, в первую очередь, совершившим антигосударственные преступления, при невозможности или нежелательности применения смертной казни, сибирской ссылки.

В отношении к Финляндии данный подход также оказался вполне приемлемым, очевидно, в первую очередь, в связи с практически невозможностью побега и тем самым гарантированным исполнением приговора, что и было закреплено в серии нормативных актов. Среди них следует назвать: Высочайше утвержденный «Устав о ссылках» от 22 июля 1822 г. [11, с. 433]; манифест от 21 апреля 1826 г. «О ссылке в Сибирские Губернии на работы в горные заводы Финляндских отступников, под-

павших по законам онаго края смертной казни, но оной Всемиловейше освобожденных» [12, с. 388-390]; именной указ финляндскому генерал-губернатору «О распоряжениях, касательно осуждаемых к ссылке в Сибирские Губернии на работы в горные заводы Финляндских преступников» от 21.04.1826 [13, с. 390]; «О распоряжениях для препровождения в Сибирь Финляндских преступников» от 31.07.1826 [14, с. 910-911] и другие нормативные акты.

Следующий этап урегулирования вопросов, связанных с отбыванием ссылки осужденных из Финляндии начинается во второй половине XIX в. и связан в первую очередь с заботой со стороны Сената Великого княжества о духовном наставничестве поселенцев. Так, объявлением от 9 марта 1863 г. «об определении Пастора и катехета для религиозного наставления и назидания Финляндцев, сосланных в Восточную Сибирь на каторгу и поселение», лютеранскому пастору, который по представлению соответствующей Духовной консистории должен назначению сенатом, местом нахождения определялся Верхне-Суетук Шушальской волости Минусинского округа. От него требовалось знание шведского, финского, русского и немецкого языков.

При этом на пастора возлагалось попечение не только находящихся в Верхне-Суетук финнов, «но и латышей и эстов лютеранского вероисповедания, проживающих в смежных с Суетуком поселениях Верхней и Нижней Буланках, и вообще всех лютеран Енисейской губернии». Что же до находящихся на заводах и рудниках Иркутской губернии и Забайкальской области финнам оставили по-прежнему иркутского пастора.

Пастора же в Верхем Суетуке обязали ежегодно представлять в Сенат отчет о своих служебных действиях, сообщать «о дальнейших мерах, признаваемым необходимыми для успешного назидания ссыльных и нравственного их наставления».

На дорожные расходы до места назначения и обратно пастору следовало отпустить «из финляндских статных сумм», а также ежегодное жалование в 1000 руб. сер. с правом по 15 лет «усердной и беспорочной службы в Сибири возвратится на родину и пользоваться указанным жалованием, до тех пор пока он не будет экстраординарным путем Всемиловейше произведен на вакансию Главного Пастора, замещаемую Высочайшей властью, или обычным порядком получить священническую должность в Финляндии; сверх того ему представляется участвовать во вдовьей и сиротской кассе духовного ведомства по первому разряду второго класса».

В свою очередь катехету, который должен также должен был исполнять обязанности кистера, знать шведский, финский, русский или немецкий языки, устанавливалось содержание в 200 руб. сер. в год и, при необходимости, компенсация путевых расходов.

В вопросе компенсации за путевые расходы по службе пастор и катехет приравнивались к иным местным должностным лицам, в т.ч. и Иркутскому пастору. Кроме того, предписывалось отвести пастору участок земли для обработки, а катехету дать бесплатное помещение, для чего следовало «возвести надлежащие здания и отпустить на сей предмет единовременно из финляндских статных сумм 2000 руб. сер. В последствии же содержание сих строений возложить на прихожан».

В остальном, и как с разрешения надлежащих местных властей уже было сделано к отправлению ссыльно-поселенцев лютеранского исповедания из иных мест в Тобольск и Красноярск в Шушальскую волость, где вместо Верхих Суетук было отве-

дено исключительно для финляндских поселенцев, то царь ходатайству Сената, не только одобрил и на будущее это распоряжение, но и разрешил впредь ссыльно-каторжных из Финляндии, смотря по обстоятельствам, располагать преимущественно в одном или двух местах, где лютеранский пастор из Верхне-Суефика мог бы посещать арестантов, а при его отсутствии катехет отправлял богослужение, наблюдал за их нравственностью [15, с. 1-3].

Объявлением от 24 мая 1872 г. катехету и ксистеру финских арестантов и колонистов в Верхне-Суефика в Восточной Сибири, если он до вступления в эту должность не имел жилья на месте, давалось право «получать, после пятнадцатилетней усердной и беспорочной там службе в пожизненную пенсию определенный Высочайшим объявлением от 9 марта 1863 г. оклад жалования в двести рублей серебром...» [16, с. 1]. А 23 декабря этого же года опубликовано очередное Объявление, «содержащее некоторые определения о духовном призвании финляндских преступников и ссыльных поселенцев в Сибири» [17, с. 1].

Развитие пенитенциарной системы Великого княжества Финляндского и Принятие нового уголовного кодекса в Финляндии 1889 г. (должен был вступить в силу в 1891 г.) сняло остроту проблемы с ссыльными, однако сами ссыльные все еще пребывали в Сибири, да и введение нового УК оказалось затруднительно.

В тоже время, финская общественность и политические деятели автономии не оставляли попыток к возврату ссыльных.

Решение этого вопроса осложнялось двумя важными правовыми факторами: 1) ссыльные были подданными России и поэтому неподконтрольны финским властям. Вмешательство Финляндии в их положение означало бы вмешательство во внутренние дела империи, чего финны избегали на протяжении всего периода автономии. 2) В уголовном праве ВКФ отсутствовали санкции в виде ссылки.

Однако, в конце XIX в. политическая атмосфера вокруг взаимоотношений автономии и империи накалилась, и финны стали еще более осторожными. Только по прошествии 20 лет после последней ссылки статус и проблемы ссыльных стал официально рассматриваться. Так, на первом сейме 1908 г. Артур Лагерлёф предложил парламенту просить императора об амнистии и прощении ссыльных. Одновременно с этим он предлагал предоставить таковым финнам государственную помощь при возвращении на родину.

В своем предложении А. Лагерлёф обосновании упоминал указы 1826 и 1848 гг. и их отмену. Он считал, указы о ссылке с самого начала были незаконными, т.к. изданы в административном порядке и не обсуждались в Сейме. Кроме того, весьма нежелательным было то, что депортированные полностью находились вне законов своей страны [1, с. 165].

На сеймах 1908-1909 гг. Артур Лагерлёф провел огромную работу по обсуждению и разрешению проблемы ссыльных, изыскивая правовые способы как их освобождения, так и прекращения ссылок в будущем [1, с. 165-167].

По мнению комитета, высылка с самого начала была незаконной мерой, так как приговор к каторжным работам был совершенно чуждым закону 1734 г. наказанием. Таким образом, замена пожизненного заключения или смертной казни депортацией не соответствовала закону. По мнению комитета, депортация в качестве мигранта также была незаконной, хотя осужденные за преступления и просили въезд в Сибирь (взамен более сурового наказания). По мнению комитета «право гражданина

жить и находиться в своей стране, как и его личная свобода, было одним из тех прав, от которых он не может отказаться навсегда. Поэтому обязательство поселиться за пределами своей страны не имело юридической силы».

Однако, рассмотрев вопрос лишь в 1914 г., имперский Сенат, в принципе не опровергая аргументы финнов, отклонил петицию в связи с прошествием большого количества лет со времени высылки, незначительного количества находящихся в Сибири финнов, обустройства их на новом месте [1, с. 169]. В этом же году заслушав соответствующее представление сената Николай II отклонил прошение финнов [1, с. 170]. В результате вопрос, в связи с началом 1-й Мировой войны и последующими событиями, в рамках действовавшей политико-правовой системы был закрыт.

Список литературы:

1. Alpo Juntunen. Suomalaisten karkottaminen Siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa. - Siirtolaisuusinstituutti migrationsinstitutet. Turku- Finland, 1983. s. 210.
2. Maija-Liisa Kalhama (toim.), Suomalaiset Jäämeren rannoilla. Finnene ved Nordishavets strender. Turku 1982, s. 235.
3. Johannes Granön. Kuusi vuotta Siperiassa. 1893.
4. J. G. Granön. Siperian suomalaiset siirtolat. 1905.
5. Е. А. Дегальцева. Финляндские уголовные преступники в сибирской ссылке (XIX век) // Новый исторический вестник. История и археология. 2019. С. 6-19.
6. Карнишина, Н. Г., & Карнишин, В. Ю. (2021). Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия» // Via in Tempore. История. Политология, 48(4), 849-858.
7. Д. В. Сидорович. Ингерманландцы в Сибири: этническая идентичность в многоэтничном окружении // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. История и Археология. 2012. С 194-285.
8. Жамбалов Д. З. Правовая регламентация ссылки в Сибирь как уголовного наказания в российском государстве в XVII – первой половине XIX вв. // Власть. 2017. №10. С. 141-147.
9. Архипов С. В. Нормативно-правовое обеспечение исполнения уголовного наказания в виде ссылки по Уставу о ссыльных 1822 г. // Вестник Владимирского юридического университета. – 2015. №2. С. 109-112.
10. Иванов А. А. «... Слышен звон кандалный» // Гуманитарный вектор. – 2014. - №3(39). – С. 6-14.
11. Высочайше утвержденный Устав о ссыльных от 22 июля 1822 г. // ПСЗ, Собрание первое: Т. XXXVIII, (1822-1823), №98128. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 433.
12. Манифест. О ссылке в Сибирские Губернии на работы в горные заводы Финляндских отступников, подпавших по законам онаго края смертной казни, но оной Всемилостивейше освобожденных. 21 апреля 1826 г. // ПСЗ, Собрание второе: Т. I (12 декабря 1925-1926), №275. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 388-390.
13. Именной, данный Финляндскому Генерал-Губернатору. О распоряжениях, касательно осуждаемых к ссылке в Сибирские Губернии на работы в горные заводы Финляндских преступников. 21 апреля 1826 г. // ПСЗ, Собрание второе: Т. I (12 декабря 1925-1926), №276. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 390.
14. О распоряжениях для препровождения в Сибирь Финляндских преступников. Сенатский. 31 августа 1826 г. // Т. I (12 декабря 1925-1926), №563. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 910-911.
15. Высочайшее Его Императорского Величества Объявление об определении Пастора и катехета для религиозного наставления и назидания Финляндцев, сосланных в Восточную Сибирь на каторгу и поселение. 9 марта 1863 // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1863 год. №12, 4 листа, печатан в Гельсингфорсе 30 мая 1864 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1864 г. С. 1-3.
16. Высочайше Его Императорского Величества Объявление, о предоставлении катехету финляндских арестантов и колонистов в Верхнем Суеуке в Восточной Сибири прав на получение пенсии. 24 мая 1872 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1863 год. №22, 4 листа, печатан в Гельсингфорсе 3 декабря 1872 г. Гельсингфорс, в сенатской типографии 1872 г. С. 1.
17. Высочайше Его Императорского Величества Объявление, содержащее некоторые определения о духовном призрении финляндских преступников и ссыльных поселенцев в Сибири. 23 декабря 1872 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1863 год. №26. С. 2.

Velikaya O. S. Organization of meeting the spiritual needs of exiles from the Grand Duchy of Finland in Siberia in the 19th - 20th centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 2. – P. 3–7.

The article deals with issues related to the normative regulation of the exile of those convicted of especially grave and state crimes from among the inhabitants of the Grand Duchy of Finland to Eastern Siberia; legal organization to meet their spiritual needs, i.e. ensuring the official activities of clergy of the corresponding confessional affiliation, material conditions of their service, accommodation, pension and other provision. The activities of the Senate of the Grand Duchy of Finland at the beginning of the 20th century, aimed at pardoning and returning convicts to exile, and its results are revealed.

Keywords: Grand Duchy of Finland, exile, Eastern Siberia, spiritual needs.

Spisok literary:

1. Alpo Juntunen. Suomalaisten karkottaminen Siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa. - Siirtolaisuusinstituutti migrationsinstitutet. Turku- Finland, 1983. s. 210.
2. Maija-Liisa Kalhama (toim.), Suomalaiset Jäämeren rannoilla. Finnene ved Nordishavets strender. Turku 1982, s. 235.
3. Johannes Granön. Kuusi vuotta Siperiassa. 1893.
4. J. G. Granön. Siperian suomalaiset siirtolat. 1905.
5. E. A. Degal'ceva. Finlyandskie ugovolnye prestupniki v sibirskoj ssylke (HIH vek) // Novyj istoricheskij vestnik. Istoriya i arheologiya. 2019. S. 6-19.
6. Karnishina, N. G., & Karnishin, V. YU. (2021). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v sostave Rossijskoj imperii v nachale XX v.: po materialam zhurnala «Finlyandiya» // Via in Tempore. Istoriya. Politologiya, 48(4), 849-858.
7. D. V. Sidorovich. Ingermanlandcy v Sibiri: etnicheskaya identichnost' v mnogoetnichnom okruzenii // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichestkih issledovanij. Istoriya i Arheologiya. 2012. S. 194-285.
8. ZHambalov D. Z. Pravovaya reglamentaciya ssylki v Sibir' kak ugovolnogo nakazaniya v rossijskom gosudarstve v XVII – pervoj polovine XIX vv. // Vlast'. 2017. №10. S. 141-147.
9. Arhipov S. V. Normativno-pravovoe obespechenie ispolneniya ugovolnogo nakazaniya v vide ssylki po Ustavu o ssyl'nyh 1822 g. // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo universiteta. – 2015. №2. S. 109-112.
10. Ivanov A. A. «... Slyshen zvon kandal'nyj» // Gumanitarnyj vektor. – 2014. - №3(39). – S. 6-14.
11. Vysochajshe utverzhdenyj Ustav o ssyl'nyh ot 22 iyulya 1822 g. // PSZ, Sobranie pervoe: T. HKHKHVIII, (1822-1823), №98128. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. S. 433.
12. Manifest. O ssylke v Sibirskie Gubernii na raboty v gornye zavody Finlyandskih otstupnikov, podpavshih po zakonam onago kraja smertnoj kazni, no onoj Vsemilostivejshe osvoboždennyh. 21 aprelya 1826 g. // PSZ, Sobranie vtoroe: T. I (12 dekabrya 1925-1926), №275. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. S. 388-390.
13. Imennoj, dannyj Finlyandskomu General-Gubernatoru. O rasporyazheniyah, kasatel'no osuzhdaemyh k ssylke v Sibirskie Gubernii na raboty v gornye zavody Finlyandskih prestupnikov. 21 aprelya 1826 g. // PSZ, Sobranie vtoroe: T. I (12 dekabrya 1925-1926), №276. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. S. 390.
14. O rasporyazheniyah dlya preprovozhdeniya v Sibir' Finlyandskih prestupnikov. Senatskij. 31 avgusta 1826 g. // T. I (12 dekabrya 1925-1926), №563. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. S. 910-911.
15. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Ob"yavlenie ob opredelenii Pastora i katekheta dlya religioznogo nastavljenja i nazidaniya Finlyandcev, soslannyh v Vostochnuyu Sibir' na katorgu i poselenie. 9 marta 1863 // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1863 god. №12, 4 lista, pechatan v Gel'singfors 30 maya 1864 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1864 g. S. 1-3.
16. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Ob"yavlenie, o predostavljenii katekhetu finlyandskih arestantov i kolonistov v Verhnem Suetuke v Vostochnoj Sibiri prav na poluchenie pensii. 24 maya 1872 g. // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1863 god. №22, 4 lista, pechatan v Gel'singfors 3 dekabrya 1872 g. Gel'singfors, v senatskoj tipografii 1872 g. S. 1.
17. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Ob"yavlenie, sodержashchee nekotorye opredeleniya o duhovnom prizrenii finlyandskih prestupnikov i ssyl'nyh poselencev v Sibiri. 23 dekabrya 1872 g. // Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo za 1863 god. №26. S. 2.

УДК: 338.48(470):351.86

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ТУРИЗМЕ

Друзин Р. В., Федулочева Е. А.

В статье рассмотрены вопросы нормативно-правового регулирования организации безопасности в туризме, классифицированы источники нормативно-правовых актов в сфере организации безопасности в туризме по разным критериям классификации, определены специальные источники законодательства в области безопасности туризма, рассмотрена роль ассоциации «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма «Турпомощь» в регулировании организации безопасности в туризме, изучены задачи нормативно-правового регулирования безопасности туризма.

Ключевые слова: безопасность туризма, туристская деятельность, туристская услуга, организация безопасности в туризме.

Туризм в последние годы является одним из наиболее популярных видов услуг.

Активная востребованность, вовлеченность большого количества людей как со стороны покупателей, так и со стороны поставщиков туристских услуг приводят к необходимости более тщательной детализации нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с процессом предоставления данного типа сервисов. Данный вид услуг слабо поддается цифровизации и требует большого вовлечения человеческих ресурсов. С другой стороны, потребители услуги так же не могут получить данную услугу дистанционно, участие должно быть личным и непосредственным. Активность людей в данном процессе неизбежно приводит к повышению вероятности травм и несчастных случаев в целом. В связи с этим, изучение правовых основ организации безопасности в туризме является актуальной научной проблемой.

Страхование, как элемент системы экономической безопасности, исследовала Э. А. Русецкая [1]. Особенности личного и имущественного страхования изучены в работе П. Л. Поповой [2]. Пути трансформации государственного личного страхования анализировала И. Л. Логвинова [3]. Нарушения и преступления в сфере страхования исследовал В. Д. Ларичев [4]. Связь страхования и медицины изучена в трудах Е. Б. Лупарева, Е. В. Епифановой [5], медицинское страхование как подотрасль – в трудах О. А. Цыгановой [6]. Проблемами страхования туристских рисков в России занимались Е. В. Зобова, Л. А. Яковлева, А. Ю. Шевяков [7], Р. А. Адамова [8], Т. В. Колесникова [9]. Правовые аспекты в сфере безопасности изучали Е. Л. Писаревский [10], предлагавший совершенствовать порядок формирования и ведения единого федерального реестра туроператоров; регламентации электронной торговли в сфере туризма («электронная туристская путевка»); установления особенностей договорных отношений туроператоров и турагентов; развития страхования в сфере туризма; С. В. Завьялова [11], рассматривавшая вопросы правового регулирования возмещения вреда, причиненного жизни и здоровья туриста; В. В. Дорина [12], изучавшая вопросы регулирования трансграничной медицинской помощи, медицинского страхования в рамках ЕАЭС.

Целью работы является определение нормативно-правовых основ регулирования обеспечения безопасности туризма в процессе получения туристских услуг в РФ. Объектом исследования является организация безопасности туризма в процессе по-

лучения туристских услуг в РФ. Предметом исследования – правовые нормы, обеспечивающие безопасность туризма в процессе получения туристских услуг в РФ.

Нормативно-правовую основу обеспечения безопасности туризма (или другими словами, законодательство в области безопасности туризма) составляет совокупность федеральных законов, Указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, иных нормативных правовых актов федерального уровня и субъектов Российской Федерации, которые регламентируют общественные отношения между туристами, турагентами и туроператорами, другими субъектами сферы туризма, а также органами государственной власти по вопросу обеспечения безопасности туризма.

Источники законодательства могут быть классифицированы по юридической силе документов (иерархии), действия, предмету регулирования, иным критериям:

1. По юридической силе на первом месте находится Конституция РФ, которая определяет компетенцию органов государственной власти в названной сфере и признает жизнь и здоровье человека наивысшей социальной ценностью, т.е. дает руководящие ориентиры в выработке законодательства в области безопасности туризма.

Далее следуют по мере уменьшения юридической силы: федеральные конституционные законы (Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. №4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [13]; Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении») [14]; федеральные законы (Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [15], Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» [16], Федеральный закон от 22 июля 2008 г. №123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности») [17]; акты Президента Российской Федерации (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [18], Указ Президента РФ от 2 ноября 1994 г. № 2058 «О мерах в случае возникновения чрезвычайных ситуаций для деятельности заграничных учреждений Российской Федерации и российских граждан, находящихся за рубежом» [19], Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [20]); акты Правительства Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [21], постановление Правительства РФ от 7 октября 2020 года №1614 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах» [22], постановление Правительства РФ от 16 сентября 2020 г. №1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» [23]); акты федеральных органов исполнительной власти (приказ Минтранса России от 30 апреля 2021 года №145 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности перевозок автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» [24], приказ МЧС России от 25 октября 2004 г. №484 «Об утверждении типового паспорта безопасности территорий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [25]); акты субъектов Российской Федерации (Закон Республики Крым от 14 августа 2014 г. № 51-ЗРК «О туристской деятельности в Республике Крым») [26].

2. По кругу актов выделяются федеральные законы и иные (подзаконные) нормативно-правовые акты (Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. №16-ФЗ «О транспортной безопасности» [27] и приказ Минтранса России от 30 апреля 2021 г. №145

«Об утверждении Правил обеспечения безопасности перевозок автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» [24]).

3. По территории действия нормативно-правовые акты могут быть национальные и международные (к последним относятся, к примеру, «Руководящие принципы ООН для защиты интересов потребителей [28], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [29], Инициатива «Группы восьми» по безопасному и упрощенному порядку международных поездок (SAFTI) (Си-Айленд, 11 июня 2004 года)» [30]).

4. По объектам безопасности различают нормативные акты, которые регулируют правоотношения в сфере безопасности личности, в том числе туриста (Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах территории Российской Федерации» [31]), акты в области обеспечения безопасности общества и охраны окружающей среды (Федеральные законы от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [32], от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» [33], акты в области национальной безопасности (Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [34], Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [35]). Кроме того, отдельно выделяются универсальные правовые акты (Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» [16], Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 [18]).

5. По предмету правового регулирования следует различать специальные нормативные акты в сфере обеспечения безопасности туризма (Федеральный закон от 24 ноября 1996 года №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации») [15], и кроме того все другие нормативные акты в области безопасности, содержащие отдельные нормы законодательства о безопасности туризма (постановление Правительства РФ от 1 октября 1998 г. № 1142 (в редакции Постановления Правительства РФ от 7 ноября 2015 года) «О реализации норм Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию», которым было утверждено «Положение об оказании помощи по страховым случаям гражданам Российской Федерации, находящимся на территории иностранного государства» [36]).

6. По предмету ведения нормативно-правовые акты относятся к федеральному законодательству и законодательству субъектов Российской Федерации (постановление Совета Министров Республики Крым от 29.12.2016 №650 «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым» (в части касающейся вопросов организации безопасности туризма в РК) [37].

Применительно к последней классификации нормативно-правовых актов, отметим, что в основе законодательства о безопасности туризма лежит конституционный принцип разграничения предметов ведения и полномочий между субъектами РФ и федеральным центром. В силу положений Конституции РФ (ст.76) [38] по предметам ведения РФ принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей ее территории, в рамках совместного ведения принимаются федеральные законы и законы и иные правовые акты субъектов РФ. Вместе с тем, кроме общих нормативно-правовых норм, выделяются и

специальные источники права в области безопасности туризма, которые позволяют учесть специфику предмета исследования. Следует проанализировать специальные источники законодательства в области безопасности туризма.

ФЗ от 24.11.1996 №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» определяет понятие «безопасность туризма» [15], регламентирует правовой статус субъектов деятельности в области обеспечения безопасности туризма (ст. 14), указывает силы и средства, которые призваны обеспечить безопасность (специализированные службы по обеспечению безопасности туристов), определяет способы обеспечения этой безопасности (страхование на случай болезни, страхование гражданской ответственности субъектов туристской деятельности) ст. 17).

Закон к числу основных обязанностей участников туристской деятельности в области обеспечения безопасности относит следующие: уполномоченного органа исполнительной власти в области туризма – информирование субъектов туристической деятельности о потенциальных и действительных угрозах безопасности туристов в стране пребывания; спецслужб по обеспечению безопасности туризма (служб МЧС РФ) – оказание должной помощи туристам, которые терпят бедствие на территории России; иных уполномоченных органов власти РФ – при возникновении ЧС принимать меры по обеспечению прав и законных интересов туристов за пределами России, включая возможные меры по их эвакуации из страны пребывания; оказывать содействие в свободе передвижения; региональных органов государственной власти – осуществлять сертификацию организаций, которые проводят деятельность в области классификации объектов туристической индустрии; муниципальных органов – организовывать свободный доступ туристов к соответствующим объектам местного значения, с учетом действующих ограничительных мер, оказывать правовую и иные категории неотложной помощи, предоставлять доступ к средствам связи; туроператоров (турагентов) – обеспечивать условия для личной безопасности туристов, сохранности их имущества, получения скорой медицинской помощи; компенсировать возможные убытки, возникшие вследствие невыполнения условий договора об оказании туристских услуг; исчерпывающим образом информировать туристов о характере избранного ими туристического маршрута, об опасностях, с которыми туристы могут столкнуться во время путешествия и реализовывать предупредительные меры по обеспечению их безопасности, уведомлять туристов о правилах и условиях безопасного использования турпродукта; также субъекты туристической индустрии обязаны предоставлять туристам гарантии оплаты медицинской помощи (включая страхование на случай внезапного заболевания, страхование туристов от несчастных случаев); согласно Закону о туристской деятельности [15] туроператоры, осуществляющие деятельность в сфере выездного туризма, обязаны быть членами объединения туроператоров в сфере выездного туризма. Статус такого объединения Распоряжением Правительства РФ от 19 ноября 2012 года № 2130-р присвоен ассоциации «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма «Турпомощь»» [39]. Основная цель ассоциации оказание экстренной помощи туристам в случае невозможности исполнения, неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств туроператором.

Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 901 (в редакции от 26 октября 2021 г.) утверждено Положение о Федеральном агентстве по туризму [40], согласно которому Ростуризм в области безопасности реализует функцию по

формированию и ведению единого федерального реестра туроператоров и по информированию в установленном порядке туроператоров, турагентов и туристов об угрозе безопасности туристов в стране (месте) временного пребывания.

Постановлением Правительства РФ от 24 января 1998 г. № 83 «О специализированных службах по обеспечению безопасности туристов» предписывалось «осуществлять специализированными службами Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, входящими в состав сил постоянной готовности федерального уровня единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, необходимой помощи туристам, терпящим бедствие в пределах территории РФ, согласно перечню, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. №1007 «О силах и средствах единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»»[41].

В итоге стратегической целью нормативно-правового регулирования безопасности туризма «является достижение сферой туризма такого уровня защищенности, который, с одной стороны, позволит обеспечить устойчивый рост внутреннего и международного туристского обмена посредством оказания гражданам качественных, доступных и безопасных услуг, а с другой стороны, будет способствовать укреплению национальной безопасности, развитию Российской Федерации на основе концепции устойчивого развития» [42].

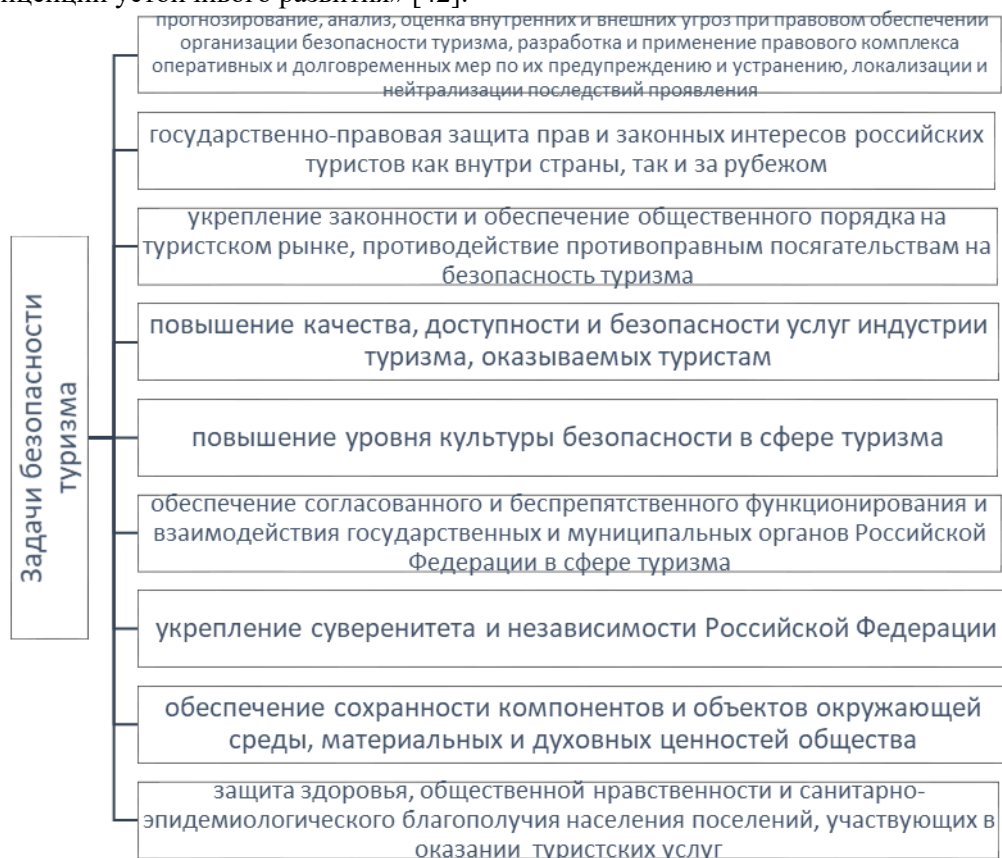

Рис. 1. Задачи нормативно-правового регулирования безопасности туризма

Источник: составлено авторами на основе [42]

Выводы. Нормативно-правовую основу безопасности туризма составляет совокупность федеральных законов, Указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, иных нормативных правовых актов федерального уровня и субъектов Российской Федерации, которые регламентируют общественные отношения между туристами, турагентами и туроператорами, другими субъектами сферы туризма, а также органами государственной власти по вопросу обеспечения безопасности туризма.

Анализ изученного законодательства позволяет прийти к следующим выводам: нормативно-правовое урегулирование обеспечения безопасности туризма, относится к совместной компетенции федеральных и региональных органов публичной власти (ст. 2 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [15], ст. 6 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» [16]); по вопросу обеспечения безопасности туристов, сохранности их имущества базой полномочий субъектов Российской Федерации выступают положения статьи 72 Конституции РФ [38], которые относят к предметам совместного ведения сферы защиты прав и свобод человека и гражданина; обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности; режима пограничных зон (п. «б» ч. 1); вопросы здравоохранения (п. «ж» ч. 1) и административного законодательства (п. «к»); региональные власти не вправе принимать нормативные акты по вопросам безопасности государства, поскольку указанная сфера входит в исключительную компетенцию федеральных властей (п. «м» ст. 71 Конституции РФ [38]).

Список литературы:

1. Русецкая Э. А. Страхование в Системе Экономической Безопасности России: Монография. Директ-Медиа, 2014. – 171 с.
2. Попова, П. Л. Личное и имущественное страхование / П. Л. Попова. – Москва : Лаборатория книги, 2010. – 35 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=97171> (дата обращения: 12.12.2022). – Текст : электронный/
3. Логвинова, И. Л. Обязательное государственное личное страхование в Российской Федерации: варианты развития. Страховое Дело. – 2021. - №12. – С. 39–47.
4. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере страхования : монография / В. Д. Ларичев. - Москва : Юрлитинформ, 2021. - 148 с.
5. Публичное медицинское право : учебное пособие / Е. Б. Лупарев, Е. В. Епифанова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет, Благотворительный фонд Владимира Потанина. - Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. - 191 с.
6. Правовые основы медицинского страхования [Текст] : учебное пособие / О. А. Цыганова, И. В. Ившин ; Министерство здравоохранения Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. - Архангельск : Издательство Северного государственного медицинского университета, 2019. - 230 с.
7. Зобова Елена Валерьевна, Яковлева Лариса Анатольевна, Шевяков Александр Юрьевич Страхование туристских рисков в России // Социально-экономические явления и процессы. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-turistskih-riskov-v-rossii> (дата обращения: 12.12.2022).
8. Адамова Румина Абдурахмановна Особенности страхования в туризме // УЭПС. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strahovaniya-v-turizme> (дата обращения: 12.12.2022).
9. Колесникова Т.В. Страхование и индустрия туризма: точки соприкосновения // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. №3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-i-industriya-turizma-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения: 12.12.2022).

10. Писаревский Е. Л. Актуальные вопросы совершенствования законодательства в области обеспечения личной безопасности туристов // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-v-oblasti-obespecheniya-lichnoy-bezopasnosti-turistov> (дата обращения: 10.01.2023).
11. Завьялова С.В. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью туриста: дискуссионные вопросы // Наука и современность. 2014. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmesczenie-vreda-prichinennogo-zhizni-i-zdorovyu-turista-diskussionnye-voprosy> (дата обращения: 10.01.2023).
12. Дорина В.В. Направления развития международно-правового сотрудничества Республики Беларусь в сфере охраны здоровья // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-razvitiya-mezhdunarodno-pravovogo-sotrudnichestva-respubliki-belarus-v-sfere-ohrany-zdorovya> (дата обращения: 10.01.2023).
13. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1997 г., №51, ст. 5712.
14. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., №23, ст. 2277.
15. Федеральный закон от 24 ноября 1996 года №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 декабря 1996 г. №49 ст. 5491.
16. Федеральный закон от 28 декабря 2010 года №390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. №1 ст. 2
17. Федеральный закон от 22 июля 2008 года №123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. №30 (часть I) ст. 3579.
18. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. №27 (часть II) ст. 5351.
19. Указ Президента РФ от 2 ноября 1994 года № 2058 «О мерах в случае возникновения чрезвычайных ситуаций для деятельности заграничных учреждений Российской Федерации и российских граждан, находящихся за рубежом» // Собрании законодательства Российской Федерации от 7 ноября 1994 г. №28 ст. 2971.
20. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., №15, ст. 1572.
21. Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 года № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 мая 2007 г. №22 ст. 2640
22. Постановление Правительства РФ от 7 октября 2020 года №1614 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах» // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 октября 2020 г. №42 (часть II) ст. 6581.
23. Постановление Правительства РФ от 16 сентября 2020 года №1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации»
24. Приказ Минтранса России от 30 апреля 2021 года №145 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности перевозок автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» // "Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 31 мая 2021 г. №0001202105310024.
25. Приказ МЧС России от 25 октября 2004 года №484 «Об утверждении типового паспорта безопасности территорий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 29 ноября 2004 г. №48.
26. Закон Республики Крым от 14 августа 2014 года № 51-ЗРК «О туристской деятельности в Республике Крым» // "Крымские известия", N 166(5577), 20.08.2014.
27. Федеральный закон от 9 февраля 2007 года №16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 февраля 2007 г. N 7 ст. 837.
28. Руководящие принципы ООН для защиты интересов потребителей // официальная публикация https://www.un.org/esa/sustdev/publications/consumption_ru.pdf
29. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // официальная публикация <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights>
30. Инициатива «Группы восьми» по безопасному и упрощенному порядку международных поездок (SAFTI) (Си-Айленд, 11 июня 2004 года) // Московский журнал международного права. - №4. - 2004.
31. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах территории Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 12 августа 1993 г., №32, ст.1227.

32. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июля 2002 г. №26 ст. 2519.
33. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 1995 г., №17, ст.1462
34. Федеральный закон от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 апреля 1995 г. №15 ст. 1269.
35. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. №11 ст. 1146.
36. Постановление Правительства РФ от 1 октября 1998 года № 1142 (в редакции Постановления Правительства РФ от 7 ноября 2015 года) «О реализации норм Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию», которым было утверждено «Положение об оказании помощи по страховым случаям гражданам Российской Федерации, находящимся на территории иностранного государства» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. №46 ст. 6390.
37. Постановление Совета Министров Республики Крым от 29 декабря 2016 года №650 «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03.01.2017.
38. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., №0001202210060013.
39. *Распоряжение Правительства РФ от 19 ноября 2012 г. №2130-р* «О присвоении ассоциации "Объединение туроператоров в сфере выездного туризма "ТУРПОМОЩЬ" статуса объединения туроператоров в сфере выездного туризма» // Собрание законодательства РФ. -2012.- № 48. - Ст. 6724.
40. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 года № 901 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по туризму» (с изменениями на 24 августа 2022 года) (утратило силу с 10.11.2022 на основании постановления Правительства Российской Федерации от 02.11.2022 №1958) // Собрание законодательства Российской Федерации №2, 10.01.2005, ст.159.
41. Постановление Правительства РФ от 24.01.1998 №83 (ред. от 28.01.2020) "О специализированных службах по обеспечению безопасности туристов" [Электронный ресурс] // Консультант Плюс URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts> (дата обращения: 10.12.2022).
42. Концепция доктрины обеспечения безопасности туризма в Российской Федерации (Писаревский Е.Л.) //Туризм: право и экономика. - 2012. - №1 <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=9WnZCQ&base=CJI&n=61790#STFrzDTTTBb8lJbA> (дата обращения: 09.12.2022).

Druzin R. V., Fedulicheva E. A. Legal basis for the organization of safety in tourism // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 8-17.

The article deals with the issues of legal regulation of the organization of security in tourism, classifies the sources of regulatory legal acts in the field of organization of security in tourism according to different classification criteria, identifies special sources of legislation in the field of tourism security, considers the role of the association "Association of tour operators in the field of outbound tourism" Turpomoshch in the regulation of the organization of security in tourism, the tasks of legal regulation of tourism security have been studied.

Key words: tourism safety, tourist activity, tourist service, organization of safety in tourism.

Spisok literatury:

1. Ruseckaya E. A. Strahovanie v Sisteme Ekonomicheskoy Bezopasnosti Rossii: Monografiya. Direkt-Media, 2014. – 171 s.
2. Popova, P. L. Lichnoe i imushchestvennoe strahovanie / P. L. Popova. – Moskva : Laboratoriya knigi, 2010. – 35 s. – Rezhim dostupa: po podpiske. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=97171> (data obrashcheniya: 12.12.2022). – Tekst : elektronnyj/
3. Logvinova, I. L. Obyazatel'noe gosudarstvennoe lichnoe strahovanie v Rossijskoj Federacii: varianty razvitiya. Strahovoe Delo. – 2021. - №12. – S. 39–47.
4. Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym v sfere strahovaniya : monografiya / V. D. Larichev. - Moskva : YUrlitinform, 2021. - 148 s.
5. Publichnoe medicinskoe pravo : uchebnoe posobie / E. B. Luparev, E. V. Epifanova ; Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Kubanskij gosudarstvennyj universitet, Blagotvoritel'nyj fond Vladimira Potanina. - Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2021. - 191 s.
6. Pravovye osnovy medicinskogo strahovaniya [Tekst] : uchebnoe posobie / O. A. Cyganova, I. V. Ivshin ; Ministerstvo zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Svernnyj gosudarstvennyj medicinskij universitet» Minis-

- terstva zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii. - Arhangel'sk : Izdatel'stvo Severnogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta, 2019. - 230 s.
7. Zobova Elena Valer'evna, YAKovleva Larisa Anatol'evna, SHevyakov Aleksandr YU'evich Strahovanie turisticheskikh riskov v Rossii // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-turistskih-riskov-v-rossii> (data obrashcheniya: 12.12.2022).
 8. Adamova Rumina Abdurahmanovna Osobennosti strahovaniya v turizme // UEPS. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strahovaniya-v-turizme> (data obrashcheniya: 12.12.2022).
 9. Kolesnikova T.V. Strahovanie i industriya turizma: tochki soprikosnoveniya // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta. 2018. №3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-i-industriya-turizma-tochki-soprikosnoveniya> (data obrashcheniya: 12.12.2022).
 10. Pisarevskij E. L. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya lichnoj bezopasnosti turistov // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-sovershenstvovaniya-zakonodatel'stva-v-oblasti-obespecheniya-lichnoj-bezopasnosti-turistov> (data obrashcheniya: 10.01.2023).
 11. Zav'yalova S.V. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu turista: diskussionnye voprosy // Nauka i sovremennost'. 2014. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeshchenie-vreda-prichinennogo-zhizni-i-zdorov'yu-turista-diskussionnye-voprosy> (data obrashcheniya: 10.01.2023).
 12. Dorina V.V. Napravleniya razvitiya mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva Respubliki Belarus' v sfere ohrany zdorov'ya // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-razvitiya-mezhdunarodno-pravovogo-sotrudnichestva-respubliki-belarus-v-sfere-ohrany-zdorov'ya> (data obrashcheniya: 10.01.2023).
 13. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 17.12.1997 № 2-FKZ «O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 1997 g., №51, st. 5712.
 14. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.05.2001 goda № 3-FKZ «O chrezvychajnom polozenii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 2001 g., №23, st. 2277.
 15. Federal'nyj zakon ot 24 noyabrya 1996 goda №132-FZ «Ob osnovah turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 2 dekabrya 1996 g. №49 st. 5491.
 16. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2010 goda №390-FZ «O bezopasnosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 yanvarya 2011 g. №1 st. 2
 17. Federal'nyj zakon ot 22 iyulya 2008 goda №123-FZ «Tekhnicheskij reglament o trebovaniyah pozharnoj bezopasnosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyulya 2008 g. №30 (chast' I) st. 3579.
 18. Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 goda № 400 «O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 iyulya 2021 g. №27 (chast' II) st. 5351.
 19. Ukaz Prezidenta RF ot 2 noyabrya 1994 goda № 2058 «O merah v sluchae vzniknoveniya chrezvychajnykh situacij dlya deyatel'nosti zagranuchrezhdenij Rossijskoj Federacii i rossijskikh grazhdan, nahodyashchih'sya za rubezhom» // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 7 noyabrya 1994 g. №28 st. 2971.
 20. Ukaz Prezidenta RF ot 01.04.1996 № 440 «O koncepcii perekhoda Rossijskoj Federacii k ustojchivomu razvitiyu» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 1996 g., №15 , st. 1572.
 21. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21 maya 2007 goda № 304 «O klassifikacii chrezvychajnykh situacij prirodnoho i tekhnogennogo haraktera» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 maya 2007 g. №22 st. 2640
 22. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 oktyabrya 2020 goda №1614 «Ob utverzhdenii Pravil pozharnoj bezopasnosti v lesah» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 19 oktyabrya 2020 g. №42 (chast' II) st. 6581.
 23. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 sentyabrya 2020 goda №1479 «Ob utverzhdenii Pravil protivopozharnogo rezhima v Rossijskoj Federacii»
 24. Prikaz Mintransa Rossii ot 30 aprelya 2021 goda №145 «Ob utverzhdenii Pravil obespecheniya bezopasnosti perevozok avtomobil'nym transportom i gorodskim nazemnym elektricheskim transportom» // "Oficial'nyj internet-portale pravovoj informacii" (www.pravo.gov.ru) 31 maya 2021 g. №0001202105310024.
 25. Prikaz MCHS Rossii ot 25 oktyabrya 2004 goda №484 «Ob utverzhdenii tipovogo pasporta bezopasnosti territorij sub"ektov Rossijskoj Federacii i municipal'nykh obrazovaniy» // Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noj vlasti ot 29 noyabrya 2004 g. №48.
 26. Zakon Respubliki Krym ot 14 avgusta 2014 goda № 51-ZRK «O turistskoj deyatel'nosti v Respublike Krym» // "Krymskie izvestiya", N 166(5577), 20.08.2014.
 27. Federal'nyj zakon ot 9 fevralya 2007 goda №16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 12 fevralya 2007 g. N 7 st. 837.
 28. Rukovodyashchie principy OON dlya zashchity interesov potrebitelej // oficial'naya publikaciya https://www.un.org/esa/sustdev/publications/consumption_ru.pdf
 29. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, social'nykh i kul'turnykh pravah // oficial'naya publikaciya <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights>

30. Inicijativa «Gruppy vos'mi» no bezopasnomu i uproshchennomu poryadku mezhdunarodnyh poezdok (SAFTI) (Si-Ajlend, 11 iyunya 2004 goda) // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. - №4. - 2004.
31. Zakon Rossijskoj Federacii ot 25 iyunya 1993 goda № 5242-1 «O prave grazhdan Rossijskoj Federacii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelah territorii Rossijskoj Federacii» // Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 12 avgusta 1993 g., №32, st.1227.
32. Federal'nyj zakon ot 25 iyunya 2002 goda № 73-FZ «Ob ob"ektah kul'turnogo naslediya (pamyatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 1 iyulya 2002 g. №26 st. 2519.
33. Federal'nyj zakon ot 24 aprelya 1995 goda № 52-FZ «O zhivotnom mire» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 aprelya 1995 g., №17, st.1462
34. Federal'nyj zakon ot 3 aprelya 1995 goda № 40-FZ «O federal'noj sluzhbe bezopasnosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 10 aprelya 1995 g. №15 st. 1269.
35. Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 goda № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 marta 2006 g. №11 st. 1146.
36. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 oktyabrya 1998 goda № 1142 (v redakcii Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 7 noyabrya 2015 goda) «O realizacii norm Federal'nogo zakona «O poryadke vyezda iz Rossijskoj Federacii i poryadke v"yezda v Rossijskuyu Federaciyu», kotorym bylo utverzhdeno «Polozhenie ob okazanii pomoshchi po strahovym sluchayam grazhdanam Rossijskoj Federacii, nahodyashchimsya na territorii inostrannogo gosudarstva» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 16 noyabrya 2015 g. №46 st. 6390.
37. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 29 dekabrya 2016 goda №650 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 03.01.2017.
38. Konstituciya Rossijskoj Federacii // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii (www.pravo.gov.ru), 6 oktyabrya 2022 g., №0001202210060013.
39. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19 noyabrya 2012 g. №2130-r «O prisvoenii asociacii "Ob"edinenie turoperatorov v sfere vyezdnoho turizma "TURPOMOSHCH" statusa ob"edineniya turoperatorov v sfere vyezdnoho turizma» // Sobranie zakonodatel'stva RF. -2012.- № 48. - St. 6724.
40. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 dekabrya 2004 goda № 901 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Federal'nom agentstve po turizmu» (s izmeneniyami na 24 avgusta 2022 goda) (utratilo silu s 10.11.2022 na osnovanii postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 02.11.2022 №1958) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii №2, 10.01.2005, st.159.
41. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.01.1998 №83 (red. ot 28.01.2020) "O specializirovannyh sluzhbah po obespecheniyu bezopasnosti turistov" [Elektronnyj resurs] // Konsul'tant Plyus URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts> (data obrashcheniya: 10.12.2022).
42. Konceptsiya doktriny obespecheniya bezopasnosti turizma v Rossijskoj Federacii (Pisarevskij E.L.) //Turizm: pravo i ekonomika. - 2012. - №1 <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=9WnZCQ&base=CJI&n=61790#STFrzDTTb8lJbA> (data obrashcheniya: 09.12.2022).

УДК 342.1

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ НАРОДА КАК СУБЪЕКТА ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Залоило М. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статьей актуализируется проблема определения сущности народа как субъекта права на самоопределение, и его основных характеристик. В ходе изучения вопроса рассматриваются подходы отечественных и зарубежных ученых к сущности определения «народ», а также осуществляется анализ основных характеристик вышеуказанного понятия. В работе, автором осуществлен анализ международно-правовых актов, в которых отражено право народов на самоопределение, а также было исследовано законодательства Российской Федерации. Автором рассмотрено историческое становление и развитие международного принципа для народов – права на самоопределение, а также приведены примеры реализации народом права на самоопределение в Каталонии, Южном Судане, Косово и Республике Крым.

Сделан вывод о необходимости дальнейшего комплексного исследования термина «народ», его официальном закреплении и единообразном толковании в отечественном и международном законодательстве.

Ключевые слова: право народа, самоопределение, международный принцип, сецессия, независимость, автономия, деколонизация, политический статус, форма реализации, народное единство.

Право народа на самоопределение в настоящее время является остроактуальным и необходимым принципом международного права, учитывая экономическую и геополитическую ситуацию в мире. Реализация народом права на самоопределение может выступать в качестве возможности урегулирования конфликтных ситуаций, пресечения насилия и дискриминации, возможности повысить свои экономические показатели. В целом право народа на самоопределение имеет природу естественного права, и подразумевает под собой новые возможности на определение и установление своего статуса, а также повышение уровня жизни определенной социальной группы.

Право народа на самоопределение является неотъемлемым правом, которое охраняется и закрепляется государством. В Конституции Российской Федерации (далее Конституция РФ) в преамбуле закрепляется что «многонациональный народ Российской Федерации» является субъектом принятия основного закона [1]. Согласно ч.1 ст. 3 Конституции РФ народ выступает носителем суверенитета и единственным источником власти. В целом Федеральное устройство Российской Федерации основано на принципе равноправия и самоопределения народов, что прямо отражается ч. 3 ст. 5 Конституции РФ [1].

Данный признак отражает в первую очередь демократический характер государства. Отражение в тексте Конституции РФ основополагающего признака международного права имеет важное практическое значение. Российский ученый-правовед Лукашук И. И., проводя анализ положений декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, акцентирует внимание на

том, что при реализации основополагающего принципа права народа на самоопределение берется во внимание территориальная целостность только тех государств, которые соблюдают и закрепляют право народа на самоопределение, которые вследствие этого имеют официальное представительство в виде правительства, которые выражают мнение народа, без различия расы или вероисповедания [2].

В Конституции РФ права и свободы человека являются высшей ценностью для государства. Указание в тексте конституции термина «человек», а не «гражданин РФ» дает понимание того, что для Российской Федерации высшей ценностью выступают права всех граждан, в том числе и граждан других государств, и/или лиц без гражданства, вне зависимости от расы, пола, языка или вероисповедания [1].

Первое упоминание термина «самоопределение» было высказано на Берлинском конгрессе в 1878 году, однако данное понятие звучало в контексте «права наций», а не народов [3]. Первая мировая война послужила рычагом распада европейской системы, в результате чего понятие «самоопределение» получило международное поручительство. В дальнейшем данное положение послужило основанием к принятию и признанию права народа на самоопределение в международных документах, и в дальнейшем в конституциях государств.

Неоценимый вклад в развитие права народа на самоопределение внес В. И. Ленин, который в своих трудах акцентировал внимание на политическую значимость понятия «права народа на самоопределение» [4].

Также необходимо отметить активное участие Советского Союза в развитие права народа на самоопределение. «Декрет о мире», принятый на втором Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 г., представляет собой один из первых документов, в котором акцентируется внимание на необходимости предоставления народам: «право свободным голосованием при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования» [5]. Советский дипломат Г.В. Чичерин считал, что СССР должен способствовать введению на международную арену всех угнетенных народов. Также он отмечал, что за любым народом должно быть закреплено право на отделение и право на независимость. Основной целью введения, признания и закрепления права народа на самоопределение, по мнению Г.В. Чичерина является предоставление всем народам без исключения, вне зависимости от экономического, политического или территориального статуса, права быть равными с другими народами. В своем письме В. И. Ленину, Г.В. Чичерин отметил что: «Новизна нашей международной схемы должна заключаться в том, чтобы негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях и имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь» [4].

Каграманов А.К., изучая вопрос развития идеи права народа на самоопределение, выделял подход В.И. Ленина, который заключался в том, что право на самоопределение само по себе не является конечной целью [3]. Данное право в первую очередь подразумевает под собой просто один из способов социально-экономического и культурного развития народа. Также В.И. Ленин говорил о том, что право на самоопределение должно быть доступно каждой нации, вне

зависимости от численности или экономической развитости, однако степень развития народа в экономике должна влиять на форму государственного устройства [4].

Дальнейшие изменения политической ситуации в мире связаны с окончанием Второй мировой войны и образованием Организации Объединенных Наций, которая официально закрепила и провозгласила основополагающие принципы международного права, в число которых вошло право народа на самоопределение.

Принцип самоопределения народа закреплен в ст. 1 и ст. 55 ООН, как один из базовых принципов, с помощью которого достигается одна из главных целей организации – укрепление всеобщего мира и развития дружественных отношений между нациями [6]. Однако Устав ООН не дает широкого толкования вышеуказанного понятия. Более детально право народа на самоопределение раскрывается в Международном пакте о гражданских и политических правах принятом 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (далее – Международный пакт о гражданских и политических правах). Статья 1 вышеуказанного закона закрепляет, что право народа на самоопределение является неотъемлемой частью любого народа, смысл которого закреплен, в том числе в возможности самостоятельного выбора своего политического статуса [7].

Законодательное закрепление и толкование термина политического статуса народа, как в национальном, так и в международном праве, отсутствует. Частичное разъяснение понятия политического статуса трактуется в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (далее – Декларация о принципах международного права) [8].

С целью более глубокого и детального изучения вышеуказанного вопроса, в первую очередь необходимо определить понятие «народ», поскольку отсутствие единого толкования данного определения на практике порождает большое количество противоречий.

Обращаясь ко мнениям ученых в данном вопросе можно прийти к выводу, что понятие «народ» является собирательным, и каждый исследователь, толкуя данное определение, наделяет его определенным качественным признаком. Так, согласно политическому глоссарию под редакцией И.С. Шегалева и А.Г. Полозова – народ в понимании конституционного права представляет пред собой население определенной страны, выступающее как носитель власти в государстве [9].

В данном толковании можно выделить больше территориальный признак, поскольку в определении четко отражается территориальное ограничение в виде определенного государства. Для сравнения предлагаем проанализировать толкование схожего к понятию определения «народ», а именно дать толкование понятию «нации».

Понятие нации толкуется И.С. Шагаевым и А.Г. Полозовым более широко. Нация представляет собой общность людей, исторически сложившуюся на основе единства происхождения, культуры. В структуре данного понятия авторы подчеркивают связь этническую в виде происхождения, языка и культуры со связью социальной, которая выражается в единой экономической жизни, развитых коммуникациях и групповой идентификации [9].

Понятие нации в данном контексте имеет широкое значение в сравнении с толкованием определения «народа», однако, по нашему мнению, использование его в рамках толкования понятия права народа на самоопределение является некорректным, поскольку понятие «нации» является слишком обширным, содержащим большое количество необходимых характеристик.

Следует также обратить внимание на мнение П. Торнбери и О. Журека, которые ссылаются на разъяснения Секретариатов международных конференций. П. Торнбери отмечает, что термин «народ» имеет закрепление в разъяснениях Секретариата конференции, согласно которому понятие «народ» определяется как группа людей, которые могут составлять (или не составлять) государство или нацию [10].

Говоря о мнении О. Журека, который подкрепляет свою позицию ссылкой на Международную комиссию юристов организованную в связи с рассмотрением вопросов в Восточном Пакистане, необходимо подчеркнуть, что понятие «народ», согласно мнения вышеуказанного автора, включает в себя общность истории, расовые и этнические, культурные и языковые, религиозные и идеологические связи, общее географическое местоположение, общая численность данного образования [11].

Данные понятия имеют под собой правовую рекомендацию того научного сообщества, в рамках которого они рассматривались.

Однако нельзя не согласиться с тем, что трактовка вышеуказанных авторов является слишком широкой, и её практическое применение в национальном и международном законодательстве может вызвать более масштабные дискуссии, чем полное отсутствие толкования понятия «народ».

Определение О. Журека, напротив дает к пониманию достаточно обширное количество признаков, которым должны соответствовать индивиды, в том числе: территориальное; идеологическое единство; религиозное единство; языковое и культурное единство; общее историческое происхождение; общие расовые и этнические связи [11].

Нельзя не согласиться, что данные признаки имеют и научную и политическую обоснованность, однако мы считаем, что единство всех вышеуказанных характеристик в практическом применении будет являться крайне затруднительным, а трактовка данных положений в отрыве друг от друга или в выборочном формате будет являться некорректной и некомпетентной.

Следует отметить мнение испанского исследователя Л. Диаза, который к характеристикам понятия «народ» относил такие критерии как: единые исторические традиции; единый язык; единая религия; самоидентификация в качестве отдельной культурной группы; традиционная связь с территорией [12].

По нашему мнению, данный перечень не является обоснованным с практической и с теоретической точки зрения. Однако следует подчеркнуть пункт о традиционной связи с территорией, являющийся с практической точки зрения грамотно и обоснованно подобранным. Внесение в понятие «народ» характеристик единой религии, языка и исторических традиций не является, по нашему мнению, верным, поскольку, к примеру, в рамках одного народа может существовать закрепление нескольких языков и религий. А приобщение народа к единой религии, языку или

культурным традициям является прямым нарушением и конституционных и международных прав человека.

И.А. Умнов определил «народ» как общность, объединенную территорией проживания, и способную быть субъектом права. Данная характеристика, конечно, подчеркивает самый необходимый, по нашему мнению, характерный признак понятия «народ» - территория. Однако наличие только территориального признака не дает полного толкования данного понятия. Тем более, автор подчеркнул в определении именно территорию проживания. Данная трактовка дает слишком широкий спектр определения данного вопроса, и не затрагивает, даже в рамках территориального признака понимания исторической привязки к территории, основания проживания на данной территории, и в целом понимания понятия «территории» [13].

Эстонский правовед Р.А. Мюллерсон напротив, утверждал, что этническая общность является единственным критерием, с помощью которого право на самоопределение наполняется реальным содержанием, поскольку как бы ни были условны этнические границы, они все же имеют более объективный (стабильный) характер, чем, скажем, границы административные [14].

С данным определением можно согласиться, поскольку именно этнический признак дает тот отличительный признак, с помощью которого можно реально отличить или выделить этническую группу. Однако, по нашему мнению, одного этнического признака недостаточно для трактовки права народа на самоопределение.

Также необходимо отметить критерии, выделенные российским правоведом С.В. Черниченко, согласно которому определение народа должно включать в себя такие признаки как: географическая общность проживания; экономическая целостность; социальная целостность; общность культуры и осознание этого [15].

По нашему мнению, толкование понятия «народ» А. Кристеска, является универсальным, и весьма удачным с теоретической точки зрения. Согласно его трактовке вышеуказанного определения, народ является в первую очередь субъектом как национального, так и международного права, который имеет возможность реализовать свое место в правовом и политическом пространстве. Совокупность таких факторов как: социальная общность; территориальная принадлежность; обладание определенными признаками, позволяющими отделить понятие народ от других социальных групп [16].

Стоит также отметить иное мнение, высказанное вице-председателем Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам – Абашидзе А.Х., который допускал применение права на самоопределение для меньшинств, в частности национальных, только в случае наступления чрезвычайных ситуаций, а именно систематическое и массовое нарушение законных прав вышеуказанной категории граждан [17].

Анализируя вышеуказанные позиции ученых, можно прийти к выводу, что понятие народ, имеет определенную структуру и определенное количество составляющих, с помощью которых выделяются необходимые в правовом и политическом поле критерии, с помощью которых возможно разграничить понятие «народ» как социальной группы с иной общностью. Данные отличия имеют особенную практическую значимость, поскольку как в национальном, так и в

международном законодательстве разграничения определений несут за собой иные правовые постулаты для каждой социальной группы.

Возвращаясь к толкованию определения «народ», необходимо отметить труды ученых, отраженные в итоговом докладе Конференции ЮНЕСКО. Согласно положениям, вышеуказанного документа, понятие «народ», подразумевает под собой такие критерии, как: группа, обладающая многими или всеми следующими характеристиками - общими историческими традициями, расовой или этнической общностью, культурной однородностью, языковой общностью, территориальными связями, общей экономической жизнью; группа не должна обязательно иметь значительную численность, но должна представлять нечто большее, чем простое объединение индивидов; группа должна иметь самосознание народа (хотя, обладая указанными выше характеристиками, группа может и не иметь такого самосознания); группа должна иметь учреждения и другие средства для проявления своих характеристик и своего стремления к общности.

Анализируя данные положения, необходимо отметить, что указанные характеристики имеют свою историческую и юридическую значимость, однако вызывает сложность в трактовании и понимании о количественной численности «народа» [18].

Положение о том, что группа «не должна обязательно иметь значительную численность» является обоснованным, поскольку народы в мировом рассмотрении их численности имеют разительные отличия друг от друга, что может быть связано как с политическими факторами, так и с историческими или экологическими.

Однако возникает вопрос, в случае если народ является малочисленным, будет ли он являться «народом» с юридической точки зрения или будет являться «меньшинством»? По нашему мнению, мировому сообществу необходимо, в первую очередь, внести ясность понятия народ, для проведения разграничения данного понятия с иными социальными группами. Поскольку именно точное определение статуса социальной группы дает возможность применения тех или иных норм как национального, так и международного законодательства.

Существующий в настоящее время пробел в трактовании понятия «народ» создает возможности для злоупотребления правом с одной стороны, и с другой стороны дает возможность мировому политическому сообществу вольность в признании или непризнании народов, изъявивших желание реализовать свое право на самоопределение.

Политическая двукость в отношении народов связана, в первую очередь, со сложной экономической ситуаций в мире, и также внутренними проблемами каждого государства. В целом, в настоящее время право народа на самоопределение в некоторых случаях выступает политическим инструментом, а не основополагающим принципом международного права, что полностью противоречит целям создания и закрепления вышеуказанного права.

Для устранения и пресечения злоупотребления политическими манипуляциями необходимо закрепить понятие народ, с расшифровкой всех необходимых характеристик данного понятия на государственном и международном уровне.

По нашему мнению, понятие «народ» содержит в себе в первую очередь совокупность таких признаков как: социальная общность людей; наличие одного языка, который может иметь доминирующее значение, в случае если в одном

народе сочетаются люди разной национальной принадлежности, владеющие иными языками; территориальная привязка, к которой относятся не только люди, родившиеся на определенной территории, но и имеющие историческую или культурную связь с данной территорией; историческая привязка социальной общности людей, и их взаимодействия друг с другом, то есть наличие и уважение сложившихся культурных и религиозных традиций; отсутствие статуса национального меньшинства.

Данные категории в совокупности своим дают понимание понятия «народ».

В целом, реализация права народа на самоопределение, имеет долгий исторический и практический характер становления, и по настоящее время является остроактуальным и дискуссионным вопросом не только национального, но и международного права.

Один из вариантов, с помощью которого стало бы возможно закрепление форм реализации права народа на самоопределение, был предложен профессором Ю.А. Решетовым. Он предложил своей проект Конвенции, в которой определил перечень форм, с помощью которых народы смогут реализовать свое право на самоопределение, а также обозначил круг субъектов, которые могут реализовать право самоопределения. Однако данный документ не нашел поддержки и дальнейшего законодательного развития [19].

Цели вышеуказанного проекта дублируют положения ООН с прямой ссылкой на устав, о том, что главной задачей предлагаемой конвенции о праве народов на самоопределение является развитие дружественных отношений, основанных на принципе уважения и равноправия народов на самоопределение. Ст. 4 проекта Конвенции о праве народов на самоопределение акцентирует внимание на том, что государства, изъявившие желание стать участниками вышеуказанной конвенции, должны создавать благоприятные условия, которые позволят гражданам, относящим себя к категории меньшинств, сохранить и развивать свою культуру, обычаи, традиции и язык [19]. Ст. 6 проекта Конвенции закрепляет формы самоопределения народов, а именно: национально-культурная автономия; национально-территориальная автономия; федерализм в различных его формах и проявлениях; конфедерализм [19].

Народ, реализующий свое право на самоопределение, путем создания суверенного государства или присоединения, или объединения с другим государством, должен подать прошение в международный орган, который будет согласован государствами-участниками, подписавшими конвенцию. Данный международный орган должен издать определенные рекомендации правительству, и только в случае невыполнения их правительством у народа имеется право на создание суверенного государства или возможность присоединения, или объединения с иным государством.

Данный проект с учетом доработок мог бы, выйдя на международный уровень, упорядочить процесс реализации права народа на самоопределение. Поскольку серьезная коллизия принципов международного права, может и не отражаться в национальном законодательстве, но играет большую роль при реализации внешних международных отношений, что в свою очередь отражается на экономическом уровне государства. По нашему мнению, при коллизии основополагающих принципов территориальной целостности или воли народа, перевес всегда должен

происходить в пользу социальной общности, то есть в пользу народа и его выбора. Человек, его права и свободы в XXI в. были и остаются высшей ценностью государства и мирового сообщества.

Вольное толкование определения «народ», а также отсутствие определённости и закреплённости форм реализации права народа на самоопределение создает практику признания или непризнания народов, реализовавших свое право на самоопределение, в зависимости от доминирующего положения некоторых государств в международно-правовом поле.

Можно привести в пример несколько ярких исторических событий связанных с реализацией права на самоопределение. Пример Каталонии, которая прошла долгий путь реализации своей независимости, официального признания и закрепления статуса каталонского языка, является очень интересным с правовой и исторической точки зрения.

Каталония, являясь одним из развитых промышленных районов Испании, с 11 сентября 1747 г. стремилась к признанию своей независимости. В 1996 г. союз Каталонской партии с партией «Эскерра» привел к принятию нового Автономного статута, в пользу принятия которого на референдуме 18 июня 2006 г. проголосовало 73,9 % граждан, с учетом 49,9 % зарегистрированных избирателей [20]. Решающее событие для истории становления автономии Каталонии можно считать референдум о независимости, который был проведен 1 октября 2017 г., в ходе которого, с учетом непростой политической ситуации и осуществления давления со стороны властей Испании, за выход Каталонии из состава Испании проголосовали 2044 человек [20]. Однако реализовать идею Каталонии как суверенного и независимого государства не удалось. Референдум, проведенный в 2017 г., в последующем не дал никаких результатов, так как власти Испании настояли на роспуске парламента и правительства Каталонии. В настоящее время Каталония является автономным образованием в составе Испании.

Ещё одним из примеров является Южный Судан. 9 июля 2011 г. Судан, являясь одним из крупнейших государств восточной Африки, был официально разделен на два государства: Республику Судан и Республику Южный Судан [21]. Разделение Судана на два независимых государства стало возможно после проведения референдума жителями Южной части государства, проголосовавшими за независимость Южного Судана. Данное право было реализовано с целью урегулирования вооруженного конфликта, длившегося на протяжении двадцати лет. Одним из ключевых моментов мирного соглашения, именуемого «Всеобъемлющим мирным соглашением», было предоставление народу Южного Судана права на самоопределение. Соглашение гарантирует жителям Южного Судана свободу выбора о предоставлении независимости и автономии Южного Судана или сохранении территориальной целостности государства Судан.

Одним из ярких примеров реализации народом права на самоопределение, который развил бурные научные дискуссии, не утихающие и в настоящее время, является самоопределение Крыма и Севастополя.

Мировое политическое сообщество неоднозначно отреагировало на данное событие и поставило вопрос о правомерности осуществления процедуры сепарации Автономной Республики Крым от Украины, и о конституционной правомерности принятия Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации

на правах новых субъектов Российской Федерации, в рамках реализации народом Крыма права на самоопределение.

Мнение мировой общественности по данному событию не было единым, что видно из итогов голосования за Резолюцию ГА ООН 68/262 «О территориальной целостности Украины» от 27 марта 2014 г. Из 193 стран – членов ООН 11 стран проголосовали против (Россия, Армения, Беларусь, Боливия, Венесуэла, Зимбабве, КНДР, Куба, Никарагуа, Сирия, Судан), 58 стран воздержались, 24 страны не голосовали [22]. По нашему мнению, вхождение Республики Крым и города Севастополя не нарушает нормы международного права. Некоторые ученые, говорят о том, что присоединение Крыма и Севастополя является аннексией. Однако, мы не согласны с данным утверждением, поскольку аннексия направлена, в первую очередь, на насильственное применение силы для присоединения территории или части территории к другому государству.

В отношении Крыма и Севастополя реакция мирового сообщества, и в особенности Международного суда показывает двуличное отношение.

Ярким примером, по нашему мнению, является сравнение решений международного суда в отношении одностороннего провозглашения независимости Косово, в результате которого понесены многочисленные человеческие потери, были разрушены исторические памятники и объекты культурного наследия. Однако решение Международного суда не нашло никаких противоречий нормам международного права, в отличие от проведения мирного референдума в Республике Крым, которое было признано Международным судом незаконным.

К сожалению, понимание принципов принятия международным судом решений о законности или незаконности реализации народом права на самоопределение остается открытым и неясным. Сравнительно-правовой анализ данных решений заставляет задуматься о компетенции и квалификации международного суда. Почему применение насилия, в том числе и террористических актов считается обоснованным, а проведение народом голосования, как возможность реализации своего права на самоопределение, аннексией? Данные вопросы требуют дальнейшего более глубокого изучения вопроса.

Вступление новых субъектов в состав Российской Федерации показывает, в первую очередь, что народы, чьи права дискредитируют и ущемляют, стремятся найти защиту и поддержку у более сильного государства. Политические события последних лет показывают, что честное мировое признание реализации народом своего права на самоопределение, к сожалению, невозможно в связи с многими факторами, в число которых входит и наличие коллизионных вопросов, и противоречий, пробелов в законодательстве, и отсутствие толкования и урегулирования процедуры и форм реализации права народа на самоопределение. Также нельзя не брать во внимание политическую сторону, которая в современном мире является более актуальной, чем соблюдение общечеловеческих принципов добросовестности и справедливости.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе всеобщего голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Лукашук, И.И. Международное право. Общая участь : учеб. Для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т. государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и дом. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 432 с. – Текст: непосредственный.
3. Каграманов А.К. К проекту Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации / Азер Каграманов. – Текст : электронный // Московский журнал международного права: [сайт]. – 2022. – № 2. – URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114>
4. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. - Москва : Госполитиздат, 1958-1965. - 21 см. Т. 45: Март 1922 - март 1923. Т. 45. - 1964. - XXII, 729 с., 3 л. ил., портр.: факс.
5. Декрет о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Документы внешней политики СССР. Том первый. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 11-14.
6. Устав Организации Объединенных Наций. / Действующее международное право. В 3-х томах. Составители: Ю.М. Колосов. Т.1. - М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. - 858 с.
7. О гражданских и политических правах : международный пакт от 16 декабря 1966 года / (Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 1994.
8. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Действующее международное право : офиц. текст. - Т. 1. - М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С. 65-73.
9. Шегаев И. С., Полозов А. Г. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины // И.С. Шегаев, А.Г. Полозов. – М. Издательство Перо, 2015. – 242 с. – Текст: непосредственный.
10. Thornberry, P. International Law and Minorities / P. Thornberry. — L., 1991. — P. 111.
11. Журек, О. Н. Самоопределение народов в международном праве / О. Н. Журек // Советское государство и право. — № 10, 1990. — С. 99. – Текст: непосредственный.
12. Diaz J.L. Minority rights. – URL: <http://www.javier-leon-diaz.com/id16.html>
13. Конституционные основы современного Российского Федерализма : учеб.-практ. пособие / И. А. Умнова. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : Дело, 2000. - 304 с. – Текст: непосредственный.
14. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. - Москва : Юрид. лит., 1991. – 156 с. – Текст: непосредственный
15. Черниченко С. В. Теория международного права : В 2-х т / С.В. Черниченко; Дипломат. акад. М-ва иностр. дел Рос. Федерации. - М. : НИМП, 1999. - 21 см – Текст: непосредственный
16. Cristescu A. The right to self-determination: historical and current development on the basis of United Nations instruments. – URL: <https://www.cetim.ch/legacy/en/documents/cristescu-rap-ang.pdf>
17. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ / Рос. Ун-т дружбы народов, Ин-т междунар. Права. М. : Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1997. 224 с. – Текст: непосредственный
18. International Meeting of Experts on Further Study of the Concept of the Rights of Peoples, convened by UNESCO. Paris 27-30 November 1989, SHS89/CONF.602/7. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000851/085152eo.pdf>
19. Конвенция о праве народов на самоопределение (Проект). Вступительный комментарий Ю.А. Решетова // Московский журнал международного права. – 2000;(3):417-419.
20. Кирсанова, Н. В. Каталонская автономия: история и перспективы развития / Н. В. Кирсанова // Регионы и центр: как строить отношения? Испанский вариант: материалы научной конференции (Институт Европы РАН, 23 апреля 2008 г.). Доклады Института Европы. – М., 2008. – № 216.
21. Deng Francis M. War of Visions: Conflict of Identities in the Southern Sudan. Washington, DC, 1995, p. 484
22. Правовой статус Республики Крым и города Севастополя: актуальные проблемы правового регулирования и реализации: монография / под общ. науч. ред. И.А. Умновой (Конюховой), Н.А. Фроловой. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 224 с. – Текст: непосредственный

Zaloilo M. A. Approaches to the determination of the essence of the people as a subject of the right to self-determination: theoretical and practical aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 18-28.

This article actualizes the problem of determining the essence of the people as a subject of the right to self-determination, and its main characteristics. In the course of studying the issue, the approaches of domestic and foreign scientists to the essence of the definition of "people" are considered, and the analysis of the main characteristics of the above concept is carried out. In the work, the author carried out an analysis of international legal acts, which reflect the right of peoples to self-determination, and also studied the legislation of the Russian Federation. The author considers the historical formation and development of the international principle for peoples - the right to self-determination, as well as examples of the implementation by the people of the

right to self-determination in Catalonia, South Sudan, Kosovo and the Republic of Crimea. The conclusion is made about the need for further comprehensive study of the term "people", its official consolidation and uniform interpretation in domestic and international legislation.

Key words: people's right, self-determination, international principle, secession, independence, autonomy, decolonization, political status, form of implementation, national unity.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyataya vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode vseobshchego golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Lukashuk, I.I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya uchast'* : ucheb. Dlya studentov yurid. fak. i vuzov / I.I. Lukashuk; Ros. akad. nauk, In-t. gosudarstva i prava, Akadem. pravovoj un-t. – Izd. 3-e, pererab. i dom. – M. : Volters Kluver, 2005. – 432 s. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Kagramanov A.K. K proektu Deklaracii o prave narodov na samoopredelenie i formah ego realizacii / Azer Kagramanov. – Tekst : elektronnyj // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*: [sajt]. – 2022. – № 2. – URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114> (data obrashcheniya: 27.02.2023)
4. Polnoe sobranie sochinenij / In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. - 5-e izd. - Moskva : Gospolitizdat, 1958-1965. - 21 sm. T. 45: Mart 1922 - mart 1923. T. 45. - 1964. - XXII, 729 s., 3 l. il., portr.: faks.
5. Dekret o mire. 26 oktyabrya (8 noyabrya) 1917 g. // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. Tom pervyj.* – M.: Gospolitizdat, 1957. – S. 11-14.
6. *Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij. / Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo. V 3-h tomah. Sostaviteli: YU.M. Kolosov. T.1.* - M.: Izdatel'stvo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava, 1996. - 858 s.
7. *O grazhdanskikh i politicheskikh pravah : mezhdunarodnyj pakt ot 16 dekabrya 1966 goda / (Rezolyuciya 2200 A (XXI) General'noj Assamblei OON) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF, 1994.*
8. Deklaraciya o principah mezhdunarodnogo prava, kasayushchihsya druzhestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdunarodnyh gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob"edinennyh Nacij. *Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo : ofic. tekst.* - T. 1. - M.: Moskovskij nezavisimyj institut mezhdunarodnogo prava, 1996. - S. 65-73.
9. SHegeev I. S., Polozov A. G. *Novejshij politologicheskij glossarij: osnovnye kategorii, ponyatiya, terminy // I.S. SHegeev, A.G. Polozov.* – M. Izdatel'stvo Pero, 2015. – 242 s. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Thornberry, P. *International Law and Minorities / P. Thornberry.* — L., 1991. — P. 111.
11. ZHurek, O. N. *Samoopredelenie narodov v mezhdunarodnom prave / O. N. ZHurek // Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* — № 10, 1990. — S. 99. — Tekst: neposredstvennyj.
12. Diaz J.L. *Minority rights.* – URL: <http://www.javier-leon-diaz.com/id16.html>
13. *Konstitucionnye osnovy sovremennogo Rossijskogo Federalizma : ucheb.-prakt. posobie / I. A. Umnova.* - 2-e izd., ispr. i dop. - M. : Delo, 2000. - 304 s. – Tekst: neposredstvennyj.
14. Myullerson R.A. *Prava cheloveka: idei, normy, real'nost' / R. A. Myullerson.* - Moskva : YUrid. lit., 1991. – 156 s. – Tekst: neposredstvennyj
15. CHernichenko S. V. *Teoriya mezhdunarodnogo prava : V 2-h t / S.V. CHernichenko; Diplomat. akad. Mva inostr. del Ros. Federacii.* - M. : NIMP, 1999. - 21 sm – Tekst: neposredstvennyj
16. Cristescu A. *The right to self-determination: historical and current development on the basis of United Nations instruments.* – URL: <https://www.cetim.ch/legacy/en/documents/cristescu-rap-ang.pdf>
17. Abashidze A. H., Ananidze F. R. *Pravovoj statusmen'shinstv i korennyh narodov: mezhdunarodno-pravovoj analiz / Ros. Un-t druzhby narodov, In-t mezhdunar. Prava. M. : Izd-vo Ros. Un-ta druzhby narodov, 1997. 224 s. – Tekst: neposredstvennyj*
18. *International Meeting of Experts on Further Study of the Concept of the Rights of Peoples, convened by UNESCO. Paris 27-30 November 1989, SHS89/CONF.602/7.* – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000851/085152eo.pdf>
19. *Konvenciya o prave narodov na samoopredelenie (Proekt). Vstupitel'nyj kommentarij YU.A. Reshetova // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava.* – 2000;(3):417-419.
20. Kirsanova, N. V. *Katalonskaya avtonomiya: istoriya i perspektivy razvitiya / N. V. Kirsanova // Regiony i centr: kak stroit' otnosheniya? Ispanskij variant: materialy nauchnoj konferencii (Institut Evropy RAN, 23 aprelya 2008 g.). Doklady Instituta Evropy.* – M., 2008. – № 216.
21. Deng Francis M. *War of Visions: Conflict of Identities in the Southern Sudan.* Washington, DC, 1995, p. 484
22. *Pravovoj status Respubliki Krym i goroda Sevastopolya: aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya i realizacii: monografiya / pod obshch. nauch. red. I.A. Umnovoj (Konyuhovoj), N.A. Frolovoj.* – Simferopol': IT «ARIAL», 2018. – 224 s. – Tekst: neposredstvennyj

УДК 342

КОНЦЕПЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г. В КРЫМУ: ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Киян М. Ш., Хутько Т. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Реализация основных направлений государственной социально-экономической политики на современном этапе РФ обусловили необходимость обращения к историко-правовому опыту экономических преобразований, организации жизни и быта российского крестьянства вследствие проведения в Российской империи в 1861 г. крестьянской реформы. Авторами на основе широкого спектра источников представлен комплексный анализ мероприятий по освобождению крестьян юга России, в частности Крыма, из состояния крепостной зависимости. В процессе изучения статистических данных установлена общая численность крепостного населения губернии по уездам накануне проведения реформы в 6% от всего сельского населения губернии, что свидетельствовало о незначительном удельном весе крепостных в регионе по сравнению с другими центральными губерниями империи. Выявлен личностный состав таврического дворянства, активно включившегося в процесс разработки положений проекта по освобождению крестьян в губернии, который в числе первых к 17 марта 1859 г. поступил в редакционные комиссии Главного комитета. Таврическое положение соответствовало общеимперским стандартам, но ему были присущи отдельные отличия. Все имения в губернии условно разделили на 3 разряда с указанием верхнего и нижнего порога для каждого из разрядов. Размер полевого надела, который получали крестьяне в постоянное пользование, варьировал от 3 до 7 десятин земли на мужскую душу. При этом, крепостные крестьяне имений южного берега Крыма наделов не получали. По истечении 4-х лет реформы 64% бывших крепостных крестьян в Крыму поступили в категорию свободных сельских обывателей, получив личную свободу. Свидетельством того, что проведение реформы в Крыму носило мирный характер, является отсутствие данных о выступлениях крестьян. В то время, как в материалах архивных источников зафиксированы массовые волнения крестьян на материковой части губернии, недовольных результатами реформы, что возможно объясняется значительными потерями крестьян плодородной пахотной земли. В результате проведения реформы Россия получила мощный импульс для дальнейшей экономической модернизации страны.

Ключевые слова: Таврическая губерния, крестьянская реформа, крепостной крестьянин, Манифест, император Александр II, Крым, земельный надел, мировые посредники, мировой участок, уставная грамота.

В 2021 г. исполнилось 160 лет с момента проведения крестьянской реформы в Российской империи, которая в корне изменила социальную структуру российского общества и открыла простор для становления и развития гражданского общества и буржуазного типа государства и права России. Отмена крепостного права стала «поворотным пунктом» российской истории, который вполне сопоставим с буржуазными революциями западноевропейских государств, примером «революции сверху» – правового регулирования кризисных ситуаций в обществе и государстве по инициативе и при решающей роли верховной власти.

Актуальность темы состоит в том, что ее разработка представляет возможность дополнить картину истории социально-правовых и экономических преобразований в России во второй половине XIX – начале XX вв., окрасить ее дополнительными красками. В связи с принятием Федерального закона РФ «О развитии сельского хозяйства» [1] приведенный в статье анализ проведения крестьянской реформы в Крыму целесообразно использовать для дальнейшего изучения вопросов организационно-правового реформирования аграрной политики РФ в XXI в., конструирова-

ния будущего российского крестьянства, ответа на вопрос о будущем российского крестьянства, перспективах его развития, каким оно станет, кто будет «хранить» нашу землю, территорию, а, следовательно, государственность? Так же, предложенное авторами исследование полезно использовать при написании работ по общей истории России, истории государства и права России, в процессе преподавания общих и специальных курсов истории государства и права России, семинарских занятий по истории России.

В связи со значимостью событий второй половины XIX в. в истории России, научные дискуссии относительно причин, характера, проведения крестьянской реформы в исторической, историко-правовой, историко-экономической литературе не прекращаются вот уже на протяжении более чем полутора веков. Среди ученых исследователей, юристов, правоведов, публицистов, общественных и политических деятелей России и ближнего и дальнего зарубежья, посвятивших свои труды означенной проблематике, авторы выделяют работы И.Е. Андреевского, А.В. Бондаревского, А.А. Головачева, Г.А. Джаншиева, В.А. Евреинова, П.А. Зайончковского, А.А. Корнилова, М.М. Максименко, А.З. Попельницкого, Ю.Ф. Самарина, Д. И. Рихтера, А.В. Флоровского, М.Н. Покровского, И.Д. Шахназарова, Е.А. Мороховца, М.Е. Найденева, М.В. Нечкиной, Н.М. Дружининой, Л. В. Ходского, В.Г. Чернухи, А.П. Корелина, К.А. Софроненко, Н.П. Ерошкина, Е.Н. Мухиной, Л. Л. Кузьминой, Н.Ф. Устьянцевой, Б.Г. Литвака, Л.Г. Захаровой, Е. А. Мороховца, М.Н. Лещенко, С. А. Секиринского. Однако, не смотря на достаточное количество работ, посвященных анализу крестьянской реформы 1861 г., их содержание в основном отражает исследование общих принципов и положений реформы. Проведение реформы в отдельных регионах Российской империи, в частности, юге страны в Крыму (в Таврической губернии), недостаточно полно исследовано и освещено, иногда фрагментарно, а, соответственно, для учёных правоведов, юристов практиков, широкой общественности вопрос об отмене крепостного права в Крыму представляет значительный научный и практический интерес.

Непосредственным поводом, заставившим правительство Александра II заняться реформированием социально-политического устройства Российской империи, стала Крымская война 1853-1856 гг., поражение в которой привело к падению международного авторитета России как крепостнического государства и продемонстрировало необходимость срочной модернизации экономики и социальной структуры страны. Успех задуманных мероприятий напрямую зависел от наличия в России образованных свободных поданных и создания промышленности, основанной на наемном труде и частном капитале, при сохранении основных жизненных основ российского государства – самодержавной формы правления и привилегированного положения дворян в аппарате управления и обществе.

19 февраля 1861 г. царь подписал Манифест и Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и 17 законодательных актов (Положения общие и местные) [2, с. 29-423], ставших правовой основой проведения крестьянской реформы по всей империи. Однако проведение крестьянской реформы в Крыму имело свои особенности. В частности, немаловажное значение сыграло то обстоятельство, что Крым вошёл в состав Российской империи в 1783 г., когда Екатерина II подписала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» [3, с. 897-898], то есть более

чем через 100 лет после окончательного оформления крепостного права в России [4, с. 444]. Поэтому, установление и оформление крепостного права в Крыму прошло значительно позже, чем в целом по России.

Административно полуостров Крым относился к Таврической губернии (самой южной из Европейской части губерний Российской империи), образованной в 1802 г. Общеимперская административно – территориальная реформа Александра I Новороссийскую губернию, окончательно оформившуюся в правление Павла I, разделила на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую. Таврическая губерния включала восемь уездов – Бердянский, Днепровский, Мелитопольский, расположенные на материковой части Российской империи, и Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский уезды – в Крыму [5, с. 88].

Становление крепостного права в Крыму имело место на рубеже XVIII – XIX веков за счет приобретения помещиками земли в собственность и продажи казённых земель. На местных крестьян (преимущественно крымских татар) крепостное право не распространялось, они получили статус государственных крестьян и предпочитали арендное землепользование за 1/10 часть урожая. По сведениям видного отечествоведа, русского учёного немецкого происхождения П.И. Кепшена, таких крестьян в Крыму насчитывалось до 130 тысяч человек, что представляло определённую сложность для обеспечения благополучной обработки всей земли полуострова. Российское правительство приняло решение о переселении из центральных губерний на территорию полуострова государственных крестьян, а также иностранных колонистов-поселенцев [6, с. 226]. Перевод крепостных из Центральной части Российской империи стал одним из источников появления крепостных в Крыму. Поэтому, в Таврической губернии, в отличие от других общероссийских, где количество крепостных уменьшалось, рост числа крепостных наблюдался вплоть до 1861 г. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо, так как в целом по России к началу осуществления реформы количество крепостных уменьшилось [7, с. 32-33].

Освобождение крестьян в Таврической губернии не стало таким мощным, захватывающим интересы всего населения событием, как это было для всего населения России. Как уже отмечалось выше, Крым был населён крестьянами в конце XVIII века за счет перевода крестьян из внутренних губерний Российской империи. А.И. Маркевич приводит следующие статистические данные о состоянии крепостного населения в Крыму на момент проведения реформы 1861 г., а именно: «в северной части Таврической губернии количество крепостных составляло до 15 000 лиц мужского пола, а на Крым крепостных приходилось до 5 000 лиц мужского пола и то, разбросанных по всему полуострову» [8, с. 1]. Однако в соответствии с данными 10 народной переписи крепостного населения 1859 г. в России, опубликованной под редакцией А. Тройницкого, находим более уточненную информацию о численном составе крепостных крестьян в Таврической губернии, а именно: 41 063 лиц мужского и женского пола [9, с. 27], что составляло 5,19 % от общего количества жителей губернии (687 437) [9, с. 49]. Из них непосредственно в Крыму наибольшую численность составляли крепостные крестьяне в Феодосийском и Симферопольском уездах – 3844 и 2781 душ мужского и женского пола соответственно; в уездах степной части полуострова Евпаторийском и Перекопском удельный вес крепостных был незначительным – 1822 и 1346 душ соответственно; в югобережной горной части Крыма, в Ялтинском уезде, где преимущественно были «малозе-

мельные имения» крепостное население составляло минимальную долю – 435 душ мужского и женского пола [9, с. 38]. На материковой части губернии в Бердянском, Днепровском и Мелитопольском уездах, где преобладали обширные «многоземельные» помещичьи владения, численность крепостных была значительно выше и составляла – 2196, 12479 и 16140 душ мужского и женского пола соответственно [9, с. 38]. Крепостными крестьянами (мужского пола) в Таврической губернии владели 303 помещика, из них 176 – владели до 21 крепостных (в общем количестве 1242 крепостных крестьян), 92 – до 100 душ (в общем количестве 4100 крепостных), 27 – владели до 500 крестьян (в общем количестве 6385 крепостных людей), до 1000 крепостных владели 5 помещиков (в общем количестве 3378 душ) и только 3 помещика – владели более 1 тыс. душ крепостных (в общем количестве 5232) [9, с. 45]. Крепостные крестьяне принадлежали и 93 безпоместным дворянам в общем количестве 262 души мужского пола, а также крестьяне однодворцы владели 25 крепостными [9, с. 45-46].

В основном, в Таврической губернии крестьяне состояли на общем крепостном праве, будучи приписанными к недвижимым населенным имениям, и обязывались работать на своего помещика, находились на барщинном положении. Оброчных крестьян в губернии практически не было по причине того, что труд крепостных использовался помещиками исключительно для обработки обширных земельных владений. Численность дворовых людей из общего количества крепостных составляла 5396 душ обоего пола или 13,14%.

В целом по Таврической губернии на момент проведения реформы процент крепостных составлял менее 6% губернского населения, в то время как в Московской, Херсонской, Харьковской, Екатеринославской губерниях – от 20 до 50 % губернского населения, Киевской, Витебской, Псковской – более 50 % губернского населения. В 1859 г. по удельному весу крепостных Таврическая губерния заняла 44-е место в Российской империи [10, с. 99-107]. и вошла в последний IV разряд губерний относительного крепостного населения, в котором крепостные составляли менее 10 % [9, с. 85].

После окончания Крымской войны царское правительство, по совету министра иностранных дел А. М. Горчакова, сосредоточило свои усилия на решении проблем внутригосударственного экономического развития. Уже в 1856 г. министр внутренних дел С. С. Ланской получил распоряжение собрать все сведения об «устройстве помещичьих крестьян» по различным ведомствам, товарищу министра внутренних дел А. И. Левшину было поручено представить «историческую записку» о крепостном праве в России [2, с. 9]. Таким образом, подготовку и руководство проведением реформы отмены крепостного права правительство поручило министерству внутренних дел – органу государственного управления, в подчинении которого находились все губернаторы, уездные исправники, городничие, волостные старшины, сельские старосты империи. Непосредственно подготовкой проекта освобождения крестьян занялся образованный 3 января 1857 г. под председательством императора Александра II Особый комитет, основной задачей которого стало «рассмотрение постановлений и предложений о крепостном состоянии» [11, с. 8]. Особый комитет с января 1858 г. был переименован в Главный комитет для устройства сельского населения; а редакционные комиссии, созданные при нем, должны были составить на основании местных проектов общий законопроект об освобождении кре-

стьян. Из систематического свода (кодификаций), принятых комиссиями статей заключений, впоследствии был составлен проект Положений 19 февраля 1861 г.

Для создания местных проектов отмены крепостного права правительство приняло решение об учреждении дворянских комитетов по губерниям. Во всех губерниях империи в 1858 г. были открыты губернские комитеты.

Таврический губернский комитет по устройству быта помещичьих крестьян начал свою работу 29 сентября 1858 г. Его возглавил губернский предводитель дворянства Н.Н. Овсяннико-Куликовский. В состав губернского комитета от Крыма вошли представители Симферопольского и Ялтинского уездов – Симферопольский уездный предводитель дворянства ротмистр А.Ф. Ревелиоти (он же исполнял обязанности председателя комитета в отсутствие Н.Н. Овсяннико-Куликовского), штабс-ротмистр О.А. Браамс, кандидат поручик В.П. Руссет; от Феодосийского уезда М.А. Рудзевич гвардии поручик Т.Д. Дульветов, кандидат поручик К.Д. Каламара; от Евпаторийского и Перекопского уездов надворный советник П.Г. Делаграматик, титулярный советник А.Д. Маценко, кандидат уездный предводитель дворянства губернского секретаря С.Х. Лампси; члены от правительства государственный советник И.Н. Шатилов и отставной гвардии поручик П.В. Давыдов [11, с. 765].

И за очень короткий срок – 17 марта 1859 г. разработанный Таврическим Комитетом проект освобождения крестьян, состоящий из 10 глав, был подписан и разослан всем губернским комитетам: I. Переход крестьян из крепостного состояния в срочно-обязанное; II. Сущность срочно-обязанного положения; III. Поземельные права помещиков; IV. Усадебное устройство крестьян; V. Наделение крестьян землей; VI. Повинности крестьян; VII. Устройство дворовых людей; VIII. Образование сельских обществ; IX. Права и отношения помещиков; X. Порядок и способы исполнения нового положения. Проект освобождения крестьян в Таврической губернии поступил в редакционные комиссии одним из первых [11, с. 53]. При составлении Положения Таврический губернский комитет руководствовался составленными уездными дворянскими собраниями сведениями об имениях с точными данными о количестве дворов, крестьян и дворовых, и количестве земли у владельцев. Проект Положения был отправлен в редакционную комиссию Главного комитета, где от Таврического губернского комитета участвовали М.М. Иваненко и А.Ф. Ревелиоти, проверку вычислений о существовавших в Таврической губернии крестьянских наделах проводил Н.А. Милюков. Дворянство Таврической губернии определило содержание своим депутатам в 3000 руб. на время пребывания их в комиссиях [11, с. 221].

В целом Таврическое положение соответствовало общеимперским стандартам, но ему были присущи отдельные отличия, которые объяснялись экономическими, этно-конфессиональными, географическими и социальными особенностями развития региона, и соответствовало точки зрения таврических помещиков по отношению к крепостным. Во время обсуждения Проекта освобождения крестьян в правительственных кругах господствовала точка зрения, что, во избежание внутренних беспорядков, освобождение крестьян должно было проходить постепенно. В соответствии с Положением, авторы, помещики Крыма, предложили установить срок переходного состояния временно-обязанных крестьян в 12 лет. Положение предполагало сохранить за помещиками право собственности на всю принадлежавшую им землю: как на ту, что предоставлялась в пользование временно-обязанным крестья-

нам, так и до окончательного выкупа крестьянами усадьбы – на их усадебную землю. Проект социально-экономические преобразований в Крыму предполагал хозяйственное устройство имения помещиков предоставить на усмотрение самого помещика и право назначать, и нарезать в пользование крестьян земли для пашни, выпаса скота, сенокосов; устанавливать общеобязательный режим всех хозяйственных работ; сохранить за помещиками право на все природные богатства, леса и воды в имении. В случае, если на землях, отведённых в пользование крестьянам обнаружались ценные полезные ископаемые, рудники, каменоломни или источники, право разработки их отдать исключительно в руки помещиков, которым предоставить право замены отведенной крестьянам земли на другую аналогичного количества и качества. В имениях, где усадебные постройки в свое время были простроены за средства крестьян, или крестьяне проживали в домах, оставшихся после выселенных помещиками татар, усадебные постройки передавать в собственность крестьян бесплатно. Право оценки земли предоставить помещику.

Для правильной (точной) оценки усадебной земли все имения в Таврической губернии условно разделили на 3 разряда с указанием верхнего и нижнего порога для каждого из разрядов. К первому разряду отнесли имения, на территории которых собирались ярмарки и базары (так называемые местечки) и береговые пристани. Ко второму – имения, располагавшиеся в 16 километровой зоне от портовых и значительных торговых городов: Феодосии, Керчи, Севастополя, Евпатории, Бердянска, Симферополя, Белогорска, Каховки; где крестьяне имели определенную выгоду от рыбной ловли и соленых озер; где крестьянам были отведены поливные земли, пригодные для разведения садов; имения по линии железных дорог. В третий разряд вошли все остальные имения. Цена усадебной земли по каждому разряду определялась за каждые 4,5 кв.м не более 15 коп. за первый и 3 коп. за второй и третий разряды и составила за одну десятину земли соответственно 360, 144 и 72 руб.

В соответствии с Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости [12, с. 37]. крестьяне получали в постоянное пользование полевой надел, за который продолжали обрабатывать барщину и платить оброк от 8 до 12 руб. в течение 9 лет. Размеры наделов устанавливались местными положениями в зависимости от конкретных условий, имевшихся в различных губерниях Российской империи [13, с. 196]. В Таврической губернии в малоземельных имениях полевой надел не выделялся. В окончательном варианте Высочайше утвержденного «Местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Велокороссийских, Новороссийских и Белорусских» [14, с. 233] крепостные крестьяне имений южного берега Крыма, имений горной части Крымского полуострова, где располагались основная масса садов, виноградников и огородов, и в которых земледелие велось в чаирах и курах (отдельно расположенных огороженных удобряемых земельных участках), надела не получали.

Относительно определения размера земельного надела, Таврическая губерния была отнесена к третьей (степной) полосе вместе с Астраханской, Екатеринославской, Херсонской и частично Оренбургской, Самарской и Саратовской губерниями. Степная полоса делилась на 7 «местностей». Надел в 3 десятины был определен для части Симферопольского и Феодосийского уездов, части горной местности, которые были отнесены к первой местности. Для Бердянского уезда (пятая местность) земельный надел установили в 5 десятин. Надел в 7 десятин определялся для Ева-

торийского, Перекопского, Днепровского, Мелитопольского, части Симферопольского и части Феодосийского уездов. Таким образом, предложенный Редакционным комиссиям Таврическими депутатами размер надела был уменьшен на пол десятины (55 соток) для всего Крыма за исключением части горной местности полуострова.

В конце 1860 г., после окончания работы Редакционных Комиссий и передачи разработанного таврическими делегатами Положения о крестьянской реформе, по предложению министра внутренних дел С.С. Ланского в Таврической губернии была учреждена особая Временная Комиссия по преобразованию быта помещичьих крестьян (для распоряжений по приведению в действие новых положений о крестьянах) в составе губернского предводителя дворянства, управляющего палатой государственных имуществ, губернского прокурора, двух избранных из местных дворян – помещиков и приглашенных местных дворян - помещиков под председательством губернатора. Одной из главных задач комиссии стало составление списков по уездам помещичьих имений с указанием имен помещиков, количества ревизских душ, числа крестьянских дворов, церковных приходов, к которым были приписаны эти крестьяне. Комиссия блестяще справилась с поставленными перед ней задачами и уже 5 марта 1861 г. Манифест 19 февраля 1861 г. (далее Манифест) был объявлен в Петербурге и Москве.

Для опубликования Манифеста в Таврической губернии из Петербурга в Симферополь выехал флигель-адъютант граф В.А. Бобринский. Высочайший Манифест огласили 16 марта 1861 г. в кафедральном соборе, в армяно-григорианской и римско-католической церквях и разослали для опубликования по всем городам, приходам, селам, имениям, синагогам, мечетям полуострова. 26 марта 1861 г. открылось Таврическое губернское по крестьянским делам присутствие. Возглавил его губернатор генерал-майор Г.В. Жуковский, в составе присутствия работали губернский предводитель дворянства статский советник П.А. Взметнев, исполняющий обязанности управляющего палатой государственного имущества П.Д. Шотт, исполняющий обязанности дворянского губернского прокурора Кононов, члены А.Я. Фабр, Т.Д. Дульветов, К.С. Кутров и М.А. Алексионт при секретаре титульном советнике Домоброским. Таврическое губернское по крестьянским делам присутствие приняло постановление об учреждении мировых участков, избрании мировых посредников и распределении их участков.

Население Таврической губернии встретило крестьянскую реформу относительно спокойно [15, л. 1]. Исключение составили протесты крестьян д. Каясан помещика Лампси и имения Насыпкиной помещика Хрущевой, где достаточно быстро порядок восстановили. Однако, в апреле 1861 г. первое неповиновение мероприятиям реформы было оказано со стороны жителей Мелитопольского уезда в селах Анновка и Екатериновка, которые выразили недовольство урочными работами. Для расследования причин волнений недовольных крестьян на месте выехали губернатор Г.В. Жуковский, граф В.А. Бобринский в сопровождении двух рядовых жандармов [16, л. 21] и военных соединений. Четверых зачинщиков беспорядков выпороли розгами, семерых заковали в кандалы и отправили в острог. В итоге расследования причин возмущения установили, что главной причиной неповиновения было непонимание крестьянами положений Манифеста 19 января 1861 г., так как, по их мнению, они должны были получить полную свободу, но, оказалось, что, как и прежде, обязаны отбывать барщину [17, л. 94]. В мае – июле 1861 г. состоялось бо-

лее масштабное возмущение и неповиновение крестьян с. Обиточное Бердянского уезда [18, с. 77]. В начале 1863 г. по северным уездам Таврической губернии прокатилась еще одна волна протестов недовольных реформой крестьян. Следует отметить, что все эти волнения зафиксированы на материковой части Таврической губернии – в селах Князе-Григорьевка и Завадовка Днепровского уезда, а в Крыму подобных массовых выступлений крестьян зафиксировано не было.

В основном в Таврической губернии в точности было выполнено Законоположение 19 февраля 1861 г. В 1865 г. категорию свободных сельских обывателей (крестьян – собственников) составили 13514 чел., то есть 64 % бывших крепостных в Крыму за 4 года стали свободными [19, с. 127]. Свидетельством того, что освобождение крестьян было проведено с учетом интересов и для блага не только помещиков, но и крестьян, является прошедший, в основном, мирный процесс проведения реформы, в то время, как в Америке за освобождение невольников из рабства кипела многолетняя братоубийственная война.

Проведение реформы сыграло значительную роль в социальном и экономическом развитии региона, а также поспособствовало укреплению позиций Российской империи на международной арене. Освобождение крестьян дало новый толчок развитию промышленного комплекса, внутренней и внешней торговли, предпринимательству. Современники крестьянскую реформу 1861 г. назвали «великой», так как она принесла свободу более чем 30 млн. крепостных крестьян империи, и Россия встала на путь развития буржуазных отношений, формирования гражданского общества, экономической модернизации страны.

Проведенное в статье исследование представляет свидетельство того, что дальнейшее совершенствование закрепленных в Конституции РФ стандартов в области прав человека, невозможно без учета исторического опыта собственного правосознания и законодательства в регулировании этих вопросов в прошлом [20, с. 255-263]. Бездумное и механическое копирование норм европейского или американского законодательства, без учета собственной историко-правовой традиции, не даст ожидаемого эффекта в вопросах регулирования гражданских прав (в нашем случае правового положения крестьян), ибо, как справедливо отмечает известный историк права И.Д. Беляев: «законы должны вытекать из исторической жизни народа» [21, с. 22]. Анализ внутреннего процесса основной гражданской социально-экономической реформы второй половины XIX в. в России показывает, как следует строить политику правительства, используя исторический опыт развития России, сохранить государство и создать в нем достойные условия для настоящего и будущего поколений Великой страны.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 N 264-ФЗ (последняя редакция). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения 27.05.2022)
2. Софроненко К. А. Крестьянская реформа в России 1861 года: Сб. законодательных актов. – М.: Госюриздат, 1954. – 494 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Том XXI. С 1781 по 1783. №15.708. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – С. 897-898.
4. Тихомиров М. Н. Соборное уложение 1649 года: Учеб. пособие для высш. школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с
5. Киян М. Ш. Судебная система Таврической губернии по реформе 1864 г. «Крым в истории государства и права России (к 235-летию присоединения полуострова к Российской Федерации)». Материалы Всероссийского круглого стола 29 ноября 2018 г. – М.: РГУП, 2019. – 212 с.

6. Крым от древности до наших дней. Айбабина Е. А., Андросов С.А., Ахметова Э. А. др.; гл. ред. Э.Б. Петрова; авт. и рук. проекта В.Б. Костюкевич. – Симферополь, Феодосия. – Издательство: Черномор-ПРЕСС, Коктебель, 2010. – 655 с.
7. Тройницкий А. Г. О числе крепостных людей в России. – СПб.: тип. Мин. внутр. дел, 1858. – 38 с.
8. Маркевич А. И. Освобождение крестьян в Таврической губернии // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – № 47. – С. 1-65.
9. Крепостное население России, по 10 всенародной переписи. Статистическое исследование А. Тройницкого. – СПб: Тип. Карла Вульфа, 1861. – 92 с.
10. Кузьмина Л. Л. Процесс формирования категории крепостного крестьянства в Крыму и его положение в конце XVIII - первой половине XIX веков // Гуманитарная парадигма № 4 (7) - декабрь 2018. – С. 99 -107.
11. Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу Семенова. – Том 1. – Санкт-Петербург: издательство М.Е. Комарова, 1889. – 848 с.
12. Российское законодательство X-XX веков. Том 7. Документы крестьянской реформы. / Чистяков О.И. – М.: Юрид. лит., 1989. – 816 с.
13. История государства и права России: учеб./ В. М. Клеандрова, Р. С. Мулукаев [и др.]; под. ред. Ю. П. Титова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 196 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXVI. Отделение первое. 1861. №36662. – Санкт-Петербург: типография Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. С.233.
15. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее - ГКУ ГА РК). – Ф. 109. – Оп. 201. – Д. 232. – Л.1.
16. ГКУ ГА РК. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 21.
17. ГКУ ГА РК. – Ф. 109. – Оп. 201. – Д. 116. – Л. 94.
18. Максименко М. М. Крестьянское движение в Таврической губернии накануне и после отмены крепостного права. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 102 с.
19. Михайлова Н. В. Отечественная история: учеб. Пособие для ВУЗов. – М.: Кнорус, 2010. – 189 с.
20. Елькин С. В. Особенности правового регулирования земельных отношений на территории Республики Крым: практика Конституционного Суда Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – С. 255-263.
21. Беляев И. Д. История русского законодательства. Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: издательство «Лань», 1999. – 640 с.

Kiyam M. S., Khutko T. V. The concept of the peasant reform of 1861 in Crimea: expected results and reality // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 29-38.

The implementation of the main directions of the state socio-economic policy at the present stage of the Russian Federation necessitated the appeal to the historical and legal experience of economic transformations, the organization of life and everyday life of the Russian peasantry as a result of the peasant reform in the Russian Empire in 1861. The authors, based on a wide range of sources, present a comprehensive analysis of measures to liberate the peasants of southern Russia, in particular the Crimea, from the state of serfdom. In the process of studying statistical data, the total number of serfs of the Tauride province by counties on the eve of the reform was 6% of the total rural population of the province, which indicated an insignificant proportion of serfs in the region compared to other central provinces of the empire. The personal composition of the Tauride nobility was revealed, which was actively involved in the process of developing the provisions of the project for the liberation of peasants in the province, which was among the first to enter the editorial commissions of the Main Committee by March 17, 1859. The Tauride position corresponded to the general imperial standards, but it had some differences. All estates in the Tauride province were conditionally divided into 3 categories with an indication of the upper and lower threshold for each of the categories. The size of the field allotment, which the peasants received for permanent use, varied from 3 to 7 dessiatines of land per male soul. At the same time, the serfs of the estates of the southern coast of the Crimea did not receive allotments. After four years of reform, 64% of former serfs in Crimea entered the category of free rural inhabitants, having received personal freedom. Evidence that the reform in the Crimea was peaceful is the lack of data on the performances of peasants. While the materials of archival sources record mass unrest of peasants on the mainland of the Tauride province, dissatisfied with the results of the reform, which may be explained by the significant losses of peasants of fertile arable land. As a result of the peasant reform, Russia received a powerful impetus for further economic modernization of the country.

Keywords: Tauride province, peasant reform, serf peasant, Manifesto, Emperor Alexander II, Crimea, land allotment, world intermediaries, world plot, charter.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon «O razvitii sel'skogo hoz'yajstva» ot 29.12.2006 N 264-FZ (poslednyaya redakciya). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (data obrashcheniya 27.05.2022)
2. Sofronenko K. A. Krest'yanskaya reforma v Rossii 1861 goda: Sb. zakonodatel'nyh aktov. – M.: Gosyurizdat, 1954. – 494 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (dalee PSZ). Tom XXI. S 1781 po 1783. №15.708. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. – S. 897-898.
4. Tihomirov M. N. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Ucheb. posobie dlya vyssh. shkoly / M. N. Tihomirov, P. P. Epifanov. – Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. – 444 s
5. Kiyaniy M. Sh. Sudebnaya sistema Tavricheskoj gubernii po reforme 1864 g. «Krym v istorii gosudarstva i prava Rossii (k 235-letiyu prisoedineniya poluoostrova k Rossijskoj Federacii)». Materialy Vserossijskogo kruglogo stola 29 noyabrya 2018 g. – M.: RGUP, 2019. – 212 s.
6. Krym ot drevnosti do nashih dnei. Ajbabina E. A., Androsov S.A., Ahmetova E. A. dr.; gl. red. E.B. Petrova; avt. i ruk. proekta V.B. Kostyukevich. – Simferopol', Feodosiya. – Izdatel'stvo: ChernomorPRESS, Koktebel', 2010. – 655 s.
7. Trojnickij A. G. O chisle krepostnyh lyudej v Rossii. – SPb.: tip. Min. vnutr. del, 1858. – 38 s.
8. Markevich A. I. Osvobozhdenie krest'yan v Tavricheskoj gubernii // ITUAK. – Simferopol', 1912. – № 47. – S. 1-65.
9. Krepостное население России, по 10 всенародной переписи. Statisticheskoe issledovanie A. Trojnickogo. – SPb: Tip. Karla Vul'fa, 1861. – 92 s.
10. Kuz'mina L. L. Process formirovaniya kategorii krepостного krest'yanstva v Krymu i ego polozhenie v konce XVIII - pervoj polovine XIX vekov // Gumanitarnaya paradigma № 4 (7) - dekabr' 2018. – S. 99 -107.
11. Semenov N. P. Osvobozhdenie krest'yan v carstvovanie imperatora Aleksandra II. Hronika deyatelnosti komissij po krest'yanskomu delu Semenova. – Tom 1. – Sankt-Peterburg: izdatel'stvo M.E. Komarova, 1889. – 848 s.
12. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Tom 7. Dokumenty krest'yanskoj reformy. / Chistyakov O.I. – M.: Yurid. lit., 1989. – 816 s.
13. Istoriya gosudarstva i prava Rossii: ucheb./ V. M. Kleandrova, R. S. Mulukaev [i dr.]; pod. red. Yu. P. Titova. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2005. – 196 s.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. Tom XXXVI. Otdelenie pervoe. 1861. №36662. – Sankt-Peterburg: tipografiya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii, 1863. S.233.
15. Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym» (dalee - GKU GA RK). – F. 109. – Op. 201. – D. 232. – L.1.
16. GKU GA RK. – F. 44. – Op. 1. – D. 12. – L. 21.
17. GKU GA RK. – F 109. – Op. 201. – D. 116. – L. 94.
18. Maksimenko M. M. Krest'yanskoe dvizhenie v Tavricheskoj gubernii nakanune i posle otmeny krepостного prava. – Simferopol': Krymizdat, 1957. – 102 s.
19. Mihajlova N. V. Otechestvennaya istoriya: ucheb. Posobie dlya VUZov. – M.: Knorus, 2010. – 189 s.
20. El'kin S. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya zemel'nyh otnoshenij na territorii Respubliki Krym: praktika Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69). № 1. – S. 255-263.
21. Belyaev I. D. Istoriya russkogo zakonodatel'stva. Seriya «Mir kul'tury, istorii i filosofii. – SPb.: izdatel'stvo «Lan'», 1999. – 640 s.

УДК 342.52

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Клубенко В. С.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье рассматривается вопрос о функциях государства, функциях органов государственной власти, соотношении функций с формами реализации функций государства. Проводится анализ основных функций законодательного органа власти – законодательной, представительной и контрольной. Обращено внимание на дискуссионность в научной литературе и закрепление норм в действующем законодательстве относительно первостепенности таких функций как законодательная и представительная. На основе отечественного и зарубежного опыта проведен сравнительный анализ нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации по вопросу надлежащего закрепления в данных правовых актах основных функций законодательного органа власти, в частности их содержания с целью эффективной реализации на практике. Автором, с учетом проведенного анализа предложены поправки для внесения изменений в действующий Регламент Государственного Совета Республики Крым, утвержденный Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 24.12.2014 г. № 376-1/14 и Закон Республики Крым от 15.05.2014 года № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым». Для определения четкого перечня форм и порядка осуществления контрольной деятельности законодательного органа власти предложено на территории Республики Крым принять Закон «О контрольной деятельности Государственного Совета Республики Крым».

Ключевые слова: функции государства, основные функции законодательного органа власти, формы реализации функций государства, Государственный Совет Республики Крым, законодательная, представительная, контрольная функции, правовое государство, депутатское расследование, субъекты Российской Федерации.

Республика Крым является демократическим правовым государством в составе Российской Федерации [1]. В соответствии со ст. 4 Конституции Республика Крым – социальное государство, в котором социальная политика непосредственно направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, народное благосостояние, доступность основных материальных и духовных благ, в том числе, охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются гарантии социальной защиты [2].

Вместе с тем, только в правовом государстве можно создать условия обеспечения прав и свобод человека (гражданина), а также справедливый процесс регулирования наиболее важных общественных отношений. Исходным началом в деятельности правового государства является признание, гарантирование прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение режима законности в государстве и обществе, путем принятия справедливых законов [3, с.128-130]. Правовое государство, прежде всего — это организация публичной власти, «обслуживающая» гражданское общество и формирующаяся только в органической связи с гражданским обществом, тем самым, обеспечивая его функционирование [4, с. 43-45]. Однако, наиболее важной чертой государства является то, что оно выступает единственной организацией политической власти, управляющей всем обществом [5, с. 62]. По отно-

шению к обществу, государство выступает как средство управления, обеспечивает порядок и общественную безопасность, выполняет только те функции, которые вытекают из природы самого общества и служат обществу [3, с. 132-133]. И именно в функциях проявляется сущность конкретного государства, его природа и социальное назначение [6, с. 55]. В свою очередь, социальное назначение раскрывает для чего предназначено государство, каким целям оно должно служить, в чем состоит его полезность для общества.

Согласны с высказыванием Л.А. Морозовой по данному вопросу, которая отмечает, что предназначение государства – это служение обществу и в зависимости от того, какова сущность государства, таковы цели, задачи и функции, стоящие перед ним [7, с. 51-52]. Исчерпывающее определение функций государства сформировал В.М. Корельский: «Функции государства – основные направления его деятельности, выражающие сущность и социальное назначение, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и методах» [8, с. 44].

Из вышеизложенного следует, что именно функции определяют основные направления деятельности государства, которые в свою очередь, обусловлены сущностью, содержанием, а также соответствующими целями, задачами и социальным назначением государства. И по мере изменения потребностей общества, в государстве происходит изменение целей, задач, функций государства, в частности, более важные и глобальные функции на определенном этапе развития государства становятся менее важными и востребованными.

Другими словами, когда возникают цели, ставятся задачи, которые и определяют функции, вместе с тем, последовательность возникновения функций зависит от приоритетности задач, возникающих в обществе. Главным же результатом во всей этой цепочке, является – достижение цели. Ввиду смены целей и задач, у государства могут исчезать одни функции и появиться другие, в частности, может меняться содержание одной и той же функции. Например, при экономическом спаде, решаются задачи стабилизации экономики в государстве и приоритетной является экономическая функция [9, с. 176].

Кроме того, в юридической литературе предлагаются различные варианты классификации функций государства на виды. Так, по сферам деятельности функции государства подразделяют на внутренние, что связаны с управлением внутренней жизнью общества (экономическая, политическая, финансовая, социальная, экологическая, функция развития культуры, науки и образования, правоохранительная) и внешние, то есть основные направления его деятельности на международной арене, такие как: взаимовыгодное сотрудничество с другими государствами, функция обеспечения мира и поддержания мирового порядка, функция интеграции в мировую экономику [3, с.78-85]. Л. А. Морозова считает, что в каждой функции можно выделить ряд подфункций, которые в отличие от самостоятельных функций, выражающих сущность и социальное назначение государства, воплощают специфически особенное в рамках конкретного направления деятельности и в воздействии на общественные отношения [7, с. 90].

Также, функции государства классифицируют исходя из принципа разделения властей, по времени действия, по направлению воздействия на общественные отношения, по сфере деятельности, по субъекту осуществления [10, с. 30].

Вместе с тем, по нашему мнению, такой критерий разделения функций, достаточно спорный ввиду того, что функции государства складываются из однородных аспектов государственной деятельности и отвечают основным, общественно значимым направлениям его деятельности, то есть реализуются через деятельность всего государственного аппарата, а при классификации функций исходя из принципа разделения властей, скорее идет речь о функциях, имеющих конкретный характер, а также реализуемых уполномоченными субъектами соответствующего органа власти. Более того, полагаем, что подобная классификация приводит к смешению таких понятий как функции государства с функциями государственных органов власти.

Проанализировав вышеизложенное, полагаем, что все классификации функций достаточно условны, так как на определенном историческом этапе развития государства, цели и задачи видоизменяются, а соответственно и функции государства подвержены изменению.

Однозначно не следует отождествлять функции государства как целого «организма» с функциями его элементов, то есть отдельных его органов, так как функции государства охватывают деятельность в целом и отличаются методами и формами осуществления [9, с. 177].

Заслуживает внимания точка зрения М.А. Байтина, который указывает, что под формами осуществления следует понимать однородную по внешним признакам деятельность органов государства, путем реализации его функций [11, с. 2].

Вместе с тем, выполнение функций государства возлагается на государственные органы, их должностных лиц, государственные учреждения и организации, которые и являются главными субъектами реализации функций государства. Также в осуществлении этих функций могут принимать участие и негосударственные объединения, организации, которых именуют участниками государственной деятельности [7, с. 87].

Таким образом, деятельность органов государства, посредством которой реализуются его функции — это и есть формы осуществления функций государства.

При это формы осуществления функций государственной власти – это устойчивые дефиниции, которые являют собой определенные однородные действия, через которые проходит каждая правовая норма, закрепляемая на государственном уровне и санкционированная государством.

Исследование по вопросу классификации форм в частности проводила М.А. Бухтерева, которая считает, что, будучи категориями подвижными, формы осуществления функций государства, развиваются и изменяются вместе с государственной жизнью, экономическими, социальными, политическими и культурными отношениями в обществе, в частности автор предложила свой вариант классификации правовых форм реализации функций государства, указав, на необходимость выделять следующие формы: правотворческую, правоприменительную (правоисполнительную), правообеспечительную (правоохранительную, контрольно-надзорную, судебную), договорную и распорядительную [12].

Однако, вряд ли такую позицию можно признать правильной, по нашему мнению, формы реализации функций государства – это прежде всего, устоявшиеся категории, которые не видоизменяются, а лишь способствуют осуществлению функций государства, которые в свою очередь, на определенных исторических этапах, то есть с развитием общества, а как следствие, изменением целей, задач государства,

подвержены изменению. Даже если, предположить, что в государстве будет установлена форма правления монархия, все равно, те нормы, закрепление которых пожелает монарх, будут проходить через устоявшиеся категории (формы) создания норм, исполнения (реализации) и ответственности за неисполнение соответствующих норм, то есть охрану.

Таким образом, не следует подменять понятие функции, которые подвержены изменению, понятием формы, так как функции характеризуют содержательный момент, а формы – это типичная, однородная в зависимости от вида формы деятельность, осуществляемая независимо от того, к какой ветви власти государственный орган принадлежит.

Большинство авторов выделяют три формы реализации функций государства: законотворческую (правотворческую), исполнительно-распорядительную и правоохранительную. Под законотворческой (правотворческой) формой понимают деятельность, связанную с подготовкой, разработкой и принятием законов, а также иных нормативных актов, посредством которых целенаправленно организуются и регламентируются соответствующие социальные отношения в определенных сферах общественной жизни [13, с. 34]. Соответственно функцией правотворчества по отношению к правовым нормам является создание, изменение и отмена ранее принятых правовых норм, закрепленных законодательно. Превосходство правотворческой формы над другими заключается в том, что правоприменительная и правоохранительная формы в любом случае осуществляются только на основании актов, являющихся результатом правотворческой деятельности. Фактическая реализация функций государства осуществляется через правоприменительную и правоохранительную формы, которые для этого обладают определенными методами реализации. Иными словами, хотя правотворческая форма и устанавливает правила, однако является опосредованной, так как непосредственная реализация функций государства и их охрана осуществляется через две другие формы [14, с. 31-32].

Под исполнительно-распорядительной формой понимают деятельность по непосредственному воздействию государства и его властных органов на соответствующие социальные отношения.

Правоохранительная деятельность связана с предотвращением нарушений законов и иных нормативных актов всеми своими прав и обязанностей (юридическими, физическими и должностными лицами, независимо от каких-либо условий и обстоятельств) [13, с.34].

Таким образом, главной целью правотворческой формы реализации функций государства является законодательное обеспечение основных направлений его деятельности, путем принятия целого комплекса нормативно-правовых актов, которые обслуживали бы каждое из основных направлений государственной деятельности, упорядочивали их, создавали благоприятные условия для возникновения и развития новых общественных отношений. Важно, чтобы деятельность государственных органов была строго согласована с функциями государства.

Функции органа государства и его компетенция не совпадают ввиду того, что функции органов государства – это отдельные направления их практической деятельности, а компетенция – правовое установление их объема и границ, соответственно функции органа государства понятие более обширное, чем конкретные полномочия осуществляемые в рамках компетенции [15, с. 48-49].

Другими словами, при реализации одной функции, соответствующим органом государства может осуществляться огромный перечень полномочий, не противоречащих нормам действующего законодательства. К примеру, в ст. 3 Закона Республики Крым от 15.05.2014 № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым» содержится перечень основных функций, имеющих общий характер, вместе с тем, в ст. 8 данного Закона закреплены полномочия (действия) Государственного Совета, реализуемые в рамках законодательной функции, в частности принятие Конституции РК, внесение в неё изменений, принятие законов по вопросам, относящимся к ведению и полномочиям Республики Крым, внесение в них изменений, толкование Конституции, законов Республики Крым и иные [16].

Более детально остановимся на функциях правотворчества, то есть тех функциях, которые реализуются в рамках законотворческой (правотворческой) формы. В настоящее время, в научной литературе практически отсутствуют сформированные определения и характеристика функций правотворчества по отношению к создаваемым правовым нормам.

По мнению О.Ф. Скакун, функции правотворчества – это направления деятельности по установлению, изменению или отмене правовых норм, созданию и развитию законодательства. В.П. Реутов, анализируя вышеуказанное определение, пришел к выводу, что О.Ф. Скакун не указал на субъект правотворчества, ввиду чего, дополнил данное определение следующим образом: «Функции правотворчества – направления деятельности уполномоченных органов по созданию, изменению или отмене норм права и нормативных актов».

О.Ф. Скакун по отношению к законодательству (правотворчеству) выделил следующие функции правотворчества: функцию выработки и принятия новых правовых норм, с целью урегулирования вновь возникших общественных отношений; функцию отмены, изменения или дополнения действующих норм и нормативных правовых актов, принятых ввиду поспешности и непродуманности субъектов правотворчества; функцию устранения пробелов в праве, полного или частичного отсутствия норм права, необходимых для урегулирования отношений; функцию упорядочения нормативно-правового материала (кодификация, систематизация).

В.П. Реутова полагает, что дополнительно необходимо выделять также воспитательную функцию правотворчества, так как при создании правовых норм происходит влияние и воздействие на правосознание общества, повышение уровня правовой культуры не только субъекта правотворчества, но и всех граждан.

Кроме того, автор отметил, что к вспомогательной функции правотворчества также следует относить познавательную функцию, потому что весь процесс правового воздействия и функционирование правовой системы так или иначе связаны с познанием, анализ эффективности права, последующее создание норм права и их реализация в свою очередь, опосредуются познанием определенных факторов и закономерностей развития. Существование познавательной функции также поддерживает Т.Н. Радько, отмечая, что законодатель, чтобы отразить тенденции и закономерности общественной жизни, должен предварительно их познать и соотнести с сутью предлагаемых перемен [17, с. 623-626]. Вместе с тем, полагаем, что само понятие законотворческий процесс, уже содержательно охватывает такую функцию как познавательная, являющейся основным элементом процесса.

До настоящего времени, нет единой позиции о том, следует ли выделять отдельной функцией действия, связанные с внесением изменений и дополнений в действующие нормы права. По сути, принятие таких норм независимо от их поспешности принятия, противоречивости, наличия пробелов в законодательстве обуславливает процесс выработки и принятия новых правовых норм, то есть действия по внесению изменений или дополнений в действующие нормы права можно отнести к деятельности по разработке и принятию правовых норм.

Такой подход наблюдается также в нормативных правовых актах субъектов РФ.

Так к примеру, в ст. 3 Закона Республики Крым от 15.05.2014 г. № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым» закреплены основные функции Государственного Совета, в частности законодательная, которая состоит в деятельности Государственного Совета по подготовке и принятию законов Республики Крым, толкованию законов Республики Крым, направлению отзывов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на проекты федеральных законов по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, реализации права законодательной инициативы при принятии проектов федеральных законов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [16].

Из вышеизложенного перечня действий, относящихся к законодательной функции следует, что законодатель указал на деятельность по подготовке и принятию законов, без указания на действия, связанные с внесением изменений, дополнений или отменой норм права, видимо полагая, что указанные действия (подготовка и принятие) содержательно подразумевают, в частности деятельность по внесению изменений, дополнений или отмене правовых норм.

Аналогичная норма относительно понимания содержания такой функции как законодательная, закреплена в ст. 3 п. 1 Закона Республики Коми от 17.11.2010 года № 129-РЗ «О Государственном Совете Республики Коми» [18]. Вместе с тем, ряд субъектов РФ, в своих законах не закрепляют и не раскрывают содержание основных функций органа законодательной власти, другие же, ограничиваются их перечислением или отсылкой на иные нормативные правовые акты, в которых раскрывается их значение.

Так, в ст. 1 ч. 3 Закона Иркутской области от 08.06.2009 г. № 30-оз «О Законодательном Собрании Иркутской области» законодатель указал функции, которые Законодательное Собрание осуществляет (законодательные, представительные и контрольные), однако в данном законе не раскрыл их содержание, лишь уточнил, что осуществляются данные функции в порядке и пределах, установленных Уставом Иркутской области и законами области в соответствии с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами [19].

Анализируя данную норму, думается, что законодатель смешивает такие понятия как основные функции органа власти с его компетенцией, осуществляемой в определенном порядке, установленной процедурой и в соответствующих пределах.

Также четкой характеристики законодательной функции не содержится и в Законе Кировской области от 26.05.2022 г. № 77-ЗО «О Законодательном Собрании Кировской области», из п. 1 ст. 2 Закона только следует, что Законодательное Собрание реализует законодательные функции, которые выражаются в осуществлении законодательной деятельности Законодательного Собрания в соответствии

с Конституцией РФ, Федеральным законом, иными нормативными правовыми актами РФ, Уставом Кировской области, Законом Кировской области «О нормативных правовых актах органов государственной власти Кировской области», Регламентом Законодательного Собрания Кировской области (далее – Регламент Законодательного Собрания), иными нормативными правовыми актами этой области [20].

Проанализировав данную норму, приходим к выводу, что законодатель ошибочно, указывает на множественное число «законодательные функции», однако если рассуждать детально, то законодательная функция одна, вместе с тем, в рамках данной функции реализуются соответствующие действия (полномочия), которые в данном Законе не раскрываются, а лишь указывается, что законодательная функция выражается в осуществлении законодательной деятельности согласно действующего законодательства.

В соответствии со ст. 3 п. 2 Закона Республики Крым от 15.05.2014 г. № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым» основной функцией Государственного Совета также является представительная, которая заключается, во-первых, в выражении воли населения РК путем проведения выборов (референдумов) на основе свободного волеизъявления избирателей, а во-вторых, в представлении интересов населения ввиду принятия от его имени решений, действующих на территории РК [16].

Аналогичная норма относительно понимания содержания представительной функции законодательного органа – Государственного Совета закреплена в Республике Коми [18].

В Законе Кировской области от 26.05.2022 г. № 77-ЗО «О Законодательном Собрании Кировской области» также указано, что Законодательное Собрание, в частности реализует представительную функцию, которая выражается в обеспечении реализации права граждан на участие в формировании и деятельности Законодательного Собрания, представлении депутатами Законодательного Собрания интересов избирателей [20].

Из анализа нормативных правовых актов субъектов РФ, следует, что функция представительства описана в общих чертах, а реализация данной функции осуществляется непосредственно через полномочия депутатов, как представителей интересов граждан в рамках их компетенции.

Деятельность депутата осуществляется в таких формах как: участие в заседаниях Государственного Совета в порядке, установленном Регламентом Государственного Совета; участие в работе комитетов и комиссий; в работе согласительных и специальных комиссий, создаваемых Государственным Советом; участие в парламентских слушаниях; внесение проектов законов и постановлений Государственного Совета; внесение депутатского запроса; направление депутатского обращения; работа с избирателями; участие в работе фракций и иных депутатских объединений в Государственном Совете.

Вместе с тем, в рамках осуществления своей деятельности, депутаты выполняют полномочия, в частности рассматривают обращения избирателей, ведут прием граждан, вносят предложения в соответствующие органы государственной власти, органы местного самоуправления и общественные объединения, по мере необходимости, требуют незамедлительного устранения нарушения закона, прав, свобод и законных интересов граждан, а в необходимых случаях могут обращаться к соот-

ветствующим органам государственной власти РК, государственным органам РК, органам местного самоуправления РК, предприятиям, учреждениям, организациям, осуществляющим свою деятельность на территории РК, и их должностным лицам с требованием о пресечении нарушения [21].

Именно депутаты выступают связующим звеном между народом, обладающим всей полнотой власти и институтами государственного управления, посредством депутатов народ реализует свою властную волю. Следовательно, депутат должен обладать такими полномочиями, которые бы полноценно позволяли ему представлять волю народа. Ряд авторов полагают, что представительная функция законодательного органа превалирует над другими его функциями. Законодательная функция хотя и достаточно важна, однако в основу законов закладывается воля народа, являющегося носителем суверенитета и единственным источником власти [22, с. 141-144]. По мнению других авторов, основной функцией парламента является законодательная (правотворческая), т.к. только законы регулируют все общественные отношения, как на территории государства, так и на международной арене, ввиду чего, разрешаются важнейшие проблемы, стоящие перед обществом [2, с. 5].

Законодательная функция тесно связана с представительской так как законотворчество эффективно и действенно лишь в том случае, если исходит из интересов народа, выражает в законе волю народа [24, с. 11]. Для более детального понимания данного вопроса проанализируем действующее законодательство субъектов РФ. Так, в Конституции РК закреплено, что Государственный Совет РК – Парламент РК является постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти РК [2].

В соответствии с Законом РК от 15.05.2014 года № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым» Государственный Совет является постоянно действующим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Республики Крым [16].

Аналогичная норма закреплена в ч. 1 ст. 1 Закона Иркутской области от 08.06.2009 г. № 30-оз «О Законодательном Собрании Иркутской области» [19]. Согласно Конституционного Закона Республики Саха (Якутия) от 10.07.2002 г. 35 -3 №401-II «О Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» Государственное Собрание (Ил Тумэн) – парламент республики – является представительным, законодательным и контрольным органом государственной власти Республики Саха (Якутия) [25]. В ст. 1 Закона Республики Адыгея от 10.07.2006 г. №15 «О Государственном Совете -Хасэ Республики Адыгея» закреплено, что Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея является постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти Республики Адыгея [26]. Анализируя законодательство выше указанных субъектов, можно сделать вывод, о первостепенности функций в соответствующем субъекте, позиции законодателя относительно исследуемого вопроса.

Таким образом, в одних субъектах по тексту определяется, что парламент – это представительный орган, а затем уже законодательный, в других, поддерживают идею не разделения первостепенности данных функций, а постановку их в один ряд по значимости, соответственно закрепляют: «законодательный (представительный) орган государственной власти», в-третьих – определяют не только как законода-

тельный, представительный, но и контрольный орган государственной власти (Закон Республики Адыгея).

Полагаем, что верным является законодательное закрепление «законодательный (представительный) орган государственной власти», так как законодательная и представительная функции равнозначно важны и значимы.

Вместе с тем, данные функции необходимо разделять по содержанию и не просто указывать в соответствующем законе на их наличие либо ссылку на законы и иные нормативные правовые акты, определяющие их порядок и пределы осуществления, а конкретно прописывать действия, связанные с реализацией данных функций, как к примеру, закреплено в ст. 3 Закона РК от 15.05.2014 г. № 2-ЗРК.

В частности, в п. 3 данного Закона указано, что «контрольная функция является основной функцией Государственного Совета РК и реализуется через контроль за соблюдением и исполнением Конституции и законов РК, иных правовых актов, принятых Государственным Советом, заслушивании (рассмотрении) и утверждении отчетов подконтрольных органов» [16].

В нормативных правовых актах иных субъектов Российской Федерации также закреплено общее содержание контрольной функции.

Так, к примеру, Законодательное Собрание Кировской области реализует контрольную функцию, которая выражается в обеспечении исполнения законодательства Кировской области и осуществлении иной контрольной деятельности в соответствии с Законом Кировской области «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области» (редакция от 01.11.2022 №119-ЗО).

Кроме того, в ст. 3 данного Закона закреплены формы осуществления контрольной деятельности Законодательного собрания, а именно: осуществление контроля за соблюдением и исполнением законов, заслушивание информации, отчетов, докладов, «проведение правительственных часов», направление запросов информации, проведение депутатских слушаний, направление парламентских запросов, проведение депутатских расследований, иные. Содержатся положения о планировании контрольной деятельности, также расписан порядок осуществления контрольной деятельности согласно вышеуказанных форм контроля [27].

Из изложенного следует, что законодатель закрепил формы осуществления контрольной деятельности, раскрыл их содержание в отдельном Законе Кировской области «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области». Иначе, нормы относительно изучаемого вопроса, закреплены в РК.

Так, в Главе 4 статьях 22, 23, 23-1, 24, 25 Закона РК от 15.05.2014 года № 2-ЗРК «О Государственном Совете РК – Парламенте Республики Крым» частично урегулирована контрольная деятельность Государственного Совета. Также порядок осуществления контрольной деятельности Государственного Совета Республики Крым, регулируется в Главе 14 с. 171, 172, 173, 174, 175, 176 Регламента Государственного Совета Республики Крым, утвержденного Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 24.12.2014 г. № 376-1/14 [28].

Однако, проанализировав, формы, в вышеуказанных документах, мы видим не идентичное закрепление. В ст. 22 Закона № 2-ЗРК от 15.05.2014 года в сравнении с текстом Регламента отсутствуют следующие формы: проведение «правительственного часа», направление депутатских запросов; проведение проверок и депутатских расследований по вопросам, входящим в компетенцию Государственного Совета, в

порядке, предусмотренном Законом Республики Крым от 10 сентября 2014 г. № 64-ЗРК «О статусе депутата Государственного Совета», настоящим Регламентом, требование информации, рассмотрение вопроса о выражении недоверия должностному лицу в случаях, предусмотренных федеральными законами и законами РК.

По нашему мнению, не должно быть расхождений в формах, закрепленных в нормативных правовых актах определенного субъекта, если нормы права закреплены в одном документе, то следует их «зеркально» переносить в другой правовой документ, либо оставить лишь в одном, для избежания неверного толкования и разночтения правового акта.

Кроме того, в п. 1 ч. 2 с. 171 Регламента Государственного Совета РК необходимо изложить в следующей редакции: «заслушивание (рассмотрение) и утверждение ежегодного отчета Главы Республики Крым о результатах деятельности Совета министров, в том числе по вопросам, поставленным Государственным Советом», то есть добавить «(рассмотрение) и утверждение», что согласуется со ст. 172, 173 Регламента и ст. 3 п. 3, ст. 22 ч. 3 п. 1 Закона № 2-ЗРК от 15.05.2014 г. Также с целью устранения аналогичного пробела в законе необходимо внести изменения в часть 1 ст. 23 Закона № 2-ЗРК от 15.05.2014 г. и изложить следующим образом: «Государственный Совет заслушивает (рассматривает) и утверждает следующие отчеты».

В ст. 171 Регламента не указана форма – заслушивание (рассмотрение) докладов. Вместе с тем, в ст. 178, 179 расписывается порядок рассмотрения докладов Уполномоченного по правам человека в РК, Уполномоченного по правам ребенка в РК, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РК.

Из изложенного следует, что контрольная функция проявляется не только в контроле других органов власти путем заслушивания (рассмотрения) и утверждения отчетов, докладов и т.д., но и в контроле парламентом деятельности лиц, непосредственно работающих там (проведение проверок и депутатских расследований по вопросам, входящим в компетенцию Государственного Совета).

Контроль важен не только в части соблюдения и исполнения Конституции и законов РК, иных правовых актов, принятых Государственным Советом (ст. 3 п. 3 Закона № 2-ЗРК от 15.05.2014 г.), но и с целью обеспечения практической реализации законов, иных правовых актов, выявления неустребованных или не применимых на практике положений нормативных правовых актов, аналитического обобщения данных судебной и иной правоприменительной практики о действии нормативных правовых актов РК и именно мониторинг, осуществляемый в соответствии с Законом РК от 29 декабря 2016 г. № 340-ЗРК/2016 «О мониторинге нормативных правовых актов Республики Крым» позволяет надлежаще реализовать контрольную функцию Государственного Совета РК в данных направлениях.

Результаты, полученные после проведения мониторинга, становятся основой для разработки новых нормативных правовых актов, внесения изменений в действующее законодательство, следовательно, появляется возможность проводить реформирование законодательства с учетом реальной практики его применения, оценивая последствия принятия нормативного правового акта и пробелы, которые необходимо устранить в процессе дальнейшего законотворчества [29, с.28-29].

Полагаем, что п. 3) ст. 3 Закона № 2-ЗРК от 15.05.2014 г. необходимо изложить в следующей редакции: «Основными функциями Государственного Совета являются: «контрольная, которая реализуется через контроль за соблюдением и исполнением

Конституции и практической реализацией, соблюдением и исполнением законов Республики Крым, иных правовых актов, принятых Государственным Советом».

В Республике Коми контрольная функция осуществляется через контроль за соблюдением и исполнением Конституции Республики Коми и законов Республики Коми, иных правовых актов, принятых Государственным Советом, исполнением республиканского бюджета Республики Коми, исполнением бюджета территориального государственного внебюджетного фонда, соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью Республики Коми [18].

Аналогичная норма относительно реализации контрольной функции закреплена в ст. 16 ч. 1 п. 1, 2, 3 Закона Республики Адыгея от 10.07.2006 г. №15 «О Государственном Совете-Хасэ Республики Адыгея». В частности, в ч. 2 ст. 16 Закона от 10.07.2006 года №15 обозначено, что Государственный Совет может осуществлять контроль в форме парламентского расследования, проведения парламентских слушаний и «правительственного часа». Порядок проведения парламентского расследования закреплен в статье 17 данного Закона [26]. Основанием для проведения такого расследования могут быть факты о нарушениях законов Республики Адыгея в отношении прав и свобод человека и гражданина, республиканского бюджета Республики Адыгея, бюджета территориального внебюджетного фонда Республики Адыгея, установленного порядка распоряжения государственной собственностью.

Иной перечень фактов, являющихся основанием для проведения парламентского расследования закреплён в Федеральном законе от 27.12.2005 г. №196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального собрания Российской Федерации».

По мнению А.Б. Яблонской предмет парламентского расследования, закреплённый в ч. 1 ст. 4 Закона от 27.12.2005 г. №196-ФЗ сформулирован достаточно узко и основания необходимо расширить. Так, к примеру, в Итальянской Республике ст. 82 Конституции закреплено, что парламентское расследование может проводиться по вопросам, представляющим «государственный интерес» [30, с. 5].

Интересный перечень оснований для проведения депутатского расследования предусмотрен в ст. 3 Закона Московской области от 04.11.2004 г. № 136/2004-ОЗ «О депутатском расследовании» [31]. Поступление к депутату Московской областной Думы информации о случаях нарушений должностными лицами Устава и законов Московской области, прав и свобод человека и гражданина, бюджетного процесса в Московской области, установленного порядка формирования и исполнения государственных программ и планов социально-экономического развития Московской области, установленного порядка распоряжения собственностью Московской области и федеральной собственностью, в осуществлении прав владения, пользования и распоряжения которой участвует Московская область, является основанием проведения депутатского расследования.

В соответствии со ст. 16 Закона Белгородской области от 19.12.2005 г. №11 «О статусе депутата Белгородской областной Думы» основаниями для проведения депутатского расследования являются события и обстоятельства, ставшие известными депутатам и связанные со следующими фактами: грубого или массового нарушения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Белгородской области; нарушения установленного порядка управления и распоряжения государственной собственностью Белгородской области; грубого нарушения финансовой дисциплины, выразившимися в несвоевремен-

ном исполнении доходных и (или) расходных статей бюджета Белгородской области либо бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования Белгородской области по объему, структуре и целевому назначению, в неэффективности расходов средств бюджета Белгородской области, средств бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования Белгородской области; грубого нарушения порядка государственного регулирования цен и тарифов в Белгородской области [32]. Другими словами, в каждом субъекте в соответствующем нормативном правовом акте закреплён уточняющий перечень оснований для проведения либо «парламентского расследования» или «депутатского расследования» с целью реализации контрольной функции законодательного органа власти.

Вместе с тем, о такой форме осуществления контрольной деятельности как «депутатское (парламентское) расследование» нормы права могут содержаться в разных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации.

К примеру, в РК информация о контрольной деятельности законодательного органа власти закреплена частично в ст. 171 Регламента Государственного Совета РК (от 24.12.2014 г. № 376-1/14) с отсылкой на Закон № 64 -ЗРК от 10.09.2014 «О статусе депутата Государственного Совета» [28]. В ст. 20 Закона № 64 -ЗРК от 10.09.2014 «О статусе депутата Государственного Совета» отмечается, что постановление о проведении депутатского расследования Государственный Совет вправе принять по вопросу, относящемуся к ведению Государственного Совета и лишь по требованию депутата, группы депутатов, депутатского объединения в Государственном Совете, комитета Государственного Совета [21].

В Законе № 64 -ЗРК от 10.09.2014 не закрепляется перечень оснований для проведения депутатского расследования как в ряде иных субъектов РФ, а соответственно законодатель не определяет строгих «границ». Вместе с тем, вопросы, относящиеся к ведению Государственного Совета РК, являются достаточно значимыми и важными для субъекта и закреплены также ни в одном нормативном правовом акте.

Так, согласно ст. 8 ч. 2 п. 49 Закона № 2-ЗРК от 15.05.2014 г. «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым» к его полномочиям относится осуществление иных полномочий, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, Конституцией РК и законами Республики Крым, то есть имеется достаточно большой перечень оснований (вопросов), которые относятся к ведению законодательного органа власти и по которым последний имеет право проводить «депутатское расследование» для реализации в случае необходимости контрольной функции [16].

Проанализируем законодательство г. Севастополя по вопросу реализации контрольной функции законодательным органом власти. Согласно ст. 39 Постановления Законодательного Собрания Севастополя от 30.09.2014 г. № 15 «Об утверждении Регламента Законодательного Собрания города Севастополя» Законодательное Собрание осуществляет контрольные функции по направлениям и формам, установленным Законом города Севастополя от 10 июля 2014 г. № 35-ЗС «О Законодательном Собрании города Севастополя» [33]. Направления и особенности осуществления контрольных полномочий закреплены в ст. 25 и 30 данного Закона, однако нормы являются отсылочными так как из содержания Закона следует, что порядок, направления, формы осуществления и пределы использования контрольных

полномочий Законодательного Собрания устанавливаются законодательством города Севастополя.

В ст. 26 Закона Севастополя от 31.12.2014 г. № 105-ЗС «О статусе депутата Законодательного Собрания города Севастополя» закреплено, что по требованию депутата, группы депутатов, фракции и депутатского объединения в Законодательном Собрании, постоянных комитетов, комиссий Законодательного Собрания Законодательное Собрание вправе принять постановление о проведении депутатского расследования по вопросу, относящемуся к ведению Законодательного Собрания, в порядке, установленном законом города Севастополя [34].

Таким образом, если сравнивать с нормой закона, закрепленной по данному вопросу нормативном правовом акте Государственного Совета РК, приходим к выводу, что в законодательном акте города Севастополя дополнительно закреплен субъект «постоянные комиссии Законодательного Собрания», являющийся также инициаторами проведения депутатского расследования. Вместе с тем, аналогично закреплена позиция о том, что «законодательный орган вправе принять постановление о проведении депутатского расследования по вопросу, относящемуся к его ведению». Кроме того, законодатель города Севастополя разделяет такие понятия как «депутатская проверка» и «депутатское расследование». Депутатская проверка может быть назначена по требованию группы депутатов Законодательного Собрания численностью не менее одной трети от установленного числа депутатов Законодательного Собрания, по требованию депутатской фракции, депутатской группы, по предложению Уполномоченного по правам человека в городе Севастополе в случаях, предусмотренных законами города Севастополя, в порядке, установленном законом города Севастополя (статья 25 Закона от 31.12.2014 г. № 105-ЗС).

Вместе с тем, в Регламенте Государственного Совета Республики Крым в ст. 171 ч. 2 п. 6 закреплена такая форма как «проведение проверок и депутатских расследований...» с ссылкой на Закон «О статусе депутата Государственного Совета» от 10.09.2014 г. № 64 -ЗРК, однако в данном Законе не урегулирован вопрос порядка проведения депутатской проверки, что также является пробелом в действующем законодательстве Республики Крым.

С целью урегулирования вопроса осуществления контрольной деятельности на территории города Севастополя, законодателем принят Закон города Севастополя от 28.12.2015 г. №222- ЗС «О контрольной деятельности Законодательного Собрания города Севастополя» [35]. Закон определяет формы и порядок осуществления контрольной деятельности Законодательного Собрания города Севастополя и устанавливает механизм реализации контрольных функций Законодательного Собрания города Севастополя. В частности, данным Законом регулируется порядок проведения депутатских проверок (статья 12) и депутатского расследования (с. 13).

Вместе с тем, проанализировав действующее законодательство, а также нормативные правовые акты: «О Положении о депутатском расследовании», утвержденным Решением Думы Советского района Ханты-Мансийского Автономного Округа – Югры от 29.10.2019 г. № 315/НПА [36], «О порядке проведения депутатского расследования Якутской городской Думы», утвержденным Решением Якутской городской Думы от 26.02.2014 года № 179/НПА, приходим к выводу, что в Республики Крым, нормы контрольной деятельности Государственного Совета Республики Крым достаточно четко не урегулированы [37].

Формы осуществления контрольной деятельности в разных нормативных правовых актах изложены частично, то есть не идентично, в частности законодательно не урегулирован порядок такой формы осуществления контрольной деятельности как «депутатская проверка», в РК отсутствует отдельное положение, конкретизирующее проведение «депутатской проверки» или «депутатского расследования» либо единый закон, регулирующий контрольную деятельность, устраняющий пробелы в той части, которая не урегулирована действующим законодательством.

В Севастополе, в Законе от 28.12.2015 г. №222-ЗС подробно определен предмет, формы, порядок осуществления контрольной деятельности Законодательного Собрания города Севастополя и механизм реализации контрольной функции законодательного органа. Думается, что РК, также необходимо принять отдельный Закон для урегулирования указанных вопросов при осуществлении контрольной деятельности, так как реализация контрольной функции имеет важное значение для достижения высокого результата при построении законодательной правовой системы общества.

Таким образом, формы, порядок, механизм реализации функций законодательного (представительного) органа власти требуют детального закрепления на законодательном уровне, с целью надлежащей их реализации на практике. Качественная реализация основных функций позволит достичь поставленных целей и приведет к совершенствованию действующей системы законодательства. Основные функции следует рассматривать в единстве, не выделяя главную или более значимую. Так как первоочередная задача государства – это удовлетворять потребности общества, в частности создавать законы, которые на практике были бы действенными и реализовывались на благо народа, защищали права, свободы и интересы граждан. А контрольная функция осуществляется с целью контроля за деятельностью лиц, осуществляющих реализацию основных функций, за соблюдением действующего законодательства, а также за эффективной практической реализацией, применяемых нормативных правовых актов, в том числе путем проведения мониторинга.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями от 01.07.2020). – URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 28.10.2022).
2. Конституция Республики Крым от 11.04.2014 Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями от 28.10.2020). – URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 28.10.2022).
3. Васильева, А.С. Теория права и государства / А.С. Васильева. - Текст непосредственный: учебник. - Изд.2-е. -479 с.
4. Кожевников С.Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России. - Elibrary.ru: науч. электрон. б-ка: - URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 31.11.2022). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
5. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк- 2-е изд., испр. и доп. - 377 с.
6. Матузов, Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов: учебник. -5-е изд.-526 с.
7. Морозова, Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова: Учебник, 4-е издание. - С. 51-52.
8. Протасов, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Протасов: учеб.пособие для вузов.-5-е изд., перераб. и доп.- 192 с.
9. Марченко, М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко: Учебник. Издание 3-е, расширенное и дополненное / Под ред. М.Н. Марченко. - М: ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2001. С.624.
10. Голубничий, Р.В. Теория государства и права: учебное пособие для подготовки к экзамену / Р.В. Голубничий, Н.Н. Песцова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. – 214 с. – Текст: непосредственный.
11. Степаненко Д.М. Правотворческая форма реализации инновационной функции государства / Д.М. Степаненко // Российская юстиция, апрель 2018. №4, С.2. – Текст: непосредственный.
12. Бухтерева, М.А. Формы реализации функций государства: специальность 12.00.01: автореф.дис. кандидата юр.наук: Бухтерева Мария Алексеевна. - 2002.
13. Гогин, А.А. Теория государства и права: учебник, под.ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. – «Проспект», 2016, С. 34.

14. Слипенчук, М.В. Особенности правотворческой деятельности при реализации функций государства / М.В. Слипенчук // Закон и право, 2009. Дискуссионная трибуна, с. 31-32.
15. Алланина, Л.М. Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление». Правовое обеспечение государственного и муниципального управления. – Тюмень. – 2015. С. 253. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://studfile.net/preview/10907179/>.
16. Закон Республики Крым от 15.05.2014 г. № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 10.11.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
17. Реутов, В.П. Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 14.11.2022).
18. Закон Республики Коми от 17.11.2010 года № 129-ПЗ «О Государственном Совете Республики Коми» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/895273901>
19. Закон Иркутской области от 08.06.2009 года № 30-оз «О Законодательном Собрании Иркутской области» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/895208897>
20. Закон Кировской области от 26.05.2022 г. № 77-ЗО «О Законодательном Собрании Кировской области» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406066474>
21. Закон Республики Крым от 10.09.2014 г. № 64-ЗРК «О статусе депутата Государственного Совета Республики Крым». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 16.11.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
22. Малкин, Д.В. Компетенция регионального депутата при осуществлении представительной функции законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 17.11.2022).
23. Салеев, Т.Ф. К вопросу о взаимодействии формы и содержания деятельности законодательных органов по принятию законодательных нормативных правовых актов и реализации правоустанавливающей функции данных органов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>
24. Свистунова, Л.Ю. Конституционное закрепление и реализация основных функций законодательного (представительного) органа государственной власти в Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 18.11.2022).
25. Конституционный Закон Республики Саха (Якутия) от 10.07.2002 года 35 -3 N401-II «О Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/424065226> (дата обращения: 18.11.2022).
26. Закон Республики Адыгея от 10.07.2006 года №15 «О Государственном Совете -Хасэ Республики Адыгея» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/802066090>.
27. Закон Кировской области от 01.11.2022 №119-ЗО «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ipbd.ru/doc/4300202211070003/> (дата обращения: 21.11.2022).
28. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 24.12.2014 г. № 376-1/14 «О Регламенте Государственного Совета Республики Крым». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 23.11.2022). - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. - Текст: электронный.
29. Трофимов, С.А. Нормотворческий процесс в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Крым и города федерального значения Севастополя): учебное пособие для магистров / Под ред. С. А. Трофимова, И. В. Бондарчука. – Симферополь.: ИТ «АРИАЛ», 2018.
30. Яблонская, А.Б. Контрольная функция органов законодательной власти Российской Федерации. - Elibrary.ru: науч. электрон. б-ка: - URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 23.11.2022). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
31. Закон Московской области от 04.11.2004 года № 136/2004-ОЗ «О депутатском расследовании». - URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 25.11.2022).
32. Закон Белгородской области от 19.12.2005 года №11 «О статусе депутата Белгородской областной Думы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/469020829>
33. Постановление Законодательного Собрания города Севастополя от 30.09.2014 года № 15 «Об утверждении Регламента Законодательного Собрания города Севастополя» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/413801233> (дата обращения: 01.12.2022).
34. Закон города Севастополя от 31.12.2014 года № 105-ЗС «О статусе депутата Законодательного Собрания города Севастополя» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/413801348> (дата обращения: 05.12.2022).
35. Закон города Севастополя от 28.12.2015 года №222- ЗС «О контрольной деятельности Законодательного Собрания города Севастополя» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/432809454> (дата обращения: 07.12.2022).
36. Решение Думы Советского района Ханты-Мансийского Автономного Округа- Югры от 29.10.2019 года № 315/НПА «О Положении о депутатском расследовании» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561598936> (дата обращения: 09.12.2022).

37. Решение Якутской городской Думы от 26.02.2014 года № 179/НПА «О порядке проведения депутатского расследования Якутской городской Думы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/439085834> (дата обращения: 13.12.2022).

Klubenko V.S. The functions of the state and the implementation of the main functions of the legislative body on the example of the constituent entities of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 39-55.

The article deals with the issue of state functions, functions of state power bodies, correlation of functions and forms of realization of state functions. The analysis of the main functions of the legislature - legislative, representative and control functions - is carried out. The attention is drawn to the debatability in scientific literature and fixation of norms in the current legislation concerning the priority of such functions as legislative and representative. On the basis of domestic and foreign experience the comparative analysis of normative legal acts of subjects of the Russian Federation on the issue of proper consolidation in the given legal acts of basic functions of legislative authority, in particular their contents for the purpose of effective realization in practice is carried out. The author, taking into account the analysis, proposed amendments to the current Rules of Procedure of the State Council of the Republic of Crimea, approved by the Decree of the State Council of the Republic of Crimea of 24.12.2014 № 376-1/14 and the Law of the Republic of Crimea of 15.05.2014 № 2-ZRK "On the State Council of the Republic of Crimea - the Parliament of the Republic of Crimea". At the same time, to determine a clear list of forms and procedures for the control activities of the legislative authority, it is proposed to adopt the Law "On Control Activities of the State Council of the Republic of Crimea" in the territory of the Republic of Crimea.

Keywords: functions of the state, basic functions of the legislative body, forms of state functions, the State Council of the Republic of Crimea, legislative, representative, control functions, rule of law, parliamentary enquiry, the subjects of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.1993 (s izmeneniyami ot 01.07.2020). – URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 28.10.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley.
2. Konstitutsiya Respubliki Krym ot 11.04.2014 Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.1993 (s izmeneniyami ot 28.10.2020). – URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 28.10.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley. - Tekst: elektronnyy.
3. Vasilyeva, A.S. Teoriya prava i gosudarstva / A.S. Vasilyeva. - Tekst neposredstvennyy: uchebnik. - Izd.2-e.-479 s.-Kharkov, 2007, s.128-130.
4. Kozhevnikov S.N. Grazhdanskoe obshchestvo: ponyatie, osnovnye priznaki, predposylki formirovaniya v Rossii. - Elibrary.ru: nauch. elektron. b-ka: - URL: <https://elibrary.ru> (data obrashcheniya: 31.11.2022). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley. – Tekst: elektronnyy.
5. Khropanyuk, V.N. Teoriya gosudarstva i prava / V.N. Khropanyuk- 2-e izd., ispr. i dop.-377 s.- M., 2003, s.62. – Tekst: neposredstvennyy.
6. Matuzov, N.I. Teoriya gosudarstva i prava / N.I. Matuzov: uchebnik. -5-e izd.-526 s.: il.-Moskva, 2020, s.55. – Tekst: neposredstvennyy.
7. Morozova, L.A. Teoriya gosudarstva i prava / L.A. Morozova: Uchebnik, 4-e izdanie. - S. 51-52. – Tekst: neposredstvennyy.
8. Protasov, V.N. Teoriya gosudarstva i prava / V.N. Protasov: ucheb.posobie dlya vuzov.-5-e izd., pererab. i dop.- 192 s.-Moskva, 2017, s.44. – Tekst: neposredstvennyy.
9. Marchenko, M.N. Teoriya gosudarstva i prava / M.N. Marchenko: Uchebnik. Izdanie 3-e, rasshirennoe i dopolnennoe / Pod red. M.N. Marchenko.-M: IKD ZERTsALO-M, 2001.s.624.
10. Golubnichiy, R.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie dlya podgotovki k ekzameni / R.V. Golubnichiy, N.N. Pestsova. – Simferopol: IT «ARIAL», 2015. – 214 s. – Tekst: neposredstvennyy.
11. Stepanenko D.M. Pravotvorcheskaya forma realizatsii innovatsionnoy funktsii gosudarstva / D.M. Stepanenko // Rossiyskaya yustitsiya, aprel 2018. №4, S.2. – Tekst: neposredstvennyy.
12. Bukhtereva, M.A. Formy realizatsii funktsiy gosudarstva: spetsialnost 12.00.01: avtoref.dis. kandidata yur.nauk: Bukhtereva Mariya Alekseevna. - 2002. - [Elektronnyy resurs]. -URL: <https://www.dissercat.com/>
13. Gogin, A.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik, pod.red. A.V. Malko, D.A. Lipinskogo. – «Prospekt», 2016, s.34. - [Elektronnyy resurs]. -URL: https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_
14. Slipenchuk, M.V. Osobennosti pravotvorcheskoy deyatel'nosti pri realizatsii funktsiy gosudarstva/ M.V. Slipenchuk // Zakon i pravo, 2009. Diskussionnaya tribuna, s.31-32. – Tekst: neposredstvennyy.
15. Allanina, L.M. Uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po napravleniyu «Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie». Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. – Tyumen. – 2015, s.253. - [Elektronnyy resurs]. -URL: <https://studfile.net/preview/10907179/>.
16. Zakon Respubliki Krym ot 15.05.2014 g. № 2-ZRK «O Gosudarstvennom Sovete Respubliki Krym – Parlamente Respubliki Krym». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 10.11.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley. - Tekst: elektronnyy.

17. Reutov, V.P. Funktsii i struktura pravotvorchestva (strategicheskiy aspekt) [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 14.11.2022).
18. Zakon Respubliki Komi ot 17.11.2010 goda № 129-RZ «O Gosudarstvennom Sovete Respubliki Komi» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/895273901>
19. Zakon Irkutskoy oblasti ot 08.06.2009 goda № 30-oz «O Zakonodatelnom Sobranii Irkutskoy oblasti» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/895208897>
20. Zakon Kirovskoy oblasti ot 26.05.2022 g. № 77-ZO «O Zakonodatelnom Sobranii Kirovskoy oblasti» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/406066474>.
21. Zakon Respubliki Krym ot 10.09.2014 g. № 64-ZRK «O statuse deputata Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 16.11.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley. - Tekst: elektronnyy.
22. Malkin, D.V. Kompetentsiya regionalnogo deputata pri osushchestvlenii predstavitelnoy funktsii zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoy vlasti subekta Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 17.11.2022).
23. Saleev, T.F. K voprosu o vzaimodeystvii formy i soderzhaniya deyatel'nosti zakonodatel'nykh organov po prinyatiyu zakonodatel'nykh normativnykh pravovykh aktov i realizatsii pravoustanavlivayushchey funktsii dannykh organov [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru>
24. Svistunova, L.Yu. Konstitutsionnoe zakreplenie i realizatsiya osnovnykh funktsiy zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 18.11.2022).
25. Konstitutsionnyy Zakon Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 10.07.2002 goda 35 -Z N401-II «O Gosudarstvennom Sobranii (II Tumen) Respubliki Sakha (Yakutiya)» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/424065226> (data obrashcheniya: 18.11.2022).
26. Zakon Respubliki Adygeya ot 10.07.2006 goda №15 «O Gosudarstvennom Sovete -Khashe Respubliki Adygeya» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/802066090>
27. Zakon Kirovskoy oblasti ot 01.11.2022 №119-ZO «O kontrol'noy deyatel'nosti Zakonodatel'nogo Sobraniya Kirovskoy oblasti» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://ipbd.ru/doc/4300202211070003/> (data obrashcheniya: 21.11.2022).
28. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 24.12.2014 g. № 376-1/14 «O Reglamente Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 23.11.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley. - Tekst: elektronnyy.
29. Trofimov, S.A. Normotvorcheskiy protsess v subektakh Rossiyskoy Federatsii (na primere Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya): uchebnoe posobie dlya magistrov / Pod. red. S. A. Trofimova, I. V. Bondarchuka. – Simferopol.: IT «ARIAL», 2018. – Tekst: neposredstvennyy.
30. Yablonskaya, A.B. Kontrol'naya funktsiya organov zakonodatel'noy vlasti Rossiyskoy Federatsii. - Elibrary.ru: nauch. elektron. b-ka: - URL: <https://elibrary.ru> (data obrashcheniya: 23.11.2022). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley. – Tekst: elektronnyy.
31. Zakon Moskovskoy oblasti ot 04.11.2004 goda № 136/2004-OZ «O deputatskom rassledovanii». - URL: <https://internet.garant.ru> (data obrashcheniya: 25.11.2022). - Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. polzovateley.
32. Zakon Belgorodskoy oblasti ot 19.12.2005 goda №11 «O statuse deputata Belgorodskoy oblastnoy Dumy» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/469020829>
33. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya goroda Sevastopolya ot 30.09.2014 goda № 15 «Ob utverzhdenii Reglamenta Zakonodatel'nogo Sobraniya goroda Sevastopolya» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/413801233> (data obrashcheniya: 01.12.2022).
34. Zakon goroda Sevastopolya ot 31.12.2014 goda № 105-ZS «O statuse deputata Zakonodatel'nogo Sobraniya goroda Sevastopolya» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/413801348> (data obrashcheniya: 05.12.2022).
35. Zakon goroda Sevastopolya ot 28.12.2015 goda №222- ZS «O kontrol'noy deyatel'nosti Zakonodatel'nogo Sobraniya goroda Sevastopolya» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/432809454> (data obrashcheniya: 07.12.2022).
36. Reshenie Dumy Sovetskogo rayona Khanty-Mansiyskogo Avtonomnogo Okruga- Yugry ot 29.10.2019 goda № 315/NPA «O Polozhenii o deputatskom rassledovanii» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/561598936> (data obrashcheniya: 09.12.2022).
37. Reshenie Yakutskoy gorodskoy Dumy ot 26.02.2014 goda № 179/NPA «O poryadke provedeniya deputatskogo rassledovaniya Yakutskoy gorodskoy Dumy» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/439085834> (data obrashcheniya: 13.12.2022).

УДК 340.13

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРАВОСОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО–ПРАВОВОЙ АСПЕКТ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коваленко Н. Е.

юридический институт, Алтайский государственный университет

Статья является продолжением исследования проблематики правосознания. В ней раскрываются некоторые аспекты, вызывающие девиантные проявления правосознания, приведены данные социологических опросов. Исходя из полученных данных опроса делается вывод, об уровне правовой культуры общества. Если правосознание деформировано, в части отношения конкретной личности к правовым нормам, то существуют предпосылки для возникновения неправомерного поведения личности (падение уровня правовой культуры). В работе предложены пути повышения качества правового сознания. В том числе, рассмотрен вопрос: влияние потока информации на психико-эмоциональное составляющую правового сознания человека, что представляется актуальным на сегодняшний день. В период активной «оцифровки» общественных отношений, необходимо плавно переходить к нововведениям, начиная с оценки действительного состояния правосознания общества.

Ключевые слова: право, правоотношение, субъект права, правосознание, правовая культура, искусственный интеллект.

В предыдущем исследовании автором подымались такие проблемы правосознания как: особенности современного проявления правосознания, деформация и отклоняющееся правосознание. В настоящей статье выявляются иные факторы, показывающую существующую проблематику в правовом сознании граждан российского общества.

Размыванием нравственной основы правосознания. Нравственную основу правосознания составляют правовые обычаи общества, которые сложились у индивидов в течении длительного времени, как следствие, сформировался базис приобретенного опыта. Однако, даже то что выработано годами, поколениями, может деградировать под влиянием внешних факторов, которые в свою очередь расцениваются как с положительной, так и отрицательной стороны.

Согласно позиции доцента М.В. Залоило следует, что данным фактором является увеличение технико-цифровизационной составляющей в культуре правотворчества современного общества, в результате чего отмечается ряд особенностей: трансформация правовой культуры и мышления человека, размывание границ между субъектом и объектом, объектом и результатом правотворчества [1].

В отклоняющемся же поведении исследователями наблюдается размывание нравственной основы правосознание. Данный тип поведения у личности возникает в любой сфере жизнедеятельности, но в основном оно проявляется именно в тех сферах, где идет непосредственный и частый поток контактов с другими членами общества. В частности, такими сферами являются: информационная коммуникация, интернет, безопасность дорожного движения, финансовая сфера безналичного расчета и т.д.

Рассмотрим некоторые из них. Например, сфера безопасности дорожного движения является той областью жизни человека, с которой мы сталкиваемся каждый день, где на первом плане фигурируют проблемы взаимодействия правовой культуры, правосознания, воспитания, ответственности и правовой психологии. Противо-

правное поведение является основной первопричиной дорожных аварий, при этом следует обозначить, за исключением юридических фактов таких, как стихийные бедствия.

В рамках нашего исследования был проведен опрос с целью узнать, отношение граждан к законодательной системе, насколько респонденты соблюдают нормы права, какие взгляды у респондентов на правовое регулирование и развитие данного процесса. В социологическом опросе, с помощью Google-формы, приняли участие 100 респондентов в возрасте от 18 до 45 лет (см. рисунок 1-2).

Рис.1 Опрос №1 “Отношение к законодательной инициативе”

Опрос позволяет проследить прямую связь между правосознанием конкретного субъекта и состоянием законности в обществе. Если правосознание деформировано,

в части отношения конкретной личности к правовым нормам, то следует закономерный результат в виде неправомерного поведения

Согласно данным, полученным из опроса, следует что цифровизация общественной жизни носить как созидательные, так и отрицательные факторы. Однако, хотелось бы, чтобы в ближайшее время появились эффективные механизмы защиты информации, качественные методики распознавания правонарушений и преступлений в области информационных технологий, юридические механизмы противодействия нарушениям в области информационных технологий. Не стоит забывать и о законодательстве, о необходимости «наличия специального понятийного аппарата, содержащего технические и технологические термины, хорошее понимание которых требует привлечение специалистов в области информационной технологии» [2].

Таким образом, на законодательном уровне необходимо уделить особое внимание безопасности функционирования искусственного интеллекта, обозначить его правовой статус, оговорить условия ответственности при причинении им вреда.

Вышеизложенную тенденцию предлагается рассмотреть в финансовой сфере безналичного расчета, на примере операций с криптовалютой. В Российской Федерации криптоиндустрия находится вне правового поля, не имеет официального статуса, что является проблемой, требующей незамедлительного решения. При этом субъекты заведомо зная о нелегальности обращения с криптовалютой все равно проводят операции, полагаясь на быструю наживу и смену своего контрагентов, используя пробел в законодательном регулировании. У данных лиц уровень правосознания находится на маргинальной стадии, любые действия с криптовалютой запрещены, но регулирование действий не закреплено законодательно ввиду чего лица не задумываются о последствиях своих действий, индивидуализированный эгоизм современного общества привел к такой ситуации.

С 1 января 2021 г. в России вступил в силу федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который был принят с целью правового регулирования электронных форм денег в целях ликвидации пробела в законодательстве. Согласно статье 1 данного закона:

1. «Регулируются отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации» [3].

2. «Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [3].

4. «Выпуск, учет и обращение эмиссионных ценных бумаг, возможность осуществления прав по которым удостоверяется цифровыми финансовыми активами, регулируются Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [3].

5. «К правоотношениям, возникающим при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов в соответствии с настоящим Федеральным законом, в том числе с участием иностранных лиц, применяется российское право» [3].

6. «В информационных системах, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, также может осуществляться выпуск цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права. При этом выпуск, учет и обращение цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, осуществляются в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона» [3].

Анализ ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», Конституции РФ, привел к следующим выводам: официальная денежная единица в РФ – рубль; криптовалюта – не денежная единица. Следовательно, деятельность, связанная с обращением денежных средств, иная предпринимательская деятельность, в том числе с применением криптовалюты должна иметь правовое регулирование [4].

До принятия федерального закона от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» существовала неопределенность, правовой вакуум, что подталкивало граждан к нарушениям постулатов правового государства, залог которого в высоком уровне правосознания и соответствующем уровне правовой культуры.

Проведенное исследование еще раз подтвердило мнение о том, что «в правовом сознании россиян в современных условиях присутствует стремление к незаконным практикам, особенно при наличии пробелов в законодательстве, через укоренение их алгоритмов в правосознании, что связано с размыванием нравственной основы правосознания в современной России (преобладанием в социально-правовой практике духовно-нравственного начала)» [5].

Надыгина Е.В. убеждена, что: «правосознание – предстает многогранным и сложным правовым феноменом. В него входят как рациональные, так и психологические компоненты, формирующийся и развивающийся в условиях социума. При этом, окружающая действительность подвергнута изменению под воздействием ряда факторов, как было указано выше. В настоящее время прослеживается активное влияние новых технологических и информационных отношений, в результате которых подвергнута изменению субъективная реакция людей на изменяющиеся явления - их чувства, взгляды, представления» [6].

В данном случае прослеживается классический конфликт старого «укоренившегося» права с новой реальностью, с новыми потребностями общества. Обыденный уклад жизни социума сопровождается укоренившимся поведением, это в свою очередь, характеризует соответствующий уровень правового сознания граждан. В данном моменте прослеживается типичная характеристика изменения правовой культуры, так как она основана на живом человеческом рационально-психологическом явлении. Бондарев А.С. обращал внимание на эту черту правовой культуры и говорил, что: «она живет только в правовом сознании и правомерном поведении всех субъектов права, действующих в настоящем существующем временном правовом состоянии» [7, с. 15].

Несомненно, изменения происходят под влиянием правовой информированности населения через средства СМИ, интернет, однако, далеко не все аспекты подверга-

ются публичному освещению, в чем и возникает правовой вакуум общества, влекущий за собой неисполнение норм права, что может влечь за собой юридическую ответственность. В рассмотренной ситуации наблюдаем диссонанс интуитивного права по отношению к позитивному. В свою очередь следует отметить и отрицательный момент в пере-информированности или же псевдо-информированности населения через «мусорные» информационные ресурсы.

У индивидуума психика настроена на решение бытовых, повседневных вопросов, поэтому ему проще и быстрее узнать информацию, распространенную в социальных сетях и иных интернет-площадках, не специализированных на правовом ознакомлении и просвещении, характер которой не соответствует действительности или искажена. Индивидуум с обыденным правосознанием не задумается о проверки данной информации, его психико-эмоциональное состояние полностью задействовано в будничной жизни, свободных ресурсов для дополнительного мыслительно-активного действия не остается.

И, как было отмечено ранее, активное изменение государственно-социальной реальности в сторону цифровизации, влечет за собой возникновение огромных массивов информации и новые механизмы правового регулирования. Ввиду этого отмечается ситуация, когда у индивидуума объем психико-эмоционального состояния остается прежним, а информационная нагрузка возрастает, ресурсов на отбирание истины не остается.

Необходимо изменить сложившуюся ситуацию, в сторону стабилизации информационного прогресса, разложение его на подэтапы, а также проведение планомерной подготовки населения к нововведениям, иначе деформированное правосознание каждого индивидуума в отдельности повлияет на уничтожение общей правовой культуры и надежд на построение правового государства.

Правосознание не существует обособлено, не находится в вакууме, оно всегда подвержено воздействиям, поэтому и является разноуровневной категорией. Так как от качества правосознания зависит механизм построения правового государства, закономерно делаем вывод о важности состояния права в нем. Социальное регулирование посредством права осуществляет воздействие на сознание индивидуумов через их потребности, интересы и иные факторы, мотивирующие людей выстраивать межличностные отношения.

Согласно теории права законодательство и право не тождественные понятия, последнее шире и включает в себя первое, при этом они оба влияют на правовое сознание граждан. Однако, большее значение придается силе законодательства, так как представители обыденного и профессионального правосознания, опираются на нормы законодательства, регулирующие их деятельности. Представители научного типа правосознания ориентируются на содержание не только норм законодательства, но и содержание правовой материи в целом. Ввиду этого, главенствующее значение для правосознания личности имеет уровень и качество законодательства в первую очередь, как порождающий юридические факты и последствия в социальных отношениях. Следует отметить, что законодателю необходимо поддерживать уровень правовой культуры, в должном состоянии, наравне с должным уровнем специальной законодательной культурой и юридической техникой. Законотворчество «предполагает глубокое знание прошлого, настоящего и нашего будущего, происходящих в стране процессов, исследование потребностей, интересов и

устремлений людей» [8]. Данное необходимо, для установления стабильного и выверенного правового урегулирования сфер общественной жизни и обеспечения безопасности государственного суверенитета, что особенно необходимо соблюдать в современных реалиях.

Количество элементов структуры, уровней и видов правосознания, их взаимосвязь трактуется различными учеными неоднозначно. Считаем возможным рассмотреть структуру правосознания через три элемента: правовая идеология, правовая психология и воля. При этом, по мнению Букловой З. К.: «существует связь между государственной идеологией, и правосознанием, и правом. Правосознание есть знание о праве и оценка действующего права, правовых явлений, является и средством воздействия на объект, на всю правовую систему государства» [9].

В заключении отметим, что произошла трансформация правосознания, переоценка ценностей, культуры, традиций, этики. Сложилась ситуация, когда право не успевает за быстро меняющейся научной реальностью, оно не имеет эффективно действующих институтов, средств, категорий, позволяющих сбалансировано регулировать общественные отношения, в результате чего человек обладая укоренившимся правосознанием, не может правильно подстроиться под современную правовую действительность, в результате чего он меняет свое отношение к праву. Возникает пробел в праве, а именно, ситуация так называемого устаревания права в момент его опубликования, то есть законотворчество обладает догоняющим характером, чего допускать нельзя. Об этом говорил доц. М.В. Залоило, в частности он предложил решения данной проблемы: «модель цифрового (интерактивного) закона как совокупности альтернативных сценариев с изменяемым посредством сетевого краудсорсинга содержанием», тем более, что цифровой текст проще адаптируется к быстро изменяющимся условиям [1; 10]. Однако, не всегда указанное приводит к развитию правового сознания личности, чаще к деформации. Чтобы данного не происходило, необходимо повышать уровень правосознания путем правового просвещения в социуме, организации воспитательной и правовой работы среди населения для достижения у каждого индивидуума высокого и сбалансированного правового интеллекта, как следствие выработка положительного правосознания и развития прогрессивной правовой культуры государства. К примеру, следует разработать специальную правительственную программу, направленную на адресное донесение правовой информации через личные контакты с гражданами и через различные порталы и ресурсы наподобие госуслуг. В отличие от последнего, на правовом портале предлагает проводить обучение по использованию своих прав и обязанностей, а также толкование наиболее важных законодательных нововведений. Отклоняющееся поведения, согласно профессору, Н.Л. Гранату выражается, в частности, в умалении роли и значения прав, свобод и законных интересов личности и в допустимости нарушений законности «в интересах дела» [11].

Таким образом, государство и общество находится на пути 4 технологической революции, меняется уклад жизни, менталитет начинает разрушаться под резкими внедрениями информативно-технологической схемы общественного устройства, происходит слом правовой культуры, при не подготовленном психико-эмоциональном сознании граждан. Что подтверждает М.В. Залоило, он обращает особое внимание на важность правильного внедрения и применения технологий ИИ и связан вывод, прежде всего, с последствиями [12, с. 87-88]. В период активного

внедрения ИИ возникают вопросы о трансформации базовых категорий и принципов жизни человека. Поэтому необходимо плавно переходить к нововведениям, начинать следует с оценки действительного состояния правосознания общества, выявления явлений, способных негативно отразиться на уровне правовой культуры, правосознания. Только после обобщения полученных сведений необходимо приступить к разработке обновленного законодательства, для более эффективного правового регулирования, с учетом социально-экономических, культурных факторов.

Данная работа рассматривает проявление правового сознания человека, субъекта в окружающей его реальности, с учетом влияния результата цифровизации и внедрения технологий ИИ. Данные, приведенных опросов показали, что существует связь между правосознанием субъекта и состоянием законности в обществе. Согласно первому опросу, сделан вывод, что, если правосознание деформировано, в части отношения конкретной личности к правовым нормам, то существуют предпосылки для возникновения неправомерного поведения. Второй опрос показал, что цифровизация общественной жизни носит как положительные, так и отрицательные моменты, заключающиеся в отношении к ней субъектов. Ранее подобных исследований относительно категории «правосознание» не проводилось, в результате чего, возникли пробелы в правовом регулировании, дисгармония между правом и обществом, в результате чего уровень правовой культуры не возрастает. Проведение дальнейших исследований в области, восприятия права человеком, видится прогрессивным, в плане усовершенствования правовой материи в период активно развивающегося общества и государства, что диктуется возникновением новых общественных отношений, требующих нормативного урегулирования.

Список литературы:

1. Залоило, М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности / М.В. Залоило. – Текст : непосредственный. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2022. - №4 (92). - С. 65-73.
2. Коваленко, К.Е., Коваленко, Н.Е. Особенности правового регулирования трансграничных отношений в сети интернет (электронная торговля и проблемы криптовалюты в международных расчетах) / К.Е. Коваленко, Н.Е. Коваленко. – Текст : непосредственный. // Материалы Второй международной научно-практической конференции «Технологии XXI века в юриспруденции» под редакцией Д.В. Бахтеева; Екатеринбург, 22 мая 2020г. – Екб., 2020. С. 431-435.
3. Федеральный закон Российской Федерации № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422326&dst=100001#WJe3RUT8eKJQoYjx> .– Текст : непосредственный.
4. Законодательное регулирование криптовалюты: каким оно может быть?// ГАРАНТ.РУ. 24 октября. 2017. – URL: <https://www.garant.ru/article/1144313/> .– Текст : непосредственный.
5. Насыров, Р.В., Васев, И.Н., Синкин, К.А и др. Правосознание российского общества. Типологическая характеристика: коллективная монография. / Р.В. Насыров, И.Н. Васев, К.А. Синкин и др. – Текст : непосредственный. - Барнаул, 2013. - 254 с.
6. Надыгина, Е.В. Теоретико-правовой анализ влияния информационных технологий на правосознание: специальность 12.00.01. : дис. ... кандидата юридических наук/ Надыгина Елена Владимировна. – Нижний Новгород; 2007. - 211с. - Текст : непосредственный.
7. Бондарев, А.С. Понятие правовой культуры / А.С. Бондарев. – Текст : непосредственный. // История государства и права. - 2011. - №6. - С.13-18.
8. Керимов, Д. А. Культура и техника законодательства. / Д.А. Керимов. – Текст : непосредственный. - М.: Юрид. лит., 1991. - 160с.
9. Буклова, З. К. Правосознание в современном информационном обществе: теоретико-правовой анализ: специальность 12.00.01. : дис. ... кандидата юридических наук/ Буклова Залина Казбековна. – Москва, 2011. – 199с. – Текст : непосредственный.
10. Howes, D. E.Legislation: Law-Making in the Digital Age. McGill Law Journal. 2001; 47: 39- 57. Текст : непосредственный.

11. Гранат, Н.Л. Правосознание и правовое воспитание. В кн.: Общая теория государства и права. Акад. Курс. Т.3. / Под ред. М.Н. Марченко. / Н.Л. Гранат. – Текст : непосредственный. - М., 2001. – 720с.
12. Залоило, М.В. Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития / М.В. Залоило. – Текст : непосредственный. / Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. Под общей редакцией В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной; Москва, 23 апреля 2020 г. – М.: "Саратовский источник" (Саратов), 2021. - С. 86-90.

Kovalenko N. E. Subjective side of human legal consciousness: theoretical and legal aspect. Research continuation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 56–63.

The article is a continuation of the research problem of legal consciousness. It reveals some aspects that reveal deviant manifestations of legal consciousness, reveals the data of sociological surveys. Income from harvesting If the legal consciousness is deformed, in the part associated with certain personality disorders, that is, the cause of the misbehavior of the individual (decline in the level of culture). The paper proposes ways to return the quality of legal consciousness. Including when considering the issue: the influence of the flow of information on the psycho-emotional component of the legal consciousness of a person, which seems to be relevant today. During the period of active "digitization", appropriate relationships are needed, a smooth transition to innovation, an installation with a valid assessment of the state of the legal consciousness of society.

Keywords: law, legal relationship, subject of law, legal awareness, legal culture, artificial intelligence.

Spisok literatury:

1. Zaloilo M.V. Post-industrial Culture of Law-making: a New Image of Reality. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022;(4):65-73.
2. Kovalenko K.E. Kovalenko N.E. Osobennosti pravovogo regulirovaniia transgranichnykh otnoshenii v seti internet elektronnaia torgovlia i problemy kriptovaliuty v mezhdunarodnykh raschetakh. In: Materialy Vtoroi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Tekhnologii XXI veka v iurisprudentsii pod redaktsiei D.V. Bakhteeva; Ekaterinburg, 22 May 2020.- Ekb: 2020 – P. 431-435
3. Federal Law of Russian Federation № 259-F3 of 31 July 2020. «O tsifrovyykh finansovykh aktivakh tsifrovoi valiute i o vnesenii izmenenii v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiiskoi Federatsii ». (In Russ).
4. Zakonodatelnoe regulirovanie kriptovaliuty kakim ono mozhet byt? . – URL: <https://www.garant.ru/article/1144313/> .
5. Nasyrov R V Vasev I N Sinkin K A et al. Pravosochnanie rossiiskogo obshchestva. Tipologicheskaiia kharakteristika: kollektivnaia monografiia. Barnaul, 2013
6. Nadygina E V. Teoretiko-pravovoi analiz vliianiia informatsionnykh tekhnologii na pravosochnanie [dissertation] Nizhnii Novgorod; 2007.
7. Bondarev A S. Poniatie pravovoi kultury. *Istoriia gosudarstva i prava*. 2011; 6: 13-18. (In Russ.)
8. Kerimov D A. Kultura i tekhnika zakonotvorchestva. Moscow: IURid lit, 1991. 160c.
9. Buklova Z K. Pravosochnanie v sovremennom informatsionnom obshchestve teoretiko-pravovoi analiz [dissertation] Moscow; 2011. 199c.
10. Howes D. E-Legislation: Law-Making in the Digital Age. *McGill Law Journal*. 2001; 47: 39-57.
11. Granat N L. Pravosochnanie i pravovoe vospitanie. In: Marchenko MN, editor. *Obshchaia teoriia gosudarstva i prava*. T 3. Moscow; 2001. p.303.
12. Zaloilo M V. Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire tendentsii riski perspektivy razvitiia In: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii posviashchennoi pamiati professora FM Rudinskogo. VV Stroevev, DA Pashentsev, NM Ladnushkina, editors; Moscow, 23 April 2020 . – Moscow: Saratovskii istochnik (Saratov); 2021. – P. 86-90.

УДК 349.3

**КОДИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО - ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Кручек И. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В настоящей статье автор с позиции целей и принципов кодификации анализирует изложенные в научной литературе позиции по вопросам о наиболее приемлемой структуре Кодекса РФ о социальном обеспечении, о системе норм права социального обеспечения, подлежащих кодификации.

Автор, поддерживая позицию о классическом разделении Кодекса о социальном обеспечении на Общую и Особенную части, излагает свою позицию по дискуссионному вопросу о структуре и содержании каждой из частей. По мнению автора наиболее способствует достижению целей кодификации структурирование Особенной части Кодекса по видам социального обеспечения, при этом представляется обязательной внутренняя дифференциация по организационно-правовым формам социального обеспечения, в рамках которых предоставляются виды социального обеспечения. Автор считает целесообразным во избежание недостаточно продуманных новаций, носящих субъективный, конъюнктурный характер зафиксировать в Кодексе необходимость соблюдения концептуальной преемственности изменений социально-обеспечительного законодательства.

Ключевые слова: социальное обеспечение, правовая культура, кодификация, законодательство о социальном обеспечении, социальный кодекс, цели кодификации, региональные кодексы социального обеспечения, социальная поддержка правовая культура, социально-обеспечительные процедуры.

Вопрос о необходимости кодификации отечественного социально-обеспечительного законодательства рассматривается учеными – юристами с середины двадцатого столетия, однако, несмотря на то, что тенденции, с существованием которых в научной периодике связывается необходимость кодификации законодательства о социальном обеспечении [1, с.142; 2, с. 118; 3, с. 4; 4, с. 59; 5, с. 23-24; 6, с.195- 203] проявляются все больше и все отчетливее, перейти от научных дискуссий к практическим решениям все еще не удастся. В научной юридической литературе неоднозначно решаются вопросы об определении подлежащей кодификации системы норм права и о структуре Кодекса социального обеспечения.

Ряд авторов считают целесообразным проведение институциональной кодификации, которая, по их мнению, будет способствовать последующей отраслевой кодификации законодательства о социальном обеспечении [7, с. 17; 8, с. 195-210]. В контексте вышеизложенной позиции представляется своевременной кодификация пенсионного законодательства РФ и создание Пенсионного кодекса РФ. Позволим себе напомнить, что технико-юридической целью кодификации законодательства, в том числе и социально-обеспечительного законодательства, является обеспечение его системности и стабильности. Ю. В. Васильева называет это главной целью кодификации, без достижения которой невозможно концептуальное улучшение отраслевого законодательства [3, с. 5-11]. Системность законодательства, как мы помним, предполагает его упорядоченность и целостность правового регулирования.

С учетом таких принципов проведения кодификации как своевременность, полнота и единая направленность кодификации, считаем возможным утверждать, что только единая отраслевая кодификация позволит выделить в структуре права социального обеспечения Общую часть, которая в настоящее время сформулирована на доктринальном уровне. В Общей части Кодекса социального обеспечения, безусловно, следует определить предмет права социального обеспечения, его цели, функции, принципы, круг общественных отношений, регулируемых правом социального обеспечения, субъекты социально-обеспечительного правоотношения, особенности их правового статуса. Считаем необходимым подчеркнуть, что важно в

Общей части определить основание социального обеспечения – нуждаемость и ее факторы, а также – соотношение понятий нуждаемость и социальный риск. Принимая во внимание, что конституционные нормы относят социальное обеспечение к совместному ведению РФ и субъектов РФ, в Общей части Кодекса социального обеспечения должны быть урегулированы вопросы разграничения полномочий в части правотворчества между федерацией и ее субъектами.

Кроме того, правоприменительная практика свидетельствует об острой необходимости законодательного закрепления ряда понятий и терминов, которые сегодня сформулированы на доктринальном уровне: социальная защита, социальное обеспечение, социально-обеспечительное предоставление, нуждаемость, вид социального обеспечения, форма социального обеспечения, меры социального обеспечения, пенсия, компенсация, компенсационная выплата, одинокая мать, трудная жизненная ситуация и др. Попытки разрешить эту проблему в ходе кодификации регионально-го законодательства о социальном обеспечении лишь усугубили проблемы, характерные для понятийного аппарата этой отрасли права [6, с. 197-2001].

Считаем, что нормативные правовые акты, регулирующие вопросы, связанные с финансированием социально-обеспечительных предоставлений, не следует включать в систему норм права, подлежащую кодификации в данном случае [9, с.115]. Отношения по сбору, аккумулированию и расходованию бюджетных средств или средств социальных государственных страховых фондов не являются социально-обеспечительными правоотношениями, они возникают между иными субъектами и входят в предмет других отраслей права. В научных исследованиях и в учебной литературе неизбежно в том или ином объеме раскрываются вопросы финансирования страховых и государственных видов социального обеспечения или отдельных социально-обеспечительных предоставлений, однако наука права социального обеспечения определяет эти отношения как отношения тесно связанные с социально-обеспечительными отношениями, равно как и, например, отношения по установлению юридических фактов, в связи с наступлением которых возникает либо прекращается социально-обеспечительное правоотношение. Представляется, что вопросы и проблемы правового регулирования правоотношений, тесно связанных с социально-обеспечительными правоотношениями, должны изучаться наукой права социального обеспечения, но их не следует включать в предмет правового регулирования отрасли права социального обеспечения.

Общая часть Кодекса социального обеспечения в будущем выступит гарантией от бессистемности, так как подчинение процесса законотворчества определенным системообразующим началам позволит сохранить системность и структурную упорядоченность законодательства на пути его дальнейшего развития.

Технико-юридическая цель кодификации направлена также на обеспечение стабильности законодательства о социальном обеспечении. Кодификация призвана закрепить механизм правового регулирования на длительный срок, сдерживая излишний динамизм законодательства о социальном обеспечении. Кабриак отмечал, что после кодификации той или иной отрасли права, спонтанное и казуальное увеличение законодательного материала прекращается [10, с.154]. Но это не означает, что после кодификации социально-обеспечительное законодательство должно остаться неизменным. Закрепление в Кодексе с принципов права социального обеспечения предполагает определение краткосрочных и долгосрочных перспектив развития этой отрасли права под влиянием экономических, политических, демографических, социальных и других факторов. Систематические корректировки действующего социально-обеспечительного законодательства после кодификации отрасли неизбежны, однако нормотворческая деятельность должна соответствовать требованиям концептуальной преемственности, основываться на глубоком научном осмыслении

характера социально-обеспечительных отношений во избежание недостаточно продуманных новаций, носящих субъективный, конъюнктурный характер. Таким образом, Кодекс соцобеспечения РФ должен объединить и систематизировать нормы действующего социально-обеспечительного законодательства, установить основные принципы регулирования социально-обеспечительных отношений, а также процедуры внесения изменений в действующее законодательство в связи с изменением экономических, политических и других условий жизни населения и требующих соответствующей корректировки социально-обеспечительного законодательства.

По вопросу о структуре будущего Кодекса о социальном обеспечении позиции ученых также не согласованы окончательно. Большинство ученых считает наиболее приемлемым классическое разделение отрасли права на Общую и Особенную части. В научной периодике представлена и иная точка зрения, согласно которой в структуре будущего Кодекса социального обеспечения должны присутствовать Общая часть, Особенная часть, Специальная часть и Процессуальная часть [11 с. 218]. Необходимость выделения в Кодексе специальной части авторы аргументируют целесообразностью сосредоточения в ней правовых норм, регулирующих правоотношения, субъектом-получателем в которых будет выступать специальный субъект – дети-инвалиды, лица, достигшие восьмидесятилетнего возраста и др. При этом в Особенной части предполагается аккумулировать правовые нормы, регулирующие пенсионные правоотношения.

Наиболее способствует достижению целей кодификации структурирование Особенной части Кодекса по видам социального обеспечения. При этом представляется обязательной внутренняя дифференциация по организационно-правовым формам социального обеспечения, в рамках которой виды социального обеспечения представляются: в рамках социального страхования; в порядке обеспечения за счет государственного бюджета; в режиме оказания государственной социальной помощи. Представляется справедливым утверждение Ю.В. Васильевой о том, что такой подход к структурированию Особенной части позволит учитывать уровень правового регулирования – федеральный или региональный, – который применяется к большинству видов социального обеспечения [9 с. 116]. Это позволит определять целесообразность включения в число нормативных правовых актов, подлежащих кодификации, того или иного блока законодательства и должную степень их детализации в Кодексе о социальном обеспечении. С учетом вышесказанного представляется нецелесообразной кодификация норм права, регулирующих отношения по социальному и медицинскому обслуживанию – в связи с принятием федеральных законов, которые признаны кодифицированными актами, по государственной социальной помощи в виде социального пособия и в виде социального пособия на условиях социального контракта – в связи с отнесением полномочий по установлению порядка и условий их предоставления, а также порядка исчисления размеров к ведению субъектов РФ.

Вывод о нецелесообразности кодификации законодательства о социально-обеспечительных льготах в связи с временным характером этого вида социального обеспечения [9, с. 116] не представляется нам бесспорным ввиду достаточно стойкой тенденции расширения льготных категорий граждан как федерального, так и регионального уровней, неоправданной диффузии социально-обеспечительных и трудовых льгот [12, с. 315-316] и увеличения количества льгот, преимущественно, на региональном уровне. В детальной регламентации на уровне федерального Кодекса субинститут социально-обеспечительных льгот в части порядка, условий и формы их представления, возможно, действительно не нуждается, однако материальные нормы федерального законодательства, как представляется, следует включать в число подлежащих кодификации. Представляется необходимым предусмотреть

реть в структуре Особенной части главы, содержащую нормы права, регулирующие социально-обеспечительные процедуры. Считаем необходимым напомнить о неразрывной связи социально-обеспечительных процедурных и материальных отношений: реализация социально-обеспечительных прав граждан осуществляется с помощью процедурных норм и через процедурные правоотношения.

Познавательная цель кодификации, которая, как известно, направлена, в том числе, и на обеспечение доступности правовых знаний для граждан и повышение юридической грамотности населения, не может быть достигнута в полном объеме, если не будут кодифицированы нормы подзаконных актов, устанавливающих порядок реализации прав граждан на социально-обеспечительные предоставления. Детерминантой в этом плане, как представляется, будут выступать предпринимаемые шаги по оптимизации, унификации процедур получения гражданином материального блага, обеспечивающими наиболее удобный для субъекта - получателя режим, а также направленные на соблюдение оптимального баланса между сложностью процедурной нормы и минимальным урегулированием процедурных правоотношений.

К числу позитивных моментов влияния процессов цифровизации социального обеспечения следует отнести проактивный порядок назначения пенсий [13], который постепенно распространяется и на порядок назначения ряда социальных пособий. Очевидно упрощение ряда этапов процедуры обращения за пенсией, предусмотрены мероприятия по повышению компьютерной грамотности пожилых граждан. Однако на фоне автономизации стадии приема документов от стадии принятия решения о праве на социально-обеспечительное предоставление представляются заслуживающими внимания опасения, что стандартизация процедурных пенсионных отношений и отношений по назначению пособий, как неизбежный результат цифровизации приведет к усложнению процедуры реализации права на пенсию и / или социальные пособия в нестандартных жизненных ситуациях и, в конечном итоге, приведет к изменению метода права социального обеспечения [14, с.180-181].

Считаем возможным утверждать, что исходя из принципа единой направленности кодификации, присутствие в Кодексе Процессуальной части неуместно. Кодификация всегда охватывает определенный массив нормативных правовых актов, которые объединены единым предметом правового регулирования. Процессуальные нормы и социально-обеспечительные материальные нормы относятся к разным отраслям права, которые имеют каждая свой предмет и метод правового регулирования. Процедурные нормы, о необходимости присутствия которых в Кодексе регламентируют порядок деятельности субъектов социально-обеспечительного правоотношения в целях реализации права на материальное благо и прямых запретов не содержат. Процессуальные нормы имеют иную цель: они призваны восстановить нарушенное право субъекта-получателя на материальное благо, устранить возникшее вследствие правонарушения препятствие для его реализации. Принимая во внимание указанное, считаем, что создавать специальный социально-обеспечительный процессуальный механизм нет необходимости, т.к. функция защиты нарушенного права гражданина на социальное обеспечение выполняется административным или гражданско-процессуальным правом. В литературе, посвященной вопросам методики проведения кодификации [15, с. 249-250], смешение в ходе кодификации материальных и процессуальных норм называют грубейшим нарушением логического единства кодекса, существенно снижающим его эффективность. С учетом вышеизложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что для достижения основных целей и задач кодификации Кодекс социального обеспечения РФ должен объединить и систематизировать нормы действующего социально-обеспечительного законодательства. Вопросы и проблемы правового регулирования правоотношений, тесно связанных с социально-обеспечительными пра-

воотношениями, как представляется, следует оставить за рамками Кодекса социального обеспечения. Они должны изучаться наукой права социального обеспечения, так как входят в предмет правового регулирования других отраслей права.

Считаем, что только единая отраслевая кодификация законодательства о социальном обеспечении позволит обеспечить главную цель кодификации – обеспечение его системности и стабильности, без достижения которой невозможно концептуальное улучшение отраслевого законодательства. В этой связи неприемлемо предложение о кодификации только пенсионного законодательства, которая оставит бессистемной большую часть социально-обеспечительного законодательства. Только единая отраслевая кодификация позволит выделить в структуре права социального обеспечения Общую часть, которая сегодня сформулирована на доктринальном уровне. Общая часть Кодекса должна служить гарантией от бессистемности, так как подчинение процесса законотворчества определенным системообразующим началам позволит сохранить системность и структурную упорядоченность законодательства на пути его дальнейшего развития. Наиболее приемлемым представляется классическое разделение отрасли права на Общую и Особенную части.

В Общей части следует установить, в том числе, основные принципы регулирования социально-обеспечительных отношений, разделение полномочий в области социального обеспечения между федерацией и субъектом федерации, закрепить ряд дефиниций, а также процедуры внесения изменений в действующее законодательство в связи с изменением экономических, политических и других условий жизни населения и требующих соответствующей корректировки социально-обеспечительного законодательства. Целесообразно зафиксировать в Кодексе необходимость соблюдения концептуальной преемственности изменений социально-обеспечительного законодательства во избежание недостаточно продуманных новаций, носящих субъективный, конъюнктурный характер. Наиболее способствует достижению целей кодификации структурирование Особенной части по видам социального обеспечения с обязательной внутренней дифференциацией по организационно-правовым формам социального обеспечения, в рамках которой предоставляются виды социального обеспечения. Считаем, что познавательная цель кодификации в части обеспечения доступности правовых знаний для граждан и повышения юридической грамотности населения, не может быть достигнута в полном объеме, если не будут кодифицированы нормы подзаконных актов, устанавливающих порядок реализации прав граждан на социально-обеспечительные предоставления. Принимая во внимание важное значение социально-обеспечительных процедур при реализации прав граждан на социальное обеспечение, в структуре Особенной части представляется необходимым предусмотреть главу, содержащую нормы права, регулирующие социально-обеспечительные процедуры.

Список литературы:

1. Алферова Е.В. 2011.02.035. Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: монография. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. – 364 с.
2. Кобзева С.И. К вопросу о кодификации законодательства о социальном обеспечении. / С.И. Кобзева // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – 2019. – № 11 – С. 117-122.
3. Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы. Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. – Москва, 2010. – 54.
4. Шайхатдинов В.Ш. Проблемы модернизации российского законодательства о социальном обеспечении в современный период. / В.Ш. Шайхатдинов // Академический юридический журнал. – 2018 – №1(78). – С.51-59.
5. Васильева Ю.В. Цели кодификации Российского законодательства о социальном обеспечении// Государство и право. – 2013. – №11. – С.17–24.
6. Кручек И.В. Кодификация законодательства о социальном обеспечении: PRO ET CONTRA // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – № 2. Т. 8 (74). – С. 192-203.
7. Толкунова Н.А. Систематизация Российского законодательства в сфере социальной защиты населения Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. – 28 с.

8. Проблемы общей части права социального обеспечения. под ред. Э.Г. Тучковой. – М.: 2017. – 416 с.
9. Васильева Ю.В. Кодификация законодательства о социальном обеспечении: Основы законодательства или кодекс? // Ю.В. Васильева // Правоведение – 2009. – №4. – С. 109 – 116.
10. Кабриак Р. Кодификации / Р. Кабриак – Москва: Статут, 2007. – 476 с.
11. Вышеславова Т.Ф., Василенко Д.А. Кодификация права социального обеспечения. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные научные исследования: Актуальные вопросы, достижения и инновации» Пенза 15 декабря 2020 год, С. 217-220.
12. Яценко А.О., Кручек И.В. Многодетные и приемные семьи как субъект социально обеспечительных правоотношений // Вопросы российского и международного права. –2017 г. – №7. – С. 305-319
13. Распоряжение правительства РФ от 21 июня 2021 г. №1692-р // СЗ РФ – 2021. – №22. – Ст. 5453.
14. Александрова А.В. Стратегия совершенствования пенсионного законодательства: некоторые идеи. Материалы Международной научно-практической конференции «Стратегия правовых преобразований в сфере труда и социального обеспечения: перспективы десятилетия (Шестые Гусовские чтения)» (под общ. ред. Н.Л. Лютова, Ф.О. Сулейматовой). – Москва : РГ- Пресс, 2021. – 336с.
15. Чухвичев Д.В., Аширов Б.С. Законодательная техника. Учебное пособие. – Ашхабад, 2011. – 316 с.

Kruchek I. V. Codification of the social - provisional legislation of the Russian Federation. Theoretical and practical problems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 64-69.

In this article, the author, from the standpoint of the goals and principles of codification, analyzes the positions presented in the scientific literature on the most acceptable structure of the Code of the Russian Federation on social security, on the system of social security law norms subject to codification. The author, supporting the position on the classical division of the Social Security Code into General and Special parts, sets out his position on the debatable issue of the structure and content of each of the parts. According to the author, the structuring of the Special Part of the Code by types of social security is most conducive to achieving the goals of codification, while it seems mandatory internal differentiation according to the organizational and legal forms of social security, within which types of social security are provided. The author considers it expedient, in order to avoid insufficiently thought-out innovations of a subjective, opportunistic nature, to fix in the Code the need to comply with the conceptual continuity of changes in social security legislation.

Key words: social security, legal culture, codification, social security legislation, social code, goals of codification, regional social security codes, social support, legal culture, social welfare procedures.

Spisok literatury:

1. Alferova E.V. 2011.02.035. Vasil'eva YU.V. Kodifikaciya rossijskogo zakonodatel'stva o social'nom obespechenii: monografiya. – Perm': Perm. gos. un-t, 2009. – 364s. 2. Kobzeva S.I. K voprosu o kodifikacii zakonodatel'stva o social'nom obespechenii. / S.I. Kobzeva // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) – 2019. – № 11 – S.117-122.
3. Vasil'eva YU.V. Kodifikaciya rossijskogo zakonodatel'stva o social'nom obespechenii: teoreticheskie i prakticheskie problemy. Avtoref. diss. ... dok. jurid. nauk. – Moskva, 2010. – 54.
4. SHajhatdinov V.SH. Problemy modernizacii rossijskogo zakonodatel'stva o social'nom obespechenii v sovremennyj period. / V.SH. SHajhatdinov // Akademicheskij juridicheskij zhurnal . – 2018 – №1(78). – S.51-59.
5. Vasil'eva YU.V. Celi kodifikacii Rossijskogo zakonodatel'stva o social'nom obespechenii// Gosudarstvo i pravo. – 2013. – №11. – S.17–24.
6. Kruchek I.V. Kodifikaciya zakonodatel'stva o social'nom obespechenii: PRO ET CONTRA // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. –№ 2. Т. 8 (74). – S. 192-203.
7. Tolkunova N.A. Sistematizaciya Rossijskogo zakonodatel'stva v sfere social'noj zashchity naseleniya Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2011. – 28s.
8. Problemy obshchej chasti prava social'nogo obespecheniya. pod red. E.G. Tuchkovej. – М.: 2017. – 416 s.
9. Vasil'eva YU.V. Kodifikaciya zakonodatel'stva o social'nom obespechenii: Osnovy zakonodatel'stva ili kodeks?/ YU.V. Vasil'eva // Pravovedenie – 2009. – №4. – S. 109 – 116.
10. Kabriyak R. Kodifikacii / R. Kabriyak – Moskva: Staut, 2007. – 476 s.
11. Vysheslavova T.F., Vasilenko D.A. Kodifikaciya prava social'nogo obespecheniya. Sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: Aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii» Penza 15 dekabrya 2020 god, S. 217-220.
12. YAcenko A.O., Kruchek I.V. Mnogodetnye i priemnye sem'i kak sub"ekt social'no obespechitel'nyh pravootnoshenij.// Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. –2017 g. – №7. – S. 305-319
13. Rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 21 iyunya 2021 g. №1692-r // SZ RF – 2021. – №22. – St. 5453.
14. Aleksandrova A.V. Strategiya sovershenstvovaniya pensionnogo zakonodatel'stva: nekotorye idei. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Strategiya pravovyh preobrazovanij v sfere truda i social'nogo obespecheniya: perspektivy desyatiletija (SHestyje Gusovskie chteniya)» (pod obshch. red. N.L. Lyutova, F.O. Sulejmatovoj). – Moskva : RG- Press, 2021. – 336s.
15. CHuhvichev D.V., Ashirov B.S. Zakonodatel'naya tekhnika. Uchebnoe posobie. Ashkhabad, 2011. 316 s.

УДК 34.01

ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Липич Д. В.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В современном научном обществе все более отчетливо прослеживается тенденция к внимательному изучению наследия русской религиозно-философской мысли конца XIX- начала XX века. Это связано с формированием новых подходов к пониманию христианских ценностей, т.к. мировоззренческие принципы определяют своеобразные интерпретации соотношения права и нравственности, права и религии, понятия закона, специфики правовых концепций. Важным является преодоление одностронних подходов в понимании правовых концепций русских мыслителей, рассматривающих право в единстве с нравственными основаниями, с духовными ценностями человека. Особый интерес у современных правоведов вызывают исследования русских религиозных философов по вопросам права.

В философско-правовых концепциях представителей школы естественного права, или как ее еще характеризовали школы нравственного идеализма, П. И. Новгородцева постепенно начинала преобладать религиозно-этическая проблематика. Тем примечательнее, что в последние годы П.И. Новгородцев предложил агиократическую концепцию, реализующую высшие ценности. Смысл этой концепции сводился к осуществлению высоконравственной власти. По его мнению, принцип агиократии предполагает, что все сферы человеческой жизни (экономическая, политическая, правовая) должны базироваться на духовных императивах, на высших ценностях, не противоречащих святыням других культур.

В этом направлении постепенно формируется религиозно-философское понимание многих правовых вопросов. В частности, вопросы соотношения закона и справедливости, морали и права, закона и веры, перспектив духовно-трансцендентных смыслов дальнейшего существования человека. Целью статьи является анализ творческого наследия представителей русской религиозно-философской мысли в контексте их видения философско-правовой проблематики.

Ключевые слова: право, религиозная философия, закон, мораль, вера, справедливость, естественное право, нравственный идеал, ценности.

С середины 1980-х годов нашей стране начинает формироваться устойчивый интерес к собственному философско-религиозному наследию. Издаются собрания сочинений, появляется много критических статей, диссертаций, в которых начинается скрупулезный анализ творческого наследия русских мыслителей. Это связано, на наш взгляд, в первую очередь с разрушением старых и формированием новых исследовательских парадигм, переосмыслением рационалистических подходов к формированию базовых принципов философии, и философии права, в частности.

Мировоззренческие установки русской религиозно-философской мысли формируют своеобразный подход к праву, благодаря чему оно получает новое ценностное обоснование. Рассмотрение ценностной специфики правовых концепций, в основе которых лежит нравственная составляющая, является одной из основных задач современного периода поиска новых культурных ценностей и переосмысления традиционных.

Особый интерес у современных правоведов вызывают исследования русских религиозных философов по вопросам права [1; 2; 3]. В своем исследовании данной проблематики, например, Жданов П.С. обращает внимание на различные авторские подходы по вопросам сущности права русских религиозных философов. Он отмечает, что П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев связывают сущность права с личност-

ным ценностным мировосприятием, В.С. Соловьев и С.Л. Франк обращают внимание больше на общественное, историческое значение главной ценности, защищаемой правом. Право выступает единством свободы и равенства. Некоторые мыслители, на наш взгляд, видят четкую границу между правом и нравственностью (Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев), другие больше обращают внимание на духовно-нравственные основания права. Современный исследователь Сафронов Н.А. анализирует эволюцию доктрины политической лояльности христианства к государственной власти [4, с. 16-19].

В качестве методологии в статье используются диалектический метод, системный метод при анализе философско-правовых воззрений представителей русской философской мысли, используется компаративистский метод, направленный на сопоставление и выявление общих и отличительных особенностей трактовки философско-правовых вопросов.

Современные исследования по данной проблематике не носят всеобъемлющего характера. В поле зрения исследователей попадают лишь отдельные мыслители, так называемые представители «младшего поколения» русской эмиграции, например, П.И. Новгородцев и представители его школы естественного права [5; 6], философско-правовые взгляды И.А. Ильина [7; 8], также интерес к творчеству Е.Н. Трубецкого можно отметить в работах Г.Г. Бернацкого, Т.Л. Бабининой [9; 10]. Вместе с тем, почти нет исследований по философии права Б.П. Вышеславцева. Можно выделить работы, касающиеся данной проблематики, таких авторов как Е.А. Кондратьев, И.Б. Виноградова, И.Д. Осипов [11; 12; 13].

К сожалению, можно констатировать, что всесторонний анализ творческого наследия представителей русской религиозно-философской мысли в контексте их видения философско-правовой проблематики, еще ждут своего решения.

Мы также должны отметить, что те мыслители, которые обращаются к этой проблематике, часто предметом своего исследования делают правовые аспекты воззрений русских религиозных мыслителей, без комплексного подхода к анализу их творчества. На наш взгляд, без анализа религиозно-философских, этических аспектов их творчества, мы не сможем получить полную картину становления правовых взглядов этих философов, их своеобразия и глубины, а также выявить нравственный смысл этих воззрений. В данной статье мы рассмотрим различные подходы к пониманию права в русской религиозно-философской мысли начала XX в. на примере представителей идеалистической школы «возрожденного естественного права» П.И. Новгородцева, основателем которой он был. П.И. Новгородцев был известным юристом, философом, преподавателем на юридическом факультете Московского университета. С 1907 по 1918 г. был ректором Московского Коммерческого института, где преподавал философию. После 1920 г., находясь в эмиграции, он становится деканом факультета Русского юридического института в Пражском университете. Он обладал удивительным даром объединять вокруг себя жаждущих знаний студентов. Среди его учеников и соратников были И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Н.Н. Алексеев и других.

Для них важными были одни и те же вопросы соотношения морали и права, закона и веры, перспектив духовно-трансцендентных смыслов дальнейшего существования человека. Нужно отметить, что П.И. Новгородцев принадлежал к тем выдающимся русским юристам, которые обладали высокой философской культурой,

дающей возможность дальнейшей разработки учения о праве как самостоятельной, академической дисциплины, а также развивать идеи об онтологических и этических основаниях права и государства, соотношения права и нравственности, свободы и ответственности. Такой междисциплинарный подход являлся теоретическим и методологическим фундаментом общей правовой системы. Основные идеи представители школы П.И. Новгородцева развивали в рамках естественного права, которое включало в себя и философские, и правовые, и религиозные идеи.

Известно, что на П. И. Новгородцева, ученика Б.Н. Чичерина, еще в начале его творческого пути оказала большое влияние философия известного русского философа В.С. Соловьева, о чем он отметил в своем выступлении «Идея права в философии Вл. Соловьева». Находясь в эмиграции, он продолжает развивать идеи В.С. Соловьева о свободе личности, равенстве. Позже он приходит к мысли, с одной стороны, о необходимости высшего нравственного идеала для функционирования права, а с другой – зависимости нравственного начала, или персональной морали, от тех исторических условий, в которых находится личность.

Другими словами, он исходит из естественного состояния и естественного права, как неизменного идеала права, где он провозглашает мысль о независимости нравственного сознания о праве от государственного закона. Поэтому законодатель должен исходить из высших нравственных требований, что имеет, как отмечал Новгородцев «не юридическое, а нравственное значение». Обоснование сущности естественного права можно рассмотреть в ряде его работ, таких как «Право естественное» и «Нравственный идеализм в философии права».

Современные юристы с большим вниманием исследуют творчество П. И. Новгородцева [14; 15; 16; 17]. В связи с этим, справедливо отмечает А.Р. Яхина: «О школе естественного права П.И. Новгородцев говорит, что она должна возродиться, освобожденная от старых ошибок, но верная той старой правде, которой она всегда служила. Новгородцев в обоснование необходимости возрождения естественного права выдвигал тезис о том, что оно призвано для осуществления задачи выяснения идеальных начал в современную эпоху, когда человек «призывается к нравственному суду над историей» Принципами естественного права П.И. Новгородцева являлись, – принцип личности и её безусловного значения, принципы равенства и свободы, справедливости и любви» [18].

Идеи естественного права, основывающегося на единстве нравственного и правового, разделял его ученик И.А. Ильин, чьи взгляды на философию права с большим вниманием рассматривают современные исследователи, например, И.И. Евлампиев [19, с.81-93], С.Г. Рюмин и др. [20]. Известны его философско-правовые работы «Общее учение о праве и государстве», «Понятия права и силы», «О сущности правосознания». И.А. Ильин с помощью категории «естественное право» обосновывает ценность положительного права. В основе права лежат универсальные моральные нормы, поэтому право по своей природе носит духовный характер. И.А. Ильин разрабатывал оригинальное учение о сущности правосознания, он отмечал, что в человеке существует «воля к праву», т.е. в нем соединены как нравственная свобода, так и способность к ограничению этой свободы. Человек может воспитывать в себе «здоровое» правосознание, которое выступает «аксиомой» его существования. Признаками такого развитого правосознания выступают духовное достоинство, духовная автономия и духовное признание друг друга. И. А. Ильин дела-

ет вывод о том, что право и государство, реализующие Божественный промысел, способствуют созданию справедливого общества.

Вместе с тем, И.А. Ильин разграничивает мораль и право, утверждая, что нормы морали оказывают влияние на существование естественного права. Поэтому, отмечает он, встает вопрос о соотношении положительного и естественного права. Человек, как субъект права, должен стремиться к их примирению, а не руководствоваться в своих действиях своекорыстными побуждениями, что в конечном итоге, может нарушить естественные права человека. Об этом интересно рассуждает современный исследователь взаимоотношений права и нравственности в творчестве И.А. Ильина К.В. Кравец [21, с. 37-42].

Узами «учитель-ученик» с П.И. Новгородцевым был связан и Н.Н. Алексеев, также вынужденный уехать из России. Он внес значительный вклад в развитие отечественной философии права, искал ответы на вопросы, которых не нашел в творчестве своего учителя. Его философия права еще недостаточно изучена, наиболее полно изложены взгляды в его работах «Введение в изучение права», «Общее учение о праве» «Основы философии права». Им рассмотрены основные философско-правовые идеи в трех направлениях: с позиций юридического социологизма, естественного права и феноменологии. Это было отличительной особенностью философско-правовых взглядов Н. Н. Алексеева. Он писал: «Дело идет о роковом для понимания права вопросе: достаточен ли для права формальный критерий «установленности», или же существуют в праве какие-то иные, материальные определения» [22, с. 24].

Н.Н. Алексеев приходит к выводу, что право может обладать не только социальной природой. В свою очередь, теория естественного права, по его мнению, не могла установить необходимое соотношение между правом и моральными принципами. Данная проблема распространялась не только на философию права, но и на всю юридическую науку, отмечает современный исследователь В.А. Дмитриева [23, с. 48-53]. В конечном итоге, Н.Н. Алексеев стремился решать важные вопросы философии права: идею справедливости, ценности, правового идеала с феноменологических позиций, хотя несколько позднее он достаточно скептически отнесся к использованию этого метода. Он писал: «Я не думаю, чтобы какое-либо серьезное, настоящее или будущее, философское направление могло бы рассчитывать на сколь-нибудь удовлетворительное разрешение своих познавательных задач, не приняв во внимание опыта, приемов и результатов новейших феноменологических изысканий. Не может обойти их молчанием и философия права» [24, с. 40]. Но следом он отмечает: «Феноменология не может быть отождествлена с философией права, хотя и является существенной частью всякой научно-оформленной философско-правовой системы» [25, с. 44]. Прежде всего, это касалось его понимания правового идеала, который часто, по его мнению, неправомерно отождествлялся с общественным и политическим идеалом. Суть его выражалась следующим образом: «И это закон достойный, справедливый, сильный, отвечающий потребностям природы и отчизны, соответствующий месту и времени, необходимый, полезный и очевидный установленный не ради удержания в плену невежества и не ради личного блага, а для пользы гражданского общества» [26, с. 225].

Исходя из этого, можно отметить, что правовой идеал, отличный от нравственного и религиозного, был необходимым условием построения правовой теории на ос-

нове справедливости и правды. Эти идеи, заложенные в учении П.И. Новгородцева, были своеобразно представлены Н. Алексеевым. Можно констатировать, что различая право и закон, право и нравственность, Н.Н. Алексеев в своих построениях пошел по пути синтеза наиболее плодотворных идей русской философии права.

Большим другом Н.Н. Алексеева, в том числе и в эмиграции, был Б.П. Вышеславцев, еще один представитель школы П.И. Новгородцева. Важнейший труд, определивший его основные идеи по философии права, был «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии», который он защитил как магистерскую диссертацию, позже изданную как монография. Эта монография открыла перед ним «широкую академическую дорогу» [27]. Его работу высоко оценил его учитель П.И. Новгородцев, благодаря которому он стал преподавать на юридическом факультете МГУ.

Об этом неординарном философе-юристе очень красноречиво писал его друг Ф.А. Степун: «Юрист и философ по образованию, артист эпикуреца по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, что рождались и вырастали только в России, Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому уму. Говоря, он держал свою мысль, словно некий диалектический цветок, в высоко поднятой руке и, сбрасывая лепесток за лепестком, тезис за тезисом, то и дело в восторге восклицал: «Поймите!..оцените!..» [28, с. 261-262]. Читая лекции по истории политических учений, молодой юрист покорял сердца слушателей. Лектор он был непревзойденный. Так характеризовал Бориса Петровича руководитель кружка и его наставник профессор П. И. Новгородцев.

Высоко отзывался о нем Г. Г. Шпет, отмечавший: «В большую заслугу нужно, поэтому, поставить философам-юристам школы П.И. Новгородцева, делаемые ею усилия...приблизить свои исследования к типу исследований историко-филологического характера....Само собою напрашивается в особенности сравнение исследований Б.П. Вышеславцева «Этика Фихте» и «Философия Гегеля» Ильина, – и по тяжести тем: оба из истории немецкого идеализма, и по близости метода: интерпретация отдельного автора, главным образом, из него самого – имманентное, так сказать, ему исследование. Правда, именно в смысле и стиля и преодоления дилетантизма – преимущества на стороне работы Б.П. Вышеславцева. Интереснее и богаче она также содержанием: Б.П. Вышеславцев более подходит как философ, не скрывает себя, не боится сам ставить вопросы, на которые ищет ответы не только у Фихте, но и в современной философской мысли. Его работа, я бы сказал, и по приемам научнее, так как автор не претендует сделать из своей интерпретации какого-либо философского открытия». По языку она – спокойнее, деловитее, также можно сказать, учение» [29, с. 222-223; 30, с.12].

В своей работе Б. П. Вышеславцев анализирует этику, приобретающую у Фихте онтологический характер. В ней взаимодействие «Я-Ты» выступает правоотношением. Право предстает как форма внешнего, организованного взаимодействия, как договор «спорящих волей», достигающих мирного решения проблем. Б.П. Вышеславцев отмечает, что именно договор демонстрирует единство субъективного и объективного права. Он отмечает: «Всякий договор покоится на условиях, относительно которых стороны договорились, на нормах, регулирующих деятельность

сторон» [31, с. 400]. Эти нормы выступают условиями успешной реализации общественного договора, поэтому они характеризуются как «положительный закон» или «позитивное право», используемые для борьбы с «хаосом и беспорядком». Б. П. Вышеславцев отмечает, что такая трактовка договора у Фихте, делает его уникальным философом права. Важен для нашего исследования анализ Б. П. Вышеславцевым отношения Фихте к праву и нравственности. Здесь он видит разграничение права, как закона свободы, характеризующего бытие всех людей, и нравственного закона, обращенного к отдельной личности, к отдельному человеку, к его внутреннему миру, в котором присутствует органическое единство всех заповедей. В такой ситуации не нужен внешний ограничитель, т.е. закон, который бы регламентировал поведение человека. Для Б.П. Вышеславцева это очень важный посыл, т.к. он видит, что право, осуществляющее охрану внешней жизни человека, в конечном итоге, не противоречит конкретной нравственности внутренней жизни отдельного человека, т.к. обеспечивает его неприкосновенность, возможность выражения его своеобразия.

Следовательно, можно сделать вывод, что Б.П. Вышеславцев выделяет у Фихте важную особенность – органически вплетенные право и государство в систему универсальной этики.

Таким образом, анализируя своеобразие подходов к пониманию права в русской религиозно-философской мысли начала XX в., можно сделать следующие выводы. Русская религиозная философия конца XIX-начала XX в. предлагает новые подходы к пониманию христианских ценностей, мировоззренческие принципы определяют своеобразные интерпретации соотношения права и нравственности, права и религии, понятия закона, специфики правовых концепций. Основные установки развития философии права, обоснования нравственного идеала связаны с принципом естественного права, отвечающего требованиям нравственности, раскрывающегося в деятельности отдельной моральной личности, наделенной духовной жизнью. В философско-правовых концепциях представителей школы естественного права, или как ее еще характеризовали школы нравственного идеализма, П. И. Новгородцева постепенно начинала преобладать религиозно-этическая проблематика. Тем примечательнее, что в последние годы П.И. Новгородцев предложил агиократическую концепцию, реализующую высшие ценности. Другими словами, смысл этой концепции сводился к осуществлению высоконравственной власти. По его мнению, принцип агиократии предполагает, что все сферы человеческой жизни (экономическая, политическая, правовая) должны базироваться на духовных императивах, на высших ценностях, не противоречащих святыням других культур.

Именно в этом направлении постепенно формируется религиозно-философское понимание многих правовых вопросов. В частности, вопросы соотношения закона и справедливости, морали и права, закона и веры, перспектив духовно-трансцендентных смыслов дальнейшего существования человека. Философы этого периода предлагали оригинальные решения проблем соотношения индивидуальной свободы и общего закона, противопо-

ложности государства и личности, предложили свое решение возрождения естественного права, как метода в правотворчестве.

Список литературы:

1. Альбов, А.П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права: Теоретико-правовой анализ. Дис. . докт. юрид. наук: 12.00.01 / А.П. Альбов; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999.
2. Савинов, А.Н. Своеобразие русской философии права конца XIX - начала XX веков: Естественно-правовая традиция / А.Н. Савинов Дис. канд. юрид. наук. 12.00.01 Ростов-на-Дону, 2000.
3. Жданов, П.С. Вопросы права в работах русских религиозных философов конца XIX - первой половины XX в. / Дис. канд. юрид. наук. 12.00.01 Нижний Новгород, 2010.
4. Сафронов, Н.А. Эволюция доктрины политической лояльности христианства к государству / Н.А. Сафронов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – С. 16-19.
5. Соболев, А.В. О русской философии права (Школа П.И. Новгородцева) / А.В. Соболев // Россия XXI. – 2006. – №4-С. 113-153.
6. Яхина А.Р. Учение П.И. Новгородцева о праве и государстве. Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Р. Яхина . – Уфа, 2007.
7. Евлампиев, И. И. Философские и правовые взгляды И. А. Ильина / И.И. Евлампиев // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1992. – №3.
8. Рутковская М.В. Философия государства и права в наследии И.А.Ильина. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01./М.В. Рутковская. – Пятигорск, 2000 г.
9. Бернацкий, Г.Г. Е.Н. Трубецкой: Естественное право и религия / Г.Г. Бернацкий // Северо-Западная академия государственной службы, науч. изд. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 1999. – 144 с.
10. Бабинина Т.Л. Социально-философские воззрения Е.Н. Трубецкого / Т.Л. Бабинина. М., 1998. 154 с.
11. Кондратьев, Е.А. Философия творчества Б. П. Вышеславцева Дис.... канд. филос. наук: 09.00.03/ Е.А. Кондратьев. – М., 1999.
12. Виноградова И.Б. Нравственное совершенство в культурфилософском творчестве Б.П. Вышеславцева. Дис.... канд. филос. наук: 24.00.01 / И.Б. Виноградова. – Саранск., 2008.
13. Осипов И.Д. Антитеза закона и благодати в антропологии права Б. П. Вышеславцева / И.Д. Осипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения/ 2008, Сер.6, вып.2, с. 44-48.
14. Фролова, Е.А. Новгородцев о праве и государстве / Е.А. Фролова – М., 2001.
15. Кацапова, И.А. Русская школа права: П.И. Новгородцев о необходимости этико-нормативного анализа права / И.А. Кацапова // Вопросы философии. – 2003. – №4. С.152-162.
16. Никулина, О.В. Философия права П.И. Новгородцева / О.В. Никулина // Человек в философско-правовом измерении. – Екатеринбург, 2002.
17. Щедровицкий, П.Г. Очерки о П.И. Новгородцеве /<https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/novgorodtsev-pavel-ivanovich> (дата обращения 15.02.2023) – Текст: электронный.
18. Яхина, А.Р. Учение П.И. Новгородцева о праве и государстве. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01./ А.Р. Яхина – Уфа, 2007.
19. Евлампиев, И. И. Философские и правовые взгляды И. А. Ильина / И.И. Евлампиев // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1992. – № 3. С.81-93.
20. Рюмин, С.Г. Проблема соотношения морали и права в философии И.А. Ильина. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05./ С.Г. Рюмин. – М, 2009.
21. Кравец, К.В. К вопросу о взаимоотношении права и нравственности И. А. Ильина / К.В. Кравец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – С. 37-42.
22. Алексеев, Н. Н. Основы философии права. / Н.Н. Алексеев. – СПб., 1999. С. 24.
23. Дмитриева В.А. Философия права Н. Н. Алексеева и ее вклад в развитие правовой культуры / В.А. Дмитриева // Правовая культура 2016 № 2(25). С.48-53.
24. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев –СПб., 1999. С.40.
25. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев – СПб., 1999. С.44.
26. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев – СПб., 1999. С. 225.
27. Дмитриева, Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. / Н.А. Дмитриева. – М., 2007. 512 с.
28. Степун, Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Лондон./ Ф.А. Степун. – 1990. Т.1. – С. 261- 262.
29. Шпет, Г.Г. Опыт популяризации философии Гегеля: Отзыв о книге И.А. Ильина «Философия Гегеля». Реконструкция текста Т.Г. Щедриной // Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2010. С. 222-223.
30. Кантор, В.К. Перекрестья эмигрантских судеб (письма Ф.А. Степуна к Б.П. Вышеславцеву с предложением речи А.Ф. Степуна о большевизме) / В.К. Кантор // Философский журнал. 2010. №2. С 12.

31. Вышеславце, Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии / Б.П. Вышеславцев. – М., 1914. С. 400.

Lipich D.V. Legal concepts of Russian religious and philosophical thought of the beginning of the XX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 70–78.

In modern scientific society, the tendency to carefully study the heritage of Russian religious and philosophical thought of the late XIX- early XX century is becoming more and more clearly traced. This is due to the formation of new approaches to understanding Christian values, since ideological principles determine peculiar interpretations of the relationship between law and morality, law and religion, the concept of law, the specifics of legal concepts. It is important to overcome unilateral approaches in understanding the legal concepts of Russian thinkers who consider law in unity with moral foundations, with spiritual values of a person. Of particular interest to modern jurists are the studies of Russian religious philosophers on legal issues.

In the philosophical and legal concepts of the representatives of the school of natural law, or as it was also characterized by the school of moral idealism, P. I. Novgorodtsev gradually began to prevail religious and ethical issues. It is all the more remarkable that in recent years P.I. Novogordtsev has proposed an agiocratic concept that implements the highest values. The meaning of this concept was reduced to the exercise of moral authority. In his opinion, the principle of hagiocracy assumes that all spheres of human life (economic, political, legal) should be based on spiritual imperatives, on higher values that do not contradict the shrines of other cultures. In this direction, a religious and philosophical understanding of many legal issues is gradually being formed. In particular, the issues of the correlation of law and justice, morality and law, law and faith, the prospects of spiritual and transcendent meanings of the further existence of man. The purpose of the article is to analyze the creative heritage of representatives of Russian religious and philosophical thought in the context of their vision of philosophical and legal issues.

Keywords: law, religious philosophy, law, morality, faith, justice, natural law, moral ideal, values.

Spisok literatury:

1. Al'bov, A.P. Nравstvenno-pravovye problemy v russkoj i nemeckoj filosofii prava: Teoretiko-pravovoj analiz. . Dis. . dokt. jurid. nauk: 12.00.01 / A.P. Al'bov; Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii, 1999.
2. Savinov, A.N. Svoeobrazie russkoj filosofii prava konca XIX - nachala XX vekov: Estestvenno-pravovaya tradiciya/A.N. Savinov Dis. kand. jurid. nauk. 12.00.01 Rostov-na-Donu, 2000.
3. Zhdanov, P.S. Voprosy prava v rabotah russkih religioznyh filosofov konca XIX - pervoj poloviny XX v./ Dis. kand. jurid. nauk. 12.00.01 Nizhnij Novgorod, 2010.
4. Safronov, N.A. Evolyuciya doktriny politicheskoy lojal'nosti hristianstva k gosudarstvu / N.A. Safronov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – S. 16-19;
5. Sobolev, A.V. O russkoj filosofii prava (SHkola P.I. Novgorodceva) / A.V. Sobolev // Rossiya XXI. – 2006. – №4-S. 113-153,
6. YAhina A.R. Uchenie P.I. Novgorodceva o prave i gosudarstve. Dis... kand. jurid. nauk: 12.00.01 /A.R. YAhina. – Ufa, 2007.
7. Evlampiev, I. I. Filosofskie i pravovye vzglyady I. A. Il'ina /I.I. Evlampiev // Izvestiya vyssh. ucheb. zavedenij. Pravovedenie. – 1992. – №3,
8. Rutkovskaya M.V. Filosofiya gosudarstva i prava v nasledii I.A.Il'ina. Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.01./M.V. Rutkovskaya. – Pyatigorsk, 2000 g. ;
9. Bernackij, G.G. E.N. Trubeckoj: Estestvennoe pravo i religiya / G.G. Bernadskij // Severo-Zapadnaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby, nauch. izd. – SPb.: Izd-vo SZAGS, 1999. – 144 s.
10. Babinina T.L. Social'no-filosofskie vozzreniya E.N. Trubeckogo / T.L. Babanina. – М., 1998. –154 s.
11. Kondrat'ev, E.A. Filosofiya tvorchestva B. P. Vysheslavceva Dis.... kand. filos. nauk: 09.00.03/ E.A. Kondrat'ev. – М., 1999.
12. Vinogradova I.B. Nравstvennoe sovershenstvo v kul'turfilosofskom tvorchestve B.P. Vysheslavceva. Dis.... kand. filos. nauk: 24.00.01 / I.B. Vinogradova. – Saransk., 2008
13. Osipov I.D. Antiteza zakona i blagodati v antropologii prava B. P. Vysheslavceva/ I.D. Osipov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya/ 2008, Ser.6, vyp.2, s.44-48.
14. Frolova, E.A. Novgorodcev o prave i gosudarstve. / E.A. Frolova – М., 2001.
15. Kacapova, I.A. Russkaya shkola prava: P.I. Novgorodcev o neobходимosti etiko-normativnogo analiza prava / I.A. Kacalapova // Voprosy filosofii. – 2003. – №4. S.152-162.
16. Nikulina, O.V. Filosofiya prava P.I. Novgorodceva / O.V. Nikulina // CHelovek v filosofsko-pravovom izmerenii. – Ekaterinburg, 2002.
17. SHCHedrovickij, P.G. Ocherki o P.I. Novgorodceve /<https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/novgorodtsev-pavel-ivanovich> (data obrashcheniya 15.02.2023) – Tekst: elektronnyj.
18. YAhina, A.R. Uchenie P.I. Novgorodceva o prave i gosudarstve. Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01./ A.R.YAhina – Ufa, 2007.

19. Evlampiev, I. I. Filosofskie i pravovye vzglyady I. A. Il'ina / I.I. Evlampiev // Izvestiya vyssh. ucheb. zavedenij. Pravovedenie. – 1992. – № 3. S.81-93.
20. Ryumin, S.G. Problema sootnosheniya morali i prava v filosofii I.A. Il'ina. Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.05./ S.G. Ryumin. – M., 2009.
21. Kravec, K.V. K voprosu o vzaimootnoshenii prava i npravstvennosti I. A. Il'ina / K.V. Kravec // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 4. – S. 37-42.
22. Alekseev, N. N. Osnovy filosofii prava. / N.N. Alekseev. – SPb., 1999. S. 24.
23. Dmitrieva V.A. Filosofiya prava N. N. Alekseeva i ee vklad v razvitie pravovoj kul'tury / V.A. Dmitrieva // Pravovaya kul'tura 2016 № 2(25). C.48-53.
24. Alekseev, N. N. Osnovy filosofii prava./ N.N. Alekseev –SPb., 1999. S.40.
25. Alekseev, N. N. Osnovy filosofii prava./ N.N. Alekseev – SPb., 1999. S.44.
26. Alekseev, N. N. Osnovy filosofii prava. / N.N. Alekseev – SPb., 1999. S. 225.
27. Dmitrieva, N.A. Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki. / N.A. Dmitrieva. – M., 2007. 512 s.
28. Stepun, F.A. Byvshee i nesbyvsheesya. London./ F.A. Stepun. – 1990. T.1. – S. 261- 262.
29. SHpet, G.G. Opyt populyarizacii filosofii Gegelya: Otzyv o knige I.A. Il'ina «Filosofiya Gegelya». Rekonstrukciya teksta T.G. SHCHedrinoj // SHpet G.G. Filosofskaya kritika: otzyvy, recenzii, obzory / otv. red.-sost. T.G. SHCHedrina. M., 2010. S. 222-223.
30. Kantor, V.K. Perekrest'ya emigrantskih sudeb (pis'ma F.A. Stepuna k B.P. Vysheslavcevu s prilozheniem rechi A.F. Stepuna o bol'shevizme) / V.K. Kantor // Filosofskij zhurnal. 2010. №2. S 12.
31. Vysheslavce, B.P. Etika Fihte. Osnovy prava i npravstvennosti v sisteme transcendental'noj filosofii./ B.P. Vysheslavcev. – M., 1914. S. 400.

УДК 340.15:347.726

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КООПЕРАЦИИ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ В НАЧАЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Олейник Н. Н., Маслов Н. П., Невлев В. В.

В статье исследуются историко-правовые предпосылки зарождения и развития народной промышленной кооперации на территории современной России. Первой общественно-трудовой формой объединения сельских жителей являлась крестьянская община, которая, выполняя многие социально-правовые функции, породила взаимную выручку в бытовых вопросах, трудовую помощь и экономическое взаимодействие. Другим исходным базисом промышленной кооперации послужили артельные формы совместной деятельности в определенных сферах труда. Этот вид кооперации активно развивался в околовреволюционный период. Анализируются ее проблемы в первые годы советской власти. Рассматривается состояние кустарно-промышленной кооперации в условиях перехода к новой экономической политике. Выделяются ее особенности в советский период, оцениваются тенденции возрождения деятельности в конце 90 гг. прошлого века. Освещаются роль и значение народной инициативы, ее связь с законодательными актами кооперации того времени.

Ключевые слова: кредитные общества, кустарные кооперативы, промышленное предпринимательство, кустарная промышленность, сельская экономика, правовое регулирование, порядок надзора, промышленные центры, народная инициатива.

С изменениями современных условий развития российской рыночной экономики в механизме государственной помощи просматриваются новые тенденции. Видимо от бюджетного финансирования, региональных дотаций и трудовых компенсаций произойдет переход к расширению различных иных форм с взысканием доступных процентов и мерам социальной поддержки на конкурсных и договорных началах. К ним в полной мере можно отнести современную кооперацию.

Кооперация в правовой и экономической литературе трактуется как специфическая форма общественно-экономической организации потребителей и мелких товаропроизводителей в условиях преобладания товарно-денежных отношений. Кооперация создается в целях коллективной защиты общих экономических интересов как потребителей, так и производителей, выживания в суровых условиях конкурентной борьбы на рынке, сохранения и укрепления своего социального и правового статуса.

Универсальные возможности кооперации, способной оптимально сочетать групповые и личные интересы, традиции и инновации, социальные и хозяйственные начала, еще недостаточно исследованы, что открывает новые горизонты для ее дальнейшего изучения в данном направлении, в том числе в рамках российской правовой науки. Кооперация получает всё большую популярность на земном шаре. Она отличается весьма большим разнообразием, на сегодня насчитывает более 120 видов специализации.

Развитие российской кооперации реально лишь при обеспечении надлежащих условий и правовой координации деятельности институтов кооперации совокупностью необходимых источников, как общего характера, регулирующих общественные отношения в сфере создания и функционирования юридических лиц, так и специального назначения, определяющих специфику правового статуса кооперативов различных видов. Особую группу в них образуют так называемые промышленные ко-

оперативы. Исследуем их предысторию и некоторые юридические особенности [1, с. 149-152].

Исходное обоснование проблемы. Анализируя условия возникновения первых кооперативных организаций в России, следует отметить, что многовековой истории российской государственности уже были известны отдельные формы примитивной кооперации или предкооперации. Типичной формой общественного объединения, направленного на взаимопомощь и взаимодействие, является крестьянская община, выполнявшая административно-хозяйственные, фискальные, социальные, воспитательные функции. Несмотря на то, что институт кооперации и крестьянская община имеют некоторое сходство, дифференцирующих признаков у данных социальных феноменов все-таки больше.

Помимо общин, с древних времен на Руси практиковались артельные формы хозяйствования, представлявшие собой союзы нескольких лиц, объединявших трудовые усилия (возможно и капиталы) для совместного занятия какими-либо работами (промыслами). Особый интерес в процессе изучения кредитной потребительской кооперации вызывают существовавшие веками институты складчины и взаимопомощи.

Первый представлял собой объединение взносов в денежной или натуральной форме (продукции, работ) и применялся при покупке потребительских товаров, организации хозяйственной деятельности и праздников. Взаимопомощь как добровольное оказание помощи друг другу лицами, находящимися в одинаковых условиях жизнедеятельности, присутствовала в традициях крестьянской общины. Например, когда «всем миром» организовывалось сооружение плотины, рытье колодца, строительство школы, церкви.

Совокупность вышеуказанных факторов обусловила органичное вхождение кооперации в жизнь российского крестьянства. Интенсификации товарно-денежных отношений, постепенное вытеснение замкнутого натурального хозяйства новыми формами хозяйствования, базирующимися на большей дифференциации труда – все это требовало привлечения денежных средств и совместной деятельности в народных промыслах.

Предварительно выясним, что значит понятие «промысел». Объяснение ему найдено только в старых словарях советского периода. В русском языке слово «промысел» имеет несколько толкований: 1. В просторечии «промысел» означает занятие, ремесло, производство как источник для добывания средств существования, часто подсобное при сельском хозяйстве. Например, промыслы – кустарный, охотничий, кузнечный, гончарный, отхожий. Промышляет – означало работает, добывает. Промысловый – чем и где промышляет, род промыслового занятия. Употреблялись такие словосочетания – промысловая рыба, промысловая избушка, промысловый человек, промысловая артель; 2. На современном языке «промысел» – промышленное предприятие или сеть предприятий добывающего типа. Например, промыслы – нефтяной, соляной, горный, золотодобывающий, рыбный; 3. Устаревшее разговорное «промысел» означает то же, что и промысл. Например, промысел Божий. Православное церковное «промысл» - то же, что Божье провидение [2, III, с. 967].

В связи с этим становится ясным, что означает «промысловая артель». Значение этого словосочетания уходит в глубокую российскую древность. Славянские наро-

ды издавна имели промысловые артели каменщиков, плотников, иконописцев, мореходов рыбаков, ремесленников. Трудовыми артелями называли первые колхозы, бригады зверобоев, а членов артели – артельщиками.

Обычно это была команда сплоченных, работающих, честных, жизнерадостных мастеров своего дела. Правоотношения в артели строились на основе данного при всех слова. По своей сути промысловые артели были прообразом современных кооперативов, а их члены – первыми кооператорами. И это происходило на много веков раньше, чем декабристы официально оформили создание кооператива с пророческим названием «Большая артель». Первые попытки создания кооперативов в России были сделаны декабристами в сибирской ссылке. Заимствование западного опыта относится к 60 гг. XIX в. Более заметным явлением в нашей стране кооперативное движение стало лишь на рубеже XIX – XX вв. Первые кооперативы были в основном кредитными и снабженческо-сбытовыми.

Промысловые кооперативы организованы в России одними из первых, имеют свою богатую историю, сохранили официальный статус и положение до настоящего времени. Анализ развития российской промысловой кооперации показывает, что ее история обладает собственной внутренней периодизацией, в основу которой могут быть положены различные критерии. Существует классификация кооперативов, в том числе промысловых, по назначению. Л.Е. Теплова (Белгород, БУКЭП) их относит к разным группам в зависимости от основной хозяйственной деятельности [3, с. 14-15]. Так, промысловые кооперативы кустарей и ремесленников, артели старателей, кооперативные предприятия по производству продовольственных и непродовольственных товаров включены в структуру производственных кооперативов.

В то же время, в число жилищных кооперативов не вошли кооперативы по заготовке строительных материалов – песка, глины, мела, щебня. Сюда же не отнесены кооперативы по производству кирпича, керамзитовых блоков, тротуарной плитки и других изделий, необходимых для жилищного строительства. Рыболовецкие кооперативы выведены в отдельную категорию. При этом в нее не включены артели и кооперативы по ловле и переработке продуктов моря, рек, озер, а также кооперативы, занимающиеся разведением рыбы в прудах. Имеет смысл промысловые кооперативы объединить в одну группу с внутренней систематизацией.

Г.Н. Никандров (Чебоксары, ЧФ МГОУ) по характеру государственной политики советского периода в отношении промкооперации выделяет следующие этапы ее развития: 1) огосударствление промысловой кооперации в период военного коммунизма (1918-1920 гг.); 2) возрождение ее в период НЭПа (1921-1929 гг.); 3) массовое кооперирование кустарей (1928-1931 гг.); 4) постепенное огосударствление и возвышение промкооперации до уровня госпромышленности (послевоенный период) [4, с. 189].

Начало новой экономической политики. Остановимся подробнее на особенностях времени наилучшего развития промысловой кооперации – ее возрождения в период НЭПа (1921-1929 гг.). В апреле 1924 г. вышел декрет «О кооперации», обеспечивающий развитие самостоятельности и инициативы кооперативных организаций не только в сфере торговли, но и в заготовках. Целенаправленному решению поставленных задач способствовало отделение потребительской кооперации от других форм – сельскохозяйственной, кредитной, промысловой.

Л.Д. Ватлина (Новосибирск, СУПК) отмечает, что промысловая кооперация в Сибири окончательно была сформировавшееся только к концу 1927 г. Государство рассматривало этот вид кооперации как средство поглощения избыточного сельского населения и ликвидации городской безработицы. Хозяйственная деятельность заключалась в снабжении кустарей сырьем и организации сбыта их продукции [5, с. 81-84].

Р.Н. Парамонова (Самара, СГАКУ), изучая кустарно-промысловую кооперацию Среднего Поволжья, представляет такую информацию о данной территории. Первые региональные кустарно-промысловые союзы появились в 1921 г. в Спасском уезде и городе Самаре. Самостоятельным хозяйствующим субъектом стала промысловая кооперация Пензенской губернии, которая оформилась в союзную структуру. Большинство же кустарно-промысловых артелей выходило на местный рынок самостоятельно, получая, в то же время, кредиты по линии Селькредсоюза [5, с. 90-92].

Данный этап российской кооперативной истории, ее правовые составляющие изучали и анализировали в своих трудах другие отечественные ученые разных поколений, такие как В. Бажаев, И.М. Вановская, Е.С. Маляр, А.В. Меркулов, Л.В. Низова, А.А. Рыбников, Е.Н. Сахарова-Вавилова, Д.П. Семенова, В. Потресов и многие другие. Имеются публикации авторов по этой проблеме [6-10].

Рассмотрим более подробно особенности историко-правового взаиморазвития в кооперации кустарных промыслов того времени народной инициативы и влияния государственного законодательства. Для этого используем теоретические изыскания ученых и некоторые практические материалы украинских губерний, входящих в тот период в советское государство.

Новая экономическая политика, провозглашенная X съездом партии, знаменовала собой коренной поворот во всей хозяйственной и политической жизни советской страны. Замена продразверстки продналогом, внедрение принципа хозяйственного расчета, использование товарно-денежных отношений и другие мероприятия оказывали существенное влияние на формирование нового подхода к кустарной промышленности, в которой, например, на Украине в начале НЭПа насчитывалось около 350 тыс. мелких товаропроизводителей [11, с. 17].

Созданная в соответствии с решениями съезда комиссия ЦК и СНК РСФСР вскоре представила на рассмотрение Политбюро ЦК проект директив по основным вопросам перехода к новой экономической политике, в том числе и о месте в ней кооперации. Директивы были приняты 30 марта 1921 г. По отношению к кооперации разрешался обмен оставшихся после сдачи налога продуктов; приобретение в целях сбыта продуктов сельского хозяйства и кустарного промысла позволялся только кооперативным организациям. Сельскохозяйственная и кустарно-промысловая кооперация отделялись от потребительской [12, с. 46-48].

Директивы послужили основой для разработки ряда законодательных актов в области кооперативного строительства. В период с апреля 1921 по январь 1922 гг. СНК были приняты декреты по основным видам кооперации, способствовавшие их развитию в новых условиях. Первым из этой серии кооперативных декретов нэповского периода от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» были отменены ограничения прав кооперации в области заготовок. Существенным является предоставление потребкооперации права самоуправления, распоряжения финансовыми

средствами по своему усмотрению. Контроль со стороны госорганов ограничивался лишь областью выполнения кооперацией обязательных государственных заданий.

С переходом к НЭПу кооперативная деятельность в стране заметно оживилась. первой начала возрождаться потребительская кооперация, как главный орган товарообмена. Важнейшее значение в данный период приобрела сельскохозяйственная кооперация, которая была призвана сыграть главную роль в преобразовании деревни. Организация работы кустарной промышленности в начальный период НЭПа облегчалась всей политикой государства, стремившегося к ее развитию, поддерживающего кооперацию.

В то же время при относительно успешном старте переход промысловой кооперации от военного коммунизма к НЭПу был осложнен рядом обстоятельств. Если в 1919-1920 гг. по заявкам фронта гарантировались сырье, материалы, топливо, то в период НЭПа начали возникать сложности в снабжении сырьем, финансово-расчетных операциях [13, с. 3-11].

На основе решений X съезда постановлениями ВЦИК от 14 мая 1921 г. «Хозяйственная политика ВСНХ в связи с продналогом» и СНК от 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной кооперации» создавались условия для развития хозяйств кустарей на преимущественно кооперативной основе. Разрешались свободная заготовка сырья, распоряжение своими изделиями, аренда мелких помещений и так далее. Для развития кустарной промышленности предлагалось избегать излишней регламентации, кустари могли свободно распоряжаться производимыми ими товарами, за исключением товаров, производимых из государственного сырья на договорных началах, приобретать сырье, инструменты для оборудования.

Огромное значение для развертывания частной хозяйственной инициативы мелких промышленников имел декрет ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности», который изменил критерии отнесения предприятий к ценовой промышленности. К кустарным заведениям теперь были отнесены те, которые насчитывали до 20 человек без использования механического двигателя и до 10 – с использованием двигателя. В сравнении с декретом ВЦИК от 19 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности» новый декрет удваивал размеры мелкого заведения. Новое положение создавало условия для вывода из национализированной промышленности массы мелких предприятий. На практике передача предприятий бывшим владельцем осуществлялась путем сдачи им в аренду ранее принадлежащих им заведений.

Возрождение промысловой кооперации. Большое значение в условиях новой экономической политики имел декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июля 1921 г. «О развитии промысловой кооперации». По нему провозглашалось отделение кустарно-промысловой кооперации от потребительской. Трудящимися кустарных и иных промыслов в целях занятия однородным производством предоставлялось право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для совместного производства, равно как и для организации труда своих членов, сбыта продуктов труда, снабжения материалами, инструментами и орудиями производства. Общее количество членов промыслового кооператива не могла быть менее пяти человек, а число наемных рабочих не должно превышать 20% всего состава членов товарищества [14]. Таким образом, для кустарной промышленности провозглашение НЭПа

послужило толчком для дальнейшего роста числа кооперативов и союзов. Так, на Украине был создан Укркустсоюз – общеукраинское объединение кустарно-промысловых союзов, куда входило около 10% кустарей. В задачи Укркустсоюза входили всемерное развитие и поддержка кооперативного движения, а также содействие развитию промыслов в Украине. В каждой украинской губернии для этой цели были созданы губкустпромы [14].

После издания декрета «О развитии промысловой кооперации» начинается быстрый рост числа промысловых артелей. Развитие промкооперации здесь можно разделить на два этапа. Первый, с 1921 г., характеризовался отсутствием четких разграничений между промысловыми, трудовыми и сельскохозяйственными артелями. Принцип деятельности промысловой артели заключался в том, что она организовывалась в целях ведения совместного личного труда своих членов в собственных предприятиях.

Однако в этот период формы кооперации среди кустарей по своему роду деятельности носили несколько иной характер и могли представлять собой: сырьевые товарищества, объединяющие закупку сырья и необходимых предметов для производства; складочно-закупочные или кустарные артели, занимающиеся сбором изделий своих членов и сбытом их через кооператив; трудовые артели, которые организовывали совместный личный труд своих членов в чужих предприятиях, не занимаясь сбытом продуктов, так как они считались собственностью того предприятия, в пользование которого артель отдавала труд своих членов; производственные артели, занимающиеся закупкой сырья и совместной его переработкой, сбытом готовой продукции. При этом многие из кустарных объединений выполняли не только производственные, но и торгово-сбытовые функции. За счет этого данный период отличался существенным количественным ростом промысловой сети в стране. На начало 1925 г. в украинских губерниях было зарегистрировано около 630 тыс. кустарей-одиночек и более 20 тыс. артелей, в которые входило около 70 тыс. кустарей [15, с. 39-40].

Помимо законодательного стимулирования производственной деятельности кустарно-промысловых артелей в 1921 г. был предпринят ряд мер, направленных на улучшение условий их развития. Прежде всего была проведена реорганизация совнархоза, разрешен ряд задач, касающихся приспособления национализированных предприятий к НЭПу; вопросов демобилизации кустарей-одиночек; привлечение кустарной промышленности к восстановлению крупных заводов и фабрик [16].

Второй этап развития промысловой кооперации начинается с 1925 г. Большое значение для подъема кооперативного движения того времени имело предоставление кустарям свободы хозяйственного оборота. На XIV конференции РКП(б), проходившей в апреле 1925 г., отмечались такие существенные положения, как признание кооперации основным аппаратом для проведения товарообмена; поддержка мелких и средних предприятий; сдача в аренду частным лицам, кооперативам, артелям и товариществам государственных предприятий. Приветствовалась также политика заключения договоров с кооперацией и передача ей товарообменных фондов для выполнения заданий государственной власти, вводился принцип индивидуальной и коллективной заинтересованности в изобретениях, усовершенствованиях и т.д. [17].

Таким образом, к объединению кустарей в промысловые артели подталкивала выгода совместной заготовки сырья и сбыта продукции. Чтобы стимулировать объединение мелких производителей, правительство обязывало хозяйственные органы давать преимущества кооперативным объединениям. Выражалось это в выдаче заказов, подборе помещений, приобретении инвентаря и инструментов, а также в авансировании при выдаче государственных заказов.

В период с 1921 по 1925 гг. являлся, своего рода, временем поиска путей решения тех проблем, с которыми приходилось сталкиваться кустарям при объединении в кооперативную артель. В стране активно реализовывалась политика стимулирования кооперативного объединения кустарей. Выражалась она в преимущественном налоговом положении промысловых артелей, организации снабженческо-сбытовых операций, увеличении социальных прав и возможностей. Одновременно с этим, происходило ущемление деятельности кустарей, не входивших в артели.

Такие меры, в большей степени, привлекали безработные и малосостоятельные контингенты населения. Провозглашенная X съездом партии новая экономическая политика с одной стороны привела к свободе торгово-рыночных отношений и экономической самостоятельности кустарных заведений. Однако с утверждением НЭПа государство лишь ослабило, но не прекратило регулирование хозяйственно-экономических процессов в стране. Временное восстановление посреднических и торговых функций в области производственного кооперирования параллельно дополнялось внедрением системы государственного планирования и контроля над хозяйственной деятельностью предприятий и кооперативов разного уровня.

Законодательные тенденции развития кустарно-промысловой кооперации, заложенные на почве и в период НЭПа, получили дальнейшее совершенствование в советском государстве в 20-30 гг. Промысловые кооперативы оказывали большую материальную и денежную помощь Красной Армии в период ВОВ, государству – в трудные послевоенные годы [18, с. 27-32]. К сожалению, мы утратили позиции, завоеванные в дореволюционное и советское время нашими предшественниками. Вот что сообщается о промысловой кооперации в Энциклопедическом словаре, изданном в 1955 г. – «Промысловая кооперация в СССР – добровольное объединение трудящихся, ставящее своей целью путем организации промысловых коллективных предприятий и социалистической организации труда содействовать подъему кооперативной промышленности и торговли. Предприятия промысловой кооперации являются крупным дополнением государственной промышленности по производству предметов народного потребления.

К началу 1954 г. промкооперация СССР имела 100 тыс. предприятий и мастерских, в которых работало 1890 тыс. человек. В производстве некоторых товаров промкооперация занимала значительное место. Она производила (к 1954 г.) 35% мебели, изготавливаемой в стране, до 27% швейных изделий, до 36% верхнего трикотажа, 31% валенок, до 50% повозок и телег. Артели промкооперации производили главным образом товары широкого потребления, предметы домашнего и хозяйственного обихода, местные стройматериалы и другое.

Большинство промысловых артелей было специализировано (швейные, трикотажные, мебельные, по производству металлоизделий, кожевенно-обувные и так далее). Артели объединялись промысловыми союзами. В июле 1950 г. был создан всесоюзный центр промысловой кооперации – Центропромсовет. Он осуществлял

руководство всеми видами промысловой кооперации (промысловой, лесопромысловой, инвалидов)» [19; 3, с. 26]. Во второй половине 80 гг. прошлого века кооперативное движение в России снова возродилось, что дало новое дыхание и промысловой кооперации. По мере становления и расширения рыночных отношений формируется та социальная и правовая среда, которая необходима промкооперации. Это сфера самостоятельных производителей товаров и услуг.

Происходящие в стране социально-экономические преобразования способствуют развитию малого и среднего бизнеса в области ремесел и услуг. Это требует дальнейшего совершенствования кооперативного законодательства, регулирующего отдельные виды кооперации, включая промысловую, нуждается в философском и правовом осмыслении. Промысловая кооперация, несмотря на все исторические и социальные потрясения, подтверждает свою жизнестойкость и необходимость. Непотопляемость этого вида кооперации подтверждается непреходящей популярностью изделий народных промыслов России, получивших всемирную известность.

Список литературы:

1. Невлев В.В. Историческая специфика зарождения и правового развития российской промысловой кооперации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №3(252). Вып. 39. Белгород, 2017. С. 149-152.
2. Толковый словарь русского языка // Под редакцией проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1939. Т. III. С.967.
3. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. М.: Вита-Пресс, 2005. С. 14-15.
4. Научно-технический прогресс и социально-экономические, правовые аспекты потребительской кооперации в современных условиях: материалы межвуз. науч.-практ. конф., Чебоксары, 26-27 февраля 1998 г. Чебоксары: Изд-во «Салика», 1998. С. 189.
5. Кооперация: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 1998 г. Новосибирск: Изд-во СУПК, 2011. С. 81-84, 90-92.
6. Маслов Н.П. Влияние административно-правового фактора на развитие кустарной промышленности в Украине во второй половине XIX – начале XX века // Теория и практика инновационного развития кооперативного образования и науки: материалы междунар. науч.-практ. конф., 14-16 апреля 2010 г. Белгород: Изд-во БУКЭП, 2010. Ч.1. С. 103-110.
7. Невлев В.В. О юридической судьбе российской промысловой кооперации // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы XI Всероссийской науч.-практ. конф. (с международным участием), 25-26 октября 2012 г. Сыктывкар: СГУ, 2012. Ч.2. С. 62-65.
8. Олейник Н.Н. Развитие кооперации в крестьянской промышленности Харьковской губернии в конце XIX – начале XX века / Н.Н. Олейник, П.Н. Маслов // Потребительская кооперация России на пороге третьего тысячелетия: материалы междунар. науч.-практ. конф., 12-15 мая 1999 г. Белгород: Изд-во БУПК, 1999 г. Ч. 3. С. 132-138.
9. Олейник Н.Н. Историко-правовое развитие кооперации кредитных обществ и кустарных промыслов в пореформенный период / Олейник Н.Н., Невлев В.В. // История государства и права. №11. Москва, 2019. С. 58-66.
10. Невлев В.В. История кооперативного движения в южных регионах России: правовое сопровождение: монография. Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. 172 с.
11. Промислова кооперация України. Харків: Вид-во КОІЗ, 1927. С. 17.
12. Маляр Е.С. Кустарная промышленность Харьковской губернии до войны и в настоящее время. Х.: Книгоспілка, 1926. С. 46-48.
13. Потресов В. Промышленность Харьковской губернии до войны и в настоящее время // Хозяйство Харьковщины. 1925. №6-7-8. С. 3-11.
14. Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф.337. Оп.1. Д.751. Л.91.
15. Промислова кооперация України. Харків: Вид-во КОІЗ, 1927. С. 39-40.
16. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф.387. Оп.1. Д.5939. Л.10.
17. КПРС в резолюциях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. Київ. 1979. Т.3. С. 189.
18. Невлев В.В. Гражданско-правовая деятельность потребительской кооперации в истории Великой Отечественной войны // История государства и права. №10. Москва, 2018. С. 27-32.
19. Энциклопедический словарь. М.: Гос. науч. изд-во «БЭС», 1955. Т.3. С.26.

Oleinik N.N., Maslov N.P., Nevlev V.V. Historical and Legal Trends in the Revival of Cooperative Handicraft Industries in the Early Soviet Period // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 79–87.

The article examines historical and legal prerequisites for the emergence and development of folk craft cooperation on the territory of modern Russia. The first social and labor form of rural residents' association was the peasant community. It was performing many social and legal functions giving the rise to mutual assistance in domestic matters, labor support and economic interaction. Artel forms of joint activity in certain labor areas served as another initial basis for industrial cooperation. This type of cooperation actively developed during the near-revolutionary period. Cooperation problems in the first years of Soviet power are analyzed. The state of handicraft cooperation within the period of transition to New Economic Policy is considered. The trends of activity revival in the late 1990s are assessed due to distinguishing its features in the Soviet period. The role and significance of the people's initiative, its connection with the legislative cooperative acts of that time are highlighted.

Key words: credit societies, handicraft cooperatives, people's industries, handicraft industry, rural economy, legal regulation, supervision procedure, industrial centers, people's initiative.

Spisok literature:

1. Nevlev V.V. Istoricheskaya spetsifika zarozhdeniya i pravovogo razvitiya rossiyskoy promyslovoy kooperatsii // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №3(252). Vyp. 39. Belgorod, 2017. S. 149-152.
2. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka // Pod redaktsiyey prof. D.N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr i natsion. slovarey, 1939. T. III. S.967.
3. Teplova L.Ye. Osnovy potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Vita-Press, 2005. S. 14-15.
4. Nauchno-tekhnicheskyy progress i sotsial'no-ekonomicheskiye, pravovyye aspekty potrebitel'skoy kooperatsii v sovremennykh usloviyakh: materialy mezhvuz. nauch-prakt. konf., Cheboksary, 26-27 fevralya 1998 g. Cheboksary: Izd-vo «Salika», 1998. S. 189.
5. Kooperatsiya: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch-prakt. konf., 12 aprelya 1998 g. Novosibirsk: Izd-vo SUPK, 2011. S. 81-84, 90-92.
6. Maslov N.P. Vliyaniye administrativno-pravovogo faktora na razvitiye kustarnoy promyshlennosti v Ukraine vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka // Teoriya i praktika innovatsionnogo razvitiya kooperativnogo obrazovaniya i nauki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 14-16 aprelya 2010 g. Belgorod: Izd-vo BUKEP, 2010. CH.1. S. 103-110.
7. Nevlev V.V. O yuridicheskoy sud'be rossiyskoy promyslovoy kooperatsii // Politicheskiye, ekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty regional'nogo upravleniya na Yevropeyskom Severe: materialy XI Vse-rossiyskoy nauch.-prakt. konf. (s mezhdunarodnym uchastiyem), 25-26 oktyabrya 2012 g. Syktyvkar: SGU, 2012. CH.2. S. 62-65.
8. Oleynik N.N. Razvitiye kooperatsii v krest'yanskoy promyshlennosti Khar'kovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka / N.N. Oleynik, P.N. Maslov // Potrebitel'skaya kooperatsiya Rossii na poroge tret'yego tysyacheletiya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 12-15 maya 1999 g. Belgorod: Izd-vo BUPK, 1999 g. CH. 3. S. 132-138.
9. Oleynik N.N. Istoriko-pravovoye razvitiye kooperatsii kreditnykh obshchestv i kustarnykh promyslov v poreformenny period / Oleynik N.N., Nevlev V.V. // Istoriya gosudarstva i prava. №11. Moskva, 2019. S. 58-66.
10. Nevlev V.V. Istoriya kooperativnogo dvizheniya v yuzhnykh rayonakh Rossii: pravovoye soprovozhdeniye: monografiya. Belgorod: OOO «Epitsentr», 2018. 172 s.
11. Promislova kooperatsiya Ukraïni. Kharkiv: Vid-vo KOIZ, 1927. S. 17.
12. Malyar Ye.S. Kustarnaya promyshlennost' Khar'kovskoy gubernii do voyny i v nastoyashcheye vremya. KH.: Knigospilka, 1926. S. 46-48.
13. Potresov V. Promyshlennost' Khar'kovskoy gubernii do voyny i v nastoyashcheye vremya // Khozyaystvo Khar'kovshchiny. 1925. №6-7-8. S. 3-11.
14. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv obshchestvennykh organizatsiy Ukrainy. F.337. Op.1. D.751. L.91.
15. Promislova kooperatsiya Ukraïni. Kharkiv: Vid-vo KOIZ, 1927. S. 39-40.
16. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy. F.387. Op.1. D.5939. L.10.
17. KPRS v rezolyutsiyakh i rishennyakh z,izdiv, konferentsiy i plenumiv TSK. Kiïv. 1979. T.3. S. 189.
18. Nevlev V.V. Grazhdansko-pravovaya deyatel'nost' potrebitel'skoy kooperatsii v istorii Velikoy Otechestvennoy voyny // Istoriya gosudarstva i prava. №10. Moskva, 2018. S. 27-32.
19. Entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Gos. nauch. izd-vo «BES», 1955. T.3. S.26.

УДК 35.089.7

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПОВЫШЕНИЯ БОЕВОЙ АКТИВНОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ЧЕРЕЗ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПООЩРЕНИЯ**

Погорелов С. А., Семёнова И. В.

Санкт-Петербургский военного ордена Жукова институт войск национальной гвардии

В статье проводится исследование отдельных вопросов практики применения поощрений военнослужащих, установленных в Дисциплинарных уставах 1940 года и действовавших весь период Великой Отечественной войны. Авторы приходят к выводу, что за годы войны возникла продуманная, хорошо отлаженная система поощрительных мер воздействия на военнослужащих, которая, являясь важной частью системы дисциплинарных правоотношений, выступала важным фактором стимулирования боевой активности действующей армии.

Ключевые слова: военнослужащие, Великая Отечественная война, дисциплинарные правоотношения, награды, повышение боевой активности, поощрения.

С недавнего времени различные мифы о Великой Отечественной войне активно используются для очернения памяти о Великой Победе советского народа над фашистской Германией. Особенно результативно сработала совокупность недостоверных сведений о войне в ходе информационной обработки населения на Украине, в результате которой после переворота 2014 года эта страна была переведена под полное внешнее управление. Поэтому правда сегодня важна и нужна как никогда.

Раскрывая историческую правду о некоторых мерах, принимаемых органами государственного и военного управления по повышению боевой активности защитников нашего Отечества в 1941–1945 гг., необходимо сказать, что в представлении многих обывателей данная деятельность сводилась к расстрелам, «штрафбатам» и «заградотрядам». Не будем «кривить душой» и утверждать, что данная точка зрения не имеет под собой исторического основания, т. к. данные явления войны и нами неоднократно исследовались [5].

Достоверно установлено, что первые месяцы войны оказали сильное психологическое воздействие на военнослужащих. В этот период велись ожесточенные бои и превосходящими силами противника. Личный состав нес колоссальные потери, в связи с чем вынужден был отступать. Все это повлияло на воинскую дисциплину и привело к дезорганизации во многих частях Советской Армии.

Для перелома создавшегося положения требовались решительные меры по восстановлению и укреплению воинской дисциплины. Одной из правовых мер воздействия на правонарушителей и трусов была уголовная ответственность военнослужащих, которая при наступлении военного времени предусматривала за большинство воинских преступлений применение высшей меры наказания. Личным составом необходимо было управлять, чтобы не допускать преступлений, нарушений воинской дисциплины и организовывать выполнение приказов. В отдельных случаях возникла необходимость восстановления системы управления. Этому способствовали и требования действовавшего в то время Дисциплинарного устава Красной Армии 1940 г., разрешавшего командирам и начальникам применять к подчиненным обширный круг мер принуждения, вплоть до оружия [2, с. 180–182].

Однако командно-политический состав Красной Армии в первые месяцы войны зачастую незначительно использовал меры Дисциплинарного устава. Как правило, принималось два крайних решения: за проявление мужества и героизма – представляли к правительственным наградам, а за преступления, дисциплинарные проступки и другие нарушения воинской дисциплины, иногда даже незначительные, отдавали под суд военного трибунала [10, с. 39].

Ситуация военного времени выявила что далеко не все положения Дисциплинарных уставов 1940 г., применяемые в мирное время, могли быть реализованы в период ведения боевых действий. В связи с этим органами государственного и военного управления велся постоянный поиск выходов из создавшегося с началом войны критического состояния воинской дисциплины. Вопросу реализации поощрительных мер воздействия на военнослужащих предлагается акцентировать внимание в данной статье.

Благодарность в годы войны продолжала оставаться одним из самых массовых видов поощрения военнослужащих. В практику войск прочно вошла благодарность для всего личного состава, участвовавшего в выполнении той или иной боевой задачи, в этом случае конечно же отсутствовала персонализация военнослужащих. Как правило воинское подразделение, задействованное в освобождении населенного пункта, получало благодарность в полном составе от вышестоящего органа управления, а воинские должностные лица в подразделениях записывали эту информацию каждому бойцу индивидуально в соответствующие документы. Также с объявлением благодарности всему личному составу подразделению могли присвоить почетное наименование и в честь этого производился салют [6].

Грамота, как вид поощрения, также повсеместно применялся в годы войны. О массовом ее применении свидетельствует факт, когда перед наступлением на Берлин в действующей армии 130 000 чел. были награждены грамотами Верховного главнокомандующего с благодарностью за участие в боях за освобождение и взятие ряда городов [9, с. 86–88]. Кроме того, командирами и политработниками в большом количестве в годы войны применялась еще одна разновидность поощрения – благодарственное или похвальное письмо, которое, как правило, пересылалось полевой почтой по месту жительства родных военнослужащего.

Поощрение в виде внеочередного увольнения из расположения части (на берег с корабля) в годы войны претерпело изменение в сторону значительного сокращения, что объясняется объективными причинами военного времени. Так, Наркомом ВМФ 23 декабря 1941 г. военным советам действующих флотов была направлена Директива № 85 «О наведении порядка и поддержании дисциплины в портах и базах флота», в которой было приказано: «установить самый строгий режим увольнения из части, совершенно запретить выход из части, корабля без увольнительной или командировочного (предписания)» [11, Ф. 216 Д. 12517. Л. 288–289].

Приказ Командующего Черноморским флотом, изданный в мае 1942 г., конкретизировал порядок и правила предоставления увольнений в условиях военного положения [11, Ф. 1087 Оп. 5 Ед. хр. 1640 С. 161–163]. Данный акт содержал в себе положения, касающиеся ограничений продолжительности увольнения военнослужащего, находящимся на боевом посту. Ночевка на берегу была запрещена всем и были установлены определенные часы увольнения. Так, в субботу время устанавливалось с семнадцати до двадцати двух часов, а в воскресенье с 14 до 22. При этом

разрешалось одновременно увольнять на более 10 % военнослужащих по призыву и до 25 % сверхсрочников и командно-начальствующего состава.

Также характерной чертой военного времени стала централизация принятия решения о предоставлении отдыха. Так Ставка Верховного Главнокомандующего в своей директиве закрепила время, выделяемое для кратковременного отдыха, и такой срок дифференцировался: для рядовых – 6 дней; начиная с младшего начальствующего состава – 8 дней [8, с. 420–421]. Следует отметить, что отдых мог быть предоставлен один раз в год, при условии, что личный состав прослужил уже 10 месяцев. Военнослужащим, у которых фиксировалось переутомление после участия в боевых действиях, отдых мог предоставляться в любое время.

Право предоставления краткосрочного отдыха предоставлялось только командирам частей и соединений. Разрешалось предоставление краткосрочного отдыха без ущерба боевым действиям, для чего должна быть установлена очередь для отпускаемых на отдых. В отпуск могло быть отпущено не более трех процентов от общего числа военнослужащих. Высший командный состав разрешалось отпускать по персональному указанию вышестоящего командования. Отдых в виде увольнения или краткосрочного отдыха применялся в качестве индивидуального поощрения. Критерии, по которым определялся срок отдыха, зависел от многих факторов: близость линии фронта, личные качества военнослужащего и многое другое. При добросовестном выполнении своих обязанностей в условиях военного времени военнослужащий награждался пусть и краткосрочным, но все-таки увольнением из расположения части (на берег, если проходил службу на корабле). Это стало мощным стимулом к добросовестному выполнению обязанностей.

Денежное поощрение, стимулирование в рассматриваемый период времени внедрялось государством в боевую деятельность. С первых месяцев войны государственным руководством стали приниматься решения по конкретной денежной оценке заслуг военнослужащих за урон, нанесенный врагу. Например, Нарком Обороны от 19 августа 1941 г. своим приказом определяет порядок награждения летчиков. В нем дифференцировано была определена сумма выплат в зависимости от боевой эффективности.

Аналогичные принципы поощрения были установлены для бомбардировочной авиации: за каждую успешную бомбардировку, летного и технического состава; за сбережение материальной части и безаварийность и т. п. [7, с. 66–69].

На Краснознаменном Балтийском флоте была введена в действие инструкция, определяющая критерии, по которым выплачивались 50 руб. краснофлотцам в качестве вознаграждения. Командирам кораблей, частей и учреждений выделялись денежные суммы для премирования подчиненных за уничтожение мин, а также за удачное разоружение новых образцов мин и торпед [11, Ф. 2. Оп. 16 Ед. Хр. 2 Л. 224–228].

Стимулирование подразделений сухопутных войск происходило аналогичным образом. Денежных премий удостоивались военнослужащие за уничтожение самолетов, танков, самоходной артиллерии и другой боевой техники противника [11, Ф. 79 Д. 39820 Л. 200].

Кроме указанных примеров денежных наград, на флоте и в армии практиковалось премирование целых воинских коллективов и их руководителей за победу в социалистическом соревновании, за перевыполнение какого-либо плана, за сбор

металлолома, досрочное выполнение ремонтно-восстановительных работ, за рационализаторство и т.п.

В период ВОВ военнослужащие, проявившие отвагу, поощрялись ценными подарками (памятными наручными часами, фотоаппаратами, ручками, портсигарами), не исключением стали вещи, в которых особо нуждались (теплые вещи, обувь, продуктовые наборы). Источником происхождения этих подарков являлись пожертвования граждан, помощь фронту от различных тыловых организаций и учреждений. В связи с чем происходила централизованная организация места сбора и хранения такого рода подарков. Наркомат обороны создал базы, на которых происходило комплектование посылок и отправка их на фронт под контролем ГКО. При этом зачастую данные подарки не предназначались для кого-то конкретного и ими премировали особо отличившихся, а также раненых или больных военнослужащих [7, с. 234–235].

Трофеи были неотъемлемой частью войны, в этой связи согласно Приказа Народного комиссара обороны личные вещи противника должны были сдаваться по описи на армейские специализированные склады. Эти вещи подлежали учету и зачастую зачислялись в наградной фонд военных советов армий. Среди трофейных вещей встречались и изделия из драгоценных металлов и камней, для их учета существовал особый порядок. Лица, которые не сдавали такие вещи на склад, придавались суду военного трибунала за их незаконное присвоение [7, с. 254–255].

Именное холодное и огнестрельное оружие, полученное за отличия по службе и в боях, во время войны также заняло почетное место в наградной системе. Однако с правовой точки зрения такое оружие на тот период времени скорее имело статус подарочного, нежели наградного. Так как большинство врученного в качестве наградного оружия не соответствовало особым требованиям, среди которых: соответствие утвержденным государственным органами образцам; соответствие награждаемого требованиям, которые выдвигались к лицам, претендующим на такое поощрение; определенный порядок представления к такой награде [4].

С началом войны одним из самых массово применявшихся видов поощрений военнослужащих стало присвоения воинских званий. Если не конкретизировать, то обозначим основные направления развития практики применения данного вида поощрения в военное время: во-первых, были значительно расширены полномочия органов военного управления в целях быстрого присвоения внеочередных воинских званий военнослужащим, отличившимся в боях; во-вторых в 1943 году было установлено деление военнослужащих на рядовой, сержантский, офицерский состав и генералов, а также вводился новый вид поощрения – присвоение первичного офицерского звания «младший лейтенант» лицам сержантского и рядового состава воинских частей действующей армии «за проявленное умение командовать в бою». В-третьих, помимо того, что сроки выслуги в воинских званиях были намного сокращены, раненым в бою или награжденным орденами также сроки выслуги сокращались наполовину в целях поощрения. В результате за 4 года войны значительному большинству офицеров действующей армии очередные воинские звания были присвоены по 3–4 раза, а некоторым – и по 5 раз [1, с. 216].

Следует отметить, что в начале войны, несмотря на массовое мужество и героизм советского народа, число награжденных орденами и медалями было незначительным. Причиной тому — довоенный порядок организации данного мероприятия, ко-

торый некоторое время оставался сложным и долгим, так как осуществлялся через Верховный Совет СССР. Только к началу 1942 г., данная процедура была адаптирована в определенной степени к военному времени [8, с. 86-88]. В первой половине 1941 г. награждение производилось наградами, которые существовали на тот момент и довоенным порядком [3, с. 224].

Практика награждения орденами, медалями и нагрудными знаками в рассматриваемый период была достаточно подробно освещена многими исследователями, выявлением основных направлений её развития применительно к дисциплинарным правоотношениям военнослужащих занимался и один из авторов данной статьи [4]. Тут в частности отметим, что за годы ВОВ государственная наградная система была довольно успешно адаптирована к условиям военного времени, а в частности: органы военного управления были наделены полномочиями по принятию предварительного решения о награждении от имени государства, установлению в пределах своей компетенции вида награды, вручению её награждённому с последующим направлением материала о состоявшемся награждении для утверждения Президиумом Верховного Совета СССР; учреждались новые ордена и медали для поощрения всех категорий военнослужащих, а для рядовых, младших командиров и военных специалистов вводились новые нагрудные знаки; в статутах орденов, положениях о медалях, приказах о введении нагрудных знаков конкретизировались боевые заслуги, за которые военнослужащие представлялись к награждению; в семьях умерших награжденных оставались награды и документы к ним для хранения как память; расширился перечень орденов, награждение которыми предоставляло право на социальные льготы; учреждались медали памятного характера, вводилось награждение за продолжительную безупречную службу.

Наградная система совершенствовалась на основе традиций, сложившихся как в довоенный период, так и в дореволюционный. Во многом изменения коснулись организации самого наградного процесса. Несмотря на все положительное в совершенствовании наградной системы в годы войны, наградной механизм не был до конца отработан ввиду несовершенства статута орденов и положений о медалях, учрежденных до начала войны, небрежного отношения соответствующих командиров и начальников, органов и учреждений, либо по другим причинам.

В заключении рассмотрения отдельных правовых вопросов повышения боевой активности военнослужащих в условиях ведения войны через систему поощрительных мер воздействия, авторы пришли к следующим выводам.

В ходе войны акцент дисциплинарно-правового стимулирования боевой активности военнослужащих изменялся в широких пределах: от резкого ужесточения юридической ответственности до применения разнообразных форм и методов поощрительного характера, расширения прав должностных лиц по поощрению подчинённых. За военные годы сформировалась хорошо отлаженная система награждения. Являясь мерой поощрения, она стимулировала формирование боевого духа, поддержания боевой активности, что, несомненно, положительно отразилось на победе над фашистской Германией.

В период существования СССР воспитание молодежи строилось на идеологической основе вторичности материальных благ, стремления к обобществлению любой собственности. Однако, несмотря на это, на крайне сложную экономическую ситуацию в стране, органами государственного управления были приняты решения по установлению выплат военнослужащим денежных премий, послужившим в качестве финансового стимулирования их боевой активности. Кроме того, активно использовалось материальное поощрение военнослужащих вещевыми и продоволь-

ственными ценными подарками, поступавшими на фронт от гражданского населения и различных организаций, в т.ч. трофейного происхождения.

Также в настоящее время необходимо внимательно изучить, адаптировать и ввести в практику войск применение такого вида поощрения военнослужащих как досрочное присвоение воинских званий или их присвоение на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного для занимаемой должности.

Опыт и уроки ВОВ, как и вся ее история, обладают большим воспитательным потенциалом. Исследования, правдиво отражающие события и факты военных лет, приобретают сегодня важное значение. Они выступают действенным средством формирования у современного поколения гордости за свою Родину, уважительного отношения к защитникам Отечества и способствуют возрождению патриотического сознания народов России. Следует отметить, что в настоящее время, в условиях проводимой специальной военной операции, возможно использовать опыт стимулирования служебно-боевой активности, который сформировался в годы ВОВ.

В то же время к любому историческому опыту с практической точки зрения необходимо подходить с огромной осторожностью и не применять его огульно, без учета современного состояния развития общественных отношений. Не все решения, успешно примененные нашими предками в той национально-освободительной войне советского народа против объединенного капиталистического общества, могут быть приемлемы в настоящее время.

Список литературы:

1. Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (справочно-статистический материал) / под общ. Ред. А. П. Белобородова. – М.: Воениздат, 1963. – 545 с.
2. Заколотный, В. П. Деятельность политорганов в Красной Армии по укреплению военной дисциплины в действующей армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... д-ра истор. наук. – М., 1990.
3. Минер, В. Л. Церемонии и ритуалы российской армии. – М.: Авант-Статус, 2004. – 489 с.
4. Погорелов, С. А. Основные направления совершенствования системы награждения военнослужащих в годы Великой Отечественной войны [Электронный журнал] // Военное право. – 2014. – № 4.
5. Правовые меры дисциплинарного воздействия на военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: монография / С.А. Погорелов. – СПб.; Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2015. – 196 с.
6. Приказы Верховного главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. – М.: Воениздат, 1975. – 598 с.
7. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). – М.: ТЕРРА, 1997. – 448 с.
8. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). М.: ТЕРРА, 1996. – 624 с.
9. Смыслов, О. С. Символы отваги и мужества. Армейский сборник. 1996. № 5.
10. Технология укрепления воинской дисциплины: учебник / под ред. проф. А. А. Чертополоха. – М.: Военный университет, 2004. – 252 с.
11. Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации.

Pogorelov S.A., Semenova I.V. Historical and legal aspect of increasing the combat activity of military personnel during the great patriotic war through the improvement of the incentive system // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 88-94.

The article examines certain issues of the practice of applying incentives for military personnel established in the Disciplinary Regulations of 1940 and in force throughout the entire period of the Great Patriotic War. The authors come to the conclusion that during the war years, a well-thought-out, well-established system of incentive measures for influencing military personnel emerged, which, being an important part of the system of disciplinary legal relations, acted as an important factor in stimulating the combat activity of the army in the field.

Keywords: military personnel, the Great Patriotic War, disciplinary legal relations, awards, increased combat activity, incentives. Key words: military personnel, the Great Patriotic War, disciplinary legal relations, awards, increased combat activity, incentives.

Spisok literatury:

1. Voennye kadry sovetskogo gosudarstva v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (spravochno-statisticheskij material) / pod obshch. Red. A. P. Beloborodova. – M.: Voenizdat, 1963. – 545 s.
2. Zakolodnyj, V. P. Deyatel'nost' politorganov v Krasnoj Armii po ukrepleniyu voennoj discipliny v deystvuyushchej armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.): dis. ... d-ra istor. nauk. – M., 1990.
3. Miner, V. L. Ceremonii i ritualy rossijskoj armii. – M.: Avant-Status, 2004. – 489 s.
4. Pogorelov, S. A. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy nagrazhdeniya voennosluzhashchih v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Elektronnyj zhurnal] // Voennoe pravo. – 2014. – № 4.
5. Pravovye mery disciplinarnogo vozdejstviya na voennosluzhashchih v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: monografiya / S.A. Pogorelov. – SPb.; Belgorod: OOO «EPICENTR», 2015. – 196 s.
6. Prikazy Verhovnogo glavnokomanduyushchego v period Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza. – M.: Voenizdat, 1975. – 598 s.
7. Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR 22 iyunya 1941 g. – 1942 g. T. 13 (2-2). – M.: TERRA, 1997. – 448 s.
8. Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 god. T. 16 (5-2). M.: TERRA, 1996. – 624 s.
9. Smyslov, O. S. Simvol'y otvagi i muzhestva. Armejskij sbornik. 1996. № 5.
10. Tekhnologiya ukrepleniya vojskoj discipliny: uchebnik / pod red. prof. A. A. Chertopoloha. – M.: Voennyj universitet, 2004. – 252 s.
11. Central'nyj voenno-morskoj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii.

УДК 342

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ САМОЗАЩИТЫ И ЗАЩИТЫ
ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ**

Радомский А. Ю.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В рамках настоящего исследования раскрывается понятие и сущность специфичных для отечественной правовой среды способов защиты основ конституционного строя граждан – института самозащиты, а также института защиты усилиями граждан Российской Федерации и их объединениями. В работе реализовано разграничение между понятиями «охрана» и «защита» основ конституционного строя. Отдельным достижением исследования является изучение института самозащиты основ конституционного строя РФ в контексте его теоретико-прикладного разграничения с более распространенным в отечественной правовой доктрине механизмом самозащиты Конституции Российской Федерации. Проанализирована необходимость и практическая значимость принятия федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации». В рамках рассмотрения института защиты основ конституционного строя усилиями граждан Российской Федерации и их объединениями удалось реализовать анализ групповой формы защиты, затрагивающей, в том числе, проблемные аспекты проведения шествий, митингов и демонстраций. Отдельное внимание уделено достаточно актуальной зарубежной модели института «спонтанного публичного мероприятия».

Ключевые слова: самозащита, основы конституционного строя, спонтанное публичное мероприятие, Конституционное Собрание, охрана, защита, пересмотр Конституции, рисковый характер.

Под основами конституционного строя любого государства понимаются базовые принципы, ценности и гарантии, защищаемые и охраняемые этим государством в форме сохранения уже сформированных ранее основ конституционного и общественного строя. Именно конституционный строй лежит в фундаменте взаимодействия таких четырех субъектов, как государство, общество, народ и личность.

В Российской Федерации системам охраны и защиты основ конституционного строя уделяется особое внимание. Гл. 1 Конституции РФ регламентирует исходные нормы и принципы, определяющие существование российского государства и общества, характеризует основополагающие системы функционирования отечественного федерализма, политической и экономической составляющих развития, структуры РФ посредством разнообразия ее субъектов, закрепляет правовой статус личности, вопросы пользования землей и иными природными ресурсами, правового статуса гражданства, определяет структурные элементы совокупной системы органов государственной власти в РФ и т.д. Исходя из вышеизложенного, предполагается, что Гл. 1 Конституции РФ является доминирующей в иерархической последовательности, поскольку закрепляет нормы, обладающие критерием их особой правовой природы и универсальности. Иные главы Основного Закона страны призваны осуществлять конкретизирующие функции в части разъяснения отдельных аспектов основ конституционного строя России.

Несмотря на определяемую законодателем, а также правоприменителем значимость системы основ конституционного строя для государства и общества, нередки случаи проявления противоправных посягательств на последний, что расценивается как угроза национальной безопасности РФ. Складывающаяся ситуация предопреде-

ляет развитие новых и совершенствование действующих систем и механизмов противодействия посягательствам на существующий конституционный строй. Необходимость в сохранении основ государства и общества, преемственности института национального развития обуславливает актуальность исследования.

Прежде всего, следует обратить внимание на следующий нюанс. Деятельность, связанная с сохранением основ конституционного строя России, формируется посредством консолидированных мер охраны и защиты. При том, отметим, что несмотря на возникающую в рамках правовой доктрины мысль о синонимичности данных правовых дефиниций, согласиться с таким подходом достаточно проблематично. В рамках проводимой работы следует придерживаться такого понимания: охрана – комплекс разноплановых, последовательных мер, предпринимаемых в целях реализации беспрепятственного доступа субъектов к своим законным правам и свободам; защита – комплекс разноплановых, последовательных мер, направленных на воспрепятствование противоправному поведению, формирующему препятствия для пользования законными правами и свободами (в отдельных случаях воспрепятствование может быть реализовано также в отношении правомерного поведения, влекущего, однако, объективную возможность причинить вред субъекту, защищаемому свои права и свободы и/или права и свободы иных лиц).

Таким образом, ключевое различие заключается в том, что защита, как правило, реализуется в отношении уже совершенных противоправных деяний, в связи с наличием которых ведущие начала и концептуальные идеи конституционного строя страны были подвергнуты негативному воздействию, формирующему угрозу для национальной безопасности России. Именно повышенный уровень опасности, возникшие негативные последствия, требующие незамедлительного реагирования, наводят на мысль о необходимости совершенствования отдельных аспектов всего совокупного механизма защиты нарушенного права.

В рамках конституционно-правовой доктрины устоявшейся признается точка зрения касательно разграничения возможных форм защиты основ конституционного строя на три составляющие: механизм защиты основ конституционного строя посредством деятельности государства, его субъектов, органов местного самоуправления, уполномоченных должностных лиц; механизм самозащиты; механизм защиты усилиями отдельных граждан и их объединениями.

В отношении первой разновидности существует достаточно обширный комплекс нормативно-правовых актов, регламентирующих ключевые вопросы деятельности РФ, ее субъектов, муниципальных образований, государственных и муниципальных органов власти, а также превентивные аспекты ответственности за совершение правонарушений против основ конституционного строя со стороны самих субъектов такой защиты. Две оставшиеся разновидности являются гораздо менее распространенными, в связи с чем не в полной мере изученными и проблемными.

Итак, самозащита основ конституционного строя РФ, по мнению И.А. Дурновой, «является частью института самозащиты Конституции Российской Федерации и направлена на защиту основополагающих принципов, закрепленных в гл. 1. В самой Конституции заложен правовой механизм защиты основ конституционного строя: во-первых, положения первой главы Конституции не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией; во-вторых, никакие другие положения

Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации» [1].

Ю.Л. Шульженко отстаивает точку зрения, в соответствии с которой институт самозащиты конституционного строя (Конституции) включает в себя аспекты «верховенства и высшей юридической силы... закрепления особого порядка принятия, изменения, дополнения» Конституции РФ [2]. Схожего мнения придерживаются и такие конституционалисты, как А.Н. Болахивская, В.В. Мамонов и т.д.

В процессе изучения специализированной литературы по заданной проблематике стало очевидным, что, в целом, можно говорить об отсутствии каких-либо фундаментальных исследований в части раскрытия правовой сущности института самозащиты основ конституционного строя. В рамках отечественной юридической доктрины преимущественно внимание уделено вопросу самозащиты конкретно Конституции РФ, что, в целом, является достаточно схожим процессом, однако не идентичным. Как видится, данные явления можно соотнести как общее и частное: самозащита Конституции РФ, реализуемая вышеперечисленными способами, включает в себя, в том числе, институт самозащиты основ конституционного строя РФ, касающегося, в большей степени, порядка регулирования, соблюдения и исполнения норм Гл. 1 Конституции РФ. Основываясь на данном положении, определим, что под собой подразумевает и как именно проявляется данный механизм самозащиты.

На наш взгляд, самозащита основ конституционного строя РФ может быть выражена посредством двух составляющих аспектов: особым порядком пересмотра Гл. 1 Конституции РФ; законодательно регламентированной необходимостью соответствия всех иных нормативных правовых актов (в том числе и остальной части Конституции РФ) Гл. 1 Основного закона Росси. При изучении вопроса порядка пересмотра и внесения поправок в главы и статьи Конституции РФ, следует руководствоваться Гл. 9 соответствующего нормативного акта. В частности, исходя из смысла ст. 135, Гл. 1 Конституции РФ возможно обновить лишь посредством ее пересмотра. Способ внесения поправок в отдельные положения не предусмотрен, что объясняется повышенной степенью значимости как самой Гл. 1 и регулируемых ей отношений, так и влекущими такими реформами изменениями фундаментальных основ не только всей правовой системы, но и ее устоявшегося общественного строя.

Пересмотр положений Гл. 1 предполагает принятие новой Конституции РФ. В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 135 Конституции РФ: «Если предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации будет поддержано тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание. ... проект новой Конституции Российской Федерации ... принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование» [3].

На протяжении продолжительного времени (с 1997 г.) в России стал активно подниматься вопрос о сущности и роли Конституционного Собрания РФ, о практической необходимости по урегулированию порядка образования, полномочий и ответственности данного учредительного органа и т.д. Как указано в самой Конституции РФ, Конституционное Собрание созывается в соответствии с положениями федерального конституционного закона. Однако данный нормативный акт до сих пор не принят. В отечественной правовой доктрине неоднократно уже отмечалось, что

«в современном политическом процессе, наряду с остальными государственными органами и институтами, немаловажную роль начинают играть учредительные собрания, поэтому законодательный пробел в регулировании данного института, безусловно, является недостатком» [4]. Анализ зарубежного опыта позволяет говорить о действительной распространенности анализируемого учредительного органа, носящего, как правило, периодический характер. Наименования органа могут варьироваться, в частности, как Учредительное собрание Непала, Немецкое национальное собрание, Конституционная ассамблея Туниса и т.д.

Так, в 2014 г. был сформирован учредительный орган - Конституционная ассамблея Ливии. К сожалению, в анализируемый период затяжного политического кризиса (после гражданской войны 2011 г.) в Ливии «юридический механизм работы Ассамблеи оказался слишком сложен для реализации на практике ... Проект основного закона сначала должен получить одобрение парламента, после чего в течение 30 дней он выносится на референдум. Затем Конгресс составляет новый избирательный закон и проводит выборы в республиканский парламент, причем на каждом этапе действуют определенные условия и оговорки. Подобная многоступенчатая схема не пригодна для государства, распадающегося на отдельные регионы ввиду отсутствия сильной центральной власти» [5]. Данному учредительному органу не удалось в полной мере реализовать свои полномочия.

Более удачным примером является формирование в 2017 г. Национальной конституционной ассамблеи Венесуэлы. Учредительное собрание было созвано с целью принятия новой конституции и просуществовало вплоть до 2020 г. Состав ассамблеи был избран по итогам выборов и включал в себя исключительно сторонников президента Мадуро, в условиях полного отсутствия оппозиционных направлений. Данное соотношение сил спровоцировало крайне негативную реакцию как внутригосударственного, так и международного характера [6].

Таким образом, Учредительное собрание является не только распространенным и необходимым, но и достаточно неоднозначным в части процедуры формирования и реализуемых полномочий органом. Приведенные примеры из зарубежной практики наглядно демонстрируют важность концептуального единства в подходах к правовому регулированию учредительного органа. В РФ попытки принятия федерального конституционного закона ознаменовались провалом в контексте разработанных, но не принятых проектов 1997, 1998, 2000 и 2007 гг. На стадии рассмотрения в первом чтении Государственной Думой находится законопроект № 1046036-7 О Конституционном Собрании Российской Федерации (о порядке созыва и деятельности Конституционного Собрания), который был разработан еще в 2020 г., и до сих пор не принят. Ситуация наводит на мысль об отсутствии тенденции к принятию столь важного нормативного акта в ближайшем будущем.

Ознакомление с положениями законопроекта № 1046036-7 позволяет говорить, в целом, об успешном подходе законодателя к регламентации правового статуса Конституционного Собрания РФ. В частности, удачным видятся положения статьи 5, определяющей порядок формирования членов Конституционного Собрания: «В состав Конституционного Собрания входят три категории лиц: десять - по должности, 225 - по избранию и 100 - по назначению. Не допускается вхождение в состав Конституционного Собрания одного и того же лица по различным основаниям» [7]. На наш взгляд, такой подход нивелирует недостатки, присущие ранее приведенным

примерам зарубежных государств. Исходя из всего вышеизложенного, считаем необходимым предложить актуализировать вопрос о принятии федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации». Столь продолжительное отсутствие нормативного акта общегосударственного значения, к которому идет прямая отсылка в рамках ст. 135 Конституции РФ, как видится, сказывается на механизме реализации института самозащиты основ конституционного строя крайне негативным образом. К тому же, законопроект № 1046036-7 можно охарактеризовать, как соответствующий требованиям текущих реалий.

Второй, достаточно пробельной, возможной формой защиты основ конституционного строя является механизм защиты усилиями отдельных граждан и их объединениями. О наличии такого механизма, помимо провозглашения РФ в качестве демократического государства, можно судить исходя из положений ст. 5 Конституции РФ, в соответствии с которой: «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ ... Народ осуществляет свою власть непосредственно...» [3].

Учитывая признанную позицию касательно наличия функциональной возможности населения по осуществлению охранных мероприятий в отношении конституционного строя страны, считаем также возможным согласиться с позицией приверженцев данной точки зрения в следующей части: «целесообразно выделить три уровня защиты основ конституционного строя гражданами: общий, групповой и индивидуальный, каждый из которых имеет собственное правовое регулирование и особенности.

- На общем уровне народ, выступающий как избирательный корпус, принимает участие в выборах Президента, Государственной Думы, других выборах и референдумах...

- защита на групповом уровне осуществляется путем объединения граждан в различные группы «по интересам» ...общественные объединения...

- индивидуальный уровень защиты основ конституционного строя...Отдельные граждане могут устраивать одиночные пикеты...» [8].

Как показывает практика, в достаточной степени активно граждане реализуют свое право на защиту основ конституционного строя на общем и индивидуальном уровнях. Говорить о развитой системе группового воздействия объединений граждан сегодня (несмотря на его доминирующее положение как основы механизма защиты) не представляется возможным. Как видится, отчасти такая ситуация связана с несовершенством действующего законодательства в анализируемой области.

Одним из ведущих форм реализации группового уровня защиты основ конституционного строя является предоставленное населению право на участие в проведении митингов, собраний, пикетирований, демонстраций. Нормативной основой является одноименный акт – Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Данный правовой источник, призванный реализовать положения ст. 5 Конституции РФ, на сегодняшний день является базовым актом, определяющим такие ключевые аспекты, как принципы проведения публичного мероприятия, порядок их организации, возможные участники, вопросы материально-технического обеспечения, а также устанавливает гарантии реализации гражданами права на проведение публичного мероприятия. Отдельным достоинством нормативного акта является актуализированный в

2020 г. перечень сведений, необходимых для подачи уведомления о проведении публичного мероприятия. В числе последних выделяют: цель публичного мероприятия (в обязательном порядке должна не противоречить базовым принципам, а также не может приводить к насильственному изменению основ конституционного строя); форма публичного мероприятия; место (места) проведения публичного мероприятия, маршруты движения участников. Данный пункт является достаточно спорным ввиду неоднократно возникающих разногласий между митингующими и органами публичной власти. Так, например, Верховному суду РФ в 2018 году пришлось дать разъяснения, касающиеся публичных мероприятий, проводимых на участке, находящемся в частной собственности или в закрытом помещении: последние должны также согласовываться с местными органами власти; предполагаемое количество участников; наименование организатора публичного мероприятия и т.д.

Нововведениями в анализируемом вопросе является принятые в 2020 г. ч. 6 и 8.1: обязанность предоставления информации касательно форм и методов обеспечения организатором публичного мероприятия общественного порядка, а также необходимость в предоставлении реквизитов банковского счета организатора, если предполагаемое количество участников превышает 500 человек [9].

Несмотря на детальную регламентированность изучаемого вопроса, на текущий момент все еще остаются актуальными проблемы в области толкования и, в частности, искоренения двоякого смыслового содержания отдельных положений. При том, ошибки в толковании, порой присущи не только отдельным гражданам, но обладающим специальным уровнем знаний и умений в области юриспруденции, но также и самим органам государственной власти, как на федеральном, так и региональном уровне.

Достаточно затруднительной в плане практической применимости является предложенная законодателем формулировка ст. 8 ФЗ от 19.06.2004 № 54, определяющая перечень требований к месту проведения публичного мероприятия. Речь в частности, идет о ч. 1 анализируемой нормы, а именно используемая формулировка: «иная угроза безопасности» в качестве критерия, определяющего соответствие места требованиям допустимости по проведению публичного мероприятия. Так, например, исходя из смысла данного положения, в обновленной редакции КОАП РФ, в ч. 3 ст. 20.2 в 2020 г. внесено дополнение, касающееся возможности привлечения к установленному виду ответственности лиц – организаторов публичного мероприятия, в случае, если таковое влечет за собой помехи «транспортной или социальной инфраструктуры, связи, движению пешеходов и (или) транспортных средств» [10] и т.д.

Анализируемые обстоятельства обуславливают следующую правовую тенденцию: номинально закрепленная «иная угроза безопасности» предоставляет органам власти соответствующего уровня возможность давать субъективную оценку мероприятия на критерий его рискованного характера, что позволяет установить факт наличия угрозы «на свое усмотрение», которое, порой, может не соответствовать объективной реальности и формальным обстоятельствам. Отсутствие четких формулировок в определении критериев допустимости и отсутствия общественной опасности становится, порой, непреодолимой преградой в осуществлении гражданами своего права на реализацию групповой формы защиты основ конституционного строя. А приведенный выше пример ч. 3 ст. 20.2 КоАП РФ, как видится, является олицетво-

рением пробельности нормы: по своей сути, практически любой формат публичного мероприятия может быть истолкован как создающий помехи движению пешеходов и (или) транспортных средств.

Как видится, решение возникшей проблемы возможно в двух основных направлениях: 1) реформирование нормативных положений, обуславливающих двусмысленность в толковании. Наряду с очевидным уровнем предсказуемости, данный подход может быть также охарактеризован как достаточно затруднительный, в связи со сложностями в использовании, например, исчерпывающего подхода в перечислении конкретно определенных случаев, представляющих собой угрозу безопасности в связи с проведением публичного мероприятия; 2) использования зарубежного опыта признания и правового регулирования института «спонтанного публичного мероприятия». «Так, законодательство ФРГ в отдельных случаях допускает проведение спонтанных (стихийных) публичных выступлений граждан. При этом они не должны планироваться заранее, иначе полиция их запрещает или пресекает. Власти вправе запрещать дальнейшее проведение демонстрации, если в ходе ее создается угроза причинения ущерба людям и материальным ценностям» [11].

Спонтанные публичные мероприятия являются новеллой для отечественного законодательства. Проведение последних направлено, в первую очередь, на ускоренную процедуру согласования (в том числе и касательно места проведения) публичного мероприятия, обусловленного особой значимостью для населения, как мера ответной реакции на происходящие, наиболее важные события общественной жизни. Подразумевается, что инициаторы и последователи мероприятия приняли бы участие в публичных действиях в любом случае, вне зависимости от наличия разрешения. В связи с чем анализируемое нововведение призвано минимизировать случаи проведения противозаконных публичных мероприятий, при этом сохранив право народа на групповое отстаивание своих интересов. На текущем этапе примером из практики может послужить Постановление Конституционного Суда от 10 ноября по делу 2017 г. № 27-П, в рамках которого рассматривался вопрос о конституционности т.н. спонтанных встреч депутатов с избирателями. Исходя из смысла Постановления, «по логике Федерального закона от 7 июня 2017 года № 107-ФЗ, любые организованные по инициативе депутата коллективные встречи с избирателями проводятся либо в специально отведенных местах, ... либо - если предполагается использование формы публичного мероприятия - в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, что, вопреки мнению заявителей, не может отождествляться с запретом депутату, тем более подкрепляемым мерами публичной ответственности, на общение с избирателями в случае незапланированной встречи с ними вне помещений, ..., если эта встреча была спонтанно инициирована самими избирателями» [12]. Возможно, логичным также было бы заблаговременное выделение субъектами федерации специализированных мест на своей территории, пригодных для проведения публичных мероприятий, как спонтанного, так и запланированного характера. При этом, как видится, такое нововведение не должно противоречить устоявшейся практике уведомительного порядка проведения публичных мероприятий в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Дурнова, И.А. Правовой механизм самозащиты основ конституционного строя / И.А. Дурнова // ЮП. 2012. №3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-mehanizm-samozaschity-osnov-konstitutsionnogo-stroya>
2. Алферова, Е. В. 98. 03. 020. Шульженко Ю. Л. Самоохрана Конституции российской Федерации / Ин-т государства и права РАН. М., 1997. 60с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 1998. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-020-shulzhenko-yu-l-samoohrana-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii-int-gosudarstva-i-prava-ran-m-1997-60s>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Стрельников, А.О. Правовое регулирование формирования Конституционного Собрания в Российской Федерации / А.О. Стрельников // Актуальные проблемы российского права. 2017. №8 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-formirovaniya-konstitutsionnogo-sobraniya-v-rossiyskoy-federatsii>
5. Орехова, В.Д. «Демократизация по-ливийски»: политический процесс после гражданской войны 2011 года / В.Д. Орехова // История и историческая память. 2014. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratizatsiya-po-liviyski-politicheskiy-protsess-posle-grazhdanskoj-voyny-2011-goda>
6. Венесуэла: останется только Мадуро Для чего Конституционная ассамблея Венесуэлы распустила парламент / Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/08/22_a_10853744.shtml
7. Законопроект № 1046036-7: О Конституционном Собрании Российской Федерации (о порядке созыва и деятельности Конституционного Собрания). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1046036-7>
8. Дурнова, И.А. Народ как субъект защиты основ конституционного строя / И.А. Дурнова // Вестник ПАГС. 2012. №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narod-kak-subekt-zaschity-osnov-konstitutsionnogo-stroya>
9. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 N 54-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 27.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
11. Керимова, С.Н. Некоторые проблемы реализации права граждан на собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования в Российской Федерации и зарубежных странах / С.Н. Керимова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-realizatsii-prava-grazhdan-na-sobraniya-mitingi-demonstratsii-shestviya-i-piketirovaniya-v-rossiyskoy-federatsii>
12. Постановление Конституционного Суда от 10 ноября по делу 2017 г. № 27-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709266/>

Radomsky A.Yu. Legal regulation and current directions of improvement of institutions of self-defense and protection of the foundations of the constitutional system by citizens of the Russian Federation and their associations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 95-103.

Within the framework of this study, the concept and essence of the ways of protecting the foundations of the constitutional system of citizens – the institute of self-defense, as well as the institute of protection by the efforts of citizens of the Russian Federation and their associations - specific for the domestic legal environment are revealed. The paper implements the distinction between the concepts of "protection" and "protection" of the foundations of the constitutional system. A separate achievement of the research is the study of the institute of self-defense of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation in the context of its theoretical and applied differentiation with the more widespread mechanism of self-defense of the Constitution of the Russian Federation in the domestic legal doctrine. The necessity and practical significance of the adoption of the Federal Constitutional law "On the Constitutional Assembly of the Russian Federation" are analyzed. As part of the review of the institute for the protection of the foundations of the constitutional system, the efforts of citizens of the Russian Federation and their associations managed to implement an analysis of the group form of protection, including problematic aspects of marches, rallies and demonstrations. Special attention is paid to the rather relevant foreign model of the institute of "spontaneous public event".

Keywords: self-defense, foundations of the constitutional system, spontaneous public event, Constitutional Assembly, protection, protection, revision of the Constitution, risky nature.

Spisok literatury:

1. Durnova, I.A. Pravovoj mekhanizm samozashchity osnov konstitucionnogo stroya / I.A. Durnova // YUP. 2012. №3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-mehanizm-samozaschity-osnov-konstitutsionnogo-stroya>
2. Alferova, E. V. 98. 03. 020. SHul'zhenko YU. L. Samoohrana Konstitucii Rossijskoj Federacii / In-t gosudarstva i prava RAN. M. , 1997. 60s // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal. 1998. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-020-shulzhenko-yu-l-samoohrana-konstitutsii-rossiyskoj-federatsii-int-gosudarstva-i-prava-ran-m-1997-60s>
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Strel'nikov, A.O. Pravovoe regulirovanie formirovaniya Konstitucionnogo Sobraniya v Rossijskoj Federacii / A.O. Strel'nikov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. №8 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-formirovaniya-konstitucionnogo-sobraniya-v-rossiyskoj-federatsii>
5. Orekhova, V.D. «Demokratizaciya po-livijski»: politicheskij process posle grazhdanskoj vojny 2011 goda / V.D. Orekhova // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. 2014. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratizatsiya-po-livijski-politicheskij-protsess-posle-grazhdanskoj-voyny-2011-goda>
6. Venesuela: ostanetsya tol'ko Maduro Dlya chego Konstitucionnaya assambleya Venesuely raspustila parlament / Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/08/22_a_10853744.shtml
7. Zakonoproekt № 1046036-7: O Konstitucionnom Sobranii Rossijskoj Federacii (o poryadke sozyva i deyatel'nosti Konstitucionnogo Sobraniya). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1046036-7>
8. Durnova, I.A. Narod kak sub"ekt zashchity osnov konstitucionnogo stroya / I.A. Durnova // Vestnik PAGES. 2012. №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narod-kak-subekt-zaschity-osnov-konstitutsionnogo-stroya>
9. Federal'nyj zakon «O sobraniyah, mitingah, demonstracijah, shestviyah i piketirovaniyah» ot 19.06.2004 N 54-FZ (poslednyaya redakciya). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/
10. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 27.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
11. Keramova, S.N. Nekotorye problemy realizacii prava grazhdan na sobraniya, mitingi, demonstracii, shestviya i piketirovaniya v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah / S.N. Keramova // YUridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-realizatsii-prava-grazhdan-na-sobraniya-mitingi-demonstratsii-shestviya-i-piketirovaniya-v-rossiyskoj-federatsii>
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda ot 10 noyabrya po delu 2017 g. № 27-P. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709266/>

УДК 340.1

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Сибгатуллин Ф. С.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Рос-
сийской Федерации*

В статье представлены результаты исследования правоохранительной функции современного государства, а также проанализировано соотношение понятий правоохранительная функция, правоохранительная деятельность и правоохранительный орган. Автор статьи, анализируя понятие правоохранительной функции, выделяют ее основные неотъемлемые элементы. Кроме того, автором статьи раскрывается понятие механизма реализации правоохранительной функции государства. Автором отмечается, что на современном этапе государственного развития правоохранительная функция государства играет важную роль, поскольку за счет нее достигается стабильность в обществе и государстве. Защита прав и интересов человека и гражданина, защита права собственности в настоящее время и во все времена была приоритетной, что нашло свое отражение в Конституции Российской Федерации — основном законе нашего государства. Автор статьи отмечает, что через правоохранительные органы, выполняющие задачи в правоохранительной сфере, одновременно реализуются и другие внутренние и внешние функции государства. В статье раскрывается роль и место войск национальной гвардии в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, в выполнении задач по борьбе с международным терроризмом.

Ключевые слова: правоохранительная функция, правоохранительный орган, правоохранительная деятельность, войска национальной гвардии Российской Федерации.

Понятие «функция» с латинского языка на русский переводится как «деятельность» или «работа» [4, 790 с.]. Более широкое толкование данной дефиниции можно встретить в энциклопедической литературе. Так, например, данное понятие связывают с ролью, назначением, обязанностями или проявлением какого-либо субъекта в системе взаимоотношений. В теории государства и права понятия «функции государства» и «классификация функций государства» являются фундаментальными и имеют приоритетное и важное теоретическое значение для раскрытия механизмов функционирования современного государства. В юридической науке многие проблемные вопросы относительно указанных понятий до настоящего времени не нашли своего должного отражения [3, с. 223].

В контексте деятельности государства понятие «функции государства» учёные рассматривают как основные направления его деятельности, обусловленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и его социальным назначением» [1, с. 327]. Разносторонний характер функционирования государственного механизма в целом определяет основные направления государства [18, с. 61-66]. Данные направления носят комплексный многоаспектный характер, которые реализуются путем применения форм и методов, к которым можно отнести правотворческую и правоприменительную деятельность, а также правореализацию [8, с. 34-41].

Функции современного государства оказывают воздействие на различные сферы общественных отношений, которые требуют постоянного контроля и государственного регулирования [5, с. 44-51].

Деятельность государства по своей сути многогранна и охватывает все стороны жизнедеятельности социума [2, с. 185]. В функциях современного государства отражается его активность и практическая деятельность.

Благодаря функциям осуществляется реализация требований норм законодательных актов, которые лежат в основе эффективного развития общества и государства.

Следует отметить, установление тех или иных функций государства на различных этапах его развития детерминированы задачами, которые государству необходимо решать в той или иной исторической обстановке.

На современном этапе государственного развития правоохранительная функция государства играет очень важное значение, поскольку нарушение законности и охраны общественного порядка подрывает авторитет государства и власти. Защита прав и интересов человека и гражданина, защита собственности в настоящее время является приоритетной задачей государства [7, с. 371-374]. Посредством реализации правоохранительной функции достигается стабильность в обществе и государстве.

Правоохранительная функция, как главный вектор в направлении современного государства, включает в себя следующие элементы: охрану и защита прав, законных интересов и свобод личности и гражданина; обеспечение правопорядка; систему правоохранительных органов; отправление правосудия [9, с. 293-297].

В юридической науке правоохранительную функцию, как правило, относили к внутренней функции государства, но в настоящее время она носит и внешний характер, который проявляется в участии правоохранительных органов РФ в противодействии международной преступности.

Внутреннее содержание правоохранительной функции современного государства составляет борьба с противоправными деяниями, в связи с чем большую актуальность в юридической науке обретают проблемы определения и соотношения таких понятий как «правоохранительная функция государства», «правоохранительная деятельность» и «правоохранительные органы» [17].

Правоохранительная деятельность – это государственная деятельность, осуществляемая специально уполномоченными государственными правоохранительными органами для охраны права, установленного законами правопорядка с использованием соответствующих юридических мер воздействия к нарушителям в строгом соответствии с законом и соблюдением определенных законом правил (процедур). Не согласимся с мнением ученого, поскольку, по нашему убеждению, в реализации правоохранительной функции государства участвуют не только специализированные государственные органы правоохранительной направленности, но и другие государственные органы, органы местного самоуправления, негосударственные организации, различные институты гражданского общества, для которых охрана правопорядка отнюдь не является основной деятельностью [15, с. 32].

Правоохранительную деятельность, возможно, рассматривать как в широком, так и в узком смыслах. В узком понимании правоохранительную деятельность следует рассматривать как деятельность общества и государства, направленную на охрану прав и свобод личности и гражданина в той мере, в которой она определена в Конституции РФ и в международно-правовых актах [16, с. 8-10]. В таком же понимании правоохранительную деятельность можно рассматривать и как правозащитную.

В широком смысле правоохранительная деятельность представляет собой деятельность государства в целом, а также специализированных правоохранительных

государственных органов по обеспечению правопорядка, защите прав и свобод личности и гражданина, в соответствии с действующим законодательством [12, с. 93]. Данное определение правоохранительной деятельности является более распространенным в науке, но и оно требует определенных дополнений, поскольку, когда суд рассматривает дело о нарушении права, не может быть и речи о правоохране. В связи с этим деятельность правоохранительных органов не может ограничиваться только лишь охранительными правоотношениями [10, с. 327].

Реализация правоохранительной функции осуществляется через её механизм, который включает в себя такие элементы, как субъекты реализации функции, их цели, задачи, формы реализации, принципы, методы и средства деятельности [11, с. 17].

Необходимо отметить, что понятия «правоохранительная деятельность» и «правоохранительный орган» не нашли легального толкования в законодательных актах РФ и в настоящее время нет четких определенных его свойств и признаков, которые позволили бы разграничивать их от других государственных органов и иных видов деятельности. Только в ст. 1 ФЗ от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» отмечается, что таможенные органы входят в систему правоохранительных органов РФ. Традиционно к правоохранительным государственным органам РФ относят такие государственные органы, как Следственный комитет, МЧС, ФСБ, МВД, таможенные органы, органы прокуратуры и юстиции, войска национальной гвардии [6, с. 1100-1104].

На современном этапе государственного развития происходит процесс реформирования государственных органов, в связи с чем, состав правоохранительных органов может меняться, согласно перераспределению функций, с целью повышения эффективности правоохранительной системы государства в целом. Ярким тому примером могут служить образованные в 2016 г. войска национальной гвардии (Росгвардия), предназначенные для решения как внутренних, так и внешних задач государства [1, с. 56]. Так, личный состав Росгвардии в настоящее время принимает активное участие в мероприятиях по охране общественного порядка, борьбе с противоправными деяниями, в обеспечении государственной защиты граждан [13, с. 110-114]. Решая внешние задачи государства, войска национальной гвардии совместно с армейским контингентом и в составе отрядов военной полиции на территории Сирии принимают активное участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом [14, с. 70-75]. Подразделения Росгвардии занимают передовые позиции в проводимой Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины с целью ее денацификации и демилитаризации.

Правоохранительная деятельность как форма реализации правоохранительной функции очень разнообразна, она не ограничивается решением каких-либо внутренних функций государства, или функций в рамках охранительных правоотношений. Многие правоохранительные органы в своей деятельности реализуют и иные функции государства (экономические, экологические и др.). Однако авторы настоящей статьи полагают необходимым отметить, что на современном этапе государственного развития приоритетной задачей правоохранительных органов всё же будет являться именно обеспечение безопасности, основными элементами которой являются безопасность личная, общественная и, несомненно, национальная.

Список литературы

1. Lucenko V.V. The regime of counter-terrorism operation as a special integrated legal institution / V.V. Lucenko, I.V. Semenova // *Military Law Review*. – 2021. Т. 4. № 68. – С. 56.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. – М., –1989. – С. 185.
3. Бахрах Д.Н. Действие норм права во времени : теория, законодательство, судеб. практика / Д.Н. Бахрах. - Москва: Изд-во НОРМА, 2004. – 223 с.
4. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. и др. Большой юридический словарь. М., – 2001. – 790 с.
5. Захарцев С.И. Теоретико-правовой аспект правового режима контртеррористической операции / С.И. Захарцев, В.В. Луценко // *Юридическая наука: история и современность*. – 2022. № 9. – С. 44-51.
6. Луценко В.В. Особенности правового статуса военнослужащих войск национальной гвардии в условиях проведения режима контртеррористической операции / В.В. Луценко // *Инновации. Наука. Образование*. – 2021. – № 30. – С. 1100-1104.
7. Луценко В.В. Тип, методы и способы правового режима контртеррористической операции / В.В. Луценко // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2021. – Т. 10, № 4(37). – С. 371-374.
8. Лысенков С.Г., Сибгатуллин Ф.С. Правоприменительная деятельность военнослужащих войск национальной гвардии при выполнении служебно –боевых задач: теоретико –правовой аспект // *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2022. №1(18). С. 34-41.
9. Мамедов Э.Ф. Юридическая техника и механизм правового регулирования: понятие и соотношение / Э.Ф. Мамедов // *Вестник ИрГТУ*. 2013. №7 (78). – С. 293 – 297.
10. Марченко М.Н. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С.327.
11. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // *Правоведение*. – 1996. № 1. – С. 17.
12. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 93.
13. Никонов Д.А. Правовой статус человека и гражданина в условиях ограничения его конституционных прав и свобод при проведении контртеррористической операции / Д.А. Никонов, В.В. Луценко // *Вопросы противодействия экстремистской и террористической деятельности на современном этапе развития войск национальной гвардии Российской Федерации: Сборник материалов межвузовского круглого стола с международным участием, Санкт-Петербург, 13 октября 2022 года / Редколлегия: Д.В. Новокшенов, Ю.В. Гульбинский, Ю.А. Евстратова. – Санкт-Петербург - Белгород: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – С. 110-114.*
14. Никонов Д.А. Роль войск национальной гвардии Российской Федерации в политическом механизме противодействия терроризму / Д.А. Никонов, Ф.С. Сибгатуллин, В.В. Луценко // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2022. – № 1(32). – С. 70-75.
15. Правоохранительная функция современного российского государства (Вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С.32.
16. Ромашов Р.А. Теория государства и права. Учебное пособие / Под общ. Ред. В.П. Сальникова. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – С. 8-10.
17. Степашин С.В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: дисс. ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Степашин Сергей Вадимович. – СПб., 1994. 246 с.
18. Сырых В.М. Основы материалистической теории права / В.М. Сырых // *Пятый Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы, Пермь, 24–25 октября 2014 года. – Пермь: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2015. – С. 61-66.*

Sibgatullin F. S. The essence and content of the law enforcement function of the modern state // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 104-108.

The article presents the results of a study of the law enforcement function of the modern state, and analyzes the relationship between the concepts of law enforcement function, law enforcement activity and law enforcement agency. The author of the article, analyzing the concept of law enforcement function, identifies its main integral elements. In addition, the author of the article reveals the concept of a mechanism for implementing the law enforcement function of the state. The article notes that at the present stage of state development, the law enforcement function of the state plays an important role, since stability in society and the state is achieved due to it. Protection of the rights and interests of man and citizen, protection of property has always been a priority at present. The author of the article rightly notes that law enforcement agencies, while performing tasks in the law enforcement sphere, simultaneously implement other internal and external functions of the state. In addition, the article reveals the role and place of the National Guard troops in ensuring the national security of the Russian Federation, solving tasks to combat international terrorism.

Keywords: law enforcement function, law enforcement agency, law enforcement activity, troops of the National Guard of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Lucenko V.V. The regime of counter-terrorism operation as a special integrated legal institution / V.V. Lucenko, I.V. Semenova // *Military Law Review*. – 2021. T. 4. № 68. – S. 56.
2. Alekseev S.S. Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave. – M., –1989. – S. 185.
3. Bahrah D.N. Dejstvie norm prava vo vremeni : teoriya, zakonodatel'stvo, sudeb. praktika / D.N. Bahrah. - Moskva: Izd-vo NORMA, 2004. – 223 s.
4. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. i dr. Bol'shoj yuridicheskij slovar'. M., – 2001. – 790 s.
5. Zaharcev S.I. Teoretiko-pravovoj aspekt pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii / S.I. Zaharcev, V.V. Lucenko // *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. – 2022. № 9. – S. 44-51.
6. Lucenko V.V. Osobennosti pravovogo statusa voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii v usloviyah provedeniya rezhima kontrterroristicheskoy operacii / V.V. Lucenko // *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*. – 2021. – № 30. – S. 1100-1104.
7. Lucenko V.V. Tip, metody i sposoby pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii / V.V. Lucenko // *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. – 2021. – T. 10, № 4(37). – S. 371-374.
8. Lysenkov S.G., Sibgatullin F.S. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii pri vypolnenii sluzhebno –boevyh zadach: teoretiko –pravovoj aspekt//*Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikom MVD Rossii*.2022. №1 (18). S. 34-41.
9. Mamedov E.F. YUridicheskaya tekhnika i mekhanizm pravovogo regulirovaniya: ponyatie i sootnoshenie / E.F. Mamedov // *Vestnik IrGTU*. 2013. No7 (78). – S. 293 – 297.
10. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava. 2-e izd., pererab. i dop. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2004. S.327.
11. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki // *Pravovedenie*. – 1996. № 1. – S. 17.
12. Natashev A.E., Struchkov N.A. Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava. M., 1967. S. 93.
13. Nikonov D.A. Pravovoj status cheloveka i grazhdanina v usloviyah ogranicheniya ego konstitucionnyh prav i svobod pri provedenii kontrterroristicheskoy operacii / D.A. Nikonov, V.V. Lucenko // *Voprosy protivodejstviya ekstremistskoj i terroristicheskoy deyatel'nosti na sovremennom etape razvitiya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: Sbornik materialov mezhvuzovskogo kruglogo stola c mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 13 oktyabrya 2022 goda / Redkollegiya: D.V. Novokshonov, YU.V. Gul'binskij, YU.A. Evstratova. – Sankt-Peterburg - Belgorod: Sankt-Peterburgskij voennyj ordena ZHukova institut vojsk nacional'noj gvardii, Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Epicentr, 2022. – S. 110-114.*
14. Nikonov D.A. Rol' vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v politicheskom mekhanizme protivodejstviya terrorizmu / D.A. Nikonov, F.S. Sibgatullin, V.V. Lucenko // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. – 2022. – № 1(32). – S. 70-75.
15. *Pravoohranitel'naya funkciya sovremennogo rossijskogo gosudarstva (Voprosy teorii i praktiki): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2004. S.32.*
16. Romashov R.A. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnoe posobie / Pod obshch. Red. V.P. Sal'nikova. – M.: IMC GUK MVD Rossii, 2002. – S. 8-10.
17. Stepashin S.V. Teoretiko-pravovye aspekty obespecheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii: diss. ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.01 / Stepashin Sergej Vadimovich. – SPb., 1994. 246 s.
18. Syryh V.M. Osnovy materialisticheskoy teorii prava / V.M. Syryh // *Pyatyj Permskij kongress uchenyh-yuristov: Izbrannye materialy, Perm', 24–25 oktyabrya 2014 goda. – Perm': OOO «Izdatel'stvo «STATUT», 2015. – S. 61-66.*

УДК 342.2

НАРОДНАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДОВЛАСТИЯ

Трифонов С. Г., Пономарева Н. В.

Процесс формирования демократического правового государства тесно связан с необходимостью практической реализации различных форм непосредственного народовластия. Конституция РФ не устанавливает исчерпывающего перечня форм непосредственной демократии, через которые граждане участвуют в осуществлении народовластия. В связи с этим не вызывает сомнения необходимость в расширении возможностей российского народа в части непосредственного управления государственными делами, а также средств воздействия на субъектов властных полномочий в вопросах решения важных вопросов, возникающих в нашем государстве. Среди организационных форм непосредственного народовластия приоритетными и основными являются выборы и референдумы, которые традиционно все чаще принимаются и приобрели позитивный характер в зарубежной практике. Концентрация внимания на принятие новых форм непосредственной демократии закладывает условия для утверждения народной законодательной инициативы как своеобразной формы прямой демократии. Непосредственная и представительная формы демократии одинаково необходимы современному обществу. Важно достичь оптимального соотношения между населением и представительным органом государственной власти с целью практического воплощения в жизнь принципа сочетания непосредственной и представительной форм демократии. В контексте исследования места народной законодательной инициативы в системе форм современной демократии, представляет интерес концепция «полупрямой» демократии – когда в принятии государственно-управленческих решений принимают участие граждане и государственные структуры, то есть происходит сочетание представительной и непосредственной форм демократии. Именно через народную законодательную инициативу народ является самостоятельным субъектом законотворчества, что является основанием для рассмотрения этого института как самостоятельного вида законотворческой деятельности, направленной на публичную деятельность народа по созданию норм права с целью обеспечения формирования национальной законодательной базы, реализуя общественные интересы.

Ключевые слова: правотворчество, законотворчество, народная законодательная инициатива, гражданское общество, демократия, народовластие.

Полноценное исследование народной законодательной инициативы как формы современной демократии было бы неполным без определения ее места в системе народовластия, что приобретает большую актуальность, поскольку ее общепризнанное понимание не является однозначным в отечественном научном обиходе.

Исходя из первичной воли народа, необходимо выделить два момента: участие граждан в законотворчестве может происходить как прямо, так и опосредованно. Для обозначения такого участия граждан в целом применяется понятие «политическое участие». Поэтому экстраполируя содержание понятия политического участия в сферу исследований науки конституционного права, необходимо сказать, что оно, безусловно, содержит в себе непосредственную демократию и ее формы, через которые происходит выражение народной воли [1, с. 29-38], т.е. принцип народовластия толкуется как принцип правления согласно воле народа и связывается с демократическими формами демократии [1, с. 39]. Среди организационных форм непосредственного народовластия приоритетными и основными являются выборы и референдумы, которые традиционно все чаще принимаются и приобрели позитивный характер в зарубежной практике [13, с. 86-91]. Концентрация внимания на принятие

новых форм непосредственной демократии закладывает условия для утверждения народной законодательной инициативы как формы прямой демократии.

Впервые неоднозначность в понимании понятия «народная законодательная как форма современной демократии» прослеживается в работах В.Н. Руденко, С.С. Важнова и А.В. Щербанюк [2]. Они исследуют на примере конкретных стран народную законодательную инициативу как форму прямой демократии и как смешанную форму прямой и представительной демократии, основанных на различных общественно-политических традициях зарубежных стран. Народная законодательная инициатива как форма прямого волеизъявления народа представляется и рассматривается как элемент прямой демократии [1, с. 40]. В какой-то степени это так, ведь ее содержание характеризует участие народа в управлении государством. Таким образом, результат народной законодательной инициативы в определенном смысле не совсем завершен и выражает признаки именно петиционного характера.

М.В. Скрыбина уверяет, что «историческими корнями современной народной законодательной инициативы является именно петиция, которая возникла в 1715 г. в штате Массачусетс» [3, с. 2105-109]. М.М. Курячая подчеркивает, что: «народная законодательная инициатива, как и петиция представляют собой похожее обращение к государственному органу о принятии решения по определенному вопросу, которое требует вмешательства органов государственной власти» [4, с. 102].

Такие обобщения являются крайне некорректными, в силу субъективной юридической обязанности относительно петиции только изучить её, а в случае с народной законодательной инициативой- принять меры к активизации законотворческого процесса. Государство должно самостоятельно выбирать пути и средства для его выполнения, тогда как в случае проведения народной законодательной инициативы готовый законопроект направляется особому кругу органов, то есть, если петиция не требует императивного характера и окончательного решения проблемы, то народная законодательная инициатива-это, безусловно, предполагает.

Исходя из этих соображений, если подходить к этой проблеме строго формально, то тогда необходимо признать, что народная законодательная инициатива не связана с непосредственным принятием самими гражданами общеобязательных публично-властных решений, имеющих силу государственно-властных велений, поэтому ее нельзя относить в «чистом виде» к системе форм прямой демократии. Основанием для этого является степень влияния властной воли народа на принятие конечного решения относительно народного законопроекта, которому не присущи признаки окончательности и обязательности результата. Здесь имеем дело со смешанным явлением, сочетающим в себе признаки прямой и представительной демократии. Приведенное положение, по сути, влечет противопоставление прямой демократии.

Исследование народной законодательной инициативы давно является предметом научной дискуссии среди представителей юридической и политологической науки. При этом позиции ученых являются достаточно полярными: «от толкования в самом узком смысле, согласно которому под народной законодательной инициативой понимается только право внесения народного законопроекта в представительный орган власти» [5, с. 459-473], и «к слишком широкому пониманию, несколько сместив акценты, по которому народная законодательная инициатива включает в себя возможность на проведение всенародного голосования» [6]. Что касается вынесения народной законодательной инициативы на референдум, то довольно часто голосо-

вание, проводимое по ходатайству граждан, а не органов государственной власти, называют «инициативой», «прямым законодательством» или «референдумом гражданской инициативы» [1, с. 40-41]. Такой взгляд на народную законодательную инициативу необходимо считать верным, если рассматривать ее в рамках американской и швейцарской практики, о чем будет сказано позже.

Анализ европейского законодательства демонстрирует, что подход к регламентации процесса правотворчества через референдум по народной инициативе не является универсальным и общераспространенным [7, с. 135-148; 8, с. 291]. Ведь, в тех странах Европы, «где практикуются законодательные референдумы, инициатива их проведения в большинстве случаев принадлежит органам власти, решения которых носят императивный характер, а не избирателям, решение этих референдумов имеют преимущественно консультативный характер» [1, с. 42]. В связи с этим за оптимальную можно воспринимать позицию Д. А. Мамедова и Г. В. Синцова, которые утверждают, что «народная законодательная инициатива – это право определенной группы избирателей предложить проект закона, который подлежит обязательному рассмотрению парламентом без вынесения его на референдум» [9, с. 291].

Дискуссионный характер с практической точки зрения понятен, ведь, по сути, народная законодательная инициатива реализует такую форму участия граждан в принятии публично-властных решений, при которой граждане имеют право только разрабатывать и представлять законопроект в парламент и используют эти возможности. Поэтому в контексте исследования места народной законодательной инициативы в системе форм современной демократии, представляет интерес концепция «полупрямой» демократии когда в принятии государственно-управленческих решений принимают участие граждане и государственные структуры, т.е. происходит сочетание представительной и непосредственной форм демократии.

Народная законодательная инициатива вполне соответствует концепции «полу-прямой демократии» в силу того, что исследуемой форме современной демократии присущ репрезентативный элемент (парламент). Основной идеей такой формы демократии является принцип большинства (репрезентативной демократии), направленной на рассмотрение и принятие народного законопроекта, усиление принципа всестороннего рассмотрения вопросов, поиска компромиссов и политического обмена с противниками народной законодательной инициативы.

Необходимо тучитьвать правовую силу принятых решений. Известным является тезис, что формы непосредственной демократии по результатам деятельности могут иметь императивный или консультативный характер. В первом случае народное волеизъявление является юридически обязательным, а принятое решение окончательным. Консультативные формы «непосредственной демократии имеют вспомогательный характер и не влекут за собой как результат принятия гражданами обязательных публично – властных решений» [10, с. 151].

Консультативный характер принятых народом решений довольно неоднозначно воспринимается учеными. Этот сущностный признак привел к дискуссиям что до того, относятся ли консультативные формы к системе форм непосредственного народовластия. Ведь, традиционно, формы непосредственной демократии определяются лишь те, которые предусматривают принятие гражданами обязательных публично-властных решений, имеющих силу государственно-властных велений.

Именно поэтому близка точка зрения А. А. Галус, что которая «... статус консультативных видов непосредственного народовластия не выпадает из общей формулы императивности, поскольку они тесно связаны с ней и способствуют ее эффективности» [11, с.95-97]. Такой вывод является вполне обоснованным, а, следовательно, в силу этого, нет никаких оснований отрицать по народной законодательной инициативе статус формы непосредственной демократии.

Народная законодательная инициатива как форма прямой демократии сочетается с представительной демократией. Сами формы прямой демократии являются достаточно неоднородными с точки зрения их интегрированности в систему публичного представительства. В свою очередь, «народная законодательная инициатива может быть реализована лишь во взаимодействии граждан и законодательного органа» [12, с. 69-74]. Именно поэтому самым оптимальным вариантом является «сочетание непосредственной демократии с народным представительством и использование в политической практике лучших черт каждой из этих двух форм» [1, с. 43]. Синтез этих форм демократии вытекает из принципа сочетания непосредственной и представительной форм демократии, который позволяет достичь возможно более полной и согласия между представительным органом государственной власти и народом, преодолеть существующие проблемы чрезмерной централизации и вмешательства власти в различные сферы общественной жизнедеятельности.

Непосредственная и представительная формы демократии одинаково необходимы современному обществу, поэтому их противопоставлять будет не верно. Важно достичь оптимального соотношения между населением и представительным органом государственной власти с целью практического воплощения в жизнь принципа сочетания непосредственной и представительной форм демократии.

Возвращаясь к анализу определения места народной законодательной инициативы в системе форм современной демократии, необходимо сказать, что народная законодательная инициатива привязана к системе представительства, а не конкурирует с ней. Парламент не может рассматриваться как субъект непосредственной демократии, т.к. он имеет обеспечительный характер, является ее конституционной обязанностью, призван гарантировать законность и свободу волеизъявления граждан, использующих эту форму народовластия. Неразрывная генетическая связь народной законодательной инициативы с представительной демократией общепризнанна.

Вот почему наряду с основными формами непосредственной демократии (референдум, выборы [14, с. 75-83]) должна использоваться народная законодательная инициатива, которая хоть и не образует какого-то общеобязательного результата, но позволяет донести до сведения парламента актуальные потребности общества.

Исходя из анализа места народной законодательной инициативы в системе форм непосредственной демократии, отметим, что народная законодательная инициатива как форма осуществления народного суверенитета заключается в том, что народ (избирательный корпус) на почве общности общественных интересов самостоятельно осуществляет действия по разработке и непосредственного внесения законопроекта на обязательное рассмотрение представительного органа, и тем самым участвует в публично-правовом управлении государственными и общественными делами. Этот признак (формирование и выявление политической воли народа) подтверждает принадлежность народной законодательной инициативы к системе форм непосредственной демократии.

Определение места народной законодательной инициативы в системе народовластия обязательно должно раскрывать содержание этой формы непосредственной демократии с учетом следующего: 1) является неотъемлемой составной частью народовластия, что выполняет своеобразную роль механизма прямой и обратной связи «общество-государство», обеспечивая эффективное взаимодействие граждан, гражданского общества с парламентом в вопросах законодательной политики, что дает возможность органам государственной власти оперативно реагировать на запросы, исходящие от общественных сообществ, осуществление общественного контроля за законодательной деятельностью парламента и ограничения всевластия законодательной власти, создание условий для широкого общественного консенсуса в принятии решений между субъектами отношений в сфере законотворчества, что является признаком прозрачности политических процессов в государстве; 2) призвана активно выражать и отстаивать на принципах общих интересов коллективную позицию по вопросам общественного и государственного значения, а в социальном плане – совершенствовать практику создания условий и предпосылок для развития различных форм организационной самодеятельности народных масс, выполняет функцию выражения плюралистической общественной мысли и организацию коллективных интересов независимо от государства; 3) имеет целенаправленный характер – закрепление интересов гражданского общества в официальных актах путем создания, изменения, прекращения, систематизации нормативно-правовых предписаний; 4) инициативная группа в составе небольшого количества человек осуществляет все организационные мероприятия по подготовке и реализации народной законодательной инициативы, результаты которой имеют значительные последствия для судьбы всей страны и общества; 5) дополняет институт представительной власти путем разработки гражданами политических решений в различных областях жизнедеятельности общества, в том случае, если законодательный орган окажется непредставительным; 6) предстает важным средством самоорганизации гражданского общества и формирования качественного состояния общества, а также влияет на развитие правового воспитания и правовой культуры общества в целом.

Народная законодательная инициатива является важной формой прямой демократии, непосредственного осуществления народом законодательной власти, которая хотя и не закрепляет императивного характера в принятии конечного решения гражданами, но позволяет внести общественно полезные коррективы в деятельность органов законодательной власти. Ее основная цель заключается в том, чтобы обеспечить непосредственное участие граждан в процессах разработки законопроекта и принятия управляющими субъектами наиболее оптимальных, рациональных и приемлемых вариантов публично-властных решений по важнейшим вопросам общественно-политической жизни, основанных на консенсусе, легитимность которых значительно выше легитимности односторонних решений органов власти.

Нельзя отрицать, что народная законодательная инициатива станет формой выражения народовластия в случае ее сочетания с другими формами современной демократии. Так, публичные слушания и всенародное обсуждение могут дать толчок для выдвижения народной законодательной инициативы, а референдум может быть применен в случае отклонения парламентом народного законопроекта.

В идеале народная законодательная инициатива может быть реализована лишь в полные взаимодействия граждан и законодательного органа, поэтому сочетание ин-

тересов народа и представительного органа государственной власти обеспечивает менее разрушительное и более разумное реформирование законодательной базы, что станет эффективным регулятором общественных отношений. Без преувеличения надо сказать, что народная законодательная инициатива имеет собственное назначение в Конституционном механизме осуществления народовластия.

Обобщая взгляды ученых относительно определения народной законодательной инициативы, отметим, что понятие «народная законодательная инициатива» может быть предметом теоретического анализа по крайней мере из трех позиций. Анализ трудов отечественных правоведов свидетельствует, что институт народной законодательной инициативы является предметом научных исследований прежде всего как формы непосредственной демократии, благодаря которой народ имеет возможность принимать участие в разработке проектов законов и инициировать перед парламентом их обязательное рассмотрение, что подтверждается конституционным признанием народа единственным источником власти, принципа народного суверенитета, верховенства прав и свобод человека и гражданина. Во-вторых, народная законодательная инициатива попадает в круг научных исследований тогда, когда исследуем процесс расширения и формирования политических прав и свобод человека и гражданина. В этом контексте понятие «народная законодательная инициатива» находится в неразрывной органической взаимосвязи с такими понятиями как «право на участие в управлении государственными делами», «право на участие в законотворчестве», поскольку народная законодательная инициатива олицетворяет связь индивидуума, общества и государства, из чего вытекает право граждан принять участие в определении политики государства. В-третьих, рассматривая содержание понятия «субъект законодательной инициативы», можно констатировать, что народ как субъект права законодательной инициативы вступает в конституционно-правовые отношения по своей верховной власти, т.е. народная законодательная инициатива находит свое выражение в последовательности выполнения процессуальных действий по стадиям законодательного процесса, связанного с созданием правовых норм, по инициативе определенного количества граждан, которые должны действовать только в рамках процедуры, установленной нормативно-правовыми актами. Через народную законодательную инициативу народ есть самостоятельный субъект законотворчества, что является основанием для рассмотрения этого института как самостоятельного вида законотворческой деятельности, направленной на публичную деятельность народа по созданию норм права с целью обеспечения формирования национальной законодательной базы, реализуя общественные интересы.

Таким образом, понятие «народная законодательная инициатива» имеет многоплановый характер и поэтому требует более четкого определения. Так, оно затрагивает, с одной стороны, жизненные интересы народа, которые необходимо обеспечить путем законодательного оформления, с другой, – интересы законодательного органа государственной власти, ведь народные законодательные инициативы позволяют оперативно выявить неудовлетворительную работу представительного органа в ходе выполнения законодательных функций и устранить его недостатки путем модернизации законодательной базы. Народная законодательная инициатива по своей сути не имеет негативного значения, при условии законодательного оформления института народной законодательной инициативы она может положительно влиять на функционирование гражданского общества.

Обобщая результаты приходим к выводу, что народная законодательная инициатива – это самостоятельная форма непосредственного народовластия и непосредственный способ инициирования гражданами, имеющими право голоса, обязательное рассмотрение конкретного акта в представительном органе государственной власти с целью удовлетворения выдвинутых коллективных требований по важным вопросам государственной и общественной жизни и улучшения условий жизнедеятельности общества. Опираясь на вышеприведенное определение народной законодательной инициативы хотелось бы обратить внимание на один принципиальный момент. Так, в приведенном определении акцентируется внимание на систему действий, которые могут привести к желаемому результату, а не просто любое влияние на действия представительного органа государственной власти. Необходимость этого замечания следует из того, что содержание народной законодательной инициативы составляет «волеизъявление установленного законом числа избирателей» и включает общественно-публичный интерес, который служит важным средством влияния граждан на деятельность законодательного органа, формирования гражданской компетентности и роста массовой политической активности.

Список литературы:

1. Фомичева О.А., Хусаинова О.В. Механизм реализации законодательной инициативы в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: монография / О.А. Фомичева, О.В. Хусаинова. - Казань: Издательство Казанского университета, 2020. - 282 с.
2. Важнов С. С. Институт правотворческой инициативы граждан в системе народовластия в Российской Федерации: дисс. ... кандидата юрид. наук: 12.00.02 / Важнов С. С. - Саратов, 2007. - 225 с.; Руденко В. Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / В. Н. Руденко. - Екатеринбург, 2003. - 488 с.
3. Скрябина М. В. Международные стандарты реализации права граждан на обращение в органы публичной власти / М. В. Скрябина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. - СПб., 2007. - № 9 (29). - С. 105-109.
4. Курячая М. М. Право на референдум в системе публично-политических прав граждан Российской Федерации: монография / М. М. Курячая. - М.: МГУ, 2007. - 102 с.
5. Комарова В. В. Институт народной правотворческой инициативы (понятие, виды, правовые основы) / В. В. Комарова // Lex Russica: научн. труды Моск. гос. юрид. академии. - 2006. - № 3. - С. 459-473.
6. Очеретина М. А. Публичные слушания в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.02 / Очеретина Мария Анатольевна. - Екатеринбург, 2009. - 227 с.
7. Самородова-Богацкая Л. В. Эволюция института референдума и народной инициативы в Швейцарии: историко-правовой подход: (федеральный уровень) / Л. В. Самородова-Богацкая // Труды института государства и права Российской Академии Наук. - 2014. - № 4. - С. 135-148.
8. Эбралидзе, Н. Т. Методы правотворчества в ЕС. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Эбралидзе, Н. Т. - Казань, 2011. - 2004. 132 с.
9. Мамедов Д. О. Законодательная инициатива в законотворчестве субъекта Российской Федерации: правовой анализ и проблемы реализации : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 - Казань, 2011. - 181 с.; Синцов Г.В. Современные конституционно-правовые модели института референдума в зарубежных странах: дисс. ... доктора юрид. наук: 12.00.02. - М., 2009. - 383 с.
10. Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: дисс. ...доктора юрид. наук: 12.00.02 Саратов, 2012. - 474 с.
11. Волкодаева Н. А. Формы реализации законодательной инициативы / Н. А. Волкодаева // Вопросы гуманитарных наук. - 2010. - № 6. - С. 95-97.
12. Примакова Т. О. Российская общественная инициатива: проблемы формирования и функционирования новой формы непосредственной демократии / Т. О. Примакова // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - № 7. - С. 69-74.
13. Сибилева А.Ю. Муниципальный округ – новый вид муниципального образования: проблемы и перспективы реформы территориальной организации местного самоуправления / А.Ю. Сибилева// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. №2. 2020. С. 86-91.
14. Савченко М.С., Опарин В.Н. Становление и развитие дистанционного электронного голосования на выборах в Российской Федерации // Власть закона. №2. 2022. С.75-83.

Trifonov S. G., Ponomoreva N.V. People's legislative initiative as one of the forms of implementation of democracy // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 2. – P. 109–116.

The process of formation of a democratic legal state is closely connected with the need for the practical implementation of various forms of direct democracy. The Constitution of the Russian Federation does not establish an exhaustive list of forms of direct democracy through which citizens participate in the exercise of democracy. In this regard, there is no doubt the need to expand the capabilities of the Russian people in terms of direct management of state affairs, as well as the means of influencing the subjects of power in matters of resolving important issues that arise in our state. Among the organizational forms of direct democracy, the priority and main are elections and referendums, which are traditionally increasingly accepted and have acquired a positive character in foreign practice. The concentration of attention on the adoption of new forms of direct democracy lays the conditions for the approval of the people's legislative initiative as a kind of form of direct democracy. Direct and representative forms of democracy are equally necessary for modern society. It is important to achieve an optimal balance between the population and the representative body of state power in order to put into practice the principle of combining direct and representative forms of democracy. In the context of studying the place of popular legislative initiative in the system of forms of modern democracy, the concept of "semi-direct" democracy is of interest - when citizens and state structures take part in making state-administrative decisions, that is, there is a combination of representative and direct forms of democracy. It is through the people's legislative initiative that the people are an independent subject of lawmaking, which is the basis for considering this institution as an independent type of lawmaking activity aimed at the public activity of the people to create rules of law in order to ensure the formation of a national legislative framework, realizing public interests.

Keywords: lawmaking, lawmaking, people's legislative initiative, civil society, democracy, democracy.

Spisok literaturi:

1. Fomicheva O.A., Khusainova O.V. Mekhanizm realizatsii zakonodatel'noy initsiativy v Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-pravovoy analiz: monografiya / O.A. Fomicheva, O.V. Khusainova. - Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2020. - 282 s.
2. Vazhnov S. S. Institut pravotvorcheskoy initsiativy grazhdan v sisteme narodovlastiya v Rossiyskoy Federatsii: diss. ... kandidata yurid. nauk: 12.00.02 / Vazhnov S. S. - Saratov, 2007. - 225 s.; Rudenko V. N. Konstitutsionno-pravovyye problemy pryamoy demokratii v sovremennom obshchestve: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.02 / V. N. Rudenko. - Yekaterinburg, 2003. - 488 s.
3. Skryabina M. V. Mezhdunarodnyye standarty realizatsii prava grazhdan na obrashcheniye v organy publichnoy vlasti / M. V. Skryabina // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Aspirantskiye tetrady. - SPb., 2007. - № 9 (29). - S. 105-109.
4. Kuryachaya M. M. Pravo na referendum v sisteme publichno-politicheskikh prav grazhdan Rossiyskoy Federatsii: monografiya / M. M. Kuryachaya. - M.: MGU, 2007. - 102 s.
5. Komarova V. V. Institut narodnoy pravotvorcheskoy initsiativy (ponyatiye, vidy, pravovyye osnovy) / V. V. Komarova // Lex Russica: nauchn. trudy Mosk. gos. yurid. akademii. - 2006. - № 3. - S. 459-473.
6. Ocheretina M. A. Publichnyye slushaniya v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii: diss. ... kandidata yurid. nauk: 12.00.02 / Ocheretina Mariya Anatol'yevna. - Yekaterinburg, 2009. - 227 s.
7. Samorodova-Bogatskaya L. V. Evolyutsiya instituta referenduma i narodnoy initsiativy v Shveysarii: istorikopravovoy podkhod: (federal'nyy uroven') / L. V. Samorodova-Bogatskaya // Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy Akademii Nauk. - 2014. - № 4. - 135-148.
8. Ebralidze, N. T. Metody pravotrochestva v YES. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10 / Ebralidze, N. T. - Kazan', 2011. - 2004. 132 s.
9. Mamedov D. O. Zakonodatel'naya initsiativa v zakonotvorchestve sub'yekta Rossiyskoy Federatsii: pravovoy analiz i problemy realizatsii : diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02 - Kazan', 2011. - 181 s.; Sintsov G.V. Sovremennyye konstitutsionno-pravovyye modeli instituta referenduma v zarubezhnykh stranakh: diss. ... doktora yurid. nauk: 12.00.02. - M., 2009. - 383 s.
10. Lipchanskaya M. A. Uchastiye grazhdan Rossiyskoy Federatsii v upravlenii delami gosudarstva: diss. ...doktora yurid. nauk: 12.00.02 Saratov, 2012. - 474 s.
11. Volkodayeva N. A. Formy realizatsii zakonodatel'noy initsiativy / N. A. Volkodayeva // Voprosy gumanitarnykh nauk. - 2010. - № 6. - S. 95-97.
12. Primakova T. O. Rossiyskaya obshchestvennaya initsiativa: problemy formirovaniya i funktsionirovaniya novoy formy neposredstvennoy demokratii / T. O. Primakova // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. - 2014. -№ 7. - S. 69-74.
13. Sibileva A.YU. Munitsipal'nyy okrug – novyy vid munitsipal'nogo obrazovaniya: problemy i perspektivy reformy territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya./A. YU. Sibileva/Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki №2. 2020. S.86-91.
14. Savchenko M.S., Oparin V.N. Stanovleniye i razvitiye distantsionnogo elektronnoy golosovaniya na vyborakh v Rossiyskoy Federatsii // Vlast' zakona. №2. 2022. S. 75-83.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – С. 117–121.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

УДК 347.463

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С АРЕНДОЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПО СИСТЕМЕ
КАРШЕРИНГ**

Акименко Е. С., Луценко В. В., Сушицкий А. И.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье рассматривается процесс внедрения в современную жизнь российского общества такого нового вида оказания услуг населению, как каршеринг, а также о несовершенстве правового регулирования данного вопроса в области гражданского и уголовного права.

Целью научного исследования является выявление проблемных вопросов, связанных с оказанием новой услуги для населения, выявление пробелов и коллизий законодательства при рассмотрении спорных вопросов, внесение предложений по дополнению законодательства нормами, регулирующими общее воздействие на данное общественное отношение.

Ключевые слова: каршеринг, диспозиция, Уголовный Кодекс Российской Федерации, Гражданский Кодекс Российской Федерации, правотворчество.

Актуальность исследования состоит в том, что каршеринг в России появился как новое общественное отношение относительно недавно, и сделанные авторами предложения по правовому регулированию внесут понимание субъектам – участникам своих прав и обязанностей, усовершенствует использование и облегчит понимание нового института гражданского правоотношения.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут быть использованы при возможном внесении изменений в действующее законодательство по урегулированию данного вопроса, в том числе не отдельными поправками, а созданием, в случае необходимости, рамочного закона.

При исследовании проблематики авторами использовались эмпирические методы, путем изучения различных источников информации и анализа, полученных на основе этого данных, необходимых для аккумуляции выводов. Рассмотрены возможные пути устранения недостатков законодательной регламентации ответственности за транспортные преступления и совершенствования уголовно-правовых норм, содержащихся в гл. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так же проанализирована целесообразность внесения изменений в нормы особенной части Гражданского Кодекса Российской Федерации [1], содержащихся в подразделе 2 § 3 гл. 34, где пока нет специальных норм о каршеринге.

Научная новизна в исследовании темы заключается в том, что представленный авторами анализ и предложения на основании него является одной из первых попыток законодательного регулирования вошедшего в нашу жизнь сервиса по краткосрочной аренде транспортных средств коммерческими организациями.

Каршеринг (англ. Carsharing) – вид пользования автомобилем (который не может быть использован в предпринимательских целях), когда одна из сторон договора не является его собственником. Каршеринг можно признать одной из разновидностей

аренды автотранспортного средства, а именно, аренды автотранспортного средства без экипажа, так как транспортное средство передается во временное пользование за плату, без услуг по управлению (ст. 642 Гражданского Кодекса Российской Федерации) [3, с. 25-32]. От традиционной аренды автомобиля отличают следующие моменты. Транспортное средство принадлежит на праве собственности одному лицу (физическому или юридическому), который, в свою очередь, предоставляет машину организации, которая осуществляет свою деятельность по оказанию такой услуги как Carsharing. Автомобиль при такой аренде можно использовать как краткосрочно, так и долгосрочно (предусмотрена посуточная аренда) [2, с. 80-85]. Такая модель аренды автомобиля удобна для периодического пользования автотранспортным средством или в случае, когда необходим автомобиль, отличный от марки, типа кузова и грузоподъемности от обычно используемого [10, с. 447-454]. Основным преимуществом каршеринга является то, что лицо, желающее арендовать и отправиться на транспортном средстве, имеет возможность взять транспортное средство будучи рядом от своего места нахождения и оставить его там, где ему будет наиболее удобно. Такое условие предусматривает содержание договора аренды [6, с. 200-204].

Каршеринг является одним из глобальных трендов развития экономики совместного использования, когда население отказывается от приобретения благ в собственность, дабы не нести ответственность и затраты, но имеет (продолжает иметь) доступ ко всем достижениям научного прогресса, используя их совместное потребление [4]. Однако не смотря на такое удобство, арендатор несет ряд затрат, сопряженных с использованием автомобиля: заправка топливом, оплата стоянок, штрафов, которые он получил, в случае нарушений Правил дорожного движения.

Услуги каршеринга доступны в более чем в тысячи городах в десятках стран мира. Использование каршеринга набрало особую популярность у жителей крупных городов нашей страны, в частности, это Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Екатеринбург, Уфа, Самара и в некоторых других субъектах Российской Федерации [9, с. 103-106].

Авторы убеждены, что читателю известно, что в век глобального развития экономики в обществе сначала появляется какое-либо общественное отношение, а лишь затем оно закрепляется и регулируется в правовых нормах. Пока действующее российское законодательство не регулирует новую для России деятельность организаций по каршерингу и агрегаторов каршеринга. В настоящее время деятельность подобных организаций основана на свободе договорных отношений. Назрела проблема изучения данного нового института и внесения в законодательство изменений в сфере ответственности подобных организаций за качество оказываемых и предоставляемых услуг [8, с. 198-199]. В противном случае нарушается равноправие сторон перед законом и ответственность наступает только лишь в одностороннем порядке, а подобные организации как бы и не при чем, хотя их деятельность играет наиважнейшую роль в правоотношениях, возникающих между сторонами.

Робкие попытки предпринимаются законодателями в урегулировании деятельности каршеринговых организаций [7, с. 285-286]. Но, в связи со стремительным развитием данной области предпринимательской деятельности, этого не достаточно. С развитием шеринговых услуг российские суды, в скором будущем, будут завалены исками и уголовными делами, которые будут затяжными и запутанными.

Так, в настоящее время, согласно п. 2 ст. 434 Гражданского Кодекса Российской Федерации определено, что договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору [1]. Изменение в Гражданский Кодекс Российской Федерации внесено в 2015 г.

Идентификация личности и подписание договора стороной договора, а именно арендатором, происходит путем использования последним простой электронной цифровой подписи, которую в данном договоре обе стороны признают, проставляя «галочку», которая ставится напротив пункта о согласии с условиями договора, либо светокопия паспорта гражданина. Подобные способы не представляют возможности не только удостовериться в личности субъекта, но и предоставляемой арендатором действительной информации на сайте компании по услуге аренды, что ведет к возможному появлению «фейкового» аккаунта, что в дальнейшем может повлечь недобросовестное использование источника повышенной опасности, коим является в данном случае транспортное средство. Как следствие, недобросовестные граждане могут использовать предмет договора в противозаконных целях. Авторы предлагают при подписании договора аренды для достоверной проверки личности пользователя, следующие варианты: 1) непосредственное посещение офиса компании пользователя услуг кратковременной аренды транспортного средства с предоставлением всех идентифицирующих личность документов и документов, дающих право на управление транспортным средством, а именно – действительного водительского удостоверения с правом управлять автомобилем соответствующей категории или подкатегории и отсутствие медицинских противопоказаний для управления автомобилем; прибытие сотрудника компании к пользователю услуги в согласованное место для проверки идентифицирующих документов и документов, дающих право на управление транспортным средством; 3) подписание договора лишь после идентификации пользователя услуги через портал предоставления государственных и муниципальных услуг «Госуслуги»; 4) наличие у пользователя услуги при регистрации на сайте агрегатора квалифицированной электронной подписи; 5) отсутствие ограничений заключения договора, в том числе по возрасту и стажу вождения.

Так же авторы полагают необходимым введение промежуточного контроля идентификации лица, уже зарегистрированного в системе краткосрочной аренды транспортных средств, и желающего получить доступ к автомобилю, в виде создания в режиме реального времени фотографии зарегистрированного пользователя и незамедлительной отправки сотруднику сервиса для удостоверения личности. В настоящее время данная процедура безопасности периодически проводится, но, по мнению авторов, должна проходить перед каждой процедурой аренды автомобиля. Тем самым появится возможность исключить тот факт, что будет возможна передача своего аккаунта (или устройства, на котором находится данный аккаунт) другому пользователю или третьим лицам.

Следующим же шагом правового регулирования, по мнению авторов, стало бы внесение изменений в ГК РФ путем введения новой главы, к примеру, гл. 34.1, связанной с появлением нового вида общественных отношений – аренды транспортного средства без предоставления услуг по управлению, но технической эксплуатации

ей транспортного средства арендодателем, где под технической эксплуатацией будет пониматься комплекс организационных, технических мероприятий, позволяющих поддерживать транспортное средство в работоспособном, исправном состоянии. А пока, согласно Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, этот вид краткосрочной аренды транспортного средства у профильных компаний доказал свое право на существование, и, по мнению авторов, в недалеком будущем обретет и право законодательного регулирования.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Электронный ресурс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=le2rcd4pl691050842 (дата обращения 10.01.2023).
2. Александров А.А. Современное состояние и перспективы развития каршеринга в России и в мире / А.А. Александров, А.Н. Шевцов, В.Г. Довбня // Инфокоммуникации и космические технологии: состояние, проблемы и пути решения: сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях, Курск, 17 апреля 2020 года / Редакционная коллегия: В.Г. Андронов (ответственный редактор), А.А. Гуламов, В.Э. Дрейзин, А.Ф. Рыбочкин, И.Е. Мухин, Д.С. Коптев. Том Часть 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 80-85.
3. Аюшеева И.З. Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга / И.З. Аюшеева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2(54). – С. 25-32.
4. Дигилина О. Б. Перспективы развития каршеринга в России и за рубежом / О.Б. Дигилина, Т.Г. Миронова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 52-58.
5. Емелина А.В. Договор каршеринга: спорные вопросы гражданского-правового регулирования / А.В. Емелина, Д.С. Фаустова // Наукосфера. – 2022. – № 12-1.
6. Казьмина Д.А. Каршеринг – проблемы регулирования и актуальные решения с точки зрения УК РФ / Д.А. Казьмина // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика: Материалы II международной научно-практической конференции, приуроченной к 25-летию Конституции РФ, Воронеж, 19 декабря 2018 года. – Воронеж: Воронежский экономико-правовой институт, 2018. – С. 200-204.
7. Киселева А.И. Проблемы правового регулирования договора каршеринга / А.И. Киселева // Традиции и новации в системе современного российского права: Сборник тезисов XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 05–06 апреля 2019 года. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 285-286.
8. Никанорова Л.В. Краткосрочная аренда автомобилей - каршеринг / Л.В. Никанорова, М.В. Лосева // Современные технологии и научно-технический прогресс. – 2019. – Т. 1. – С. 198-199.
9. Халиуллина Л.Г. Понятие, общая характеристика и система преступлений, сопряженных с использованием сервисов "каршеринга" / Л.Г. Халиуллина // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 103-106.
10. Шувалова В. А. Проблемы правового регулирования каршеринга в Российской Федерации / В.А. Шувалова // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. – 2020. – № 1. – С. 447-454.

Akimenko E.S., Lutsenko V.V., Sushitskiy A.I. Legal regulation of public relations associated with rental of vehicles under the carsharing system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 117–121.

The article discusses the process of introducing into the modern life of Russian society such a new type of provision of services to the population as carsharing, as well as the imperfection of the legal regulation of this issue in the field of civil and criminal law. The purpose of the scientific research is to identify problematic issues related to the provision of a new service for the population, identify gaps and conflicts in the legislation when considering controversial issues, make proposals for supplementing the legislation with norms that regulate the overall impact on this public relation.

Key words: carsharing, disposition, Criminal Code of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation, lawmaking.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (GK RF) ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ // Elektronnyj resurs: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=le2rcd4pl691050842 (data obrashcheniya 10.01.2023).
2. Aleksandrov A.A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya karsheringa v Rossii i v mire / A.A. Aleksandrov, A.N. SHEvcov, V.G. Dovbnya // Infokommunikacii i kosmicheskie tekhnologii: sostoyanie,

- problemy i puti resheniya: sbornik nauchnyh statej po materialam IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 chastyah, Kursk, 17 aprelya 2020 goda / Redakcionnaya kollegiya: V.G. Andronov (otvetstvennyj redaktor), A.A. Gulamov, V.E. Drejzin, A.F. Rybochkin, I.E. Muhin, D. S. Koptev. Tom CHast' 1. – Kursk: YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2020. – S. 80-85.
3. Ayusheeva I.Z. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenij po sovmestnomu ispol'zovaniyu transportnyh sredstv na primere karsheringa / I.Z. Ayusheeva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2019. – № 2(54). – S. 25-32.
 4. Digilina O. B. Perspektivy razvitiya karsheringa v Rossii i za rubezhom / O.B. Digilina, T.G. Mironova // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. – 2019. – T. 5, № 2. – S. 52-58.
 5. Emelina A.V. Dogovor karsheringa: spornye voprosy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya / A.V. Emelina, D.S. Faustova // Naukosfera. – 2022. – № 12-1.
 6. Kaz'mina D.A. Karshering – problemy regulirovaniya i aktual'nye resheniya s točki zreniya UK RF / D.A. Kaz'mina // Konstitucionno-pravovoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij: teoriya, metodologiya, praktika: Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, priurochennoj k 25-letiyu Konstitucii RF, Voronezh, 19 dekabrya 2018 goda. – Voronezh: Voronezhskij ekonomiko-pravovoj institut, 2018. – S. 200-204.
 7. Kiseleva A.I. Problemy pravovogo regulirovaniya dogovora karsheringa / A.I. Kiseleva // Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: Sbornik tezisov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, Moskva, 05–06 aprelya 2019 goda. – Moskva: RG-Press, 2019. – S. 285-286.
 8. Nikanorova L.V. Kratkosrochnaya arenda avtomobilej - karshering / L.V. Nikanorova, M.V. Loseva // Sovremennye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskij progress. – 2019. – T. 1. – S. 198-199.
 9. Haliullina L.G. Ponyatie, obshchaya harakteristika i sistema prestuplenij, sopryazhennyh s ispol'zovaniem servisov "karsheringa" / L.G. Haliullina // Zakon i pravo. – 2020. – № 7. – S. 103-106.
 10. SHuvalova V. A. Problemy pravovogo regulirovaniya karsheringa v Rossijskoj Federacii / V.A. SHuvalova // Intellektual'nye resursy - regional'nomu razvitiyu. – 2020. – № 1. – S. 447-454.

УДК 342.951

**ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ
РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Евсикова Е. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье сделана попытка раскрыть проблемные вопросы осуществления производства по делам об административных правонарушениях в условиях всеобщей цифровизации и цифровой трансформации, то есть комплексного преобразования деятельности участников отрасли и органов исполнительной власти, связанного с переходом к новым бизнес-моделям, каналам коммуникаций, а также процессам и культуре, которые базируются на новых подходах к управлению данными с использованием цифровых технологий. При изучении административно-деликтного законодательства России на основе предложенной в статье периодизации, автор раскрывает основные особенности и проблемы внедрения отдельных элементов цифровизации в порядок осуществления производства по делам об административных правонарушениях, несмотря на выводы, о консервативности административно-деликтного производства и сложности внедрения цифровых технологий в сферу административно-деликтного производства. Также, автор изучает отдельные положения проекта нового Кодекса РФ об административных правонарушениях, регламентирующие отдельные вопросы осуществления производства по делам об административных правонарушениях с учетом процессов всеобщей цифровизации и цифровой трансформации, выделяя основные положительные и проблемные аспекты таких нововведений, делая собственные предложения по усовершенствованию производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о необходимости усовершенствования административно-деликтного законодательства, регламентирующего вопросы производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации, что позволит оптимизировать и ускорить многие процедуры в рамках данного производства, но, это необходимо делать осторожно, с учетом обеспечения гарантий защиты и реализации основных прав, свобод и законных интересов всех участников.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация; производство по делам об административных правонарушениях; реформа административно-деликтного законодательства.

Сегодня цифровые технологии очень прочно внедрились и вошли не только в нашу повседневную жизнь, но систему публичного управления, деятельность органов государственной власти, во многом упрощая, оптимизируя и ускоряя различные процессы правоприменения [1], изменяя при этом его сущность, когда автоматизация процессов принятия властных решений меняет властное волеизъявление на машинное, т.е. искусственный интеллект, порождая конкуренцию между технологизацией публичного управления и соблюдением принципов правового государства [2].

Цифровые технологии определяет скорость управленческих решений, качество оказываемых услуг и на результат совершаемых действий. Поэтому с цифровизацией государства, экономики, общественных отношений неизбежна цифровизация административного процесса в целом и юрисдикционного процесса – в частности. При этом наблюдается острый дисбаланс процессов цифровизации различных видов административного процесса [3]. Вместе с тем, административно-деликтная сфера весьма консервативна и поддается изменениям крайне медленно, несмотря на бесчисленные попытки ее модернизации и реформирования, о которых уже неоднократно говорилось в науке административно-деликтного права [4; 5; 6; 7], что, отнюдь, не отменяет необходимость проведения дальнейших научных исследований

цифровизации административно-деликтной сферы, в том числе, производства по делам об административных правонарушениях и его особенностей и проблем.

Цифровые технологии сегодня стремительно вошли во сферы жизни общества и государства, во многом упрощая, ускоряя и оптимизируя процессы государственно-го управления и правоприменения, в том числе, модифицируя в цифровой формат реализации полномочий публичных органов власти. Указом Президента РФ от 21.06.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» в качестве одного из целевых показателей национальной цели «цифровая трансформация» указано достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы [8]. Под цифровой трансформацией понимается комплексное преобразование деятельности участников отрасли и органов исполнительной власти, связанное с переходом к новым бизнес-моделям, каналам коммуникаций, процессам и культуре, что базируются на новых подходах к управлению данными с использованием цифровых технологий.

Так, наиболее успешно процессам цифровизации подвергся порядок предоставления государственных и муниципальных услуг, другие административные процедуры (контрольно-надзорная деятельность) ждут своей очереди. При этом, анализ практики применения цифровых технологий в административном процессе позволяет констатировать изменение самой сущности правоприменительной деятельности: автоматизация процессов принятия властных решений меняет властное волеизъявление человека на машинное (искусственный интеллект) и порождает конкуренцию между технологизацией публичного управления и соблюдением принципов правового государства. Таким образом, социальная сущность публичного управления неизбежно ставит вопрос о пределах тотальной цифровизации управленческого процесса применительно к тем видам административного процесса, в которых затрагиваются права, свободы и законные интересы людей [9].

Вместе с тем, векторы цифровизации самые разные: новые субъекты права; искусственный интеллект и его правовой режим; новые цифровые права и цифровые активы (например, цифровые финансовые активы в свете принятия Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10]).

Если мы говорим о цифровизации различных сфер государственного управления, то нужно отметить, что указанная тенденция не обошла стороной и административный юрисдикционный процесс в классическом его понимании.

Однако, сегодня проблема внедрения цифровых технологий в сферу административно-деликтного производства сводится не просто к тому, чтобы прописать и закрепить на законодательном уровне порядок осуществления производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации, но и обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина [11], любого участника производства по делам об административных правонарушениях.

При этом, социальная сущность публичного управления неизбежно ставит перед нами вопрос о допустимых пределах цифровизации производства по делам об административных правонарушениях, реализация которого затрагивает права и законных интересы его участников, в рамках всеобщей цифровизации.

Вместе с тем, ориентир на применение современных цифровых технологий в процессе осуществления производства по делам об административных правонару-

шениях был обозначен еще в Концепции нового КОАП [12], что позволяло бы, например, лицам, участвующим в нем, направлять в суд либо иной орган административной юрисдикции заявления, ходатайства, иные документы, связанные с рассмотрением дела, в электронном виде, заполнять формы документов, размещенные на официальном сайте суда либо иного органа административной юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, представлять в суд либо иной орган административной юрисдикции сведения в виде электронных документов, изготовленных ими либо иными лицами, органами, организациями и т.п. В Проекте предусмотрено, что заявление, ходатайство, жалоба, протест, представление могут быть поданы участниками производств по делу об административном правонарушении в суд, рассматривающий (пересматривающий) дело об административном правонарушении, в порядке и сроки, которые установлены настоящим Кодексом, в электронном виде путем заполнения формы документов, размещенных на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в порядке, установленном Верховным Судом РФ и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Проект нового КоАП РФ предусматривает, что заявление, ходатайство, жалоба, протест, представление могут быть поданы участниками производства по делу об административном правонарушении в орган, должностному лицу, осуществляющим производство по данному делу, в порядке и сроки, которые установлены настоящим Кодексом, в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством РФ, через инфраструктуру, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме. Требования к формату указанных заявлений, ходатайств, жалоб, протестов, представлений по вопросам исполнения административного наказания в форме электронного документа, устанавливаются правительством.

Вместе с тем, следует отметить, что внедрение цифровых технологий в порядок осуществления производства по делам об административных правонарушениях осуществляется сразу по нескольким направлениям, которые сегодня достаточно остро в этом нуждаются, несмотря на то, что первые шаги в направлении цифровизации производства по делам об административных правонарушениях были сделаны еще в 2007 г. по внедрению цифровой фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами [13], когда была введена административная ответственность за административные правонарушения в области дорожного движения и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, что привело к упрощению выявления административных правонарушений в области дорожного движения и привлечению виновных лиц к ответственности, пополнению государственного бюджета за счет уплаты соответствующего штрафа, поскольку протокол об административном правонарушении не составляет

ся, а постановление выносится без участия лица в отношении которого возбуждено дело, виновным признается собственник транспортного средства, если он не оспаривает постановление и не докажет обратное, т.е. свою невиновность, что, по факту, означает возложение бремени доказывания на лицо, которое привлекается к административной ответственности,

При этом, следует выделить следующие особенности такой процедуры:

1) отсутствуют стадии возбуждения и рассмотрения дела об административном правонарушении, которые подменены итоговым документом – постановлением по делу (без соблюдения всех необходимых атрибутов и принципов рассмотрения дела, в том числе, состязательности сторон, процесса доказывания и отстаивания своей позиции сторонами, проверочной и оценочной деятельности судебного органа, в результате чего размываются и утрачиваются многие процессуальные гарантии, предусмотренные административно-деликтным законодательством для лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении;

2) Доказывание своей невиновности для лица переносится на факультативную стадию обжалования, по факту это означает введение в КоАП РФ принципа «презумпции виновности», когда лицо считается виновным в совершении административного правонарушения в области дорожного движения или благоустройства территории, пока его невиновность не будет доказана путем подачи жалобы на постановление по такому делу, в результате чего будут подтверждены содержащиеся в ней данные о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц, т.е. бремя доказывания своей невиновности ложится на само лицо, которое привлекается к административной ответственности, что, по сути, преобразуется в возможность объективного вменения, категорически недопустимого в рамках реализации публично-правовых отношений.

Так, Студеникина М.С., в свое время, отмечая положительные аспекты фиксации в автоматическом режиме специальными техническими средствами ряда правонарушений как способа выявления нарушений, позволяющего выявлять многие латентные правонарушения, и пополнения бюджета за счет взыскания или уплаты административных штрафов, указывала, что механизм правового оформления такого нововведения в КоАП РФ вызывает немало вопросов с позиций обеспечения соблюдения прав граждан при привлечении их к административной ответственности [6].

Указанные изменения привели к размыванию принципа презумпции невиновности, который из абсолютного трансформировался в относительный, что стало первым этапом «проникновения» высокотехнологических цифровых технологий в сферу административно-деликтных отношений [13]. Однако, при рассмотрении дел об административных правонарушениях, а также по жалобам на постановления или решения по делам об административных правонарушениях судья должен исходить из закрепленного в ст. 1.5 КоАП РФ принципа административной ответственности – презумпции невиновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу. Его реализация заключается в том, что лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонару-

шениях. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица [14].

В случае фиксации происходит привлечение лица к административной ответственности в порядке упрощенного производства по делу об административном правонарушении, что является второй особенностью такой процедуры, поскольку стадии возбуждения и рассмотрения дела отсутствуют и заменяются готовым итоговым документом – постановлением по делу без соблюдения соответствующих процедур (установление вины через проведение разнообразной проверочной деятельности и доказательственной процессуальной деятельности, что приводит к полному игнорированию важных процессуальных гарантий – оспорить сам протокол, отразить в нем свое мотивированное несогласие; заявлять различного рода ходатайства; лично присутствовать при рассмотрении дела, давать пояснения по делу, а доказывание невинности переходит в стадию обжалования, когда лицу уже назначено наказание и, по сути, на уровне административно-деликтного законодательства предусматривается возможность объективного вменения, что в публично-правовых отношениях недопустимо.

3) В случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, постановление по делу об административном правонарушении с приложением материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, оформляется в форме электронного документа, подписанного должностным лицом, вынесшим постановление, усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ. Как отметил Конституционный Суд РФ, ч. 3 ст. 28.6 и ч. 6 ст. 29.10 КоАП РФ не противоречат Конституции РФ, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – означают, что разрешение в установленном ими порядке дел об административных правонарушениях в области благоустройства территории, предусмотренных законом субъекта РФ, совершенных с использованием транспортного средства и зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, может быть отнесено законом субъекта РФ к подведомственности административных комиссий, образованных на основании его закона, и что оформленное в форме электронного документа постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административной комиссией, подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью ее уполномоченного должностного лица [14].

4) Экземпляр постановления по делу об административном правонарушении направляется как в письменной форме (на бумажном носителе), так или в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг. Однако, направление в форме электронного документа возможно при условии регистрации такого лица в единой системе идентификации и аутентификации и при наличии согласия такого лица на получение постановления либо информации с использованием иных средств ин-

формационных технологий, включая региональные порталы государственных и муниципальных услуг, и/или с использованием подвижной радиотелефонной связи;

5) исключение применения принципа индивидуализации при назначении административного наказания по таким правонарушениям, что, по нашему мнению, крайне негативно сказывается на результатах правоприменительной практики, поскольку решение по сути принимает машина (искусственный интеллект), а не судья, не учитывая при этом характера совершенного правонарушения, личности виновного, имущественного положения правонарушителя - физического лица (индивидуального предпринимателя), финансового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность [15];

б) административное наказание назначается в виде административного штрафа. При этом размер назначаемого административного штрафа должен быть наименьшим в пределах санкции применяемой статьи или части статьи раздела II КоАП РФ, а в случаях, когда в санкции применяемой статьи или части ст. раздела II КоАП РФ предусмотрено административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами или административного ареста и не предусмотрено административное наказание в виде административного штрафа, административное наказание назначается в виде административного штрафа в размере пяти тысяч рублей, т.е. отсутствует дифференциация размера штрафа и не учитывается повторность если правонарушение зафиксировано несколько раз в течение суток. В данном случае четко прослеживается, как процессы цифровизации не просто встраиваются в административно-деликтное законодательство, а меняют саму сущность смысловых конструкций административной ответственности: упрощенное производство; иной подход к пониманию и применению принципа презумпции невиновности; полный отказ от принципа индивидуализации административной ответственности.

Вместе с тем, административно-деликтное законодательство РФ содержит и иные элементы цифровизации производства по делам об административных правонарушениях. Так, например, с 08.03.2015 г. постановление по делу об административном правонарушении может быть вынесено и направлено для исполнения в форме электронного документа (в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем межведомственного электронного взаимодействия), подписанного судьей, лицом, председательствующим на заседании коллегиального органа, или должностным лицом, вынесшим постановление, усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ [16].

В таком случае, электронное постановление должно быть подписано квалифицированной цифровой подписью судьи или должностного лица, высшего постановления, а в случае, наличия на электронном постановлении квалифицированной цифровой подписи иного лица (не вынесшего постановление), такое постановление должно быть обжаловано, поскольку, наличие подписи «неуполномоченного» лица означает его недействительность.

Вместе с тем, копия постановления по делу об административном правонарушении с приложением материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и

киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, изготавливается путем перевода электронного документа в документ на бумажный.

С 08.03.2015 для направления для исполнения постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного в форме документа на бумажном носителе, может быть изготовлен экземпляр указанного постановления в форме электронного документа, подписанного судьей, лицом, председательствующим на заседании коллегиального органа, или должностным лицом, вынесшим постановление по делу об административном правонарушении, усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ. Таким образом, вынесенное в электронной форме постановление признается подлинником документа, однако, оно не может быть направлено на электронную почту лица, участвующего в деле, поскольку действующий КоАП РФ предусматривает направление только копий и только заказной почтой либо вручением под роспись.

При этом, действующий ГОСТ Р 7.0.8-2013 [18] не предусматривает понятие «электронная копия электронного документа», а регламентирует понятия «копия документа» – экземпляр документа, полностью воспроизводящий информацию подлинника документа (п. 23) и «электронная копия документа» – копия документа, созданная в электронной форме (п.24), но, в отношении электронных документов предусматривает понятие «конвертирование (электронных документов), конвертация (электронных документов)» – процесс перемещения электронных документов с одного носителя на другой или из одного формата в другой (п. 80) и «миграция (электронных документов)» – перемещение электронных документов из одной информационной системы в другую с сохранением аутентичности, целостности, достоверности документов и их пригодности для использования (п. 81). Таким образом, копия постановления по делу об административном правонарушении должна направляться в бумажном виде, а срок обжалования исчисляться с момента получения лицом такой копии постановления по делу о правонарушении.

Вместе с тем, действующий КоАП РФ (ст. 28.2) не предусматривает электронной формы составления протокола об административном правонарушении. Таким образом, при получении протокола, составленного в форме электронного документа, судья или должностное лицо, рассматривающие дело, обязаны вернуть административный материал на доработку по правилам ч. 3 ст. 28.8 КоАП РФ, поскольку, в таком случае, протокол считается не составленным, а административное дело — не возбужденным (ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ), что препятствует дальнейшему рассмотрению дела и вынесению постановления [19].

Кроме того, с 06.12.2011 г. действует ст. 25.15 КоАП РФ, которая регламентирует вопросы извещения лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении. Так, лица, участвующие в производстве по делу об административном правонарушении, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд, орган или к должностному лицу, в производстве которых находится дело, заказным письмом с уведомлением о вручении, повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату.

Как видим, извещение или вызов в суд лиц, участвующих в деле, а также свидетелей, экспертов, специалистов и переводчиков допускается с использованием иных

средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату (ст. 25.15 КоАП РФ), однако, требований к такому извещению и его порядку административно-деликтное законодательство не предусматривает, что на практике может вызвать существенные сложности обеспечения надлежащего извещения или вызова в суд указанных лиц, а также создает основу для злоупотребления процессуальными правами.

Как отметил Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, в целях соблюдения установленных ст. 29.6 КоАП РФ сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях судье необходимо принимать меры для быстрого извещения участвующих в деле лиц о времени и месте судебного рассмотрения. Поскольку КоАП РФ не содержит каких-либо ограничений, связанных с таким извещением, оно в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть произведено с использованием любых доступных средств связи, позволяющих контролировать получение информации лицом, которому оно направлено (судебной повесткой, телеграммой, телефонограммой, факсимильной связью и т.п., СМС, в случае согласия лица на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату).

При этом, лицо, в отношении которого ведется производство по делу, считается извещенным о времени и месте судебного рассмотрения и в случае, когда из указанного им места жительства (регистрации) поступило сообщение об отсутствии адресата по указанному адресу, о том, что лицо фактически не проживает по этому адресу либо отказалось от получения почтового отправления, а также в случае возвращения почтового отправления с отметкой об истечении срока хранения, если были соблюдены положения Особых условий приема, вручения, хранения и возврата почтовых отправлений разряда «Судебное», утвержденных приказом ФГУП «Почта России» от 31 августа 2005 года № 343.

Вместе с тем, Проект нового КоАП РФ, предусматривает не только извещение или вызов в суд лиц, участвующих в деле об административных правонарушениях заказным письмом с уведомлением о вручении, повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи, но и с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату, что, по нашему мнению, будет более удобным и обеспечит надлежащее извещение заинтересованных лиц при соблюдении главного условия – доставка постановления в личный кабинет на портале будет возможна, если адресатом завершено прохождение процедуры регистрации в Единой системе идентификации и аутентификации. О размещении судебных извещений (уведомлений) в личном кабинете на едином портале адресату сообщат в тот же день – ему придет соответствующее уведомление (за исключением случая, когда адресат отказался от получения уведомлений). При этом, судебное извещение (уведомление) будет считаться доставленным (врученным) на следующий день с момента его размещения в личном кабинете адресата на Едином портале госуслуг (при наличии согласия на получение извещений (уведомлений) исключительно в личный кабинет на портале) или с момента входа адресата на единый портал с использованием единой системы идентификации и аутентификации в течение 5 дней со дня размещения судебных извещений (уведомлений) в личном кабинете на портале.

С 01.03.2020г. КоАП РФ предусматривает, что направление определения для исполнения и представление истребуемых сведений (информации) или уведомления о невозможности представления таких сведений (информации) могут при наличии технической возможности осуществляться в электронной форме с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем межведомственного электронного взаимодействия. Определение об истребовании сведений (ст. 26.10 КоАП РФ), при наличии технической возможности, подписывается должностным лицом, вынесшим такое определение, усиленной квалифицированной цифровой подписью. Судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, вправе вынести определение об истребовании сведений, необходимых для разрешения дела, в т.ч. сведений необходимых для расчета размера штрафа [17].

С 1 сентября 2021 г. вступили в силу поправки в КоАП РФ, которые затронули ч. 3 ст. 28.6, ч. 3.1 ст. 30.2 и ч. 2 ст. 30.8 КоАП РФ, предусматривающие возможность подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении и получения копии решения по жалобе на упомянутое выше постановление в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, через Единый портал государственных и муниципальных в порядке, установленном Правительством РФ [20].

Так, жалоба на постановление по делу об административном правонарушении в случае фиксации этого административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи может быть также подана в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью либо простой электронной подписью, ключ которой получен в соответствии с правилами использования простой электронной подписи при обращении за получением государственных и муниципальных услуг в электронной форме, устанавливаемых Правительством РФ, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг либо посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». При этом направление жалобы в суд в электронной форме возможно.

На момент начала действия новой редакции ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ не все судебные учреждения могли в достаточной степени модернизировать свои технические средства. С учетом этого суды не могли одновременно принять к рассмотрению жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях в электронной форме. В связи с чем возникали различные процессуальные нарушения, выразившиеся в несоблюдении формы и порядка подачи жалобы. Так, жалоба не может быть направлена по электронной почте в виде документа, изготовленного на бумажном носителе и переведенного в электронную форму с помощью средств сканирования. В соответствии с процессуальным порядком, предусмотренным ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ, жалоба должна быть подписана усиленной квалифицированной электронной подписью или простой электронной подписью и подана посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда. Жалоба не может быть направлена посредством отправки электронного письма. Лицу, обращающему-

ся с жалобой, необходимо заполнить соответствующую форму, размещенную на сайте суда, либо обратиться с жалобой с помощью Единого портала [21].

Так, копия решения по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении в случае фиксации этого административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи может быть направлена в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в течение трех дней со дня вынесения указанного решения по жалобе.

Постановление по делу об административном правонарушении направляется отправителем в информационную систему организации федеральной почтовой связи, в т.ч. через единую систему межведомственного электронного взаимодействия, или же размещается непосредственно в ней, а затем доставляется адресату в форме электронного документа путем его размещения в личном кабинете адресата на едином портале.

О размещении постановления в личном кабинете на едином портале адресату сообщат в тот же день – ему придет соответствующее уведомление (за исключением случая, когда адресат отказался от получения уведомлений).

При этом, постановление будет считаться доставленным на следующий день с момента его размещения в личном кабинете адресата на Едином портале госуслуг (при наличии согласия на получение постановлений исключительно в личный кабинет на портале) или с момента входа адресата на единый портал с использованием единой системы идентификации и аутентификации в течение 7 дней со дня размещения постановления в личном кабинете на портале [22].

Указанные изменения существенно упрощают и оптимизируют производство по делам об административных правонарушениях, однако, противоречат положениям действующего «ГОСТ Р 7.0.8-2013 [18], который не предусматривает понятие «электронная копия электронного документа», исходя из положений которого, корреспондирующих требованиям действующего КоАП РФ, мы делаем вывод, что копия постановления по делу об административном правонарушении должна направляться в бумажном виде, а срок обжалования исчисляться с момента получения лицом такой копии постановления по делу об административном правонарушении.

Таким образом, сегодня цифровизация производства по делам об административных правонарушениях происходит очень фрагментарно и частично, что не может способствовать достижению «цифровой зрелости» в данной сфере, а, представляет собой лишь робкие попытки законодателя внедрения цифровых технологий в данную сферу правоотношений с целью их усовершенствования, упрощения и оптимизации.

Однако, следует учитывать, что сегодня цифровизация производства по делам об административных правонарушениях происходит в условиях реформирования и модернизации административно-деликтного законодательства. Так, Концепция нового КоАП РФ ориентирована на развитие и активное внедрение цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях, делая акцент на его усовершенствовании и оптимизации, что предполагает: более детальную регламентацию процедур производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, зафиксированных с помощью работающих

в автоматическом режиме специальных технических средств, в отдельной главе КоАП РФ, закрепив при этом обязательные требования к использованию таких специальных технических средств, а также параметры фото- и видео- материалов; развитие подходов к процессуальному извещению и уведомлению, а также документообороту в КоАП РФ с учетом дальнейшего внедрения и использования системы Единого портала государственных и муниципальных услуг, а также системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем межведомственного электронного взаимодействия; предоставление более широкой возможности выбора лицам, участвующим в деле об административном правонарушении, способов извещения, в том числе путем отправки им СМС-сообщения либо направления извещения или вызова по электронной почте. Избранный лицом и указанный в его расписке способ уведомления должен являться приоритетным и единственным.

Как указывалось представителями науки административного права, следует отметить необходимость введения в административно-деликтное законодательство понятия «электронный документ», как доказательства по делу об административном правонарушении, а также возможность подачи жалобы на решение по делу об административном правонарушении в электронном виде путем подачи электронного документа на электронную почту суда или заполнения специальной формы на сайте суда, органа, должностного лица, рассмотревшего дело, либо с использованием государственных и муниципальных услуг в форме электронного документа, подписанного простой электронной подписью, при условии регистрации лица [23].

По нашему мнению, указанные изменения будут иметь положительный правовой и социальный эффект, повысят доступность, оперативность и эффективность производства по делам об административных правонарушениях. Однако, говорить о наличии всех предпосылок для формирования электронного производства по делам об административных правонарушениях, основанного на использовании современных информационно-цифровых технологий, позволяющих осуществлять обмен информацией между субъектами и участниками процесса в электронном виде, использовать системы аудио- и видео- трансляции судебных заседаний, что позволит осуществлять взаимодействие между субъектами и участниками такого производства в электронном (цифровом) виде, по нашему мнению, еще очень преждевременно и опасно, поскольку, в приоритете у государства всегда должно быть не наказание, а обеспечение и защита прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, в том числе, при привлечении к административной ответственности при условии реализации таких базовых конституционных принципов, как принцип презумпции невиновности и справедливости, а также индивидуализации наказания.

Список литературы:

1. Евсикова Е.В. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и практики / Е.В. Евсикова // Legal Tech : научные решения для профессиональной юридической деятельности : Сборник докладов IX Московского юридического форума. В 4-х частях, Москва, 14-16 апреля 2022 года. Том Часть 2. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 50-52.
2. Крамер У., Мицкевич Л. А., Васильева А. Ф. Электронные формы в административном процессе России и Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 4. С. 756–780.
3. Руденко А. В. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях в контексте принятия нового КоАП РФ // Юридическая деятельность в условиях цифровизации : сборник статей по результатам междунар. науч.-практ. конференции, Симферополь, 23 марта 2021 г. / под ред. Е. В. Евсиковой, В. С. Тихомаевой. Симферополь, 2021. - С. 446–453.

4. Старилов Ю.Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории / Ю.Н. Старилов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. - № 2. – С. 14-41.
5. Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. - 2014. - № 9. - С. 22.
6. Студеникина М. С. Кодификация законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях : история, современность, перспективы развития // Административное право и процесс. - 2014. - № 9. - С. 39-44.
7. Евсикова Е.В. Актуальные проблемы усовершенствования административно-деликтного законодательства / Е.В. Евсикова // Общество, право, правосудие: проблемы и тенденции развития / Э.И. Арапов, В.А. Болдырев, Д.К. Гончаров [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Ритм», 2022. – 225 с.
8. Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>
9. Крамер, Урс, Мицкевич, Людмила А., Васильева, Анна Ф. 2019. «Электронные формы в административном процессе России и Германии». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4: 756-780. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.410>
10. Евсикова Е.В. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации / Е.В. Евсикова, А.В. Старицын // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 143-155.
11. Зайцев И.А. Институт административной ответственности в условиях цифровизации: актуальность научных исследований / Зайцев И.А. // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 441-442.
12. "Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/809f683a9e847a0cc2fe5025675ed52970f19eb0/
13. Шурухунова Д.Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации / Д.Н. Шурухунова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. - № 5. – С. 310-313.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2020 N 24-П "По делу о проверке конституционности статей 26.9 и 26.10, части 3 статьи 28.6 и части 6 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352432/#dst100038
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5 (ред. от 23.12.2021) "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/
16. Федеральный закон от 08.03.2015 N 41-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176155/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100012
17. Федеральный закон "О внесении изменений в статьи 26.10 и 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 01.03.2020 N 44-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346672/#dst100011
18. "ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения" (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 N 1185-ст). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/
19. Судопроизводство в электронном виде: возможности, ошибки и прогнозы на будущее. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://iitrust.ru/articles/expert/sudoproizvodstvo-v-elektronnom-vide-vozmozhnosti-oshibki-i-prognozy-na-budushchee/>
20. Постановление Правительства РФ от 19 июня 2021 г. № 947 "Об утверждении Правил направления экземпляров постановлений и копий решений по жалобам на постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом

режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://base.garant.ru/400931241/>

21. Лифанов Д.М. Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме: вопросы теории и правоприменительной практики / Д.М. Лифанов // Российский юридический журнал. – 2022. - № 3. – С. 23-34.

22. Утверждены правила направления постановлений по делам об АП, зафиксированных камерами, и копий решений по жалобам на них через портал госуслуг. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://www.garant.ru/news/1469796/>

23. Шурухнова Д.Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях. Вестник Московского университета МВД России. 2020(6):278-80.

Evsikova E.V. Proceedings on cases of administrative offenses in the conditions of digitalization: modern realities and development prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 122–135.

The article attempts to reveal the problematic issues of the implementation of proceedings on administrative offenses in the context of universal digitalization and digital transformation, that is, a comprehensive transformation of the activities of industry participants and executive authorities associated with the transition to new business models, communication channels, as well as processes and culture that are based on new approaches to data management with using digital technologies. In the course of studying the current administrative-tort legislation of the Russian Federation on the basis of the periodization proposed in the article, the author reveals the main features and problems of introducing certain elements of digitalization into the procedure for conducting proceedings on administrative offenses, despite the conclusions about the conservatism of administrative-tort proceedings and the complexity of introducing digital technologies into the sphere of administrative-tort proceedings. Also, the author studies certain provisions of the draft new Code of Administrative Offences of the Russian Federation regulating certain issues of the implementation of proceedings in cases of administrative offences, taking into account the processes of universal digitalization and digital transformation, highlighting the main positive and problematic aspects of such innovations, making his own proposals to improve proceedings in cases of administrative offences in the conditions of digitalization. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the administrative-tort legislation regulating the issues of proceedings in cases of administrative offenses in the context of digitalization, which will optimize and speed up many procedures within this production, but it must be done carefully, taking into account the guarantees of protection and realization of fundamental rights, freedoms and legitimate interests of all participants.

Keywords: digitalization; digital transformation; proceedings in cases of administrative offenses; reform of administrative and tort legislation.

Spisok literaturi:

1. Evsikova E.V. Cifrovizaciya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: problemy teorii i praktiki / E.V. Evsikova // Legal Tech : nauchnye resheniya dlya professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti : Sbornik dokladov IH Moskovskogo yuridicheskogo foruma. V 4-h chastyah, Moskva, 14-16 aprelya 2022 goda. Tom Chast' 2. – Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2022. – S. 50-52.
2. Kramer U., Mickevich L. A., Vasil'eva A. F. Elektronnye formy v administrativnom processe Rossii i Germanii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. № 4. S. 756–780.
3. Rudenko A. V. Cifrovizaciya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v kontekste prinyatiya novogo KoAP RF // Yuridicheskaya deyatel'nost' v usloviyah cifrovizacii : sbornik statej po rezul'tatam mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii, Simferopol', 23 marta 2021 g. / pod red. E. V. Evsikovoj, V. S. Tihomaevoj. Simferopol', 2021. - S. 446–453.
4. Starilov Yu.N. Konceptiya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i «sud'ba» administrativno-deliktного права: dva novejšihh voprosa v sovremennoj pravovoj teorii / Yu.N. Starilov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2020. - № 2. – S. 14-41.
5. Salishcheva N. G. Problemy pravovogo regulirovaniya instituta administrativnoj otvetstvennosti v Rossijskoj Federacii // Administrativnoe pravo i process. - 2014. - № 9. - S. 22.
6. Studenikina M. S. Kodifikaciya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah : istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya // Administrativnoe pravo i process. - 2014. - № 9. - S. 39-44.
7. Evsikova E.V. Aktual'nye problemy usovershenstvovaniya administrativno-deliktного zakonodatel'stva / E.V. Evsikova // Obschestvo, pravo, pravosudie: problemy i tendencii razvitiya / E.I. Aralov, V.A. Boldyrev, D.K. Goncharov [i dr.]. – Moskva : Obschestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Ritm», 2022.

8. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 iyulya 2020 g. № 474 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>
9. Kramer, Urs, Mickevich, Lyudmila A., Vasil'eva, Anna F. 2019. «Elektronnye formy v administrativnom processe Rossii i Germanii». Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo 4: 756-780. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.410>
10. Evsikova E.V. Nekotorye aspekty normativno-pravovogo regulirovaniya cifrovyyh finansovyh aktivov v Rossijskoj Federacii / E.V. Evsikova, A.V. Staricyn // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8, № 2. – S. 143-155.
11. Zajcev I.A. Institut administrativnoj otvetstvennosti v usloviyah cifrovizacii: aktual'nost' nauchnyh issledovanij / Zajcev I.A. // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskije chteniya) : sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zaslužennogo yurista Rossijskoj Federacii Avrutina Yuriya Efremovicha v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda / Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2022.
12. "Konceptsiya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/809f683a9e847a0cc2fe5025675ed52970f19eb0/
13. Shuruhunova D.N. Osnovnye napravleniya vnedreniya elektronnoho proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v Rossijskoj Federacii / D.N. Shuruhunova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. - № 5. – S. 310-313.
14. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.05.2020 N 24-P "Po delu o provere konstitucionnosti statej 26.9 i 26.10, chasti 3 stat'i 28.6 i chasti 6 stat'i 29.10 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s zaprosom Kostromskogo oblastnogo suda". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352432/#dst100038
15. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2005 N 5 (red. ot 23.12.2021) "O nekotoryh voprosah, vznikayushchih u sudov pri primenении Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/
16. Federal'nyj zakon ot 08.03.2015 N 41-FZ "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176155/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100012
17. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v stat'i 26.10 i 28.1 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" ot 01.03.2020 N 44-FZ (poslednyaya redakciya). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346672/#dst100011
18. "GOST R 7.0.8-2013. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Sistema standartov po informacii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Deloproizvodstvo i arhivnoe delo. Terminy i opredeleniya" (utv. Prikazom Rosstandarta ot 17.10.2013 N 1185-st). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/
19. Sudoproizvodstvo v elektronnom vide: vozmozhnosti, oshibki i prognozy na budushchee. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://iitrust.ru/articles/expert/sudoproizvodstvo-v-elektronnom-vide-vozmozhnosti-oshibki-i-prognozy-na-budushchee/>
20. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19 iyunya 2021 g. № 947 "Ob utverzhenii Pravil napravleniya ekzemplarov postanovlenij i kopij reshenij po zhalobam na postanovleniya po delu ob administrativnom pravonarushenii i materialov, poluchennyh s primeneniem rabotayushchih v avtomaticheskom rezhime special'nyh tekhnicheskikh sredstv, imeyushchih funkcii foto- i kinos"emki, videozapisi, ili sredstv foto- i kinos"emki, videozapisi, licu, v otnošenii kotorogo vzbuzhdeno delo ob administrativnom pravonarushenii, v forme elektronnoho dokumenta, podpisannogo usilennoj kvalificirovannoj elektronnoj podpis'yu upolnomochennogo dolzhnostnogo lica, s ispol'zovaniem Edinogo portala gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://base.garant.ru/400931241/>
21. Lifanov D.M. Peresmotr postanovlenij po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v elektronnoj forme: voprosy teorii i pravoprimitel'noj praktiki // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2022. - № 3.
22. Utverzheny pravila napravleniya postanovlenij po delam ob AP, zafiksirovannyh kamerami, i kopij reshenij po zhalobam na nih cherez portal gosuslug.: <https://www.garant.ru/news/1469796/>
23. Shuruhunova D.N. Cifrovyte tekhnologii v sfere zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020(6):278-80.

УДК 658

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР ПОДДЕРЖКИ И
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ, КАСАЮЩЕЙСЯ РЕСПУБЛИКИ
КРЫМ**

Коваль В. Н., Морозова А. Н.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В настоящей статье содержится анализ особенностей правового регулирования мер поддержки и налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства в части, касающейся Республики Крым. Рассмотрены основные особенности правового регулирования мер поддержки и налогообложения в рассматриваемой сфере на федеральном, субъективном, местном уровнях с приведением статистических данных по реализованным мерам, и по запланированным с учетом стремительно меняющейся социально-политической обстановки и особенного положения Республики Крым в составе Российской Федерации, определяемым различными факторами, в том числе необходимостью встраивания в правовую систему в связи с относительно недавним вхождением в состав государства. Рассмотрены основные направления, предлагаемые различными авторами по совершенствованию правового регулирования мер поддержки малого и среднего предпринимательства, в том числе в сфере налогообложения. Автором высказано предположение, что уникальный опыт Республики Крым по поддержке малого и среднего предпринимательства может оказаться полезным для территорий, недавно вошедших в состав Российской Федерации, поскольку имеется сходство – в историческом, социально-экономическом и других сферах развития, а также отсутствует аналогичный опыт других субъектов в анализируемой области отношений.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, правовое регулирование, поддержка предпринимательства, Республика Крым, налогообложение, совершенствование правовых механизмов.

В настоящее время актуализировался вопрос понимания нормативного акта, как основного регулятора предпринимательского права [1], в том числе в сфере малого и среднего бизнеса, который является одной из важнейших сфер экономики, поскольку именно в малом предпринимательстве занята значительная часть населения страны.

При этом авторы проводят исследования в совершенно разных сферах, начиная от инновационных, обосновывая появление экспериментальных правовых режимов применительно к цифровой трансформации предпринимательской среды [2], до анализа предпринимательства в условиях пандемии и санкций, справедливо полагая, что государство предпринимает активные меры по поддержке данной сферы деятельности [3], что возможно, в том числе, в связи с тем, что она обладает достаточной гибкостью, если сравнивать ее с крупными предприятиями, и умением приспособливаться к меняющейся конъюнктуре рынка. Кроме того, данные институты активно помогают улучшать социальную обстановку, решают проблемы занятости населения, переназначивания производства и реагирования на рыночный спрос.

Сегодня законодательство по регулированию деятельности и налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) несовершенно, причиной чему является его нестабильность, наличие значительного числа не соответствующих друг другу подзаконных актов, а также необходимость включать в систему правового регулирования новые территории РФ, что и сегодня вызывает споры как у ученых-юристов, так и у юристов-практиков.

Нормативно-правовое регулирование мы можем традиционно разделить на три уровня: федеральный, региональный и местный. Начиная с федерального уровня, отметим ФЗ № 209-ФЗ, при этом, не анализируя детально нормативный правовой акт, что действующий с 2007 г. [4] правовой акт подвергался корректировке 43 раза с момента его принятия и подготовлены новые изменения, не вступившие в силу. С одной стороны, это свидетельствует об оперативности реагирования законодателя на изменение общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, с другой – о нестабильности и сложности законодательства, необходимости его систематизации и совершенствования. В Законе о малом и среднем предпринимательстве определены особенности правовых отношений в данной сфере, дается понятие субъектов МСП, закреплены меры их поддержки, а также основы нормативно-правового регулирования их деятельности в сфере МСП. Также федеральным законодательством, в частности Налоговым кодексом РФ [5], регламентированы специальные налоговые режимы, упрощенные способы ведения отчетности, финансовая поддержка указанных субъектов и другие механизмы.

Конкретику положения федеральных законов нашли в региональном и местном законодательстве, которое в Республике Крым представляется сравнительно молодым, с учетом недавнего вхождения в правовое поле РФ и адаптации к новым условиям существования правовой системы. Сегодня функционирует значительное число механизмов, направленных на поддержку МСП на региональном уровне, начиная от портала МСП Республики Крым, который предоставляет возможности бизнес-образования, сотрудничества, получения консультаций и помощи [6], и заканчивая правовыми механизмами, которые мы можем разделить на несколько категорий:

1. нормативно-правовая база органов власти РФ, а также Республики Крым, направленная на регулирование и поддержку МСП, а также закрепляющая статус органов исполнительной власти, которые реализуют политику РФ в указанной сфере (с ними более подробно можно ознакомиться на официальном портале МСП Республики Крым, в эту категорию отнесены Конституции и кодексы РФ, административные регламенты и приказы, база правовых решений, отдельно представлены акты в сфере налогообложения, и другие).

Помимо федерального законодательства, обозначенного выше, определяющего основные направления реализации государственной политики в сфере МСП, существует государственное программное развитие, имеющее не меньшую актуальность.

Как считают эксперты, МСП сегодня играет ведущую роль в экономической системе государства, которое, используя один из способов поддержки – субсидирование – оказывает серьезное воздействие на малый бизнес [7]. Представляется интересным рассмотреть, как были реализованы специальные программы в Республике Крым с момента вхождения в состав РФ. Так, с 2005 года Минэкономразвития России была создана и последовательно реализовывалась программа, которая была направлена на субсидирование средств в бюджеты регионов из федерального бюджета с тем, чтобы оказывать государственную поддержку субъектам МСП.

Сегодня положения указанной программы проводятся в жизнь согласно Правил, утвержденных Приложением № 8 к государственной программе РФ, определяющей основные направления экономического развития и положения, касающиеся инновационной экономики России [8]. На основании данного правового акта также ежегодно издаются актуальные приказы Минэкономразвития России.

Согласно указанным нормам средства путем проведения конкурса целевым образом распределяются между субъектами и направляются на реализацию мероприятий, которые предусмотрены региональными программами развития МСП, если регион может софинансировать программу. С помощью такого подхода обеспечивается совместное использование средств бюджетов, что стимулирует регионы активно реализовывать политику в сфере поддержки предпринимательской деятельности.

Постановлением Правительства на федеральном уровне была утверждена государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика», которая рассчитана на 2013-2030 гг. Программа содержит федеральную целевую программу, реализации которой необходима для развития системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости, а также 10 подпрограмм, предусматривающих стимулирование инноваций, создание наиболее благоприятных условий для развития рынка недвижимости, развитие малого и среднего предпринимательства, центра «Сколково», формирование официальной статистической информации, благоприятной инвестиционной среды, совершенствование госуправления, повышение эффективности естественных монополий и так далее [9].

Суммы финансирования довольно значительны – общий объем расходов по данным направлениям – 929 341 313,5 тыс. руб., в том числе за период 2022-2024 гг. – 397 045 595,3 тыс. руб. Не менее значителен объем средств, запланированных для реализации подпрограммы – 172243046,9 тыс. руб., в разрезе по годам: на 2016 г. – 16720000 тыс. руб.; 2017 г. – 23040000 тыс. руб.; 2018 г. – 23040000 тыс. руб.; 2019 г. – 23040000 тыс. руб.; 2020 г. – 23040000 тыс. руб., 2022 г. – 127318602,5 тыс. руб., 2023 г. – 133 688 056,4 тыс. руб., и на 2024 г. – 136 038 936,4 тыс. руб.

Среди региональных актов программного развития МСП особый интерес представляют акты Республики Крым и г. Севастополь. Так, среди нормативных актов г. Севастополь следует назвать Закон г. Севастополя от 21.07.2017г. № 357-ЗС, которым утверждена Стратегия развития города, закрепляющая нормы о свободной экономической зоне (далее – СЭЗ), инвестициях, о стратегической цели, предполагающей, что город будет развиваться как деловой центр, с созданием индустриального парка, в котором будут привлекаться и активно действовать предприятия для бизнеса, в том числе МСП. Отдельный раздел посвящен развитию предпринимательской деятельности, где как приоритеты закреплены информационная, финансовая доступность для субъектов МСП, оказание им поддержки [10].

Отдельного рассмотрения заслуживает также Перечень государственных программ РК, утвержденный распоряжением Совета министров РК от 13 октября 2022 г. № 1599-р, что включает более 30 государственных программ, среди которых государственная программа РК, предполагающая реализацию подпрограммы, направленной на развитие предпринимательства, в том числе МСП, начиная с 1.01.2023. Важным является тот, что распоряжение принято в развитие уже ранее действовавших нормативных актов, регламентирующих рассматриваемую нами сферу [11].

Следует отметить достаточное количество качественных программ развития МСП в РФ, причем как общегосударственного, так и регионального уровня. Основными трудностями, которые сдерживают развитие МСП, остаются инфраструктурные, кадровые и финансовые, а также совершение правонарушений, в том числе злоупотреблений правом, и низкая исполнительская дисциплина распорядителей предоставляемых бюджетных средств. Решение названных проблем могло бы поз-

волить в перспективе реализовать намеченные государством программы и достичь ожидаемых результатов в сфере МСП в России.

2. Нормативные акты, регламентирующие статус субъектов с особым правовым положением, в частности, города федерального значения Севастополь [12]. Согласно нормам действующего закона, на территориях Республики Крым создана СЭЗ.

Закон закрепляет, что лицо, которое предполагает оформление статуса участника СЭЗ, должно, опираясь на нормы действующего законодательства, пройти регистрацию на территории Республики Крым, а также состоять на учете в налоговом органе, оформить инвестиционную декларацию, соответствующую требованиям, установленным Законом.

Кроме того, нормативно закреплены преференции для участников СЭЗ, к которым относятся: снижение ставки налога на прибыль организаций, освобождение от уплаты налога на имущество организаций; ускоренная амортизация в отношении собственных амортизируемых основных средств с коэффициентом 2; освобождение от уплаты земельного налога в отношении земельных участков, которые расположены на территории СЭЗ и используются в целях выполнения договора об осуществлении деятельности в СЭЗ на определенный срок.

3. стратегические документы, последовательно принятые в Республике Крым в 2014 и 2017 г., определяющие стратегию развития Республики Крым, в том числе в сфере налогообложения субъектов МСП [13]. Указанными правовыми актами проведено всестороннее сравнение положительных и отрицательных факторов, оказывающих влияние на регион, его состояние и развитие.

Отмечены, например, сложная инфраструктура, сезонность, трудности переходного периода, но и уникальное географическое местонахождение республики, ее природно-климатические условия, способствующие привлечению людей, как для постоянного проживания, так и для туризма, отдыха и лечения, наличие свободной экономической зоны, и другие факторы. Определены основные направления реализации государственной политики, направленные на развитие РК и предложены основные стратегические направления развития МСП по основным областям, а именно: правовое регулирование (совершенствование нормативной базы в рассматриваемой сфере); создание организаций, которые оказывают поддержку МСП и увеличение объемов их деятельности, а также инфраструктуры, которая необходима для поддержки; обеспечение функционирования системы «единого окна», направленной на упрощение деятельности организаций МСП; обеспечение взаимодействия МСП с госсектором с целью упрощения закупки ими товаров, работ и услуг в указанной сфере; обеспечение использования МСП имущества (движимого и недвижимого) с упрощенными процедурами доступа; проведение в жизнь молодежной политики, направленной на увеличение доли молодежи в секторе МСП; развитие социальной сферы в части поддержки МСП; повышение эффективности мер информационной поддержки, направленной на МСП; содействие взаимодействию государственно-частного сектора с МСП в коммунально-инженерной и транспортной сферах.

Предполагается, что по итогам реализации указанных мероприятий в РК будет сформирована эффективная система взаимодействия инвесторов, благоприятный инвестиционный климат для крупных российских компаний, а конкурентные преимущества позволят выйти на объем инвестиций, сопоставимый с регионами ЮФО.

4. Акты, закрепляющие особенности правового регулирования налогообложения субъектов МСП на местном уровне.

Интересным представляется рассмотреть в данном аспекте г. Феодосию. В 2016 г. создан Координационный совет по вопросам развития малого и среднего бизнеса. Задачи, функции, права, состав и организация работы данного совета закреплены Постановлением администрации г. Феодосия [14]. С 2019 г. реализуется проект «Индустриальный парк», аналогичный проектам, создаваемым в г. Бахчисарай и г. Джанкой. Реализация проекта предполагает создание промышленной площадки специализированного типа, на которую будут привлечены инвестпроекты, обеспечивающие условия для развития региона в социально экономической сфере, с возможностью создания и функционирования конкурентоспособных производств и обеспечения занятости населения. Это представляется возможным, поскольку территориально г. Феодосия представляет собой транспортный узел, от которого расходятся транспортные магистрали на север (Джанкой), юг и юго-запад (Коктебель и южный берег Крыма) и запад (Симферополь) [15].

Кроме того, правовое закрепление нашла система органов власти и негосударственных организаций, созданных на региональном уровне, которые, в свою очередь нормативно, а также путем систематической реализации организационно-правовых и ряда других мер, оказывают поддержку МСП.

Это Министерство экономического развития РК, Некоммерческая организация «Крымский государственный фонд поддержки предпринимательства», АО «Крымский гарантийный фонд», Микрокредитная компания «Фонд микрофинансирования предпринимательства Республики Крым», деятельность которых направлена на реализацию государственной политики в анализируемой нами сфере.

Отдельного рассмотрения требуют меры поддержки, которые начали предоставлять МСП с 2020 г. в РК, с введением режима повышенной готовности, что стало существенным для предпринимателей. Главой Республики Крым предусмотрен комплекс мер, которые можно разделить на категории [16]: меры поддержки в налогообложении (снижены налоговые ставки в 2 раза по упрощенной системе налогообложения и патентной системе; органам местного самоуправления рекомендовано принять решения по снижению К2 по единому налогу на вмененный доход; снижена ставка по налогу на имущество на 50%, для налогоплательщиков и организаций, которые отнесены к пострадавшим отраслям (с 1 апреля 2020 по 30 июня 2020); снижена ставка по транспортному налогу для организаций на 50% пострадавших отраслей с 1 апреля 2020 по 30 июня 2020); меры в части предоставления микрозаймов по льготным ставкам (докапитализация Фонда микрофинансирования на сумму 200 млн. руб., создание микрозайма «Скорый», дающего возможность получить средства с льготной процентной ставкой без оплаты комиссий на срок до года в сумме до 3 млн. руб.); реструктуризация задолженностей по кредитам МСП (возможность отсрочки платежей, компенсация погашения части процентной ставки); предоставление субсидий и займов (в размере 200 млн. руб.); возможности поддержки при выплате арендной платы (освобождение от платежей и отсрочка); меры по поддержке занятости для работодателей (режимы простоя, неполного рабочего дня (смены), неполной рабочей недели, организации временных рабочих мест, по возмещению части заработной платы и затрат на страховые взносы); меры по под-

держке инвесторов (например, переносы сроков выполнения работ); правовая поддержка (бесплатное юридическое консультирование для представителей МСП).

Благодаря проведенным мероприятиям за 2020–2021 г. согласно информации министра финансов Республики Крым И. Кивико предоставлено помощи МСП (прямой и косвенной) за указанный период – 14,2 млрд руб.

Как отметила министр в своем выступлении, в 2020 и 2021 гг. властями РК приняты беспрецедентные меры, направленные на оказание поддержки бизнесу. Благодаря этим действиям удалось сохранить сферу занятости населения, что важно, поскольку на указанный период времени занятость населения в данной отрасли – порядка 180 тыс. нанятых работников. И это не предел, поле деятельности здесь весьма обширно. Если обратиться к статистике выплат, отметила министр, то сфера МСП, в наибольшей степени пострадавшая от распространения COVID-2019, смогла сохранить занятость своих работников, получив выплаты в размере суммы минимального размера оплаты труда по 12 130 руб. на каждого.

На федеральном уровне выплачено компенсаций 1,6 млрд руб., на уровне региона выплачено компенсаций, которые получили 18,6 тыс. организаций и индивидуальных предпринимателей – 3,8 млрд. руб., что позволило работодателям сохранить 117,5 тысяч рабочих мест. Кроме того реализована программа кредитования «ФОТ 2.0», по результатам которой списано 2,6 тыс. кредитов на сумму 3,9 млрд руб.

Сектору МСП была оказана также косвенная поддержка, которая заключалась в снижении налоговых ставок и отмены арендной платы за государственное и муниципальное имущество. Она составила 4,9 млрд. руб. [17].

Рассмотрим на примере г. Севастополь и г. Феодосия. Согласно Постановлению Правительства г. Севастополя от 27.03.2020 № 110-ПП [18] к региональным мерам поддержки МСП относятся: льготные микрозаймы и поручительства по договорам, а также отсрочки по их погашению, реструктуризация графиков платежей, снижение процентной ставки по новым микрозаймам для отдельных представителей МСП; процентные каникулы по микрофинансированию от трех до семи месяцев; компенсация расходов производителям средств индивидуальной защиты и дезинфицирующих средств; отсрочка по арендной плате, договорам аренды, земельным участкам.

Подобный правовой акт принят администрацией г. Феодосии, предполагающий освобождение от арендной платы, отсрочка по ее выплате по договорам аренды имущества МСП из отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в результате распространения коронавирусной инфекции, а также отсрочка по выплате задолженности по арендной плате, уменьшение и освобождение от арендной платы по иным видам имущества [19]. Также администрацией города были предусмотрены меры поддержки для МСП, которые давали преференции предпринимателям, размещающим в городе нестационарные торговые точки – при расчете платы по договорам на размещение указанных объектов за 2020 г. был применен коэффициент 0,83 и округление до целого рубля в пользу хозяйствующих субъектов [20].

Таким образом, последовательно для оказания финансовой поддержки предпринимателям Крыма, проведения цикла обучающих семинаров, популяризации предпринимательской деятельности на всех уровнях нормотворчества, в том числе Советом министров Республики Крым, принят ряд нормативных актов, начиная с 2015 г.

по настоящее время, включая вышеупомянутую Стратегию, определяющую особенности социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г.

Обращаясь к статистике, можно констатировать, что благодаря правовому регулированию и реализации мер поддержки МСП, включая меры в сфере налогообложения, значительно увеличилось количество субъектов МСП.

Если на 1 сентября 2015 г. по информации ФНС России в РК Крым зарегистрировано порядка 27,0 тыс. юридических лиц и 57,0 тыс. индивидуальных предпринимателей, на тот же период 2023 г. – 61,80, а также микропредприятий – 60666, малых и средних предприятий – 414 [21]. Результатом указанной деятельности можно считать выделение средств, направленных на финансовую поддержку МСП в Крыму. Начиная с 2015 г. выделено на поддержку МСП в Республике Крым – 22,4 млн. руб., в 2016 – 83,0 млн. руб., в 2017 – 64,7 млн. руб., в 2018 – 114,6 млн. руб., в 2019 – 139,3 млн. руб., в 2020 – 94,75 млн. руб., в 2021 – 8,11 млн. руб. [22].

Важным представляется при рассмотрении мер поддержки МСП и вопрос о финансовой поддержке, оказываемой банками. С 2014 г. в РК применяются специальные программы, которые созданы Агентством кредитных гарантий специально для субъектов МСП. Системообразующий для республики Банк РНКБ выдает кредиты указанным субъектам в рамках соглашения с Агентством. Если обратиться к данным, которые озвучивает банк, то только по итогам 2022 г., при реализации проекта Корпорации МСП (КМСП) индивидуальным предпринимателям и юрлицам выдано более 1300 кредитов в объеме более 3,5 млрд рублей, а поручительства по данным кредитам составили за аналогичный период 1,7 млрд руб. [23].

Анализ авторских исследований, направленных на изучение мер поддержки МСП, позволяет говорить о том, что практически нет специалистов, занимающихся в данной области исключительно теоретизированием. Все, кто изучает данное экономическое и социально-правовое явление, предлагают конкретные пути его совершенствования по нескольким направлениям, а именно: 1) правовое регулирование, в части, касающейся закрепления статуса и мер, направленных на поддержку МСП, например, в налоговой сфере, в сфере управления и т.д.; 2) финансово-экономическое стимулирование, причем меры по рассматриваемому направлению в основном также касаются сферы налогов.

Анализ авторских исследований дает возможность сделать вывод о том, что сегодня к основным недостаткам системы поддержки и налогообложения в России (полагаем возможным экстраполировать эти положения на Республику Крым) для субъектов МСП можно отнести:

1) излишне высокая налоговая и кредитная нагрузка на отрасль МСП (авторы полагают, что именно этот фактор определяет, что в зарубежных странах сфера МСП составляет от 50 до 80% ВВП, а в России всего 20% [24]). Полагаем, что данная статистика показывает заинтересованность государства в развитии сферы МСП, а также дает оценку предпринимаемым в этом направлении мерам, с учетом современных реалий и событий мирового масштаба.

2) Нестабильность законодательства, которое постоянно подвергается изменениям, как было отмечено выше. Следует согласиться, что такое правовое явление вызвано попытками законодателя найти баланс между государственными интересами и потребностями МСП.

3) сложность существующей системы налогообложения, запутанность налоговой отчетности предпринимателей, что требует наличия специальных знаний либо затрат на привлечение специалистов, что не всегда выгодно для МСП, а также влечет наложение штрафов. При этом государство должно предпринимать меры для устранения данных проблем, поскольку одна из его основных задач – создание максимально эффективной системы мер поддержки МСП, включая налогообложение, которая будет обоюдновыгодной.

Интересным представляется предложение, согласно которому необходимо в современных условиях понимать МСП как экосистему, поскольку это некий симбиоз бизнеса и стратегического управления, и существует в быстро меняющихся динамичных условиях. Данная динамика дает возможности совершенствованию путем цифровизации, которая позволит по-новому формировать предпринимательские компетенции (с помощью программ предпринимательского образования в образовательной организации на основе методологии Quality Function Deployment (QFD) [25]. Полагаем, что при этом важным является совершенствование правовых регуляторов в сфере поддержки МСП, которая должна включать не только точечные изменения в действующем законодательстве, а должна представлять собой грамотную комплексную реформу, направленную на создание системы налогообложения, посиленной для отрасли МСП, что, в свою очередь, будет стимулом для роста предприятий и их легализации. Ключевым моментом здесь может стать простота уплаты налогов, что также поможет государству эффективно реализовывать фискальную функцию, повысить мотивацию к развитию у МСП. При этом важным условием функционирования рыночной экономики в Республике Крым также является развитие МСП, что безусловно влияет на регион, изменение структуры общества, на развитие среднего класса, а рассматриваемый нами уникальный правовой опыт будет очень полезен для новых территорий Российской Федерации.

Список литературы:

1. Михайлов А.В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – №6.
2. Бородушко И.В. Экспериментальные правовые режимы как фактор цифровой трансформации инновационной предпринимательской среды // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – №4 (66).
3. Володкевич С. И. К вопросу о формах государственной поддержки малого предпринимательства в регионах в условиях международных санкций // Гуманитарный научный журнал. – 2022. – №3.
4. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ от 30 июля 2007 г. № 31 ст. 4006.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2023) // СЗ РФ от 7 августа 2000 г. № 32 ст. 3340.
6. Официальный портал МСП Республики Крым. [Электронный ресурс] <https://business.rk.gov.ru>.
7. Саврадым В.М., Шулекина Е.Н. Основные направления поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: организационный и финансовый аспекты // Финансовые рынки и банки. – 2022. – №7.
8. Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (утв. постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2014 г. № 1605). URL: [Электронный ресурс]. <http://government.ru/docs/all/105179>, (дата обращения 20.02.2023).
9. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // СЗ РФ от 5 мая 2014 г. № 18 (часть II). Ст. 2162.
10. Закон г. Севастополя от 21.07.2017г. №357-ЗС «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года». 24.07.2017. URL: (<http://pravo.gov.ru>)

11. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 13 октября 2022 г. № 1599-р «Об утверждении Перечня государственных программ Республики Крым, действующего с 1 января 2023 года, и признании утратившими силу некоторых распоряжений Совета министров Республики Крым». URL: [Электронный ресурс]. <https://rk.gov.ru>, (дата обращения 20.02.2023).
12. Федеральный закон от 29.11.2014 № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ от 2014. № 48. Ст. 6658.
13. Закон Республики Крым от 17.08.2014 г. № 30-ЗРК «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Крым» (утратил силу); Закон Республики Крым от 9.01.2017г. №352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года». [Электронный ресурс]. <http://publication.pravo.gov.ru>, (дата обращения 20.02.2023).
14. Приложение № 1 к Постановлению Администрации города Феодосии Республики Крым № 180 от 28.04.2015г. «Положение о Координационном совете по вопросам развития малого и среднего предпринимательства при Администрации города Феодосии Республики Крым». [Электронный ресурс]. <https://feo.rk.gov.ru/ru/document/show/384>, (дата обращения 20.02.2023).
15. Инвестиционный портал Республики Крым. - <https://invest-in-crimea.ru/offer-feodosia>.
16. Указ Главы Республики Крым от 25 марта 2020 года № 75-У «О первоочередных мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Крым в связи с осуществлением мер по противодействию распространению на территории Республики Крым новой коронавирусной инфекции 2019-nCoV». [Электронный ресурс]. <https://rk.gov.ru/ru/document/show/20790>.
17. Кивико И. Объем поддержки малому и среднему бизнесу в Крыму за период пандемии превысил 14,2 млрд рублей // 12.07.2021. [Электронный ресурс]. https://rk.gov.ru/article/show/2021_07_12_13_00_obem_podderzhki_malomu_i_srednemu_biznesu_v_krymu_za_period_pandemii_prevysil_14_2_mld_rublei_irina_kiviko.
18. Постановление Правительства г. Севастополя от 27.03.2020 № 110-ПП «О первоочередных мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства города Севастополя в связи с осуществлением мер по противодействию распространению на территории города Севастополя коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» 27.03.2020г. [Электронный ресурс]. <https://sev.gov.ru/docs/253/102172>.
19. Решение Феодосийского городского Совета 14 сессии 2 созыва от 15.05.2020г. «О первоочередных мерах поддержки организаций, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, являющихся арендаторами имущества (в том числе земельных участков) находящихся в собственности муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым». 15.05.2020г. [Электронный ресурс]. <https://feo.rk.gov.ru/ru/document/show/9102>, (дата обращения 20.02.2023).
20. Постановление Администрации города Феодосии № 1343 от 29.05.2020 «О поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, в части установления условий и сроков отсрочки и уменьшения уплаты по договорам на размещение нестационарных торговых объектов на территории муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым на земельных участках находящихся в муниципальной собственности». 02.06.2020. [Электронный ресурс]. <https://feo.rk.gov.ru/ru/document/show/9178>, (дата обращения 20.02.2023).
21. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Крым по состоянию на 14.02.2023. [Электронный ресурс]. <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=3&ssrf=91>, (дата обращения 20.02.2023).
22. Официальная информация инвестиционного портала Республики Крым по состоянию на 15.02.2023г. // Инвестиционный портал Республики Крым. [Электронный ресурс]. https://invest-in-crimea.ru/node/1315/minfin.rk.gov.ru/ru/structure/2021_05_13_16_09_2021, (дата обращения 20.02.2023).
23. РНКБ выдал 3,5 млрд рублей кредитов предпринимателям в рамках зонтичного механизма предоставления поручительств Корпорации МСП в 2022 году. // Официальный сайт РНКБ Банк (ПАО). 24.01.2023. [Электронный ресурс]. <https://www.rncb.ru/media/news/rncb-vydal-3-5-mlrd-rublej-kreditov-predprinimateliam-v-ramkah-zontichnogo-mehanizma-predostavleniya-poruchitelstv-korporacii-msp-v-2022-godu>, (дата обращения 20.02.2023).
24. Величко Д.А. Малый и средний бизнес в России и мире: главные отличия и тенденции // Инновации и инвестиции. – 2023. – №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyu-i-sredniy-biznes-v-rossii-i-mire-glavnye-otlichiya-i-tendentsii>, (дата обращения 20.02.2023).
25. Зайцева А.С. Поддержка малого и среднего предпринимательства средствами развития предпринимательского образования: автореф. дисс. ... к.ю.н. 08.00.05. г.Москва, «РЭУ им. Плеханова». 2020. [Электронный ресурс]. <https://www.disscat.com/content/podderzhka-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-sredstvami-razvitiya-predprinimatelskogo-obr/read>, (дата обращения 20.02.2023).

Koval V. N., Morozova A. N. Features of legal regulation of measures of support and taxation of subjects of small and medium businesses in part concerning the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 136–146.

This article contains an analysis of the features of the legal regulation of support measures and taxation of small and medium-sized businesses in the part concerning the Republic of Crimea. The main features of the

legal regulation of support measures and taxation in the field under consideration at the federal, regional, local levels are considered, with statistical data on implemented measures and planned, taking into account the rapidly changing socio-political situation and the special situation of the Republic of Crimea as part of the Russian Federation, determined by various factors, including the need to integrate into the legal system due to the relatively recent entry into the state. The main directions proposed by various authors to improve the legal regulation of measures to support small and medium-sized businesses, including in the field of taxation, are considered. The author suggests that the unique experience of the Republic of Crimea in supporting small and medium-sized businesses may be useful for the territories that recently became part of the Russian Federation, since there are similarities - in historical, socio-economic and other areas of development, and there is also no similar experience of other subjects in the analyzed area of relations.

Keywords: small and medium-sized entrepreneurship, legal regulation, entrepreneurship support, Republic of Crimea, taxation, improvement of legal mechanisms.

Spisok literatury:

1. Mihajlov A.V. Reguljatory v sfere dejstvija predprinimatel'skogo prava // Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Ser. Gumanit. nauki. – 2015. – №6. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reguljatory-v-sfere-deystviya-predprinimatel'skogo-prava>.
2. Borodushko I.V. Jeksperimental'nye pravovye rezhimy kak faktor cifrovoj transformacii innovacionnoj predprinimatel'skoj sredy // Leningradskij juridicheskij zhurnal. – 2021. – №4 (66). [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnye-pravovye-rezhimy-kak-faktor-tsifrovoy-transformatsii-innovatsionnoj-predprinimatel'skoj-sredy>, (data obrashhenija 20.02.2023).
3. Volodkevich S. I. K voprosu o formah gosudarstvennoj podderzhki malogo predprinimatel'stva v regionah v uslovijah mezhdunarodnyh sankcij // Gumanitarnyj nauchnyj zhurnal. – 2022. – №3. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formah-gosudarstvennoj-podderzhki-malogo-predprinimatel'stva-v-regionah-v-uslovijah-mezhdunarodnyh-sanktsiy>, (data obrashhenija 20.02.2023).
4. Federal'nyj zakon ot 24 ijulja 2007 g. № 209-FZ «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii» // SZ RF ot 30 ijulja 2007 g. № 31 st. 4006.
5. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 05.08.2000 № 117-FZ (red. ot 29.12.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.02.2023) // SZ RF ot 7 avgusta 2000 g. № 32 st. 3340.
6. Oficial'nyj portal MSP Respubliki Krym. [Jelektronnyj resurs] <https://business.rk.gov.ru>.
7. Savradym V.M., Shulekina E.N. Osnovnye napravlenija podderzhki sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: organizacionnyj i finansovyj aspekty // Finansovyje rynki i banki. – 2022. – №7. URL: [Jelektronnyj resurs]. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-podderzhki-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatel'stva-v-rossijskoj-federatsii-organizatsionnyj-i>.
8. Pravila predostavlenija i raspredelenija subsidij iz federal'nogo bjudzheta bjudzheta sub#ektov Rossijskoj Federacii na gosudarstvennuju podderzhku malogo i srednego predprinimatel'stva, vključaja krest'janskije (fermerskie) hozjajstva, v ramkah podprogrammy «Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva» gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Jekonomicheskoe razvitie i innovacionnaja jekonomika» (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 30 dekabnja 2014 g. № 1605). URL: [Jelektronnyj resurs]. <http://government.ru/docs/all/105179>, (data obrashhenija 20.02.2023).
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelja 2014 g. № 316 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Jekonomicheskoe razvitie i innovacionnaja jekonomika» // SZ RF ot 5 maja 2014 g. № 18 (chast' II). St. 2162.
10. Zakon g. Sevastopolja ot 21.07.2017g. №357-ZS «Ob utverzhdenii Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija goroda Sevastopolja do 2030 goda». 24.07.2017. URL: [Jelektronnyj resurs]. (<http://pravo.gov.ru>),
11. Rasporyazhenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 13 oktjabnja 2022 g. № 1599-r «Ob utverzhdenii Perechnja gosudarstvennyh programm Respubliki Krym, dejstvujushhego s 1 janvarja 2023 goda, i priznanii utrativshimi silu nekotoryh rasporyazhenij Soveta ministrov Respubliki Krym». URL: [Jelektronnyj resurs]. <https://rk.gov.ru>, (data obrashhenija 20.02.2023).
12. Federal'nyj zakon ot 29.11.2014 № 377-FZ «O razvitii Krymskogo federal'nogo okruga i svobodnoj jekonomicheskoy zone na territorijah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja» // SZ RF ot 2014. № 48. St. 6658.
13. Zakon Respubliki Krym ot 17.08.2014 g. № 30-ZRK «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Respublike Krym» (utratil silu); Zakon Respubliki Krym ot 9.01.2017g. №352-ZRK/2017 «O strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Krym do 2030 goda». [Jelektronnyj resurs]. <http://publication.pravo.gov.ru>, (data obrashhenija 20.02.2023).
14. Prilozhenie № 1 k Postanovleniju Administracii goroda Feodosii Respubliki Krym № 180 ot 28.04.2015g. «Polozhenie o Koordinacionnom sovete po voprosam razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva pri Administracii goroda Feodosii Respubliki Krym». [Jelektronnyj resurs]. <https://feo.rk.gov.ru/document/show/384>, (data obrashhenija 20.02.2023).
15. Investicionnyj portal Respubliki Krym. [Jelektronnyj resurs]. <https://invest-in-crimea.ru/offer-feodosia>,

16. Ukaz Glavy Respubliki Krym ot 25 marta 2020 goda № 75-U «O pervoocherednyh merah podderzhki sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva Respubliki Krym v svjazi s osushhestvleniem mer po protivodejstviju rasprostraneniu na territorii Respubliki Krym novoj koronavirusnoj infekcii 2019-nCoV». [Jelektronnyj resurs]. <https://rk.gov.ru/document/show/20790>, (data obrashhenija 20.02.2023).
17. Kiviko I. Ob#em podderzhki malomu i srednemu biznesu v Krymu za period pandemii prevysil 14,2 mlrd rublej // 12.07.2021. [Jelektronnyj resurs]. https://rk.gov.ru/article/show/2021_07_12_13_00_obem_podderzhki_malomu_i_srednemu_biznesu_v_krymu_za_period_pandemii_prevysil_14_2_mlrd_rublei_irina_kiviko, (data obrashhenija 20.02.2023).
18. Postanovlenie Pravitel'stva g. Sevastopolja ot 27.03.2020 № 110-PP «O pervoocherednyh merah podderzhki sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva goroda Sevastopolja v svjazi s osushhestvleniem mer po protivodejstviju rasprostraneniu na territorii goroda Sevastopolja koronavirusnoj infekcii (2019-nCoV)» 27.03.2020g. [Jelektronnyj resurs]. <https://sev.gov.ru/docs/253/102172>.
19. Reshenie Feodosijskogo gorodskogo Soveta 14 sessii 2 sozyva ot 15.05.2020g. «O pervoocherednyh merah podderzhki organizacij, individual'nyh predprinimatelej i fizicheskikh lic, javljajushhihsja arendatorami imushhestva (v tom chisle zemel'nyh uchastkov) nahodjashhihsja v sobstvennosti municipal'nogo obrazovanija gorodskoj okrug Feodosija Respubliki Krym». 15.05.2020g.
20. Postanovlenie Administracii goroda Feodosii № 1343 ot 29.05.2020 «O podderzhke sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva, v chastii ustanovlenija uslovij i srokov otsrochki i umen'shenija uplaty po dogovorom na razmeshhenie nestacionarnyh togovykh ob#ektov na territorii municipal'nogo obrazovanija gorodskoj okrug Feodosija Respubliki Krym na zemel'nyh uchastkah nahodjashhihsja v municipal'noj sobstvennosti». 02.06.2020. [Jelektronnyj resurs]. <https://feo.rk.gov.ru/document/show/9178>, (data obrashhenija 20.02.2023).
21. Edinyj reestr sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva Respubliki Krym po sostojaniju na 14.02.2023. [Jelektronnyj resurs]. <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=3&ssrf=91>.
22. Oficial'naja informacija investicionnogo portala Respubliki Krym po sostojaniju na 15.02.2023g. // Investicionnyj portal Respubliki Krym. [Jelektronnyj resurs]. https://invest-in-crimea.ru/node/1315/minfin.rk.gov.ru/ru/structure/2021_05_13_16_09_2021, (data obrashhenija 20.02.2023).
23. RNKB vydal 3,5 mlrd rublej kreditov predprinimateljam v ramkah zontichnogo mehanizma predostavlenija poruchitel'stv Korporacii MSP v 2022 godu. // Oficial'nyj sajt RNKB Bank (PAO). 24.01.2023.
24. Velichko D.A. Malyj i srednij biznes v Rossii i mire: glavnye otlichija i tendencii // Innovacii i investicii. – 2023. – №1.
25. Zajceva A.S. Podderzhka malogo i srednego predprinimatel'stva sredstvami razvitija predprinimatel'skogo obrazovanija: avtoref. diss. ... k.ju.n. 08.00.05. g.Moskva, «RJeU im. Plehanova». 2020.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – С. 147–155.

УДК 342

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Кудовба О. Н., Куряшкин А. Н.

В статье автор анализирует проблемные вопросы и особенности, складывающиеся в сфере административной ответственности за правонарушения в области обеспечения безопасности дорожного движения. Дает рекомендации, которые помогут добиться наиболее эффективной, своевременной и успешной работы сотрудников органов внутренних дел по предотвращению и пресечению правонарушений в рассматриваемой области, а также будут способствовать достижению максимальной эффективности в решении вопросов обеспечения производства по делам об административных правонарушениях указанной категории, неотвратимости наказания, а также обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, административное производство, административное расследование, Европротокол, должностное лицо, транспортное средство, правила дорожного движения.

Одним из важнейших направлений политики России выступает обеспечение транспортной безопасности как комплексной категории, а также многоаспектного явления, в центре которого находится автомобильный транспорт, от правильности эксплуатации которого зависят жизнь и здоровье граждан. Казалось бы, этот факт должен был бы вызывать у каждого дополнительную ответственность, но, фактически, наблюдается постоянное увеличение смертности граждан от травм, полученных в результате дорожно-транспортных происшествий. Несмотря на постоянное совершенствование единой технической политики в области упорядочивания дорожного движения и предупреждения дорожно-транспортных происшествий, данная проблема остается достаточно острой [1, с. 115-123].

Многие специалисты сходятся во мнении, что дорожно-транспортные происшествия следует рассматривать как негативный, но в тоже время неотъемлемый фактор эксплуатации транспортных средств [2, с. 33-35], к которым следует относить различные технические устройства, хотя в законодательстве не дается единого понятия транспортного средства [3, с. 137-151]. Согласно исследованиям Всемирной организации здравоохранения (далее ВОЗ) в рейтинге стран по уровню смертности в дорожно-транспортных происшествиях Россия занимала 72 место [4]. Среди стран постсоветского пространства наше государство по данному показателю занимала второе место (Таджикистан – 18,1; Россия – 18; Казахстан – 17,6) [4]. Статистические сведения международного характера позволяют также утверждать, что ни одной стране в мире, не смотря на различные методы и средства предотвращения смертности в результате дорожных аварий, не удалось свести к нулю показатель рассматриваемого явления.

Анализ проведенного ВОЗ исследования в области дорожно-транспортных происшествий позволяет утверждать, что ежегодно в мире происходит более одина-

дцати миллионов дорожных аварий, в которых погибает более одного миллиона человек [4]. Из этого можно сделать вывод, что каждая одиннадцатая автомобильная авария приводит к смерти человека.

На сегодняшний день уровень смертности на дорогах представляет собой предмет пристального изучения современной науки. Фактор повышенной смертности на дорогах является одной из причин сокращения населения.

Высокий уровень смертности на российских дорогах обуславливает необходимость постоянного совершенствования сил и средств по предотвращению наступления столь негативного последствия эксплуатации транспортных средств. Ежегодно на рассмотрение Государственной Думы вносятся множество проектов по оптимизации законодательства в сфере предотвращения дорожно-транспортных происшествий на российских дорогах. Анализ отечественной государственной политики в области снижения уровня дорожных происшествий и, как следствие этого, предотвращения наступления негативных последствий позволил установить основные механизмы регулирования данной сферы.

Цель деятельности субъектов системы обеспечения безопасности дорожного движения заключается в «исключении реальных и потенциальных угроз для участников дорожного движения, обеспечении степени и качества их защищенности от дорожно-транспортных происшествий» [5, с. 116-122].

Важное место в борьбе с дорожным травматизмом занимают меры административно-правовой охраны, направленные на предупреждение и предотвращение тяжелых последствий в сфере безопасности дорожного движения. Данный вид мер постоянно совершенствуется, что находит отражение в изменениях административного законодательства и практике его реализации.

Одним из наиболее действенных способов снижения числа дорожно-транспортных происшествий является, по нашему мнению, борьба с их причинами.

В этой связи ужесточается ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного или иного опьянения. Сам факт ужесточения наказания за совершение данного административного правонарушения уже приводит к профилактике данных административных правонарушений и приводит к снижению случаев управления автомобилем в нетрезвом виде. Как отмечали С.В. Лихачен и Н.С. Ракша, факт применения принуждения выступает одним из основных элементов механизма обеспечения законности, усиления общественной безопасности и общественного порядка в целом, и в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в частности [1, с. 115].

Именно боязнь быть наказанным побуждает наших граждан более внимательно относиться к соблюдению существующих требований в области обеспечения безопасности дорожного движения. В связи с этим повсеместное внедрение камер фиксации соблюдения скоростного режима, приоритета полос положительно влияют на снижение уровня дорожно-транспортных происшествий.

Проводимая политика ужесточения наказания за совершение административных правонарушений, повсеместное внедрение средств фотофиксации наиболее распространенных нарушений правил дорожного движения, проведение активной пропаганды безопасности дорожного движения – все это способствует снижению количества дорожно-транспортных происшествий на российских дорогах. На сегодняшний день наметилась положительная тенденция в области обеспечения безопасности до-

рожного движения [6]. Несмотря на проведение комплекса мероприятий по снижению уровня аварийности на российских дорогах, показатель ДТП остается на достаточно высоком уровне. Анализ практики административных расследований в рассматриваемой сфере позволяет выявить иные причины и осуществить поиск новых путей решения данной проблемы.

Административное расследование правонарушений в сфере дорожно-транспортных происшествий представляет собой деятельность уполномоченных на то должностных лиц, выражающаяся в производстве установленной административным законодательством взаимосвязанных действий, целью которых является установление всех обстоятельств происшедшего, необходимых для вынесения справедливого и законного решения. Административное расследование правонарушений в сфере дорожно-транспортных происшествий заключается в следующих взаимосвязанных этапах: возбуждение дела; установление фактических обстоятельств дела; процессуальное оформление результатов расследования; направление материалов по подведомственности.

Особенности административного расследования рассматриваемой категории дел заключаются в том, что: законодатель устанавливает обязанность производства осмотра места совершения административного правонарушения при установлении факта причинения вреда здоровью в результате административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения; протокол осмотра места правонарушения наряду с результатами экспертизы является одним из ключевых элементов доказательной базы по фактам причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью в результате ДТП; срок проведения расследования правонарушений в сфере дорожно-транспортных происшествий по общему правилу составляет один месяц, однако, законодатель устанавливает случаи и порядок, когда данный срок может быть продлен до шести месяцев.

В ходе расследования должностное лицо, осуществляющее производство по делу, обращается к гл. 12 КоАП РФ [7]. Законодательно закреплены почти все виды аварий: при столкновении; вследствие опрокидывания; в случае наездов на препятствие, пешехода, велосипедиста, стоящее транспортное средство, животное; во время падения пассажира; прочие дорожно-транспортные происшествия. Относительно причин можно выделить два основных блока: субъективные (зависящие от человеческого фактора) и объективные (появление которых не зависит от субъекта). На практике авариям зачастую предшествуют обе причинные группы.

Столкновение представляет собой событие, в результате которого пострадали несколько автомобилей либо автомобиль и рельсовый вид транспорта. Столкновения могут быть попутными, встречными либо боковыми. Каких-либо конкретных причин, вызывающих данный вид аварии выявить невозможно.

Под опрокидыванием понимается авария, при которой транспортное средство перевернулось во время движения. Причины этому могут быть как объективные (плохая погода, поломка транспортного средства), так и субъективные (нарушение правил дорожного движения, в том числе нарушение правил перевозки грузов). Если же транспортное средство опрокинулось в результате столкновения, то данной категории аварий такое событие отнесено не будет.

Следующим видом выступает наезд. По объекту наезды подразделяются на: наезд на препятствие (случай, при котором происходит столкновение со стационар-

ным объектом транспортного средства, находящегося в движении. К данному виду относятся и те случаи, когда при перевозке пассажира он получил травму в результате наезда на какой-либо предмет (например, барьер)); наезд на пешехода (в данном случае не имеет значение, где он находился, а также того, кто явился виновником аварии); наезд на велосипедиста (аналогично наезду на пешехода).

Рассмотрим подробнее условия признания правонарушения дорожно-транспортным происшествием. Первым условием выступает совершение аварии на проезжей части, то есть, если столкновение транспортных средств произошло в поле, то дорожно-транспортным происшествием оно не является.

Второе условие заключается в том, что участником ДТП должно выступать движущееся транспортное средство. Не будет являться ДТП ситуация, при которой на стоящее транспортное средство упадет дерево либо оно станет предметом, в отношении которого будут совершены хулиганские действия.

Чаще всего причиной аварий выступает несоблюдение Правил дорожного движения, а именно: вождение транспортного средства в состоянии опьянения; игнорирование водителем скоростного режима, требований к перевозке детей, обязательной проверки исправности транспортного средства перед ездой; проезд на запрещающий сигнал светофора.

Бывают случаи, когда ДТП происходят в результате игнорирования водителем состояния усталости, изменения погодных условий.

Еще одними субъективными факторами совершения аварий выступают: беседы водителя по мобильному телефону или с пассажирами; курение и употребление пищи за рулем; использование неудобной обуви; отвлечение водителя посредством настройки радио. Объективными причинами ДТП выступают: плохое дорожное покрытие; неправильно припаркованный автомобиль; растения, закрывающие знаки; плохая освещённость участка дороги. Должностное лицо, осуществляющее производство по делу, должно учитывать все эти факторы при поиске и фиксации следов преступления. Действующее законодательство предусматривает несколько степеней тяжести вреда здоровью, который может быть причинен в результате противоправной деятельности: легкий, средней тяжести, тяжкий.

В большинстве случаев вред, причиненный в результате ДТП, не имеет тяжких последствий, чаще всего связан с нарушением целостности и конструкции транспортного средства, ответственность за причинение которого предусмотрена как административным, так и гражданско-правовым законодательством. За причинение легкого и среднего вреда здоровью ответственность устанавливается также административным законодательством, за тяжкий вред здоровью в результате ДТП уголовным законодательством. Также уголовная ответственность предусматривается в случае, если ДТП повлекло смерть участника дорожного движения [8].

В судебные органы обращаются пострадавшие пешеходы с требованием о возмещении водителем причиненного им физического и морального вреда. В таком случае сумма ущерба определяется в индивидуальном порядке [9].

Положения действующего законодательства также предусматривают возможность оформления аварии по Европротоколу (без вызова сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД), если в результате столкновения повреждения получили только транспортные средства, на оба автомобиля оформлены полисы ОСАГО, ущерб не был причинен третьим лицам [10].

Встречаются случаи, когда пешеходы умышленно бросаются под колеса движущихся транспортных средств, чтобы в дальнейшем получить с водителя компенсацию, поэтому водители должны быть особо внимательны в процессе передвижения, а также рекомендуется иметь в транспортном средстве регистратор.

Бывают случаи, когда, выезжая с заполненной парковки, водитель может повредить другой автомобиль, даже не заметив этого и уехать. В данном случае водитель пострадавшего транспортного средства вызывает сотрудников государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, которые возбуждают дело об административном правонарушении по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за оставление места ДТП.

В процессе реализации правоохранительных функций отечественные органы правопорядка нередко сталкиваются с необходимостью проведения процессуального расследования в связи с совершением некоторых административных правонарушений. Анализ действующего административного законодательства свидетельствует о том, что необходимость проведения административного расследования обуславливается отсутствием у правоприменителя возможности в кратчайшие сроки провести необходимые действия для установления обстоятельств происшедшего. Законная и справедливая государственно-правовая реакция на нарушение норм административного законодательства зависит от своевременной фиксации следов правонарушения.

Административное расследование правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения в настоящее время представляет собой одну из наиболее трудоемких и в тоже время проблемных сфер административной деятельности отечественных органов внутренних дел. Анализ деятельности подразделений органов внутренних дел, уполномоченных на проведение административного расследования правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения, свидетельствует о том, что установление необходимых для принятия законного и справедливого решения обстоятельств отягощается необходимостью проведения процессуальных действий, требующих значительных временных затрат. Длительность и целесообразность проведения некоторых из них в настоящее время обуславливает наличие определенных споров в научных кругах.

Поводы к возбуждению дела об административном правонарушении определены в ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ. При этом важным аспектом на данном этапе, да и в течение всего производства являются доказательства по делу. Достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, непосредственно обнаруженные должностным лицом, после их фиксации в протоколе становятся доказательствами по делу, как и информация, полученная в ходе опроса от свидетеля или очевидца. Отметим, что из перечисленных в ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ поводов к возбуждению дела об административном правонарушении в деятельности ГИБДД наиболее распространено непосредственное обнаружение должностными лицами признаков административного правонарушения [7].

Следует отметить, что производство по делам об административном правонарушении может быть осуществлено и в упрощенной форме. В данном случае постановление по делу об административном правонарушении о назначении административного наказания в виде предупреждения или административного штрафа выносится на месте. Альтернативой этому производству является «обычная» форма, ко-

гда вынесению постановления предшествует составление протокола об административном правонарушении.

При этом важным моментом является обязанность должностного лица ГИБДД правильно и в полном объеме составить протокол об административном правонарушении. Нарушение этого требования может привести к дальнейшему признанию протокола не допустимым доказательством, а значит и к тому, что виновное лицо избежит ответственности.

На основании ст. 28.2 КоАП РФ составление протокола о совершении административного правонарушения является обязательным, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1, 1.1 и 3 ст. 28.6 КоАП РФ [7]. Законодатель допускает назначение административного наказания без составления протокола, в случае, если в лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, не оспаривает наличие события административного правонарушения и (или) назначенное ему административное наказание.

Особая форма производства по делу об административном правонарушении предполагает проведение административного расследования в соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ [7]. Известно, что административное расследование подразумевает систему мероприятий, процессуальных действий, которые направлены на сбор, фиксацию и исследование доказательств. При этом административное расследование рассматривается законодателем как совокупность различных процессуальных действий. Помимо экспертизы, их наименования не определены. Указанное обстоятельство может привести к различному толкованию правовой нормы и, соответственно, неоднозначности выводов и решений.

Административное расследование проводится по месту совершения или выявления административного правонарушения.

Отметим ряд проблем, подлежащих решению. Так, законодателем не определен конкретный круг лиц, уполномоченных проводить административное расследование, что требует внесения изменений в ст. 28.7 КоАП РФ и соотнесение ее с положениями, определяющими подведомственность. Также необходимо более конкретно определить процессуальные действия, подлежащие проведению в ходе административного расследования, и определить порядок их проведения.

Что же касается стадии возбуждения дела, то необходимо обеспечить реализацию права на защиту лица, подвергаемого «административному преследованию» с момента возникновения у сотрудника полиции «подозрений» о том, что это лицо совершило административное правонарушение. Решение данной проблемы представляется в том, чтобы еще до момента составления протокола разъяснить право на защиту лицу, с составлением соответствующего протокола.

Говоря о существующих проблемах производства административного расследования правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения, следует отметить неоднозначное место и роль осмотра места административного правонарушения. В соответствии с действующим законодательством данная процедура присуща проведению административного расследования правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ.

До настоящего времени потенциал данного процессуального действия в рамках расследования иных видов правонарушений не исследован до конца. Расширение возможности проведения данного осмотра, по нашему мнению, расширило возмож-

ности правоприменителей и способствовало совершенствованию расследования некоторых административных правонарушений.

При этом нормы, регламентирующие основания и порядок проведения данного осмотра в ходе проведения административного расследования указанных законодателем правонарушений также вызывает ряд вопросов. Законодатель указывает в качестве юридического основания начала процедуры административного расследования – составление определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. Но, при этом, также закрепляя положения о необходимости в случае установления факта причинения вреда здоровью в результате дорожно-транспортного происшествия составлять первый процессуальный документ – протокол осмотра места совершения административного правонарушения. Подобная ситуация обуславливает наличие в научных кругах споров по поводу того следует ли должностному лицу выносить соответствующее определение в том случае, если административное расследование началось с момента составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения.

Одной из главных задач для сотрудников ГИБДД при административном расследовании дорожно-транспортных происшествий является установление причин ДТП, что способствует установлению объективной истины. На практике для большинства ДТП, как правило, характерны различные неблагоприятные субъективные и объективные факторы, которые указывают на необходимость установления всех свидетелей и очевидцев происшествия.

На месте происшествия очень важно правильно оформить все документы о ДТП, качественно собрать, правильно истолковать и зафиксировать все необходимые сведения без каких-либо искажений, поскольку все это будет рассматриваться на всех этапах расследования и влиять на результат расследования. Что касается участников ДТП, то они, в свою очередь, должны внимательно наблюдать, по возможности, за всеми действиями инспектора на месте происшествия, давать необходимые объяснения по существу заданных вопросов, требовать от сотрудника ГИБДД устранения ошибок и неточностей при составлении материалов, если они имеются, а также внесения различных дополнений, заявлений, имеющих отношение к делу.

Порядок проведения осмотра места административного происшествия определяется криминалистическими правилами и зависит от особенностей местности (осмотр от периферии к центру или от центра к периферии; осмотр по участкам). Соблюдение предъявляемых к осмотру места происшествия криминалистических правил способствует наиболее полному отражению обстановки и механизма административного правонарушения, процессуальное закрепление которого необходимо для принятия законного и справедливого итогового решения.

В процессе проведения осмотра места административного правонарушения необходимо оценить общую обстановку дорожно-транспортного происшествия, которая может свидетельствовать о наличии либо отсутствии неправомерного поведения других участников дорожного движения. Целесообразно также оценить удаленность места дорожно-транспортного происшествия от жилых домов и иных мест возможного нахождения людей, что может помочь в отыскание свидетелей и очевидцев.

Рассмотрение тактических особенностей проведения осмотра места дорожно-

транспортного происшествия позволило установить, что наибольший результат возможно достичь при незамедлительности его проведения. В данном случае время играет против правоприменителя. С течением времени следы дорожно-транспортного происшествия утрачиваются (лица, участвующие в ДТП, могут переместить поврежденные транспортные средства, убрать поврежденные части транспортного средства с дорожного полотна), что, в свою очередь, затрудняет процесс установления механизма административного правонарушения. Погодные условия также могут негативно отразиться на качестве осмотра места совершения дорожно-транспортного происшествия (осадки могут смыть следы торможения).

Существенному улучшению неутешительного состояния в сфере обеспечения безопасности на российских дорогах могло бы способствовать проектирование и строительство автодорог с обязательным учетом и расчетом интенсивности движения, обеспечение максимального исключения конфликтных точек (пересечение в одном уровне), разделение транспортных и пешеходных дорожек, создание велодорожек. При этом планы строительства дорог должны учитывать перспективные направления развития улично-дорожной сети. Помимо этого также необходимо уделять особое внимание улучшению условий видимости на автодорогах, повышению обзорности пересечений проезжих частей, улучшению освещенности улиц и дорог, повышению качества дорожного полотна, применению современных технологий строительства, позволяющих повысить в зимнее время сцепных качеств покрытия.

При рассмотрении особенностей профилактических мер группового и индивидуального характера, следует отметить роль и значение правоохранительных органов. В настоящее время вопросам профилактики административных правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения уделяется недостаточное внимание со стороны правоохранительных органов. На сегодняшний день в виду чрезмерной загруженности сотрудники подразделений ОВД, призванных обеспечивать общественный порядок, не в состоянии уделить должное внимание профилактике данной категории правонарушений.

Формальное отношение к проведению профилактических мероприятий по предотвращению дорожно-транспортных происшествий путем выработки надлежащего уровня правосознания негативно отражается на динамике правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения. Правоохранительным органам необходимо усилить ведомственный контроль за профилактической рассматриваемой группы правонарушений, создать условия качественного взаимодействия с иными государственными органами и общественными объединениями, а также уделить особое внимание наиболее уязвимым категориям граждан (несовершеннолетним, лицам, систематически нарушающим правила дорожного движения).

В центре профилактических мероприятий, прежде всего, должны находиться водители транспортных средств. Сегодня существующие меры профилактического воздействия в основном реализуются односторонне силами управомоченных на то государственных органов и должностных лиц, между тем в этот процесс активнее надо вовлекать и институты гражданского общества, и в том числе самих водителей, а также их ассоциации.

Список литературы:

1. Лихачёв С.В., Ракша Н.С. Основные правила обеспечения безопасности дорожного движения в конструкции механизма административного принуждения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). No 3. С. 115-123.
2. Поляков Дмитрий Николаевич Понятие и причины дорожно-транспортных происшествий // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 16.
3. Сапега В.А., Яшнова С.Г. К вопросу о понятии транспортного средства в российском законодательстве // Власть закона. – 2021. – № 4 (48). – С. 137-151 (дата обращения: 23.01.2023).
4. Доклад о глобальной дорожной безопасности // https://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/report/ru (дата обращения: 23.01.2023).
5. Майоров В.И. Классификация рисков, возникающих в сфере дорожного движения / В.И. Майоров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.-2018.-№6.-С.116-122.
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru>.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 11.01.2023 г.) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 23.01.2023).
8. Кашкаров А.А. Особенности административной и уголовной ответственности пешеходов или иных лиц, участвующих в процессе дорожного движения (кроме водителей механических транспортных средств, предусмотренных ст. 264 УК РФ)// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). No 3. С. 108-114.
9. Какое наказание предусмотрено за наезд на пешехода? URL: <https://shtrafy-gibdd.ru/articles/shtraf-za-naezd-na-peshehoda> (дата обращения: 23.01.2023).
10. Суд постановил, что не всякое столкновение автомобилей следует считать ДТП. URL:<https://rg.ru/2019/09/23/sud-obiasnil-kakoe-stolknovenie-avtomobilej-schitaetsia-dtp.html>.

O.N. Kudovba. On some aspects of the investigation of administrative offenses in the field of road safety // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 147-155.

In the article, the author analyzes problematic issues and features emerging in the field of administrative responsibility for offenses in the field of road safety. Gives recommendations that will help to achieve the most effective, timely and successful work of law enforcement officers to prevent and suppress offenses in the area under consideration, and will also contribute to achieving maximum efficiency in solving issues of ensuring proceedings in cases of administrative offenses of this category, the inevitability of punishment, as well as ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of citizens.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, traffic safety, traffic accident, administrative proceedings, administrative investigation, Euro protocol, official, vehicle, traffic rules.

Spisok literatury:

1. Lihachyov S.V., Raksha N.S. Osnovnye pravila obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v konstrukcii mekhanizma administrativnogo prinuzhdeniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8 (74). No 3. S. 115-123.
2. Polyakov Dmitriy Nikolaevich Ponyatie i prichiny dorozhno-transportnyh proissheshtvij // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2011. № 16.
3. Sapega V.A., YAshnova S.G. K voprosu o ponyatii transportnogo sredstva v rossijskom zakonodatel'stve // Vlast' zakona. – 2021. – № 4 (48). – S. 137-151 (data obrashcheniya: 23.01.2023).
4. Doklad o global'noj dorozhnoj bezopasnosti // https://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/report/ru.
5. Majorov V.I. Klassifikaciya riskov, vznikayushchih v sfere dorozhnogo dvizheniya / V.I. Majorov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. - 2018. - № 6. - S. 116-122.
6. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki // <https://rosstat.gov.ru>.
7. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (v red. ot 11.01.2023 g.) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 23.01.2023).
8. Kashkarov A.A. Osobennosti administrativnoj i ugolovnoj otvetstvennosti peshekhodov ili inyh lic, uchastvuyushchih v processe dorozhnogo dvizheniya (krome voditelej mekhanicheskikh transportnyh sredstv, predusmotrennyh st. 264 UK RF)// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8 (74). No 3. S. 108-114 (data obrashcheniya: 23.01.2023).
9. Kakoe nakazanie predusmotreno za naezd na peshekhoda? URL: <https://shtrafy-gibdd.ru/articles/shtraf-za-naezd-na-peshehoda> (data obrashcheniya: 23.01.2023).
10. Sud postanovil, chto ne vsyakoe stolknovenie avtomobilej sleduet schitat' DTP. URL:<https://rg.ru/2019/09/23/sud-obiasnil-kakoe-stolknovenie-avtomobilej-schitaetsia-dtp.html>.

УДК 340.11

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРАВЫХ РЕЖИМОВ

Пикина Т. В.

**ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний»**

С современный период времени научные подходы о понятии реализации права носят дискуссионный характер, но, не смотря на сложный государственный механизм, обеспечивающий реализацию права, теоретические основы реализации права при возникновении правовых режимов не в достаточной степени «узаконены» в юриспруденции. Научное рассмотрение реализации права при возникновении правовых режимов имеет ценность для практической реализации прав граждан, так как создание единого понимания к системе «режима правоореализации» позволит применять его в современных изменчивых условиях.

В настоящей статье автор исследует теоретико-правовые подходы к определению понятия «реализация права», по результатам которого, автор делает вывод о данном термине, рассматривает механизм реализации права и формы реализации права. Исследование научных мыслей рассматриваемого вопроса позволяет сформулировать определения понятия «реализация права», «механизм реализации права» и «режим правоореализации».

Ключевые слова: реализация права, механизм реализации права, формы реализации права, правоореализация, режимы правоореализации.

При рассмотрении вопросов связанных с режимами реализации прав граждан, следует обратить внимание на такую теоретико-правовую категорию как «реализация права».

Термин «реализация права» стал активно использоваться отечественной теоретико-правовой наукой с начала 60-х годов XX в. [2, с. 93; 20, с. 26]. В настоящее время различные подходы к понятию «реализация права» являются одними из дискуссионных вопросов в юриспруденции. Отмечая значимость вопросов реализации права, В.В. Лазарев отмечал, что «ценность предписаний, содержащихся в нормах права, приобретает реальное значение лишь при условии воплощения их в конкретных общественных отношениях» [9, с. 12].

Происхождение понятия «реализация права» берет свое начало от латинского слова «realis», что в переводе означает вещественный, овеществление. То есть, можно констатировать, что право «овеществляется» в поведении личности, а так как правом люди могут пользоваться только в условиях существования государства, то именно поведение личности по овеществлению своих прав является естественно образующей составляющей существования государственности. Именно такая способность права, характеризуется повышенной способностью к реализации и обеспечено гарантиями государства.

На реализацию права оказывают влияние различные факторы, среди них социально-культурные, политические, экономические факторы, также огромное влияние на реализацию права оказывает деятельность государственных органов и степень разработанности гарантий обеспечения прав граждан [34, с. 111].

Проблемам реализации права посвящено немало работ, но авторы привносят в рассматриваемый термин все новые и новые черты и описывают все новые особенности реализации права в различных областях юриспруденции. Таким образом, единый теоретический подход к понятию, содержанию и сущности данного правового явления еще не выработан.

Так, В.М. Сырых определяет реализацию права как: «деятельность членов гражданского общества и государства, его органов по переводу действующих норм права в конкретные правоотношения» [26].

Схожую позицию занимает Л.Н. Завадская, которая считает, что «правоореализация понимается как претворение предписаний правовых норм в конкретных действиях субъектов. Эти предписания осуществляются путем правомерного поведения, не выходящего за рамки

дозволенного законом, иными нормативно-правовыми актами. Такое видение проблемы ориентирует на правомерность деятельности субъектов и на эталон этой правомерности – норму...» [8, с. 86].

Ф.Н. Фаткуллин под реализацией правовых норм понимает: «воплощение в регулируемых ими общественных отношениях всего того, что в этих нормах заложено» [32, с. 336].

А.В. Малько под реализацией права понимает: «необходимую сторону жизни, существования права, которая состоит в фактическом осуществлении предписаний правовых норм в поведении субъектов в четырех формах: соблюдении, исполнении, использовании и применении» [10].

В.В. Лазарев рассматривает реализацию права как «деятельность, согласную с выраженной в законе волей. При этом реализация права понимается им двояко: как процесс и как конечный результат» [9, с. 12]. С точки зрения В.В. Лазарева, реализация права означает «достижение полного соответствия между нормой права и фактически совершенными субъектом права действиями» [9, с. 12].

Различные подходы к определению реализации права (ряд авторов называют их правореализацией) подтверждают наше утверждение, что единого мнения по данному вопросу не выработано, но нашему мнению более полное определение, охватывающее в полном объеме все особенности реализации права, приводит Н.Н. Арзамаскин и др., который связывает реализацию права с использованием субъектом своих прав, исполнением юридических обязанностей, соблюдением запретов [5, с. 32; 10, с. 94; 34].

Теоретический анализ различных подходов к пониманию реализации права позволяет сделать вывод о том, что реализация права является заключительной стадией правового регулирования, при котором субъекты правоотношений осуществляют свои права, исполняют свои обязанности и соблюдают запреты.

Реализация права происходит с помощью различных форм, которые имеют важнейшее значение для нашего исследования.

Одной из форм реализации права является *использование*, под которым традиционно понимается осуществление возможностей, вытекающих из дозволений [4, с. 176].

При этом Т.В. Милушева справедливо обращает внимание на «некоторую ограниченность данного определения, поскольку гражданам дозволяется все, что не запрещено. Поэтому, отсутствие само по себе уже означает разрешение (дозволение)» [12, с. 28].

Исполнение как форма реализации при котором лицо обязано четко придерживаться предписанию, установленному соответствующей обязывающей нормой, в случае не исполнения которых возникают отношения в виде юридической ответственности.

По мнению С.С. Алексеева «именно исполнение как форма реализации в наиболее точном, предельно строгом смысле отражает суть процесса реализации права, поскольку в нормах права, содержащих обязывающее предписание, заложена конкретная модель поведения субъектов, которая впоследствии должна быть реализована в их фактическом поведении» [Алексеев 1994: 177].

Посредством *соблюдения* происходит реализация норм, устанавливающих запреты, с которыми соотносят свои действия субъекты права. Данная форма правореализации в подавляющем большинстве случаев состоит в пассивном поведении субъекта права, состоящем в воздержании от совершения определенных действий, совершение которых запрещено, хотя в науке высказываются и другие мнения. Так, А.В. Осипов связывает «соблюдение права с активным исполнением требований норм права всеми субъектами общественных отношений» [19].

Говоря о правореализации в форме соблюдения, необходимо отметить, что в отечественной теории права не получил однозначного ответа вопрос о том, как протекает соблюдение права: в рамках правоотношения или за его рамками. Так, одни авторы утверждают, что правовые запреты реализуются вне правоотношений [1, с. 89-92; 15, с. 6; 22, с. 73; 33, с. 56;

34, с. 111], другие же, наоборот, полагают, что данная форма правореализации протекает непосредственно в правоотношении [11, с. 92-94; 21, с. 95-97; 25, с. 315; 13].

Необходимо отметить, что разновидность соблюдения права достаточно близко примыкает к такой форме реализации права как исполнение, поскольку норма, устанавливающая запрет на бездействие всегда сопровождается соответствующим позитивным обязыванием.

Попадающее большинство граждан соблюдают запреты, установленные нормами права. Однако их мотивация при этом может быть весьма различной. Так, многие осознанно соблюдают запреты по своему внутреннему убеждению, в связи с правомерностью и полезностью такого поведения. Другие не нарушают установленные запреты неосознанно, по привычке. Так, А.Б. Венгеров обращает внимание на то, что соблюдение права может являть собой осознанное или неосознанное поведение по привычке: «так поступают все свои», «так положено» и т.п. [6]. Кроме того, велико и число тех, кто воздерживается от противоправного поведения, опасаясь возможных юридических санкций, либо морального осуждения со стороны других членов общества [17, 92-139].

Таким образом, правоприменение действительно стоит особняком в системе форм правореализации, поскольку субъектами ее являются не граждане, непосредственно реализующие свои права и свободы и исполняющие возложенные на них обязанности, а уполномоченные государством органы и должностные лица. В этой связи данная форма реализации права представляет меньший интерес с точки зрения проблематики настоящего диссертационного исследования и в более подробной характеристике не нуждается.

Подводя итог рассмотрению вопроса о формах правореализации, необходимо обратить внимание на особенность в их классификации. Так, С.С. Алексеев отмечал, что «указанные формы реализации могут рассматриваться только в единстве, в сочетании и в зависимости от типа правового регулирования» [4, с. 178].

Изучение вопросов реализации прав граждан и ее режимов требует исследования еще одного тесно связанного с ними правового явления – механизма реализации права. Как справедливо отмечает Ю.С. Решетов «от понимания правореализации как претворения, практического осуществления требований права до уяснения ее механизма – огромная дистанция, на которой необходимо преодолеть целый комплекс вопросов, в том числе и узловых» [23, с. 9].

По мнению В.В. Лазарева «многоаспектный анализ реализации права позволяет представить ее в качестве определенного механизма, в котором наибольший интерес вызывают методы обеспечения данного процесса и те формы, в которых он протекает» [9, с. 8-9].

А.В. Олефиренко под механизмом реализации права понимает «конкретное социальное устройство, которое функционирует в определенных формах человеческой деятельности, направленной на удовлетворение определенных потребностей и интересов» [17, с. 13, 18].

Несколько иная трактовка механизма правореализации предложена Ю.С. Решетовым. Механизм реализации права автор характеризует как «систему определенных видов правомерной деятельности участников общественных отношений, образованной не институциональными элементами и субстанциональными средствами, а правовыми явлениями – процессами, входящими в механизм правореализующей деятельности, применения права» [22, с. 34] и т.п. по нашему мнению такое понимание механизма не учитывает специфику правовых явлений.

Особое значение правовых средств в механизме реализации права одним из первых отметил В.И. Гойман [7, с. 120-121], что на наш взгляд представляется особо перспективным и верным.

Л.Н. Завадская рассматривает механизм правореализации как «систему правовых средств, способную обеспечить влияние, контроль общества за государством, которое регулирует общественные отношения, помогает понять элементы, методы и способы, через которые осуществляется регулирование правом» [8, с. 17].

На основании вышеизложенных взглядов на механизм реализации права, можно сделать вывод о том, что *механизм реализации права* представляет *систему правовых средств, с помощью которых происходит реальное воплощение юридических норм в правомерном поведении субъектов права*.

Рассмотрев вопрос о механизме правореализации, представляется логичным перейти к анализу режима правореализации. Правовой режим представляет собой определенную проекцию механизма правового регулирования на конкретную социальную ситуацию.

В этой связи было бы логичным предположить, что режим правореализации также является своеобразной проекцией механизма реализации права на определенную социальную ситуацию, в рамках которой происходит реализация прав и обязанностей субъектов права.

Основываясь на понимании правового режима, представляется возможным сформулировать определение *режима правореализации (режима реализации прав и свобод)* как *юридически закреплённого порядка использования, исполнения, соблюдения и применения норм права. Такой порядок выражается в совокупности правовых средств, которые характеризуются особым сочетанием дозволений, запретов и позитивных обязываний с целью достижения субъектом определённого правового состояния удовлетворяющего его интересы*.

При этом необходимо отметить, что режим правореализации самым тесным образом связан с механизмом реализации права. Различные элементы режима правореализации проявляются через ее механизм. Если механизм правореализации представляет собой внешнюю форму, модель, схему в которую облекается правореализующий режим, то для последнего важнейшее значение имеет его содержательная составляющая, то есть образующие его запреты, дозволения и позитивные обязывания, определяющие степень возможного или должного использования, исполнения, соблюдения и применения норм права субъектами права. Следовательно, правореализующий режим использует механизм правореализации для достижения определенных социально-полезных целей, наполняя его при этом конкретным содержанием.

Механизм правореализации призван обеспечить реализацию всех норм права, в то время как правореализующий режим нацелен на надлежащее обеспечение реализации прав, свобод и обязанностей конкретных субъектов права, нуждающихся в специфическом правовом регулировании посредством особого сочетания стимулов и ограничений. Механизм правореализации задействован во всех ситуациях, когда реализуются нормы права, и суть его от этого не меняется.

Специфика режима правореализации и особенности его содержания позволяют заключить, что он возникает не во всех случаях реализации норм права. Его возникновение и применение обусловлено необходимостью использования определенного правового инструментария, специфического набора правовых средств, установленного в законодательстве и подзаконных нормативных правовых актах. Устанавливая определенный режим правореализации государство демонстрирует особую значимость реализации права на данном конкретном направлении и свою заинтересованность в ее особом правовом регулировании.

Как и любой правовой режим, режим правореализации образован далеко не всем спектром существующих правовых средств. Применительно к каждому режиму правореализации их набор носит системный, строго упорядоченный характер с тем, чтобы сочетание данных правовых средств на создавало конкретную степень благоприятности или неблагоприятности при реализации субъектами права их прав, свобод и обязанностей.

В этой связи представляется целесообразным вернуться к концепции правовых режимов, сформулированной С.С. Алексеевым, который отмечал, что «вопрос о правовых режимах возникает, как правило, в отношении не всех звеньев правового регулирования, а главным образом в отношении субъективных прав. И даже в тех случаях, когда характеристика правовых режимов дается применительно к определенным объектам, то термин «режим объекта» используется в качестве сокращенного словесного обозначения порядка регулирования,

выраженного в характере и объеме прав по отношению к объекту (природным объектам, видам государственного имущества, земле и т. д.)» [3, с. 280].

Таким образом, возможности реализации прав и свобод в рамках правореализующих режимов общедозволительного профиля ограничены запретом на причинение в ходе правореализации вреда правам других лиц, запретом на другие формы злоупотребления правом, а также требованиями разумности и добросовестности действий лица, реализующего право.

Список литературы:

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 89–92.
2. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. 145 с.
3. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998. 280 с.
4. Алексеев С.С. Теория права. Харьков, 1994. С. 176-178.
5. Арзамаскин Н.Н., Биккинин И.А., Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Основы государства и права. Уфа, 1994. 32 с.
6. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998. 335 с.
7. Гойман В.И. Действие права (методологический аспект). М., 1992. С. 120-121.
8. Завадская Л.Н. Механизм реализации права. М., 1992. С. 86, 94.
9. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 8-9, 12.
10. Малько А.В. Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях: учеб. пособие. М., 2010. 94 с.
11. Матузов Н.И. Общие правоотношения как разновидность социалистических правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1976. С. 92–94.
12. Милушева Т.В. Исполнительная власть как форма реализации права. Саратов, 2001. 28 с.
13. Миронов А.Н. Особенности правоотношений в организации и деятельности органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 144 с.
14. Основин В.С. Нормы советского государственного права. М., 1963. 93 с.
15. Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965. 6 с.
16. Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. Н.Новгород, 1993. 356 с.
17. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев. 1985. С. 92–139.
18. Олефиренко А.В. Социальные факторы реализации права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 13, 18.
19. Осипов А.В. Соблюдение правовых норм – главное условие укрепления правопорядка // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 г. (Вопросы теории государства и права, государственного и административного права). Саратов, 1980. 154 с.
20. Пиголкин А.С. Формы реализации норм общественного права // Советское государство и право. 1963. № 6. 26 с.
21. Радько Т.Н. О роли запретов в правовом регулировании// Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 1. Волгоград, 1979. С. 95–97.
22. Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Казань, 1989. 73 с.
23. Решетов Ю. С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. С. 8-10.
24. Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. 34 с.
25. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990. С. 58–60; Сабо И. Социалистическое право. М., 1964. 315 с.
26. Сырых В.М. Теория государства и права : Учебник для вузов. М., 2005. 254 с.
27. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2007. С. 478–479.
28. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2000. 392 с.
29. Теория государства и права / Под ред. А.И. Денисова. М., 1972. 427 с.
30. Теория государства и права / Под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича. Л., 1987. 463 с.
31. Теория государства и права / Под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича. М., 1987. 243 с.
32. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Курс лекций. Казань, 1987. 336 с.
33. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. 56 с.
34. Явич Л.С. Право и общественные отношения. М., 1971. 111 с.

Pikina T. V. Concept, essence, realization of citizens' rights when the right modes occur // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 156-161.

In the modern period of time, scientific approaches to the concept of the realization of law are debatable, but, despite the complex state mechanism that ensures the realization of law, the theoretical foundations of the realization of law in the emergence of legal regimes are not sufficiently "legalized" in jurisprudence. Scientific consideration of the implementation of the right in the emergence of legal regimes has value for the practical

realization of citizens' rights, since the creation of a common understanding of the system of the "regime of legal realization" will allow it to be applied in modern changing conditions. In this article, the author examines theoretical and legal approaches to the definition of the concept of "realization of law", according to the results of which, the author concludes about this term, considers the mechanism of realization of law and forms of realization of law. The study of the scientific thoughts of the issues under consideration allows us to formulate definitions of the concept of "realization of law", "mechanism of realization of law" and "regime of legal realization".

Keywords: realization of the right, mechanism of realization of the right, forms of realization of the right, legal realization, modes of legal realization.

Spisok literatury:

1. Aleksandrov N.G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve. M., 1955. S. 89–92.
2. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava. Sverdlovsk, 1963. 145 s.
3. Alekseev S. S. Pravo. Azbuka. Teoriya. Filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1998. 280 s.
4. Alekseev S.S. Teoriya prava. Har'kov, 1994. S. 176-178.
5. Arzamaskin N.N., Bikinin I.A., Tolkachev K.B., Habibulin A.G. Osnovy gosudarstva i prava. Ufa, 1994. 32 s.
6. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava. M., 1998. 335 s.
7. Gojman V.I. Dejstvie prava (metodologicheskij aspekt). M., 1992. S. 120-121.
8. Zavadsкая L.N. Mekhanizm realizacii prava. M., 1992. S. 86, 94.
9. Lazarev V.V. Primenenie sovetskogo prava. Kazan', 1972. S. 8-9, 12.
10. Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava v skhemah, opredeleniyah i kommentariyah: ucheb. posobie. M., 2010. 94 s.
11. Matuzov N.I. Obshchie pravootnosheniya kak raznovidnost' socialisticheskikh pravovyh otnoshenij // Vo-prosy teorii gosudarstva i prava. Saratov, 1976. S. 92–94.
12. Milusheva T.V. Iсполnitel'naya vlast' kak forma realizacii prava. Saratov, 2001. 28 s.
13. Mironov A.N. Osobennosti pravootnoshenij v organizacii i deyatel'nosti organov vnutrennih del: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2000. 144 s.
14. Osnovin V.S. Normy sovetskogo gosudarstvennogo prava. M., 1963. 93 s.
15. Osnovin V.S. Sovetskie gosudarstvenno-pravovye otnosheniya. M., 1965. 6 s.
16. Obshchaya teoriya prava / Pod red. V.K. Babaeva. N.Novgorod, 1993. 356 s.
17. Oksamytnyj V.V. Pravomernoe povedenie lichnosti. Kiev. 1985. S. 92–139.
18. Olefirenko A.V. Social'nye faktory realizacii prava: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1989. S.13, 18.
19. Osipov A.V. Soblyudenie pravovyh norm – glavnoe uslovie ukrepleniya pravoporyadka // Pravoporyadok i pravovoj status lichnosti v razvitom socialisticheskom obshchestve v svete Konstitucii SSSR 1977 g. (Vo-prosy teorii gosudarstva i prava, gosudarstvennogo i administrativnogo prava). Saratov, 1980. 154 s.
20. Pigolkin A.S. Formy realizacii norm obshchestvennogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1963. № 6. 26 s.
21. Rad'ko T.N. O roli zapretov v pravovom regulirovanii// Trudy Vyshej sledstvennoj shkoly MVD SSSR. Vyp. 1. Volgograd, 1979. S. 95–97.
22. Reshetov YU.S. Realizaciya norm sovetskogo prava. Kazan', 1989. 73 s.
23. Reshetov YU. S. Mekhanizm pravorealizacii v usloviyah razvitogo socializma. Kazan', 1980. S. 8-10.
24. Reshetov YU.S. Mekhanizm pravorealizacii v usloviyah razvitogo socializma. Kazan', 1980. 34 s.
25. Rybushkin N.N. Zapreshchayushchie normy v sovetskom prave. Kazan', 1990. S. 58–60; Sabo I. Socialisticheskoe pravo. M., 1964. 315 s.
26. Syryh V.M. Teoriya gosudarstva i prava : Uchebnik dlya vuzov. M., 2005. 254 s.
27. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / Pod red. V.K. Babaeva. M., 2007. S. 478–479.
28. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. V.M. Korel'skogo, V.D. Perevalova. M., 2000. 392 s.
29. Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. A.I. Denisova. M., 1972. 427 s.
30. Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. A.I. Koroleva, L.S. YAvicha. L., 1987. 463 s.
31. Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. A.I. Koroleva, L.S. YAvicha. M., 1987. 243 s.
32. Fatkullin F.N. Problemy teorii gosudarstva i prava. Kurs lekcij. Kazan', 1987. 336 s.
33. Halfina R.O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii. M., 1974. 56 s.
34. YAvich L.S. Pravo i obshchestvennyye otnosheniya. M., 1971. 111 s.

УДК 342.9

**О ПРАКТИКЕ И ПРОБЛЕМАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ
ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ОСКОРБЛЕНИЯ**

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье изучена статистика и практика применения мировыми судьями Республики Крым части 1 и 2 ст. 5.61 КоАП РФ. Несмотря на то, что в отдельных судебных участках имеются единичные случаи рассмотрения дел и отмечаются факты их возвращения для устранения недостатков и повторного поступления, в целом, можно свидетельствовать о состоявшейся практике применения данной нормы в регионе. Большинство заявлений по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ вместе с материалами проверки в органы прокуратуры поступают из органов внутренних дел. Отмечено, что большинство оскорблений выражаются непосредственно в словесной форме, без насильственных действий, совершаются в любых местах. Практика применения мировыми судьями Республики Крым части второй рассматриваемой статьи носит единичный характер. По мнению автора, предложения о наделении органов внутренних дел полномочиями по возбуждению дел по ч. 1 ч. 5.61 КоАП РФ являются необоснованными, и законодатель справедливо определил, что данным правом обладают только прокуроры. В статье даны описания конкретных действий, посягающих на честь и достоинство, тем самым образования объективной стороны, обращено внимание на выявление доказательств их совершения, даны предложения по эффективной организации взаимодействия органов прокуратуры и органов внутренних дел региона.

Ключевые слова: административное правонарушение, мировые судьи, органы прокуратуры, органы внутренних дел, честь и достоинство, оскорбление.

В соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ дела за оскорбление рассматриваются только мировыми судьями. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2021 год по ст. 5.61 КоАП РФ в мировые суды всего поступило 15 992 дела, из которых 467 – повторно (по подсудности, после устранения недостатков). Рассмотрено 15 929 дел (по числу лиц), 1 314 дел возвращено для устранения недостатков, передано по подведомственности, по 1037 – производство прекращено. 13 154 лиц было подвергнуто наказанию, из которых 6 – юридические лица, 50 – должностные лица, 8 – лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, 13 090 – иные физические лица. 6 лицам было назначено наказание в виде предупреждения, 13 148 – административный штраф [1]. За первое полугодие 2022 г. по ст. 5.61 КоАП РФ всего поступило 7 702 дела, из которых 176 – повторно (по подсудности, после устранения недостатков). Рассмотрено 7 216 дел (по числу лиц), 566 возвращено для устранения недостатков, 437 – производство прекращено. 6003 лица – подвергнуто наказанию, из которых 5995 – административному штрафу [2].

Мировыми судьями Республики Крым по ст. 5.61 КоАП РФ за 2021 г. было рассмотрено 105 дел (из которых 96 – по ч. 1; 9 – по ч. 2 данной статьи), за 2022 г. – 114 дел (из которых 105 – по ч. 1; 9 – по ч. 2 данной статьи) [3]. По делам, предусмотренным по частям 3-5 рассматриваемой статьи информации нет, следовательно, дела на рассмотрение по данным частям не поступали. В виду последнего, в настоящей статье рассматривается практика по первым двум частям данной статьи.

Исходя из размещенной на сайте мировых судей РК сведений, за 2021 г. больше всего дел по данной статье было рассмотрено судьями Бахчисарайского судебного

района (15), Киевского района г. Симферополя (12), Феодосийского судебного района (9), Красногвардейского судебного района (8), Армянского судебного района (8), Железнодорожного района г. Симферополя (6), Центрального района г. Симферополя (6), Симферопольского судебного района – (6). Отмечается незначительное количество рассмотренных дел мировыми судьями Ялтинского (4), Керченского (3), Евпаторийского (3), Сакского (2) и других судебных районов.

За 2022 г. больше всего рассмотрено дел мировыми судьями Армянского судебного района (18), Феодосийского (16), Красногвардейского (9), Киевского района г. Симферополя – (8). Информация о пяти делах представлена мировыми судьями Нижнегорского судебного района, аналогично – Советского и Кировского.

В то же время никакой информации не представлено о рассмотрении в 2022 г. хотя бы 1 дела мировыми судьями Евпаторийского, Сакского, Раздольненского, Красноперекоского, Алуштинского судебных районов. Указанное как поступившее для рассмотрения мировому судье 85 участка Судакского судебного района 1 дело было возвращено в орган, направивший его для рассмотрения.

Несмотря на то, что в отдельных судебных участках имеются единичные случаи рассмотрения дел и отмечаются факты их возвращения для устранения недостатков и повторного поступления, в целом, можно свидетельствовать о состоявшейся практике применения данной нормы мировыми судьями РК. По результатам рассмотрения данных дел, как правило, выносились постановления о привлечении лиц к административному наказанию в виде админштрафа в размере 3 тыс. руб.

Значительное количество возвращенных и поступивших повторно дел, в частности, малое количество рассмотренных дел в отдельных судебных районах, в общем, может свидетельствовать о проблемах применения этой нормы не только на стадии рассмотрения, но и возбуждения дела. Пользуясь судебной статистики, судебной практикой, научной литературой необходимо выявить причины слабой практики в отдельных муниципальных территориях и представить меры по их устранению.

В соответствии с ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ дела по ст. 5.61 возбуждаются прокурором. Поступить обращения (заявления, жалобы) в органы прокуратуры могут от физических и юридических лиц (заявителей), от правоохранительных и иных органов, в том числе органов внутренних дел. Согласно п. 2.3 приказа Генпрокуратуры России от 19 февраля 2015 № 78 [4], в ходе проведения проверки при наличии признаков административного правонарушения прокурорам необходимо принимать исчерпывающие меры к сбору и фиксации доказательств. В ходе проверки прокуроры обязаны приобщать к материалам любые фактические данные, способствующие установлению события административного правонарушения. Однако в РФ большинство заявлений по ст. 5.61 КоАП РФ вместе с материалами проверки в органы прокуратуры поступают из органов внутренних дел. При наличии признаков данного правонарушения заявления граждан и других лиц регистрируются в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, о происшествиях. Если результаты проверки подтверждают событие правонарушения, то материал направляется в органы прокуратуры для принятия решения о возбуждении дела.

В связи с этим, в научной литературе отмечают, что поступившие из органов внутренних дел материалы проверок не всегда бывают полными и качественными. Следствием этого, сотрудникам прокуратуры приходится вновь отбирать объяснения и получать иные доказательства, направлять поручения, в том числе о приводе,

и задания в органы внутренних дел что, по – сути, влечет длительную бюрократическую переписку, приводящую вплоть до истечения срока привлечения граждан к административной ответственности, составляющий три месяца с момента совершения правонарушения. Кроме того, большинство административных правонарушений такого рода носит семейно-бытовой характер, правонарушения совершаются из личных неприязненных отношений. В связи с загруженностью работников прокуратуры (например, ежегодно только в прокуратуру г. Выксы Нижегородской области поступает не менее 20 заявлений (жалоб) по оскорблению, по результатам проверки прокурором выносятся не менее 5 постановлений), было предложено наделить органы внутренних дел полномочиями по возбуждению дел по ч. 1 ч. 5.61 КоАП РФ [5, с. 16]. Автор настоящей статьи не разделяет данное мнение в виду того, что законодатель, вводя данную норму в КоАП РФ, не зря наделил именно прокуроров полномочиями по возбуждению дел за оскорбления. Несмотря на то, что данное деяние было декриминализовано, честь и достоинство человека и гражданина остаются одной из высших ценностей, что декларируется в Конституции РФ.

Практика в Крыму не стала исключением от общероссийских тенденций. Большинство правонарушений так же носит семейно- или соседско-бытовой характер. Чаще всего оскорбления происходят в жилище, на территории домовладений, между лицами, находящимися в родственных, своих и близких отношениях, между соседями [6; 7]. Случаются и конфликты, приводящие к оскорбительным высказываниям между коллегами по работе [8]. В виду этого, в органах внутренних дел, как правило, проверки заявлений и сообщений об административном оскорблении осуществляются участковыми уполномоченными полиции, которые оформляют результаты последней рапортом и готовят дела об административном правонарушении для направления в органы прокуратуры.

При выявлении признаков данного административного правонарушения и осуществлении проверки по соответствующим заявлениям и сообщениям должностным лицам, прежде всего участковым уполномоченным полиции, следует обращать внимание на наличие его состава. Рассмотрим элементы состава ч. 1 и 2 этой статьи.

Объектом правонарушения является общественные отношения, обеспечивающие права граждан, а именно честь и достоинство конкретного лица или лиц, но не тех, кто случайно оказался в окружении правонарушителя, какой-то прохожий и так далее. Понятие чести и достоинства имеют общепринятые определения [9, с. 31]. В последнем случае речь идет о посягательстве на общественный порядок, неуважении общества. В научной литературе данному вопросу уделено значительное внимание [10, с. 141]. Объективная сторона состоит только из действий, направленных на унижение чести и достоинства лица, выраженные в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности формах. По ч. 2 данной статьи оскорбление имеет дополнительные признаки – оно содержится в публичном выступлении, публично демонстрирующимся произведением или средствах массовой информации либо совершается публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», или объектом является несколько лиц, в том числе индивидуально не определенных. Субъектами являются физические лица (гражданине, должностные лица), юридические лица. Физическими лицами, подлежащими административной ответственности по данной

норме, могут быть достигшие шестнадцатилетнего возраста вменяемые лица. Субъективная сторона представлена умышленной формой вины.

Несмотря на описание понятия оскорбления в диспозиции статьи, оно остается оценочным, так как может вызвать споры относительно способа оскорбительного деяния – действия в неприличной форме. В тоже время судебная практика показывает, что неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком [11].

Есть мнение, что оскорбление, как административное правонарушение, может совершаться фактически в любой неприличной форме действия [12, с. 151]. В связи с этим, следует остановиться на описании конкретных действий, посягающих на честь и достоинство, тем самым образования объективной стороны, а также на выявление доказательств их совершения. Необходимо обратить особое внимание на то, выражалось ли оскорбление в неприличной форме, не было ли на самом деле лишь субъективного восприятия заявителем происходящего.

Анализ содержания постановлений мировых судей Республики Крым показывает, что оскорбление, действительно, может представлять собой разновидность психического насилия, которое выражается в отрицательной оценке виновным личности гражданина, подрывает репутацию последнего в глазах окружающих и наносит ущерб его самоуважению [13]. Психическим насилием может выступать высказывание оскорбительных слов и выражений, ненормативной, в том числе нецензурной, лексики в адрес конкретного лица, когда нет сомнений в том, что речь идет именно о нем. При отсутствии доказательств, заявления привлекаемых к ответственности лиц о том, что оскорбления были употреблены на свой собственный счет, судьями расцениваются как способ защиты своих прав в целях избежать административной ответственности за совершенное правонарушение и желанием уйти от ответственности, тогда как вина в совершенном правонарушении подтверждается исследованными судом в совокупности материалами дела [14]. Несмотря на наличие длительных неприязненных отношений и конфликта, вызванного, например, спором относительно порядка пользования земельным участком, способом защиты лиц, привлекаемых к административной ответственности, может быть и отказ от прежних объяснений, в которых признавался факт словесного оскорбления. Например, известен случай, когда в начале пояснений, данных мировому судье, привлекаемое лицо утверждало, что произнесенные фразы имели место быть, но не являлись оскорблением, однако в последствие стало утверждать, что вообще не оскорбляло потерпевшего. На вопросы судьи относительно причины дачи таких пояснений привлекаемое лицо указало, что не читало свои объяснения, когда их подписывало их, однако, подтвердило, что каких-либо неприязненных отношений с должностным лицом, участковым уполномоченным полиции, отбравшим пояснения, не имеет. По мнению же самого привлекаемого лица, у него отсутствуют какие-либо основания не верить сотруднику полиции, в объяснениях имеется отметка о написании объяснения со слов и его прочтении [15]. В данном случае изменение показаний лица, привлекаемого к административной ответственности, мировым судьей в расчет принят не был, он руководствовался первоначальными объяснениями.

Несмотря на то, что ст. 28.7 КоАП РФ не предусматривает проведение административного расследования по ст. 5.61 КоАП РФ, данная норма не исключает воз-

возможности проведения экспертиз оскорблений, выраженных в неприличной и иной антиморальной и антинравственной форме. При принятии решений мировые судьи могут опираться на результаты лингвистической экспертизы. В связи с этим, среди научной общественности имеется мнение, что у судебных органов возникает потребность привлечения экспертов, так как при наличии заключения происходит наиболее полное и объективное рассмотрение дел [16, с. 31]. Имеется также точка зрения, что разрешение вопросов о наличии либо отсутствии оскорбления в тексте не представляется возможным без проведения исследования со стороны лингвиста [17]. Однако далеко не во всех постановлениях мировых судей Республики Крым говорится о нахождении в делах заключений специалистов, и в материалах дела они встречаются довольно редко. Практика знает случай, когда привлекаемое лицо и его защитник ходатайствовали о назначении экспертизы голоса, зафиксированного на видеозаписи, в удовлетворении заявленного ходатайства судьей было отказано соответствующим мотивированным определением в виду достаточности доказательств [18].

В том случае, если имеется заключение специалиста, то находящаяся в деле лингвистическая справка не принимается как доказательство в виду того, что она противоречит заключению специалиста, который был, напротив, предупрежден об административной ответственности за дачу ложных показаний и был допрошен в судебном заседании [19]. В других случаях, при отсутствии в деле заключения лингвистической экспертизы в качестве доказательства принимаются и справки, и объяснения специалиста-лингвиста [20, 21]. В данных постановлениях приводятся описания значений слов, высказанных лицами, в отношении которых были поданы заявления о привлечении к административной ответственности за оскорбление, и содержащихся в этих справках.

В распоряжении автора имеется судебное решение, указывающее о наличии в материалах дела, помимо постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, рапорта и заявления, в качестве доказательств семнадцати письменных объяснений [22]. Фактически в каждом деле имеются несколько объяснений свидетелей, что говорит о том, что они являются основными и самыми распространенными доказательствами административного оскорбления. В отдельных случаях в качестве доказательств приобщается видеозапись словесного унижения чести и достоинства [23].

Ни в одном постановлении мировых судей за изученный период не встречаются сведения о совершении в отношении потерпевших физических насильственных действий (плевков, пощечин, забрасываний нечистотами, одергивании ушей или носа, щелчков пальцем по лбу и т.п.). Выявление данных фактов потребовало бы обратить внимание при документировании правонарушения на отграничение подобных оскорбительных действий от физического насилия в виде побоев, мелкого хулиганства или причинения вреда здоровью человека. Кроме того, не было обнаружено в материалах практики мировых судей Республики Крым фиксации действий неприличного характера: срывание или задирание одежды, сбивание головного убора или его натягивание на голову. В научной литературе так же отмечено, что данные действия на практике совершаются довольно редко [12, с. 152]. Не встречается и практика совершения данного правонарушения по ч. 1 рассматриваемой ста-

тьи путем направлений оскорбительного текстового или голосового личного сообщения в мессенджерах или социальных сетях.

Как отмечено ранее, мировыми судьями Республики Крым дела по части второй данной статьи рассматриваются значительно реже, чем по части первой. Такое положение можно объяснить тем, что по данной норме прокурорами возбуждается меньше дел. Из немногих доступных решений мировых судей следует, что обычно по ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ лица привлекаются за оскорбления, совершенные публично с использованием информационно-телекоммуникационных сети «Интернет». В качестве примера следует привести извлечение из судебного решения: «Роскач П.В., «данные изъяты», находясь по месту своего жительства, расположенного по адресу: «данные изъяты», посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в социальной сети «ВКонтакте» в группе «Черный список Армянск - Красноперекоск», под постом «Вот оно было...Анон» оставила комментарий в адрес «данные изъяты», выраженный в неприличной форме и противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, тем самым унизив честь и достоинство «данные изъяты» [24]. В данном случае комментарии группы «Черный список Армянск - Красноперекоск» социальной сети «ВКонтакте» были доступны для всех лиц этой группы, оскорбление носило публичный характер. Таким образом, виновное лицо оставило в данной группе оскорбительный комментарий, адресованный конкретному лицу, и было привлечено по ч. 2 рассматриваемой нормы. В то же время следует отметить, что за оскорбления, нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, также наступает ответственность по указанной норме, что стало возможным благодаря позиции ВС РФ [25]. Однако на официальном сайте мировых судей РК не приводится ни одного подобного судебного решения.

Таким образом, следует констатировать, что согласно официальной статистике и материалам практики ежегодно мировыми судьями Республики Крым рассматриваются значительное количество дел по оскорблению, преимущественно по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, по которой в основном привлекаются физические лица – граждане. Несмотря на то, что в отдельных судебных участках имеются единичные случаи рассмотрения дел и отмечаются факты их возвращения для устранения недостатков и повторного поступления, в целом, можно свидетельствовать о состоявшейся практике применения данной нормы в регионе. По абсолютному большинству дел, как правило, выносились постановления о привлечении лиц к административному наказанию в виде административного штрафа в размере трех тысяч рублей.

По мнению автора, предложения о наделении органов внутренних дел полномочиями по возбуждению дел по ч. 1 ч. 5.61 КоАП РФ являются необоснованными, и законодатель справедливо определил, что данным правом обладают только прокуроры. При этом не следует отрицать наличие проблем взаимодействия на региональном уровне органов внутренних дел с органами прокуратуры. Представляется вполне целесообразной разработка и принятие положения по организации такого взаимодействия по документированию административных правонарушений, предусмотренных статьей 5.61 КоАП РФ.

Было бы практичным указать в данных положениях перечень документов, предоставляемых органу прокуратуры для принятия решения о возбуждении дела, типовые формы вопросов для проведения, в случае необходимости, лингвистической экспертизы, а также процессуальные ошибки, допускаемые при фиксации

правонарушений. При отсутствии данного положения, для эффективной организации взаимодействия органов прокуратуры и органов внутренних дел необходимо проводить совместные совещания, обучающие мероприятия, разъясняющие порядок действий по их пресечению и документированию. Бесспорно, необходим единый порядок, так как от качества административного материала, собранного сотрудниками полиции, прежде всего участковыми уполномоченными, зависит решение прокурора о возбуждении дела и его рассмотрение в суде.

Должностным лицам органов внутренних дел, осуществляя проверку заявлений и сообщений об оскорблении, следует обратить внимание на выявление признаков и наличие состава именно данного правонарушения и доказательств его совершения. Необходимо учитывать тот факт, что оскорбления могут совершаться в любых местах. Большинство оскорблений выражаются непосредственно в словесной форме, без насильственных действий или сопровождения их срыванием или задираньем одежды, сбиванием головного убора или его натягиванием на голову. Фактически отсутствует практика направления оскорбительного текстового или голосового личного сообщения в мессенджерах или социальных сетях. Практика применения мировыми судьями Республики Крым части второй рассматриваемой статьи носит единичный характер.

Как показывает судебная практика в Крыму, основным видом доказательств являются объяснения, гораздо реже – видеозапись и лингвистические экспертизы и справки. Заявленный в ходе рассмотрения дела отказ привлекаемого к административной ответственности лица от прежних показаний, как правило, оценивается мировыми судьями как способ защиты. Несмотря на отсутствие в законе указания о том, что по данной норме проводится административное расследование, заключения экспертизы могут быть признаны доказательствами.

Список литературы:

1. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения – 17.01.2022).
2. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096>.
3. Информация по административному судопроизводству в первой инстанции // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/decisionas>.
4. Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: приказ Генпрокуратуры России от 19 февраля 2015 № 78 (действующая редакция) // ЭПС «Система Гарант» [Электронный ресурс]. - URL: <http://ivo.garant.ru>.
5. Иванова, Ю. А. Полномочия прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ: требуются изменения / Ю. А. Иванова // Законность и правопорядок. – 2020. – № 4(28). – С. 16-18.
6. Постановление по делу об административном правонарушении от 15 июня 2022 года по делу № 5-6-199/2022 мирового судьи судебного участка № 6 Железнодорожного судебного района г. Симферополя (Железнодорожный район городского округа Симферополь) // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30767065&year=2022>.
7. Постановление по делу об административном правонарушении от 14 июля 2022 года по делу № 5-83-224/2022 мирового судьи судебного участка № 83 Советского судебного района (Советский муниципальный район) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
8. Постановление по делу об административном правонарушении от 6 апреля 2022 года мирового судьи судебного участка № 49 Керченского судебного района (городской округ) Республики Крым // Миро-

- вые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30760709&year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
9. Данильченко, Э. Д. Некоторые вопросы привлечения к административной ответственности за оскорбление / Э. Д. Данильченко, М. А. Буркова, А. А. Попова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 4(60). – С. 30-34.
10. Ищенко, Д. П. Декриминализация уголовной ответственности за оскорбление личности: требуется не либерализация, а модернизация законодательства / Д. П. Ищенко, А. В. Басов, Г. К. Ищенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 136-146.
11. Постановление по делу об административном правонарушении от 10 октября 2022 года по делу № 5-25-595/2022 мирового судьи судебного участка № 25 Армянского судебного района (городской округ Армянск) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787438&year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
12. Иванин, А. А. Особенности состава оскорбления личности как административного правонарушения // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 4(42). – С. 150-156.
13. Постановление по делу об административном правонарушении от 17 октября 2022 г. по делу № 5-25-639/2022 мирового судьи судебного участка № 25 Армянского судебного района (городской округ Армянск) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787406&year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
14. Постановление по делу об административном правонарушении от 10 октября 2022 года по делу № 5-25-595/2022 мирового судьи судебного участка № 25 Армянского судебного района (городской округ Армянск) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787438&year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
15. Постановление по делу об административном правонарушении от 16 июня 2021 года по делу № 5-42-226/2021 мирового судьи судебного участка № 42 Евпаторийского судебного района (городской округ Евпатория) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=27182671&year=2021> (дата обращения – 17.01.2022).
16. Садыков, Р. Р. Некоторые проблемы применения части 1 статьи 5.61 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / Р. Р. Садыков // Эволюция российского права : Материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 26 апреля 2019 года / Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019. – С. 29-31.
17. Кочеткова, М. В. Судебно-лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении, рассматриваемым у мирового судьи / М. В. Кочеткова, И. В. Головинская // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6. – № 5. – С. 367-373.
18. Постановление по делу об административном правонарушении от 16 июня 2021 года по делу № 5-42-226/2021 мирового судьи судебного участка № 42 Евпаторийского судебного района (городской округ Евпатория) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=27182671&year=2021> (дата обращения – 17.01.2022).
19. Постановление по делу об административном правонарушении от 3 июня 2022 г. по делу № 5-26-173/2022 мирового судьи судебного участка № 26 Бахчисарайского судебного района (Бахчисарайский муниципальный район) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30791290&year=2022>.
20. Постановление по делу об административном правонарушении от 7 сентября 2021 года по делу № 5-72-363/2021 мирового судьи судебного участка № 72 Сакского судебного района (Сакский муниципальный район и городской округ Саки) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=28255895&year=2021>.
21. Постановление по делу об административном правонарушении от 24 марта 2022 года по делу № 5-61-181/2022 мирового судьи судебного участка №61 Ленинского судебного района (Ленинский муниципальный район) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30781224&year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
22. Постановление по делу об административном правонарушении от 21 марта 2022 года по делу №5-32-113/2022 мирового судьи судебного участка №32 Белогорского судебного района (Белогорский муниципальный район) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30783384&year=2022>.
23. Постановление по делу об административном правонарушении от 8 апреля 2022 г. по делу № 5-25-216/2022 мирового судьи судебного участка № 25 Армянского судебного района (городской округ Армянск) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787727&year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).

24. Постановление по делу об административном правонарушении от 25 октября 2022 года по делу № 5-25-720/2022 мирового судьи судебного участка № 25 Армянского судебного района (городской округ Армянск) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30786966&year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
25. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 30.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ, №10, октябрь, 2021.

Ravnushkin A.V. About the practice and problems of bringing individuals to administrative responsibility for insults in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 162–171.

This article examines the statistics and practice of application by the justices of the Peace of the Republic of Crimea of Parts 1 and 2 of Article 5.61 of the Administrative Code of the RF. Despite the fact that there are isolated cases of cases being considered in some judicial precincts and the facts of their return to eliminate deficiencies and re-admission are noted, in general, it is possible to testify to the practice of applying this rule in the region. Most of the statements under Part 1 of Article 5.61 of the Administrative Code of the RF, together with the inspection materials, are received by the prosecutor's office from the internal affairs bodies. It is noted that most insults are expressed directly in verbal form, without violent actions, committed in any places. The practice of application by the justices of the Peace of the Republic of Crimea of the second part of the article under consideration is of an isolated nature. According to the author, the proposals to empower the internal affairs bodies to initiate cases under Part 1 of Part 5.61 of the Administrative Code of the RF are unfounded, and the legislator rightly determined that only prosecutors have this right. The article describes specific actions that infringe on honor and dignity, thereby forming an objective side, attention is paid to the identification of evidence of their commission, suggestions are given for the effective organization of interaction between the prosecutor's office and the internal affairs bodies of the region.

Keywords: administrative offense, magistrates, prosecutor's offices, internal affairs bodies, honor and dignity, offense.

Spisok literatury:

1. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения – 17.01.2022).
2. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения – 17.01.2022).
3. Информация по административному судопроизводству в первой инстанции // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/decisionas> (дата обращения – 17.01.2022).
4. Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: приказ Генпрокуратуры России от 19 февраля 2015 № 78 (действующая редакция) // EPS «Система Гарант» [Электронный ресурс]. - URL: <http://ivo.garant.ru> (дата обращения – 17.01.2022).
5. Ivanova, Yu. A. Полномочия прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ: требуется изменение // Законность и правопорядок. – 2020. – № 4(28). – С. 16-18.
6. Постановление по делу об административном правонарушении от 15 июня 2022 года по делу № 5-6-199/2022 мирового судьи судебного участка № 6 Зелезнодорожного судебного района г. Симферополя (Зелезнодорожный район городского округа Симферополь) // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30767065&year=2022>.
7. Постановление по делу об административном правонарушении от 14 июля 2022 года по делу № 5-83-224/2022 мирового судьи судебного участка № 83 Советского судебного района (Советский муниципальный район) Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?year=2022> (дата обращения – 17.01.2022).
8. Постановление по делу об административном правонарушении от 6 апреля 2022 года мирового судьи судебного участка № 49 Керченского судебного района Республики Крым // Мировые судьи Республики Крым: официальный сайт. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30760709&year=2022>.
9. Danil'chenko, E. D. Nekotorye voprosy privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za oskorblenie / E. D. Danil'chenko, M. A. Burkova, A. A. Popova // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – 2021. – № 4(60). – С. 30-34.
10. Ishchenko, D. P. Dekriminalizaciya ugolovnoj otvetstvennosti za oskorblenie lichnosti: trebuetsya ne liberalizaciya, a modernizaciya zakonodatel'stva // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 136-146.
11. Постановление по делу об административном правонарушении от 10 октября 2022 года по делу № 5-25-595/2022 мирового судьи судебного участка № 25 Армянского судебного района (городской округ

- Armyansk) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787438&year=2022>.
12. Ivanin, A. A. Osobennosti sostava oskorbleniya lichnosti kak administrativnogo pravonarusheniya / A. A. Ivanin // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 4(42). – S. 150-156.
13. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 17 oktyabrya 2022 g. po delu № 5-25-639/2022 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 25 Armyanskogo sudebnogo rajona (gorodskoj okrug Armyansk) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787406&year=2022>.
14. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 10 oktyabrya 2022 goda po delu № 5-25-595/2022 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 25 Armyanskogo sudebnogo rajona (gorodskoj okrug Armyansk) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787438&year=2022>.
15. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 16 iyunya 2021 goda po delu № 5-42-226/2021 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 42 Evpatorijskogo sudebnogo rajona (gorodskoj okrug Evpatoriya) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=27182671&year=2021>.
16. Sadykov, R. R. Nekotorye problemy primeneniya chasti 1 stat'i 5.61 kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah / R. R. Sadykov // Evolyuciya rossijskogo prava : Materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i studentov, Ekaterinburg, 26 aprelya 2019 goda / Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet. – Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet», 2019. – S. 29-31.
17. Kochetkova, M. V. Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza po delam ob oskorblenii, rassmatrivaemym u mirovogo sud'i / M. V. Kochetkova, I. V. Golovinskaya // Byulleten' nauki i praktiki. – 2020. – T. 6. – № 5. – S. 367-373.
18. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 16 iyunya 2021 goda po delu № 5-42-226/2021 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 42 Evpatorijskogo sudebnogo rajona (gorodskoj okrug Evpatoriya) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=27182671&year=2021>.
19. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 3 iyunya 2022 g. po delu № 5-26-173/2022 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 26 Bahchisarajskogo sudebnogo rajona (Bahchisarajskij municipal'nyj rajon) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30791290&year=2022>.
20. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 7 sentyabrya 2021 goda po delu № 5-72-363/2021 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 72 Saksykogo sudebnogo rajona (Sakskij municipal'nyj rajon i gorodskoj okrug Saki) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=28255895&year=2021>.
21. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 24 marta 2022 goda po delu № 5-61-181/2022 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 61 Leninskogo sudebnogo rajona (Leninskij municipal'nyj rajon) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30781224&year=2022>.
22. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 21 marta 2022 goda po delu № 5-32-113/2022 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 32 Belogorskogo sudebnogo rajona (Belogorskij municipal'nyj rajon) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30783384&year=2022>.
23. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 8 aprelya 2022 g. po delu № 5-25-216/2022 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 25 Armyanskogo sudebnogo rajona (gorodskoj okrug Armyansk) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30787727&year=2022>.
24. Postanovlenie po delu ob administrativnom pravonarushenii ot 25 oktyabrya 2022 goda po delu № 5-25-720/2022 mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 25 Armyanskogo sudebnogo rajona (gorodskoj okrug Armyansk) Respubliki Krym // Mirovye sud'i Respubliki Krym: oficial'nyj sajt. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=30786966&year=2022>.
25. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii №2 (2021) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF ot 30.06.2021) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF, №10, oktyabr', 2021.

УДК 342

**ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ДЕФИНИТИВНАЯ ПРОБЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ
ПРИМЕНИМОСТИ**

Радомский Ю. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья посвящена анализу в значительной степени спорного и неоднозначного для отечественной правовой среды явления – институту конституционно-правовой ответственности. В рамках настоящего исследования устанавливается, что конституционно-правовая ответственность в понимании российского законодателя не разграничена с иными разновидностями ответственности должным образом. Более того, становится понятным, что помимо наличия свойственной Конституции РФ дефинитивной пробельности по анализируемому вопросу, отсутствует также единство мнений и на доктринальном уровне: среди исследователей-конституционалистов советского периода и настоящего времени отмечается наличие излишней вариативности и не последовательности в выводах. Помимо теоретических недостатков, в работе устанавливается наличие прикладных несовершенств, касающихся правовой применимости института конституционно-правовой ответственности, в частности, в отношении органов исполнительной власти. Акцентируется внимание на роли коллективной и индивидуальной моделей ответственности. Также статья посвящена анализу зарубежного опыта по схожей категории правоотношений и подходов зарубежных законодателей.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, коллективный субъект, правовая дефиниция, меры государственного принуждения, Конституция Республики Польша, солидарность, политическая деятельность.

Понимание природы и сущности процессов формирования юридической ответственности в различных отраслях общественной жизни представляло интерес для исследователей-правоведов, а также законодателей и правоприменителей во все времена, начиная с периода образования способностей к самопознанию, самоанализу и возможной перспективе развития прогностических мероприятий в уже устоявшейся социальной модели существования. Категория «ответственность» является разноплановой, но, в анализируемом контексте, берет начало из природы понимания сущности социальной ответственности. Социальная ответственность – это не просто разновидность ответственности, но и глобальный этический принцип, начало, обуславливающее развитие человека во взаимодействии и в среде общественной. Последняя возлагает на субъекты обязанность реализации модели слаженного сосуществования и производства во благо интересов социума, а в случае неисполнения заданного курса, формирует необходимость претерпевания негативных последствий, направленных на воплощение идей общей и частной превенции.

В результате естественноисторического развития, социальная ответственность размежевалась с юридической ответственностью, а последняя приобрела характер отраслевой и, в контексте правового регулирования, была подразделена на такие составляющие, как уголовная, гражданская, конституционная, административная, экологическая и иные виды ответственности. В свою очередь, интересующий в рамках настоящего исследования институт конституционно-правовой ответственности развивался несколько непланово.

В советский период, начиная с 1918 г., конституционно-правовая ответственность именовалась как государственно-правовая, что было связано с актуальным наименованием правовой дисциплины. И, хотя в большинстве случаев данные кате-

гории синонимизируются, характеризуясь, как этапы развития одного явления, в литературе встречаем мнение о разноплановом понимании институтов государственно-правовой и конституционно-правовой ответственности. В его пользу отмечается более обширный характер государственно-правовой ответственности, где конституционная ответственность является лишь ее составным элементом. Однако, данная точка зрения не является неоспоримой: регламентация любой разновидности юридической ответственности осуществляется государственно-правовыми нормами, исходя из чего государственно-правовой ответственностью могут быть охарактеризованы любые виды отраслевой ответственности. В этой ситуации переход от государственно-правовой к конституционно-правовой ответственности был продиктован историческими реалиями и поэтапным развитием концепции правового статуса личности, в связи с чем говорить о наличии института конституционно-правовой ответственности следует в рамках постсоветского периода России.

Определение соотношения конституционно-правовой и государственно-правовой ответственности является важным звеном нашего исследования по следующей причине: в советский период государственно-правовая ответственность характеризовалась наличием ярко выраженного негативного характера ответственности. Как правило, последняя реализовывалась в сфере политических отношений, как предоставление отрицательной оценки действиям государственного органа и/или должностного лица, со стороны избирателей либо самих депутатов. Таким образом, ответственность советского периода представляла собой институт порицания.

С принятием Конституции РФ, конституционная ответственность приобрела форму принципа ответственности каждого отдельно взятого государственного органа и должностного лица за порученное дело. В связи с чем институт конституционно-правовой ответственности наряду с негативным окрасом приобрел также позитивный аспект: возлагаемая законом на должностное лицо ответственность тесно коррелирует с его компетенцией, в некоем роде, обуславливая ее существование.

Что следует понимать под конституционно-правовой ответственностью? Данный вопрос, исходя из модели нормативного закрепления законодателем сущности и критериев рассматриваемой категории, вызывает определенные трудности не только в части толкования законов, но и правоприменительной деятельности. Так, А.Ю. Олимпиев под конституционно-правовой ответственностью предлагает понимать «предусмотренную нормами Конституции РФ и других ФЗ, а также обеспеченную мерами государственного воздействия в целях защиты конституционно-правовых отношений обязанность субъектов таких правоотношений претерпевать различные неблагоприятные последствия за свое юридически значимое поведение, нарушающее конституционный правопорядок, установленный данными нормами» [1].

Несколько иной точки зрения придерживается А.А. Титова, определяющая конституционно-правовую ответственность как «самостоятельный вид юридической ответственности, выражающийся в реализации конституционных санкций к субъектам конституционно-правовых отношений, обладающих специальной конституционной правосубъектностью, в случае совершения ими конституционного деликта в порядке, установленном законом» [2]. В отличие от предыдущего определения, акцентирующего внимание на сущности конституционно-правовой ответственности как некой обязанности, возлагаемой на субъект, А.А. Титова отмечает структурно-классификационный критерий – относимость конституционно-правовой ответ-

ственности к категории юридической. Исходя из расхождений в подходах, различны и выделяемые существенные признаки: в первом случае – обязательная нормативно-правовая регламентация нарушаемых интересов, а также – применение мер государственного воздействия, во втором – наличие у лица, совершающего правонарушение, конституционной правосубъектности.

Предлагаемые доктринальные определения института конституционно-правовой ответственности несовершенно и не в полной мере учитывают специфику анализируемого явления. Несмотря на их разноплановый подход, очевидна общая черта – раскрытие сущности конституционной ответственности через призму ее сугубо негативного аспекта. Достаточно распространенной является точка зрения, в соответствии с которой в юридическом понимании ответственность не может соотноситься с толкованием того же явления с философской точки зрения. Например – в рамках конституционной ответственности не представляется возможным выделить ее позитивный аспект, поскольку ее целевое назначение – претерпевание субъектом, нарушившим норму, негативных последствий, благодаря чему и реализуется модель частно-превентивного вмешательства в правовое сознание нарушителя. Более того, упоминается, что ответственность – это соответствующая реакция на совершенное правонарушение, а последнее, по понятным причинам, носит негативный характер.

Противоположная точка зрения, отстаиваемая приверженцами позитивного аспекта конституционно-правовой (и юридической) ответственности, заключается в наличии т.н. инициативного начала, в соответствии с которым ответственность начинается не только в связи с совершенным правонарушением, но и со стадии добровольного волеизъявления на исполнение обязательств. Более того, ответственность следует признавать истинно позитивной ввиду ее уникальной возможности по реализации воспитательной функции в отношении субъекта, нарушившего обязанность, а также окружающих его лиц.

Проанализированные подходы, несмотря на их аргументированную и, одновременно, взаимоисключающую категоричность, видятся не в полной мере соответствующими действительности. В рамках исследования автор придерживается точки зрения о двуначалии сущности конституционной ответственности, в связи с чем дальнейший анализ, в том числе, в части изучения наиболее благоприятной модели построения правовой дефиниции, будет основываться на сформулированном подходе. Касательно легального толкования критерий пробельности, к сожалению, также достаточно высок, и выражается не только в отсутствии официальной правовой дефиниции, но и (в сравнении с иными видами ответственности) достаточно скудными упоминаниями о возможности применения конституционно-правовой ответственности в рамках отечественного правового поля. Более того, анализ Конституции РФ позволяет сделать вывод, что законодатель оперирует лишь термином «ответственность», не акцентируя внимания на ее конституционном характере. При этом, в той же Конституции, а именно в ч. 2 ст. 122 упоминается возможность привлечения судьи к уголовной ответственности [3].

Исходя из изложенного, отметим практическую необходимость в разработке комплексного определения конституционно-правовой ответственности. Необходимо выявить наиболее значимые признаки анализируемого явления, в числе отметим:

1) конституционно-правовая ответственность – это вид юридической ответственности. В результате развития государства и общества социальные и, затем, юридические науки, прошли этап деления на отраслевые элементы;

2) наличие субъекта, обладающего конституционной правосубъектностью. В перечень субъектов конституционно-правовых отношений входят четыре основных элемента: народ, государство, общество, личность, а все дальнейшие вариации взаимоотношений строятся во взаимосвязи субъектов между собой и друг с другом. Определение института правосубъектности в контексте анализируемой правовой отрасли не нашло своего должного отражения в современных трудах по конституционному праву: как правило, наличие конституционной правосубъектности упоминается лишь поверхностно, посредством раскрытия общих положений теории права, либо не упоминается в принципе. Довольно распространенным является мнение, «что в основу разрабатываемой теории конституционной правосубъектности должны быть положены, в первую очередь, особенности предмета конституционно-правового регулирования. Учитывая неоднородность отношений, входящих в предмет регулирования конституционного права, наиболее адекватным будет выделение нескольких типов конституционной правосубъектности» [4]. Нами поддерживается приведенная точка зрения, в связи с чем отметим, что под конституционной правосубъектностью, в контексте ее роли как одного из признаков формируемой правовой дефиниции, следует понимать юридическую категорию, состоящую из исключительной (народ как первоисточник прав и обязанностей, поскольку конституционное право – это акт народной воли), абсолютной (сочетание публичноправового и частноправового начал, т.е. публичного, в том числе РФ как государства, и частного субъекта), общей и ограниченной (наиболее часто являются разновидностями правосубъектности для физических лиц, обладающих некоторыми особенностями, в частности пол, возраст, социальное положение и т.д.), специальной (помимо физических лиц, характерно для государственных органов РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления) конституционной правосубъектности;

3) наличие приоритетной цели, выражающейся в защите важнейших сфер отношений. Целевое назначение можно разделить на следующие направления – репрессивное, т.е. обеспечивающее карательную функцию ответственности по отношению к субъекту, нарушившему правовое предписание, а также восстановительное, выраженное в реализации защитной функции в отношении пострадавшей стороны, своего рода реабилитации правового положения;

4) предпосылка – наличие совершенного правонарушения. В значительной степени удачное толкование сущности конституционного правонарушения было предложено В.Р. Саттаровым, по которому – это «противоправное поведение субъекта конституционных правоотношений, заключающееся в его действии или бездействии, противоречащее предписаниям норм и принципам конституционного законодательства в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения установленных конституционным законодательством обязанностей, запретов либо злоупотребления правомочиями, либо неприменения субъективного права, причиняющее вред, создающее общественную опасность регулируемым конституционным правом общественным отношениям, законности и правопорядку, которое подвергается осуждению (порицанию) и применению установленной меры государственно-правового воздействия уполномоченным государственным органом или должностным лицом,

в том числе меры конституционно-правовой ответственности при его виновности с возложением негативных (неблагоприятных) последствий» [5].

Основание конституционно-правовой ответственности выражено в совокупности трех составляющих: нормативное (наличие официального нормативного акта, фиксирующего нарушаемое право); фактическое (наличие правонарушения в отношении данной зафиксированной нормы); процессуальное (легитимный порядок применения санкции правовой нормы).

5) Причина – невыполнение либо ненадлежащее выполнение субъектами своих конституционных обязанностей, либо злоупотребление своими конституционными правами.

6) Результат – неблагоприятные последствия для правонарушителя. Отметим, что, учитывая двусмысловой подход в оценке института конституционно-правовой ответственности через призму позитивного и негативного аспекта, одновременно предполагается также наличие признака благоприятных последствий, как для общества в целом (ввиду устранения потенциальной возможности по существованию продолжаемой противоправной деятельности), так и для пострадавшей стороны (выраженное в восстановлении нарушенного права) – в частности.

7) Форма выражения – меры государственного принуждения. Эти меры существуют в 3-х взаимосвязанных формах, предложенных далее во временной последовательности: меры конституционно-правового предупреждения. Призваны, во исполнение идей общей и частной превенции, заблаговременно осведомить потенциального нарушителя о наличии негативной оценки его возможным действиям со стороны государства, а также о последствиях (применимых санкциях) в случае совершения правонарушения. Эта стадия реализуется посредством реализации активных и/или пассивных действий по предупреждению конституционно-правовых конфликтов; меры конституционно-правового пресечения. Применимы в случае отсутствия полезного ожидаемого эффекта от предупредительных мер. Применяются в результате уже совершенного либо совершаемого правонарушения и выражаются во вмешательстве в конституционно-правовой конфликт с целью предотвращения дальнейшего вреда и негативных последствий; меры конституционно-правового восстановления. «С.С. Алексеев рассматривает защиту права в целом как государственно-принудительную деятельность, направленную на осуществление «восстановительных» задач - на восстановление нарушенного права, обеспечение юридической обязанности. Именно поэтому различные авторы не проводят дифференциации между мерами защиты и мерами восстановления нарушенного права» [6]. Однако, подобное разграничение в целом необходимо для формирования полноценного образа института конституционно-правовой ответственности посредством консолидированного анализа ее составных элементов; негативные последствия могут носить личный, организационный и/или имущественный характер.

Как видится, именно совокупность вышеперечисленных восьми признаков конституционно-правовой ответственности отражает ее правовую сущность. В связи с проведенным анализом, а также основываясь на отсутствии легального толкования, считаем возможным предложить собственный вариант дефиниции. Так, в рамках проводимого исследования, конституционно-правовая ответственность – это вид юридической ответственности, призванный осуществить защиту важнейших сфер отношений, выраженный в наличии совершенного субъектом, обладающим консти-

туционной правосубъектностью, правонарушения в связи с невыполнением либо ненадлежащим выполнением данным субъектом своих конституционных обязанностей, либо злоупотреблением своими конституционными правами, в результате чего наступают неблагоприятные последствия личного, организационного и/или имущественного характера для правонарушителя, проявляемые в форме применения мер государственного принуждения.

В контексте проводимого сравнительного анализа, однако на данном этапе - в отрыве от исторических предпосылок, обратим также внимание на следующий аспект: достаточно распространенной теоретической проблемой является смешение понятий конституционно-правовая и политическая ответственность. Неоспоримым является тот факт, что отрасль конституционного права является едва ли не самой политизированной отраслью в сравнении с иными отечественными отраслями права. В связи с чем разграничение политической и конституционно-правовой ответственности вызывает определенные затруднения. «Политическая ответственность – это ответственность за надлежащую реализацию тех властных полномочий, которые те или иные структуры получили от народа как единственного источника власти. Мерой политической ответственности будет отстранение от власти тех лиц, кто недолжным образом осуществлял свои публичные функции» [7].

Анализ исследований по заданной проблематике позволяет выделить несколько подходов к соотношению политической и конституционно-правовой ответственности: 1) политическая и конституционно-правовая ответственность – синонимичные понятия. Отчасти подход может быть охарактеризован как архаичный, присущий советскому периоду. Представитель - Боброва Н.А., отстаивающая позицию равнозначности не только анализируемых видов ответственности, но также и нравственной (моральной) ответственности, в консолидированном виде являющей собой юридическую ответственность [8, с. 11]; 2) политическая ответственность – это позитивный аспект конституционно-правовой ответственности. Иными словами, в контексте применения политической ответственности реализуется восстановительно-воспитательная функция, предполагающая защиту интересов, прежде всего, народа во взаимоотношениях с государством. В рамках данной теории реализуется основополагающий принцип конституционного права: единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ, в связи с чем, речь, как правило, идет о защите правовых возможностей, нежели обязанностях; 3) политическая ответственность – это негативный аспект конституционно-правовой ответственности. В контексте данного мнения политическая ответственность понимается через призму ее репрессивного характера, а именно – реализация санкционных мероприятий в отношении правонарушителей в области политических (конституционных) прав; 4) политическая и конституционно-правовая ответственность – различные виды ответственности. Анализируемый подход в большей степени отвечает текущим реалиям, однако, лишь в части: речь идет о неюридической политической ответственности. Для разъяснения сути сформулированной мысли, приведем 2 примера.

Первый – предлагаемые потенциальными выборными субъектами власти предвыборные обещания о выполнении определенных программных положений, о соответствии занимаемой государственной должности представляют собой объект политической ответственности, где контрольным является сама процедура выборов. «Одной из разновидностей политической ответственности будет являться ... отсут-

ствие поддержки избирателями выборного должностного лица на очередном плебисците, что свидетельствует об утрате данным лицом доверия избирателей» [7] в результате ранее не исполненных предвыборных обещаний.

Второй – неполучение поддержки на очередных выборах вследствие внешних факторов. Именно так выражается назревающая потребность в корректировке проводимого политического курса. «Субъектом, применяющим указанные формы ответственности, является народ, общество. Этот признак позволяет отделить данные формы политической ответственности власти от мер конституционно-правовой ответственности» [9]. Данный подход не является типичным, даже при проведении сравнительной параллели юридической доктрины стран СНГ. Так, в Республике Беларусь «Г.А. Василевич поддерживает тезис о существовании позитивной конституционно-правовой ответственности, а также возможности ее наступления при формальном отсутствии правонарушения. Придерживается данных взглядов и белорусский исследователь Т.С. Масловская» [10], что для российской правовой и исследовательской среды не характерно.

В результате проделанной работы на данном этапе был внесен вклад в развитие теоретических подходов к раскрытию понятия и сущности конституционно-правовой ответственности и, вероятно, сформирован дефинитивный базис для реализации законотворческой деятельности в части формирования легального определения конституционно-правовой ответственности и сопутствующих данному институту признаков. Вторая составляющая нашего исследования посвящена ключевым вопросам применимости конституционно-правовой ответственности в практической плоскости. В связи с уже обозначенной проблематикой отсутствия единства подходов в отечественной правовой среде, представляется возможным задействовать, в контексте сравнительно-аналитического анализа, успешный зарубежный опыт. В качестве понятийной основы применимы полученные ранее результаты и нововведения.

Помимо отсутствия какого-либо упоминания конституционно-правовой ответственности в самой Конституции РФ, этот институт также непосредственно не закреплён в иных нормативных актах. Однако, часто анализируемым термином оперирует Конституционный Суд РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 № 1096-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Завадского Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 7.1 и 11 ст. 40 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указывается, что «досрочное прекращение полномочий депутата вследствие нарушения запрета (несоблюдения требования), связанного с его публично-правовым статусом, выступает, по сути, в качестве специальной меры конституционно-правовой ответственности ..., а гражданин, добровольно избирая такой род занятий, соглашается с условиями и ограничениями, с которыми связан приобретаемый им правовой статус» [11]. Таким образом, Конституционный Суд РФ в своей деятельности минимизирует отрыв теоретического пространства конституционно-правовой ответственности от позитивного права в целом.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что в российском правовом поле субъектами конституционно-правовой ответственности выступает обширный перечень элементов, в числе которых: Президент РФ; Федеральное Собрание РФ; Правительство РФ; Верховный Суд РФ; Конституционный Суд РФ; органы местного самоуправления; общественные объединения; должностные лица,

граждане. Данный перечень субъектов в целом характерен и для иных зарубежных государств, как с унитарной, так и федеративной формой государственного устройства. Так, Конституция Республики Польши, в отличие от Конституции РФ, задекларировала легальную возможность применения именно конституционной ответственности, указав в части 1 ст. 198: «За нарушение Конституции или закона в связи с занимаемой должностью или в сфере исполнения своих служебных обязанностей конституционную ответственность перед Государственным Трибуналом несут: Президент Республики, Председатель Совета Министров, а также члены Совета Министров, Председатель Польского Национального Банка, Председатель Верховной Палаты Контроля, члены Всепольского Совета Радиовещания и Телевидения, лица, которым Председатель Совета Министров вверил руководство министерством, а также Высший Командующий Вооруженными Силами» [12]. Несмотря на то, что указание на наличие такой разновидности ответственности, как конституционная, на законодательном уровне РФ и большинства зарубежных государств, отсутствует, т.н. Польский прецедент в анализируемом вопросе в целом следует считать успешным и показательным. Учитывая тот факт, что Конституционный Суд РФ, как высший судебный орган конституционного контроля, активно оперирует термином «конституционно-правовая ответственность», как видится, в достаточной степени логичным и актуальным является внедрение правовой дефиниции в Основной закон РФ.

В текущих же реалиях в Конституции РФ «ни одно из употреблений слова «ответственность» не связано с собственно конституционной ответственностью» [13]. В связи с чем проблематику конституционной ответственности следует рассматривать через призму долженствования конкретного субъекта либо посредством анализа мер воздействия за отклоненное от установленной конституционной модели поведение субъекта.

Так, в контексте выделенной проблематики обратим внимание на пробельные аспекты применения конституционно-правовой ответственности по отношению к исполнительной ветви власти. В отношении субъектов, в чьи полномочия входит осуществление публично-правовых функций, применение института конституционно-правовой ответственности истолковывается «в форме ниспровержения требуемой высокой репутации, применяемое посредством государственного принуждения и отражающее реакцию общества на допущенное конституционное правонарушение» [14, с. 4]. В России Правительство РФ несет ответственность за свою деятельность перед парламентом (Федеральное Собрание РФ) и Президентом РФ.

Возможность формирования института ответственности Правительства РФ перед Федеральным Собранием РФ (исполнительной ветви власти перед законодательной) является реализацией одной из важнейших политических теорий – принципа сдержек и противовесов. Исходя из содержания ч. 3 ст. 117 Конституции РФ, становится очевидным, что в России подразумевается коллективный уровень ответственности Правительства РФ (перед Государственной Думой). «Находясь в составе коллегиального органа, члены Правительства несут коллективную ответственность за общее состояние социального, экономического развития государства, обороноспособность страны, соблюдение прав и свобод граждан. Сбои даже в строго ограниченных сферах деятельности исполнительной власти могут обусловить изменение общего состава Правительства» [15, с. 54]. Ситуация является в целом очевидной, и может быть объяснена наличием у исполнительного органа власти единого курса на

реализацию общегосударственной стратегии, в связи с чем Правительство РФ в понимании законодателя представляет единый правовой организм, осуществляющий исполнительно-распорядительную деятельность по заданному курсу. Анализируемая тенденция порождает закономерный вопрос: в случае совершения правонарушения отдельными членами правительства, нарушает ли принцип коллегиальности конституционно-правовой ответственности такие ключевые положения, как справедливость, соразмерность и целесообразность? Обратимся к зарубежному опыту.

Институт конституционно-правовой ответственности коллективного типа достаточно распространен на территории большинства государств Европы. Яркий пример – выражение вотума недоверия всему составу правительства. Статья 108 Конституции Испании: «Правительство несет солидарную ответственность перед Конгрессом депутатов за свою политическую деятельность» [16]. Схожие положения есть в ст. 20 Конституции Франции, ст. 190 Конституции Португальской Республики и т.д.

Ряд государств, как, например, Польша, Австрия, Греция, предусматривают возможность применения, помимо коллективной (солидарной) модели ответственности, также индивидуальной. Последняя заключается в возможности должностного лица (в т.ч., исполнительной ветви власти) нести установленную законом конституционно-правовую ответственность обособленно, соразмерно совершенному правонарушению. Удачным видится подход польского законодателя в рамках уже упоминаемой ранее Конституции Республики Польши, а именно – ст. 157. Ч. 1 анализируемой нормы гласит: «Члены Совета Министров несут перед Сеймом солидарную ответственность за деятельность Совета Министров» [12]. При этом, ч. 2 дает следующее уточнение: «Члены Совета Министров несут перед Сеймом также индивидуальную ответственность за дела, подлежащие их компетенции или порученные им Председателем Совета Министров» [12]. По такому принципу обеспечивается двуначалие конституционно-правовой ответственности самого коллективного органа и его составных элементов. Такой механизм индивидуализированной ответственности успешен, ведь позволяет не только применять процедуру возложения ответственности за совершенное правонарушение более оперативно, но и более результативно, поскольку каждый отдельно взятый член Совета Министров в полной мере осознает важность возлагаемых на него полномочий и их рисковый характер. Отдельным преимуществом считаем закрепление анализируемой нормы в рамках Основного закона, т.к. последний обеспечивает единообразие всех иных, в том числе подзаконных нормативных источников, в части заданного курса.

Таким образом, считаем возможным позаимствовать зарубежный опыт в части конституционно – правового регулирования института индивидуальной ответственности министров, выражаемой в виде вотума со стороны парламента о недоверии за принятые решения. Для России в целом тенденция к индивидуализации ответственности не является кардинальным нововведением: в результате проводимых реформ, принятия поправок в соответствии с положениями Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» ст. 113 Конституции РФ была дополнена положением следующего содержания: «Председатель Правительства Российской Федерации несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий» [3]. Однако, подобные коррективы

требуют также от законодателя легального закрепления оснований наступления конституционно-правовой ответственности членов Правительства, что, как видится, дополнительно актуализирует уже озвученную ранее необходимость в регламентации понятия «конституционно-правовая ответственность» на официальном уровне.

Список литературы:

1. Олиппиев А.Ю. К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно-правовой ответственности / А.Ю. Олиппиев // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatiy-suschnosti-i-vidah-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti>
2. Титова А.А. Конституционная ответственность в механизме правового регулирования / А.А. Титова // Вестник СГЮА. 2012. №4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-otvetstvennost-v-mehanizme-pravovogo-regulirovaniya>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Титова Е.В. К вопросу о понимании правосубъектности в теории права и конституционном праве / Е.В. Титова // Вестник ЧелГУ. 2010. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponimani-pravosubektnosti-v-teorii-prava-i-konstitutsionnom-prave>
5. Саттаров В.Р. Конституционное правонарушение / В.Р. Саттаров // ВЭПС. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravonarushenie>
6. Володько И.А. Виды мер конституционно-правового принуждения / И.А. Володько // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. №3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-mer-konstitutsionno-pravovogo-prinuzhdeniya>
7. Шуваев К.В. Конституционно-правовая или политическая ответственность? / К.В. Шуваев // Право и государство: теория и практика. 2017. №2 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovaya-ili-politicheskaya-otvetstvennost>
8. Боброва Н.А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Государственно-правовые аспекты / Боброва Н. А., Зражевская Т. Д.; Науч. ред.: Основин В. С. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - 154 с.
9. Русанов А.В. К вопросу о соотношении политической и конституционно-правовой ответственности / А.В. Русанов // Вестник ТГУ. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-politicheskoy-i-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti>
10. Шуваев К.В. Некоторые аспекты института конституционно-правовой ответственности в Республике Беларусь / К.В. Шуваев // Право и государство: теория и практика. 2017. №11 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-instituta-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti-v-respublike-belarus>
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 № 1096-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Завадского Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 7.1 и 11 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://consultant.cfuv.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=CPxYITTeW0Wmyrmu&cacheid=C939DAA119E00980ABF4E365C0203858&mode=splus&rnd=0.17198256554470737&base=ARB&n=714197#yFKZITTMLsukmjzm>
12. Конституция Республики Польша. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>
13. Мархгейм М. В., Полухин О. Н. Конституционная ответственность государства за нарушение прав и свобод человека / М.В. Мархгейм, О.Н. Полухин // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2012. №8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-otvetstvennost-gosudarstva-zanarushenie-prav-i-svobod-cheloveka>
14. Трофимова Г.А. Понятие конституционно-правовой ответственности как отраслевого вида юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 3 - 8.
15. Выскребенцева М.Ю. Коллегиальная (коллективная) ответственность Правительства / М.Ю. Выскребенцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 53-55. ISSN 1997-292X. С. 53-55. С. 54
16. Конституция Королевства Испании. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf>

Radomsky Yu.A. Institute of constitutional and legal responsibility: definitive gap and prospects of practical applicability // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – Р. 172–182.

This article is devoted to the analysis of a largely controversial and ambiguous phenomenon for the domestic legal environment – the institution of constitutional and legal responsibility. Within the framework of this study, it is established that constitutional and legal responsibility in the understanding of the Russian legislator is not properly differentiated from other types of responsibility. Moreover, it becomes clear that in addition to the presence of a definitive gap inherent in the Constitution of the RF on the analyzed issue, there is also no unity of opinion at the doctrinal level: among constitutional researchers of the Soviet period and the present, there is excessive variability and inconsistency in conclusions. In addition to theoretical shortcomings, the paper establishes the presence of applied imperfections concerning the legal applicability of the institution of constitutional and legal responsibility, in particular, in relation to executive authorities. Attention is focused on the role of collective and individual models of responsibility. The article is also devoted to the analysis of foreign experience in a similar category of legal relations and approaches of foreign legislators.

Keywords: constitutional and legal responsibility, collective entity, legal definition, measures of state coercion, Constitution of the Republic of Poland, solidarity, political activity.

Spisok literatury:

1. Olimp'ev A.YU. K voprosu o ponyatii, suschnosti i vidah konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti / A.YU. Olimp'ev // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-suschnosti-i-vidah-konstitucionno-pravovoy-otvetstvennosti>
2. Titova A.A. Konstitucionnaya otvetstvennost' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / A.A. Titova // *Vestnik SGYUA*. 2012. №4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionnaya-otvetstvennost-v-mekhanizme-pravovogo-regulirovaniya>
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Titova E.V. K voprosu o ponimanii pravosub"ektnosti v teorii prava i konstitucionnom prave / E.V. Titova // *Vestnik CHelGU*. 2010. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponimanii-pravosubektnosti-v-teorii-prava-i-konstitucionnom-prave>.
5. Sattarov V.R. Konstitucionnoe pravonarushenie / V.R. Sattarov // *VEPS*. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionnoe-pravonarushenie>
6. Volod'ko I.A. Vidy mer konstitucionno-pravovogo prinuzhdeniya / I.A. Volod'ko // *Vestnik OmGU. Seriya. Pravo*. 2014. №3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-mer-konstitucionno-pravovogo-prinuzhdeniya>
7. SHuvaev K.V. Konstitucionno-pravovaya ili politicheskaya otvetstvennost'? / K.V. SHuvaev // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2017. №2 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionno-pravovaya-ili-politicheskaya-otvetstvennost>
8. Bobrova N.A. Otvetstvennost' v sisteme garantij konstitucionnyh norm. Gosudarstvenno-pravovye aspekty / Bobrova N. A. , Zrazhevskaya T. D. ; Nauch. red. : Osnovin V. S. - Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. - 154 s.
9. Rusanov A.V. K voprosu o sootnoshenii politicheskoy i konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti / A.V. Rusanov // *Vestnik TGU*. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-politicheskoy-i-konstitucionno-pravovoy-otvetstvennosti>
10. SHuvaev K.V. Nekotorye aspekty instituta konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti v Respublike Belarus' / K.V. SHuvaev // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2017. №11 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-instituta-konstitucionno-pravovoy-otvetstvennosti-v-respublike-belarus>
11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.04.2022 № 1096-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Zavadskogo Nikolaya Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastyami 7.1 i 11 stat'i 40 Federal'nogo zakona «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». URL: <https://consultant.cfu.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=CPxYITtcW0Wmyrmu&cacheid=C939DAA119E00980ABF4E365C0203858&mode=splus&rnd=0.17198256554470737&base=ARB&n=714197#yFKZITHTMLsuk>
12. Konstituciya Respubliki Pol'shi. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>
13. Marhgejm M. V., Poluhin O. N. Konstitucionnaya otvetstvennost' gosudarstva za narushenie prav i svobod cheloveka / M.V. Marhgejm, O.N. Poluhin // *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 2012. №8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionnaya-otvetstvennost-gosudarstva-za-narushenie-prav-i-svobod-cheloveka>
14. Trofimova G.A. Ponyatie konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti kak otraslevogo vida yuridicheskoy otvetstvennosti // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2016. № 7. S. 3 - 8.
15. Vyskrebenceva M.YU. Kollegial'naya (kollektivnaya) otvetstvennost' Pravitel'stva / M.YU. Vyskrebenceva // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. № 11 (49): v 2-h ch. CH. II. C. 53-55. ISSN 1997-292X. S. 53-55.
16. Konstituciya Korolevstva Ispanii. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf>

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 339.137.2

**К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛОТОВ ПРИ
ПРОВЕДЕНИИ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

Волкова И. Ю., Волков В. Ю.

В статье рассматривается вопрос определения правомерности объединения в один лот нескольких объектов при проведении конкурентных процедур. В ходе исследования проанализированы особенности рассмотрения антимонопольными органами и арбитражными судами данной категории споров. Объединение лотов рассматривается, с одной стороны, как фактор ограничения конкуренции, так как укрупнение лота ведет к сокращению количества участников; с другой – как инструмент обеспечения целесообразного расходования бюджетных средств. Более подробно изучена специфика объединения в один лот нескольких работ и услуг, а также жилых помещений при формировании описания объекта закупки. Материал исследования подтверждает существование правовой неопределенности при разрешении данной категории споров. На основании материалов судебной практики сформулированы возможные критерии наличия функциональной и технологической взаимосвязи между объектами в зависимости от особенностей конкурентной процедуры.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, конкурентная процедура, описание объекта закупки, объединение лотов, ограничение конкуренции.

Для обеспечения стабильности экономики в России необходимо создать условия для поддержания высокого уровня конкуренции. Развитие рыночной экономики создало условия для участия в экономическом обороте всех желающих субъектов. Одной из важнейших форм взаимодействия государства с частными субъектами является проведение закупок для государственных или муниципальных нужд. Для предупреждения ограничения количества потенциальных участников конкурентной процедуры законодательно устанавливаются ограничения при формировании заказчиками описания объекта закупки. Так, действующим законодательством запрещается объединять несколько лотов в одной закупке без наличия между ними взаимосвязи, так как это сокращает количество участников и увеличивает цену обеспечения контракта. При этом государственные и муниципальные заказчики должны обеспечить наиболее эффективное оказание услуг населению при наименьших затратах бюджетных средств, поэтому при некоторых обстоятельствах объединение нескольких лотов в один признается допустимым.

Несмотря на установление запрета необоснованного объединения нескольких лотов, в законодательстве нет четких критериев, позволяющих установить наличие взаимосвязи, так как необходимо учитывать специфику каждой закупки, цель её проведения, индивидуальные особенности товаров, работ или услуг, предоставляемых поставщиком. Это создает правовую неопределенность как для заказчиков, так и для правоприменительных органов при рассмотрении жалоб на действия заказчиков, что порождает формирование неоднородной и противоречивой практики. Несмотря на распространенность данной проблемы в современном экономико-правовом пространстве России, она является недостаточно изученной в доктрине антимонопольного права, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Антимонопольным законодательством Российской Федерации установлен запрет на включение в состав лотов товаров, работ и услуг, которые технологически и функционально не связаны с предметом закупки [11, ч. 3 ст. 17]. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что при проведении государственных закупок включение в один лот нескольких товаров, работ и услуг возможно при наличии их технологической и функциональной взаимосвязи [1, п. 3]. При этом дефиниция категорий функциональной и технологической взаимосвязи в законодательстве не раскрывается. Из-за отсутствия законодательного определения вопрос законности объединения в один лот остается на усмотрение территориальных управлений федеральной антимонопольной службы (далее – УФАС) и судебных органов.

В зависимости от целей закупки и особенностей её предмета вопрос о возможности объединения нескольких лотов в один разрешается по-разному. При этом даже при аналогичных предметах закупок правоприменительные органы неодинаково оценивают законность объединения лотов. Для выявления закономерностей при определении правомерности или неправомерности объединения лотов и изучения особенностей рассмотрения данной категории дел проанализируем судебные акты по делам, в которых рассматривался вопрос допустимости объединения нескольких лотов при проведении одной закупки. В рамках настоящего исследования более подробно будет проанализировано объединение в один лот нескольких работ и услуг и жилых помещений при их строительстве или приобретении публичным субъектом.

Для реализации функций государства и оказания услуг населению зачастую требуется выполнение не одного вида работ или услуг, а их предоставление в комплексе. При таких обстоятельствах неоднозначным является вопрос необходимости объединения таких работ или услуг в один лот или же проведения разных закупок для предоставления возможности участия в конкурентных процедурах всем желающим субъектам. При рассмотрении дел в контексте объединения лотов такого рода правоприменители обращают внимание на взаимосвязь лотов, возможность их неразрывного использования, наличие единой цели их использования. Проанализируем далее особенности выводов правоприменительных органов при рассмотрении вопроса законности объединения лотов таким образом.

В одном из дел учреждение проводило закупку, предметом которой являлось выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию областной больницы и поставка медицинского оборудования. УФАС признало объединение в один лот проектных работ, строительства и поставки неправомерным, так как их выполнение возможно независимо друг от друга. Арбитражный суд поддержал выводы УФАС, указывая, что выполнение работ и поставка оборудования образуют разные товарные рынки, не обладают схожими родовыми признаками и не имеют между собой технологической и функциональной связи. Суд также указал, что после завершения строительства у заказчика объективно была возможность поставить оборудование, так как оно не имело неразрывной связи с объектом строительства [7]. Суды апелляционной [10] и кассационной [9] инстанций оставили решение в силе, а Верховный Суд Российской Федерации отказал в передаче кассационной жалобы на рассмотрение [4].

В приведенном случае судебные органы обратили внимание на отсутствие неразрывной связи между поставкой и строительством. Однако имеют место ситуации, когда несмотря на наличие единой цели предмета закупки правоприменитель-

ными органами признается незаконным объединение в один лот по причине реализации государственного контракта на разных территориях. Например, при проведении аукциона на выполнение работ по благоустройству территорий в трех разных районах города, УФАС признал укрупнение лота неправомерным. Во-первых, в перечень работ входили освещение, демонтажные работы, озеленение территории, установка детского и спортивного оборудования. Во-вторых, работы необходимо было проводить в разных районах, территориально отдаленных друг от друга.

При обжаловании решения УФАС заказчиком суды оставили его в силе [6]. Несмотря на довод о наличии технологической и функциональной взаимосвязи между работами, суды указали, что у этих работ разный вид назначения. Суды также учли, что на каждый объект благоустройства разработана отдельная проектно-сметная документация, что также исключает их взаимосвязь. Объединение в один лот было признано неправомерным, так как это привело к укрупнению предмета аукциона и ограничению круга лиц, имеющих возможность принять участие в закупке [2].

В рассмотренных решениях объединение лотов признавалось ограничивающим конкуренцию из-за того, что предметами контрактов были работы и услуги, которые можно было выполнять самостоятельно. Однако если объекты закупки связаны между собой и направлены на единый результат, объединение будет признано допустимым. Например, при объединении в один лот работ по содержанию линий освещения на дорогах и работ по исполнению договоров энергоснабжения, суд обратил внимание на их отнесение к единой категории в соответствии с Классификацией работ по капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог [8]. Несмотря на то, что УФАС признало действия заказчика незаконными, суд указал на необходимость целесообразного использования бюджетных средств и обеспечения эффективности закупки [5].

Таким образом, объединение в один лот различных по правовой природе работ и услуг допускается только если их выполнение невозможно друг без друга и если реализация одного нецелесообразна без другого. Объединение лотов признается незаконным, во-первых, если они составляют разный товарный рынок; во-вторых, если у них различное функциональное назначение; в-третьих, если их выполнение не связано между собой; в-четвертых, если их необходимо выполнять на разных территориях.

Особой государственной функцией является обеспечение жильем нуждающихся. Для осуществления этого проводятся процедуры на право заключение контрактов о строительстве жилых помещений или их приобретения. В отличие от объединения работ и услуг, территориальная близость создаваемых или приобретаемых жилых помещений не будет влиять на правомерность их объединения. Например, при проведении закупки на заключение договора на выполнение работ по подготовке документации, выполнению инженерных изысканий и выполнению работ по строительству домов были объединены два дома, находящиеся рядом. Заказчик обосновал объединение наличием у домов общей коммуникации, электрических сетей и объектов благоустройства, а также возведение их на смежных участках в едином архитектурном стиле. Несмотря на доводы заказчика, УФАС и судебные органы признали объединение незаконным [3]. В данном случае дома не были признаны технологически и функционально связанными, так как, во-первых, в качестве предмета закупки было обозначено строительство домов, а не микрорайона, поэтому взаимо-

связь необходимо определять между квартирами, а не домами; во-вторых, их использование независимо друг от друга было возможно; в-третьих, квартиры были предназначены для проживания разных семей.

Таким образом, наличие функциональной и технологической взаимосвязи между квартирами опровергается в правоприменительной практике, так как квартира является самостоятельным объектом гражданских прав и может быть использована независимо от наличия или отсутствия многоквартирного дома рядом, а наличие единых систем благоустройства не свидетельствует о наличии неразрывной взаимосвязи между ними.

Обобщая вышеизложенное, корректное определение наличия взаимосвязи между объектами лота имеет принципиальное значение для обеспечения конкуренции при проведении закупок, так как укрупнение лота сужает круг потенциальных участников ввиду увеличения цены контракта и суммы его обеспечения. При рассмотрении жалоб о неправомерном укрупнении лота заказчиками возникают противоречивые ситуации, так как правоприменители по-разному оценивают наличие или отсутствие связи между объектами закупки и возможности их самостоятельного использования.

Проанализированные материалы судебной практики свидетельствуют о том, что судебные органы и УФАС применяют различные критерии наличия или отсутствия взаимосвязи между лотами в зависимости от того, что является предметом закупки: товары, работы или услуги, а также с учетом специфики объекта договора. Например, если в один лот объединены различные работы и услуги, о наличии связи между ними будут свидетельствовать территориальная близость выполнения работ и услуг, нецелесообразность выполнения одного без другого, один вид назначения, обладание схожими родовыми признаками, отнесение к одному товарному рынку. Если же в один лот объединены жилые помещения, их нахождения в близости друг от друга и наличие единых систем благоустройства не будет считаться основанием для объединения, так как жилое помещение является самостоятельным объектом, который можно использовать независимо от наличия аналогичного объекта. Для устранения неопределенности в данном вопросе представляется необходимым закрепить соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Данная мера позволит уменьшить количество нарушений при составлении описания объекта закупки, так как у заказчиков будет более полное представление о том, что необходимо учитывать при определении наличия взаимосвязи между объектами закупки. Кроме того, это поспособствует единообразию практики судебных и антимонопольных органов.

Выполнение задач государства зачастую невозможно без проведения конкурентных процедур, поэтому обстоятельства, при которых разные лоты объединяются в один, очень разнообразны, их специфика требует изучения, что обуславливает дальнейшую актуальность исследования данной проблемы.

Список литературы:

1. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017)// "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 12, декабрь, 2017
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2021 г. № 308-ЭС21-5203/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a67a23bb-aff5>

- 4af2-afc5-655e2809ea64/178c3d17-8c10-490a-80df-a21656ae0023/A32-12728-2020_20210429_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022)
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2022 № 303-ЭС21-27462/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/34628975-2e72-4736-b132-f8dd198fe938/0f3cc7b7-6c50-421e-bdfa-9c075c852088/A59-230-2021_20220203_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.01.2023)
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2022 № 305-ЭС21-29007/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/5c98775f-e974-4c38-85eb-7390cc21050a/A40-262159-2020_20220221_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022)
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2022 г. № 306-ЭС22-121/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/583a5c94-09a0-46e2-a208-2547f3c69f83/c6ea88d9-e8a8-4e49-b542-56cae83db6e2/A65-19340-2019_20220317_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022)
6. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16.06.2020 по делу № А32-12728/2020/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a67a23bb-aff5-4af2-afc5-655e2809ea64/2095ed12-a718-4f99-8c37-4ef1e515dd5a/A32-12728-2020_20200616_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022)
7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 23.04.2021 г. по делу № А40-262159/2020/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/033673ef-1350-4863-9fb1-27a1c5c1336b/A40-262159-2020_20210423_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022).
8. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 13.04.2021 г. по делу № А65-19340/2019/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/583a5c94-09a0-46e2-a208-2547f3c69f83/aecdc756-0953-4383-a071-af8cd19f1b2b/A65-19340-2019_20210413_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022)
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.11.2021 по делу № А40-262159/2020/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/f36faaa5-47ed-4014-a6f1-01af5b3abd59/A40-262159-2020_20211101_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022)
10. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 16.07.2021 г. по делу № А40-262159/2020/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/4ef0730e-1313-482a-9bf8-c54df270242c/A40-262159-2020_20210716_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.12.2022)
11. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ "О защите конкуренции"// "Собрание законодательства РФ". 31.07.2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3434.

Volkova I. Yu., Volkov V. Yu. On the question of the legality of combining lots when conducting purchases for state and municipal needs // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – Р. 183-188.

The article deals with the issue of determining the legality of combining several objects into one lot during competitive procedures. In the course of the study, the features of consideration by antimonopoly authorities and arbitration courts of this category of disputes are analyzed. The consolidation of lots is considered, on the one hand, as a factor of limiting competition, since the enlargement of the lot leads to a reduction in the number of participants; on the other hand, as a tool to ensure the expedient spending of budget funds. The specifics of combining several works and services into one lot, as well as residential premises, when forming a description of the object of purchase, are studied in more detail. The research material confirms the existence of legal uncertainty in the resolution of this category of disputes. Based on the materials of judicial practice, possible criteria for the existence of a functional and technological relationship between objects, depending on the features of the competitive procedure, are formulated.

Keywords: antimonopoly legislation, competitive procedure, description of the object of purchase, consolidation of lots, restriction of competition.

Spisok literatury:

1. Obzor sudebnoj praktiki primeneniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd" [Review of judicial practice of application of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs"] (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 28.06.2017)// "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 12, December, 2017
2. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29.04.2021 g. № 308-ES21-5203 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES21-5203 dated 04/29/2021]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a67a23bb-aff5-4af2-afc5-655e2809ea64/178c3d17-8c10-490a-80df-a21656ae0023/A32-12728-2020_20210429_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 12/28/2022)
3. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 03.02.2022 № 303-ES21-27462 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 303-ES21-27462 of 03.02.2022]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/34628975-2e72-4736-b132-f8dd198fe938/0f3cc7b7-6c50-421e-bdfa-9c075c852088/A59-230-2021_20220203_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 09.01.2023)
4. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21.02.2022 № 305-ES21-29007 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-29007 dated 02/21/2022]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/5c98775f-e974-4c38-85eb-7390cc21050a/A40-262159-2020_20220221_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 12/28/2022)
5. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.03.2022 g. № 306-ES22-121 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES22-121 dated 17.03.2022]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/583a5c94-09a0-46e2-a208-2547f3c69f83/c6ea88d9-eba8-4e49-b542-56cae83db6e2/A65-19340-2019_20220317_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 12/28/2022)
6. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraja ot 16.06.2020 po delu № A32-12728/2020 [The decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory of 16.06.2020 in case no. A32-12728/2020]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a67a23bb-aff5-4af2-afc5-655e2809ea64/2095ed12-a718-4f99-8c37-4ef1e515dd5a/A32-12728-2020_20200616_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 12/28/2022)
7. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 23.04.2021 g. po delu № A40-262159/2020 [The decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 23.04.2021 in case no. A40-262159/2020]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/033673ef-1350-4863-9fb1-27a1c5c1336b/A40-262159-2020_20210423_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 12/28/2022).
8. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Tatarstan ot 13.04.2021 g. po delu № A65-19340/2019 [Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 13.04.2021 in case no. A65-19340/2019]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/583a5c94-09a0-46e2-a208-2547f3c69f83/aecdc756-0953-4383-a071-af8cd19f1b2b/A65-19340-2019_20210413_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 12/28/2022)
9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 01.11.2021 po delu № A40-262159/2020 [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 01.11.2021 in case no. A40-262159/2020]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/f36faaa5-47ed-4014-a6f1-01af5b3abd59/A40-262159-2020_20211101_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 12/28/2022)
10. Postanovlenie Devyatogo Arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 16.07.2021 g. po delu № A40-262159/2020 [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 16.07.2021 in case no. A40-262159/2020]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d041b7f2-99e8-476a-b275-4efefbcc597e/4ef0730e-1313-482a-9bf8-c54df270242c/A40-262159-2020_20210716_Postanovlenie_apellyacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of appeal: 12/28/2022)
11. Federal'nyj zakon ot 26.07.2006 N 135-FZ "O zashchite konkurencii" [Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 "On Protection of Competition"]// "Collection of Legislation of the Russian Federation". 31.07.2006. N 31 (1 h.). Article 3434.

УДК 340.5

СОДЕРЖАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Галкин А. Г., Цергой Д. Г.

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

В статье рассматриваются положения, раскрывающие понятия и содержание наследственного договора в законодательстве Российской Федерации, а также в законодательстве других стран. Актуальность работы обусловлена современными процессами реформирования российского законодательства, в том числе в области наследственного правопорядка, которые анализируются в сравнительном разрезе с действующими законодательствами зарубежных стран. Объектом исследования служат актуальные нормативные акты и вопросы, ставшие основой для реформирования. Методология опирается на теоретические исследования ученых в рассматриваемой нами проблемной области. Результаты исследования сформулированы в форме выводов.

Ключевые слова: наследственное право, наследственный договор, гражданское право, наследование, договор, вступление в наследство.

Среди новелл наследственного права особого внимания заслуживает такой способ распоряжения наследственным имуществом, получивший закрепление в нормах ст. 1118 ГК РФ, как наследственный договор.

Наследственный договор является одной из актуальных проблем в российском и зарубежном законодательстве. Причина просматривается в несовершенстве и неопределенности его отдельных сторон, которые необходимо адаптировать под современные условия динамично изменяющегося мира. Проблема актуализирована многими учеными в области гражданского права, как отечественными, так и зарубежными, причем ряд положений имеет спорный характер и на настоящий момент находятся в стадии обсуждения. В первую очередь это касается правовой стороны наследования бизнеса, что представляется достаточно актуальным для экономики страны.

Считаем необходимым отметить, что идею реформирования наследственного права активно поддерживают члены бизнес-кругов, поскольку институты, которые введутся по итогам реформирования, будут ориентированы на поддержание работы бизнеса после смерти его владельца [1, с. 9].

Многие исследователи указывают на важность формулирования подхода к проблематике наследственного права и договора, например, В.А. Белов пишет, что «мы имеем реальную, выдвинутую самой жизнью потребность: нужно сделать так, чтобы бизнес имел возможность как минимум сохраняться, а в идеале развиваться, несмотря на смерть контролировавшего его лица» [2, с. 132].

С 2017 года в Госдуме Федерального собрания РФ рассматривался законопроект № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)», который наряду с другими сторонами наследственного права предусматривал необходимость включения в Гражданский кодекс РФ (ст. 11401, содержащей положения о наследственном договоре).

Положения о наследственном договоре, достаточно новые для Российского права, обрели законодательную силу с 1 июня 2019 г. Отметим, что многие до сих пор относятся к подобной форме распоряжения имуществом насторожено, при том, что она узаконена и при внимательном рассмотрении становится очевидным, что дает наследодателю определенные преимущества. Прежде всего, по завещанию завещатель ничего не получает взамен, тогда как наследственный договор позволяет передать наследство с выгодой для себя.

Можно утверждать, что эффективным инструментом наследственного права является наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ).

Именно благодаря договорной природе, наследники, принимая участие в наследственном договоре, заранее осведомлены о том, как будет распределено имущество, следовательно, при подписании договора добровольно и сознательно принимают волю завещателя, одобряют ее. По соглашению сторон или по решению суда, содержание наследственного договора может быть изменено. Также п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ допускает заключение наследственного договора с условием. Нормы п. 1 ст. 1118 ГК РФ, посвященные регулированию института завещания, распространяются и на наследственные договоры, в то же время некоторые цивилисты не уверены, что это целесообразно. Например, пока не вполне понятно, может ли наследственный договор, аналогично завещательному распоряжению, удостоверить должностное лицо в соответствии с п. 7 ст. 1125 ГК РФ.

Немаловажно обратить внимание на улучшение механизмов защиты прав и интересов сторон наследственного договора. Согласно п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ, если в отношении имущества заключено несколько наследственных договоров, то приоритет отдается договору с более ранней датой.

В то же время, правило о приоритете даты можно обойти, если, например, первоначально составить в отношении имущества завещание, а потом заключить наследственный договор. С практической точки зрения подобные действия не нарушат нормы действующего законодательства, так как наследодатель имеет право распоряжаться своим имуществом исключительно по своему усмотрению, даже в том случае, если потенциальный наследник может лишиться права наследования (п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ).

Если случится так, что наследодатель в одностороннем порядке отказался от наследственного договора, то в его обязанности входит возмещение убытков другим сторонам договора, если таковые были понесены ими при таком отказе. Возникновение убытков в рамках наследственного договора вероятно, поскольку в его содержании могут присутствовать указания на исполнение неких обязательств, предшествующих открытию наследства (п. 6 ст. 1118 ГК РФ).

Действующее законодательство РФ позволяет оспорить наследственный договор, но только при определенных обстоятельствах. Например, наследственный договор может подвергнуться оспариванию при жизни завещателя, если от одной из сторон такого договора поступил соответствующий иск в судебную инстанцию. Также оспорить наследственный договор можно непосредственно после открытия наследства, если будет установлено, что права и интересы конкретных лиц были нарушены данным договором.

В странах Европы и Азии наследственный договор существует и используется на практике уже достаточно давно. В частности, весьма популярна данная договорная

конструкция в Германии, Швейцарии, Китае. И.В. Матвеев по этому поводу поясняет, что в иностранных государствах наследственный договор традиционно рассматривается как некое соглашение между завещателем и его наследниками. В дальнейшем предполагается, что после смерти наследодателя по наследственному договору все завещанное имущество перейдет тому наследнику, который данный договор подписал.

Вполне объяснимо, что в каждой стране наследственный договор имеет свою национальную специфику, обусловленную множеством факторов различного порядка. Это относится и к России, при том, что прототипом юридической конструкции наследственного договора в России стала модель, взятая из Германского Гражданского Уложения [3].

Относительно особенностей функционирования наследственного договора в зарубежных странах можно отметить ряд фактов. Например, в ФРГ наследственный договор одновременно может рассматриваться как личная сделка и как завещание. Согласно положениям § 2274 ГУ ФРГ наследственный договор может подписывать только наследодатель. Не допускается привлекать для этих целей представителя. При этом наследник по наследственному договору на законных основаниях может воспользоваться услугами представителями.

Интересен тот факт, что в соответствии с § 2229 и § 104 ГУ ФРГ при заключении наследственного договора применительно к завещателю учитываются не общепризнанные правила о признании дееспособности, а специально установленные требования. Немецкий законодатель в § 2275 ГУ ФРГ уточняет, что заключать наследственные договоры могут только те завещатели, которые обладают по закону неограниченной дееспособностью [4, с. 2].

В Швейцарии также существует и используется на практике институт наследственного договора. Согласно ст. 494 ГК Швейцарии наследственный договор имеет гражданско-правовую природу, и на законных основаниях считается полноценной сделкой. Согласно швейцарскому законодательству, завещатель может в наследственном договоре не только распорядиться своим имуществом, но и установить завещательный отказ.

Лицо свободно в заключение такого договора в отношении любого имущества, которое ему принадлежит, с любым лицом, за исключением тех лиц, которые были признаны недостойными наследниками. Обязательная доля не является ограничением. Если наследник имеет право на обязательную долю в наследстве, то он вправе отказаться от своего права, в том числе и на условиях встречного предоставления» [5, с. 195].

Согласно статье 5 Закона о наследовании Китайской Народной Республики наследственный договор, который именуется как договор завещательного дара, «закрепляет обязательство наследодателя по передаче имущества, которое завещано, после своей смерти, а на наследников возлагается обязанность по материальному содержанию и уходу за наследодателем при его жизни и по обязанности по организации его погребения» [6, с. 4].

Согласно Гражданскому закону Латвии, наследование по договору устанавливается, если один контрагент другому или несколько контрагентов друг другу предоставляют право на будущее после себя наследство или часть его. В Латвийской Республике при заключении наследственного договора должны быть соблюдены усло-

вия об обязательной доле в наследстве, за исключением, когда наследник, имеющий право на обязательную долю, непосредственно сам или путем участия в договоре не отказался от своего права. Если такое условие не будет соблюдено, то наследник, имеющий право на обязательную долю, может оспорить такой договор.

В целом, рассматриваемый вопрос имеет широкие перспективы для дальнейших научных разработок и исследования, что подтверждают выявленные исследователи лакуны и неопределенности, допускающие неоднозначные трактовки отдельных положений и оставляющие лазейки для обхода Закона.

Единством формулировки наследственного договора у всех стран является определение сторон в качестве наследодателя и стороны, с которой заключается наследственный договор, а различием проявляются в отдельных условиях соглашения договора. А.А. Гаджиев и Г.В. Гудименко подчеркивают, что к настоящему времени наследственный договор является достаточно известным явлением в правовой плоскости не только Российской Федерации, но и других стран мира. Однако в зависимости от принадлежности государства к той или иной правовой семье, а также специфики построения правовой системы юридическая сущность наследственного договора имеет свои различия, равно как и существуют определенные отличия в правовых последствиях от наследственного договора.

В то же время в России и за рубежом наметилась отчетливая тенденция введения наследственного договора в действующее законодательство. При этом в отдельных государствах (например, во Франции) длительное время превалировал категоричный отказ законодателя от применения на практике наследственного договора. К настоящему времени ситуация несколько изменилась: французское законодательство позволяет использовать институт наследственного договора, но только в строго оговоренных случаях [5, с. 195].

В завершении важно отметить, что наследственное право России пополнилось новыми инструментами, с помощью которых заинтересованные лица могут распоряжаться своим наследственным имуществом, не забывая при этом о существовании определенных рисков вследствие несовершенства законодательства и отсутствия единообразной практики.

Наиболее оптимальным, эффективным и удобным является, на наш взгляд, наследственный договор. Также отметим, что при построении отечественной правовой системы, связанной с наследственным договором, достаточно продуктивно и рационально исследовать и проанализировать более богатый опыт зарубежных стран и применить его, адаптировав к национальным особенностям России.

Список литературы:

1. Белоотченко Е.А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // Ленинградский юридический журнал, 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennyy-dogovor-v-ramkah-reformirovaniya-rossiyskogo-nasledstvennogo-prava?ysclid=lbcfpe3zcc548405609>
2. Белов В.А. Проблемы наследования бизнеса // Вестник эконом. правосудия Российской Федерации. - 2015. - № 7. - С. 130-144.
3. Петров Е.Ю. Сделки mortis causa // Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало / М.В. Бандо, Р.Б. Брюхов, Н.Г. Валеева и др. - М., 2016. -URL: СПС «КонсультантПлюс».
4. Аболин В.О. Общая характеристика наследственного договора в праве Германии, Австрии и Швейцарии // Нотариальный вестник. - 2010. - № 2. – С. 2
5. Гаджиев А.А., Гудименко Г.В. Наследственный договор в правовых порядках различных стран // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2019. - № 3-2. - С. 195

6.Гребенкина И.А. Теоретические и практические аспекты наследственного договора в свете текущего реформирования российского гражданского права // Наследственное право. - 2016. - № 4.

Galkin A. G., Tsergoi D. G. Content of the heritage agreement under the legislation of the russian federation and other countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 189-193.

The article discusses the provisions that reveal the concepts and content of the inheritance contract in the legislation of the Russian Federation, as well as in the legislation of other countries. The relevance of the work is due to the modern processes of reforming Russian legislation, including in the field of hereditary law and order, which are analyzed in a comparative context with the current legislation of foreign countries. The object of the study is the current regulations and issues that have become the basis for reform. The methodology is based on the theoretical research of scientists in the problem area we are considering. The results of the study are formulated in the form of conclusions.

Keywords: inheritance law, inheritance contract, civil law, inheritance, contract, inheritance.

Spisok literatury:

- 1.Belotchenko E.A. Nasledstvennyj dogovor v ramkah reformirovaniya rossijskogo nasledstvennogo prava // Leningradskij yuridicheskij zhurnal, 2017. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennyy-dogovor-v-ramkah-reformirovaniya-rossijskogo-nasledstvennogo-prava?ysclid=lbcfpe3zcc548405609>
- 2.Belov V.A. Problemy nasledovaniya biznesa // Vestnik ekonom. pravosudiya Rossijskoj Federacii. - 2015. - № 7. - S. 130-144.
- 3.Petrov E.YU. Sdelki mortis causa // CHastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya. K 60-letiyu B.M. Gongalo / M.V. Bando, R.B. Bryuhov, N.G. Valeeva i dr. - M., 2016. -URL: SPS «Konsul'tantPlyus».
- 4.Abolinin V.O. Obshchaya karakteristika nasledstvennogo dogovora v prave Germanii, Avstrii i SHvejarii // Notarial'nyj vestnik". - 2010. - № 2. – S. 2
- 5.Gadzhiev A.A., Gudimenko G.V. Nasledstvennyj dogovor v pravoporyadkah razlichnyh stran // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. - 2019. - № 3-2. - S. 195
- 6.Grebенкина I.A. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty nasledstvennogo dogovora v svete tekushchego reformirovaniya rossijskogo grazhdanskogo prava // Nasledstvennoe pravo. - 2016. - № 4.

УДК 347.922

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ:
ПОНЯТИЕ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Даниелян А. С.

Кубанский государственный университет

Целью проведенного исследования является изучение текущего состояния и перспектив использования цифровых технологий в рамках отправления правосудия в Российской Федерации, в частности, в контексте гражданского судопроизводства.

Потребность осмысления вопросов цифрового потенциала неразрывна связана с оценкой потенциала правовой системы как механизма регулирования и взаимодействия в плоскости трансформирующихся общественных отношений. В данном контексте электронное правосудие выступает как один из наиболее образцовых примеров влияния цифровых технологий на сферу правовой действительности, позволяет проследить возможные формы выражения и их последствия.

В заключении делается вывод о том, что использование информационных технологий, «оцифровка» процессуальной материи не должна выступать самоцелью, а должна служить средством совершенствования механизмов реализации задач судопроизводства и повышению эффективности защиты и восстановления прав субъектов права.

Ключевые слова: электронное правосудие; цифровизация; информатизация; судебная система; искусственный интеллект; электронный документооборот; гражданский процесс; цифровые технологии; правосудие; судопроизводство.

Под электронным правосудием (e-justice) традиционно понимается способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и обеспечивающий гласность, открытость и доступность судопроизводства [1]. Такой подход к определению в принципе можно считать уже устоявшимся, но существует определенная терминологическая путаница: термин «электронное правосудие» отождествляют с термином «цифровое правосудие», хотя эти понятия не тождественны. В первом случае речь идет о свойствах носителя информации; во втором – о форме существования данных [2].

Отдельные авторы придерживаются двойственного подхода в определении понятия «электронное правосудие» – широкого и узкого. Так, в широком смысле под электронным правосудием можно понимать совокупность различных автоматизированных информационных систем – сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения «электронного дела» и доступа сторон к материалам «электронного дела». Вышеуказанные средства позволяют вывести на совершенно иной качественный уровень взаимодействие суда, участников процесса и иных заинтересованных лиц. В то же время все эти сервисы носят прикладной, вспомогательный характер, не изменяя способов ведения судебного процесса [3].

В узком смысле «электронное правосудие» – это возможность суда и иных участников судебного процесса осуществлять предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса (например, такие действия, как подача в суд документов в электронной форме или участие в судебном заседании посредством системы видеоконференцсвязи).

Так, В.И. Решетняк и Е.С. Смагина придерживаются позиции, сводящейся к тому, что до момента рассмотрения дела человеком, а не машиной, использование

термина «электронное правосудие» возможно весьма относительно, т.к. корректнее в данном контексте говорить о внедрении отдельных элементов электронного правосудия [4].

Схожей позиции придерживается В.А. Пономаренко, считающий, что под электронным правосудием следует понимать такой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства [5].

В.В. Ярков рассматривает электронное правосудие как «электронную систему разрешения споров, которая может включать в себя такие элементы, как руководство процессом и судебным разбирательством, оборот судебных документов, доступ к судебной информации, судебные извещения, правовой поиск, внутренние судебные процедуры» [6].

С позиций М.Н. Зарубиной и М.М. Новиковой, электронное правосудие заключается в триединстве «электронных процессуальных действий», «электронных документов» и «электронного обеспечения» [7]. К электронным процессуальным действиям можно отнести прежде всего подачу электронного обращения (иска, заявления, жалобы, ходатайства и т.д.), а также дополнительных документов в суд; судебное извещение и направление итоговых судебных актов посредством размещения на сайтах судов в режиме ограниченного доступа соответствующих процессуальных документов; заслушивание объяснений сторон посредством видеоконференц-связи [7].

Нормативное обозначение «электронного правосудия» в отечественном законодательстве можно найти в ведомственном акте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, определяющем данную дефиницию как способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [8]. Сразу же стоит оговориться, что документ, по нашему мнению, требует определённой доработки как с точки зрения расширения терминологического охвата (напр., блокчейн), так и с позиций семантического восприятия отдельных понятий и категорий (напр., термин «электронный документ» необходимо соотносить с понятием «цифровой документ»). Солидарны по высказанному замечанию и ряд других авторов [9; 10; 11]. В этой связи считаем уместным солидаризироваться с мнением Н.А. Латышевой касательно необходимости создания единых и содержательно выверенных терминологических основ в судебном делопроизводстве, что, в свою очередь, более стремительному и эффективному переходу отечественного правосудия на «цифровые рельсы» [9].

По итогам изучения систем электронного правосудия в странах Европы исследователями был сделан вывод о наличии в них трех функциональных базисов: доступ к информации в области правосудия; дематериализация судебного разбирательства, то есть замена «физических» отношений между сторонами на «электронные» в процессе отправления правосудия; взаимосвязь между судебными органами, в том числе при использовании видео-конференц-связи [12]. Предполагаемые на всех этапах технические средства могут быть как цифровыми, так и аналоговыми. Задача состо-

ит в том, чтобы сразу рассчитывать на использование именно цифровых технологий, максимально задействуя богатый инструментарий виртуального пространства Интернета.

Выступая на X Всероссийском съезде судей с докладом об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде РФ его руководитель А.В. Гусев отметил, что количество обращений к portalу ГАС «Правосудие» и к сайтам федеральных судов общей юрисдикции за период с 2020 г. по 2022 г. выросло в 16 раз, а количество уникальных личных кабинетов (IP-адресов), с которых был осуществлен доступ на портал ГАС «Правосудие», за этот же период возросло с 16 млн. до 25 млн. (прирост – более 55 %) [13]. Также было отмечено, что продолжается формирование сервиса «Единая картотека судебных дел» подсистемы «Судебное делопроизводство и статистика», где в настоящий момент собрано почти 140 млн. судебных дел. Указанные статистические данные позволяют говорить об устойчивой динамике расширения использования комплекса цифровых инструментов в обеспечении судопроизводства.

Однако, наличие положительных тенденций в применении участниками судебного разбирательства благ «цифрового века» не отменяет наличие ряда проблем и вызовов в настоящем и будущем.

Так, реализация установленной в законодательстве возможности предоставления участниками разбирательства документов в суд с использованием портала «Госуслуги» [14], а также права суда посредством того же сервиса направлять копии судебных актов участникам процесса столкнулась с определёнными препонами. Как отмечает Н.А. Чудиновская, во-первых, на данный момент отсутствует техническая возможность использования портала государственных услуг для электронного документооборота в сфере правосудия [15]. Во-вторых, неурегулированным остается вопрос алгоритма распознавания лиц, использующих функционал портала для направления и получения корреспонденции. В-третьих, существует процессуально-правовая неопределенность в вопросе о возможности направления копии судебных постановлений, в частности судебного приказа, должнику (ст. 128 ГПК РФ) посредством направления его в личный кабинет должника с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг.

В свою очередь О.В. Брянцева и О.Л. Солдаткина в качестве проблемных аспектов отечественного электронного правосудия выделяют [16]:

- **использование устаревших подходов к реализации систем;**
- **отсутствие общего интерфейса обмена данными.** Отсутствие общих технических регламентов и стандартов для производства государственных информационных систем влечет проблему ограниченного взаимодействия отдельных модулей и, на основании этого, неполноформатную межведомственную коммуникацию;
- **необходимость в отказе от традиционной для нашего законодательства единицы существования юридически значимой информации – документа;**
- **защита данных и возможные сбои оборудования.** При этом в юридической литературе в качестве способа решения данной проблемы высказывается предложение о необходимости уменьшения количества судебных учреждений. Оптимизация численности судебных органов по задумке автора предложения позволит решить сразу несколько задач, а именно: 1) обеспечить комплексную защиту и конфиденциальность информации; 2) оптимизировать сопряжение информационной системы

суда; 3) нивелировать использование судами нелицензионных программных средств общего назначения [17]. Однако зарубежный опыт показывает возможность и обратного, негативного эффекта [18].

– **недостаточный уровень подготовки юридических кадров.** Считаем, что для решения данной проблемы не нужно изобретать велосипед, а стоит пойти по проторенному пути – расширить количество учебных дисциплин в юридических образовательных учреждениях, посвященных изучению юриметрики и специфике цифровизации отдельных областей юридической деятельности.

– **периодическое игнорирование специфики цифровой среды;**

– **совершенствование правового регулирования использования системы видеоконференц-связи в ходе судебного разбирательства.** На сегодняшний день выражаются критические позиции касательно процедуры видеоконференц-связи [19] вплоть до её «ущербности» [20]. Выскажем предположения, что столь резкие эпитеты связаны не с самой сутью указанного цифрового инструмента судопроизводства, а с проблемами его реализации в практической плоскости, связанными с недостаточным техническим оснащением судебных учреждений в стране.

Переходя же к рассмотрению направлений развития электронного правосудия как общемировых, так и отечественных, то, в первую очередь, необходимо упомянуть расширение спектра применения при отправлении правосудия технологии искусственного интеллекта (*Artificial intelligence, AI, ИИ*). В рамках российской судебной системы применения ИИ планируется посредством введения суперсервиса «Правосудие онлайн». По замечанию председателя Совета судей РФ В.В. Момотова, то основной задачей искусственного интеллекта в сервисе «Правосудие онлайн» станет автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела, а также его использования для расшифровки аудиопотоков, создания интеллектуальной поисковой системы с возможностью анализа и систематизации судебной практики [21].

В целом использование искусственного интеллекта в организационной деятельности суда возможно без существенных ограничений, единственный значимый риск – безопасность всех персональных данных, материалов и сведений, поступающих и аккумулирующихся в электронных системах.

Применение технологии слабого искусственного интеллекта в организационной деятельности суда позволит уменьшить рутинную работу судей и работников аппарата суда. Уже сейчас с помощью данной технологии можно решать задачи по автоматизированному вводу и обработке информации при осуществлении делопроизводства, рассмотрению поступающих в суд процессуальных документов с целью выявления их несоответствия требованиям процессуального законодательства, идентификации личности и полномочий для участия в судебном разбирательстве.

Интересными примерами внедрения инновационных технологий являются программные обеспечения чат-бот, робот-юрист. Программа чат-бот способна имитировать поведение человека, отвечая на популярные запросы, а робот-юрист – формировать стандартные заявления [22].

Так, судья в Колумбии использовал нейросеть ChatGPT для консультации перед вынесением приговора. Журналисты отметили, что решение полностью принимал судья, а чат-бот нужен был только для ускорения процесса [23;24].

Судья Хуан Мануэль Падилья (*Juan Manuel Padilla*) рассматривал дело о покрытии расходов на медицину и транспорт для ребёнка с расстройством аутистического спектра. Предстояло выяснить, должны ли все расходы покрываться страховкой, так как родители ребёнка не могли позволить себе это. Судья спросил у ChatGPT, следует ли освободить семью ребёнка от платы за лечение. Нейросеть ответила, что согласно законам Колумбии, несовершеннолетние с аутистическим расстройством освобождаются от платы за терапию.

Решение суда совпало с ответом чат-бота. При этом в интервью судья рассказал, что окончательное решение принимал самостоятельно и использовал для этого прецеденты из предыдущих постановлений. Консультация с нейросетью помогла ускорить процесс.

Также стоит отметить, что своими действиями судья не нарушил законодательство. В 2022 году в Колумбии приняли закон, который обязывает государственных юристов использовать современные технологии для более эффективной работы.

Схожий подход в потенциальном применении искусственного интеллекта придерживаются и официальные представители российского судейского сообщества [20]. Искусственный интеллект не может стать гарантом защиты прав и свобод человека и обеспечить справедливое и гуманное правосудие. Поэтому его применение возможно только в ограниченном виде, с четко определенными рамками и правилами. Такая технология может быть использована для рассмотрения гражданских и административных дел по бесспорным требованиям, т.е. там, где принятие решения не связано с анализом правоотношений сторон и в большей степени имеет технический характер.

Еще одним перспективным направлением развития цифрового правосудия может послужить создание единой консолидированной базы судебных постановлений. Так, пилотная версия единого информационного пространства была успешно апробирована в судах Нижегородской области. Посредством данной системы был обеспечен доступ для судей районных (городских) судов и мировых судей судебных участков судебных районов Нижегородской области к консолидированной базе данных районных судов, в том числе и к документам, прикрепленным в электронную картотеку судов (исковые заявления, протоколы судебных заседаний, итоговые решения и т.п.) [25]. Считаем, что данный сервис позволит ускорить рассмотрения дел и ограничить возможности злоупотребления права участниками судопроизводства и тем самым повысив его эффективность в целом. При этом разумным, по нашему мнению, в срезе текущей экономической обстановке в стране распределить финансовую нагрузку на реализацию данного проекта на паритетных началах между федеральным и региональным бюджетами, что позволит снизить бремя дополнительных дотаций с федерального бюджета для перенаправления их на приоритетные статьи расходов, напр., в социальной сфере.

Важно отметить, что формирование цифровой среды существенно сказывается на форме и содержании отправления правосудия как непосредственно на этапе рассмотрения спора по существу, так и в проверочных инстанциях. При этом, как отмечает М.Н. Зарубина, на проверочных стадиях этот вопрос стоит особенно остро по нескольким причинам [26]: 1) С одной стороны, на вышестоящие инстанции ложится бремя контроля качества принятых судебных актов нижестоящих инстанций, в том числе, с применением информационных технологий, а, с другой стороны,

произойдет смещение функций процессуального контролера и пользователя автоматизированной системы в одном лице. Зависимость от технических возможностей пагубна для судебной системы, поэтому любая бракованная конструкция должна быть восполняема рукотворно – формированием необходимого процессуального документа непосредственно судьей; 2) технологичность судопроизводства в вышестоящих инстанциях напрямую зависит от уровня оцифровки нижестоящих судов (наличие электронного дела, налаженная система электронного документооборота, доступность судебных актов в едином информационном пространстве и т.д.); 3) незаменимость онлайн-процедур урегулирования споров, по которым уже было принято судебное решение первой инстанции, и стороны выразили готовность к взаимовыгодному компромиссу на дальнейших стадиях; 4) низкая потребность в личном участии сторон и их представителей на судебных заседаниях в проверочных инстанциях; 5) использование искусственного интеллекта в проверочных стадиях также занимает немаловажное место в системе решения других проблем, связанных с внедрением алгоритмических механизмов в систему правосудия (блокчейн, шифрование, электронные ключи и прочее).

В заключении хотелось бы отметить, что любое, даже самое благочестивое начинание, может быть исковеркано некорректностью и необдуманностью его реализации. Использование информационных технологий, «оцифровка» процессуальной материи не должна выступать самоцелью, а должна служить средством совершенствования механизмов реализации задач судопроизводства и повышению эффективности защиты и восстановления прав субъектов права.

Список литературы:

1. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 6. С. 36-47
2. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // Цифровая экономика. 2018. № 1. С. 5-19.
3. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26-31.
4. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): Учеб. пособие. М.: Издательский дом "Городец", 2017. 304 с.
5. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции: Монография. М.: Проспект, 2015. 185 с.
6. Ярков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. С. 24-32.
7. Зарубина М.Н., Новикова М.М. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. 2017. № 1. С. 9-12.
8. Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 (ред. от 28.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Латышева Н.А. Концепция электронного правосудия и новое понимание документационного обеспечения судопроизводства // Администратор суда. 2022. № 1. С. 11-15.
10. Белов И.И. Что такое "электронный документ" и чем он отличается от "цифрового документа" // Делопроизводство. 2019. № 1. С. 28-29.
11. Храмовская Н.А. Технология блокчейна как инструмент управления документами и электронного документооборота // Делопроизводство. 2018. № 3. С. 40-41.
12. Антонов Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 39-40.
13. Доклад Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации А.В. Гусева X Всероссийскому съезду судей. – Режим доступа: <http://www.ssrp.ru/news/lientanovostiei/49165> (дата обращения: 05.02.2023)

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
15. Чудиновская Н.А. Некоторые направления цифровизации правосудия в России и странах Евросоюза // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 7-9.
16. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12(64). С. 97-104.
17. Капустин О.А. Влияние использования информационных технологий в федеральных судах общей юрисдикции на перспективы изменения территориальной судебной организации // Администратор суда. 2019. № 2. С. 3 - 8.
18. Dias J.P., Gomes C. Judicial Reforms 'Under Pressure': The New Map Organisation of the Portuguese Judicial System // Utrecht Law Review. 2018. Issue 1. Vol. 14. P. 174-186. URL: <https://www.utrechtlawreview.org/articles/abstract/10.18352/ulr.448/> (дата обращения: 05.02.2023).
19. Бегичева Е.В., Примак В.Г. Видеоконференц-связь в цивилистическом процессе: проблемы и перспективы использования // Современное право. 2020. № 5. С. 54-59.
20. Интервью председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на X Всероссийском съезде судей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=VDbxY6OHSsk&feature=youtu.be> (дата обращения: 05.02.2023).
21. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188-191.
22. Крысько В.С. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы // Администратор суда. 2019. № 1. С. 54-56.
23. Colombian judge says he used ChatGPT in ruling. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling> (дата обращения: 05.02.2023).
24. Судья в Колумбии использовал ChatGPT для вынесения приговора. – Режим доступа: <https://habr.com/en/news/t/714982/> (дата обращения: 05.02.2023).
25. Шукин Ф.В., Фетисова Т.В. ГАС "Правосудие": опыт судов общей юрисдикции Нижегородской области в применении сервисов электронного правосудия // Администратор суда. 2022. № 1. С. 6-11.
26. Зарубина М.Н. О вопросах цифровизации проверочных стадий цивилистического процесса: опыт зарубежных стран / Пересмотр судебных актов по гражданским и административным делам: проблемы нормативного регулирования, официального толкования и правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Сост. и ред. Л.В. Войтович. Санкт-Петербург, 2021. С. 148-153.

Danielian Armen S. Electronic justice in civil proceedings: concept, challenges and prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 194-201.

The purpose of this study is to examine the current state and prospects of the use of digital technologies in the administration of justice in the Russian Federation, in particular in the context of civil proceedings.

The need to comprehend the issues of digital capacity is inextricably linked with the assessment of the potential of the legal system as a mechanism of regulation and interaction in the plane of transforming social relations. In this context, e-justice emerges as one of the most exemplary examples of the impact of digital technologies on legal reality and traces possible forms of expression and implications.

To conclude, we come to the conclusion, that the use of information technologies, "digitization" of procedural matter should not be an end in itself, but the means to improve the mechanisms of realization of judicial tasks and to raise the effectiveness of protection and restoration of rights of legal subjects.

Keywords: electronic justice; digitalization; informatization; judicial system; artificial intelligence; electronic document management; civil procedure; digital technologies; justice; legal procedure.

Spisok literaturi:

1. Bryantseva O.V., Soldatkina O.L. Comparative analysis of foreign systems of electronic justice // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2019. V. 19. № 6. P. 36-47
2. Kozyrev A.N. Digital Economy and Digitalization in Historical Retrospective // Digital Economy. 2018. № 1. P. 5-19.
3. Romanenkova S.V. The concept of electronic justice, its genesis and implementation in the law enforcement practice of foreign countries // Arbitration and civil process. 2013. № 4. P. 26-31.
4. Reshetnyak V.I., Smagina E.S. Information technology in civil proceedings (Russian and foreign experience): Proc. allowance. M.: Publishing house "Gorodets", 2017. 304 p.
5. Electronic civil justice in Russia: strokes of the concept: Monograph. M.: Prospekt, 2015. 185 p.
6. Yarkov V.V. Electronic justice // EJ-Lawyer. 2006. № 41. P. 24-32.
7. Zarubina M.N., Novikova M.M. On the issue of the essence of electronic justice in the Russian Federation // Court administrator. 2017. № 1. P. 9-12.

8. On approval of the List of basic concepts and terms used in the regulatory legal acts of the Judicial Department regulating the use of information and telecommunication technologies in the activities of courts, departments of the Judicial Department in the constituent entities of the Russian Federation and institutions of the Judicial Department: Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.11. 2015 № 362 (as amended on August 28, 2019) // SPS «ConsultantPlus».
9. Latysheva N.A. The concept of electronic justice and a new understanding of the documentation of legal proceedings // Administrator of the court. 2022. № 1. P. 11-15.
10. Belov I.I. What is an "electronic document" and how does it differ from a "digital document" // Paperwork. 2019. № 1. P. 28-29.
11. Khramtsovskaya N.A. Blockchain technology as a tool for document management and electronic document management // Paperwork. 2018. № 3. P. 40-41.
12. Antonov Ya.V. Electronic democracy as a political and legal mechanism for reconciling private and public interests // Russian Justice. 2017. № 12. P. 39-40.
13. Report of the General Director of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation A.V. Gusev X All-Russian Congress of Judges. – Access mode: <http://www.ssrp.ru/news/lientanovostiei/49165> (date of access: 05.02.2023)
14. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 440-FZ dated December 30, 2021 // SPS «ConsultantPlus».
15. Chudinovskaya N.A. Some directions of digitalization of justice in Russia and EU countries // Arbitration and civil process. 2022. № 7. P. 7-9.
16. Bryantseva O.V., Soldatkina O.L. Electronic justice in Russia: problems and solutions // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA). 2019. № 12(64). P. 97-104.
17. Kapustin O.A. Influence of the use of information technologies in federal courts of general jurisdiction on the prospects for changing the territorial judicial organization // Court administrator. 2019. № 2. P. 3 - 8.
18. Dias J.P., Gomes C. Judicial Reforms 'Under Pressure': The New Map Organization of the Portuguese Judicial System // Utrecht Law Review. 2018. Issue 1. Vol. 14. P. 174-186. URL: <https://www.utrechtlawreview.org/articles/abstract/10.18352/ulr.448/> (accessed 02/05/2023).
19. Begicheva E.V., Primak V.G. Videoconferencing in the civil process: problems and prospects for use // Modern law. 2020. № 5. P. 54-59.
20. Interview with the Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V.V. Momotov at the X All-Russian Congress of Judges [Electronic resource] - Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=VDbxY6OHSsk&feature=youtu.be> (date of access: 02/05/2023).
21. Momotov V.V. Artificial intelligence in legal proceedings: state, prospects for use // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA). 2021. № 5. P. 188-191.
22. Krisko V.S. To the question of the implementation of the principle of accessibility of justice and the creation of a single information space of the judicial system // Administrator of the Court. 2019. № 1. P. 54-56.
23. Colombian judge says he used ChatGPT in ruling. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling> (accessed 02/05/2023).
24. A judge in Colombia used ChatGPT to reach a verdict. – Access mode: <https://habr.com/en/news/t/714982/> (date of access: 05.02.2023).
25. Shchukin F.V., Fetisova T.V. GAS "Pravosudie": the experience of the courts of general jurisdiction of the Nizhny Novgorod region in the use of e-justice services // Court administrator. 2022. № 1. P. 6-11.
26. Zarubina M.N. On the issues of digitalization of the verification stages of the civil process: the experience of foreign countries / Review of judicial acts in civil and administrative cases: problems of regulatory regulation, official interpretation and law enforcement: a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference. Comp. and ed. L.V. Voitovich. Saint Petersburg, 2021. P. 148-153.

УДК 347.4

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В СИСТЕМЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Потопальский С. С.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются сущность и проблемы правового регулирования отношений, вытекающих из договора участия в долевом строительстве в системе норм гражданского права. Особое внимание автор уделяет проблемам регулирования отношений по привлечению денежных средств участников долевого строительства посредством заключения договора счета эскроу, анализирует особенности взыскания с застройщика штрафных санкций и убытков за нарушения обязательств перед дольщиком. Автором рассмотрены коллизии правового регулирования при введении Правительством Российской Федерации временного порядка передачи жилья дольщикам и временных запретов на взыскание с застройщиков неустойки и убытков. Предложены способы решения выявленных проблем в правоприменительной практике.

Ключевые слова: договор, долевое строительство, застройщик, дольщик, участник долевого строительства, счет эскроу, проценты, неустойка, убытки.

Приобретение жилья посредством заключения договоров участия в долевом строительстве многоквартирных домов является распространённым способом решения жилищных проблем граждан в Российской Федерации. По договору участия в долевом строительстве застройщик обязуется в определенный договором срок построить объект недвижимости и после получения разрешения на ввод объекта недвижимости в эксплуатацию передать его участнику долевого строительства, а последний обязуется принять объект и оплатить оговорённую в договоре стоимость. Популярность приобретения жилья указанным способом обусловлена наличием государственных программ по стимулированию ипотечного кредитования путем установления льготных ставок для отдельных категорий граждан.

Для защиты участников долевого строительства от возможных злоупотреблений со стороны застройщиков законодатель постоянно совершенствует нормативно-правовую базу в этой сфере. Так, в 2017 и 2018 годах внесены изменения в Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) [1], в соответствии с которыми с июля 2019 г. вступило в силу правило об обязательном использовании счетов эскроу при расчетах граждан по договорам участия в долевом строительстве. Договор счета эскроу, предусмотренный ст. 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации, заключается между дольщиком и эскроу-агентом (банком). Счет эскроу может быть открыт только в уполномоченном банке, который акредитован Центральным банком РФ и отвечает критериям, установленным в Постановлении Правительства РФ от 18.06.2018 г. N 697 [2].

Главной особенностью использования счета эскроу в долевом строительстве является то, что Застройщик лишен права до момента передачи жилья дольщику использовать для строительства денежные средства, перечисленные дольщиком на такой счет. При этом застройщик часто вынужден использовать для строительства

заемные средства по кредитному договору с банком, учитывая недостаточность собственных средств и невозможность привлечь денежные средства дольщиков. В качестве обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору перед банком застройщик, как правило, передает банку имущественные права на строящиеся объекты недвижимости и права на земельный участок, на котором осуществляется строительство. Поскольку застройщик в соответствии с Законом № 214-ФЗ лишен права прямого привлечения денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов, то он несет дополнительные затраты на обслуживание привлеченных кредитных средств в виде оплаты процентов банку. Следует согласиться с распространенным в литературе мнением о том, что действующая система финансирования строительства жилья имеет свою негативную сторону, а именно увеличивает стоимость строительства для застройщика [3, с. 1222; 4, с. 25]. Таким образом, сложившаяся ситуация с использованием счетов эскроу в долевом строительстве хотя и гарантируют сохранение денежных средств дольщиков до окончания строительства жилья, однако приводит к удорожанию его стоимости для дольщиков, на которых в конечном итоге ложится груз оплаты расходов застройщика по привлечению заемных средств.

Для решения этой проблемы некоторые авторы предлагали установить возможность поэтапного использования денежных средств на счетах эскроу по мере окончания определенных этапов строительства [5, с. 6]. По мнению Борисовой Л.В., использование поэтапного раскрытия счетов эскроу позволит застройщикам в меньшей степени зависеть от банков, компенсировать за счет денежных средств участников свои расходы, тем самым не прибегать к увеличению цен на недвижимость [6, с. 4]. На наш взгляд, такой подход открывает ряд возможностей для злоупотреблений со стороны застройщиков при использовании денежных средств со счета эскроу в процессе строительства, что может нивелировать позитивный эффект от введение соответствующих изменений в законодательство.

Основными выгодоприобретателями от применения существующего в законодательстве подхода с использованием эскроу счетов являются банки, которые получают прибыль как в качестве процентов с дольщиков по ипотечному кредитованию, так и в качестве процентов с застройщика за кредитование строительства. При этом аккумулированные средства дольщиков на счетах эскроу используются для кредитования застройщика, к тому же не без риска наступления банкротства банка. В конечном итоге, после введения в эксплуатацию построенного объекта недвижимости денежные средства со счета эскроу перечисляются банком застройщику, который с этих же средств погашает кредит перед банком.

При таких обстоятельствах в литературе обсуждался вопрос относительно необходимости начисления процентов в пользу дольщиков на период нахождения денежных средства на счетах эскроу. Некоторыми авторами поддается сомнению обоснованность позиции законодателя по установлению в п. 5 ст. 15.5 Закона № 214-ФЗ императивного правила о неначислении процентов на денежные средства, находящиеся на счетах эскроу [7, с. 153]. Владельцем счета эскроу до момента расчета с застройщиком является дольщик (депонент), поэтому налицо схожесть статуса указанных денежных средств с денежными средствами на счетах по срочному банковскому вкладу, за привлечение которых банк оплачивает проценты депоненту. По нашему мнению, учитывая длительные сроки депонирования денежных средств

на счетах эскроу, целесообразно было бы установить банковский процент, начисляемый на указанные средства, исходя из ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации. Такой подход позволил бы частично компенсировать расходы дольщиков по договору участия в долевом строительстве.

Следует отметить, что система использования счетов эскроу, не смотря на достаточно высокую степень защиты средств дольщиков, не может полностью гарантировать финансовую безопасность последних. Так, если дольщик для приобретения жилья привлекает денежные средства по кредитному договору, то, например, в случае банкротства застройщика, он фактически теряет уже оплаченные банку по кредиту проценты за период депонирования денежных средств на счете эскроу. Кроме того, в случае расторжения договора с застройщиком по основаниям неисполнения последним обязательств по строительству жилья и возврата денежных средств со счета эскроу, дольщик несет инфляционные риски, поскольку получает обратно девальвированную денежную сумму.

Предполагается, что расходы дольщика могут быть покрыты путем взыскания с застройщика неустойки и сверх неё причиненных убытков, однако взыскание указанных сумм в процессе банкротства застройщика нивелируется длительностью сроков процедур банкротства и в конечном итоге недостаточностью средств банкротства для удовлетворения всех требований кредиторов.

Кроме того, дольщик несет определенные риски в случае банкротства банка. Так, в соответствии с п. 3 ст. 13.2 Федерального закона от 23.12.2003 N 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [8] предел страхового возмещения по счету эскроу в случае банкротства банка не будет превышать сумму 10 млн. руб. Таким образом, если стоимость приобретаемого жилья выше указанной суммы, что часто встречается, например, в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, то сумма, превышающая этот лимит, не покрывается страховкой.

Отдельно следует обратить внимание на некоторые особенности взыскания с застройщика штрафных санкций и убытков за нарушения обязательств перед дольщиком. Так, если застройщиком нарушены установленные договором сроки передачи дольщику жилья, то застройщик обязан выплатить неустойку, которая равна 1/300 ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от цены договора за каждый день просрочки для юридических лиц, а для физических лиц указанная неустойка оплачивается застройщиком в двойном размере (ч. 2 ст. 6 Закона № 214-ФЗ). При этом необходимо учитывать, что в 2021-2022 годах законодатель установил ряд ограничений относительно начисления неустойки и взыскания убытков за просрочку передачи дольщику жилья, что дало возможность застройщикам заморозить или значительно продлить сроки строительства без риска начисления штрафных санкций.

Так, постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 N 423 (далее – Постановление № 423) [9] в связи с ограничениями, связанными с коронавирусной инфекцией COVID-19, был установлен запрет на начисление неустойки за просрочку передачи жилья дольщикам в период с 03.04.2020 по 01.01.2021, а также было установлено правило о том, что не учитываются убытки, причиненные дольщикам в указанный период. В отношении уже подтвержденных требований по взысканию неустойки, процентов, убытков, которые были предъявлены дольщиками к застройщику до 03.04.2020, застройщикам предоставлялась отсрочка до 01.01.2021 г. Кроме

того, до указанной даты введен запрет для уполномоченных органов на обращение в арбитражный суд с заявлением о приостановлении деятельности застройщика и запрет на включение информации в реестр проблемных объектов при задержке строительства.

По нашему мнению, период предоставления вышеперечисленных преференций застройщику может быть обоснован только объективными причинами. В период ограничения ответственности застройщика за неисполнение обязательств перед дольщиками необходимо включать исключительно срок, в который застройщик объективно не мог вести строительство по причинам, связанным с ограничениями, введенными в связи с коронавирусной инфекцией COVID-19.

Компенсации убытков дольщикам, вызванных значительным смещением сроков передачи жилья и блокировкой Правительством РФ штрафных санкций, предъявляемых застройщику, законодатель не предусмотрел. Например, если дольщик купил квартиру с привлечением денежных средств по кредитному договору с банком, то от штрафных санкций за неисполнение обязательств перед банком по кредитному договору и от уплаты процентов банку в указанный период дольщик не освобожден. Более того, дольщик не сможет взыскать убытки с застройщика за период просрочки по передаче жилья, связанные с необходимостью продлить сроки аренды жилья в указанный период. Таким образом, на основании Постановления № 423 многие застройщики перенесли сдачу многоквартирных домов без риска взыскания с них неустойки и убытков. Решением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N АКПИ20-430 [10] и определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 N АПЛ20-472 [11] отклонены требования дольщиков по оспариванию положений Постановления Правительства РФ N 423, ограничивающих ответственность застройщика. Верховный суд признал оспариваемые положения Постановления Правительства РФ N 423 учитывающими баланс интересов дольщиков и застройщиков.

В 2022 году правительство повторно поддержало застройщиков в ущерб интересам дольщиков, которые с 2020 года ожидают исполнения обязательств по передаче жилья. Так, постановлением Правительства РФ от 26.03.2022 N 479 (далее – Постановление № 479) [12] на период с 29.03.2022 и до 30.06.2023 повторно введены меры по ограничению ответственности застройщиков. Указанные меры аналогичны вышеперечисленным в Постановлении № 423. Также, относительно требований дольщиков об уплате штрафных санкций и убытков, которые предъявлены застройщику до 29.03.2022, застройщикам предоставлена отсрочка до 30.06.2023. Таким образом, поддержка строительной отрасли осуществляется за счет покупателей жилья, которые теряют какие-либо правовые рычаги влияния на застройщика и вынуждены ожидать окончания затянувшегося строительства, тогда как для застройщиков такое регулирование является легальным способом не выполнять свои обязательства перед дольщиками.

Нельзя не согласиться с мнением отдельных правоведов о том, что с точки зрения юридической техники не допускается временная блокировка действия норм Закона N 214-ФЗ на основании нормы подзаконного акта – Постановления Правительства N 479, а необходимо внесение соответствующих изменений и в Закон N 214-ФЗ [13, с. 7].

Также следует отметить, что Постановлением Правительства РФ от 23.03.2022 N 442 (далее – Постановление № 442) [14] на период с 25.03.2022 по 30.06.2023 введен ряд особенностей относительно порядка передачи жилья дольщикам. В частности, установлен ряд требований к специалистам, осуществляющим осмотр и фиксацию недостатков жилья, передаваемого дольщикам. Кроме того, в соответствии с Постановлением N 442 при выявлении недостатков во время передачи жилья дольщик прежде чем обратиться в суд должен потребовать у застройщика безвозмездного устранения таких недостатков. Если в течение 60 дней это требование осталось без удовлетворения, то дольщик имеет право потребовать соразмерного уменьшения цены либо компенсации расходов на устранение недостатков. Застройщику на удовлетворения последнего требования отводиться еще 10 дней. В случае неудовлетворения такого требования дольщику предоставляется право на обращение с соответствующим иском в суд. Таким образом, Постановлением № 442 введена досудебная процедура разрешения споров относительно недостатков объекта недвижимости длительностью 70 дней. Указанная процедура ограничивает установленное ст. 7 Закона № 214-ФЗ право дольщика на выбор одного из вышеприведённых способов защиты нарушенного права, так как дольщик изначально должен в обязательном порядке заявить требование о безвозмездном устранении недостатков и лишён права по своему усмотрению сразу выбрать такие способы защиты как возмещение расходов на устранение недостатков или соразмерное уменьшение цены. Такой подход прямо противоречит положениям ст. 7 Закона № 214 - ФЗ.

Установив в Постановлении № 442 императивную норму о защите прав дольщика путем предъявления в первую очередь требования о безвозмездном устранении недостатков, Правительство увеличило сроки устранения недостатков до 60 дней, тогда как ранее такой срок не должен был превышать 45 дней согласно ст. 20 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» [15]. Более того, в п. 2 Постановления № 442 установлено, что к отношениям, связанным с передачей объекта долевого строительства, применяются исключительно положения Закона № 214-ФЗ с учетом особенностей, установленных настоящим постановлением. Таким образом Постановлением № 442 заблокировано применение отдельных положений Закона РФ «О защите прав потребителей», если их применение прямо не предусмотрено в Законе № 214 – ФЗ.

Такой подход нельзя признать последовательным, поскольку Закон обладает большей юридической силой, чем постановления Правительства РФ, что дает возможность судам отдавать приоритет применению Закона. Однако, учитывая уже сложившуюся практику Верховного Суда РФ при разрешении схожих коллизий по применению Постановления № 423 (решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N АКПИ20-430; апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 N АПЛ20-472), маловероятно применение Верховным Судом РФ иного подхода при оценке законности положений Постановления № 442.

Список литературы:

1. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон N 214-ФЗ от 30.12.2004: с изм. на 14.03.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
2. Об утверждении критериев (требований), которым в соответствии с Федеральным законом "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесе-

- нии изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" должны соответствовать уполномоченные банки и банки, которые имеют право на открытие счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве : Постановление Правительства РФ от 18.06.2018 N 697: с изм. и доп. на 24.03.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
3. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет : постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2019. – 1282 с. – Текст : электронный.
 4. Степанов Н.А. Договор эскроу и жилищные правоотношения // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2020. – № 1 (26). – С. 20-25. – Текст : непосредственный.
 5. Морозова Ю. Использование счетов эскроу в новой модели долевого строительства: настройки банковского процесса // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 6. Борисова Л.В. Счета эскроу как механизм защиты прав участников долевого строительства в условиях банкротства застройщика // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 7. Белобабченко М.К. Новый подход к порядку привлечения и использования денежных средств участников долевого строительства многоквартирного дома // Право и практика. – 2019. – № 3. – С. 150-157.
 8. О страховании вкладов в банках Российской Федерации : Федеральный закон N 177-ФЗ от 23.12.2003: с изм. и доп. на 30.12.2021 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 9. Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве : Постановление Правительства РФ N 423 от 02.04.2020 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 10. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N АКПИ20-430 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 11. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 N АПЛ20-472 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 12. Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в единый реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве : Постановление Правительства РФ N 479 от 26.03.2022: с изм. и доп. на 17.05.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 13. Шарапов В.В. О временном установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 14. Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства : Постановление Правительства РФ N 442 от 23.03.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
 15. О защите прав потребителей : Закон РФ N 2300-1 от 07.02.1992 с изм. и доп. на 11.06.2021 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

Potopalsky S.S. Legal regulation of participation in share construction in the system of civil law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 202-208.

The article examines the essence and problems of legal regulation of relations arising from the contract of participation in shared construction in the system of norms of civil law. The author pays special attention to the problems of regulating relations to attract funds from participants in shared-equity construction through the conclusion of an escrow account agreement, analyzes the specifics of collecting penalties and losses from the developer for violations of obligations to the shareholder. The author considers the conflicts of legal regulation during the introduction by the Government of the Russian Federation of a temporary procedure for the transfer of housing to equity holders and temporary prohibitions on collecting penalties and losses from developers. The ways of solving the identified problems in law enforcement practice are proposed.

Keywords: agreement, shared construction, developer, shareholder, participant in shared construction, escrow account, interest, penalty, losses

Spisok literatury:

1. Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnyh domov i inyh ob'ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon N 214-FZ ot 30.12.2004: s izm. na 14.03.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
2. Ob utverzhdenii kriteriev (trebovanij), kotorym v sootvetstvii s Federal'nym zakonom "Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnyh domov i inyh ob'ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" dolzhny sootvetstvovat' upolnomochennye banki i banki, kotorye imeyut pravo na otkrytie schetov eskrou dlya raschetov po dogovoram uchastiya v dolevom stroitel'stve : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.06.2018 N 697: s izm. i dop. na 24.03.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
3. Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet : postatejnyj kommentarij k stat'yam 807–860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Elektronnoe izdanie. Redakciya 1.0] / Otv. red. A. G. Karapetov. – Moskva : M-Logos, 2019. – 1282 s. – Tekst : elektronnyj.
4. Stepanov N.A. Dogovor eskrou i zhilishchnye pravootnosheniya // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo. – 2020. – № 1 (26). – S. 20-25. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Morozova YU. Ispol'zovanie schetov eskrou v novej modeli dolevogo stroitel'stva: nastrojki bankovskogo processa // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
6. Borisova L.V. Scheta eskrou kak mekhanizm zashchity prav uchastnikov dolevogo stroitel'stva v usloviyah bankrotstva zastrojshchika // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
7. Belobabchenko M.K. Novyj podhod k poryadku privilecheniya i ispol'zovaniya denezhnyh sredstv uchastnikov dolevogo stroitel'stva mnogokvartirnogo doma // Pravo i praktika. – 2019. – № 3. – S. 150-157.
8. O strahovanii vkladov v bankah Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon N 177-FZ ot 23.12.2003: s izm. i dop. na 30.12.2021 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
9. Ob ustanovlenii osobennostej primeneniya neustojki (shtrafa, peni), inyh finansovyh sankcij, a takzhe drugih mer otvetstvennosti za neispolnenie ili nenadlezhashchee ispolnenie obyazatel'stv po dogovoram uchastiya v dolevom stroitel'stve, ustanovlennyh zakonodatel'stvom o dolevom stroitel'stve, i ob osobennostyah vklucheniya v reestr problemnyh ob'ektov mnogokvartirnyh domov i (ili) inyh ob'ektov nedvizhimosti, v otnoshenii kotoryh zastrojshchikom bolee chem na 6 mesyacev narusheny sroki zaversheniya stroitel'stva (sozdaniya) mnogokvartirnogo doma i (ili) inogo ob'ekta nedvizhimosti i (ili) obyazannosti po peredache ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva po zaregistrirovannomu dogovoru uchastiya v dolevom stroitel'stve : Postanovlenie Pravitel'stva RF N 423 ot 02.04.2020 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
10. Reshenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 14.10.2020 N AKPI20-430 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
11. Opredelenie Apellyacionnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 28.01.2021 N APL20-472 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
12. Ob ustanovlenii osobennostej primeneniya neustojki (shtrafa, peni), inyh finansovyh sankcij, a takzhe drugih mer otvetstvennosti za neispolnenie ili nenadlezhashchee ispolnenie obyazatel'stv po dogovoram uchastiya v dolevom stroitel'stve, ustanovlennyh zakonodatel'stvom o dolevom stroitel'stve, i ob osobennostyah vklucheniya v edinyj reestr problemnyh ob'ektov mnogokvartirnyh domov i (ili) inyh ob'ektov nedvizhimosti, v otnoshenii kotoryh zastrojshchikom bolee chem na 6 mesyacev narusheny sroki zaversheniya stroitel'stva (sozdaniya) mnogokvartirnogo doma i (ili) inogo ob'ekta nedvizhimosti i (ili) obyazannosti po peredache ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva po zaregistrirovannomu dogovoru uchastiya v dolevom stroitel'stve : Postanovlenie Pravitel'stva RF N 479 ot 26.03.2022: s izm. i dop. na 17.05.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
13. Sharapov V.V. O vremennom ustanovlenii osobennostej peredachi ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
14. Ob ustanovlenii osobennostej peredachi ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva : Postanovlenie Pravitel'stva RF N 442 ot 23.03.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
15. O zashchite prav potrebitelej : Zakon RF N 2300-1 ot 07.02.1992 s izm. i dop. na 11.06.2021 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.

УДК 342

**УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС
И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРАВООЩИТНОГО ИНСТИТУТА**

Рыбалко С. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье анализируется проблематика конституционно-правового статуса уполномоченного по правам человека в России. В частности, внимание сконцентрировано на порядке, способах и особенностях функционирования данного правозащитного института на уровне субъектов РФ. Был изучен и раскрыт исторический аспект формирования указанной должности. Также работа посвящена изучению нормативно-правовых актов субъектового уровня в части правовой регламентации деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ. Благодаря проведенному анализу сформулирована классификационная градация моделей подходов субъектов РФ в определении правового статуса уполномоченного. Также проведено исследование в части анализа сущности и роли вспомогательного аппарата уполномоченного, его правоприменительных возможностей и полномочий. Удалось определить нормотворческий недостаток, требующий незамедлительного реагирования, а также предложены пути решения возникшей коллизийной ситуации.

Ключевые слова: омбудсмен, Уполномоченный по правам человека, вспомогательный аппарат, подзаконное регулирование, гражданское общество, должностное лицо, государственный орган.

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина представляет собой одну из важнейших конституционно-правовых обязанностей государства. В связи с распадом Советского Союза, а также – принятием Конституции РФ 1993 г., кардинальным образом изменилась модель взаимодействия между человеком и государством. Концепция формирования гражданского общества, идея признания человека в качестве высшей ценности, в противовес классовому подходу, обусловили также появление новых форм правозащитных институтов, как общефедерального, так и уровня субъектов федерации, в том числе – должности Уполномоченного по правам человека в России.

Тем не менее, несмотря на достаточно продолжительный опыт существования анализируемого института, проведенной комплексной работе нормотворческого и правоприменительного характера, о чем еще будет упомянуто далее, на сегодняшний день, как видится, большинство граждан России до сих пор не воспринимают Уполномоченного по правам человека как действительно эффективный механизм защиты своих конституционных прав и свобод. Юридическая и организационная незавершенность данного правозащитного института, а также малая осведомленность о сущности реализуемых им полномочий и правовых возможностей формируют столь негативную тенденцию, а также обуславливают актуальность в проведении всестороннего анализа конституционно-правового статуса Уполномоченного по правам человека, с последующим выявлением проблематики функционирования государственного правозащитного института.

Более продолжительный зарубежный опыт существования отдельных государств в качестве демократических несколько веков назад породил институт омбудсмена, впоследствии адаптировавшегося под отечественные реалии и потребности, образо-

вав должностное лицо Уполномоченного по правам человека. Первоначальное упоминание института омбудсмана «возникло именно в Швеции. Первой предпосылкой появления института омбудсмана в XVI в. является возникновение должности Главный Сенешаль, который действовал от имени короля в осуществлении надзора за правосудием» [1]. На первых этапах роль омбудсмана представляла собой функцию информатора короны в части предоставления сведений о реализуемой юстицией деятельности. Однако, дальнейшее развитие института можно охарактеризовать, как достаточно стремительное: вновь образованное должностное лицо Уполномоченного приобретало новые полномочия, в связи с чем пропорционально возрастало и его влияние на правосудие. С появлением в 1809 г. новой Конституции в Швеции структура государственного управления претерпела значительные изменения: произошло разделение власти на три ветви, в связи с чем отмечалось введение ограничительных процедур в отношении ранее абсолютной королевской власти. Также подлежала реформации и правозащитная сфера: актуализированный институт омбудсмана юстиции с начала XIX века стал подотчетен в своих действиях лишь парламенту. С началом XX в. институт омбудсмана получил свое распространение в иных государствах, в частности – Дании, Финляндии и Норвегии.

На территории России анализируемое правовое явление получило свое распространение значительно позже. Так, упоминания об Уполномоченном Верховного Совета РСФСР по правам человека следует относить к периоду разработки первого проекта Конституции РФ, в 1990-1991 гг. В дальнейшем – в Постановлении Верховного Совета СССР от 22 ноября 1991 г. N 1920-1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина», а именно в статье 40 было установлено: «Парламентский контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации возлагается на Парламентского уполномоченного по правам человека» [2].

С принятием Конституции РФ 1993 г. институт Уполномоченного по правам человека был закреплен на официальном уровне, в контексте ст. 103 (часть 1 пункт е): «К ведению Государственной Думы относятся: ... назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека...». [3]. Первым Уполномоченным по правам человека в России был С. А. Ковалев, назначенный на данную должность в 1994 г. Развивая правозащитную среду, законодатель в 1997 г. разработал важный нормативный источник – Федеральный конституционный закон № 1 «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

Несмотря на достаточно продолжительную историю существования института Уполномоченного по правам человека, а также наличие нормативно-правовой базы, до сих пор в отечественной правовой доктрине отмечается отсутствие единства подходов в толковании сущности данного института.

Так, первый подход заключается в характеристике правового статуса омбудсмана через призму его взаимодействия с обществом перед лицом государства. В этом ключе Уполномоченный по правам человека рассматривается как наделенное законодательным органом власти полномочиями должностное лицо, призванное в неподотчетной форме реализовывать деятельность по защите прав и интересов человека и гражданина, в том числе, путем реализации надзорных мероприятий в отношении иных должностных лиц и государственных органов.

Второй подход формирует акцент на правовом статусе Уполномоченного по правам человека как должностном лице законодательной ветви власти, призванного

осуществлять контрольно-надзорные мероприятия за исполнительными органами. Как видится, анализируемый правозащитный институт в РФ представляет собой совокупность двух точек зрения, о чем свидетельствуют следующие обстоятельства.

В современных реалиях принято выделять несколько моделей функционирования института омбудсмена в мире. Градация реализуется посредством способа назначения должностного лица, что обуславливает также разницу и в объеме наделяемых полномочий, а также подотчетности правозащитного субъекта иным властно-распорядительным образованиям. Так, выделяют три основных модели:

- парламентский омбудсмен. Должность формируется посредством его назначения парламентом, в связи с чем причисляется, в первую очередь, к законодательной ветви власти и, соответственно, находится в зависимом положении от парламента, подотчетна ему;

- омбудсмен исполнительной власти. Должность формируется посредством его назначения правительством, либо главой государства, в связи с чем находится в подчинении исполнительной ветви власти;

- независимый омбудсмен. По аналогии с парламентским омбудсменом, должность формируется посредством его назначения парламентом (или в отдельных случаях – главой государства) однако, в отличие от предыдущих разновидностей, независимый омбудсмен реализует свои полномочия независимо, неподотчетен ни одной из ветвей власти [4]. Именно по такой модели формируется и функционирует Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

В целом, проведенный исторический экскурс формирует общее представление о важнейших этапах зарождения и дальнейшего развития института Уполномоченного по правам человека на национальном уровне. Государство Россия, в ее современном виде представляет собой политико-территориальное образование федерального типа, в связи, а также благодаря чему не менее значимым аспектом формирования демократического, правового государства является появление института Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов РФ.

Отметим, что институт Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов РФ возник немногим позже института Уполномоченного по правам человека общегосударственного уровня (в том числе, в части фактической реализации номинально возложенных законодателем функций). «Первым субъектом Российской Федерации, с которого началось становление института уполномоченных по правам человека в российских регионах, стала Республика Башкортостан. Закон «Об уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан» был подписан президентом Республики 29 апреля 1996 г.» [5]. Затем, в 1997 г., данный правозащитный институт был введен в Свердловской области, в 1998 г. – в Смоленской области и т.д., что сопровождалось принятием соответствующего нормативного акта регионального уровня. Так, например, Закон «Об уполномоченном по правам человека в Смоленской области» от 10 апреля 1998 г. № 7-3 (действует до сих пор) достаточно комплексно «определяет компетенцию Уполномоченного по правам человека в Смоленской области, порядок его назначения и освобождения от должности, а также порядок организации и осуществления его деятельности» [6]. На сегодняшний день должность Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ утверждена практически во всех субъектах России, в том числе, вновь образованных: так, Упол-

номоченным по правам человека в ДНР на сегодняшний день является Морозова Дарья Васильевна, в ЛНР – Сердюкова Виктория Александровна.

В целом, введение должностей Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов РФ можно охарактеризовать как второй этап становления института омбудсмана в России (первый этап – утверждение Уполномоченного по правам человека на федеральном уровне). Учитывая тот факт, что дальнейшее исследование будет, в первую очередь, посвящено уже выделенному второму этапу, отметим, что в целом на сегодняшний день представляется возможным определить три стадии формирования должности Уполномоченного в отечественной правовой среде. Третий этап длится до сих пор и заключается во введении специализированных омбудсменов, уполномоченных на решение отдельных категорий вопросов. Так, например, речь идет о введении Уполномоченных по военным делам, по защите прав потребителей и т.д.

Как уже было установлено ранее, упоминание института Уполномоченного по правам человека на федеральном уровне закреплено в Конституции РФ, однако лишь через призму выражения компетенции Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Специализированная норма в рамках Основного закона страны отсутствует. Соответственно, отсутствует какое-либо упоминание о наличии данного института субъектового уровня. О прикладной возможности его формирования следует судить исходя из положений пункта б) и н) части 1 ст. 72 Конституции РФ: «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся ... б) защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон... н) установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления...» [3]. Анализируемые положения закрепляют базовые принципы и руководящие начала в части реализации субъектами РФ права на дополнительную защиту интересов своих граждан, с учетом территориальных, национальных, экономических и иных жизнеобразующих особенностей.

Помимо Основного закона государства, сведения о наличии должности Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов РФ содержатся в иных актах, как федерального, так и регионального уровня. Главный нормативный акт – Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1 «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Несмотря на его ориентированность по регулированию правового положения Уполномоченного федерального уровня, отдельные правовые предписания указывают на такой важный аспект, как соотношение федерального и субъектового уровней существования правозащитного института. Например – часть 3 статьи 16: «Подача жалобы Уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации не является основанием для отказа в принятии аналогичной жалобы к рассмотрению Уполномоченным» [7].

Следующий правовой источник – Федеральный закон от 21.12.2021 № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В контексте норм анализируемого правового акта можно отметить сразу несколько преимуществ:

- относимость института Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов РФ к категории государственных органов, формируемых в субъекте Российской Федерации;

- формирование исключительной компетенции субъекта РФ в части принятия решения о необходимости назначения данного должностного лица. Так, «Конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации в целях обеспечения дополнительных конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина на территории соответствующего субъекта Российской Федерации и в соответствии с федеральными законами могут учреждаться должности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации...» (ч. 2 ст. 37 ФЗ № 414) [8].

Также в 2020 г. был принят специализированный нормативный акт – Федеральный закон № 48 «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Частично дублируя положения предыдущего источника, ФЗ № 48 внес весомый вклад в развитие института регионального омбудсмана, закрепив на официальном уровне не только правовую основу и принципы деятельности уполномоченного, но также достаточно предметно урегулировав такие важные вопросы, как порядок назначения, компетенцию, гарантии деятельности, а также взаимодействие уполномоченных по правам человека в субъектах РФ с государственными, муниципальными органами власти, общественными объединениями и т.д. В соответствии с положениями закона, «уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации при осуществлении своих полномочий независим от каких-либо государственных органов и должностных лиц, а также неподотчетен им» [9].

Следующий уровень правовых источников – акты субъектов РФ. При том, в различных субъектах федерации правовая регламентация анализируемого института осуществляется по-разному. В целях более комплексного исследования, а также на основе проведенного анализа актов регионального правотворчества, считаем возможным предложить авторскую классификационную градацию форм и пределов конституционного (уставного) и подзаконного регулирования института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации:

1) модель подзаконного регулирования. Ситуация, при которой в тексте Основного закона субъекта РФ (Устава либо Конституции) отсутствует упоминание должности Уполномоченного по правам человека, при этом данный правовой институт существует и осуществляет свою деятельность наряду с другими уполномоченными на то органами контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Например – Конституция Республики Крым;

2) модель конституционного (уставного) регулирования посредством перечислительного подхода в раскрытии ключевых органов в области защиты прав и свобод человека. Яркий пример – Устав Самарской области. В ст. 77 должность Уполномоченного по правам человека в Самарской области упоминается посредством перечисления субъектов, обладающих правом законодательной инициативы [10]. Отметим, что такой подход на сегодняшний день является одним из наименее распространенных и, в целом, архаичных. В связи с чем была несколько реформирована и нынешняя редакция Устава Самарской области, которая с 2015 г. включает в себя (помимо приведенной выше ст. 77) также отдельную ст. 13, реализующую в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав человека факт учреждения должности Уполномоченного по правам человека в этом субъекте;

3) модель федерального типа: по аналогии с Конституцией РФ, должность Уполномоченного по правам человека в нормативном акте субъекта РФ упоминается лишь посредством регламентации полномочий представительного органа субъекта федерации. По указанному курсу сформирована Конституция Республики Карелия, в рамках пункта 9) части 3 ст. 41 которой отмечается, что Постановлением Законодательного Собрания Республики Карелия назначается на должность и освобождается от должности Уполномоченный по правам человека данного субъекта;

4) модель отсылочного типа: основной нормативный акт субъекта обуславливает возможность принятия Закона этого же субъекта об учреждении должности уполномоченного по правам человека. Пример – часть 4 ст. 12 Устава Ставропольского края: «Законом Ставропольского края в целях обеспечения дополнительных конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина на территории Ставропольского края и в соответствии с федеральными законами может учреждаться должность уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае, должность уполномоченного по правам ребенка в Ставропольском крае» [11];

5) модель фиксированной нормы: многие субъекты федерации, расширяя регламентированные общими положениями Основного закона государства положения, формируют отдельную статью (ряд статей) в своей конституции (уставе), утверждающую не только сам факт наличия государственной должности Уполномоченного по правам человека субъекта, но также определяя ряд его наиболее существенных полномочий. Пример – Устав Московской области (ст. 14): «Деятельность Уполномоченного по правам человека в Московской области дополняет существующие средства защиты прав и свобод человека и гражданина, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции органов государственной власти Московской области, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод» [12].

На наш взгляд, подобная доктринальная классификационная новелла имеет важное прикладное значение. Во-первых, модели расположены не в хаотичном порядке, а по принципу градации подходов к правовой регламентации от наименее удачной, к наиболее комплексной и совершенной. Логичным является тот факт, что отсутствие нормы об Уполномоченном по правам человека в нормативном акте высшей юридической силы субъекта РФ не только затрудняет процесс правового анализа указанного правозащитного института, но и в некоторой степени умаляет его значимость. И, напротив, модель фиксированной нормы, представленной, в частности, в Уставе Московской области, является одной из наиболее оптимальных и, в целом, может быть использована в качестве примера для дальнейшего развития сформированной правотворческой тенденции. «Закрепление института уполномоченного в основном законе региона придает ему большую устойчивость, поскольку для ликвидации правозащитного государственного органа требуется квалифицированное большинство голосов депутатов законодательного органа власти. Если же должность уполномоченного учреждена только законом субъекта РФ, то она может быть упразднена согласованным решением законодательного и исполнительного органов государственной власти региона» [13]. Во-вторых, проведенный анализ внушительного объема законодательного массива позволил обратить внимание на важный правоприменительный недостаток, анализируемый нами далее.

Речь идет о ситуации, при которой Уполномоченный по правам человека в различных субъектах РФ рассматривается и как отдельно взятое должностное лицо, и

как целый государственный орган. Как видится, в данном случае возникает определенный правовой парадокс: становится затруднительным установить, каким конкретно лицам принадлежит весь объем вверенных законодателем полномочий.

В 2020 г. уже упомянутый ранее Федеральный закон № 48 «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» в рамках ст. 18 определил, что «для обеспечения деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации в соответствии с законом субъекта Российской Федерации может быть создан аппарат уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации» [9]. Уточняется также, что деятельность как самого уполномоченного, так и его аппарата финансируется за счет бюджетных ассигнований бюджета субъекта.

Таким образом, аппарат Уполномоченного формируется в целях обеспечения основных направлений деятельности и полномочий, однако, законодателем предусмотрена лишь диспозитивная возможность по формированию данного вспомогательного института, возложенная на законодателя соответствующего субъекта федерации. Как видится, помимо исключительности ведения отдельных вопросов регионального уровня, подобный подход обусловлен ярко выраженной неравномерностью распределения населения, а также финансовых ресурсов в различных субъектах. Так, в Чукотском автономном округе, как одном из наименее населенных регионов России, исходя из положений его Устава, Уполномоченный реализует возложенные на него функции практически единолично, обеспечиваемый лишь помощью аппарата Губернатора и Правительства Чукотского автономного округа в части организационного, научно-аналитического и информационно-справочного обеспечения. Более того, Уполномоченный по правам человека Чукотского автономного округа совмещает свою деятельность также с должностью Уполномоченного по правам ребенка.

Московская область является густо населенным регионом, обладающим особым статусом, в связи с чем и условия реализации полномочий Уполномоченного по правам человека Московской области иные. Во-первых, должность Уполномоченного по правам ребенка признается отдельной государственной должностью Московской области. Во-вторых, касательно аппарата Уполномоченного отметим, что Уполномоченный и его аппарат «являются государственным органом Московской области с наименованием «Уполномоченный по правам человека в Московской области и его аппарат» ... с правом юридического лица, имеющим печать и бланки со своим наименованием и с воспроизведением герба Московской области... В состав аппарата также входят советники Уполномоченного» [12]. Более того, уставом субъекта прямо предусматривается возможность по реализации руководителем аппарата полномочий Уполномоченного в случае временного отсутствия последнего.

Как видится, столь противоречивая ситуация, несмотря на наличие объективных причин, препятствует повсеместной реализации эффективного уровня деятельности Уполномоченного в субъектах РФ. Учитывая роль данного правоохранительного института в части обеспечения соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, представляется необходимым предложить определенные пути совершенствования данного правового состояния.

Итак, логичным было бы закрепить на федеральном уровне в контексте Федерального закона № 48 не только сам факт вариативной возможности формирования

вспомогательного аппарата Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов РФ, но также, в случае, если тот или иной регион уже принял решение об образовании у себя должности Уполномоченного, в обязательном порядке закрепить за уполномоченным определенным штат помощников (вспомогательный аппарат). В связи с необходимостью учета региональных особенностей каждого отдельно взятого субъекта, акцентировать внимание на определении числового состава аппарата посредством соотнесения с численностью населения данного региона. В анализируемом контексте первостепенное значение определяется тем, на какой конкретно штат помощников может опираться уполномоченный в своей деятельности. При этом, во исполнение положений ст. 72 Конституции РФ о вопросах совместного ведения РФ и субъектов Российской Федерации в части защиты прав и свобод человека и гражданина, окончательное решение о наличии либо отсутствии необходимости в должности Уполномоченного по правам человека остается за субъектом РФ.

Иной проблемный аспект затрагивает ситуацию, когда в субъекте РФ уже была сформирована должность Уполномоченного по правам человека, и сопутствующий вспомогательный аппарат. Возникают вопросы касательно объема компетенции последних в части взаимодействия с Уполномоченным, а также в контексте правовых возможностей по реализации части специальных полномочий анализируемого должностного лица. Обратимся к положениям Федерального закона № 48.

Статья 11 закрепляет перечень полномочий Уполномоченного в субъекте Российской Федерации по принятию мер по защите и восстановлению прав и свобод человека и гражданина. В части правовых возможностей аппарата речь идет о наличии лишь двух аспектов, доступных к реализации не только самим должностным лицом, но и его представителем, а именно: 1) обращение в суд с административным иском заявлением в защиту прав и свобод человека и гражданина, нарушенных решениями или действиями государственного органа (пункт 1) части 1); 2) обращение в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации с предложением о проведении слушаний по фактам нарушения прав и свобод человека и гражданина (пункт 2) части 4).

Между тем, как на уровне правовой доктрины, так и сложившейся практики, в отношении Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ, у последнего, ввиду повышенной загруженности, довольно часто возникает необходимость в помощи со стороны подведомственного ему аппарата по иным категориям процессуальных вопросов. Более того, приводимые статистические данные, представленные, например, в Докладе Уполномоченного по правам человека в Республике Крым за 2020 год, формируют следующие количественные показатели: «в адрес Уполномоченного по правам человека в Республике Крым поступило 2 507 жалоб и обращений граждан. Их количество выросло по сравнению с предыдущими годами (2019 – 1131, 2018 – 2432)» [14]. Безусловно, осуществить реагирование в отношении такого количества обращений Уполномоченным в отсутствие помощников, наделенных соответствующими полномочиями, не представляется возможным.

В связи со всем вышеизложенным, считаем возможным акцентировать внимание на необходимости разграничения законодателем полномочий самого Уполномоченного субъекта РФ и его сотрудников в рамках вспомогательного аппарата. Наиболее эффективным видится формирование в Федеральном законе № 48 статьи, закрепляющей основы статуса сотрудников аппарата. Также, в рамках ст. 10 этого же норма-

тивного акта, видится целесообразным определить, что полномочия Уполномоченного по реализации проверок обстоятельств, сформулированных в жалобах и обращениях, могут быть также реализованы его представителем.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что институт Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов Российской Федерации представляет собой важный правовой механизм реализации действенной процедуры защиты прав и свобод человека и гражданина на официальном уровне, в том числе, и от действий самих государственных и региональных органов власти. Однако определяемый ныне посредством сформированного законодательного массива конституционно-правовой статус данного должностного лица демонстрирует также наличие достаточно внушительного количества проблем функционирования государственного правозащитного института, в связи с чем и нуждается в совершенствовании, в том числе, по сформулированным выше направлениям.

Список литературы:

1. Рашидов, Ш.М. Становление института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: история и современность / Ш.М. Рашидов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-istoriya-i-sovremennost>
2. Постановление Верховного Совета СССР от 22 ноября 1991 г. N 1920-1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина». URL: <https://studfile.net/preview/3843911/>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Заколоворотная, О. А. Уполномоченный по правам человека: истоки формирования института / О. А. Заколоворотная. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 48 (286). — С. 220-222. — URL: <https://moluch.ru/archive/286/64618/>
5. Волков, Н.А., Волков, Д.Н. Зарождение института региональных уполномоченных по правам человека в новейшей истории России (1994 - 2004 гг.) / Н.А. Волков, Д.Н. Волков // Вестник КемГУ. 2015. №4-2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-instituta-regionalnyh-upolnomochennyh-po-pravam-cheloveka-v-noveyshey-istorii-rossii-1994-2004-gg>
6. Закон от 10 апреля 1998 года № 7-3 «Об уполномоченном по правам человека в Смоленской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/939380402>
7. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/
8. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/
9. Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» от 18.03.2020 N 48-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347911/
10. Устав Самарской области от 18 декабря 2006 г. N 179-ГД (с изменениями и дополнениями). URL: <http://xn--80agd4ax.xn--p1ai/upload/files/76000/76550/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2.pdf>
11. Устав (Основной закон) Ставропольского края от 12 мая 2022 года N 38-кз. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406040165>
12. Устав Московской области от 23 ноября 2022 года N 197/2022-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300001959>
13. Баранов, В.М., Баранова, М.В. Доктринальная экспертная оценка содержания и техники Федерального закона «Об Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» / В.М. Баранов, М.В. Баранова // Вестник СГЮА. 2020. №3 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnaya-ekspertnaya-otsenka-soderzhaniya-i-tehniki-federalnogo-zakona-ob-upolnomochennyh-po-pravam-cheloveka-v-subektah>
14. Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Крым о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Крым за 2020 год. URL: https://ombudsman.rk.gov.ru/uploads/txteditor/ombudsman/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpfXgCYI_%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94%202020.pdf

Rybalko S.V. Commissioner for human rights in the subjects of the Russian Federation: constitutional and legal status and problems of functioning of the state human rights institution // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 2. – P. 209-218.

The article analyzes the problems of the constitutional and legal status of the Commissioner for Human Rights in Russia. In particular, attention is focused on the procedure, methods and features of the functioning of this human rights institution at the level of the subjects of the Russian Federation. The historical aspect of the formation of this position was studied and disclosed.

The work is also devoted to the study of normative legal acts of the subject level in terms of the legal regulation of the activities of the Commissioner for Human Rights in the subjects of the Russian Federation. Thanks to the analysis, the classification gradation of the models of approaches of the subjects of the Russian Federation in determining the legal status of the commissioner is formulated. A study was also conducted in terms of analyzing the essence and role of the commissioner's auxiliary apparatus, his law enforcement capabilities and powers. It was possible to identify a rule-making flaw that requires immediate response, as well as ways to solve the conflict situation that has arisen.

Keywords: ombudsman, Commissioner for Human Rights, auxiliary apparatus, subordinate regulation, civil society, official, state body.

Spisok literatury:

1. Rashidov, S.H.M. Stanovlenie instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii: istoriya i sovremennost' / S.H.M. Rashidov // YUridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-rossijskoj-federatsii-istoriya-i-sovremennost>
2. Postanovlenie Verhovnogo Soveta SSSR ot 22 noyabrya 1991 g. N 1920-1 «O deklaracii prav i svobod cheloveka i grazhdanina». URL: <https://studfile.net/preview/3843911/>
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Zakolovorotnaya, O. A. Upolnomochennyj po pravam cheloveka: istoki formirovaniya instituta / O. A. Zakolovorotnaya. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoy uchenyj. — 2019. — № 48 (286). — S. 220-222. — URL: <https://moluch.ru/archive/286/64618/>
5. Volkov, N.A., Volkov, D.N. Zarozhdenie instituta regional'nyh upolnomochennyh po pravam cheloveka v novejshej istorii Rossii (1994 - 2004 gg.) / N.A. Volkov, D.N. Volkov // Vestnik KemGU. 2015. №4-2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-instituta-regionalnyh-upolnomochennyh-po-pravam-cheloveka-v-novejshey-istorii-rossii-1994-2004-gg>
6. Zakon ot 10 aprelya 1998 goda № 7-Z «Ob upolnomochennom po pravam cheloveka v Smolenskoj oblasti». URL: <https://docs.cntd.ru/document/939380402>
7. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 26.02.1997 № 1-FKZ (red. ot 09.11.2020) «Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/
8. Federal'nyj zakon «Ob obshchih principah organizacii publichnoj vlasti v sub"ektah Rossijskoj Federacii» ot 21.12.2021 N 414-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/
9. Federal'nyj zakon «Ob upolnomochennyh po pravam cheloveka v sub"ektah Rossijskoj Federacii» ot 18.03.2020 N 48-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347911/
10. Ustav Samarskoj oblasti ot 18 dekabrya 2006 g. N 179-GD (s izmeneniyami i dopolneniyami). URL: <http://xn--80agd4ax.xn--p1ai/upload/files/76000/76550/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2.pdf>
11. Ustav (Osnovnoj zakon) Stavropol'skogo kraya ot 12 maya 2022 goda N 38-kz. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406040165>
12. Ustav Moskovskoj oblasti ot 23 noyabrya 2022 goda N 197/2022-OZ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300001959>
13. Baranov, V.M., Baranova, M.V. Doktrinal'naya ekspertnaya ocenka sodержaniya i tekhniki Federal'nogo zakona «Ob Upolnomochennyh po pravam cheloveka v sub"ektah Rossijskoj Federacii» / V.M. Baranov, M.V. Baranova// Vestnik SGYUA. 2020. №3 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnaya-ekspertnaya-otsenka-soderzhaniya-i-tehniki-federalnogo-zakona-ob-upolnomochennyh-po-pravam-cheloveka-v-subektah>
14. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Respublike Krym o soblyudenii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Respublike Krym za 2020 god. URL: https://ombudsman.rk.gov.ru/uploads/txtditor/ombudsman/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpfXgCYI_%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94%202020.pdf

УДК 347

**ПРОБЛЕМАТИКА ИНСТИТУТОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ И
ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ МЕР
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Сибилев И. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В рамках настоящего исследования проведен анализ понятия и сущности двух доминирующих разновидностей правовых мер ответственности за нарушение договорных обязательств – институты возмещения убытков и взыскания неустойки. Удалось определить не только содержательные особенности данных правовых явлений, но также проследить их применимость во взаимосвязи друг с другом. В части изучения института возмещения убытков раскрывается двойкий характер правоохранительной меры. Удалось определить прикладную проблематику, в том числе, в части затруднений в установлении причинно-следственной связи между произошедшими действиями и негативными последствиями.

Касательно института взыскания неустойки удалось, посредством анализа актуальной судебной практики, проследить оценочный характер выявления оснований и размеров возможного снижения суммы неустойки в договорных обязательствах. Отдельным достижением исследования является наличие теоретических наработок в части решения перечисленных прикладных коллизий.

Ключевые слова: возмещение убытков, взыскание неустойки, штраф, пеня, просрочка платежа, договорные обязательства, должник и кредитор.

Наиболее благоприятным состоянием в сфере гражданско-правовых взаимоотношений сторон является соблюдение и надлежащее исполнение возложенных на них обязательств, а также реализация предоставленных законодательством прав в установленных пределах. Процедура заключения гражданско-правового договора призвана реализовать действенный механизм соблюдения оговоренных условий, формируя новый правовой статус для его участников. В случае, если один из субъектов (либо оба) безосновательно отказываются от выполнения своей части обязательств или иным образом препятствуют получению конечного результата (товара, услуги и т.д.), наступают негативные последствия, как для контрагента, так и всей системы гражданско-правового оборота в целом. Закономерной реакцией является реализация института ответственности за нарушение договорных обязательств, представляющего собой механизм восстановления и защиты нарушенного права.

Гражданское законодательство предполагает регулирование отношений между равноправными участниками договора, не находящимися в состоянии власти и подчинения, либо ином управленческом взаимодействии, в связи с чем нарушение договора любой из сторон автоматически налагает на него обязательство по восстановлению нарушенного права. Более того, в случае применения мер гражданско-правовой ответственности имущественного характера, реализуется восстановление имущественного права самого потерпевшего, а не вред, причиненный неправомерными действиями государственным (общественным) интересам. Выделенные особенности отличают гражданско-правовую ответственность за нарушение договорных обязательств от иных видов ответственности, например, административной или уголовной, носящих публичный характер. Таким образом, опираясь на доктрину, определим, что гражданско-правовую ответственность в контексте настоящего исследования следует понимать как «правоотношение, возникающее на основании

закона или договора, имеющее как результат неблагоприятные последствия имущественного характера на стороне правонарушителя, в целях восстановления или компенсации нарушенного права потерпевшего, обеспеченного возможностью государственного принуждения и сопровождающегося публичным осуждением правонарушения и его субъекта» [1].

Ключевые аспекты ответственности за нарушение обязательств регламентируются специальной Главой 25 ГК РФ. Анализ последней позволяет определить следующие разновидности мер ответственности: возмещение убытков; неустойка; потеря задатка; утрата права собственности на заложенное имущество и т. д.

Данный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен. Так, в 2015 г. введена специфичная мера ответственности за нарушение обязательств - возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств. Нововведение рассчитано на урегулирование правоотношений между лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, путем внесения соответствующих условий в заключаемое соглашение. В целом, норма, несмотря на ее относительно «молодой» характер, функционирует достаточно успешно.

Гораздо большее количество теоретических и прикладных вопросов возникает при реализации таких мер ответственности, как возмещение убытков и взыскание неустойки. Обнаруженные в результате изучения судебной практики в анализируемой сфере пробелы и коллизии обуславливают актуальность данного исследования.

Итак, возмещение убытков является одной из наиболее распространенных форм реализации ответственности за нарушение обязательств в отечественной гражданско-правовой среде. Данная разновидность ответственности применима практически ко всем случаям гражданско-правовых нарушений, за исключением случаев, когда в договоре предусмотрены иные условия.

В соответствии с ч. 1 ст. 393.1 ГК РФ: «В случае, если неисполнение или ненадлежащее исполнение должником договора повлекло его досрочное прекращение и кредитор заключил взамен его аналогичного договора, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора» [2]. Ч. 2 ст. 393 того же закона закрепляет, что «возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом» [2]. Таким образом, а также с учетом положений ст. 15 ГК РФ, законодатель истолковывает убытки как определенные потери (расходы, недополученные доходы), которые понесла пострадавшая сторона в результате недобросовестных действий контрагента. В свою очередь, возмещение убытков порождает собой меру ответственности должника перед кредитором за причиненные имущественные потери (последствия), в соответствии с которой должник (нарушитель) обязан своими действиями произвести восстановление нарушенного им права. В контексте анализа договорных обязательств и применения договорного вида ответственности, соответственно, необходимо, в первую очередь, установить факт наличия двух взаимосвязанных аспектов: наличие договора, породившего правоотношения, а также неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных договорных обязательств хотя бы одной из сторон.

На наш взгляд, институт возмещения убытков следует рассматривать в контексте двух составляющих гражданско-правовых отношений: как способ защиты нарушенного права (в контексте реализованной законодателем правовой возможности на осуществление действий со стороны потерпевшей стороны по восстановлению положения, существовавшего до правонарушения – материальный аспект); как меры ответственности за совершенное правонарушение (а именно – как процедуры восстановления нарушенного права, а также реализации карательной функции по отношению к лицу, нарушившему соглашение – процессуальный аспект).

Считаем необходимым реализовать дальнейший анализ института возмещения убытков через призму положительного и отрицательного характера возлагаемой ответственности. Положительная (или позитивная) сторона возмещения убытков заключается в обеспечении такого положения пострадавшей стороны, которое существовало бы и в отсутствие произведенного нарушения. Отрицательный (негативный) интерес выражен в возмещении пострадавшей стороне расходов, понесенных в результате неоправданных ожиданий о добросовестном исполнении контрагентом своих обязательств.

Ключевая цель института возмещения убытков – восстановительная. Во исполнение заданной цели необходимо определить, что следует понимать под правовой дефиницией «убытки». В отечественной доктрине (а затем – и в законодательстве) устоялось мнение, что в гражданско-правовом понимании «убытки состоят из причиненного ущерба и упущенной выгоды. Кредитор при предъявлении требований к должнику обязан доказать наличие убытков: причиненного вреда, упущенной выгоды, утраты и повреждения имущества» [3]. Итого, причиненный ущерб – это фактически понесенные расходы пострадавшей стороны, которые последний будет вынужден реализовать для восстановления своего нарушенного права. Упущенная выгода – понятие менее конкретизированное, заключающееся в гипотетически полученных доходах субъектом договорных отношений в том случае, если бы условия соглашения были удовлетворены надлежащим образом. Учитывая оценочный характер данной категории, размер упущенной выгоды в каждой отдельно взятой ситуации неоднозначен, в связи с чем чрезмерно субъективен. Тесно взаимосвязанной с данными обстоятельствами проблемой является возможность установления конкретных сумм, понесенных имущественных и/или финансовых убытков. Обратимся к судебной практике.

Таганрогским городским судом 21 июня 2017 г. по делу № 2-3745/2017 было принято решение о частичном удовлетворении исковых требований истца Клепова С.В. к ответчику Шатский С.В. Между сторонами был заключен договор купли-продажи автомобиля, который, как стало известно позже, был обременен залоговым обязательством (на который Юни Кредит Банк обратил взыскание как на предмет залога в дальнейшем). Истец (покупатель) обратился с просьбой о возмещении ущерба, а также затрат на проезд, судебные расходы и моральный вред. В части неудовлетворенных требований суд указал, что «необходимость расходов для защиты своего права учитывается при определении размера убытков ... В данном случае истец мог не получать Кредит и не погашать задолженность Шатский С.В. и при обращении взыскания на автомобиль мог получить от Юни Кредит Банк разницу между стоимостью автомобиля и задолженностью ответчика. Кроме того, истец мог защищать свои права, ссылаясь на то, что он является добросовестным приобрета-

телем ... При таких обстоятельствах следует признать, что истцом не доказана необходимость для защиты своих прав расходов в размере процентов за пользование Кредит, поэтому иск в этой части удовлетворению не подлежит» [4]. Иными словами, добровольное погашение истцом задолженности Шатского С.В. хотя и было признано судом косвенными убытками, однако под категорию неосновательного обогащения не подходят.

Острой проблемой в анализируемой сфере является законодательно установленная необходимость в установлении причинно-следственной связи между произошедшими действиями и негативными последствиями. При том, по смыслу ст. 15 и 393 ГК РФ, обязанность по выявлению указанной взаимосвязи лежит на кредиторе. Так, исходя из содержания решения Чесменского районного суда от 21.02.2022 по делу № 2-200/2021 установлено, что в мае 2018 г. между ООО «Торговая компания Цегус» и физическим лицом был заключен договор возмездного оказания услуг водителя с сопутствующим оказанием услуг по техническому обслуживанию автомобиля. Однако в мае 2019 г. произошло возгорание обслуживаемого транспортного средства, состоявшееся после осуществления водителем замены топливного фильтра и сепаратора, что, как было установлено, могло повлечь самовозгорание автомобиля. Судом первой и апелляционной инстанции требования ООО «Торговая компания Цегус» о возмещении материального ущерба были удовлетворены. Однако в дальнейшем, суд кассационной инстанции, указал, что «находит их (доказательства) необоснованными и недоказанными. Допустимых, относимых и достоверных доказательств, свидетельствующих о неисправности данного автомобиля, которые привели к возникновению возгорания и которые ФИО1 мог непосредственно обнаружить, в материалы дела не представлено» [5]. Таким образом, истцу в удовлетворении исковых требований было отказано

Таким образом, судебная практика в части анализа института возмещения убытков, вытекающих из договорных обязательств неоднородна и, в то же время, очень многочисленна, что подтверждает ее пробельность и нуждаемость в совершенствовании. На текущем этапе видится возможным и необходимым предложить возможные пути решения вопроса об определении размера упущенной выгоды.

В последние годы законодатель провел действительно результативную работу в части гражданско-правовой регламентации порядка возмещения убытков при прекращении договора. Огромный вклад внесла уже упоминаемая ранее ст. 393.1 ГК РФ. В целом, ч. 1 указанной нормы формирует достаточно четкое представление о механизме определения цены возмещаемого убытка, а именно: как разница между «ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора» [2]. Но, на наш взгляд, недосказанность в части установления предельных сроков заключения нового договора порождает «лазейку в законе» уже в отношении самого кредитора. Не спровоцирует ли такая нормативная модель возможность по искусственному затягиванию сроков вступления в новые договорные отношения со стороны последнего, в целях увеличения конечной суммы образуемой ценовой разницы? Данное предположение вполне обоснованно может перерасти в новую траекторию мошеннических мероприятий. В связи со всем вышеизложенным, представляется необходимым внести дополнение в ч. 1 ст. 393.1 ГК РФ указав на предельно допустимый срок заключения нового соглашения взамен прекращенного договора.

По этой же причине вызывает некое беспокойство и ч. 2 ст. 393.1 ГК РФ. Эта норма призвана урегулировать отношения в части уже заключенного нового договора, а именно – в установлении правовой возможности кредитора по возмещению с должника убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой текущего соглашения. В данном случае у кредитора появляется маневренная возможность по искусственному завышению цены договора. В отсутствие предельно установленных сумм, недобросовестным контрагентом может быть принято решение о целенаправленном утверждении такой текущей цены, которая бы кратно превышала размер изначально оговоренной. В связи с чем также представляется возможным дополнить анализируемую норму указанием ограничения на максимальную цену нового соглашения. Очевидным является то, что регламентация конкретно взятой суммы является неразумным и необъективным решением, в связи с чем представляется возможным закрепить максимально допустимый стоимостный предел, посредством указания на, например, невозможность заключения кредитором сделки, превышающей цену первоначальной, более чем в три раза.

Однако коллизийные вопросы применимости института возмещения убытков не являются единственно важными в контексте правовых мер ответственности за нарушение договорных обязательств. «Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2017 г. содержит информацию о том, что из 1,7 млн. рассмотренных арбитражными судами споров 23 тыс. касались взыскания убытков и 216 тыс. исков о взыскании неустойки» [6]. Анализируемые цифровые значения демонстрируют не меньшую востребованность института взыскания неустойки в современной отечественной практике.

Понятие неустойки законодательно регламентировано в рамках ч. 1 ст. 330 ГК РФ, в соответствии с которой: «Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения» [7]. Несмотря на то, что взыскание неустойки в понимании отечественного законодателя представляет собой исключительно способ обеспечения исполнения обязательств (о чем свидетельствует расположение пар. о неустойке в рамках гл. 23 ГК РФ), как видится, по аналогии с институтом возмещения убытков, взыскание неустойки как гражданско-правовое явление, также следует рассматривать в контексте 2-х составляющих: как способ защиты нарушенного права (представляет собой механизм обеспечения обязательств); как меры ответственности за совершенное правонарушение (форма ответственности должника перед кредитором).

Причиной реализуемого подхода является следующее предположение: в ситуации, когда после неисполнения обязательства назначается взыскание неустойки (например, в виде пени), последняя продолжает начисляться достаточно продолжительный промежуток времени уже на просроченную задолженность. Исходя из описываемых обстоятельств, неустойка, как следствие, помимо непосредственного исполнения обязательств, реализует также стимулирующую функцию в отношении должника, побуждая последнего исполнить обязательство в сокращенные сроки.

В контексте проводимого анализа, становится очевидной необходимость в соотношении явлений «возмещение убытков» и «взыскание неустойки». С процессуальной точки зрения данные механизмы обеспечения обязательств представляют собой

2 независимых состояний. Если в части возмещения убытков речь идет о компенсации ущерба, нанесенного одному лицу действиями другого лица (или группы лиц), то в отношении взыскания неустойки выплачивается денежная сумма сверх изначально оговоренной, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения обязательства. Иными словами, обязанность в виде возмещения убытков наступает в случае реального причинения материального ущерба, как способ восполнения понесенных потерь. А взыскание неустойки не имеет прямой взаимосвязи с размером убытков, в связи с чем и доказывать факт их наличия не является обязательным условием для кредитора.

В части правовой реализации ГК РФ предусмотрено следующее: «Если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой» [7]. Таким образом, предусматривается возможность применения одновременного возмещения убытков и взыскания неустойки, однако также возможны ситуации, когда Законом или договором допускается лишь взыскание неустойки, но не убытков и т.д.

Законодатель определяет, что неустойка может быть реализована в виде штрафа (единовременного платежа) и пени (периодического платежа, как правило, назначаемого за каждый просроченный день исполнения обязательств). Во взаимосвязи со второй определяемой формой в литературе достаточно распространенной является точка зрения о нецелесообразности существования института взыскания неустойки в части способа обеспечения обязательств. Причиной тому выступает следующая точка зрения: «шансы оплатить неустойку должником, не исполнившим основное обязательство, становятся эфемерными. В связи с этим общая неплатежеспособность должника лишает неустойку реального обеспечительного значения» [8]. Мы не можем согласиться с приведенным суждением по следующим причинам.

Во-первых, в той части, в которой должник остается платежеспособным, наличие установленной законом и/или договором неустойки формирует у лица дополнительные финансовые обязательства, в связи с чем стимулирует к более оперативному реагированию в вопросе уменьшения сроков выплат (и дополнительных затрат должника, соответственно). Во-вторых, законодатель предопределил достаточно специфичный в части его исполнения, однако, концептуально логичный механизм защиты интересов должника – возможность уменьшения размеров неустойки.

В соответствии с ч. 1 ст. 333 ГК РФ: «Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку. Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении» [7]. Как показывает практика, именно применимость ст. 333 ГК РФ вызывает споры и разногласия. В особенности, затруднения вызывают вопросы определения суммы пониженной неустойки в случае, если такое решение было принято органом правосудия. Обратимся к судебной практике.

Исходя из содержания решения Читинского районного суда от 25 февраля 2022 г. по делу № 2-218/2022, последним установлено, что Истец ООО «РСО «Тепловодоканал» обратился в суд к физическому лицу, которому оно предоставляло услуги теплоснабжения, водоотведения и водоснабжения. За определенный временной промежуток у ответчика образовалась «задолженность за услуги теплоснабжения, водоотведения и водоснабжения в сумме 56278,59 руб. За несвоевременную оплату

услуги по теплоснабжению, водоотведению и водоснабжению начислена пеня ... 10 504,99 рубля» [9]. Суд, учитывая положения ст. 333 ГК РФ, а также опираясь на то обстоятельство, что уменьшение неустойки в данном случае является правом суда, принял решение о несоразмерности размера неустойки последствиям нарушения обязательства и посчитал возможным снизить размер назначаемой пени до 10 000 руб. Таким образом, разница составляет 504,99 руб.

Другой пример. Шпаковский районный суд Ставропольского края рассматривал обращение истца в суд с иском с заявлением к ООО МКК с просьбой о фиксации суммы основного долга и прекращении начисления процентов на сумму основного долга. Судом было установлено, что между истцом и ООО МКК был заключен кредитный потребительский договор. В связи с наступившим тяжелым материальным положением Истец утратил возможность даже частично выплачивать ежемесячные платежи. По этой причине лицо просит снизить размер неустойки до 20 616 руб. и зафиксировать общую сумму долга.

Также опираясь на положения ст. 333 ГК РФ, в том числе, об относимости востребования снижения размеров неустойки на усмотрение суда, последним был резюмирован факт отсутствия «правовых оснований для удовлетворения заявленных исковых требований, поскольку согласно ст. 56 ГПК РФ стороной истца не предоставлено сведений о размере начисленной банком неустойки подлежащей оплате, в связи с чем применение ст. 333 ГК РФ не представляется возможным, так как невозможно определить ее несоразмерность» [10]. Пример из практики является в некоторой мере нестандартным, т.к. в качестве истца выступает сам должник. Учитывая то, что бремя доказывания несоразмерности неустойки также возлагается на должника, который, по меркам суда, не предоставил неоспоримых доказательств, по исковому заявлению в указанной части было отказано. Таким образом, можно сделать вывод, что практика вынесения судом решения о снижении размера неустойки неоднозначна, а далеко не всегда завершается удовлетворением требований должника.

Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 7: «Несоразмерность и необоснованность выгоды могут выражаться, в частности, в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки ... Доводы ответчика о невозможности исполнения обязательства вследствие тяжелого финансового положения, наличия задолженности перед другими кредиторами, наложения ареста на денежные средства или иное имущество ответчика, отсутствия бюджетного финансирования ... сами по себе не могут служить основанием для снижения неустойки» [11]. В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что формирование доказательной базы касательно несоразмерности начисленной неустойки в некоторых случаях весьма затруднительно. В случае, если должнику все же удалось договориться о снижении назначенной суммы, непрогнозируемым остается вопрос о размере определяемых платежей. Коллизия также разрешается путем применения разъяснений ВС РФ и Постановления Пленума ВАС РФ от 22 декабря 2011 г. № 81, где установлено, что соразмерность неустойки определяется путем двукратной учетной ставки (ставок) Банка России, существовавшей в период такого нарушения.

Таким образом, было установлено, что неустойка играет значительную роль как действенная правовая мера ответственности за нарушение договорных обязательств. Возложенная на нее функция стимулирующего и компенсационного воздействия

обуславливает ее востребованность. Тем не менее, отсутствие конкретизированных положений в части общих моделей толкования способов определения допустимости снижения размера неустойки, а также вычисления предельно допустимых размеров неустойки характеризует ст. 333 ГК РФ как недостаточно конкретизированную. Выявленная пробельность влечет за собой коллизийность судебной практики.

Исходя изложенного, видится необходимым и актуальным конкретизировать в рамках анализируемой нормы критерии для снижения размера неустойки, а также детализировать положения законодательного закрепления оснований снижения неустойки. В качестве примера представляется возможным использовать приведенные ранее положения Постановлений Пленума ВС Суда РФ и Пленума ВАС РФ.

Список литературы:

17. Вятчин, В.А. Понятие и отличительные особенности гражданско-правовой ответственности / В.А. Вятчин // Вестник СГЮА. 2012. №3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-otlichitelnye-osobennosti-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti>
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
19. Исигов, Р.С. Институт возмещения убытков. Теоретический анализ / Р.С. Исигов // Закон и право. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-vozmescheniya-ubytkov-teoreticheskiy-analiz>
20. Решение № 2-3745/2017 2-3745/2017~М-3040/2017 М-3040/2017 от 21 июня 2017 г. по делу № 2-3745/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XDRqKDyLCcHk/>
21. Решение № 2-200/2021 2-4/2022 2-4/2022(2-200/2021);~М-175/2021 М-175/2021 от 21 февраля 2022 г. по делу № 2-200/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fK5aHGNaUNVj/>
22. Костарева, К.Б. Особенности доказывания упущенной выгоды / К.Б. Костарева // Символ науки. 2018. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-upuschennoy-vygody>
23. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть первая. 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
24. Крупенич, Е.А. Правовое регулирование неустойки / Е.А. Крупенич // Скиф. 2020. №5-2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-neustoyki>
25. Решение № 2-218/2022 от 25 февраля 2022 г. по делу № 2-218/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H82GkdNtaQbK/>
26. Решение № 2-693/2022 2-693/2022~М-327/2022 М-327/2022 от 24 февраля 2022 г. по делу № 2-693/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p4GbtDmfZPZw/>
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/d4e7f2093f945443893cf5c7a37a22097786a433

Sibilev I.A. Problematics of institutions of compensation for losses and recovery of penalties in the context of legal measures of liability for violation of contractual obligations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 219–227.

Within the framework of this study, the analysis of the concept and essence of two dominant types of legal measures of liability for violation of contractual obligations – institutions of compensation for damages and recovery of penalties. It was possible to determine not only the substantive features of these legal phenomena, but also to trace their applicability in relation to each other. Regarding the study of the institute of compensation for damages, the twofold nature of the law enforcement measure is revealed. It was possible to identify applied problems, including difficulties in establishing a causal relationship between the actions that occurred and the negative consequences. Regarding the institution of penalty recovery, it was possible, through the analysis of current judicial practice, to trace the evaluative nature of identifying the grounds and the size of a possible reduction in the amount of the penalty in contractual obligations. A separate achievement of the research is the availability of theoretical developments in terms of solving the listed applied collisions.

Keywords: damages, penalty recovery, fine, penalty fee, late payment, contractual obligations, debtor and creditor

Spisok literatury:

1. Vyatchin, V.A. Ponyatie i otlichitel'nye osobennosti grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti / V.A. Vyatchin // Vestnik SGYUA. 2012. №3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-otlichitelnye-osobennosti-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti>
2. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 16.04.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

3. Isigov, R.S. Institut vozmeshcheniya ubytkov. Teoreticheskij analiz / R.S. Isigov // *Zakon i pravo*. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-vozmeshcheniya-ubytkov-teoreticheskij-analiz>
4. Reshenie № 2-3745/2017 2-3745/2017~M-3040/2017 M-3040/2017 ot 21 iyunya 2017 g. po delu № 2-3745/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XDRqKDyLCcHk/>
5. Reshenie № 2-200/2021 2-4/2022 2-4/2022(2-200/2021);~M-175/2021 M-175/2021 ot 21 fevralya 2022 g. po delu № 2-200/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fK5aHGNaUNVj/>
6. Kostareva, K.B. Osobennosti dokazyvaniya upushchennoj vygody / K.B. Kostareva // *Simvol nauki*. 2018. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-upushchennoj-vygody>
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (GK RF). CHast' pervaya. 30 noyabrya 1994 goda N 51-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
8. Krupenich, E.A. Pravovoe regulirovanie neustoyki / E.A. Krupenich // *Skif*. 2020. №5-2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-neustoyki>
9. Reshenie № 2-218/2022 ot 25 fevralya 2022 g. po delu № 2-218/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H82GkdNtaQbK/>
10. Reshenie № 2-693/2022 2-693/2022~M-327/2022 M-327/2022 ot 24 fevralya 2022 g. po delu № 2-693/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p4GbtDmfZPZw/>
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 N 7 (red. ot 22.06.2021) «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/d4e7f2093f945443893cf5c7a37a22097786a433

УДК 347

К ВОПРОСУ О РОЛИ НОТАРИУСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Симолян К. Р.

Кубанский государственный университет

Перманентно увеличивающаяся загруженность судов и количества рассматриваемых ими дел, неизбежно приводит к необходимости поиска альтернативных способов разрешения различного рода юридических споров, в частности, корпоративной направленности. Рассмотрение вопроса места и роли нотариальных органов в реализации задач корпоративных правоотношений, а также проработка спектра имеющихся у них полномочий в данной сфере, является важным шагом в обеспечении эффективного правового регулирования общественных отношений. Целью исследования выступает рассмотрение и анализ нотариуса как субъекта защиты прав участников корпоративных правоотношений. Методологической основой выступают как традиционные диалектические методы, так и методы частнонаучные – формально-юридический, анализа судебной практики. По итогам исследования можно сделать следующие умозаключения: 1) о формировании в рамках отечественного правового поля положительной динамики по вопросу привлечения участниками корпоративных правоотношений нотариусов для обеспечения юридической «чистоты» их действий; 2) о необходимости дальнейшего расширения полномочий нотариусов в осуществлении содействия юридическим лицам в реализации их прав, что способствует дополнительной охране и защите хозяйствующими субъектами своих прав.

Ключевые слова: нотариус, нотариат, корпоративные правоотношения, акционерные общества, корпоративные споры, общества с ограниченной ответственностью, способы защиты прав, компетенция нотариуса, гражданское право, защита участников корпоративных правоотношений

С 29 июня по 1 июля 2022 г. в городе Санкт-Петербург прошел юбилейный X Петербургский Международный Юридический форум, уже ставший ключевой платформой для представителей нотариального сообщества по вопросам профессиональной деятельности, в частности, рассмотрения проблем совершенствования практики правоприменения, внедрения предложений законодательного характера и непосредственно для обмена мнениями в срезе улучшения качества профессиональной деятельности. Так, в частности, глава министерства юстиции К.А. Чуйченко выступая перед участниками симпозиума подчеркнул, что присутствие представителей нотариата в удостоверении корпоративных решений позволит защитить имущественные интересы огромного числа людей.

Важно отметить, что в последние годы наметилась тенденция большего привлечения нотариусов в обеспечении защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений при осуществлении нотариальной деятельности в контексте корпоративных правоотношений [1]. Выделим такие положительные моменты: 1) минимизация рейдерской деятельности. Так, если владелец оперативно не просчитает перспективу «захвата», то обеспечить защиту своего имущества и обосновать в рамках правового поля факт онога весьма проблематично, а порой и невозможно; 2) препятствие со стороны членов обществ недобросовестной и незаконной деятельности; 3) стимулирование снижения уровня обжалования решений, что, в свою очередь, положительно скажется на уменьшении объемов судебной нагрузки [2].

Судебная практика полна примеров, когда лицо в обход закона, определяемого законодателем в качестве одной из форм злоупотребления права, дарит долю покупателю, прикрывая одну сделку другой [3; 4].

В корпоративных отношениях нотариус впервые стал появляться в конце прошлого столетия, и связан данный факт с установлением в законодательстве РФ требования, согласно которому подпись в анкете зарегистрированного юридического лица должна быть совершена в присутствии уполномоченного представителя регистратора либо нотариально засвидетельствована [2].

Также в реформировании корпоративных отношений следует отнести дату вступления в силу ФЗ от 30.12.2008 N 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный нормативный акт внес значительные изменения в нормативное регулирование порядка совершения сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью [3].

Еще одним этапом в интегрировании деятельности нотариата в корпоративные правоотношения послужили поправки в положения ст. 67.1 ГК РФ, связанные с обязанностью коммерческих компаний подтверждать нотариально решения, принятые в отношении общества. Норма императивна с оговоркой: если иной способ принятия решения не предусмотрен уставом или решение было принято единогласно. При этом перечень иных способов принятия корпоративного решения (не исчерпывающий) также предлагается законом: принятие решения единогласно, использование фото- и/или видеофиксации, по материалам которых возможно установить факт принятия решения достоверно и т.п.) [5].

Если раньше протокол общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью не требовал нотариального заверения, то в настоящий момент статья 67.1 ГК РФ определяет, что текст протокола общего собрания участников должен быть заверен у нотариуса, при этом отмечается, что нотариальное заверение решения собрания не потребуется, если общество предусмотрело альтернативный способ – подписание протокола всеми или частью участников, видео- или аудиозапись собрания, другие способы, не противоречащие закону. Указанные варианты удостоверения протоколов должен быть закреплены в уставе общества или решении общего собрания, принятого его участниками единогласно.

У нотариального заверения решений общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью несколько целей: удостоверение самого факта проведения собрания; подтверждение реального присутствия лиц, указанных в протоколе; снижение рисков корпоративных конфликтов.

Но, как мы уже отметили, если участники доверяют друг другу, они могут проводить собрания и без нотариуса, выбрав альтернативный способ заверения.

Решения единственного участника у нотариуса до 2020 г. заверять не требовалось, ведь корпоративный конфликт в этом случае исключён. Таким образом, до 2020 г. налоговые органы не требовали заверять у нотариусов решения единственного участника. Что касается протоколов, то участники могли заранее указать альтернативный способ заверения в уставе или внести этот вопрос в повестку дня сразу при проведении общего собрания. Однако, всё изменилось после того, когда Президиум ВС выпустил Обзор судебной практики от 25 декабря 2019 г. [6] (далее – Обзор). В п. 2 Обзора указано, что решение общего собрания участников ООО, которым на будущее установлен ненотариальный альтернативный способ подтверждения принятия общим собранием решения и состава присутствующих при его принятии участников в соответствии с подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК, требует нотариального удосто-

верения. Суд отметил, что требование подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК о нотариальном удостоверении распространяется и на решение единственного участника (п. 3 Обзора).

Ранее ФНС в п. 1.3 Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов N 4 за 2016 г. [7] исходила из того, что требование о нотариальном удостоверении, установленное подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК, на решение единственного участника не распространяется.

Примечательно, что в п. 2.3 Пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии, также указано, что на общество с ограниченной ответственностью, состоящее из одного участника, положения ст. 67.1 ГК РФ не распространяются [8].

В контексте регулирования порядка нотариальных действий по вопросам связанным со спорами с участием регистрирующих органов Верховный Суд РФ постановил следующее: нотариальное заверение решений (при отсутствии альтернативного способа) распространяется не только на общие собрания участников, но и на единственного участника; альтернативный способ должен быть указан в уставе или принят нотариально удостоверенным решением.

В отношении второго пункта надо сказать особо. До выхода Обзора участники могли принять альтернативный способ заверения протокола (например, подписание всеми участниками) сразу на собрании, и он тут же начинал действовать. Но теперь надо сначала заверить у нотариуса протокол, где принято решение о выборе альтернативного способа, а действовать эта норма начнёт уже для следующих собраний.

Федеральная нотариальная палата оперативно отреагировала на Обзор и выпустила письмо N 121/03-16-3 [8]. В письме Палата согласилась с мнением Верховного суда и рекомендовала нотариусам заверять решения единственного участника. Эту же позицию заняли ФНС и Минюст [10]. Таким образом, участники общества с ограниченной ответственностью, в т.ч., единственные, должны заверять свои решения у нотариуса. Без нотариального заверения допускается оформление решений или протоколов, если участниками принят альтернативный способ.

Напомним, что даже в этом случае протокол общего собрания или решение единственного участника об увеличении уставного капитала должны быть нотариально заверены. Это требование п. 3 статьи 17 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [11]. Верховный Суд РФ представленный Обзор уже применил при рассмотрении конкретного дела [12] положительным в данном Определении является то, что суд не опроверг возможность подтверждения факта принятия решения иным способом, не нотариальным.

Вместе с тем, судьей было указано на возможность применения Обзора в связи с рассмотрением споров, связанных с оспариванием решений общих собрания участников (решений единственного участника), принятых после его опубликования.

Действующая до Обзора практика основывалась на том, что требования пп.3 п.3 ст.67.1 ГК РФ не распространяются на решения единственного участника [13; 14]. Различные подходы к толкованию ст.67.1 ГК РФ, которые зависят от усмотрения правоприменителя, не отвечают требованиям определенности правового регулирования [15]. Толкование п.3 ст.67.1 ГК РФ, которое дает Президиум ВС РФ, способствует развитию формального подхода, созданию бюрократических преград в решении экономических вопросов.

Проблема единообразного толкования п.3 ст.67.1 ГК РФ является актуальной в свете разъяснений Пленума ВС о признании ничтожными решений очных собраний участников хозяйственных обществ, не удостоверенных в порядке, установленном п.3 ст.67.1 ГК РФ [16]. В свою очередь, Конституционный Суд РФ указывал на необходимость исследования судами фактических обстоятельств конкретного дела по существу и недопустимость установления одних лишь формальных условий применения нормы [16]. Можно солидаризироваться с позицией ученых-правоведов, считающих что выводы, сформулированные в Обзоре, в полной мере не соотносятся с буквальной трактовкой п.3 ст.67.1 ГК РФ, в частности:

1. ГК РФ прямо не предусмотрено, что п.3 ст.67.1 ГК РФ распространяется на решения единственного участника; 2. п.3 ст.67.1 ГК РФ в отношении обществ с ограниченной ответственностью предусмотрены три формы подтверждения: нотариальный способ (общее правило); в порядке, предусмотренным уставом общества; в порядке, предусмотренным единогласным решением участников общества.

Обзор, фактически, содержит только две формы для выбора способа подтверждения: нотариальная форма и любая иная форма, предусмотренная Уставом.

Согласно п.3 ст.67.1 ГК РФ, подтверждению подлежит: 1) факт принятия решения и 2) состав участников, принимавших участие в голосовании. По ст.39 ФЗ от 08.02.1998 N14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [18] предусмотрено для обществ, которые состоят из 1-го участника, что решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания участников общества, принимаются единственным участником общества единолично и оформляются письменно.

Положения ст. 34, 35, 36, 37, 38 и 43 указанного закона не применяются [19]. Таким образом, для обществ с одним участником (акционером) не требуется подтверждение состава участников.

Президиум ВС РФ ставит под сомнение факт принятия решения единственным участником: в качестве обоснования необходимости нотариального удостоверения решения единственного участника выступала «необходимость исключить фальсификацию решения, принимаемого высшим органом управления общества».

Бесспорно, нотариальное удостоверение решения способствует минимизации данного риска. Но, если Президиум ВС РФ видит нотариальное удостоверение решения единственного участника как единственный способ исключения фальсификации решения, указанный подход существенно ограничивает возможности корпоративного управления обществом.

Стоит отметить, что при наличии умысла фальсификация не исключена и при нотариальном удостоверении, например, при его подделке. Указанный Президиумом ВС РФ способ в полной мере не исключает риск фальсификации при выборе способа удостоверения решения в уставе общества, например, если участники укажут на то, что все протоколы в дальнейшем не требуют нотариального удостоверения и подтверждаются подписанием председателем, секретарем и, например, независимым третьим лицом. Предполагается, что общества с единственным участником находятся в несравнимо большем контроле, чем общества с коллективным участием. В связи с этим, риск рейдерского захвата по указанной причине минимален.

Подход, который применил Президиум ВС РФ, может ставить под сомнение любые документы, исходящие от общества, которые не были нотариально удостове-

ны, например, доверенности на управление делами общества, составленные в простой письменной форме.

Согласно п.3 ст.67.1 ГК РФ требования применяются к решениям, принятым посредством очного голосования. Следовательно, для решений в порядке заочного голосования данная статья не применяется. Теоретически, подпись на отдельных опросных листах может быть также фальсифицирована. Стоит отметить, что предметом рассмотрения в Обзоре являлись два дела о признании незаконным отказа регистрирующего органа во внесении изменений в ЕГРЮЛ.

При этом, Президиум ВС РФ не указал на применение указанной позиции в отношении иных корпоративных решений (например, об одобрении сделок). Не указано на применение данных правил в отношении решений учредителей о создании общества, в котором избран единоличный исполнительный орган.

Таким образом, позиция Президиума ВС РФ представляется неоднозначной и требующей дальнейшей переработки с учетом необходимости анализа интересов, которые могут быть затронуты указанным в Обзоре толкованием. Распространение требований о нотариальном удостоверении решений единственного участника, ограничений форм подтверждения решений в обществе с ограниченной ответственностью с несколькими участниками, в полной мере не исключает рисков фальсификации решения, но вводит непропорциональные ограничения [20].

Представляется, что расширение компетенции нотариусов в оказании содействия в осуществлении прав юридическим лицам (в том числе и обществам с ограниченной ответственностью) является положительной тенденцией. Действующее законодательство о нотариате позволяет нотариусу оказывать эффективное содействие юридическим лицам в осуществлении их прав, а его совершенствование и дальнейшие расширение компетенции нотариусов по означенному вопросу позволят юридическим лицам еще более качественно охранять и защищать свои права, что, безусловно, положительно скажется и на стабильности экономики страны и на упорядочении имущественного оборота в России [21].

Анализ сложившейся с начала 2020 г. и продолжавшейся до принятия ФЗ от 01.07.2021 N 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» многоэтапной практики, наряду с отдельными вопросами, в отношении которых по настоящее время нормативное регулирование и правоприменительные подходы все еще остаются предметом неоднозначной оценки, позволил сделать следующие выводы: В целях устранения «перекоса» в защите прав участников корпоративных правоотношений ввиду отсутствия возможности и обязанности нотариального удостоверения факта принятия решения учредителями (единственным учредителем) на этапе создания общества необходимо на законодательном уровне установить требования, аналогичные положениям ст. 67.1 ГК РФ, для решений, принимаемых таким органом, как собрание учредителей, на этапе создания компании [22]. Участники общества будут лишены возможности избрать альтернативный способ удостоверения факта принятия решения путем принятия такого решения без участия нотариуса, а механизм удостоверения станет идентичным в отношении решений как общего собрания участников, так и учредителей общества, т.к. предмет таких решений является преимущественно тождественным.

В корпоративных правоотношениях обеспечение доказательств нотариусом также может сыграть важную роль. Так, в деле по иску акционеров к обществу о при-

знании недействительным решения годового общего собрания нотариус по заявлению акционеров засвидетельствовал факт вскрытия конвертов, внутри которых вместо предусмотренного законодательством пакета документов находились чистые листы бумаги [23].

В рамках обеспечения доказательств нотариус также вправе установить идентичность информации, размещенной в Интернете, документам на бумажном носителе, например, с целью дальнейшего выявления признаков нарушений законодательства, примером чего может служить привлечение к ответственности общества за совершение налогового правонарушения, в т.ч. путем предоставления в налоговый орган недостоверной информации с целью получения налоговой выгоды [24].

По итогам исследования можно сделать следующие умозаключения: 1) о формировании в рамках отечественного правового поля положительной динамики по вопросу привлечения участниками корпоративных правоотношений нотариусов для обеспечения юридической «чистоты» их действий; 2) о необходимости дальнейшего расширения полномочий нотариусов в осуществлении содействия юридическим лицам в реализации их прав, что поспособствует дополнительной охране и защите хозяйствующими субъектами своих прав.

Список литературы:

1. X Петербургский международный юридический форум. – Режим доступа: <https://legalforum.info/> (дата обращения: 25.12.2022).
2. Калдыбаев А. К., Жумагалиева Ж. Б. Нотариальное удостоверение решений и сделок в коммерческих организациях как элемент защиты от рейдерского захвата // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 2 (65). С.65-75.
3. Гинзбург И. В., Еремина М. А. Нотариальная форма защиты прав участников сделки по отчуждению доли в уставном капитале обществ: теория и практика // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С.154-157.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.11.2015 г. по делу № 21-1754/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.2022).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Письмо Федеральной налоговой службы от 10 октября 2016 г. № ГД-4-14-19159 «О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов» // СПС «Гарант».
8. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 01.09.2014 № 2405/03-16-3 «О направлении пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии» // СПС «КонсультантПлюс».
9. «Письмо» ФНП от 15.01.2020 № 121/03-16-3 «О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019» // СПС «КонсультантПлюс».
10. «Письмо» Минюста России от 13.03.2020 № 12-28764/20 «О нотариальном заверении решения единственного участника общества с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Заверение решений и протоколов ООО. – Режим доступа: <https://www.regberry.ru/registraciya-ooo/zavereniye-resheniy-i-protokolov-ooo> (дата обращения: 25.07.2022).
12. Определение ВС РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25147 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Письмо ФНС России от 28.12.2016 № ГД-4-14/25209@ «О направлении "Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Письмо Банка России от 25.11.2015 № 06-52/10054 "О некоторых вопросах применения Федерального закона от 29.06.2015 № 210-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Конституционного Суда России (КС РФ) от 14 января 2020 г. №2-П// СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 N 28-П по делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края // СПС «КонсультантПлюс».
18. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) "Об обществах с ограниченной ответственностью" // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Верховного Суда РФ от 2 октября 2015 г. N 305-ЭС15-12458 по делу N А40-88405/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
20. О необходимости нотариального удостоверения решений: разъяснения Президиума ВС РФ. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/2/5/o_neobhodimosti_notarialnogo_udostovereniya_reshenij_razyasneniya_prezidiuma_vs_rf (дата обращения: 25.12.2022).
21. Меньшикова В.А. Нотариальная защита корпоративных правоотношений // Юстиция. 2017. N 1. С. 79-82.
22. Шияновский А.О. Актуальные вопросы практики подтверждения факта принятия решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью и состава участников общества, присутствовавших при его принятии // Вестник арбитражной практики. 2022. N 1. С. 33-42.
23. Иванова С.В. Роль нотариуса в обеспечении доказательств (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2023) // СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2013 по делу N А40-19945/12-99-94 // СПС «КонсультантПлюс».

Simonyan Kristina R. To the Question of the Role of a Notary in Ensure Protection of the Rights of Participants in Corporate Relationships // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 228–235.

The constantly increasing workload of the courts and the number of cases they consider inevitably leads to the need to find alternative ways to resolve various kinds of legal disputes, in particular, corporate ones. In this regard, consideration of the issue of the place and role of notarial bodies in the implementation of the tasks of corporate legal relations, as well as the development of the range of powers they have in this area, is an important step in ensuring effective legal regulation of public relations. In this regard, the purpose of the study is to consider and analyze the notary as a subject of protection of the rights of participants in corporate legal relations. The methodological basis is both traditional dialectical methods and private scientific methods - formal legal, analysis of judicial practice. Based on the results of the study, we can draw conclusions⁶, firstly, about the formation of positive dynamics within the framework of the domestic legal field on the issue of attracting notaries by participants in corporate legal relations to ensure the legal “purity” of their actions; secondly, about the need to further expand the powers of notaries in assisting legal entities in exercising their rights, which will contribute to additional protection and protection of their rights by business entities.

Keywords: notary, notary, corporate legal relations, joint-stock companies, corporate disputes, limited liability companies, protection of rights, competence of a notary, civil law, protection of participants in corporate legal relations.

Spisok literature:

1. X St. Petersburg International Legal Forum. – Access mode: <https://legalforum.info/> (date of access: 12/25/2022).
2. Kaldybaev A. K., Zhumagalieva Zh. B. Notarization of decisions and transactions in commercial organizations as an element of protection against raider capture // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2021. N 2 (65). P.65-75.
3. Ginzburg I. V., Eremina M. A. Notarial form of protection of the rights of participants in a transaction for the alienation of a share in the authorized capital of companies: theory and practice // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. N 3. P.154-157.
4. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of November 18, 2015 in case N 21-1754 / 2014 // SPS «Consultant Plus» (date of access: December 25, 2022).
5. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on April 16, 2022) // SPS «Consultant Plus».
6. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 4 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 25, 2019) // SPS «Consultant-Plus».
7. Letter of the Federal Tax Service dated October 10, 2016 N GD-4-14-19159 “On the direction of the Review of judicial practice in disputes involving registration authorities” // SPS «Garant».

8. Letter of the Federal Notarial Chamber dated 01.09.2014 N 2405 / 03-16-3 "On the direction of the allowance for certifying by a notary the adoption of a decision by the general meeting of participants in a business company and the composition of the participants in the company who were present at its adoption" // ATP «ConsultantPlus».
9. "Letter" of the FNP of January 15, 2020 N 121 / 03-16-3 "On the application of certain provisions of the review of judicial practice on certain issues of the application of legislation on business entities, approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 25, 2019 // SPS «ConsultantPlus».
10. "Letter" of the Ministry of Justice of Russia dated March 13, 2020 N 12-28764 / 20 "On notarization of the decision of the sole participant in a limited liability company" // SPS «ConsultantPlus».
11. Certification of decisions and protocols of LLC. – Access mode: <https://www.regberry.ru/registraciya-ooo/zavereniye-resheniy-i-protokolov-ooo> (date of access: 07/25/2022).
12. Determination of the Armed Forces of the Russian Federation of December 30, 2019 N 306-ES19-25147 // SPS «ConsultantPlus».
13. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated December 28, 2016 N GD-4-14 / 25209@ "On the direction of the "Review of judicial practice in disputes involving registration authorities" // ATP «ConsultantPlus».
14. Letter of the Bank of Russia No. 06-52/10054 dated November 25, 2015 "On Certain Issues of Application of Federal Law No. 210-FZ dated June 29, 2015 "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid " // SPS «ConsultantPlus».
15. Resolution of the Constitutional Court of Russia (CC RF) dated January 14, 2020 N2-P// SPS «ConsultantPlus».
16. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 N 25 "On the application by the courts of certain provisions of Section I of the first part of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS «ConsultantPlus».
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 13, 2016 N 28-P on the case of checking the constitutionality of subparagraph 1 of Article 1301, subparagraph 1 of Article 1311 and subparagraph 1 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with requests from the Arbitration Court of the Altai Territory // SPS «Consultant Plus».
18. Federal Law of February 8, 1998 N 14-FZ (as amended on July 2, 2021, as amended on February 25, 2022) "On Limited Liability Companies" // SPS «ConsultantPlus».
19. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of October 2, 2015 N 305-ES15-12458 in case N A40-88405 / 2014 // SPS «ConsultantPlus».
20. On the need for notarization of decisions: clarifications of the Presidium of the Armed Forces of the Russian Federation. – Access mode: https://zakon.ru/blog/2020/2/5/o_neobhodimosti_notarialnogo_udostovereniya_reshenij_razyasneniya_prezidium_vs_rf (date of access: 12/25/2022).
21. Menshikova V.A. Notarial protection of corporate legal relations // Justice. 2017. N 1. P. 79-82.
22. Shiyanovsky A.O. Topical issues of the practice of confirming the fact of the decision of the general meeting of participants in a limited liability company and the composition of the company's participants who were present at its adoption // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. N 1. S. 33-42.
23. Ivanova S.V. The role of a notary in providing evidence (Prepared for the ConsultantPlus system, 2023) // SPS ConsultantPlus.
24. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated March 21, 2013 in case N A40-19945 / 12-99-94 // SPS Consultant Plus.

УДК 347.772.3

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИЛИ ЗАЩИТА НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАНИЯ

Ширкова И. В.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли»

В статье рассматриваются определенные объекты интеллектуальной собственности, относящиеся к средствам индивидуализации товаров и услуг, законодательное закрепление, сущностные характеристики, субъектный состав лиц, предоставляемым исключительные права, способы правовой охраны, с целью определения соответствия законодательного обеспечения охраны данной категории объектов интеллектуальной собственности и защиты интеллектуальных прав. Проанализированы международные договоры и национальное законодательство на предмет закрепления правовой охраны географического указания и наименования мест происхождения товаров, установлены сущностные признаки и отличительные черты рассматриваемых объектов, охарактеризована структура исключительных прав в контексте их применения правообладателем на географическое указание и наименования мест происхождения товаров, выявлены законодательные несоответствия, ограничивающие и ущемляющие интеллектуальные права правообладателей на географические указания и наименования мест происхождения товаров, внесены предложения по устранению законодательных противоречий.

Ключевые слова: географические указания, наименования мест происхождения товаров, исключительные права, правовая охрана.

Интеллектуальная собственность обладает двойственной и противоречивой природой, поскольку, с одной стороны, выступает как нематериальное благо, основанное на творческой деятельности, с другой – в экономическом обороте, выступает как товар, и может функционировать на рынке. Эта особенность порождает необходимость признания ее важнейшей составляющей и как духовного, и как экономического богатства страны. Поэтому для обеспечения творческих возможностей, побуждающих на создание новых видов интеллектуальной собственности, как например, дополнение к средствам индивидуализации товаров, работ, и услуг географического указания, путем внесения изменений в Гражданский Кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 26.07.2019 № 230-ФЗ, необходим правовой фундамент, гарантирующий охрану объектов интеллектуальной деятельности и защиту интеллектуальных прав. Защищенность со стороны государства будет способствовать раскрытию творческого потенциала, и вовлечения результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в развитие исторического и культурного наследия, тем самым обеспечивая достижения национальных целей развития Российской Федерации [1].

Сегодня в условиях рыночных отношений начал активно развиваться институт прав на средства индивидуализации юридических лиц и производимых ими товаров, работ и услуг. Эти отношения порождают множество субъектов хозяйствования, производящих различные товары, оказывающих разные спектры услуг, требующих обеспечения должной индивидуализации и производителей, и товаров, и услуг. Перечень объектов интеллектуальной собственности, относящихся к средствам индивидуализации товаров, работ, услуг и организаций, на которые распространяется правовая охрана Российского законодательства, расширяется, и к фирменным наименованиям, товарным знакам, коммерческим обозначениям и наиме-

нованию мест происхождения товаров добавлен новый объект – географическое указание. Средства индивидуализации (СИ) также, как и результаты интеллектуальной деятельности – не материальные предметы, а значит к ним не применимо право собственности, и правовая охрана должна обеспечиваться наличием исключительных прав у правообладателя. Актуальность исследования обусловлена особенностью реализации исключительных прав правообладателем на определенные объекты интеллектуальной собственности (наименования мест происхождения товаров (НМПТ) и географические указания (ГУ)), а именно, возможностью использования исключительного права любым лицом без согласия, производящего товар, в границах одного и того же географического объекта. Ключевым исследованием является анализ нормативно-правовой базы, регламентирующий характерные и отличительные черты, субъектный состав участников процедуры приобретения интеллектуальных прав, а также обеспечение правовой охраны наименования мест происхождения товаров и географического указания.

На международной арене первым нормативным документом, закрепившим в качестве объекта промышленной собственности указания происхождения или наименования места происхождения товара, является Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Она закрепила применения ареста на ввозимый продукт, в случае использования ложных указаний о происхождении товаров, в страны, в которых эти указания имеют правовую охрану [2]. То есть данный международный договор не предусматривает обеспечение правовой охраны указания происхождения или наименования места происхождения товара, а закрепляет обязанность государств предоставить защиту в случае посягательства на подлинность сведений о происхождении товаров.

Мадридское соглашение о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах детализировала санкции, пресекающие ложные или вводящие в заблуждение указаний происхождения на товарах [3]. Речь также идет о мерах защиты указаний происхождения товаров.

Лиссабонским соглашением об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации было дано определение наименования мест происхождения, т.е. географического региона, обозначающего изделие, которое происходит из данной страны, района или местности, существенные особенности которого характеризуются исключительно географической средой, включая природные и человеческие факторы регистрации [4]. В соответствии с Соглашением регламентирована процедура регистрации наименования мест происхождения товаров и географического указания, а также зарегистрированному наименованию обеспечивается защита от неправомерного присвоения или имитации.

Основным национальным документом, закрепляющим охрану географического указания и наименования места происхождения товаров, является ГК РФ, в частности, ст. 1516 ГК РФ [5] закрепляет терминологию данных объектов интеллектуальной собственности.

Географическое указание (ГУ) это обозначение, которое определяет существенные характеристики, в том числе качество и репутацию, товара, связанные и зависящие от географической территории его происхождения. На территории данного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства

товара, оказывающая существенное влияние на формирование характеристик товара.

Наименованием места происхождения товара (НМПТ), является обозначение, которое представляет наименование региона (страны, поселения, или другого географического объекта) или производное от такого наименования, ставшее известным в результате его использования в отношении товара, включающий все характерные для данного географического объекта природные условия и (или) людские факторы. В отличие от географического указания, на территории данного географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара.

Помимо отличия между географическими указаниями (ГУ) и наименования мест происхождения товаров (НМПТ), качающегося производственных стадий товара, существуют различия в регистрируемом обозначении, для регистрации ГУ можно использовать любое обозначение, которое связано с местом происхождения товара, а для регистрации НМПТ – только словесное; в характеристике товара, для ГУ информация о товаре предоставляется заявителем, а для НМПТ – особые свойства товаров устанавливают уполномоченные федеральные или региональные органы; а также узнаваемости средства индивидуализации, для ГУ допустимо наличие возможности идентифицировать продукцию и территорию происхождения, для НМПТ важно, чтобы обозначение стало узнаваемым в результате его использования в отношении товара.

По мнению В.И. Еременко, географическое указание занимает промежуточное положение между указанием происхождения, которое является простым обозначением местопребывания производителя или реализатора, без гарантии качества товара, и наименованием места происхождения товара, качество которого уникально благодаря природным и (или) людским факторам, присущим тому или иному географическому объекту [6, с. 74].

Н.С. Михайлова рекомендует рассматривать географическое указание как общую правовую категорию, а наименование места происхождения товара как разновидность географического указания [7, с. 79].

Таким образом наименование мест происхождения товаров и географическое указание соотносятся между собой как общее и частное.

Объекты интеллектуальной собственности различны, в том числе и по источнику происхождения, все они представляют собой неосязаемые блага, выраженные в форме знаний, т.е. совокупности сведений о чем-либо, которые условно можно разделить на две категории: «знания, являющиеся результатами интеллектуального труда человека /.../ при взаимодействии определенных факторов происходит создание нового продукта; и знания, не являющиеся результатами интеллектуального труда или информация в узком смысле /.../ а также, сведения, которые могут быть представлены как в виде результатов интеллектуального труда, так и в виде информации, не содержащей результатов творческой деятельности» (напр. коммерческая тайна) [8, с. 17-21].

Поэтому правовое регулирование охраны объектов интеллектуальной собственности формируется на их различностях: объекты, связанные с содержательной сущностью (охрана технических решений, представляющие коммерческую ценность для экономического оборота. Эти результаты интеллектуальной деятельности охра-

няются только при условии получения охранного документа – патента, и срок их охраны минимизирован от 10 до 20 лет; объекты с приоритетным значением формы, то есть натуры (произведения науки, литературы и искусства). На них распространяется принцип презумпции автора, не требующий особой охранной процедуры (охрана обеспечивается с момента выхода «в свет» соответствующих объектов) и охраняются такие объекты в течение всей жизни автора и спустя 70 лет после его смерти. Но существуют и такие результаты интеллектуальной деятельности, у которых отсутствует автор и правовая охрана обеспечивается с момента государственной регистрации. Речь идет о средствах индивидуализации юридического лица, товаров, работ или услуг (товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения, географические указания, наименования мест происхождения товаров).

Согласно ч. 1 ст. 1518 ГК РФ государственную регистрацию географического указания могут осуществить граждане, юридические лица, а также объединения лиц в форме ассоциаций, союзов и др. [5]. Указанная статья несколько сузила перечень субъектов, имеющих право осуществить государственную регистрацию определенных объектов интеллектуальной собственности. Географическое указание и наименование мест происхождения товаров относятся к средствам индивидуализации товаров или услуг, используемые в хозяйственной деятельности, в которой, в качестве субъекта хозяйствования, помимо юридических лиц, могут участвовать индивидуальные предприниматели, получающие данный статус только при условии государственной регистрации. То есть особый отдельный статус, не может относиться ни к гражданам, ни к юридическим лицам, ни к объединениям, а значит его необходимо закрепить в вышеуказанной статье, тем самым дополнить перечень субъектов, имеющих право зарегистрировать географическое указание.

Однако Э.П. Гаврилов признает неправильность определения субъекта права на НМПТ и ГУ, так как истинными субъектами являются местные органы исполнительной власти, которые определяют качества/свойства и другие характеристики охраняемого объекта [9]. Это вытекает из содержания п. 2 ст. 1522' ГК РФ, а именно, если объект, находящийся на территории Российской Федерации, указан в качестве наименования места происхождения товара, то подтверждение о том, что производимый товар, находящийся в границах указанного географического объекта, соответствует установленным требованиям производится органами исполнительной власти. К таким органам относятся согласно постановлению Правительства РФ от 08 августа 2020 г. № 1195: Министерство здравоохранения Российской Федерации (в отношении лечебных грязей, минеральной питьевой лечебной, лечебно-столовой и минеральной природной столовой воды), Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (в отношении товаров народных художественных промыслов и музыкальных инструментов), Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (в отношении продукции сельского хозяйства и пищевой продукции), Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка (в отношении алкогольной и спиртосодержащей продукции) [9]. Э.П. Гаврилов также считает, что признание этих органов субъектами прав на НМПТ и ГУ решает главную проблему – местного брендинга продукции и преобразования права на наименование мест происхождения товаров и географического указания в административное публичное [10, С.31]. Г.Н. Черничкина разделяет точку зрения относительно бренди-

вания, полагая, что ГУ и НМПТ могут быть теми средствами индивидуализации (СИ), которые позволят регионам сформировать ярко выраженный имидж производимой ими продукции в целях развития исторического и культурного наследия [11, С. 151]. Тем самым обеспечивая достижение национальных целей развития Российской Федерации, установленных Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1].

Возвращаясь к нормам, установленным действующим гражданским законодательством, в частности к ч. 2 ст. 1518 ГК РФ, лицам, зарегистрировавшим географическое указание, предоставляется исключительное право при условии соответствия товара, установленным требованиям [5].

Гражданский Кодекс РФ не содержит определения исключительных прав, а закрепляет лишь их структуру, состоящую из возможности использования охраняемых объектов интеллектуальной деятельности правообладателем, а также из разрешения или запрета правообладателя их использования иными субъектами. В.А. Дозорцев считает, что объектом использования является сам результат, а объектом распоряжения – право на него, право его использования [12]. Это логично отражается в ч. 6 ст. 1519 ГК РФ о недопущении распоряжения исключительными правами на географическое указание без заключения договора [5]. К договорам, относящимся к интеллектуальным правам при использовании и распоряжении исключительных прав, применяются нормы, регулирующие гражданско-правовые договоры, законодатель и в ст. 1233 ГК РФ, и в ст. 1242 ГК РФ ссылается на применение в этих случаях общих положений об обязательствах. То есть из этого можно сделать вывод, что использование и распоряжение исключительных прав – это прерогатива правообладателя, и только он может использовать ГУ и НМПТ в отношении товаров, обладающего определенными характеристиками, и только он может предоставить другому лицу право на использования ГУ и НМПТ.

Однако абзац 2 ч. 2 ст. 1518 ГК РФ предусматривает возможность в установленных случаях, предоставление исключительного права любому лицу, производящему товар, в границах того же географического объекта, обладающий характеристиками, указанными в Государственном реестре указаний и наименований. Иными словами, речь идет о возможности предоставления исключительного права на один и тот же объект не одному, а нескольким гражданам или юридическим лицам.

Возникает противоречие, с одной стороны, сущность исключительных прав в их «исключительности», поскольку правообладатель либо самостоятельно использует охраняемые объекты интеллектуальной собственности, либо дает разрешение другим лицам на использование, либо запрещает использование. Так как запрет осуществляется правообладателем, а не иным лицом, то право запрета является абсолютным, характеризующий смысл, заложенный в названии самого исключительного права, правообладатель исключает из круга лиц, которые вправе использовать охраняемый объект, то есть это право – исключительное [13, С.23-28]. С другой стороны, любое лицо, производящее товар, в границах того же географического объекта, без согласия правообладателя может получить исключительное право.

Нельзя не согласиться с мнением Э.П. Гаврилова, что на НМПТ и на ГУ не существуют и не могут существовать никакие исключительные права, поскольку любое лицо, находящееся в той же местности, может без согласия владельца получить ана-

логичное «право» на аналогичный объект, следовательно, упомянутое право никак нельзя охарактеризовать как «исключительное» [9, с. 23-25].

Учитывая вышесказанное необходима гармонизация законодательства, исключая «юридический коллапс». На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Международные договоры, в целом, не предусматривают обеспечение правовой охраны указания происхождения или наименования места происхождения товара, а лишь устанавливают меры защиты.

2. Национальными нормативными документами предусмотрена правовая охрана на наименование мест происхождения товаров и географическое указание, однако коллизия норм не гарантирует ее реализации исключительно правообладателем на охраняемый объект. Учитывая законодательное несоответствие, предлагаем рассмотреть целесообразность его гармонизации. Иначе необходимо признать отсутствие исключительных прав на ГУ и НМПТ.

3. Перечень субъектов, имеющих право осуществлять государственную регистрацию определенных объектов интеллектуальной собственности (физические лица, юридические лица, а также объединения лиц в форме ассоциаций, союзов и др.), необходимо дополнить индивидуальными предпринимателями.

Список литературы:

1. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 / Президент России // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2020. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>
2. Парижская конвенция по охране промышленной собственности [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения – Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). – Электрон. текстовые дан. – 2023. – Режим доступа: <https://wipo.int/ru/text/287556> (дата обращения 21.01.2023)
3. Мадридское соглашение о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения – Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). – Электрон. текстовые дан. – 2023. – Режим доступа: <https://wipo.int/ru/text/286776> (дата обращения 21.01.2023)
4. Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения – Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). – Электрон. текстовые дан. – 2023. – Режим доступа: <https://wipo.int/ru/text/401406> (дата обращения 21.01.2023)
5. Российская Федерация. Законы. Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 с изм. от 08.07.2021 / КонсультантПлюс // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2021. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/aa87cfbfbdb5358dce8542e6c9b4b0593639d20e9/
6. Еременко В.И. О введении правовой охраны географического указания в Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 1. С. 72-80.
7. Михайлова Н. С. Охрана географических указаний в Российской Федерации // Ex jure. 2019. № 2. С. 76–86. DOI: 10.17072/2619-0648-2019-2-76-89
8. Калина И.И., Типологизация объектов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. / Саратов, 2011 г. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-obektov-intellektualnoy-sobstvennosti>
9. О федеральных органах исполнительной власти, уполномоченных выдавать заключения, необходимые для государственной регистрации наименования места происхождения товара и осуществления юридически значимых действий в отношении зарегистрированного наименования места происхождения товара, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 08 августа 2020 г. № 1195 / Официальный интернет-портал информации // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2023. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008120001?index=1&rangeSize=1>
10. Гаврилов, Э.П. Нужна принципиально новая правовая система для географических указаний и наименований места происхождения товара // Хозяйство и право. 2020. № 5 (520). С. 27-32.

11. Черничкина Г.Н. Географическое указание и наименование места происхождения товаров как тренд развития регионов // Трансформация национальной социально-экономической системы России. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 149-153.
12. Дозорцев В. А. Понятие исключительного права // Юридический мир. 2000. № 6. С. 25–35.
13. Гаврилов, Э. П. Как развивается право интеллектуальной собственности в России? // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 1. С. 23-28.

Shirkova I.V. Legal protection or protection of the appellation of origin of goods and geographical indication // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 236–242.

The article deals with certain intellectual property objects related to the means of individualization of goods and services, legislative consolidation, essential characteristics, the subject composition of persons granted exclusive rights, methods of legal protection, in order to determine the compliance of the legislative provision of protection of this category of intellectual property objects and the protection of intellectual rights. International treaties and national legislation have been analyzed with a view to securing the legal protection of geographical indications and appellations of origin of goods, the essential features and distinctive features of the objects under consideration have been established, the structure of exclusive rights in the context of the application by the rightholder to geographical indications and appellations of origin of goods has been characterized, legislative inconsistencies have been identified that restrict and infringe on the intellectual rights of rightholders to geographical indications and appellations places of origin of goods, proposals have been made to eliminate legislative contradictions.

Keywords: geographical indications, appellations of origin of goods, exclusive rights, legal protection

Spisok literatury:

1. «O nacional'ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [E`lektronny`j resurs] : Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 iyulya 2020 g. № 474 / Prezident Rossii // E`lektron. tekstovy`e i graf. dan. Moskva, 2020. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>
2. Parizhskaya konvenciya po ohrane promy`shlennoj sobstvennosti [E`lektronny`j resurs] // Konvencii i soglasheniya – Vsemirnaya organizaciya intellektual`noj sobstvennosti (VOIS). – E`lektron. tekstovy`e dan. – 2023. – Rezhim dostupa: <https:wipolex.wipo.int/ru/text/287556> (data obrashheniya 21.01.2023)
3. Madridskoe soglashenie o presechenii lozhny`x ili vvodyashhix v zabluzhdenie ukazaniy proisxozhdeniya na tovarax [E`lektronny`j resurs] // Konvencii i soglasheniya – Vsemirnaya organizaciya intellektual`noj sobstvennosti (VOIS). – E`lektron. tekstovy`e dan. – 2023. – Rezhim dostupa: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/286776> (data obrashheniya 21.01.2023)
4. Lissabonskoe soglashenie ob ohrane naimenovaniy mest proisxozhdeniya i ix mezhdunarodnoj registracii [E`lektronny`j resurs] // Konvencii i soglasheniya – Vsemirnaya organizaciya intellektual`noj sobstvennosti (VOIS). – E`lektron. tekstovy`e dan. – 2023. – Rezhim dostupa: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/401406>
5. Rossijskaya Federaciya. Zakony`. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs] : prinyat ot 30.11.1994g. № 51-F3 (red. ot 28.06.2021 s izm. ot 08.07.2021 / Konsul`tantPlyus // E`lektron. tekstovy`e i graf. dan. Moskva, 2021.
6. Eremenko V.I. O vvedenii pravovoj ohrany` geograficheskogo ukazaniya v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 1. S. 72-80.
7. Mixajlova N. S. Ohrana geograficheskix ukazaniy v Rossijskoj Federacii // Ex jure. 2019. № 2. С. 76–86.
8. Kalina I.I., Tipologizaciya ob`ektov intellektual`noj sobstvennosti [E`lektronny`j resurs] // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social`no-e`konomicheskogo universiteta. / Saratov, 2011 g. Rezhim dostupa : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-obektov-intellektualnoy-sobstvennosti>
9. O federal'ny`x organax ispolnitel'noj vlasti, upolnomochenny`x vy`davay` zaklyucheniya, neobxodimy`e dlya gosudarstvennoj registracii naimenovaniya mesta proisxozhdeniya tovara i osushhestvleniya yuridicheski znachimy`x dejstvij v otnoshenii zaregistrirovannogo naimenovaniya mesta proisxozhdeniya tovara, i priznanii utrativshimi silu nekotory`x aktov Pravitel`stva Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs] : Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 08 avgusta 2020 g. № 1195 / Oficial'ny`j internet-portal informacii // E`lektron. tekstovy`e i graf. dan. Moskva, 2023. – Rezhim dostupa: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008120001?index=1&rangeSize=1>
10. Gavrilov, E`P. Nuzhna principal`no novaya pravovaya sistema dlya geograficheskix ukazaniy i naimenovaniy mesta proisxozhdeniya tovara // Xozyajstvo i pravo. 2020. № 5 (520). S. 27-32.
11. Chernichkina G.N. Географическое указание и наименование места происхождения товаров как тренд развития регионов // Трансформация национальной социально-экономической системы` России. Материалы` IV Международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 149-153.
12. Dozorcev V. A. Ponyatie iskluyuchitel`nogo prava // Yuridicheskij mir. 2000. № 6. S. 25–35
13. Gavrilov, E` P. Kak razvivaetsya pravo intellektual`noj sobstvennosti v Rossii? // Patenty` i licenzii. Intel`lektual`ny`e prava. 2021. № 1. S. 23-28.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.922

**ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ИНОСТРАННЫЕ
ГРАЖДАНЕ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ИХ
ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ**

Булатов Р. Б., Булатов Т. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье проведен анализ понятийного аппарата миграционно-правовой сферы, дано понятие терминам «иностраный гражданин», «лицо без гражданства», выдвинута идея закрепления термина «неграждане», который смог унифицировать положение категории лиц с правовым положением «вне гражданства». Приведены различные классификации иностранных граждан. Особое внимание уделено трактовке термина «иностранец» в отечественной юридической традиции в новое и новейшее время. Даны рекомендации по закреплению на законодательном уровне более четкого определения таких понятий как «неграждане», «иностраный гражданин», «лицо без гражданства»

Ключевые слова: права человека, иностранные граждане, лицо без гражданства, беженец.

В научном сообществе на протяжении долгих лет продолжают активные дискуссии по вопросам определения ключевых терминов по тематике исследуемой проблемы. Большинство ученых отстаивают интересы использования расширительного толкования в этом вопросе, предлагая взамен употреблять термин «иностранцы». Сторонники противоположного подхода не согласны с этим, аргументируя свою позицию тем, что более широкая интерпретация только приведет к увеличению правовых ошибок и коллизий. Интересным может показаться мнение Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова, которые пишут, что в РФ использование термина «иностраный гражданин» вместо термина «иностранец» следует считать более точным, так как в зарубежном законодательстве ряда государств термин «иностранец» трактуется в расширительном смысле, включая не только иностранных граждан, но и лиц без гражданства [8, с. 312].

Стоит указать на важную особенность использования термина «иностранец», которое заключается в том, что в международном праве содержание данной правовой дефиниции раскрывается по-разному, в зависимости от источников законодательства. В связи с этим различают нормативные акты, где термин «иностранцы» включает в себя лиц иностранных государств, а также другие акты, где в его содержание закладывается узконаправленная интерпретация, понимания исключительно лиц – неграждан. Такое разноплановое понимание одних и тех же терминологических терминов нередко приводит к нарушениям в деятельности правоприменительных органов, создавая негативные последствия в правовом поле.

Так, Всеобщая декларация прав человека под термином «иностранец» понимает любое лицо, не являющееся гражданином государства, в котором оно находится [2]. Напротив, в законодательных актах стран СНГ обозначенный термин определяется как гражданин третьего государства, лицо без гражданства [3].

Обращаясь к истории образования термина «иностранец» в российской правовой системе, стоит отметить, что его появление относится к эпохе правления императора Петра I. Как верно указано А.М. Тесленко, что в 1890 г. к категории иностранцев относили лиц, которые приняли присягу на верность России, хотя формально уже

являлись русскими гражданами [10]. В советский период уделялось особое внимание правовому положению иностранцев на территории СССР, в связи с чем законодательством страны регулировались вопросы их прав и обязанностей в достаточной мере. Как верно отмечено рядом исследователей, значительная роль в регламентации данного вопроса отводилась, прежде всего, Конституции СССР 1936 г., а также ряду иных законов и подзаконных актов – Закон о гражданстве СССР 1938 г., Положение о политических эмигрантах в СССР 1961 г., Правила проживания иностранцев и лиц без гражданства в СССР 1962 г. и др. [11, с. 179-188].

Конституция РФ занимает главное место в механизме регулирования общественных отношений, закрепляя одно из важных положений о том, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими (ст. 18 Конституции РФ), предоставляя право обращения в публичные органы власти лично или посредством направления обращений (ст. 33 Конституции РФ) [11, с. 179-188]. В этом контексте необходимо подчеркнуть, что вышеуказанные положения высшего нормативного правового акта РФ необходимо интерпретировать в расширительном аспекте и предоставлять указанные права в том числе, и иностранным гражданам с целью избегания относительно них совершения возможных нарушений в практической деятельности.

В подкреплении данных доводов следует указать на Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», где указано, что положения данного Закона распространяются на все обращения граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства (ч. 3 ст. 1) [4, ст. 2060].

На наш взгляд, это является лишь малой частью в предоставлении каких-либо гарантий лиц-неграждан, поскольку их правовое положение далеко от совершенства. Данные лица должны обладать закрепленной на конституционном уровне возможностью защиты абсолютно любых прав, а не только тех, которые связаны с гражданством, их гарантированности со стороны государства.

В настоящий момент существует объективная необходимость закрепления на законодательном уровне терминологической дефиниции «лицо, не обладающее гражданством РФ», правовое положение которого можно охарактеризовать как «вне гражданства», а самих лиц «неграждане» [7, с. 100-105]. Данное решение, по нашему мнению, позитивно отразится на развитии действующего законодательства в рассматриваемой сфере, поскольку позволит унифицировать правовое положение данной категории лиц, объединив в одну понятийную категорию несколько терминов «иностранец», «лицо без гражданства», «беженец», исключив тем самым многовариантность понятия «иностранец». Стоит подчеркнуть, что российское законодательство не содержит указанных определений. Однако Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» содержит положение о том, что понятие «иностранец» включает в себя понятие «лицо без гражданства» (п. 2 ст. 2) [5, ст. 3032].

Проведя анализ понятийного аппарата, рассмотрим классификацию иностранных граждан и лиц без гражданства. В доктрине отсутствует единое мнение ученых и законодателя. Осуществляются различные попытки формирования названной классификации, в основе которых лежат следующие критерии: временной (время пребывания на территории РФ), целевой (цель пребывания), а также подчиненность

юрисдикции РФ. Широко распространенной является классификация, предложенная Н.В. Макарейко в зависимости от срока пребывания:

1) временно пребывающие – это лица, прибывшие в РФ на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и не имеющие вида на жительство или разрешения на временное проживание. Допустимый период пребывания на законных основаниях на территории РФ составляет от 3-х месяцев до 1-го года.

К особому классу указанной категории следует относить: а) получившие временное убежище; б) ходатайствующие о признании беженцами, предоставлении временного убежища; в) признанные беженцами.

2) временно проживающие – иностранные граждане, получившие разрешение на временное проживание в течение 3 лет на территории одного субъекта РФ.

3) постоянно проживающие – лица, получившие вид на жительство [8, с. 121].

В настоящий момент на территории РФ по неофициальным данным осуществляет свою деятельность самая большая категория иностранных граждан, находящихся на территории РФ на незаконных основаниях (нелегально). Поэтому, по нашему мнению, необходимо дополнить данную классификацию 4 группой – нелегально пребывающие лица, которым не предоставили разрешения на проживание (пребывание). К таковым относятся лица, которые: с нарушением установленных правил выехали за территорию РФ; по истечении срока пребывания уклоняются от выезда из РФ; не имеют разрешение на временное проживание, вид на жительство, визу, либо иные документы, подтверждающие их право на пребывание в РФ; нарушили правила транзитного проезда через территорию РФ.

А.М. Арбузкиным, О.Ф. Мураметс предложена классификация, в основе которой лежит критерий подчинения юрисдикции, в связи с чем делят иностранных граждан на: А) освобожденные от юрисдикции государства (дипломаты и приравненные к ним лица); Б) частично освобожденные от юрисдикции государства (военнослужащие); В) не освобожденные от юрисдикции государства [6, с. 42]. А.А. Поповым изложена иная классификация по данному основанию: военнослужащих иностранных экипажей военных кораблей и воздушных судов, воинских частей; граждан, обладающих либо не обладающих дипломатическим иммунитетом; граждан, осуществляющих свою деятельность в международных организациях; свидетелей и других лиц, статус которых определен международными договорами РФ [9, с. 43].

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящий момент действующее законодательство Российской Федерации в сфере защиты прав иностранных граждан, не позволяет дать точное определение категориям «иностранцы граждане» и «лица без гражданства», что создает юридические коллизии, в том числе в сфере правоприменения. Ко всему, в отечественной доктрине отсутствует единое мнение ученых и законодателя по вопросам классификации иностранных граждан и лиц без гражданства. Осуществляются попытки формирования единой классификации, в основе которой лежат следующие критерии: временной (время пребывания на территории РФ), целевой (цель пребывания), а также подчиненность юрисдикции РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416.

2. Всеобщая декларация прав человека Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апр.
3. Соглашение «О сотрудничестве пограничных войск в сфере пограничного контроля в пунктах пропуска через границы государств – участников СНГ с государствами, не входящими в Содружество» (Москва, 25 ноября 1998 г.) // Бюллетень международных договоров. Январь 2015 г. № 1.
4. Федеральный закон от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.05.2006. № 19. Ст. 2060.
5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3032.
6. Арбузкин А.М., Мураметс О.Ф. Принципы правового регулирования пребывания в СССР иностранцев. — М., 1979. — 56 с.
7. Безуглов А. Д. К вопросу о конституционном статусе лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 100–105.
8. Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. -2- е изд., перераб. и доп. — М.: Междунар. отношения, 2016. - 943 с.
9. Попов Л.Л. Административное право: учебник для вузов. - М.: Юрист, 2012. — 697 с.
10. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России, вторая половина XVIII – начало XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2010. — 226 с.
11. Хрипун В. А. Иностранцы в СССР в 1950-е – 1960-е гг. Тенденции исследования и проблемы историографии // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - 2010. - № 1 (35). - С. 179–188.

Bulatov R. B. Bulatov T. R. The concept and classification of the category of «foreign citizens» in Russian legislation in the context of their legal protection // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 243-246.

The article analyzes the conceptual apparatus of the migration and legal sphere, defines the terms "foreign citizen", "stateless person", puts forward the idea of fixing the term "non-citizens", which was able to unify the position of the category of persons with the legal status of "stateless". Various classifications of foreign citizens are given. Particular attention is paid to the interpretation of the term "foreigner" in the domestic legal tradition in modern and contemporary times. Recommendations are given on fixing at the legislative level a clearer definition of such concepts as "non-citizens", "foreign citizen", "stateless person"

Keywords: human rights, foreign citizens, stateless person, refugee.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ) // Sobr. zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 31, st. 4398; 2020. № 11, st. 1416.
2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka Prinyata rezolyuciej 217 A (III) General`noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda // Rossijskaya gazeta. 1995. 5 apr.
3. Soglashenie «O sotrudnichestve pogranichny`x vojsk v sfere pogranichnogo kontrolya v punktax propuska cherez granicy gosudarstv – uchastnikov SNG s gosudarstvami, ne vxodyashhimi v Sodruzhestvo» (Moskva, 25 noyabrya 1998 g.) // Byulleten` mezhdunarodny`x dogovorov. Yanvar` 2015 g. № 1.
4. Federal`ny`j zakon ot 02.05.2006 №59-FZ «O poryadke rassmotreniya obrashhenij grazhdan Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 08.05.2006. № 19. St. 2060.
5. Federal`ny`j zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostranny`x grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 29.07.2002. № 30. St. 3032.
6. Arbužkin A.M., Muramets O.F. Principy` pravovogo regulirovaniya preby`vaniya v SSSR inostratev. — М., 1979. — 56 с.
7. Bezuglov A. D. K voprosu o konstitucionnom statute licz, ne yavlyayushhixsya grazhdanami Rossijskoj Federacii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo. 2021. Т. 21, vy`p. 1. S. 100–105.
8. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / отв. ред. Yu.M. Kolosov, V.I. Kuznecov. -2- e izd., pererab. i dop. — М.: Mezhdunar. otnosheniya, 2016.- 943 s.
9. Popov L.L. Administrativnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. - М.: Yurist`, 2012. — 697 s.
10. Teslenko A. M. Pravovoj status inostratev v Rossii, vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.: dis. ... kand. yurid. nauk. - Ekaterinburg, 2010. — 226 s.
11. Xripun V. A. Inostrancy v SSSR v 1950-e – 1960-e gg. Tendencii issledovaniya i problemy` istoriografii // Ucheny`e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. - 2010. - № 1 (35). - S. 179–188.

УДК 341.9

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Трифонова К. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Статья посвящена проблеме международно-правового регулирования трудовой миграции. Проводится анализ международных актов, принятых в рамках ООН, МОТ, ЕС, СНГ, ЕАЭС и межгосударственных соглашений регулирующих правовой статус трудящихся мигрантов. Исследуются критерии отнесения личности к категории трудовых мигрантов. Делается вывод о наличии признаков для отнесения физического лица к данной категории, но при этом данная дефиниция отсутствует в текстах нормативно-правовых актов. Автор указывает, что в настоящее время имеются два пути противодействия незаконной трудовой миграции: ужесточение российского законодательства и создание условий для сокращения количества правонарушений в этой сфере. В заключении автор указывает, что в настоящее время можно выделить два основных способа для решения вопроса, связанного с противодействием нелегальной миграции как в целом, так и трудовой миграции, в частности, которые состоят, во-первых, в ужесточении уголовного и административного законодательства, во-вторых в формировании условий для сокращения количества правонарушений в этой сфере. В части использования зарубежного опыта в России для решения проблем незаконной трудовой миграции возможно исключительно с учетом национальных интересов.

Ключевые слова: ООН, МОТ, ЕС, СНГ, международные акты, мигрант, трудовая миграция, гражданство, иностранный гражданин.

Повышение интенсивности международной миграции непосредственно связано с активными глобализационными и интеграционными процессами, наблюдаемыми в последние десятилетия.

Международно-правовое регулирование труда представляет собой «регламентацию с помощью международных договоров и других международно-правовых средств вопросов, связанных с применением наемного труда, улучшением его условий, охраной труда, защитой интересов работников» [1, с. 80]. Международно-правовое регулирование труда включает не только совокупность международных норм в сфере труда, но и нормы иных отраслей международного права, оказывающих воздействие на сферу труда. Иванов Д.В. писал, что «основными причинами перемещения людей в поисках работы из одного государства в другое являются бедность и неспособность зарабатывать или производить достаточно для того, чтобы обеспечить себя и свою семью» [2, с. 206].

Необходимо согласиться с Бекяшевым Д.К., который считает, что: «международная трудовая миграция – это миграция, связанная с пересечением иностранными физическими лицами государственной границы какого-либо государства на определенный срок в целях получения работы в стране въезда» [3, с. 392].

Причинами международной трудовой миграции являются: неравномерность мирового экономического развития; неравенство доходов и возможностей в разных странах, в частности между промышленно развитыми и развивающимися странами; дисбаланс населения, проявляющийся в избытке рабочей силы в развивающихся странах и в ее недостатке в определенных отраслях в развитых странах и др. [4].

Цели политики в области трудовой миграции, вытекающие из общепризнанных международных норм: реализация права граждан на свободу перемещений; содей-

ствие сокращению безработицы и облегчению ситуации на национальных рынках труда; повышение благосостояния трудящихся; предотвращение утечки интеллектуального потенциала страны за границу; защита прав и интересов трудящихся-мигрантов в странах пребывания [5, с. 178].

Выработка концепции миграции сейчас включена в полномочия международных и региональных организаций. В 1989 г. на 59-й сессии Совета Международной организацией по миграции (МОМ) были даны дефиниции «миграция» и «мигрант».

«Миграция – часть процесса развития государств: тех, из которых лица уезжают, и тех, в которые пытаются попасть, а также государств, которые принадлежат к обеим категориям, независимо от причин перемещения [6, с. 12].

«Мигрант — это лицо, перемещающееся из одного государства в другое и нуждающееся в международных миграционных услугах, которые предоставляются международными организациями» [7, р. 12-14].

В 1996 г. Экономический суд СНГ рассматривал вопрос о толковании термина «мигрант». Было указано на отсутствие его договорно-правовой регламентации и предложено следующее определение: мигрант – это понятие, включающее в себя все категории лиц, осуществляющие пространственные перемещения, независимо от причин перемещения, их длительности и пространственных границ [8].

Наличие четко унифицированных понятий «миграция» и «международная миграция» облегчило бы работу по выявлению точного количества лиц, являющихся мигрантами, определению их правового статуса, что позволило им отстаивать свои интересы. Сфера правового регулирования трудовой миграции включает в себя нормы международного публичного и международного частного права, нашедшие отражение в различных актах, принятых ООН, МОТ, Советом Европы, СНГ, региональными объединениями государств, а также многосторонних и двусторонних соглашениях РФ.

Одним из главных международно-правовых документов в области прав трудящихся-мигрантов на сегодняшний день является Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г.

Основная цель принятия Конвенции – создание международно-правового механизма защиты прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. До ее принятия отдельные положения, регулирующие правовой статус трудящихся-мигрантов, содержались в ряде документов, выработанных в рамках Международной организации труда (МОТ): в Конвенции о трудящихся-мигрантах (№ 97), в Конвенции о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения (№ 143), в Рекомендации о трудящихся-мигрантах (№ 86), в Рекомендации о трудящихся-мигрантах (№ 151), в Конвенции о принудительном или обязательном труде (№ 29) и Конвенции об упразднении принудительного труда (№ 105) и других. По состоянию на 30 мая 2013 г. ее ратифицировали 47 государств; подписали, но не ратифицировали 16 государств [9].

Статья 2 Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 апреля 1990 г. определяет, что «трудящийся - мигрант — это лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не являются» [10, с. 492]. При этом определение трудящегося-мигранта, представленное в Конвенции, не ограничивает действие статуса такого лица в государстве, гражданином которого он или она не

является и где будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью, а также не ограничивает сам процесс миграции никакими временными рамками. Более того, определение охватывает мигрантов как с документами, так и без таковых. В данном контексте понятие конкретизируется в определении отдельных категорий мигрантов.

Ранее в Конвенции МОТ №97 о работниках-мигрантах 1949 г. применяется термин не «трудоустроенный-мигрант», а «работник-мигрант» и обозначает «лицо, которое мигрирует из одной страны в другую с намерением получить работу, иначе, чем на собственный счет, и включает всякое лицо, допускаемое в соответствии с законом в качестве работника-мигранта. В данной Конвенции, выделяются следующие категории работников-мигрантов: пограничные работники, въехавшие на короткий срок лица свободных профессий и артисты, моряки» [11, с. 965-981].

Принятие Конвенции МОТ № 143 о работниках-мигрантах (дополнительные положения) было обусловлено резким ростом масштабов безработицы и нерегулируемой миграции. Данный акт представляет собой первую многостороннюю попытку рассмотреть вопрос о положении нелегальных мигрантов, а также предусматривает санкции в отношении торговцев нелегальной рабочей силой. Данная Конвенция закрепила понятие «трудоустроенный-мигрант» - «... лицо, которое мигрирует или мигрировало из одной страны в другую с целью получения любой работы, кроме как за собственный счет, и включает в себя любое лицо, законно въехавшее в страну в качестве трудоустроенного-мигранта. Однако в международном миграционном праве, как и в национальном законодательстве большинства стран мира, до сих пор не сложился единый подход к понятию трудоустроенного-мигранта».

В настоящее время международно-правовое регулирование трудовой миграции осуществляется в рамках Содружества независимых государств (СНГ), Союзного государства Беларуси и России, и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а до 1 января 2015 г. оно осуществлялось в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

В рамках Евразийского Экономического Сообщества, на протяжении долгих велся проект по подписанию Конвенции о правовом статусе трудоустроенных-мигрантов. Конвенция была подписана 14 ноября 2008 года, между Азербайджаном, Молдовой, Арменией, Российской Федерацией, Грузией, Белоруссией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Кыргызстаном и Казахстаном [12].

Данная Конвенция была направлена на регулирование статуса трудоустроенных-мигрантов государств – участников СНГ и членов их семей, а также на создание условий для обеспечения одинакового количества обращений в отношении трудоустроенных-мигрантов, членов их семей и граждан принимающего государства в той мере, как это регламентируется ее законодательством и международными обязательствами. В настоящее время данная Конвенция не действует в РФ, Таджикистане и Узбекистане.

Конвенция 2008 г. распространяет свое действие на всех трудоустроенных-мигрантов и членов их семей, находящихся на территории принимающего государства - члена СНГ. При этом круг членов семьи трудоустроенного-мигранта устанавливается в соответствии с законодательством принимающего государства.

Это позволит в определенной степени регулировать численность лиц, на которых будут распространяться положения Конвенции 2008 г. Кроме того, действие данной

Конвенции не распространяется на ряд категорий иностранных граждан, в том числе моряков, лиц, ходатайствующих о предоставлении им статуса беженца или убежища на территории принимающей стороны и получивших его, священнослужителей, занимающихся религиозной деятельностью в официально зарегистрированных религиозных организациях, лиц, приезжающих в целях обучения (ст. 3).

В понятии «трудящийся-мигрант», данном в Конвенции 2008 г., не ясно, что именно понимается под оплачиваемой трудовой деятельностью; не уточнено, распространяется ли действие Конвенции на лиц, осуществляющих трудовую деятельность в соответствии с гражданско-правовыми договорами. Апеллирование к аналогичным понятиям, закрепленным в других международных актах, в данном случае невозможно, поскольку установленный в ст. 1 Конвенции 2008 г. понятийный аппарат применяется только для целей данной Конвенции. Учитывая, что в ст. 1 в качестве субъекта, предоставляющего работу трудящимся-мигрантам, упоминается как работодатель, так и наниматель, можно сделать вывод, что трудовая деятельность предполагает деятельность, осуществляемую не только на основе трудовых, но и гражданско-правовых договоров [9].

Концепция согласованной социальной политики ЕврАзЭС, утвержденная решением Межгосударственного Совета от 18 апреля 2007 г. N 335, учитывала сферу миграции населения. В ч. V Концепции среди ожидаемых результатов реализации единой социальной политики отмечено «свободное перемещение граждан и функционирование единого рынка труда» и «использование общего образовательного пространства». Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, подписанное правительствами РФ, Республики Беларусь и Республики Казахстан в 2010 г. и вступившее в силу 1 января 2012 г., создает режим наибольшего благоприятствования для трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами сторон. Ст. 3 Соглашения 2010 г. устанавливает, что «деятельность, связанная с привлечением трудящихся-мигрантов, осуществляется работодателями государства трудоустройства без учета ограничений по защите национального рынка труда» и трудящимся-мигрантам не требуется получение разрешений на ее осуществление на территории участников. Ст. 7 Соглашения 2010 г. закрепляет основные направления сотрудничества сторон: согласование политики в сфере регулирования внешней трудовой миграции; содействие организованному набору трудящихся-мигрантов на территории сторон; предупреждение незаконного использования их труда; обмен информацией по вопросам правового статуса трудящихся-мигрантов и членов их семей. Несмотря на трехсторонний характер Соглашения, ст. 22 делает его открытым для «присоединения к нему других государств, являющихся членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, с согласия всех государств – участников Соглашения».

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), участниками которого на основе учредительного договора от 29 мая 2014 г. стали Армения, Беларусь, Казахстан и Российская Федерация, продолжит создание единого экономического пространства и определит перспективы международно-правового регулирования региональной трудовой миграции. Проведенный анализ международных актов приводит к выводу о том, что в настоящее время нет единого понимания в применении дефиниции «трудящийся-мигрант».

Для России актуальным вопросом является улучшение управления миграционными потоками, в том числе на основе использования передового опыта зарубежных стран с учетом особенностей российской государственности [14, с. 79-83; 15, с. 208-213]. В целом имеются два пути противодействия незаконной трудовой миграции: первый – ужесточение уголовного законодательства и административных мер, второй – создание условий для сокращения количества правонарушений в этой сфере. Вторым путем применяется все в большей мере «направлено на упрощение миграционного процесса (документооборота), сокращение нелегальной миграции, что помогает уменьшить коррупционные риски в сфере миграции и укрепить экономику» [13, с. 76-81].

В заключении, необходимо отметить, что в области правового регулирования внешней трудовой миграции большое значение имеют нормы международного публичного и частного права, закрепленные в актах, принятых ООН, МОТ, СНГ, региональными объединениями государств, а также многосторонних и двусторонних соглашениях РФ. При этом международные договоры и соглашения выступают для РФ, ведущим международно-правовым источником в сфере правового регулирования внешней трудовой миграции.

Список литературы:

1. Филипова И.А. Международное и национальное трудовое право: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. 80 с.
2. Иванов Д.В. Вынужденная и трудовая миграция населения в международном и национальном праве. М., 2010. С. 206.
3. Бекашев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М.: Проспект, 2013. 392 с.
4. Трифонов С.Г., Капранова Ю.И. Ретроспективный анализ института гражданства.// Философия права. №3, 2019.
5. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. - 472 с.
6. Старовойтова С.С. Анализ предпосылок миграционных процессов // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10. – С.12.
7. Continued effectiveness of the Organization in view of the new challenges: Doc. MC/1631 / Intergovernmental Committee for Migration. Geneva, 1989. P. 12-14.
8. Соглашение стран СНГ от 24.09.1993 «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам»//СПС Консультант Плюс
9. Азарова Е.Г., Андриченко Л.В., Бочарникова М.А., Голованова Н.А., Захаров М.Л., Коршунова Т.Ю., Ломакина Л.А., Плюгина И.В., Серегина Л.В., Чиканова Л.А. Аналитический обзор на тему: «Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда» / отв. ред. Л.А. Чиканова // СПС Консультант Плюс.
10. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (Заключена 18.12.1990) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1.- М.: БЕК, 1996. С. 492 - 515.
11. Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919 - 1956. Т. I.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 965-981.
12. Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств» (Заключена в г. Кишиневе 14.11.2008) // СПС Консультант Плюс
13. Оганесян А.П. Зарубежный опыт противодействия преступлениям, посягающим на документооборот в сфере миграции // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2018. N 1. С. 76-81.
14. Трифонов С.Г. Конституционно-правовой институт омбудсмана по вопросам миграции: опыт Федеративной Республики Германия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2020. № 4. С. 79-83.
15. Коваль В.Н. Международно-правовое регулирование трудовых отношений моряков //Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2022. № 4. С. 208-213.

Trifonova K.V. International legal regulation of labor migration: a system analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 247-252.

The article is devoted to the problem of international legal regulation of labor migration. An analysis is made of international acts adopted within the framework of the UN, ILO, EU, CIS, EAEU and interstate agreements regulating the legal status of migrant workers. Criteria for attributing a person to the category of labor migrants are investigated. It is concluded that there are signs for referring an individual to this category, but this definition is not in the texts of regulatory legal acts. The author points out that at present there are two ways to counteract illegal labor migration: the tightening of Russian legislation and the creation of conditions for reducing the number of offenses in this area. In conclusion, the author points out that at present there are two main ways to solve the issue related to combating illegal migration, both in general and labor migration, in particular, which consist, firstly, in tightening criminal and administrative legislation, in secondly, in creating conditions for reducing the number of offenses in this area. In terms of using foreign experience in Russia to solve the problems of illegal labor migration, it is possible only taking into account national interests.

Keywords: UN, ILO, EU, CIS, international acts, migrant, labor migration, citizenship, foreign citizen

Spisok literatury:

1. Filipova I.A. Mezhdunarodnoye i natsional'noye trudovoye pravo: uchebnoye posobiye. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet, 2015. 80 s.
2. Ivanov D.V. Vynuzhdennaya i trudovaya migratsiya naseleniya v mezhdunarodnom i natsional'nom prave. M., 2010. S. 206.
3. Bekyashev D.K., Ivanov D.V. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye vynuzhdennoy i trudovoy migratsii: monografiya. M.: Prospekt, 2013. 392 s.
4. Trifonov S.G., Kapranova YU.I. Retrospektivnyy analiz instituta grazhdanstva. // Filosofiya prava. №3, 2019.
5. Yudina T.N. Migratsiya: slovar' osnovnykh terminov: Ucheb. posobiye. M.: Izdatel'stvo RGSU; Akademicheskii Proekt, 2007. — 472 s.
6. Starovoytova S.S. Analiz predposylok migratsionnykh protsessov // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii. 2015. № 10. – s.12
7. Continued effectiveness of the Organization in view of the new challenges: Doc. MC/1631 / Intergovernmental Committee for Migration. Geneva, 1989. P. 12—14.
8. Soglasheniye stran SNG ot 24.09.1993 «O pomoshchi bezhentsam i vynuzhdenным pereselentsam»//SPS Konsul'tant Plyus
9. Azarova Ye.G., Andrichenko L.V., Bocharnikova M.A., Golovanova N.A., Zakharov M.L., Korshunova T.YU., Lomakina L.A., Plyugina I.V., Seregina L.V., Chikanova L.A. Analiticheskiy obzor na temu: «Sootvetstviye rossiyskogo zakonodatel'stva trebovaniyam mezhdunarodnoy organizatsii truda» / otv. red. L.A. Chikanova // SPS Konsul'tant Plyus.
10. Mezhdunarodnaya konventsiya o zashchite prav vsekh trudyashchikhsya-migrantov i chlenov ikh semey (Zaklyuchena 18.12.1990). // Mezhdunarodnoye publichnoye pravo. Sbornik dokumentov. T. 1.- M.: BEK, 1996. S. 492 - 515.
11. Konventsii i rekomendatsii, prinyatyye Mezhdunarodnoy konferentsiyey truda. 1919 - 1956. T. I. - Zheneva: Mezhdunarodnoye byuro truda, 1991. S. 965 - 981.
12. Konventsiya o pravovom statuse trudyashchikhsya-migrantov i chlenov ikh semey gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv» (Zaklyuchena v g. Kishineve 14.11.2008). // SPS Konsul'tant Plyus
13. Oganessian A.P. Zarubezhnyy opyt protivodeystviya prestupleniyam, posyagayushchim na dokumentooborot v sfere migratsii // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD RF. 2018. N 1. S. 76-81.
14. Trifonov S.G. Konstitutsionno-pravovoy institut ombudsmana po voprosam migratsii: opyt Federativnoy Respubliki Germaniya. // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskiye nauki. 2020. № 4. (VAK). S. 79-83.
15. Koval' V.N. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye trudovykh otnosheniy moryakov. // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskiye nauki. 2022. № 4. (VAK). S. 208-213.

УДК 340

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОЦМАНСКИХ СЛУЖБ ДАНИИ,
ФИНЛЯНДИИ, НОРВЕГИИ, ШВЕЦИИ**

Процевский В. А., Клименко Е. П.,

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье раскрывается современное состояние правовой организации и деятельности лоцманских служб Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции. Установлены нормативно-правовые акты, принципы, задачи, применяемые подходы, эффективность изучаемого явления; определены примененные общие и отличные подходы. Установлены такие отдельные критерии в деятельности лоцманских служб как доходы и расходы, уровень обслуживания, наличие/отсутствие СУДС, наличие/отсутствие не государственных лоцманов, сертификация, и иные параметры, позволяющие сравнивать правовую организацию лоцманской проводки в этих странах.

Ключевые слова: Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция, лоцманская проводка, современное состояние, организация.

Датская организационная модель ориентирована на открытый рынок предоставления пилотных услуг. Закон о DanPilot от 2013 г. [1] превращает этого государственного поставщика лоцманских услуг в независимое государственное предприятие с собственным советом директоров и независимой экономикой. Сегодня, DanPilot — это независимое государственное предприятие, находящееся в ведении Министерства бизнеса и развития, надзорным органом которого является Морская администрация Дании. Существует значительное перекрестное субсидирование внутри DanPilot региональных пилотных служб от транзитных пилотных служб, что затрудняет выход на рынок мелких игроков. С 2020 г. DanPilot перестал быть исключительно государственной структурой, при этом обслуживает все транзитные лоцманские услуги и обязан предоставлять региональные лоцманские услуги в Дании. Около 55 % услуг DanPilot в 2016 г. приходилось на транзитные перевозки и около 45 % на региональные перевозки в/из датских портов. Флот DanPilot состоит из 29 катеров; предоставление лоцманских услуг происходило с 22 лоцманских станций. Помимо DanPilot, услуги пилотов предоставляет частная компания Danish Pilot Service (DPS) [2].

С 2010 по 2016 г. количество лоцманских услуг, предоставленных в Дании, увеличилось на 23 %, что объяснялось общим ростом морских перевозки в датских водах из-за увеличения отгрузки нефти с российских нефтяных терминалов в Балтийском море. Однако доля судов, пользующихся услугами лоцмана на маршруте Гедсер – Скаген снизилась с 91 % в 2013 г. до 81 % в 2017 г. [3, s. 24].

Суда, запрашивающие лоцманские услуги в транзитных водах, должны уведомить DanPilot за 18 ч. до прибытия судна в пункт приема лоцмана. Суда, запрашивающие услуги лоцмана для захода в датские порты должен уведомить DanPilot за 24 ч. до прибытия судна в пункт посадки. Суда запрос лоцманских услуг на отбытие из датского порта должны предоставить DanPilot уведомление за 4 ч. до отхода. Затраты DanPilot на предоставление услуг составляют около 70 % всех расходов. Затраты пропорциональны расстоянию проводки. Поскольку затраты на оплату труда составляют основную часть затрат, пилотный проект по транзиту на дальние расстояния услуги дороже, чем междугородние.

Сегодня в Дании не существует услуг удаленного пилотирования, т.е. с помощью таких средств как СУДС. Тем не менее, в районах с интенсивным движением существует информационная система, которая следит за движением и выдает навигационные предупреждения судам, если они слишком близко друг к другу, мосту и т.п. [4].

Законодательная база для оказания лоцманских услуг в финских водах, обязательной лоцманской проводки и исключения, профессиональные требования к действующим работникам и т. д. установлены в Законе о лоцманской проводке (940/2003) [5]. Изменения в организации предоставления пилотных услуг требуют решения парламента, а незначительные изменения могут быть внесены через канцелярию премьер-министра. В соответствии с Законом суда должны использовать лоцмана на фарватере общего пользования в финских водах и на Сайменском канале, если лоцманская проводка требуется в связи с опасным или вредным характером груза или размерами судна. Агентство транспортной безопасности следит за выполнением Закона о лоцманской проводке [6].

С 1 января 2019 г. функции управления движением в автомобильном, морском и железнодорожном секторах от Транспортного агентства переданы государственной компании. Включение функций управления дорожным движением является частью подготовки к изменениям, вызванным цифровизацией, растущей ролью услуги, автоматизация и возрастающее значение информации и данных. Это также закладывает основу для улучшения ориентации на клиента. Дальнейшие цели процесса регистрации заключаются в том, чтобы разъяснить соответствующие официальные обязанности, упорядочить регулирование в транспортном секторе и способствовать использованию данных, связанных с транспортом, для поддержки новых цифровых услуг. Одной из целей является повышение финансовой эффективности и прибыльности операций, а также повысить прозрачность операций и ценообразования».

Финская модель организации пилотных услуг предусматривает монополию FinnPilot, что подразумевает отсутствие доступа для других поставщиков пилотных услуг. Монополия установлена Законом т.к. по мнению Конституционной комиссии парламента и других экспертов-законодателей, пилотирование – это осуществление государственного управления для обеспечения безопасности, минимизации экологических рисков и предоставлять услуги по равномерной цене. Поэтому открытого рынка пилотных услуг в стране не существует.

До 2004 г. единственным поставщиком лоцманских услуг в Финляндии была Морская администрация Финляндии, с 2004 по 2010 г. лоцманские услуги предоставляла другая законодательно учрежденная государственная организация. С 2011 г. FinnPilot предоставляет пилотные услуги и отчитывается перед Департаментом управления канцелярии премьер-министра. Закон о проводке требует, чтобы предоставление компанией услуг и ценообразование услуг прозрачно и доступно для публичного ознакомления.

В соответствии с Законом о лоцманской проводке и Законом о преобразовании государственного лоцманского предприятия в общество с ограниченной ответственностью (1008/2010) FinnPilot обязан предлагать лоцманские услуги и сопутствующие услуги по обеспечению безопасности на море на всех морских и внутренних маршрутах Финляндии [7].

FinnPilot применяет целевой уровень обслуживания: максимум 3 ч. ожидания в прибрежных районах и 6 ч. в районе Саймы. В 2016 г. показатель успеха составил 99,8%, что означает, что только 47 из 23 461 пилотных услуг не были доставлены в установленные сроки.

FinnPilot постоянно измеряет и повышает свою эффективность и передает свой опыт владельцам судов и другим государственным органам для дальнейшего анализа и повышения безопасности. С 2016 г. FinnPilot и DanPilot сотрудничают. В 2017 г. FinnPilot внедрила компьютерную систему заказа пилотов Pilot Online, которая позволяет отслеживать пилотные услуги в режиме реального времени. В том же году Министерство транспорта и Коммуникации предложили законодательные изменения, которые позволили бы проводить эксперименты с дистанционной и автоматизированной лоцманской проводкой, поскольку действующий закон не разрешает такие эксперименты [3, s. 24].

В Норвегии лоцманские услуги регулируются Законом о лоцманской проводке от 2014 г. (действует с начала 2015 г.) [8], что направлено на обеспечение более эффективных лоцманских услуг, содействие безопасному морскому движению и защиту окружающей среды. Закон включает в себя правовую основу для обязательной лоцманской проводки, обязанности лоцмана и капитана во время лоцманской проводки, принципы освобождения сертификатов и лоцманских сборов. «Обязательные правила лоцманской проводки» описывают, какие суда подлежат лоцманской проводке и районы, к которым применяются правила.

Общее правило состоит в том, что суда длиной 70 и более метров подлежат обязательной лоцманской проводке в водах в пределах исходных линий. Более строгие правила применяются к некоторым типам судов, например, к пассажирским судам и судам, перевозящим опасные и загрязняющие окружающую среду грузы. Береговая администрация Норвегии (NSA, Kystverket) отвечает за услуги государственных лоцманов [9]. Целью службы является обеспечение безопасности движения на море и защита окружающей среды путем обеспечения того, чтобы суда, работающие в норвежских водах, имели штурманов с соответствующей квалификацией для безопасного плавания.

Норвегия применяет организационную модель, состоящую из двух частей: монополия на общее планирование и лоцманские услуги как таковые и тендерный процесс для перевозки лоцманов на суда, которые воспользуются услугами лоцмана на вертолете и катере. Поставщики пилотных услуг как таковые до реорганизации в 2014 г. повседневные обязанности по управлению пилотными операциями были подчиняются региональным отделениям NSA, а Департамент морской безопасности, расположенный в головном офисе NSA, курирует операции, законодательную работу и надзор. В соответствии с Законом о лоцманской проводке 2014 г., в обязанности NSA входят: организация лоцманских услуг, отправка лоцманов, управление сертификатами об освобождении лоцмана, установление и сбор сборов, лоцман обучение и лицензирование, а также надзор, контроль и обеспечение выполнения этих функций. Основа для реорганизации заложена в NOU 2013:183), который включает исторический обзор лоцманской проводки в Норвегии. Целью реформы 2014 г. было разорвать связи между администрацией и выполнением пилотных услуг. Замена 5 региональных офисов лоцманской службой NSA была предпринята

для обеспечения упорядоченной цепочки подчинения и более эффективной коммуникация [3, s. 25].

Центр лоцманской проводки и СУДС (Службы управления движением судов), подчиненный региональному отделению НКА под названием Западная береговая администрация, выполняет задачи, порученные головным офисом. Среди них выдача сертификатов пилота. Центр лоцманской проводки и СУДС выполняет функции суда первой инстанции, а Департамент морской безопасности выступает в качестве апелляционного суда; например, в случае жалоб на не сдачу лоцманского экзамена.

7 регионов пилотных служб NCA занимаются пилотными операциями. Филиалом NCA Pilot Services руководит директор по лоцманской проводке, который несет трудовую ответственность за капитана Лоцманов (Losoldermann), в чьи обязанности входит набор и обучение лоцманов. NCA Pilot Services состоит из одного филиала, который обрабатывает пилотные отправки, и семи региональных офисов, которые выполнять лоцманские проводки. Каждый региональный офис возглавляет старший лоцман, который ежедневно следит за тем, чтобы услуги предоставлялись в соответствии с действующими правилами и нормами. Предоставление лоцманских услуг включает лоцманскую отправку, лоцманский транспорт и лоцманскую проводку. NCA Pilot Services управляет пилотными диспетчерскими центрами в Хортене (юго-восточная Норвегия), Квитсёй (юго-западная Норвегия) и Лёдингене (северная Норвегия). В центрах постоянно работают 2 лица, основные обязанности которых заключаются в регистрации и протоколировании заказов, планировании отправки лоцманов и определении приоритетности заданий, координировать перевозку пилотов, регистрировать рабочее время пилотов и покрытие лицензии, а также предоставлять информацию и инструкции пилотам. NCA Pilotage Services также отвечает за обучение и набор пилотов и должна обеспечить достаточное количество пилотов для удовлетворения спроса [3, s. 26].

Шведское транспортное агентство (Transportstyrelsen) отвечает за большинство правил для всех видов транспорта и регулирует, какие суда подлежат обязательной лоцманской проводке и какие фарватеры должны пройти. применяются правила пилотирования. Обязанность использования лоцманских услуг зависит от размера судна и загруженного груза. Как правило, суда длиной 70 и более метров и длиной 14 и более м шириной или с осадкой более 4,5 м подлежат обязательной лоцманской проводке в большинстве вод. Агентство выдает сертификаты об освобождении от лоцманской проводки. Они действительны в течение 3-х лет [3, s. 29].

Все лоцманские услуги выполняются Шведской морской администрацией [10]. Это государственный орган и государственное предприятие, финансируемое за счет платы за пользование. Представляется, что администрирование и выполнение лоцманских услуг не так четко разграничены, как между Департаментом морской безопасности и Центром лоцманской проводки и СУДС в рамках Норвежской береговой администрации. В 2017 г. SMA оказала в общей сложности 33481 пилотную услугу в 8 географических регионах: Гётеборг (16%), Мальмё (16%), Марстранд (12%), Кальмар (14%), Стокгольм (13%), Сёдертелье (10%).), Евле и Лулео (по 8% каждый) и 4 % в канале озера Венерн/Троллхетте.

Шведская морская администрация применяет целевой уровень обслуживания не более 5 ч. ожидания [11]. В 2017 г. успешность составила 98,8%. С 2018 г. уровень обслуживания измеряется на основе времени, которое желает клиент. 1 января 2018

г. была введена новая система (Sjöfartsverket, 2017(b)) [12]; в то же время были увеличены как лоцманские сборы, так и фарватерные сборы. Новая модель оплаты, как и предыдущая, основана на размере судна и груза, но также включает сбор за пассажира и сбор за готовность.

Список литературы:

1. The Danpilot Act. – URL: Act on Danpilot.pdf (dma.dk)
2. Danish Pilot Service (DPS). – URL: Danish Pilot Service - DANISH PILOT SERVICE
3. Inge Vieth. VTI rapport 988A Organization of pilot and icebreaking in the Nordic countries and update of the external costs of sea transports in Sweden A report in SAMKOST 3. - Published by VTI, 2018.
4. Danish Maritime Authority, 2018.
5. Pilotage Act (No. 940 of 2003). – URL: Pilotage Act (No. 940 of 2003). | InforMEA
6. Traficom. – URL: Etusivu | Traficom (www-trafficom-fi.translate.goog)
7. Finnpilot Pilotage Oy Vuosikertomus 2011. – URL: Finnpilot Pilotage Oy Vuosikertomus 2011 by Finnpilot Pilotage Oy - Issuu
8. Med los på sjosikkerhet // Nordes offentlige utredninger 2013:8. – URL: HOY 2013: 8 - regjeringen.no (www-regjeringen-no.translate.goog)
9. Kystverket. – URL: Frontpage | Kystverket - tar ansvar for sjøveien
10. SMA, Sjöfartsverket. – URL: Start (sjofartsverket.se)
11. Senast fem timmar före önskad tidpunkt för lotsningens början skall definitiv lotsbeställning göras, se – URL: <http://www.sjofartsverket.se/sv/e-tjanster/Lotsbestallning/>.
12. Transportstyrelsens föreskrifter och allmänna råd om utmärkning till sjöss med sjösäkerhets-anordningar. – Transportstyrelsens författningssamling. Transport styrelsen. TSFS 2017:66

Procaevskij V. A., Klimentko E. P. Organization of activities of pilotage services in Denmark, Finland, Norway, Sweden // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 253–257.

The article reveals the current state of the legal organization and activities of the pilot services in Denmark, Finland, Norway and Sweden. Established regulations, principles, objectives, applied approaches, the effectiveness of the phenomenon under study; general and distinct approaches applied are identified. Such separate criteria have been established in the activities of pilotage services as income and expenses, level of service, presence/absence of VTS, presence/absence of non-state pilots, certification, and other parameters that allow comparing the legal organization of pilotage in these countries.

Key words: Denmark, Finland, Norway, Sweden, pilotage, current state, organization.

УДК 342

**СТАНОВЛЕНИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ ГРЕНЛАНДИИ НА ОСНОВАНИИ
ЗАКОНА 1978 Г.**

Хрущев Р. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

С принятием Закона о самоуправлении Гренландии 1978 г., из обычной провинции с признаками колонии, Гренландия была преобразована в автономное образование со своими нормотворческими (совет графства) и исполнительными (администрация) функциями. Усилено взаимодействие органов власти автономии с органами центральной власти в разработке, согласовании, принятии нормативно-правовых актов. Установлено возможность участия и соблюдения интересов Гренландии при проведении внешней политики Дании, в том числе и в отношении Европейского Союза. Устанавливался механизм соблюдения баланса интересов при использовании территории Гренландии. Выработан и определен механизм разрешения спорных вопросов общегосударственных органов и автономии и т.д. В результате, закон 1978 г. несколько не ослабил суверенитет Дании над Гренландией, в то же время возложив оперативное разрешение возникающих внутренних вопросов на созданное самоуправление, заложены основы сохранения самобытности гренландских этносов за счет признания на местном уровне, в том числе и для официального использования эскимосского языка. И, наконец, национальный омбудсмен выполнял роль представителя интересов центрального правительства, губернатора, посредника между властями автономии и Дании.

Ключевые слова: Королевство Дания, Гренландия, автономия, местное самоуправление, закон, центральные органы власти.

Процесс развития и нормативного определения самоуправления Гренландии в XIX – первой половине XX вв. прошел сложный, эволюционный путь от статуса фактически колонии до равноправной провинции датского королевства [1, с. 464-471; 2].

Однако, многочисленные факторы, в числе которых существенная географическая отдаленность; сложность коммуникаций; специфика социально-экономической жизни Гренландии, вызванная в том числе ее климатически-географическими условиями и многие другие факторы, по мнению местного населения и его представителей в парламенте Дании, все это говорило о том, что наиболее удачной формой территориально-административной организации данного региона с метрополией все является более широкая автономия.

Следует также напомнить, что третья четверть XX в. в мире характеризуется мощным подъемом национально-освободительного движения, распадом колониальной системы, появлением новых государств, эволюцией взаимоотношений правительств многих стран с входящими в них регионами. Не обошел этот процесс и Данию. Напомним, что в состав Дании к началу XX в. кроме Гренландии, входили Фарерские острова, Датские Виргинские острова, а ранее Золотой Берег в Африке, Транкебар, Серампур и Никобарские острова, Исландия [3-5].

Потеряв часть этих территорий еще в XIX в., а Исландию в 1944 г., правительство Дании, безусловно, было весьма заинтересовано в сохранении столь огромного, стратегически важного, хотя и малопригодного для широкой колонизации Гренландии. Данный фактор, а также многовековой опыт управления и взаимодействия с заморскими провинциями и колониями, очевидно, также сыграл свою важную роль. К тому же, как известно, в годы 2-й Мировой войны Гренландия приобрела само-

стоятельный опыт непосредственного международного общения, заключив договор с США в условиях оккупации Дании Германией в 1940 г. [6; 7, s. 230-231].

29 ноября 1978 г. был принят АКТ № 577 «Закон о самоуправлении Гренландии», в котором, в «знак признания особого положения, которое Гренландия занимает в Королевстве в национальном, культурном и географическом отношении, Фолькетинг в соответствии с решением Национального совета Гренландии принял, а Мы с Нашего согласия ратифицировали следующий закон о Гренландии».

В нем устанавливалось, что «Гренландия составляет особое народное сообщество в составе Датского королевства. Правительство Гренландии решает дела Гренландии в рамках национального единства в соответствии с правилами, изложенными в этом законе» (§ 1, гл. 1). Правительство Гренландии в дальнейшем должно было состоять из избранного в Гренландии представительства, называемого советом графства, и администрации, возглавляемой советом графства (п. 1, § 1, гл. 1). При этом, члены Совета графства избирались на 4 года путем всеобщих, прямых и тайных выборов (§ 2).

Более подробные правила выборов, в том числе право голоса и правомочность, а также количество членов окружного совета, должны были устанавливаться актом окружного совета. При этом, правила процедуры должен был устанавливать Совет графства. Кроме того, устанавливалось, что уездный совет избирает председателя уездного совета и других членов уездного совета. В свою очередь председатель национального совета распределял дела между членами национального совета (§ 3).

Вторая глава закона была посвящена весьма важному вопросу – делам самоуправления. В его разделе 4 п. 1 было предусмотрено, что за правительством Дании сохранялось право принять решение о том, что территории или часть территории, указанные в приложении к закону, должны быть переданы правительству.

Соответственно вышеуказанному, правительство Дании сохраняло законодательные и административные полномочия в отношении территорий, которые были переданы в соответствии с подразделом 1, и брало на себя связанные с этим расходы (п. 2).

В тоже время, закон оставлял за местной властью право, после переговоров с правительством, принять решение о том, что такие территории или части таких территорий должны быть переданы, по необходимости, правительству Дании (п. 3). Также закон устанавливал, что постановления, принятые земским советом и утвержденные председателем уездной управы для этих областей, называются законами земского совета (п. 4, разд. 4, гл. 2).

Кроме того, предусматривалось, что национальные органы имели право, после переговоров с центральным правительством страны, уполномочить данное правительство в соответствии с законом взять на себя нормотворческие полномочия и администрирование области дела или части области дела, упомянутой в приложении к закону и не переданное центральному правительству страны с § 4. Субсидии для переданных таким образом дел определялись законом (п. 1, § 5).

Вышеуказанные положения, очевидно, были приняты со следующими целями: 1) правительство Дании, при необходимости использования той или иной части территории Гренландии с различными целями (добыча ископаемых, строительство электростанций, государственных предприятий, сдача в аренду коммерческим предприятиям или странам и т.п.; 2) передача части полномочий автономии правительству в

тех случаях, когда местное гренландское самоуправление было не в состоянии самостоятельно вести те или иные дела должным образом по каким-либо причинам.

Также устанавливалось, что нормативные акты, принятые уездным советом и утвержденные председателем уездного совета по этим направлениям, назывались регламентами уездного совета (§ 2, гл. 1).

При этом, для вступления в силу принятые предложения по законам уездного совета и распоряжениям уездного совета должны были быть одобрены председателем уездной управы и обнародованы в соответствии с правилами, установленными актом уездного совета (ст. 6, п. 1).

Одновременно с этим, шт. 2. Ландстирет (местное управление) могло в течение 8 дней принять решение об отсрочке подтверждения до тех пор, пока предложение не будет принято Ландстингом (парламентом) на следующей сессии. Если же предложение не принималось без изменений на этом собрании, то оно утрачивало силу (ст. 6, п. 2).

Кроме того, национальным органам власти давалось право, после переговоров и с согласия центрального правительства принять законодательное решение о том, что вопросы, не упомянутые в приложении, переданы правительству страны происхождения в соответствии с правилами, изложенными в § 4, подраздел 2 и 4, или по правилам § 5 (§ 7, п. 1).

Решение же о том, какие области дела должны быть переданы в самоуправление в соответствии с подразделом 1, не принималось во внимание для национального единства и для того, чтобы правительство страны имело широкое влияние в областях, которые особо важны для Гренландии (§ 7, п. 2).

Особо важной, по нашему мнению, нормой, нашедшей также закрепление и в законодательстве иных стран, стала констатация факта, что именно постоянно проживающее в Гренландии население имеет основные права на ее природные ресурсы (§ 8, п. 1).

Для защиты прав постоянного населения в отношении «неживых ресурсов» (полезных ископаемых, территории) и защиты интересов федерального правительства законом предусмотрено, что предварительное выявление и использование указанных ресурсов осуществляются в соответствии с законом и соглашением между правительством и национальным правительством (§ 8, п. 2).

До заключения такого соглашения, в соответствии с подразделом 2, член уездного совета получал право требовать, чтобы дело было передано на рассмотрение уездного совета, который мог решить, что уездный совет не должен способствовать заключению договора соответствующего содержания (§ 8, п. 3).

Гренландский язык¹ объявлялся основным языком, новой автономии. Однако государственный язык, т.е. датский предписывался к изучению (§ 9, п. 1), хотя и устанавливалось, что оба языка могут использоваться в связях с общественностью (§ 9, п. 2).

Также устанавливалось, что на правительство страны проживания распространялись обязательства, вытекающие из договоров и других международных правил, обязательных для исполнения королевством «во все времена» (разд. 10, п. 1).

¹ эскимосский язык; самоназвание — Kalaallisut

Оговаривалось также, что полномочия самоуправления всегда ограничены полномочиями, которые в соответствии со ст. 20 Конституции страны переданы международным органам (разд. 10, п. 2). При этом, особо установлено, что правительство может принять меры, необходимые для обеспечения соблюдения положений подраздела 1 и 2 (разд. 10, п. 3).

В главе 3 установлены отношения автономии с национальными властями. Указано, что национальные власти имеют право решать вопросы, касающиеся отношений королевства с иностранными государствами (§ 11, п. 1), а меры, которые правительство автономия намеревается принять и осуществление которых имеет существенное значение для отношений королевства с зарубежными странами, включая участие королевства в международном сотрудничестве, до принятия должны быть согласованы с национальными властями (§ 11, п. 2).

Предложения по законам, которые содержат положения лишь в отношении Гренландии, должны быть представлены правительству для заключения до того, как они будут представлены в норвежский парламент (§ 12, п. 1).

Точно также проекты административных регламентов, содержащие положения, которые касаются исключительно Гренландии, следовало представлять правительству автономии для получения заключения до их опубликования (§ 12, п. 2). Кроме того, предусматривалось, что законы и административные постановления, которые в остальном имели особое значение для Гренландии, следовало представить на рассмотрение ее правительству до того, как они будут введены в действие в Гренландии (§ 12, п. 3). И, конечно же, договоры, которые требовали согласия норвежского парламента и которые особенно затрагивали интересы Гренландии, следовало представить правительству автономии на заключение до их подписания (разд. 13). Этими нормами: а) устанавливался не только контроль за нормотворческой деятельностью парламента автономии, б) обеспечивались интересы Гренландии, в) защищались общегосударственные интересы в стратегической провинции страны.

Если же национальные органы не приняли иное решение в конкретном случае, то мнение правительства власти автономии должно быть доступно не позднее, чем через 6 месяцев после того, как представление, упомянутое в §§ 12 и 13, имело место (§ 14, п. 1), т.е., очевидно, до вступления соответствующего нормативного акта в силу. Если же представление не могло быть осуществлено в силу непреодолимых обстоятельств, закон, административный регламент или договор следовало как можно скорее представить правительству страны происхождения для получения заключения (§ 14, п. 2).

Законом также установлено, что в рамках § 11 правительство, после консультации с национальным правительством, определяло руководящие принципы защиты особых интересов Гренландии в Европейских сообществах (§ 15, п. 1). В свою очередь правительство автономии должно было уведомляться о предложениях по резолюциям Совета ЕС, которые особо затрагивают интересы Гренландии (§ 15, п. 2).

Кроме того, правительство автономии предоставлялось требовать, чтобы датские представительства в странах, где Гренландия имеет особые деловые интересы, нанимали сотрудников, которые должны непосредственно заботиться об этих интересах. Однако, центральные органы власти получили право в таком случае принять решение о том, что расходы на это должно нести правительство автономии (§ 16, п. 1). Учитывая, ограниченные средства Гренландии, а зачастую и дотационность ре-

гиона, данное ограничение является, с одной стороны, весьма существенным, а с другой – предопределяет взвешенный подход автономии в указанной проблеме.

В тоже время, датским органам власти предоставлялось, после переговоров с правительством автономии, предоставить этот доступ для отстаивания особых гренландских интересов путем участия в международных переговорах, имеющих значение для делового сообщества Гренландии (§ 16, п. 2).

В тех же случаях, когда это касается особых гренландских дел, органы власти автономии, если это не считалось несовместимым с интересами страны, могли, по выраженному желанию, уполномочить правительство страны происхождения вести переговоры непосредственно при содействии дипломатической службы (§ 16, п. 1).

Высшим представителем национальных властей в Гренландии устанавливался национальный омбудсмен (§ 17, п. 1). Местному правительству позволялось пригласить национального омбудсмана для участия в соответствующих переговорах и обсуждениях (§ 17, п. 2). Также власти автономии должно было как можно скорее уведомить национального омбудсмана о принятых законах и постановлениях совета области, а также других изданных общих правовых нормах (§ 17, п. 3).

В случае, если между национальными властями и правительством страны происхождения возникал вопрос о компетенции местных органов власти по отношению к национальным властям, то таковой вопрос следовало передать на рассмотрение комиссии, состоящей из 2 членов, назначаемых правительством, 2 членов, назначаемых правительством автономии и 3 судьями Верховного суда, назначаемыми председателем Верховного суда, один из которых назначался председателем (§ 18, п. 1).

В случае, когда 4 члена, назначенные правительством, и самоуправление согласны, вопрос принимал окончательно. В ином случае его разрешение передавалось трем судьями Верховного суда (§ 18, п. 2).

При этом, правительство получило право приостановить принятие или решение о самоуправлении, которое было представлено совету, до тех пор, пока решение совета не станет доступным (§ 18, п. 3).

И, наконец, устанавливалось, что положения, применимые ранее к Гренландии, оставались в силе с изменениями, вытекающими из данного закона, до тех пор, пока они не будут изменены или отменены соответствующим органом (§ 19, гл. 4). Кроме того, устанавливалось, что Национальному омбудсмену вручались функции, которые до этого выполнял губернатор Гренландии (§ 20, п. 2) [8].

С принятием Закона о самоуправлении Гренландии 1978 г., из обычной провинции с признаками колонии, Гренландия была преобразована в автономное образование со своими нормотворческими (совет графства) и исполнительными (администрация) функциями. Усилено взаимодействие органов власти автономии с органами центральной власти в разработке, согласовании, принятии нормативно-правовых актов. Установлено возможность участия и соблюдения интересов Гренландии при проведении внешней политики Дании, в том числе и в отношении Европейского Союза. Устанавливался механизм соблюдения баланса интересов при использовании территории Гренландии. Выработан и определен механизм разрешения спорных вопросов общегосударственных органов и автономии и т.д. В результате, закон 1978 г. несколько не ослабил суверенитет Дании над Гренландией, в то же время возложив оперативное разрешение возникающих внутренних вопросов на созданное самоуправление, заложены основы сохранения самобытности гренландских этносов

за счет признания на местном уровне, в том числе и для официального использования эскимосского языка. И, наконец, национальный омбудсмен выполнял роль представителя интересов центрального правительства, губернатора, посредника между властями автономии и Дании.

Список литературы:

1. Хрущев Р. С. Историко-правовые и организационные предпосылки принятия закона о самоуправлении Гренландии 1978 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – С. 464-471.
2. Исаев М. А. Основы конституционного права Дании. М., 2002. 337 с.
3. Book Reviews. Danmark og kolonierne (Denmark and the colonies) – Reflections about the new magnum opus in the colonial history of Denmark // Skandinavian journal of Histori, 2019. Vol. 44, No. 2, 252-259.
4. The administration of the West Indian islands from Copenhagen // The Danich West-Indies - Sources of history. The administration of the West Indian islands from Copenhagen - The Danish West-Indies (virgin-islands-history.org)
5. Christianson, J. R. (2004) "The Founding of Danish America," The Bridge: Vol. 27 : No. 1 , Article 7. Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/thebridge/vol27/iss1/7>
6. Morten Tastum. Grønland, Kauffmann og en verden i krig. - Grønland, Kauffmann og en verden i krig - Kongressen.com
7. Det forenede grønlandske Landsraads Forhandlinger 1940. I: De Grønlandske Landsraads Forhandlinger 1938-47. - København : J. H. Schultz, 1948. - 885 s.
8. LOV nr 577 af 29/11/1978. Lov om Grønlands hjemmestyre. Vejledning om behandling af sager vedrørende Grønland og om retningslinier for ministeriers og styrelsers forhold til Grønland (retsinformation.dk)

Khrushchev R. S. Formation of the self-government of Greenland on the basis of the law of 1978 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 258–263.

With the passage of the Greenland Home Rule Act 1978, Greenland was transformed from an ordinary province with features of a colony into an autonomous entity with its own rule-making (county council) and executive (administration) functions. The interaction of the authorities of the autonomy with the central authorities in the development, coordination, adoption of normative legal acts has been strengthened. The possibility of participation and observance of the interests of Greenland in the conduct of Denmark's foreign policy, including in relation to the European Union, has been established. A mechanism was established to maintain a balance of interests when using the territory of Greenland. A mechanism has been developed and defined for resolving controversial issues of national bodies and autonomy, etc. As a result, the 1978 law did not at all weaken the sovereignty of Denmark over Greenland, at the same time entrusting the prompt resolution of emerging internal issues to the created self-government, laid the foundations for preserving the identity of the Greenlandic ethnic groups through recognition at the local level, including for the official use of the Eskimo language. And, finally, the national ombudsman acted as a representative of the interests of the central government, the governor, and an intermediary between the authorities of the autonomy and Denmark.

Key words: Kingdom of Denmark, Greenland, autonomy, local self-government, law, central authorities.

Spisok literaturey:

1. Hrushchev R. S. Istoriko-pravovye i organizacionnye predposylki prinyatiya zakona o samoupravlenii Grenlandii 1978 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2023. – Т. 8 (75). № 1. – С. 464-471.
2. Isaev M. A. Osnovy konstitucionnogo prava Danii. M., 2002. 337 s.
3. Book Reviews. Danmark og kolonierne (Denmark and the colonies) – Reflections about the new magnum opus in the colonial history of Denmark // Skandinavian journal of Histori, 2019. Vol. 44, No. 2, 252-259.
4. The administration of the West Indian islands from Copenhagen // The Danich West-Indies - Sources of history. The administration of the West Indian islands from Copenhagen - The Danish West-Indies (virgin-islands-history.org)
5. Christianson, J. R. (2004) "The Founding of Danish America," The Bridge: Vol. 27 : No. 1 , Article 7. Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/thebridge/vol27/iss1/7>
6. Morten Tastum. Grønland, Kauffmann og en verden i krig. - Grønland, Kauffmann og en verden i krig - Kongressen.com
7. Det forenede grønlandske Landsraads Forhandlinger 1940. I: De Grønlandske Landsraads Forhandlinger 1938-47. - København : J. H. Schultz, 1948. - 885 s.
8. LOV nr 577 af 29/11/1978. Lov om Grønlands hjemmestyre. Vejledning om behandling af sager vedrørende Grønland og om retningslinier for ministeriers og styrelsers forhold til Grønland (retsinformation.dk)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аскаргов С. В.

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Ставрополь)

В статье раскрыты современные возможности криминалистических средств, методов и рекомендаций в практической деятельности правоохранительных органов в целях успешного раскрытия и расследования дорожно-транспортных преступлений. Автор приходит к выводу о том, что использование следователями и экспертами в своей профессиональной деятельности новых возможностей технико-криминалистических средств обнаружения следов крови, других биологических выделений человека при осмотре места происшествия, является необходимым условием для эффективного расследования и раскрытия дорожно-транспортных преступлений.

Ключевые слова: криминалистического обеспечения раскрытия и расследования дорожно-транспортных преступлений, технико-криминалистические средства, прибор мобильного источника криминалистического света, источник экспертного света, экспресс-тест на кровь.

Криминалистика постоянно внедряет в деятельность правоохранительных органов с целью усовершенствования эффективности борьбы с преступностью различные достижения научно-технического прогресса (далее НТП). Однако по мере развития НТП все значительней и заметнее становится разрыв между возможностями в совершенствовании криминалистических методов, средств, приемов, рекомендаций и реализации таких возможностей в практической деятельности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании различных видов преступлений [1].

Инновационный процесс достигает завершенности, если результат научной разработки внедрен в практику правоохранительных органов по борьбе с преступностью и постоянно используется следователями, дознавателями, экспертами-криминалистами и др. в решении криминалистических задач.

Судебно-экспертные исследования биологических следов преступлений, которые являются вещественными доказательствами по различным уголовным делам, а также работа специалиста-криминалиста, участвующего в осмотрах мест происшествий, связаны с определенными трудностями. Научно-технический прогресс, появление новых технико-криминалистических методов и средств на вооружении сотрудников следственных и экспертно-криминалистических подразделений требуют скорейшего их внедрения в деятельность правоохранительных органов, что в значительной степени повысит эффективность расследования и раскрытия преступлений [2].

Предварительное исследование следов биологического происхождения, и в первую очередь следов крови, имеет особое значение при осмотрах места дорожно-транспортного происшествия и транспортных средств, являющихся одним из участников ДТП. Специальные криминалистические средства, которыми оснащены экспертно-криминалистические подразделения позволяют следователям более каче-

ственно проводить вышеуказанные осмотры с целью обнаружения и предварительного исследования следов биологического происхождения, для быстрого получения необходимой информации в оперативных целях.

Кровь – это жидкая соединительная ткань, которая циркулирует в кровеносной системе и переносит газы и другие растворенные вещества, необходимые для обмена веществ или образующиеся в результате обменных процессов. В крови содержится плазма (прозрачная жидкость бледно-желтого цвета) и взвешенные в ней клеточные элементы [3].

При осмотре места происшествия можно найти большое количество следов крови, которые отличаются друг от друга по оттенкам и формам. При обнаружении крови ее цвет может изменяться от бурого до зеленого, в зависимости от того, сколько времени прошло от образования до обнаружения следа крови. Возраст формирования, количество крови в следе, цвет и структура материала, на котором находилась кровь – совокупность этих факторов влияет на цвет пятна крови, обнаруженного во время осмотра места происшествия. В связи с чем пятна, имеющие необычный для крови цвет, могут быть пропущены при осмотре и на них следователем не будет обращено должное внимание.

В случае наезда автомобилем на пешехода, после которого водитель скрывается с места происшествия, у следователя, который выезжает на место дорожно-транспортного происшествия задача найти максимальное количество следов, по которым будет в дальнейшем проведена идентификация транспортного средства (далее ТС), совершившего ДТП, а также и идентификация лица, по групповой принадлежности его крови, или возможность проведения ДНК исследования – позволяющего идентифицировать человека в процессе изучения уникальной последовательности нуклеотидов.

При обнаружении места нахождения скрывшегося автомобиля, его необходимо тщательно осмотреть на наличие на кузове, покрышках колес, выступающих частях кузова и т.д. следов биологического происхождения (кровь, волосы, слюна и т.д.), по которым в дальнейшем можно будет провести ряд исследований, позволяющих произвести вышеуказанную идентификацию.

Внедрение в практическую работу правоохранительных органов новых, более эффективных и щадящих методов поиска следов биологического происхождения на материальных носителях — это важная и актуальная задача. Информация, полученная на этапе предварительного исследования, может быть использована правоохранительными органами для расследования и раскрытия преступлений, т. е. на данном этапе можно говорить не только о природе следов крови, но и о механизме их образования, а также провести идентификацию человека её оставившего.

Обычно видимые пятна обнаруживают во время осмотра предметов при дневном и искусственном освещении невооруженным глазом либо с помощью увеличительных линз и микроскопа. Поиск мелких и мало видимых следов проводится с помощью лупы. Примером новых технико-криминалистических средств обнаружения следов крови при осмотре места происшествия является профессиональная налобная лупа для изучения следов JC 110 (рис. 1). Лупа имеет трехкратное увеличение, и ее можно одевать поверх очков. Рабочее расстояние - 10,2 см.

Рис. 1. Налобная лупа для изучения следов JC 110

Затруднение представляет, например, осмотр темных тканей, на которых следы крови трудноразличимы. Решить эту проблему поможет применение прибора мобильного источника криминалистического света – «МИКС-450» (рис. 2). При освещении данным прибором хлопчатобумажной ткани черного цвета идет поглощение ультрафиолетового излучения, в результате чего на темной поверхности становятся плохо различимыми границы исследуемого пятна, нет четкой формы, определить точные размеры пятна затруднительно. Пятно станет визуализироваться только при применении прибора «МИКС-45» на определенной длине волны – 450 нм, люминесценция следов крови станет явной, ярко-синего цвета, границы и размеры исследуемого вещества будут просматриваться достаточно четко, что позволит обнаружить уничтоженные или старые следы крови, невидимые невооруженным глазом.

Рис. 2. Комплект прибора «МИКС-450».

Или, например, портативный источник света Projectina SL-450 (рис. 3). Ксеноновый источник света обеспечивает очень высокую интенсивность света в комплексе с широким спектральным диапазоном от УФ до зеленого, оптимальными для обнаружения биологических следов для их последующего ДНК анализа [4]. Указанный источник света оснащен встроенной, легко заменяемой батареей, позволяющей осуществлять поиск улик длительное время [5].

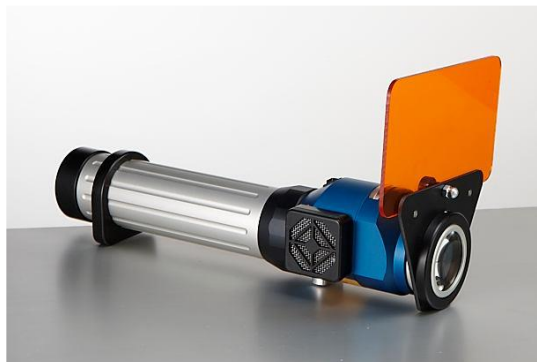

Рис. 3. Источник света для работы на месте происшествия SL-450

Для осмотра места дорожно-транспортного происшествия, когда водитель скрылся с места ДТП, целесообразно применить следующее технико-криминалистическое средство - светодиодный мультиспектральный источник экспертного света, предназначенный для общего поиска объектов биологической и небиологической природы. У источника 13 спектральных диапазонов от ближнего УФ до красной области спектра, посредством его применения можно добиться равномерности освещения во всех спектральных диапазонах, что является весьма актуальным при фотофиксации объектов.

Большая часть производимых в России и за рубежом технических средств выявления и фиксации следов крови, представляют собой так называемые мобильные источники экспертного (криминалистического) света. Это преимущественно комплекты фонарей, позволяющие получать узконаправленный пучок света с определенной длиной волны в максимуме спектральной кривой [6].

SUPERLITE M 05 — единственное устройство в своем классе производительности со сменными головками (рис. 4). С этими удобными и недорогими дополнениями можно выбрать один из пяти различных спектров света. Более того, SUPERLITE M 05 предлагает три уровня интенсивности света, для того чтобы регулировать интенсивность света в соответствии с заданными требованиями. Также с этим устройством идут различные совместимые световоды для специальных применений [7].

Рис. 4. Источник экспертного света SUPERLITE M 05 Lumatec

Еще один комплект светодиодных фонарей для сбора потенциальных доказательств и лабораторных криминалистических исследований, является OFK-8000A производства ОПТИМАХ™ Multi-Lite™ (рис. 5), который предназначен для обна-

ружения, проверки и фотографирования: биологических пятен и скрытых отпечатков пальцев, крови, волос и волокон, жира, масел и других нефтяных пятен.

Он имеет беспроводной, прочный корпус из черного анодированного алюминия и восемь сменных светодиодных головок Qwik-Connect™ со встроенным купольным объективом: УФ-А (365 нм), фиолетовый, синий, голубой, зеленый, янтарный, красный и белый свет (400-700нм), который идеально подходит для расследования на месте преступления. В комплект входят четыре пары очков (поглощающие ультрафиолетовое излучение, контрастирующие с желтым, оранжевым и красным цветом) и мягкий чехол для переноски [8].

Рис. 5. Источник экспертного света OFK-8000A

Следующими источниками экспертного света являются Crime-lite 82S (Foster+Freeman, Великобритания) которые успешно прошли апробацию и рекомендованы ЭКЦ МВД России к применению в практической деятельности ЭКЦ территориальных органов МВД России (рис. 6).

Полный комплект включает в себя девять криминалистических источников света (различных световых диапазонов), которые обеспечивают интенсивный, бестеновой световой поток, максимизирующий наблюдаемость доказательств. Для целей общего осмотра предусмотрен также источник белого света с регулируемой интенсивностью, в комплекте со съемными красным, зеленым и синим фильтрами, увеличивающим контрастность наблюдений на цветных фонах. CRIME-LITE также может поставляться с узкополосными (10нм) фильтрами, уменьшающими спектральную ширину излучения для предотвращения флуоресцентного фона или интерференции [9].

Рис. 6. Источник экспертного света Crime-lite 82S

Далеко не всегда красные пятна, обнаруженные на месте преступления, являются кровью, поэтому для облегчения проведения предварительного исследования в условиях осмотра места происшествия следователям можно посоветовать использовать удобные и простые экспресс-тесты. Преимущества экспресс-тестов на кровь – высокая скорость получения результатов исследования. Например, тест-полоски «Гемофан» (HEMO PHAN). Данный тест был интегрирован из медицины в криминалистику, в частности, для осмотров места происшествия. «Гемофан» первоначально применялся для определения крови в моче, однако при предварительном исследовании крови по окрашиванию полоски теперь устанавливается, является ли исследуемый след следом крови или же нет. Характерное синеватое окрашивание свидетельствует о наличии крови.

Также слабо видимые следы рук, образованные кровью, могут быть выявлены растворами лейкомалахитовой зелени и бензидина с перекисью водорода. Лейкомалахитовая зелень – вещество, используемое в медицине для окраски эритроцитов. Данное вещество вступает в химическую реакцию с эритроцитами, входящими в состав крови, поэтому может быть использовано для выявления слабо видимых следов рук, образованных кровью. Готовый раствор наносят на обрабатываемый объект при помощи пульверизатора, в результате чего следы окрашиваются в зеленый цвет.

Еще одним из средств обнаружения крови является бензидин, который представляет собой белые или светло-желтые кристаллы вытянутой формы, хорошо растворимые в спирте. Раствор бензидина с перекисью водорода необходимо готовить сразу перед использованием и применять при помощи пульверизатора. Выявляя следы, он окрашивает их в синий цвет.

Важно помнить, что раствор бензидина с перекисью водорода вступает в химическую реакцию с кровью, поэтому выявленные им следы, так же как и следы, полученные при помощи раствора лейкомалахитовой зелени, непригодны для дальнейшего медико-биологического исследования.

Знание существующих и новых возможностей технико-криминалистических средств обнаружения следов крови, других биологических выделений человека позволяют всем субъектам выявления, раскрытия и расследования дорожно-транспортных преступлений, осуществлять эффективную деятельность по установлению лиц, совершивших дорожно-транспортное преступление, которые противодействуют следственным органам и пытаются избежать уголовной ответственности за содеянное. Использование этой криминалистической техники для обнаружения указанных следов при осмотрах мест происшествий было и остается первостепенной задачей, выполнение которой необходимо для эффективного расследования и раскрытия дорожно-транспортных преступлений.

Список литературы:

1. Хмелева, А.В. Международная научно-практическая конференция «Криминалистическое сопровождение расследования преступлений», посвященная 110-летию со дня рождения профессора И.Ф. Крылова / А.В. Хмелева, В.И. Саньков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 3(26). – С. 332-348.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. Москва: Юрид. лит., 2012. С. 24.
3. Воробьева А. И. Руководство по гематологии. Москва, 1985. Т. 1–2. С. 210.
4. Каталог Krim-Market 2019–2020. С. 97.

5. Источник экспертного света для работы на месте происшествия SL-450 / Текст : электронный // krim-market.ru : [сайт]. – 2023. – URL: https://www.krim-market.ru/catalog/pribor-oborudovanie/osvetitel_oborudovanie/projectina-sl-450-detail (дата обращения: 16.01.2023).
6. Пальчикова И.Г., Смирнов Е.С., Латышов И.В., Васильев В.А., Кондаков А.В. Возможности использования многофункционального светодиодного прибора в исследовании объектов судебных экспертиз. Судебно-медицинская экспертиза. 2022;65(3):24-29.
7. Источник экспертного света SUPERLITE M 05 Lumatec / Текст : электронный // kriminalisty.ru : [сайт]. – 2023. – URL: <https://kriminalisty.ru/product/superlite-m-05/?ysclid=lcyr3p8wt7643442243> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Источник экспертного света ofk-8000a / Текст : электронный // uv-lamps.ru : [сайт]. – 2023. – URL: <https://uv-lamps.ru/ofk-8000a> (дата обращения: 16.01.2023).
9. Источник экспертного света Crime-lite 82S / Текст : электронный // aimtech.ru : [сайт]. – 2023. – URL: <https://aimtech.ru/catalog/30> (дата обращения: 16.01.2023).

Askarov S.V. The use by law enforcement agencies of modern technical and forensic tools and methods in detecting traces of biological origin during the investigation of traffic crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 264–270.

The article reveals the modern possibilities of forensic tools, methods and recommendations in the practical activities of law enforcement agencies in order to successfully solve and investigate traffic crimes. The author comes to the conclusion that the use by investigators and experts in their professional activities of new possibilities of technical and forensic means of detecting traces of blood, other biological secretions of a person when examining the scene of an accident is a prerequisite for effective investigation and disclosure of road traffic crimes.

Keywords: forensic support for the disclosure and investigation of road traffic crimes, technical and forensic means, a device of a mobile forensic light source, an expert light source, an express blood test.

Spisok literary:

1. Khmeleva, A.V. International scientific and practical conference "Forensic support of crime investigation" dedicated to the 110th anniversary of the birth of Professor I.F. Krylov / A.V. Khmeleva, V.I. Sankov // Library of criminalist. Scientific journal. – 2016. – № 3(26). – Pp. 332-348.
2. Belkin R. S. Criminalistics: problems, trends, prospects. General and particular theories. Moscow: Yurid. lit., 2012. p. 24.
3. Vorobyova A. I. Guide to hematology. Moscow, 1985. Vol. 1-2. p. 210.
4. Krim-Market catalog 2019-2020. С. 97.
5. Expert light source for work at the scene SL-450 / Text: electronic // krim-market.ru : [website]. – 2023.– URL: https://www.krim-market.ru/catalog/pribor-oborudovanie/osvetitel_oborudovanie/projectina-sl-450-detail (date of application: 16.01.2023).
6. Palchikova I.G., Smirnov E.S., Latyshov I.V., Vasiliev V.A., Kondakov A.V. Possibilities of using a multi-functional LED device in the study of objects of forensic examinations. Forensic medical examination. 2022;65(3):24-29.
7. Expert light source SUPERLITE M 05 Lumatec / Text : electronic // kriminalisty.ru : [website]. – 2023.– URL: <https://kriminalisty.ru/product/superlite-m-05/?ysclid=lcyr3p8wt7643442243> (accessed: 01/16/2023).
8. Expert light source ofk-8000A / Text : electronic // uv-lamps.ru : [website]. – 2023.– URL: <https://uv-lamps.ru/ofk-8000a> (accessed: 01/16/2023).
9. Crime-lite 82S expert light source / Text : electronic // aimtech.ru : [website]. – 2023.– URL: <https://aimtech.ru/catalog/30> (accessed: 16.01.2023).

УДК 347.9

КОГДА ФОРМА «ПОБЕДИЛА» СОДЕРЖАНИЕ

Арсентьева С. С.

Челябинский государственный университет

В статье представлена точка зрения, что мошенничество с использованием авторитета государства в форме судебного решения и подключением для «отъема долга» судебных приставов необходимо исключить из правоприменительной практики.

По мнению автора, упрощенная форма судопроизводства – скорый суд, фактически переформатирован в «скоропалительный» суд, что противоречит целям и задачам правосудия, когда судебные решения, вынесенные в гражданском судопроизводстве от имени государства необходимо оспаривать в уголовном судопроизводстве.

Приказное правосудие, как полагает автор, не может гарантировать гражданам судебную защиту прав и свобод, когда решение принимается без судебного разбирательства и проверки обоснованности исковых требований, вне процесса познания как такового (своеобразного гаранта). Таким образом, установление истины перестает быть целью такого судебного процесса и это умаляет авторитет суда.

Ключевые слова: «судебный приказ», «мошенничество», «форма гражданского судопроизводства», «процессуальные гарантии», «достоинство личности», «справедливость», «принципы правосудия», «функции судебной власти»

«Последняя ступень развращенности – заставлять законы служить несправедливости»
[1].

Франсуа Вольтер

Представляется, в настоящее время в сферу законодательства и правоприменения внедрен «вирус», который сам по себе остается в области иррационального, но его действие по силе влияния для человека отнюдь не из области неосязаемой веры (которую можно проигнорировать в силу неверия в потустороннее), а из области материального, которое реализуется через судебное решение и обескураживает своей беспощадностью к человеческому достоинству.

В связи с этим трудно согласиться с утверждением о том, что достоинство личности «стало центральным объектом в сфере законодательного регулирования последних десятилетий» [5, с. 37].

Как можно так организовать отправление правосудия, памятуя о его высоких принципах, что мошенник может получить на руки судебное решение от имени государства, по содержанию и по сути «лживое» каждым своим словом, предоставив возможность его исполнения судебными приставами.

Пресса в этом случае не осталась в стороне, проинформировав общественность, что благодаря «судебной новации» принятия таких решений порождены «опасные мошенничества».

«Судебная новация, появившаяся в нашем законодательстве, неожиданно породила волну опасных мошенничеств. Со счетов граждан банки начали списывать суммы несуществующих долгов в пользу аферистов. Это стало возможным, когда не так давно узаконили новую форму судопроизводства – судебный приказ» [4].

Как же это стало допустимо, что при дифференциации форм гражданского судопроизводства в некотором его сегменте справедливое судебное разбирательство трансформировалось, благодаря исключению «процессуальных гарантий» [3, с.

113-122], реализуемых при доказывании, в его полную противоположность. Судебное решение в гражданском производстве в такой форме отправления правосудия зачастую не восстанавливает и не защищает права, а выступает способом нарушения прав, и для их восстановления и защиты требуется обращаться в область уголовного судопроизводства.

«Гражданское судопроизводство как форма защиты гражданских прав в судах общей юрисдикции, указывает Л.А. Волчихина, не является неизменной. Изменения общественных отношений, а на этой основе принципов гражданского судопроизводства вообще, а также с учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека, внедрение в гражданское судопроизводство современных информационных технологий оказывает влияние на динамику гражданского судопроизводства. Это относится и к категориям гражданского судопроизводства, в частности, к такой категории, как гражданская процессуальная форма. В этой связи гражданская процессуальная форма в своем развитии претерпевает определенную эволюцию (развитие, процесс изменения от одного состояния к другому). Это в полной мере относится к письменной процессуальной форме гражданского судопроизводства, что характеризуется появлением новых процессуальных конструкций, к которым относятся приказное производство и упрощенное производство» [2, с. 3].

Мы пережили «учет правовых позиций Европейского суда» в качестве обязательных и поверили в свою способность самостоятельно отправлять правосудие. И теперь настало время искоренить из правосудия все то, что было заимствовано у западного правосудия – упрощение форм судопроизводства до полного исчезновения содержания правоприменения как такового в угоду сомнительной процессуальной экономии.

«Целью введения и развития упрощенных форм судопроизводства является процессуальная экономия, отметили Постовалова Е.В. и Шумейко Е.С., при этом упрощенные производства должны помочь и в реализации задачи по оптимизации судебной нагрузки. Также развитие упрощенных форм судопроизводства должно быть направлено на обеспечение права участников процесса на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки и на повышение доступности правосудия» [10, с. 90].

Как может приказное правосудие гарантировать каждому судебную защиту его прав и свобод, когда решение принимается без судебного разбирательства и проверки обоснованности исковых требований, вне процесса познания как такового (своеобразного гаранта) установления истины, а порой и без надлежащего извещения о судебном споре заинтересованных сторон.

Благая цель «оптимизации судебной нагрузки», к слову сказать, норма которой с точки зрения разумности так до настоящего времени законодательно не закреплена, не может быть поставлена выше незыблемых прав и свобод гражданина России.

В постановлении X Всероссийского съезда судей «О развитии судебной системы Российской Федерации», к сожалению, поддержана инициатива судейского сообщества и Верховного Суда Российской Федерации «...о расширении сферы применения приказного и упрощенного производства по гражданским делам и экономическим спорам» [9].

Вот мнение, которое представила корреспондент «Независимой газеты» Екатерина Трифонова.

«Юристы раскритиковали случаи выдачи судебных приказов на основании фиктивных требований и поддельных документов. Эта форма отечественного судопроизводства изначально создавалась для экономии времени судьи. Однако на практике ею воспользовались мошенники и начали списывать деньги со счетов россиян. Дело в том, что приказ выносится без вызова взыскателя и должника и без проведения какого-либо разбирательства. Судья просто проверяет документы, которые касаются возникновения долга, и принимает решение о взыскании» [11].

Мы же имеем явление в виде феномена «форма, разрушающая содержание правосудия и препятствующая выполнению функций судебной власти». В данном случае движение в этом направлении никак не прогресс.

«Разгрузка судебной системы возведена в публичный интерес граждан, не осознающих своего подлинного интереса» [7, с. 39].

К этому необходимо добавить такое же формальное отношение судебных приставов по взысканию долгов по судебному приказу, которые даже не удосуживаются надлежащим образом поставить в известность должника и это приводит к тому, что он может стать жертвой мошенника по «закону».

В аннотации к монографии «Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам» сформулирована идея, которая актуальна как никогда.

«Для того, чтобы в судебной работе было меньше формализма, нерадения, предвзятости, а больше правды, гарантий защиты и восстановления нарушенного права, необходимо разобраться в истоках каждого явления, отражающего сущность правосудия, примыкающей к нему организационной и процессуальной инфраструктуры» [12].

Как представляется, упрощенная форма судопроизводства – скорый суд, переформатирован в «скоропалительный» суд, что противоречит сущности правосудия, когда судебные решения, вынесенные в гражданском судопроизводстве от имени государства необходимо оспаривать в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, упрощенчество судопроизводства привело к тому, что судья стал выписывать приказы на основе данных, иногда сфабрикованных мошенниками, и как таковое судебное разбирательство из судейской работы было изгнано, уступив место административной деятельности.

Создается впечатление, что «вместе с водой выплеснули и ребенка». Такое положение вещей, не уменьшая объема работы по гражданским делам, зачастую является предтечей расследования по уголовному делу по факту мошенничества.

Возникает еще ряд проблем, которые рождаются исключительно из намерения законодотворцев «упростить», «ускорить», «удешевить» судопроизводство.

Первая из них – какова ответственность судей, вынесших решения на основе подложных документов? Если судья уполномочен выносить судебные приказы только на основе представленных документов, без их проверки на достоверность, то имеет ли он возможность установить подлинность этих документов и по форме, и по содержанию?

При вынесении судебного приказа у гражданина есть десять суток на его обжалование. Но практика сложилась таким образом, что судебный приказ вступает в

законную силу, а лицо, в отношении которого он вынесен, узнает о его существовании зачастую только когда у него арестовывают банковские счета.

Существующее положение вещей приводит к тому, что на неопределенное время затягивается судебное делопроизводство, куда вовлечены не только судебные приставы, но и следственные органы, страдает авторитет суда, а мошенники при таком «неповоротливом» производстве успевают обогатиться преступным путем.

К сожалению, практику упрощенного судопроизводства, в некотором роде, переняли и прокурорские работники, когда они проводят проверки, не опрашивая заявителей и тех лиц, в отношении которых проверка проводится. Как представляется это отдельная тема для научного исследования.

Один из ярчайших представителей русской философии Вл. Соловьев, сторонник государства правового, в тезисном варианте о государстве и его значении, увидел следующий его смысл: «В простейшем практическом выражении смысл государства состоит в том, что оно в своих пределах подчиняет насилие праву, произвол – законности, заменяя хаотическое и истребительное столкновение частных элементов природного человечества правильным порядком их существования...» [10, с. 596].

В.В. Момотов, выступая на заседании клуба имени Д.Н. Замятина по теме «Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России», выразил мнение, что с точки зрения психолого-социологической составляющей, существует три фактора, определяющих уровень доверия к судебной власти: «первым и, безусловно, самым важным фактором, – по мнению В.В.Момотова, – является справедливость судебных постановлений, предполагающих равенство всех перед законом, и решение, вынесенное по делу честным и справедливым судом» [6].

Само существование упрощенного судопроизводства снижает уровень доверия к судебной власти, когда судебный приказ может стать основанием уголовного разбирательства по делу о мошенничестве и в настоящее время реальных механизмов противодействия этому явлению не существует.

Список литературы:

1. Антология мудрости / Сост. В.Ю. Шойхер – М.: Вече, 2007. – 848 с. С.380
2. Волчихина Л.А. Приказное производство и упрощенное производство как элементы эволюции письменной процессуальной формы гражданского судопроизводства // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 97-103.
3. Ю.А.Дронова, Л.В. Туманова Реплика о справедливости как правовой категории //Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2020. № 1 (61). С.113-122
4. Текст: Наталья Козловой Без меня меня судили. Судебные приказы породили массовое воровство со счетов граждан. Российская газета – Федеральный выпуск № 267 (8025) 26.11.2019 – URL: <https://rg.ru/2019/11/26/sudebnye-prikazy-porodili-massovoe-vorovstvo-so-schetov-grazhdan.html>
5. И.А. Крусс О некоторых нравственно-правовых категориях в гражданском праве России // Вестник ТвГУ: Серия «Право». 2020. № 2 (62). С.37-42
6. Выступление Виктора Викторовича Момотова на заседании клуба имени Д.Н. Замятина по теме «Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России». – URL: http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=4
7. С.Б. Поляков Судейская логика // Провинциальные научные записки. 2018. № 2 (8). С.34-41
8. Постовалова Е.В., Шумейко Е.С. К вопросу о развитии упрощенных форм судопроизводства в цивилистическом процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 1. С. 90
9. Постановление X Всероссийского съезда судей № 1 от 1 декабря 2022 года «О развитии судебной системы Российской Федерации». – URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/49122>
10. Соловьев В. Оправдание добра /Владимир Соловьев. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 768 с. – (Азбука-классика. Non-Fiktion). С. 596.

11. Судебными приказами воспользовались мошенники. Лазейка в Гражданском кодексе позволяет списывать со счетов граждан несуществующие долги. https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/politics/2020-02-18/3_7797_scammers.html
12. Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. М.: Статут, 2009. – 599 с.

Arsentieva S. S. When the form "won" the content // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 271–275.

The article presents the point of view that fraud using the authority of the state in the form of a court decision and the connection of bailiffs for "debt collection" should be excluded from law enforcement practice.

According to the author, the simplified form of legal proceedings - a speedy trial, is actually reformed into a "hasty" court, which contradicts the goals and objectives of justice, when court decisions rendered in civil proceedings on behalf of the state must be challenged in criminal proceedings.

Ordered justice, as the author believes, cannot guarantee citizens judicial protection of rights and freedoms when a decision is made without a trial and verification of the validity of claims, outside the process of cognition as such (a kind of guarantor). Thus, the establishment of the truth ceases to be the goal of such a trial and this diminishes the authority of the court.

Keywords: "court order", "fraud", "form of civil proceedings", "procedural guarantees", "dignity of the individual", "justice", "principles of justice", "functions of the judiciary"

Spisok literatury:

1. Antologiya mudrosti / Sost. V.IU. SHOikher – Moskva: Veche, 2007. 848 p. S.380
2. Volchikhina L.A. Prikaznoe proizvodstvo i uproshchennoe proizvodstvo kak elementy evoliutsii pis'mennoi protsessual'noi formy grazhdanskogo sudoproizvodstva // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2017. T. 1. no 1. S. 97-103.
3. IU.A.Dronova, L.V. Tumanova Replika o spravedlivosti kak pravovoi kategorii //Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». 2020. no 1 (61). S.113-122
4. Tekst: Natal'i Kozlovoi Bez menia menia sudili. Sudebnye prikazy porodili massovoe vorovstvo so schetov grazhdan. Rossiiskaia gazeta – Federal'nyi vypusk no 267 (8025) 26.11.2019 <https://rg.ru/2019/11/26/sudebnye-prikazy-porodili-massovoe-vorovstvo-so-schetov-grazhdan.html>
5. I.A. Kruss O nekotorykh npravstvenno-pravovykh kategoriakh v grazhdanskom prave Rossii // Vestnik TvGU: Seriya «Pravo». 2020. no 2 (62). S.37-42
6. Vystuplenie Viktora Viktorovicha Momotova na zasedanii kluba imeni D.N. Zamiatina po teme «Uvazhenie k sudu kak pravovaia kategoriia: real'nost' i perspektivy v Rossii»http://obsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=4
7. S.B. Poliakov Sudeiskaia logika // Provintsial'nye nauchnye zapiski. 2018. no 2 (8). S.34-41
8. Postovalova E.V., SHumeiko E.S. K voprosu o razvitii uproshchennykh form sudoproizvodstva v tsivilisticheskom protsesse // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2017. T. 1. no 1. S. 90
9. Postanovlenie X Vserossiiskogo sezda sudei no 1 ot 1 dekabria 2022 goda «O razvitii sudebnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii» <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/49122>
10. Solov'ev V. Opravdanie dobra /Vladimir Solov'ev.- Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. 768 p. (Azbuka-klassika. Non-Fiktion). S.596
11. Sudebnymi prikazami vospol'zovalis' moshenniki. Lazeika v Grazhdanskom kodekse pozvoliaet spisyvat' so schetov grazhdan nesushchestvuiushchie dolgi. https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/politics/2020-02-18/3_7797_scammers.html
12. Fursov D.A., KHarlamova I.V. Teoriia pravosudiia v kratkom trekhTomnom izlozhenii po grazhdanskim delam. Moskva: Statut, 2009. 599 p.

УДК 343.231

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА

Бадиков Д. А., Лагуточкин А. В.

В статье раскрывается вопрос об использовании в условиях раскрытия и расследования преступлений специальных знаний при производстве такого следственного действия как обыск. Важно отметить, что на современном этапе развития науки и техники в целях раскрытия и расследования преступлений в подавляющем большинстве случаев необходимо привлечение лиц, обладающих специальными знаниями. Законодательство определяет статус специалиста, его права и обязанности в процессе доказывания по уголовным делам различной категории. Особое внимание уделяется вопросам противодействия преступлениям в сфере высоких технологий. Достаточно часто цифровые устройства являются орудиями преступлений, обнаружение которых является целью обыска, в части назначения и производства иных следственных действий, связанных с экспертной оценкой оборудования и программных средств. В условиях осуществления обыска, связанного с обнаружением, фиксацией и изъятием компьютерной техники, сопутствующих материалов и объектов (например, электронных носителей информации и т.д.), не может обойтись без квалифицированной помощи соответствующего рода специалистов.

Кроме этого, в статье рассмотрены некоторые аспекты привлечения следователем специалиста для участия в производстве обыска, деятельность которого до настоящего времени неоднозначно оценивается в юридической литературе.

Ключевые слова: следственное действие, обыск, следователь, изъятие, компьютерная техника, раскрытие преступлений, расследование преступлений.

Правоприменительная практика и содержание источников специализированной литературы позволяют достоверно утверждать, о том, что в рамках производства предварительного следствия по уголовным делам важным аспектом успешной деятельности правоохранительных органов является использование технико-криминалистических средств, приёмов и методов [4]. Действительно, качество обнаружения, эффективность фиксации различного рода следов криминальных событий, легших в основу преступной деятельности, предполагает несомненно увеличение и зримый рост естественно при непосредственном участии в данных мероприятиях соответствующего рода специалистов [6]. Грамотно организованное взаимодействие следователя со специалистами предопределяет успешное раскрытие и расследование преступления. Данное утверждение в полной мере относится и к такому следственному действию как обыск.

Нормативной основой, которая позволяет специалисту принять участие при производстве следственного действия, выступают положения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а именно п. 5 ст. 164 УПК РФ и ст. 168 УПК РФ «Участие специалиста». Уголовно-процессуальный закон не представляет нам определенного нормативного закрепления и расшифровки термина «специальные знания». Однако в научной литературе к рассматриваемым относят: «знания в области науки, техники, искусства, ремесла и знания в конкретных видах деятельности, необходимые для решения вопросов, возникающих во время расследования и рассмотрения дел» [3]. Мы также разделяем мнение, согласно которому к специальным относят знания «способ получения которых соответствующими лицами в результате теоретического и практического обучения определённому виду дея-

тельности, во время которого они получили необходимый опыт для ее осуществления» [10]. Обобщая вышесказанное, следует отметить, что «условием назначения лица в качестве специалиста является обладание им специальными знаниями» [2].

Следователь обращается к лицам, обладающим специальными знаниями, для оказания помощи при расследовании преступлений, а точнее при производстве следственных действий. Специалист, а в частности, его специальные знания и практические навыки могут находить применение при оказании консультаций следователю, оптимизации производства подготовительного этапа производимого следственного действия, и естественно самое главное подготовке и применении технико-криминалистических средств, необходимых для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступника и объектов, подлежащих последующему исследованию при производстве судебных экспертиз.

Непосредственно обыск в качестве одного из следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством нашей страны, «необходимо рассматривать в качестве принудительного обследования помещений и иных мест, живых лиц, производимым для обнаружения и изъятия орудий преступления; ценностей, нажитых преступным путем, других предметов и документов, которые могут иметь значение для дела, разыскиваемых лиц или трупов. В качестве цели рассматриваемого следственного действия возможно рассмотрение таких аспектов как обнаружение скрывающихся фигурантов уголовного дела, либо обнаружение их трупов; обнаружение, фиксация и изъятие имущества и ценностей, на которые был наложен арест в целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества» [7].

Применительно к рассматриваемому следственному действию в соответствии с УПК РФ необходимо указать следующие цели: часть первая ст. 182 УПК РФ предусматривает обнаружение орудия, оборудования или иных средств совершения преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела; часть 16 ст. 182 УПК РФ называет в качестве цели обнаружение разыскиваемых лиц и трупов; часть 9 ст. 182 УПК РФ указывает на обнаружение и изъятие предметов и документов, изъятых из оборота.

По субъектному составу для производства обыска помимо лица, его производящего (следователь, дознаватель) как правило целесообразно привлекать специалистов, а именно должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений, при этом необходимо учитывать соответствующую специализацию данных участников следственного действия.

Проведенный анализ специализированных литературных источников и правоприменительной практики дает основания для определения целей, обосновывающих привлечение специалистов различных областей для производства рассматриваемого следственного действия [1]. Итак, в качестве основных направлений оказания содействия следователю со стороны специалиста в рамках производства обыска следует отметить:

- обнаружение объектов, являющихся предметом поиска. В рамках данного вида деятельности специалисты имеют возможность применить специализированные технические средства, направленные на установление тайников, мест хранения искомым объектов и т.д.

- не менее важным является грамотная фиксация и изъятие обнаруженных следов на месте происшествия, вместе с тем обнаруженные объекты могут найти применение в рамках производства последующих следственных действий, в том числе в различного рода экспертных исследованиях. В рассматриваемом аспекте следователь может получить содействие специалиста при объективной фиксации места происшествия в процессуальных документах и обнаруженных в данном конкретном месте объектов, описание которых по различным характеристикам (количества, меры, веса, цвета, запаха, иных свойств) является достаточно важным.

- одним из ключевых аспектов, позволяющих применить к материалам следствия принцип наглядности, естественно, является оказание помощи следователю со стороны специалиста в плане осуществления фотофиксации, видеофиксации и подготовки соответствующих материалов (например, иллюстрационной таблицы).

- наконец, завершающим моментом выступает упаковка изъятых в процессе производства обыска объектов. Результаты данной деятельности, прежде всего, должны обеспечивать сохранность всего, что было изъято в процессе рассматриваемого следственного действия. Наряду с этим, важное значение имеет соблюдение аспектов уголовно-процессуальной процедуры, а именно объекты, изъятые в ходе обыска, должны быть соответствующим образом упакованы, снабжены необходимыми подписями следователя, понятых и иных участников данного следственного действия по правилам, установленным частью 10 статьи 182 УПК РФ.

На современном этапе большое распространение практически во всех сферах жизнедеятельности человека получила компьютерная техника, которая может быть также вовлечена в преступную деятельность [5]. В рассматриваемом ракурсе обыск может быть использован как средство для принудительного обследования помещений, да и самой личности в целях обнаружения, фиксации и изъятия компьютерных средств и их комплектующих, которые могли быть использованы для извлечения преступного результата, либо иным образом задействованы в уголовном деле.

Не вызывает сомнения тот факт, что работа в рамках обыска по обнаружению, фиксации и изъятию компьютерной техники, сопутствующих материалов и объектов (например, электронных носителей информации и т.д.) не может обойтись без квалифицированной помощи соответствующего рода специалистов. Необходимо отметить, что работа в процессе обыска со средствами носителя электронной информации естественно требует квалифицированной помощи специалиста, владеющего навыками обращения с соответствующего рода техникой.

Копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. При производстве обыска (выемки) не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Электронные носители информации, содержащие скопированную информацию, передаются законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации. Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей информации, содержащих скопированную информацию, законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации в протоколе делается запись.

Таким образом, следует отметить, что роль специалиста при производстве обыска средств компьютерной техники может заключаться в копировании соответствующей информации с ее носителей.

При этом необходимо отметить существование альтернативной точки зрения, согласно которой ряд авторов указывают на избыточность положений части 2 статьи 164.1 УПК РФ, согласно которой «электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста». Согласно данной точки зрения участие специалиста в рассматриваемых случаях существенно снижает «процент» процессуальной самостоятельности следователя, что в свою очередь отрицательно сказывается на объективности и сроках предварительного следствия. При этом указывается, что на современном этапе участники уголовного судопроизводства (в том числе и сам следователь) в достаточной степени владеют информационными технологиями, что позволяет обойтись без обязательного участия специалиста [11], и вообще существует постоянная необходимость в повышении профессионального мастерства [8]. Вместе с тем обращается внимание достаточно высокой образованности общества в информационном аспекте, а, следовательно, это применительно и к участникам уголовного судопроизводства [12]. Все эти утверждения дают основание для вывода о том, что использование помощи специалиста при изъятии электронных носителей информации не является обязательным.

На наш взгляд более сдержанную и применимую в практической деятельности позицию высказывают авторы, которые указывают на возможность следователя принимать решение об участии специалиста «в изъятии электронных носителей информации по своему усмотрению – исходя из наличия либо отсутствия у него самого навыков, необходимых для предотвращения повреждения или уничтожения компьютерной информации при ее изъятии» [9].

Вместе с тем, системный блок компьютера может быть использован в качестве хранилища для наркотических веществ, денежных средств и других небольших объектов. В таком случае все равно необходимо участие специалиста по компьютерным системам, так как неквалифицированное вскрытие может привести к его порче и, тем самым, нанесению вреда собственнику компьютерного средства.

Как свидетельствует правоприменительная практика, достаточно весомое значение в целях раскрытия и расследования преступлений имеет грамотное производство обыска по уголовным делам, возбужденным по признакам изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг. В рамках расследования указанных фактов не лишне будет применение соответствующих технических устройств, использованием которых, несомненно, должны заниматься специалистом соответствующего профиля. Различные аспекты поисковой сферы деятельности, например, обыск транспортного средства, иных хранилищ, компьютерной техники, работа по делам о незаконном обороте наркотических средств – все это требует применение специальных знаний, которыми обладают специалисты-криминалисты. Также по делам рассматриваемой категории возможно использование специальных знаний в области финансово-экономической деятельности, привлечение специалиста-фармацевта, который поможет следователю определить вид, наименование, объем наркотических средств, входящих в состав похищенных, списанных, утерянных лекарственных форм.

В рамках данной статьи были рассмотрены лишь некоторые вопросы, касающиеся использования специальных знаний при проведении обыска, и, подвергая анализу вышесказанное, необходимо обратить внимание на то, что отказ от помощи сведущих лиц в рамках производства расследования по уголовному делу, несомненно, не позволят достичь цели уголовного судопроизводства в полной мере.

Список литературы:

1. Бадиков Д.А. Некоторые аспекты производства обыска по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств // Закон и право. 2019. № 6. С. 147–149.
2. Бадиков Д.А. Эксперт и его правовое положение в уголовном процессе России // Наука молодых – будущее России. сборник научных статей 6-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Курск, 2021. С. 203–206.
3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 198.
4. Зоз В.А. К вопросу о соблюдении законности и прав граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Обеспечение общественной безопасности и противодействия преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 125–128.
5. Зоз В.А., Лагуточкина А.С. Отдельные элементы современного состояния противодействия преступлениям, совершенным с использованием социальных сетей, в отношении несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 9. № 4. С. 292–298.
6. Ломакина Е.В. Актуальные вопросы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2006. 34 с.
7. Иванов С.И. Нарушение прав и свобод человека и гражданина сотрудниками уголовного розыска в условиях раскрытия неочевидных преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3(29). С. 44–47.
8. Калинин В.Н. Процессуальная регламентация оснований и порядка проведения обыска // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. № 5. 2008. С. 42–47.
9. Клевцов В.В. Проблемные аспекты изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков с использованием сети Интернет // Российский следователь. 2015. № 6. С. 11–16.
10. Литвинова И.В. Участие специалиста в следственных действиях, направленных на изъятие компьютерной информации, как условие допустимости электронных доказательств // Российский следователь. 2022. № 9. С. 23–27.
11. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 22.
12. Христинина Е.В. Электронные доказательства в расследовании преступлений: опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 35. № 3. С. 163.

Badikov D.A., Lagutochkin A.V. To the question of the use of special knowledge in the production of a search // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 276–281.

The article reveals the question of the use of special knowledge in the conditions of disclosure and investigation of crimes in the production of such an investigative action as a search. It is important to note that at the present stage of the development of science and technology, in order to solve and investigate crimes, in the vast majority of cases, it is necessary to involve persons with special knowledge. The legislation defines the status of a specialist, his rights and obligations in the process of proving criminal cases of various categories. Special attention is paid to the issues of countering crimes in the field of high technology. Quite often, digital devices are instruments of crimes, the detection of which is the purpose of the search, in terms of the appointment and production of other investigative actions related to the expert evaluation of equipment and software. In the conditions of carrying out a search related to the detection, fixation and seizure of computer equipment, related materials and objects (for example, electronic media, etc.), it cannot do without the qualified assistance of the appropriate kind of specialists.

In addition, the article discusses some aspects of the involvement of a specialist investigator to participate in the search, whose activities are still ambiguously evaluated in the legal literature.

Key words: investigative action, search, investigator, seizure, computer equipment, crime detection, crime investigation.

Spisok literatury:

1. Badikov D.A. Nekotorye aspekty proizvodstva obyska po ugovolnym delam o nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv // *Zakon i pravo*. 2019. № 6. S. 147–149.
2. Badikov D.A. Ekspert i ego pravovoe polozhenie v ugovolnom processe Rossii // *Nauka molodyh – budushchee Rossii*. sbornik nauchnyh statej 6-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii perspektivnyh razrabotok molodyh uchenyh. Kursk, 2021. S. 203–206.
3. Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya enciklopediya*. M.: Megatron XXI, 2000. S. 198.
4. Zoz V.A. K voprosu o soblyudeniya zakonnosti i prav grazhdan pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // *Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstviya prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2020. S. 125–128.
5. Zoz V.A., Lagutochkina A.S. Otdel'nye elementy sovremennogo sostoyaniya protivodejstviya prestupleniyam, sovershennym s ispol'zovaniem social'nyh setej, v otnoshenii nesovershennoletnih // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki*. 2022. T. 8. № 4. S. 292–298.
6. Lomakina E.V. Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. M., 2006. 34 s.
7. Ivanov S.I. Narushenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina sotrudnikami ugovolnogo rozyska v usloviyah raskrytiya neochevidnyh prestuplenij // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2015. № 3(29). S. 44–47.
8. Kalinin V.N. Processual'naya reglamentaciya osnovanij i poryadka provedeniya obyska // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii im. V.YA. Kikoty*. № 5. 2008. S. 42–47.
9. Klevcov V.V. Problemnnye aspekty iz'yatiya elektronnyh nositelej informacii pri rassledovanii rasprostraneniya «dizajnerskih» narkotikov s ispol'zovaniem seti Internet // *Rossijskij sledovatel'*. 2015. № 6. S. 11–16.
10. Litvinova I.V. Uchastie specialista v sledstvennyh dejstviyah, napravlennyh na iz'yatie komp'yuternoj informacii, kak uslovie dopustimosti elektronnyh dokazatel'stv // *Rossijskij sledovatel'*. 2022. № 9. S. 23–27.
11. Medvedeva M.O. Ugovolno-processual'naya forma informacionnyh tekhnologij: sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya razvitiya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. S. 22.
12. Hristinina E.V. Elektronnye dokazatel'stva v rassledovanii prestuplenij: opyt Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran // *YUridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. T. 35. № 3. S. 163.

УДК 343.85

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Донская О. Г., Москалева Е. Н., Путинцева Т. А.

В статье проводится сравнительный анализ социальных и юридических последствий, определяется их значимость для квалификации преступлений. Авторы приходят к выводу о существенной разнице в масштабах данных последствий, приводят практические примеры несогласованности между реальными и юридическими последствиями. В процессе аргументации выводов используется метод моделирования, что позволяет более детально обозначить проблемы. Только объективно оценив социальные последствия, можно судить о правильной оценке степени общественной опасности преступления и, соответственно, о справедливости наказания. С учетом современных реалий назрела необходимость в научном осмыслении и реформировании отдельных уголовно-правовых норм в части соотношения юридических и социальных последствий преступлений. Требуется уточнение вопроса о возможной переквалификации преступных деяний на более тяжкие в случае, если последствия преступления наступили по истечении длительного времени. Назрела необходимость в проведении теоретически обоснованной классификации преступлений в зависимости от распространенности их социальных последствий. Это позволит создать комплексную систему уголовно-правового и криминологического противодействия преступности. Требуется реальная работа с жертвами преступлений, направленная на минимизацию социальных последствий преступности.

Ключевые слова: жертва, квалификация, криминология, масштабы, механизм совершения преступления, преступление, преступник, потерпевший, преступный результат, правоохранительные органы, социальные последствия, судебная практика, суд, статистика, степень общественной опасности, сроки наступления последствий, уголовное право, юридические последствия.

Защита прав и законных интересов лиц и назначение справедливого наказания представляют основной смысл уголовного судопроизводства. Сам же принцип справедливости законодатель раскрывает в ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации – это соответствие характеру и степени общественно-опасных последствий. Но в доктрине уголовного права и криминологии существует проблема несоответствия социальных и юридических последствий преступлений. Так, Е.Ю. Антонова высказала мнение, что социальные и юридические последствия выступают в соотношении как общее и частное [1, с. 290]. Действительно с этим нельзя не согласиться. Социальные последствия всегда будут включать в себя больше аспектов нежели юридические. Это обосновывается фактом индивидуальности каждого дела, что связано с масштабами последствий и сроками их наступления.

В процессе квалификации преступлений возникают сложности при оценке юридических значимых последствий и отграничении их от социальных последствий. Аргументируя нашу позицию, обратимся к дефиниции социальных последствий. При совершении конкретного преступления нередко причиняется вред нескольким видам смежных общественных отношений, поскольку каждое из них тесно связано с другими отношениями в той же или в смежных областях жизни и в результате возникают многочисленные последствия, которые не являются признаками объективной стороны преступления и не подлежат учету при решении вопроса об уголовной ответственности и наказании виновного лица. В этой связи, «социальные последствия преступности – это не механическая совокупность прямых и косвенных

результатов воздействия преступности на личность, общество и государство, образующих качественно иное негативное образование» [2, с. 134-135].

Таким образом, социальные последствия не только шире, как понятие, но и зачастую остаются без учета при вынесении приговора. Смоделируем ситуацию: А. судят по делу, где потерпевшей стороной выступает Б., применяется состав преступления – ч. 2 ст. 122 УК РФ. Итогом судебного разбирательства является обвинительный приговор. Однако, иммунитет Б. не справляется с инфекцией, и потерпевшая умирает. Но закон не позволяет связать два этих факта и разграничивает такие объекты как здоровье и жизнь.

С 1997 г. по июль 2020 г., по статье 122 УК РФ было вынесено 1014 обвинительных приговоров. Из них 57% (577) «за поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ» [3]. При этом не уточняется с какими последствиями столкнулись жертвы. Опасность ВИЧ содержится в способности поражать и вызывать гибель некоторых клеток иммунной системы. В юридической литературе встречается предложение, что «если лицо, заразившее другого человека ВИЧ-инфекцией, неосторожно относилось к смерти потерпевшего, и эта смерть наступила, его действия следует квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 122 и ч. 1 ст. 109 УК РФ. В случае умышленного отношения виновного к названным последствиям такое деяние должно оцениваться по совокупности ч. 2 ст. 122 и ст. 105 УК РФ. Если же умысел был прямой, и смерть не наступила, предлагается квалификация по совокупности заражения ВИЧ-инфекцией и покушения на убийство» [4, с. 890].

Жертва заражения ВИЧ-инфекцией при своевременной и качественной врачебной помощи может лишь продлить себе жизнь на определенный промежуток времени, размер которого в большей степени зависит от индивидуальных особенностей организма потерпевшего, процесса развития вторичных заболеваний. Однако не последнюю роль играет стадия, на которой будет обнаружена та или иная болезнь, и отношение зараженного к процессу лечения.

Норма о заражении ВИЧ-инфекцией построена законодателем таким образом, что последствия заражения лежат за ее пределами, соответственно при необходимости требуется дополнительная квалификация, но на практике такие случаи практически не известны. Выделяя в рамках преступлений против здоровья ст. 122 УК РФ и способ заражения, законодатель стремился оградить потенциальных жертв именно от такого вида посягательств на здоровье, однако по факту данное деяние является изоциренным посягательством на жизнь. Виновный знает о своей болезни и осознанно заражает жертву, при этом жертва длительное время находится в неведении, что позволяет развиваться необратимым вторичным заболеваниям (терминальная стадия), в результате которых больной погибает в течение нескольких месяцев [5]. Типичный механизм совершения преступления приводит к неминуемой гибели жертвы.

Рассмотрим другой пример. Потеря зрения на один глаз или пожизненное нахождение жертвы в коматозном состоянии наказываются законодателем одинаково – в соответствии со ст. 111 УК РФ, однако, для потерпевшей стороны в вышеназванных случаях последствия будут ощущаться совершенно по-разному. Поясним этот вывод. Социальные последствия в первую очередь затрагивают интересы потерпевшей стороны. И даже если не брать в расчет саму жертву преступления, близкие ей люди также сталкиваются с непреодолимыми сложными жизненными обстоя-

ательствами. Но возникает вопрос, насколько существенны они для последних? С одной стороны, жертва лишается трудоспособности из-за сломанной руки, а с другой - ей потребуется постоянный уход, наблюдение за жизненными показателями или и вовсе приобретет вегетативное состояние.

На наш взгляд, в рассмотренном случае при применении ст. 111 УК РФ размывается принцип справедливости. В связи с чем, предлагаем внести в уголовный закон норму об особо тяжком вреде здоровью [6, с. 1261]. Это позволит максимально дифференцировать ответственность за причинение вреда здоровью на основании последствий.

Как отмечают А.Н. Павлухин и Н.Д. Эриашвили, в преступлениях против личности, нарушенное право может быть восстановлено лишь частично (при убийстве невозможно вернуть к жизни потерпевшего и т.п.), но все равно оно реально восстанавливается путем применения справедливого наказания, удовлетворения иска на ритуальные услуги, компенсации морального вреда и т.д. При этом у членов общества может удовлетворяться чувство социальной справедливости как морально-психологическая категория [7, с. 55].

Но этими же авторами сформулирован вывод о последствиях, которые не учитываются в полном объеме. Так, имеет место умозаключение о порождении нигилистических взглядов общества при оценке эффективности права, которые могут привести к ослаблению веры граждан в справедливость закона и развить негативное отношение к правоохранительной системе государства.

Кроме того, подобная проблема прослеживается не только в преступлениях против жизни и здоровья. Весьма большой пласт преступлений в современной России составляют коррупционные деяния. По данным МВД, в 2021 г. в России зарегистрировано около 35 тыс. преступлений коррупционной направленности, что на 14% больше, чем годом ранее [8]. Примерами социальных последствий взяточничества могут служить следующие явления:

1. Формирование двойных стандартов и девальвация социальных регуляторов.
2. Масштабное финансовое и социальное расслоение населения – распределение благ в сторону олигархических групп и возрастание экономической и социальной напряженности в стране.
3. Дискредитация права, как основного инструмента регулирования жизнедеятельности общества. В общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан перед коррупционными проявлениями, и преступностью, в целом.

Среди субъектов получения взятки на законодательном уровне фигурируют иностранные должностные лица. Рост взяточничества в международной сфере приводит к непоправимым последствиям, пагубно влияет на развитие международных отношений.

Социальные последствия коррупционных преступлений масштабны и жертвой коррупции можно считать все население [9, с. 265-270]. От коррупции прямо или косвенно страдают все сферы жизнедеятельности общества. При этом главной проблемой является невозможность взвесить все возможные последствия коррупции, оценить их в денежном или эмоциональном аспектах. В определенных пределах законодатель учел высокую степень общественной опасности социальных последствий коррупционных преступлений посредством назначения достаточно жестких

санкций за их совершение. Кратность штрафов, широкая альтернатива наказаний за коррупционные преступления позволяют говорить об определенной эффективности уголовно-правовых мер. Однако стоит заметить, что среди всех вариаций, наказание за коррупционные преступления не содержит пожизненное лишение свободы, что означает, что социальные последствия коррупции в полной мере не учтены при регламентации антикоррупционных норм. Социальные последствия коррупции настолько глобальны, а зачастую и необратимы, что сложно говорить о достижении социальной справедливости при реализации соответствующих наказаний.

Таким образом, по социальным последствиям можно классифицировать все преступления на два вида:

1) преступления, которые подлежат (или могли бы подлежать) переквалификации.

2) преступления, которые настолько масштабны, что в рамках оценки их признаков невозможно оценить все последствия и учесть их при квалификации. Безусловно, высокие рамки санкций, установленные законодателем, не позволяют усомниться в признании этих преступлений высоко опасными как для государства, так и для общества. Но, на наш взгляд, этого недостаточно.

Юридические и социальные последствия имеют разное значение [10, с. 105]. Однако эффективность уголовного законодательства зависит от справедливости и целесообразности принятых решений при оценке фактических обстоятельств дела. При квалификации правоприменитель опирается исключительно на закон, строит аргументацию выводов на основании указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы обязательных признаков. В уголовном законе содержатся как формальные, так и материальные составы. И если в материальных составах правоприменитель обязан устанавливать юридические последствия, определять причинно-следственную связь между событием преступления и последствием, то в формальных составах это не требуется. При этом фактически негативные последствия преступления существуют. В таких случаях в юридическом смысле более целесообразно использовать термин преступный результат. Так, например, к формальным составам относится похищение человека (ч. 1 ст. 126 УК РФ), представляющее по своему содержанию три последовательные действия: противоправное изъятие жертвы с места, в котором она находилась по своей воле; перемещение ее в пространстве с последующим удержанием. В процессе данных действий жертва явно испытывает дискомфорт, физические неудобства и негативное психическое воздействие. Она оторвана от привычной жизнедеятельности, соответственно страдают семейные, трудовые и иные правоотношения. Вероятно, что даже при минимальном по времени удержании жертва похищения испытывает огромный стресс, последствия которого будут ощущаться всю жизнь.

К формальным составам относятся также изнасилование и насильственные действия сексуального характера (ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 131 УК РФ), последствия которых исследуются криминологами, виктимологами и психологами. В результате посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности происходит унижение чести и достоинства жертвы, глумление как в физическом, так и в психическом смыслах. Большинство жертв получают глубокую психологическую травму, как минимум, это проявляется в виде неустroенности личной жизни, одиночестве и, как максимум, - приводит к суициду.

Получается, если законодатель не поставил квалификацию деяния в зависимость от юридических последствий, правоприменитель не обязан их устанавливать.

Таким образом упускается из поля зрения уголовной юстиции огромный пласт социальных последствий, имеющих важнейшее значение для потерпевших. Это приводит к формированию в обществе чувства незащитности, обостряет проблему недоверия к правоохранительным органам и суду. Несмотря на то, что в приведенных составах законодатель предусмотрел в качестве квалифицированных и особо квалифицированных составов наступление в результате неосторожности причинения тяжкого вреда здоровью, наступление смерти жертвы или иных тяжких последствий, можно предположить, что не все последствия получили юридическую оценку на практике. Это может быть связано с протяженностью во времени психических страданий, вызванных преступлением. Если жертва совершит суицидальные действия спустя пять или десять лет после преступления, несмотря на причинно-следственную связь переквалификация деяния не наступит. Юридическая квалификация замыкается цепью событий ближайшего за преступлением временного промежутка.

Таким образом, социальные и юридические последствия существенно отличаются в своих масштабах. При квалификации деяния уголовный закон применяется в буквальном, ограничительном смысле. В результате в искаженном виде осуществляется восстановление социальной справедливости, что в восприятии жертв преступления, а также их близких, может рассматриваться как незащищенность, беззаконие. Это неминуемо приводит к проблеме недоверия к суду и правоохранительной системе, в целом. Изменить вектор уголовного права возможно, если социальные последствия найдут свое максимальное закрепление в нормах Уголовного кодекса РФ. Только объективно оценив социальные последствия, можно судить о правильной оценке степени общественной опасности преступления и, соответственно, о справедливости наказания. С учетом современных реалий назрела необходимость в научном осмыслении и совершенствовании отдельных уголовно-правовых норм в части соотношения юридических и социальных последствий преступлений. Требуется уточнение вопроса о возможной переквалификации преступных деяний на более тяжкие в случае, если последствия преступления наступили по истечении длительного времени. Данная мера будет способствовать реализации принципа справедливости. Преступник будет замотивирован на максимальное заглаживание вреда, причиненного преступлением.

В рамках криминологических мер необходимо создание специальных организаций и добровольческих объединений, состоящих из медиков, психологов, юристов и статистов.

С одной стороны, требуется исследование ими социальных последствий преступности, в целом, и отдельных преступлений, в частности. Проведение теоретически обоснованной классификации преступлений в зависимости от распространенности их социальных последствий позволит создать комплексную систему уголовно-правового и криминологического противодействия преступности.

С другой стороны, требуется реальная материальная и психологическая помощь жертвам преступлений, что позволит минимизировать социальные последствия преступности.

Список литературы:

1. Антонова Е.Ю. Соотношение социальной, юридической и уголовной ответственности. Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск), 2018. – С. 290-294.
2. Афанасьева О.Р. Сравнительная характеристика социальных последствий преступности и последствий преступления // Международный научно-исследовательский журнал. - № 6 (96), 2020. – С. 134-136.
3. Уголовная ответственность за передачу ВИЧ-инфекции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--27-5cdvwb1buti.xn--p1ai/ugolovnaya-otvetstvennost-za-peredachu-vich-infektsii/> (дата обращения: 08.03.2023).
4. Энциклопедия уголовного права. Т. 13. Преступления против жизни и здоровья. - Издание профессора Малинина - МИЭП при МПА ЕвразЭС. СПб., 2013.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 марта 2006 N 166 «Об утверждении Инструкции по заполнению годовой формы федерального государственного статистического наблюдения N61 «Сведения о контингентах больных ВИЧ-инфекцией» // СПС Консультант-Плюс.
6. Путинцева Т.А. Введение в уголовное законодательство понятие и наказание за «особо тяжкий вред здоровью» // Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции, 9 декабря 2022 г., г. Ростов-на-Дону. Электр. текстовые данные (19, 33 Mb) – Ростов н/Д: Изд ИП Беспамятнов С.В., 2022. – С. 1260-1263.
7. Павлухин А.Н., Шуранова О.А., Эриашвили Н.Д. Законодательные противоречия уголовно-правовых норм и их последствия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – № 1. – 2020. – С. 50-55.
8. Коррупция в России и мире — в шести графиках // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5708590> (дата обращения: 01.03.2023).
9. Ахмедханова С. Т. Общая характеристика объективных признаков коррупционных преступлений, совершаемых в сфере образования // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. № 3. 2022. С. 265-270.
10. Донская (Кавелина) О.Г. Преступления против семьи и несовершеннолетних: взгляд современника // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. № 2. 2021. С. 103-111.

Donskaya Olga G., Moskaleva Elena N., Putintseva T. The problem of correlation of social and legal consequences of crimes // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 282–288.

The article provides a comparative analysis of social and legal consequences, determines their significance for the qualification of crimes. The authors conclude that there is a significant difference in the scale of these consequences, and give practical examples of inconsistency between real and legal consequences. In the process of argumentation of conclusions, a modeling method is used, which allows us to identify problems in more detail. Only by objectively assessing the social consequences, it is possible to judge the correct assessment of the degree of social danger of the crime and, accordingly, the fairness of the punishment. Taking into account modern realities, there is a need for scientific understanding and reform of certain criminal law norms in terms of the correlation of legal and social consequences of crimes. Clarification is required on the possible reclassification of criminal acts to more serious ones if the consequences of the crime occurred after a long time. There is a need to carry out a theoretically justified classification of crimes depending on the prevalence of their social consequences. This will make it possible to create a comprehensive system of criminal law and criminological counteraction to crime. Real work with victims of crime is required, aimed at minimizing the social consequences of crime.

Keywords: victim, qualification, criminology, scale, mechanism of commission of a crime, crime, criminal, victim, criminal result, law enforcement agencies, social consequences, judicial practice, court, statistics, degree of public danger, timing of consequences, criminal law, legal consequences.

Spisok literaturi:

1. Antonova Ye.YU. Sootnosheniye sotsial'noy, yuridicheskoy i ugovnoy otvetstvennosti. Tikhookeanskiy gosudarstvennyy universitet (Khabarovsk), 2018. – S. 290-294.
2. Afanas'yeva O.R. Sravnitel'naya kharakteristika sotsial'nykh posledstviy prestupnosti i posledstviy prestupleniya. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal, № 6 (96), 2020. – S. 134-136.
3. Ugolovnaya otvetstvennost' za peredachu VICH-infektsii // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--27-5cdvwb1buti.xn--p1ai/ugolovnaya-otvetstvennost-za-peredachu-vich-infektsii/> (data obrashcheniya: 08.03.2023).
4. Entsiklopediya ugovnogo prava. T. 13. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. - Izdaniye professora Malinina - MIEP pri MPA YevrAzES. SPb., 2013.
5. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya RF ot 17 marta 2006 N 166 «Ob utverzhenii Instruksii po zapolneniyu godovoy formy federal'nogo gosudarstvennogo statisticheskogo nablyudeniya N61 «Svedeniya o kontingentakh bol'nykh VICH-infektsiyey» // SPS Konsul'tantPlyus.

6. Putintseva T.A. Vvedeniye v ugolovnoye zakonodatel'stvo ponyatiye i nakazaniye za «osobo tyazhkiy vred zdorov'yu» // Sudebnaya sistema Rossii na sovremennom etape obshchestvennogo razvitiya: Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii, 9 dekabrya 2022 g., g. Rostov-na-Donu. Elektr. tekstovyye dannyye (19, 33 Mb) – Rostov n/D: Izd IP Bespamyatnov S.V., 2022. – S. 1260-1263.
7. Pavlukhin A.N., Shuranova O.A., Eriashvili N.D. Zakonodatel'nyye protivorechiya ugolovno-pravovykh norm i ikh posledstviya. Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya, N 1, 2020. - S. 50-55.
8. Korruptsiya v Rossii i mire — v shesti grafikakh // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/5708590> (data obrashcheniya: 01.03.2023).
9. Akhmedkhanova S.T. Obschaya kharakteristika ob'yektivnykh priznakov korruptsiyonnykh prestupleniy, sovershayemykh v sfere obrazovaniya.//Uchenyye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. №.3 2022.S.265-270
10. Donskaya (Kavelina) O.G. Prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnikh: vzglyad sovremennika.// Uchenyye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. №.2 2021. S. 103-111..

УДК 347.72.036.03

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СОВЕЩАНИЙ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Бубнова Ю. Г.

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир

Вопросы управленческой деятельности всегда привлекали внимание не только ученых в области менеджмента, но и практиков во всех сферах социального управления. Проблемы совершенствования управленческой деятельности являются одним из актуальных вопросов в сфере управления правоохранительными органами, а именно органов Федеральной службы исполнения наказаний. Центральное место в управленческом процессе отводится формам принятия управленческих решений, причем как индивидуальным, так и коллективным способами. Наиболее распространённым инструментом при принятии коллективного решения является проведение служебного совещания. Цель проведенного исследования заключалась в попытке сформулировать предложения для оптимизации организации работы совещаний при начальнике территориального органа ФСИН России. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: сформулировать критерии эффективности проведения служебного совещания; проанализировать нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения служебных совещаний, выявить имеющиеся несоответствия, сформулировать предложения по их устранению. *В рамках данного исследования были использованы предложения практических работников территориальных органов ФСИН России.*

Результаты работы позволили сделать вывод о том, что оптимизация лежит в основе любой организационной структуры независимо от применяющихся критериев и действующей системы ограничений. В целях совершенствования эффективности порядка проведения совещаний, необходимо использовать современные методы управления персоналом, учитывать, возможно-допустимые, экономические и моральные потери, устранить имеющиеся несоответствия в ведомственные нормативные правовые акты.

Ключевые слова: совещание, эффективность, делегирование, повестка дня, продолжительность, периодичность, срок исполнения, уголовно-исполнительная система.

В современных условиях развития нашего общества, все больше внимания привлекают вопросы, связанные с процессом совершенствования управленческой деятельности. По мнению П. Друкера, влиятельного специалиста в области менеджмента, именно управление позволяет обеспечить определенную организационную структуру, поддержать режим ее деятельности и реализацию целей [3], превратить неорганизованную толпу в эффективную целенаправленную группу. Не являются исключением в этом вопросе и правоохранительные структуры нашего государства, деятельность которых направлена на обеспечение порядка, безопасности, охраны собственности, реализацию прав и свобод человека и гражданина, а значит, требуют более детального изучения.

Особое внимание в процессе осуществления управленческой деятельности уделяется вопросам принятия управленческих решений, причем как индивидуальным, так и коллективным способами. К наиболее распространённому методу совместного обсуждения проблем и поиска решений относится проведение совещаний [4]. Умения грамотно организовывать и проводить служебные совещания являются показателем оценивания профессиональной компетентности руководителя [10].

Коллегиальные формы обсуждения проблемных вопросов с целью принятия управленческих решений компетентными и ответственными должностными лицами

активно применяются в правоохранительных органах.

Цель нашего исследования сформулировать предложения для оптимизации организации работы совещаний на примере Федеральной службе исполнения наказаний (далее – ФСИН России).

К сожалению, результаты запросов в территориальные органы ФСИН России [7] и анализ имеющихся нормативных правовых актов, регулирующих порядок организации и проведения совещаний, позволил выявить ряд недостатков, требующих обсуждения и возможного устранения.

В качестве критериев оценки эффективности проведения служебного совещания, необходимо выделить следующие: количество рассматриваемых вопросов (повестка дня), продолжительность проводимого совещания, периодичность проведения, срок исполнения решения.

В первую очередь, учитывая общую загруженность руководителя предлагается задействовать один из инструментов в сфере управления персоналом – делегирование. Суть данного метода заключается в передаче руководителем части своих служебных функций, прав и ответственности подчиненным без активного вмешательства в их действия. Роль метода делегирования полномочий в управлении столь велика, что многие исследователи и практики склонны рассматривать его как отдельный принцип управления. По мнению доктора военных наук, профессора В. Г. Булавчика, «главная практическая ценность делегирования полномочий состоит в том, что руководитель освобождает свое время от менее сложных повседневных дел, рутинных операций и может сконцентрировать свои усилия на решении задач более сложного управленческого уровня. При этом полностью обеспечивается соблюдение нормы управляемости. Одновременно этот метод является целенаправленной формой повышения квалификации сотрудников, способствует мотивации их труда, проявлению инициативы и самостоятельности» [1]. Развивать профессиональные способности, мастерство подчиненного – это одна из наиболее важных задач руководителя, с точки зрения социального управления [5]. Иными словами, правильная организация делегирования позволяет высвободить время руководителя для решения особо важных задач, стоящих перед организацией, а значит, более рационально использовать рабочее время. Например, в указаниях ФСИН России (решения коллегии, протоколы совещаний, планы, обзоры, указания), поступающих в территориальные органы ФСИН России, требуется рассмотреть на совещании у начальника такие вопросы, как: психологическое сопровождение УФИЦ; организация режима, надзора и профилактика побегов; о состоянии работы в сфере профилактики чрезвычайных и дорожно-транспортных происшествий и т.д.

Рассмотрение указанных вопросов значительно увеличивает рабочее время руководителя, отведенное на участие в совещаниях. При этом в соответствии с подп. 2 п. 19 Типового положения о территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденного приказом Министерства юстиции РФ от 01.04.2015 № 77 [9], в полномочия начальника территориального органа ФСИН России входит распределение обязанностей между своими заместителями, определение их полномочий по решению ими оперативных, организационно-штатных, кадровых, финансовых, производственно-хозяйственных и иных вопросов, относящихся к компетенции территориального органа, и утверждение положений, составов совещательных органов. Следовательно, начальник территориального органа ФСИН России может

поручить рассмотрение конкретных вопросов своим заместителям по соответствующим направлениям деятельности с привлечением заинтересованных должностных лиц. Исходя из этого, состав совещания должен быть сформирован из постоянно действующих участников совещания, таких как начальник территориального органа и его заместители.

Еще один важный вопрос, которому большинство руководителей не уделяют должного внимания, касается стоимости совещания. Она определяется числом участников совещания, его продолжительностью и часовой тарифной ставкой каждого участника [8]. Расчет производится по формуле:

$$C = \frac{N(T + 1)Z_{cp}}{Tр. ср}$$

где С – стоимость совещания, руб.; N – число участников, чел.; T – длительность совещания, ч.; Z_{cp} – среднемесячная зарплата участников, руб.; Tр. ср – среднее число рабочих часов в месяц; 1 – коэффициент скрытых потерь, связанных с участием в совещании. Следует отметить, что научные исследования, посвященные подсчетам экономических и моральных потерь при проведении совещаний, практически отсутствуют, однако вопросы, связанные с экономией бюджета, всегда были актуальными. Экономически грамотный руководитель должен заботиться об экономии времени и тщательно обдумывать повестку дня. Установить четкие временные рамки для проведения совещаний на разных управленческих уровнях не представляется возможным. Время, затраченное на обсуждение вопросов, зависит от различных составляющих: их важности, уровня подготовки участников совещания, полноты используемой информации и т. д. Однако с точки зрения науки управления и практики проведения подобного рода мероприятий можно предложить оптимальную продолжительность совещания: оперативного совещания – 20–30 мин., постоянно действующего совещания с насыщенной повесткой – не более 2 ч. Продолжительность такого рода мероприятий является одним из факторов восприятия информации. Например, через 30–40 мин. работы у участников совещания может начать ослабевать внимание, спустя 45–60 мин. – появляются шум, лишние движения, возникают разговоры, через 70–80 мин. – ощущается физическая усталость, а после 80–90 мин. работы внимание и интерес к обсуждаемым проблемам и вопросам практически пропадают. Через два часа непрерывной работы большинству участников служебного совещания становится безразлично, как решится вопрос, и сотрудники готовы на все, чтобы быстрее разойтись [2, с. 332].

Еще одной проблемой является отсутствие срока рассмотрения обозначенных в указаниях ФСИН России вопросов. В частности, в поступающих в территориальные органы ФСИН России указаниях ФСИН России (решения коллегии, протоколы совещаний, планы, обзоры, указания) о рассмотрении какого-либо вопроса нет сведений о дальнейшем его исполнении, так как не указан срок окончания его рассмотрения. При этом в соответствии с требованиями п. 199 Инструкции по делопроизводству в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы [6] приостанавливать исполнение контрольных документов, продлевать срок их исполнения, а также отменять поручения имеют право только авторы данных документов. В результате территориальные органы ФСИН России вынуждены рассматривать данные вопросы, даже если некоторые из этих вопросов не обладают актуальностью.

Таким образом, при проведении совещаний необходимо учитывать экономические и временные ресурсы. В целях приведения организации совещаний у начальников территориальных органов ФСИН России к единообразию предлагается:

1) установить график проведения совещаний у начальника территориального органа ФСИН России, например, один раз в неделю или не реже двух раз в месяц;

2) учитывая занятость работников на всех уровнях, большое количество совещаний, проводимых центральным аппаратом ФСИН России в режиме видеоконференц-связи, установить временной регламент для проведения совещаний, например, не более двух часов;

3) рассмотреть вопрос о рекомендации соответствующим структурным подразделениям ФСИН России ежегодно (или раз в полугодие) издавать перечень вопросов, подлежащих обязательному рассмотрению на совещаниях у начальников территориальных органов ФСИН России на планируемый год (полугодие), в целях актуализации и исключения дублирования рассматриваемых вопросов;

4) в случае отсутствия в распорядительном документе конкретного срока исполнения ограничить срок действия указания астрономическим годом, начиная с даты регистрации (или утверждения). При планировании перечня вопросов, подлежащих рассмотрению на совещаниях у начальников территориальных органов ФСИН России, рекомендуется учитывать предложения, поступающие из данных органов. Для получения максимально эффективного результата от оптимизации организации работы совещаний у начальников территориальных органов ФСИН России необходимо проводить ежегодный мониторинг рабочего времени указанных руководителей, затраченного на участие в совещаниях, а также анализ состава участников конкретных совещаний и степень отношения поднимаемых вопросов на совещаниях к направлениям деятельности конкретных сотрудников, задействованных в этих совещаниях;

5) в целях реализации единого подхода к организации работы совещания у начальника территориального органа ФСИН России и приведения к единообразию наименования локального акта, регулирующего организацию совещания у начальника территориального органа, утвердить типовой Регламент совещания у начальника территориального органа ФСИН России.

Список литературы:

1. Булавчик В. Г. Управленческая практика в правоохранительной деятельности // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2014. № 1. http://economics.iibt.ifmo.ru/gu/journal/413/journal_413.htm
2. Веснин В. Р. Практический менеджмент персонала [Текст] : Пособие по кадровой работе / В. Р. Веснин. - Москва : Юрист, 1998. - 495 с.
3. Друкер, Питер, Ф., Макьярелло, Джозеф А. Менеджмент.: Пер. с англ. — М .: ООО “И.Д. Вильямс”, 2010 — 704 с.
4. Евтихов О.В. Управление персоналом организации: учеб. Пособие / О.В. Евтихов. - М.: ИНФА-М, 2019. 247 с.
5. Кнорринг В.И. –Теория, практика и искусство управления, Учебник для вузов по специальности «Менеджмент». – 2-е изд. Изм. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2001 – 528 с.
6. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН России от 10 авг. 2011 г. № 463 // Ведомости уголовно-исполнительной системы». – 2011. – № 11.
7. Кочкина О.В., Тябина Ю.А. К вопросу об организации работы совещаний у начальников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний // Административное право и процесс. 2022. № 11. С. 65 - 67.

8. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности : [Учеб. пособие] / А. П. Панфилова; С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, О-во "Знание" Санкт-Петербурга и Ленингр. обл. - СПб. : О-во "Знание" СПб. и Ленингр. обл. : Союз, 2001. – 493 с.
9. Приказ Минюста России от 01.04.2015 № 77 (ред. от 24.10.2022) "Об утверждении Типового положения о территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний" (Зарегистрировано в Минюсте России 07.04.2015 N 36753) // "Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти", № 36, 07.09.2015.
10. Урбанович А.А. Психология управления: учебное пособие. Мн.: Харвест, 2003. 640 с. http://ipkfp.nspu.ru/file.php/1/Urbanovich_Psikhologija_upravljenija.pdf

Yu. G. Bubnova. Ways to improve the efficiency of holding office meetings in the management activities of law enforcement agencies // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 289–293.

Management issues have always attracted the attention of not only management scientists but also practitioners in all areas of social management. The problems of improving management activities are one of the topical issues in the field of law enforcement management, namely, the bodies of the Federal Penitentiary Service. The central place in the management process is given to the forms of managerial decision-making, both individually and collectively. The most common tool for making a collective decision is holding an office meeting. The purpose of the study was to try to formulate proposals for optimizing the organization of meetings under the head of the territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia. In order to achieve this goal, it was necessary to solve the following tasks: formulate criteria for the effectiveness of holding an office meeting; analyze regulatory legal acts regulating the procedure for holding office meetings, identify existing inconsistencies, formulate proposals for their elimination. Within the framework of this study, the proposals of practitioners of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia were used. The results of the work allowed us to conclude that optimization is the basis of any organizational structure, regardless of the criteria applied and the current system of restrictions. In order to improve the efficiency of the procedure for holding meetings, it is necessary to use modern methods of personnel management, take into account, possibly permissible, economic and moral losses, eliminate existing inconsistencies in departmental regulatory legal acts.

Keywords: meeting, efficiency, delegation, agenda, duration, frequency, term of execution, penal enforcement system.

Spisok literatury:

1. Bulavchik V. G. Upravlencheskaya praktika v pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskij menedzhment». 2014. № 1. http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/journal/413/journal_413.htm
2. Vesnin V. R. Prakticheskij menedzhment personala [Tekst] : Posobie po kadrovoj rabote / V. R. Vesnin. - Moskva : YUrist", 1998. - 495 s.
3. Druker, Piter, F., Mak'yarello, Dzhozef A. Menedzhment.: Per. s angl. — М.: ООО "I.D. Vil'yams", 2010 — 704 s.
4. Evtihov O.V. Upravlenie personalom organizacii: ucheb. Posobie / O.V. Evtihov. - М.: INFA-M, 2019. 247 s.
5. Knorring V.I. –Teoriya, praktika i iskusstvo upravleniya, Uchebnik dlya vuzov po special'nosti «Menedzhment». – 2-e izd. Izm. i dop. – М.: Izdatel'stvo NORMA, 2001 – 528 s.
6. Ob utverzhdenii Instrukcii po deloproizvodstvu v uchrezhdeniyah i organah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy: prikaz FSIN Rossii ot 10 avg. 2011 g. № 463 // Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy». 2011. № 11.
7. Kochkina O.V., Tyabina YU.A. K voprosu ob organizacii raboty soveshchanij u nachal'nikov territorial'nyh organov Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 11. S. 65 - 67.
8. Panfilova A. P. Delovaya kommunikaciya v professional'noj deyatel'nosti : [Ucheb. posobie] / A. P. Panfilova; S.-Peterb. in-t vneshneekon. svyazej, ekonomiki i prava, O-vo "Znanie" Sankt-Peterburga i Leningr. obl. - SPb. : O-vo "Znanie" SPb. i Leningr. obl. : Soyuz, 2001. – 493 s.
9. Prikaz Minyusta Rossii ot 01.04.2015 № 77 (red. ot 24.10.2022) "Ob utverzhdenii Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij" (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 07.04.2015 N 36753) // "Byulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti", № 36, 07.09.2015.
10. Urbanovich A.A. Psihologiya upravleniya: uchebnoe posobie. Мн.: Harvest, 2003. 640 s. http://ipkfp.nspu.ru/file.php/1/Urbanovich_Psikhologija_upravljenija.pdf

УДК 343.98

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ В ТАКТИКЕ
ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Даниленко Ю. А.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

В статье проведено исследование криминалистического распознавания в тактике производства следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Большое внимание уделено компьютерной криминалистике, т.к. при расследовании киберпреступлений применяются такие следственные действия, которые являются индивидуальными, в частности осмотр места происшествия, проведение обыска и компьютерно-технической экспертизы.

Ключевые слова: преступление, криминалистика, электронно-цифровые следы, интернет, возбуждение уголовного дела, следствие, следственные действия.

Отдельные вопросы криминалистических тактик рассматриваются учеными с точки зрения разных подходов, поскольку единый подход не был выработан. Тактика производства следственных действий отражена в содержании криминалистической тактики. Эту процедуру рассматривают с точки зрения разных подходов.

Понятие тактики следственных действий, в контексте проведения расследования по преступлениям в сфере компьютерной информации в частности, толкуют с разных точек зрения.

Определенной системой обладает криминалистическая тактика, которая выступает разделом криминалистики. Содержание криминалистической тактики отражает С.А. Величкин. В частности, он раскрывает это понятие с точки зрения теоретических основ и практических мероприятий. «Теоретические основы включают понятийный аппарат, криминалистическую тактику, а также ее систему и задачи, объяснение понятия тактических приемов и тех требований, которые к ним предъявляются. Также обозначено, какую роль в этом процессе играют правовые, гуманитарные науки, следственная практика и по какому принципу происходит создание, формирование и разработка тактических приемов.

Практические рекомендации состоят в проведении отдельно выделенных следственных действий, а также в эффективном расследовании вышеуказанных категорий преступлений» [1]. Формирование двух автономных элементов в системе криминалистической тактики выделяют Е.П. Ищенко и Н.Н. Егоров. Речь идет о научных положениях и приемах, разработанных на их основе рекомендаций в отношении того, каким образом отдельные следственные действия могут быть организованы и надлежащим образом произведены [2].

Тактическая комбинация, тактическая рекомендация, тактический прием – это основные категории в криминалистической тактике. Получение компьютерной информации – это одно из основных следственных действий, которые производятся на этапе расследования киберпреступлений. На это обращают внимание большинство дознавателей, следователей и оперативных уполномоченных.

Однако, в отдельный раздел не выделена тактика производства следственных действий в компьютерной криминалистике. При расследовании киберпреступлений

рассматривают такие следственные действия, которые индивидуальны и присущи только этой отрасли. В частности, речь идет об осмотре места происшествия, проведении обыска и компьютерно-технической экспертизы.

Есть определенные особенности, которые указывают на главные отличия виртуальных следов от материальных следов, к чему удалось прийти на основании результатов анализа научной литературы.

В частности, речь идет об электронно-цифровом отражении, применении цифрового носителя для того, чтобы фиксировать информацию и нарушения.

Специалисты выделяют дорожку электронно-цифровых следов. Она формируется, если рассматривать информационно-телекоммуникационные сети в качестве орудия совершения преступлений в сфере компьютерной информации. Эта дорожка электронно-цифровых следов помогает распознать признаки преступлений, а также отразить главные обстоятельства произошедшего события.

Дорожка электронно-цифровых следов представлена в качестве системы образования следов в компьютерной сети. Она включает в себя записи о том, какая компьютерная информация прошла по линиям посредством коммутационного оборудования операторов связи, пересекая путь от компьютера преступника до компьютера потерпевшего. К указанной дорожке относятся записи, отражающие передвижение логически взаимосвязанной и последовательной информации. Таким образом, дорожки электронно-цифровых следов – это непосредственно система образования следов в пределах компьютерной сети.

Определённые методологические предпосылки служат основой на этапе формирования понятия следа в разрезе компьютерной криминалистики. На основании вышеуказанной информации, эти предпосылки представлены такими положениями: «след — это отражение деятельности киберпреступника; след — это интегративная система, отражающая особенности личности киберпреступника, процесса или действия компьютерной системы при совершении киберпреступлений; след как процесс и результат взаимодействия субъекта с объектом находит свое отражение как на материальных объектах, так и в сознании людей, а также и в киберпространстве» [3, с. 90].

На основании положений данного предлагаемого подхода напрашивается определенный вывод. В частности, след удастся определить в качестве интегративной информационной системы. Интегративная информационная система сполна отражает деятельность личности преступника и тех лиц, которые тем или иным образом задействованы в преступлениях, совершенных в киберпространстве.

При совершении киберпреступления имеет место быть возникновение различных следов. Сформулированное выше понятие раскрывает все эти виды следов, выделяя основные элементы.

Единая классификация следственных действий в криминалистике отсутствует. К этому мнению удалось прийти, проанализировав большой объем специальной литературы. Авторы классифицируют следственные действия по разным основаниям, рассматривая суть и сущность этого понятия исходя из своих внутренних убеждений. Определено, что современный кратный рост количества компьютерных преступлений не может быть признан исключительно результатом случайного взаимодействия людей в силу повышения степени доступности информационных технологий (снижения стоимости персональных компьютеров, услуг доступа в сеть Интер-

нет и т.д.) либо результатом целенаправленной деятельности (движение «хакеров») по поиску способов несанкционированного доступа к компьютерам.

Разное количество квалификационных признаков приводится даже в том случае, когда следственные действия классифицируются по одному лишь основанию. На этапе расследования киберпреступлений, классификация следственных действий на вербальные и невербальные – это недостаточная классификация. Это связано с тем, что потребуется включение в классификацию отдельно выделенных следственных действий, которые необходимы для того, чтобы получить необходимую виртуальную информацию.

Д.С. Хижняк, одним из первых, рассматривает в диссертационном исследовании главные основания подходов к классификации следственных действий. Он обращает внимание на то, что, представляя классификации, учетные не обращают внимание на следственные действия, которые необходимы для того, чтобы виртуальная информация получила широкое распространение. Именно поэтому он вынес предложение о выделении тех следственных действий, которые необходимы для получения виртуальной информации [4].

Проблематичным является определение киберпреступления. По этой причине, можно наблюдать высокий уровень латентности преступлений в отрасли ИТ. Единой программы борьбы с киберпреступлениями в нашей стране нет.

Раскрытие, расследование киберпреступлений для сотрудников органов предварительного расследования вызывает массу сложностей, которые возникают на этапе сбора доказательств, доказывания информации, изучения виртуальных следов.

Исходя из изложенного, при расследовании киберпреступлений с учётом разработки тактических приёмов следственных действий необходимо проводить их классификацию по таким основаниям: «вербальные следственные действия; невербальные следственные действия; следственные действия, направленные на получение виртуальной информации (осмотр носителей электронной информации на наличие виртуальных следов; следственный эксперимент; обыск, выемка носителей электронной информации; назначение компьютерно-технической экспертизы» [5, с.78].

Самым рациональным способом действия следователя является ведение тактического приема. Также на этапе собирания, исследования, использования доказательственной информации — это наиболее правильная линия поведения следователя. Развитие науки и передовой практики, а также полученные при этом данные и информация — это тактическая рекомендация. Тактическая рекомендация выступает организованным, целесообразным производством действий со стороны следователя. В данном случае, он занимается получением, исследованием и использованием доказательственной информации.

Тактический прием – это главная суть тактики производства следственного действия. К этому выводу можно прийти, принимая за основу вышеуказанные подходы.

Своими определенными особенностями обладают тактические приемы, используемые при проведении производства следственных действий в отношении расследования киберпреступлений. Владение следователем знаниями компьютерной криминалистики способствует эффективному применению определенных тактических приемов. Если лица, к компетенции которых относится выявление и раскрытие преступлений, недостаточно компетентны в данных вопросах, то это выступает существенной проблемой на этапе раскрытия киберпреступлений.

Зачастую возникает необходимость обратиться к криминалистическому распознаванию следовой картины. Это связано с тем, что определенной специфичностью обладает следовая картина киберпреступлений. Для ее формирования и решения необходимы принципиально новые методы, и средства.

Выявление новой, неизвестной информации в отношении расследуемого преступления – с этими сложностями сталкивается следователь на этапе расследования киберпреступлений. Также, порой сложно определить основные признаки соответствия или несоответствия поступающей информации и действительности.

«Применяя криминалистическое распознавание в ходе предварительной проверки сообщения о совершённом киберпреступлении, следователь: 1) «получает полное представление о характере деятельности и структуре объекта, где, возможно, было совершено преступление; 2) изучает конкретные условия деятельности объекта; 3) существующий порядок учёта и отчётности, систему документооборота; 4) выясняет коммуникативные и иные тактико-технические характеристики используемой компьютерной техники и программного обеспечения; 5) узнает организацию охраны объекта информатизации и конкретной компьютерной информации, а также служебные обязанности лиц, имеющих санкционированный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, прямое или косвенное отношение к ценностям, которые стали предметом преступного посягательства» [6, с. 89].

«Криминалистическое распознавание применяется также при выявлении следов, остающихся после совершения киберпреступлений. Следы при совершении киберпреступлений, зачастую, различаются, однако, их можно разделить согласно приведённой классификации следственных действий» [4, с. 89].

Расширение круга объектов-носителей информации – необходимая мера на этапе выявления следов. Данная информация должна отражать произошедшие преступные события, его отдельные элементы, а также квалификацию лиц, задействованных в данном преступлении. Сам факт совершения преступления, его отдельные элементы отражаются в сознании субъектов преступления, в сознании иных лиц, но одновременно с этим, подчиняются определенным закономерностям.

На этапе производства следственных действий по киберпреступлениям, на основании всей вышеизложенной информации, стоит обратить внимание на три основных вида криминалистического распознавания.

В частности, речь идет о непосредственном распознавании, опосредованном распознавании, распознавании виртуальной информации с применением специальных технических средств. Непосредственное распознавание – это определение признаков неправдивой информации на этапе получения показаний. Опосредованное распознавание – это анализ выводов, к которым пришли эксперты и специалисты на этапе предварительного следствия. Таким образом, понятие угрозы безопасности информационных сетей имеет четкое определение. В частности, речь идет о негативных последствиях потенциально или реально совершенных действий, событий. В частности, данные, находящиеся в информационной системе, могут неправомерно, нелегально использоваться и уничтожаться.

Получение компьютерной информации – это одно из основных следственных действий, которые производятся на этапе расследования киберпреступлений.

Криминалистическая теория и практика нуждается в постоянном совершенствовании механизмов, обладающих способностью к обнаружению и расследованию

преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации. На это, в частности, направлены все последующие разработки и внедрение теоретических основ классификации киберпреступлений, повышение профессиональных навыков процессуальных субъектов, уполномоченных проводить предварительное расследование по данному виду преступлений и т.д.

Список литературы:

1. Величкин, С. А. Криминалистическая тактика / С. А. Величкин, Я. С. Величкин. – Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2019. – 264 с. – (Библиотека криминалиста). – ISBN 978-5-4396-1836-1. – EDN ZDMLQT.
2. Ищенко Е.П. Современные технико-криминалистические средства, применяемые для обнаружения доказательств на электронных носителях информации (в соавторстве с Костюченко О.Г.) в журнале Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, издательство Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Иркутск), № 2 (97), с. 181-189 (2021)
3. Косарев М.Н. Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления /М.Н. Косарев // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 4. С. 55–56 – Текст: непосредственный
4. Хижняк Д.С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений: модельный подход : автореф. дис. ... д. юрид. наук. – Москва, 2018. – 45 с. – Текст: непосредственный
5. Комаров А.А. Криминалистические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 25 с. – Текст: непосредственный
6. Гаврили Ю.В. Практика организации взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий /Ю.В.Гаврили / Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 148–149– Текст: непосредственный.

Danilenko Yu. A. Criminalistic recognition in the tactics of producing investigative actions in the investigation of crimes in the sphere of computer information // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 294–298.

The article studies forensic recognition in the tactics of investigative actions in the investigation of crimes in the field of computer information. Much attention is paid to computer forensics, because when investigating cybercrime, such investigative actions are used that are individual, in particular, inspection of the scene, conducting a search and computer-technical expertise

Keywords: crime, criminology, digital traces, Internet, initiation of a criminal case, investigation, investigative actions.

Spisok literatury:

1. Velichkin, S. A. Kriminalisticheskaya taktika / S. A. Velichkin, YA. S. Velichkin. – Moskva : Izdatel'stvo "YUrlitinform", 2019. – 264 s. – (Biblioteka kriminalista). – ISBN 978-5-4396-1836-1. – EDN ZDMLQT.
2. Ishchenko E.P. Sovremennye tekhniko-kriminalisticheskie sredstva, primenyaemye dlya obnaruzheniya dokazatel'stv na elektronnyh nositelyah informacii (v soavtorstve s Kostyuchenko O.G.) v zhurnale Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, izdatel'stvo Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Vostochno-Sibirskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii (Irkutsk), № 2 (97), s. 181-189 (2021)
3. Kosarev M.N. Informacionno-telekommunikacionnye seti kak priznak prestupleniya /M.N. Kosyrev // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 4. S. 55–56 – Текст: neposredstvennyj
4. Hizhnyak D.S. Metodologicheskie osnovy rassledovaniya transnacional'nyh prestuplenij: model'nyj podhod : avtoref. dis. ... d. yurid. nauk. – Moskva, 2018. – 45 s. – Текст: neposredstvennyj
5. Komarov A.A. Kriminologicheskie aspekty moshennichestva v global'noj seti Internet : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2018. – 25 s. – Текст: neposredstvennyj
6. Gavriili YU.V. Praktika organizacii vzaimodejstviya pri rassledovanii prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij /YU.V.Gravili / Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 4 (48). S. 148–149– Текст: neposredstvennyj.

УДК 343.13

ПОНЯТИЕ ЗАЩИТЫ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Доросинская А. М.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье исследовано понятие защиты как основной уголовно-процессуальной функции. Российская Федерация является демократическим государством. Это напрямую закреплено в Основном законе – Конституции Российской Федерации. Распространение демократических основ осуществляется по отношению ко всем институтам, отраслям, общественным отношениям. Не исключением является и уголовное судопроизводство. Целевым направлением уголовного судопроизводства является обеспечение необходимого уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина, а также организаций от преступных посягательств, угрожающих жизни, здоровью, государственным, общественным и частным интересам. При более детальном анализе особенностей уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что данный государственный институт обеспечивает организацию обоснованного привлечения виновных лиц к ответственности и ограждает невиновных лиц от преследования и ограничения их правового статуса. Реализация демократических основ уголовного судопроизводства обеспечивается посредством множества инструментов и механизмов. Совершенно особенными в данном случае выглядят принципы уголовного процесса, их совокупная система.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, функции, защита, уголовное судопроизводство, подозреваемый, обвиняемый, защитник.

Нынешний этап развития российского государства следует признать одним из наиболее эффективных в плане обеспечения высшей ценности, а именно прав, свобод и законных интересов человека, гражданина и всего общества [1, с. 197-200].

Современная правовая политика и соответствующая правоприменительная деятельность всего государства, в том числе в лице уполномоченных им органов государственной власти, является ориентированной на соответствующий вектор развития, а именно признание, соблюдение и защиту прав и свобод личности. На это указывает ряд факторов.

Прежде всего, целесообразно указать на специфику правовых основ, направленных на урегулирование всех вопросов жизнедеятельности граждан. Основным законом Российской Федерации – Конституцией провозглашено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Около 40% норм и положений Основного закона Российской Федерации посвящены именно такой дефиниции, как права и свободы человека и гражданина. Конституцией провозглашаются широкие права и свободы во всех сферах: экономической, политической, социальной, культурной. Более того, законодатель не останавливается на достигнутом: в непрекращающемся режиме обеспечивается обновление нормативной базы, в том числе и самой Конституции. Так, 15 января 2020 г. Президентом страны В.В. Путиным были предложены поправки к Конституции Российской Федерации, которые, после соответствующих правовых и дискуссионных процедур были внесены в форме соответствующего Федерального закона [2]. В дальнейшем, в ходе общенародного голосования, поправки были одобрены гражданами России и в соответствующем порядке

вступили в силу. При этом, в контексте статьи, важно отметить, что одним из основополагающих правовых лейтмотивов поправок стало укрепление института защиты прав и свобод личности. В частности, были урегулированы отдельные вопросы пенсионного и социального обеспечения, права на самоопределение, свободы вероисповедания и т.д. То есть, при имеющихся и работающих механизмах, государство в лице законодателя, находится в постоянном поиске путей совершенствования гарантий обеспечения прав и свобод личности.

Далее, необходимо отметить позицию представителей высшего руководства государства и отдельных органов, деятельность которых направлена на обеспечение защиты прав и свобод личности. Так, Верховный Главнокомандующий нашей страны неоднократно в своих выступлениях отмечал первостепенную необходимость гарантирования со стороны государства и каждого его института соблюдения прав и свобод человека, независимо от национальности, социального происхождения, религии, гражданства и иных обстоятельств. Все это должно, по мнению Президента РФ, отражаться не только в декларативной форме в основных законах страны, но и системно выражаться на практике [3]. В свою очередь, развивая и поддерживая данный постулат, Министр внутренних дел России В.А. Колокольцев высказался в рамках обсуждения конкретного уголовного дела в отношении журналиста И. Голунова, в отношении которого преследование было прекращено в связи с отсутствием события преступления. Министр отметил, что независимо от политических и иных взглядов человека, органы внутренних дел выполняют одинаковый объем функциональных обязанностей в рамках борьбы с преступностью. Напомним, что именно благодаря вмешательству в процесс расследования уголовного дела в отношении Голунова было установлено отсутствие в его действиях нарушений действующего уголовного законодательства, а было выявлено превышение должностных полномочий лиц, которые задерживали и изымали наркотическое вещество у журналиста [4].

Наконец, значимость обеспечения гарантий соблюдения прав и свобод личности подчеркивают и признают многие авторы, исследующие соответствующую тематику. К примеру, А.А. Сафронов и А.М. Карякин, указывают на то, что «приоритетными направлениями деятельности государства являются обеспечение законности и правопорядка, защита интересов граждан и общества в целом от преступных посягательств» [5, с. 68]. А.А. Дерюгин пишет о том, что в России «защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства и его основная функция. Для эффективной реализации своих функций государство должно обладать возможностью добиваться от всех участников общественных отношений правомерного поведения, в том числе и путем использования силовых методов и средств принуждения» [6, с. 83-84]. И.С. Назарова, выделяя и исследуя конституционно-правовой институт принципов государственно-управленческой деятельности, указывает, что «в рамках данного института преимущественное значение будет составлять принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, поскольку именно данное конституционное положение должно пронизывать деятельность органов исполнительной власти» [7, с. 119].

Особое внимание и законодатель, и ученые уделяют защите прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства. Так, В.И. Власов особое внимание уделяет роли суда в обеспечении такой защиты. Он пишет о том, что «В

судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель, т. е. тот субъект расследования, который ходатайствовал о производстве следственного или процессуального действия. При такой ситуации принцип состязательности сторон обеспечивает и создает благоприятные условия для выяснения всех, имеющих существенное значение для дела обстоятельств и вынесения судом обоснованного судебного решения о законности или незаконности проведенной следственной деятельности. Этим обеспечивается судебная защита конституционных прав граждан на досудебном производстве по уголовным делам» [8, с. 25]. Д.С. Злыденко в качестве наиболее качественного и работающего механизма обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства называет четко отрегулированный и постоянно выполняемый уголовно-процессуальный режим всех соответствующих мер и институтов, имеющих и реализуемых в рамках уголовного судопроизводства. Ученый пишет о том, что «целью такого процессуально установленного режима является создание условий для производства расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, а также защиты прав и свобод личности, подвергшейся уголовному преследованию» [9, с. 24].

Защита, как дефиниция, реализуемая в уголовном судопроизводстве, установлена также и законодательством. Так, целый ряд норм Основного закона государства – Конституции Российской Федерации, посвящен данному вопросу (ст.ст. 17, 45-53, 123). Нормы соответствующего характера и сферы правового регулирования имеются и в международном законодательстве, в частности во Всеобщей Декларации прав человека (ст. 11), а также Европейской конвенции по правам человека (ст.ст. 6-7).

Сегодня особый исследовательский интерес вызывает вопрос определения понятийного аппарата в сфере защиты, как уголовно-процессуальной функции. Это связано с несколькими моментами. Во-первых, это ценность понятия, как правовой категории. Во-вторых, это современное состояние разработанности исследуемого понятия. Практически все авторы, рассматривающие данный вопрос приходят к одинаковому выводу – о недостаточной теоретико-правовой разработанности понятийного аппарата в сфере защиты, как уголовно-процессуальной функции [10, с.255]. Отсутствие четкой теоретико-правовой и нормативной позиции по вопросу определения искомого понятия ставит под сомнение возможность эффективной реализации защиты участников уголовного судопроизводства, как гарантии обеспечения прав и свобод личности.

Прежде всего, проанализируем положения УПК РФ – основного нормативного правового акта, регламентирующего уголовно-процессуальные отношения.

Напрямую определения понятия «защита» законодатель не дает. Однако к некоторым предпосылкам определения данного понятия можно прийти через анализ ряда косвенно связанных с данным вопросом уголовно-процессуальных норм. Прежде всего, следует отметить положения ст. 5, в которой раскрыты основные определения, используемые в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии с данной статьей:

1. Стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения;

2. Сторона защиты – обвиняемый, а также его законный представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель.

Исходя из представленных норм, возможно сделать несколько выводов.

Во-первых, с точки зрения законодателя, защита в уголовном процессе – это одна из уголовно-процессуальных функций. Ее реализация обязательна для каждого случая уголовного судопроизводства, вне зависимости от конкретных обстоятельств преступления, по факту которого расследуется (рассматривается) уголовное дело. Сущность судебной власти как уникального социально-правового явления заключается в возможности и способности легального [11, с. 165-175], иначе законного рассмотрения уголовных дел. В УПК РФ имеются нормы об обстоятельствах, ограничивающих участие защитника в производстве по уголовному делу (ст. 72), однако, во-первых, данные обстоятельства строго определены и являются исчерпывающими, а, во-вторых, не исключают возможность поиска нового защитника.

Во-вторых, функция защиты субъектна. Это означает, что ее реализацией занимаются конкретные субъекты – участники уголовного судопроизводства, наделенные конкретными правами и обязанностями, обладающие уголовно-процессуальным статусом.

Далее приведем некоторые положения ст. 49 УПК РФ, а именно ч. 1, в соответствии с которой защитником является лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Именно защитники являются основными субъектами, реализующими функцию защиты в уголовном судопроизводстве. Исходя из положений приведенной нормы, логично предположить двойственную природу рассматриваемой функции. С одной стороны – это, собственно, сама защита прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. Одновременно, это оказание им юридической помощи при производстве по уголовному делу. В данном случае первая составляющая является основной задачей реализации функции. Вторая, чаще всего, является средством достижения данной задачи. Одновременно, основываясь на положениях ст. 48 Конституции Российской Федерации, возможно предположить, что и оказание юридической помощи является вполне самостоятельной задачей функции защиты, в рамках решения которой, безусловно, обеспечивается защита прав и законных интересов лиц, которым такая помощь оказывается.

Таким образом, исходя из исключительно анализа положения УПК РФ, можно предположить, что защитой в уголовном судопроизводстве следует понимать уголовно-процессуальную функцию, реализуемую на субъектной основе (соответствующими лицами, обладающими уголовно-процессуальным статусом), в порядке, установленном законодательством в целях защиты прав и интересов определенных участников уголовного процесса и обеспечения оказания им юридической помощи при производстве по уголовному делу.

В доктрине уголовного процесса, защита, как уголовно-процессуальная функция, получила значительный исследовательский интерес в научных кругах. Тем не менее, до сих пор в уголовно-процессуальной науке нет ясности относительно определения понятия защиты, как уголовно-процессуальной функции. Во многом это связано с позицией законодателя, не закрепившего данное понятие. Однако

большей причиной видится многомерность самой институции защиты и вариативность ее соотношения с уголовно-процессуальным правом.

Учитывая изложенное, обратимся к этимологической сущности понятий «защита» и «функция». Основываясь на положениях словаря С.И. Ожегова [12, с. 281], следует указать, что «защита» означает «оберегать, относиться бережно». Защищать же означает – охраняя оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности. «Функция» же определяется как основное (одно из основных) направление деятельности, реализуемое в установленных целях. Сопоставляя приведенные определения, можно предположить, что под функцией защиты (с точки зрения этимологии) понимается направление деятельности по обеспечению предотвращения нарушений и посягательств в отношении того или иного объекта, а также оказания содействия в восстановлении прав. При этом следует разделять понятия «охрана» и «защита». Несмотря на выполнение задач, связанных с обеспечением сохранности прав, данные понятия имеют ряд отличий, среди основных следует выделить тот факт, что охрана направлена на предупреждение в случае нарушений правового статуса человека, а защита выполняет восстановительную функцию нарушенных прав. Также охрана обладает в своем арсенале ограничительным набором возможностей, основанных на обеспечении «обороны», предотвращении причин и условий возможного нарушения прав и свобод, а защита обладает более широким набором средств и методов, которые не только помогают в прямом смысле восстановить права, но и обезопасить в последующем предполагаемые нарушения.

Существует ряд мнений авторов [13, с. 215] о том, что в уголовном судопроизводстве средства и методы, направленные на обеспечение требуемого уровня защиты обвиняемого или подозреваемого – есть сам правовой статус данных участников уголовного процесса, что позволяет в полном и объективном варианте обеспечивать противостояние стороне обвинения. В таком ракурсе защита подозреваемого и обвиняемого – это основанные на нормах уголовно-процессуального законодательства возможности обвиняемого и подозреваемого предоставлять информацию о своей невиновности, а также обладать данными о ходе и особенностях расследования уголовного дела.

Защита в уголовном судопроизводстве выполняет следующие функции:

1. Обеспечивает реализацию фундаментальных основ по защите личности в целом от незаконных посягательств, обвинений и соответственно необоснованных ограничений прав и свобод человека. Все это находит свое подтверждение в основополагающих принципах уголовного судопроизводства и преследуется на протяжении всех этапов уголовного процесса.

2. Сами стороны обвинения и защиты преследуют однородные по направленности функции, а именно обеспечение участников уголовного судопроизводства возможности реализовывать весь заявленный потенциал прав и свобод, что и лежит в содержательной природе уголовно-процессуального законодательства.

3. Защита в уголовном судопроизводстве позволяет обеспечивать соблюдение системы сдержек и противовесов в масштабе уголовного преследования. Именно данный институт позволяет отделять правовое государство от полицейского, а также брать на себя обязательства всем участникам процесса, включая следователя (дознавателя) прокурора или судью.

4. Реализация института защиты обвиняемого и подозреваемого в уголовном судопроизводстве может выражаться в формах, которые позволяют сертифицировать отношения между теми или иными участниками процесса и синхронизировать их действия.

На сегодняшний день ощущается острая нехватка определенности понятия защиты, как функции уголовного процесса. Это приводит к многочисленным разногласиям среди ученых по данному вопросу. Однако, более негативным последствием данной ситуации видится частое непонимание по вопросу, проявляемое со стороны правоприменителя. В условиях, когда на всех уровнях законодательства (в том числе, международного) защита закреплена в качестве одного из основных прав лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, любое искажение или неправильное представление по данному поводу – крайне опасная тенденция, безусловно требующая пристального внимания и исправления.

В качестве пути решения отмеченных проблемных вопросов нами видится внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, а именно в УПК РФ, а также ведомственные нормативно-правовые акты в сфере конкретного регулирования отдельных аспектов.

Так, в случае внесения изменения, необходимо внести соответствующее определение в ст. 5 УПК РФ, где будет отмечена следующая информация: «совокупность действий самого обвиняемого, подозреваемого, его защитника, направленных на выяснения объективных предпосылок и оснований считать доводы обвинения обоснованными об их вине. Защита может быть отражена в мероприятиях по ознакомлению подозреваемого и обвиняемого с доводами стороны обвинения, материалами уголовного дела, а также оказания полноценной квалифицированной юридической помощью и др.».

Список литературы:

1. Шурыгина Ю.В. Теоретические основы трансформации конституционно-правового статуса личности // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, 2022, № 3. С.197-200.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета от 16.03.2020 № 55 (8109)
3. Путин заявил о необходимости механизмов соблюдения прав человека // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20191212/1562317531.html> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Колокольцев о деле Голунова: права любого гражданина должны быть защищены // Яндекс.Турбо URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/2645960.html> (дата обращения: 11.01.2023).
5. Сафронов А.А., Карякин А.М. Применение нормы Федерального закона «О полиции» о задержании лиц, находящихся в международном розыске (на примере правоприменительной практики г. Севастополя) // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2020, № 4 (50). С. 68.
6. Дерюгин А.А. Правовые и социальные основания функционирования войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института Юриспруденция войск национальной гвардии. – 2018. – № 3 (4). С. 83-84.
7. Назарова И.С. Конституционно-правовые аспекты сущности государственного управления в рамках деятельности федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института Юриспруденция войск национальной гвардии. – 2019 – № 2 (7). С. 119.
8. Власов В.И. Судебный контроль на стадии досудебного производства по уголовным делам: теоретико-правовая характеристика // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2020, № 1 (47).
9. Злыденко Д.С. Определение момента фактического задержания как условие законности его применения в уголовном процессе // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2019, № 1 (43).
10. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. Москва: Статут, 2019. 255 с.

11. Швандерова А.Р., Асташев Р.В. Теоретические проблемы судебной власти Российской Федерации: судебная власть как социально-правовой институт // *Власть закона*, 2022, № 1 (49). С.165-175.
12. Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений : [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. - Москва : Мир И образование, 2015. С. 281.
13. Теренков И.Е., Павлова В.С. Актуализация функции защиты в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики // *Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Москва, 2020. С. 215.

Dorosinskaya A.M. The concept of protection as a criminal procedural function in the Russian criminal procedure // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science.* – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 299–305.

The article explores the concept of protection as the main criminal procedural function. The Russian Federation is a democratic state. This is directly enshrined in the Basic Law - the Constitution of the Russian Federation. The spread of democratic foundations is carried out in relation to all institutions, industries, social relations. The criminal justice system is no exception. The target areas of criminal proceedings are to ensure the necessary level of protection of the rights and freedoms of a person and a citizen, as well as organizations from criminal encroachments that threaten life, health, state, public and private interests. In a more detailed analysis of the features of criminal proceedings, it should be noted that this state institution ensures the organization of a reasonable prosecution of perpetrators and protects innocent persons from prosecution and restriction of their legal status. The implementation of the democratic foundations of criminal justice is ensured through a variety of tools and mechanisms. In this case, the principles of the criminal process, their cumulative system, look quite special.

Key words: criminal procedure law, functions, defense, criminal proceedings, suspect, accused, defender.

Spisok literatury:

1. Shurygina Yu.V. Teoreticheskie osnovy transformatsii konstituzionnopravovogo statusa lichnosti // *Uchenye zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2022, # 3. S.197-200.
2. Zakon RF o popravke k Konstituczii RF ot 14.03.2020 # 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funkcionirovaniya publichnoy vlasti» // *Rossiyskaya gazeta* ot 16.03.2020 # 55 (8109)
3. Putin zayavil o neobkhodimosti mekhanizmov soblyudeniya prav cheloveka // *RIA Novosti* URL: <https://ria.ru/20191212/1562317531.html> (data obrashheniya: 10.01.2023).
4. Kolokol'cev o dele Golunova: prava lyubogo grazhdanina dolzhny byt' zashchisheny // *Yandex.Turbo* URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/2645960.html> (data obrashheniya: 11.01.2023).
5. Safronov A.A., Karyakin A.M. Primenenie normy Federal'nogo zakona «O policzii» o zaderzhanii licz, nakhodiyashhikhsya v mezhdunarodnom rozy'ske (na primere pravoprimeritel'noj praktiki g. Sevastopolya) // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, # 4 (50). S. 68.
6. Deryugin A.A. Pravovy'e i soczial'ny'e osnovaniya funkcionirovaniya vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federaczii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta Yurisprudenciya vojsk natsional'noj gvardii.* – 2018. – # 3 (4). S. 83-84.
7. Nazarova I.S. Konstituzionno-pravovy'e aspekty sushhnosti gosudarstvennogo upravleniya v ramkakh deyatelnosti federal'noj sluzhby vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federaczii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta Yurisprudenciya vojsk natsional'noj gvardii.* – 2019 – # 2 (7). S. 119.
8. Vlasov V.I. Sudebnyj kontrol na stadii dosudebnogo proizvodstva po ugovolny'm delam: teoretiko-pravovaya kharakteristika // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, # 1 (47). S. 25.
9. Zlydenko D.S. Opredelenie momenta fakticheskogo zaderzhaniya kak uslovie zakonnosti ego primeneniya v ugovolnom processe // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, # 1 (43). S. 24.
10. Ul'bashev A.Kh. Obshee uchenie o lichnykh pravakh. Moskva: Statut, 2019. 255 s.
11. Shvanderova A.R., Astashev R.V. Teoreticheskie problemy sudebnoj vlasti Rossijskoj Federaczii: sudebnaya vlast' kak soczial'no-pravovoj institut // *Vlast' zakona*, 2022, # 1 (49). S.165-175.
12. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : 100000 slov, terminov i vyrazhenij : [novoe izdanie] / Sergej Ivanovich Ozhegov ; pod obshh. red. L. I. Skvorcova. - 28-e izd., pererab. - Moskva : Mir I obrazovanie, 2015. S. 281.
13. Terenkov I.E., Pavlova V.S. Aktualizatsiya funkczii zashchity v ugovolnom sudoproizvodstve: voprosy teorii i praktiki // *Ugovolnoe sudoproizvodstvo Rossii: problemy i perspektivy razvitiya. sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferenczii*. Moskva, 2020. S. 215.

УДК 343.231

ЛИЧНОСТЬ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПНИКА И ОТДЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СЕТИ

Зоз В. А., Лагуточкина А. С.

В статье раскрывается вопрос определения понятия киберпреступления, дается характеристика личности интернет-преступника, рассмотрены некоторые способы выявления данной категории преступников в глобальной сети. В частности, Европейской комиссией предложено интерпретировать понятие киберпреступности как: «традиционная форма преступления, совершенного с помощью электронных коммуникационных сетей и информационных систем, а также публикация информации, нарушающей права третьих лиц, через электронные медиа источники, преступления, присущие только электронным сетям». Определено что относится к основным свойствам киберпреступности, а именно: интеллектуальный характер киберпреступности, отсутствие возрастного ценза и социального статуса, анонимность и персонифицированность, дистанцированность киберпреступлений, транснациональность киберпреступлений. Проведена классификация киберпреступлений по категориям. При изучении личности интернет-преступника установлено, что данная категория лиц владеет навыкам использования компьютерной техники и других электронных средств, как правило, либо это любители, то есть те, которые действуют самостоятельно, в домашних условиях и свободное от работы время, либо высокообразованные специалисты, которые действуют в составе организованных преступных групп.

Известны типы сетевых объектов, содержащие информацию о киберпреступлениях: сетевые объекты, на которых повторяются попытки преступных посягательств и существуют условия для их осуществления; сайты, через которые распространяется социально опасная информация, реализуются предметы, запрещенные к обороту; места сетевого общения криминально настроенных лиц. В связи с чем борьба с преступлениями в рассматриваемой сфере осуществляется в двух основных направлениях: выявление лиц, которые готовят совершение преступления и выявление лиц, виновных в совершении преступления, то есть уже после факта совершения преступления.

Ключевые слова: киберпреступления, личность интернет-преступника, оперативные подразделения органов внутренних дел, Интернет, социальная сеть, сетевые объекты.

Стремительное развитие и повседневное применение информационных технологий, преобразование информации в важнейший ресурс жизнедеятельности, обуславливает движение человечества к информационному обществу. Информационная революция привнесла в нашу жизнь новые действенные возможности, открыла невиданные перспективы: упростила доступ к информации, дала возможность обрабатывать большие массивы информации и пр.

Однако, по мере появления различных достижений науки и техники большинство из них берутся на вооружение и преступным миром. Совершенствование компьютерной техники, внедрение ее во всех сферах человеческой деятельности сыграло наиболее существенную роль в техническом вооружении преступности. Ориентирование криминальных структур на использование высоких информационных технологий объясняется доступностью и рентабельностью последних.

Под киберпреступностью (также компьютерными преступлениями) понимают использование информационных технологий как инструмента для совершения незаконных действий, таких как мошенничество, детская порнография, нарушение права интеллектуальной собственности и персональных данных и пр.

На заседании Генеральной Ассамблеи ООН, где обсуждался вопрос киберпреступности, одним из пунктов обсуждения было определение данного понятия. Так, его трактовка главным образом зависит от того, в каком контексте будет использо-

ваться этот термин. Основу киберпреступности составляет довольно ограниченный круг деяний, направленных на нарушение конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем [9].

Европейская комиссия в 2007 г. предложила такую интерпретацию понятия киберпреступности: «традиционная форма преступления, совершенного с помощью электронных коммуникационных сетей и информационных систем, а также публикация информации, нарушающей права третьих лиц, через электронные медиа источники, преступления, присущие только электронным сетям» [10].

Несмотря на принятые международные и национальные законодательные по борьбе с киберпреступностью в ряде стран, в том числе и в России, ее «унифицированный» состав до сих пор четко не определен, поскольку как возможности технических средств, программного обеспечения, средств телекоммуникации, так и уголовные ухищрения самих киберпреступников, непрерывно растут с развитием научно-технического прогресса. За последние несколько лет было сформулировано понятие «киберпреступности», под которой понимают преступность в традиционном смысле этого слова, но которая совершается в сети Интернет [6].

К основным свойствам киберпреступности необходимо отнести следующие: интеллектуальный характер киберпреступности; отсутствие возрастного ценза и социального статуса; анонимность и персонифицированность; дистанционность киберпреступлений; транснациональность киберпреступлений.

В целом специфика преступности в сети Интернет заключается в следующем: относительной комфортности, то есть приготовление и совершение преступления осуществляется практически не отходя от «рабочего места»; доступности – в связи с тенденцией постоянного снижения цен на компьютерную технику; широкой географии совершения преступлений, но учитывая то, что основное количество компьютеров расположено в крупных населенных пунктах, то есть именно на них и приходится «львиная доля» преступности; удаленности объекта преступных посягательств – он может находиться за тысячи километров от места совершения преступления; сложности обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации (следовой картины преступления) при выполнении следственных действий для использования ее в качестве вещественного доказательства и т.д.; широким использованием преступниками средств шифрования информации [4].

Киберпреступления можно разделить на три категории: исключительно сетевые преступления, где цифровые системы являются основной целью, но одновременно выступают и средствами посягательства. Эта категория включает в себя посягательство на компьютерные системы для уничтожения инфраструктуры интернет-технологий и незаконное завладение данными; обычные преступления, которые были переведены в плоскость киберпреступлений в связи с использованием Интернета; использование Интернета с целью торговли наркотиками и как вспомогательный инструмент для других видов преступлений.

Однако необходимо различать преступления, совершенные через Интернет, и такие же, но осуществленные оффлайн. Например, переписка о возможном плане преступления не будет считаться киберпреступлением, поскольку в нем отсутствует состав преступления, можно лишь предположить ход событий, а уже его непосредственная реализация находится за пределами Интернета.

Личность преступника, совершающего преступления в сети Интернет является одним из основных элементов оперативно-розыскной характеристики. Пол, возраст, образование, место жительства, наличие судимости – это сведения, необходимые для составления характеристики личности преступника, совершающего такие неправомерные действия. Так, на вопрос, способно ли повысить эффективность по выявлению и раскрытию преступлений в сети Интернет знание оперативными сотрудниками особенностей лиц, совершающих данные преступления, 96 % опрошенных сотрудников ответили утвердительно. Лишь 4 % затруднились с ответом. Отсюда следует, что практические работники осознают необходимость изучения личностных особенностей Интернет-преступников для успешной борьбы с преступлениями данной категории.

В литературе высказываются различные точки зрения относительно определения сущности такого элемента преступления как личность преступника. Одни ученые определяют личность преступника как социально-биологическую систему, свойства и признаки которой отражаются в материальной среде и используют для раскрытия и расследования преступлений (к таким свойствам относятся: физические, биологические и социальные).

По мнению других, личность преступника – это понятие, выражающее сущность лица, совершившего преступление, а к системе признаков личности преступника относят данные демографического характера, некоторые моральные свойства и психологические особенности. Третьи же включают в данное понятие совокупность информации о личности преступника, которая составляет его характеристику, все те данные, которые могут определять эффективные пути розыска и изобличения преступника, и связанные с этим задачи расследования [5].

Как видно из приведенных подходов, большинство юристов выделяют следующие элементы характеристики личности преступника: социальные – социальное положение, образование, национальность, семейное положение, профессия и т. п.; психологические – мировоззрение, убеждения, навыки, привычки, эмоции, чувства, темперамент и пр.; физиологические – анатомические и функциональные признаки, биохимические особенности крови, слюны и т. д. [1].

По сравнению с традиционными видами преступности интернет-преступность более «молода». По статистике возраст лиц, совершающих преступления в сети Интернет, достигает от 15 до 45 лет. Проведенное исследование уголовных дел показало, что на момент совершения противоправных действий возраст 33 % преступников не превышал 20 лет, 13 % были старше 40 лет, 54 % имели возраст от 20 до 40 лет. Практика показывает, что все чаще такими преступниками становятся несовершеннолетние.

Интернет-преступниками являются лица, владеющие навыкам использования компьютерной техники и других электронных средств: а) любители, то есть те, которые действуют самостоятельно, в домашних условиях и свободное от работы время, б) высокообразованные специалисты, которые действуют в составе организованных преступных групп.

Криминальная практика свидетельствует, что некоторые преступники данной группы действуют без соучастников, тогда как большинство из них совершают преступления в составе организованных преступных группировок. В такие группы могут входить работники банковских учреждений, различных коммерческих структур,

вычислительных центров банковских учреждений и пр. Следует отметить, что в состав такой группы обязательно входит один или несколько участников, которые являются программистами или хотя бы обладают знаниями и навыками в области компьютерных информационных технологий [3].

В литературе отмечается, что при изучении личности интернет-преступника следует обратить внимание на роль навыков и привычек, свойственных каждому человеку. При расследовании преступлений, совершаемых в Сети, изучение этих качеств имеет большое значение для розыска, выявления преступников, так как нередко именно навыки и привычки лица влияют на избираемый способ и механизм совершения преступления. Среди признаков, имеющих самостоятельное значение при выявлении интернет-преступников называют профессиональные и преступные навыки правонарушителя. Знание привычек и навыков лица играет определенную роль из-за того, что эти качества человека индивидуализируют его противоправное деяние, и чем специфичнее и сложнее навык, тем больше времени и усилий требуется на его освоение, тем выше его оперативно-розыскная значимость [8].

Преступления, совершаемые в Сети, совершенные в составе группы, имеют широкий спектр видовых отличий. Можно выделить преступления, совершенные организованной группой (35 %); совершенные международной организованной группой (9 %); совершенные группой лиц по предварительному сговору (56 %).

Итак, можно выделить те свойства личности интернет-преступника, изучение которых позволяет разработать рекомендации для избрания правильного направления выявления преступников, обеспечения наиболее эффективной тактической линии при производстве розыскных действий; установить, какие черты этого лица должны учитываться при выявлении данного вида преступлений.

Личность интернет-преступника характеризуется специфическим комплексом признаков. Большинство преступников имеют сильный дар воображения, используют влияние и умение убеждать людей. В некоторых случаях одним из важных качеств личности интернет-преступника есть наличие организаторских способностей, т.к. некоторые виды киберпреступлений являются технически сложными в плане исполнения, а потому в их совершении могут участвовать несколько людей [2].

Одним из основных направлений деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в борьбе с преступностью является выявление лиц, готовящихся к совершению преступления или совершающих его.

В научных кругах сложились различные взгляды на содержание данного понятия, и это обусловлено тем, что они рассматривают его с разных позиций. Так В.В. Лысенко считает, что выявить преступление означает установить, зафиксировать, определить факт и обстоятельства совершения общественно опасного деяния [7].

Стоит заметить, что обнаружение лиц, совершающих преступления в Сети, может происходить в процессе оперативного поиска, оперативной разработки. В первом случае речь идет о поиске ответа на вопрос, было ли преступление или нет, что в большей степени имеет отношение к событию преступления. А во втором обнаружение может происходить в процессе оперативной разработки, как комплекс оперативно-розыскных мероприятий, проведенных в отношении лица или группы лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении преступления и др. [10].

Чаще всего выявление преступлений или лиц причастных к ним начинается с получения первичной информации, содержащей сведения о признаках преступления.

Анализируя данную информацию, сотрудники оперативных подразделений осуществляют познание процессов, происходящих в криминальной среде, устанавливают тенденции их изменения. Для уточнения и проверки сведений, которые проводятся путем сопоставления и сравнения с другими сведениями, необходимо получение дополнительной информации. Это позволяет найти недостающие сведения, несоответствия между рассматриваемыми данными и сделать вывод о наличии или отсутствии признаков подготовки или совершения преступления [11].

Выделим следующие основные типы сетевых объектов, содержащие информацию интересную для оперативных подразделений: а) сетевые объекты, на которых повторяются попытки преступных посягательств и существуют условия для их осуществления; б) сайты, через которые распространяется социально опасная информация, реализуются предметы, запрещенные к обороту; в) места сетевого общения уголовно настроенных лиц.

Важные для выявления незаконных действий сведения концентрируются на сетевых ресурсах в виде следов противоправной деятельности, ссылок на материалы, запрещенные к распространению, сообщений лиц, осведомленных об обстоятельствах подготовки и совершения противозаконных действий.

Борьба с преступлениями в рассматриваемой сфере осуществляется в двух основных направлениях: выявление лиц, которые готовят совершение преступления; выявление лиц, виновных в совершении преступления, то есть уже после факта совершения преступления. Получение информации в отношении конкретного лица, которое готовит совершение преступления в Сети, является приоритетным направлением в работе правоохранительных органов, что обусловлено возможностью предотвратить совершение преступления и наступление его последствий. Но, как показывает практическая деятельность, реализовать это направление сложно.

Лица, совершающие преступления данного вида, тщательно скрывают свои преступные намерения и действия. Поэтому важны любые, даже случайные, отрывочные, неподтвержденные данные из разных источников, в которые своей совокупности могут достаточно убедительно указывать на возможную причастность лица к совершению преступления. Полученная информация концентрируется в различных информационных системах правоохранительных органов с целью постоянного отслеживания деятельности лиц, совершающих преступления в сети.

Список литературы:

1. Алауханов Е. Криминология: учебник. Алматы, 2008. С. 5.
2. Атаманов Р.С. Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Московская гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. М., 2012. С. 15.
3. Бабакова М.А. Психологические аспекты розыска при расследовании преступлений, совершенных с использованием современных технологий // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2009. № 2 (30). С. 110.
4. Бабакова М.А. Особенности расследования киберпреступлений // Юридическая наука и правоприменение: сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 192–193.
5. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Мн.: Амалфея, 2001. 194 с.
6. Лагуточкин А.В. Некоторые особенности использования информационного пространства сети интернет в борьбе с преступностью // Проблемы законодательного регулирования Интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов Интернет-сообщества: материалы международной научно-практической конференции в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине». Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 2013. С. 125–129.

7. Лысенко В.В. О практике расследования уголовных дел о преступлениях в сфере банковской деятельности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-rassledovaniya-ugolovnyh-del-o-prestupleniyah-v-sfere-bankovskoy-deyatelnosti>
8. Чулахов В.Н. Криминалистическое исследование навыков и привычек человека. М., 2004. С. 162.
9. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государств-членов, международного сообщества и частного сектора // Вена, 25-28 февраля 2013. С. 21.
10. Home Affairs Committee E-crime Fifth Report of Session 2013–14 // Ordered by the House of Commons. 17 July 2013. P. 115.
11. Иванов С.И. Особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 23–24/
12. Зоз В.А., Лагуточкина А.С. Отдельные элементы современного состояния противодействия преступлениям, совершенным с использованием социальных сетей, в отношении несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 9. № 4. С. 292–298.

Zoz V.A., Lagutochkina A.S. Individual elements of the current state of countering crimes committed using social networks against minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 306–312.

The article reveals the definition of cybercrime, characterizes the personality of an Internet criminal, considers some ways to identify this category of criminals in the global network. In particular, the European Commission proposed to interpret the concept of cybercrime as: "a traditional form of crime committed by means of electronic communication networks and information systems, as well as the publication of information that violates the rights of third parties, through electronic media sources, crimes inherent only in electronic networks". It was defined that refers to the main features of cybercrime, namely: the intellectual nature of cybercrime, the lack of age qualification and social status, anonymity and non-personalization, distance of cybercrime, transnationality of cybercrime. The classification of cybercrime by category was made. When studying the personality of cybercriminals, it was established that this category of offenders possess skills in the use of computer technology and other electronic means, as a rule, either they are amateurs, that is, those who act independently, at home and in their spare time, or highly educated specialists who act as part of organized criminal groups. It should be noted the following main types of network objects, which contain information on cybercrime: network objects, which repeat attempts of criminal encroachments and there are conditions for their implementation; sites through which socially dangerous information is spread, sold items prohibited for circulation; places of network communication of criminally inclined persons. In this connection, the fight against crimes in the area under consideration is carried out in two main directions: revealing of persons, who prepare committing a crime and revealing of persons, who are guilty of committing a crime, that is, after the fact of committing a crime.

Keywords: cybercrime, personality of the Internet criminal, operative divisions of bodies of internal affairs, Internet, social network, network objects.

Spisok literatury:

1. Alauhanov E. Kriminologiya: uchebnik. Almaty, 2008. S. 5.
2. Atamanov R.S. Osnovy metodiki rassledovaniya moshennichestva v seti Internet: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskovskaya gos. Yurid. Akad. Im. O.E. Kutafina. M., 2012. S. 15.
3. Babakova M.A. Psihologicheskie aspekty rozyska pri rassledovanii prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem sovremennyh tekhnologij // Vestnik kriminalistiki. M.: Spark, 2009. № 2 (30). S. 110.
4. Babakova M.A. Osobennosti rassledovaniya kiberprestuplenij // yuridicheskaya nauka i pravoprimenenie: sb. Nauch. Trudov. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2009. S. 192–193.
5. Ermolovich V.F. Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij. Mn.: Amalfeya, 2001. 194 s.
6. Lagutochkin A.V. Nekotorye osobennosti ispol'zovaniya informacionnogo prostranstva seti internet v bor'be s prestupnost'yu // Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya Internet-resursov i pravovogo razresheniya konfliktov s uchastiem sub"ektov Internet-soobshchestva: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah proekta «Rossijsko-ukrainskie kriminalisticheskie chteniya na Slobozhanshchine». Belgorodskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. 2013. S. 125–129.
7. Lysenko V.V. O praktike rassledovaniya ugolovnyh del o prestupleniyah v sfere bankovskoj deyatelnosti. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-rassledovaniya-ugolovnyh-del-o-prestupleniyah-v-sfere-bankovskoy-deyatelnosti>
8. Chulahov V.N. Kriminalisticheskoe issledovanie navykov i privyчек cheloveka. M., 2004. S. 162.
9. Vsestoronnee issledovanie problemy kiberprestupnosti i otvetnyh mer so storony gosudarstv-chlenov, mezhdunarodnogo soobshchestva i chastnogo sektora // Vena, 25-28 fevralya 2013. S. 21.
10. Home Affairs Committee E-crime Fifth Report of Session 2013–14 // Ordered by the House of Commons. 17 July 2013. P. 115.

11. Ivanov S.I. Osobennosti provedeniya operativno-razysknykh meropriyatij v seti Internet // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2018. № 18-1. S. 23–24.
12. Zoz V.A., Lagutochkina A.S. Otdel'nye elementy sovremennogo sostoyaniya protivodejstviya prestupleniyam, sovershennym s ispol'zovaniem social'nyh setej, v otnoshenii nesovershennoletnih // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8. № 4. S. 292–298.

УДК 340.12

**ПОЛНОМОЧИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
В ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ
ГОСУДАРСТВ**

Зубарев Н. В.

Санкт–Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

В статье проанализированы полномочия войск национальной гвардии. Отмечено, что войскам национальной гвардии не хватает полномочий по охране госграницы в приграничной зоне Российской Федерации. Специальная военная операция проводится за пределами территории России, но в непосредственной близости от её Государственной границы. Основные цели операции – оказание помощи народу ЛНР и ДНР, демилитаризация и денацификация Украины, устранение угроз военной безопасности Российской Федерации со стороны нашего западного «соседа». Поэтому с учетом накопленного опыта Росгвардии и ФСБ России может быть рекомендовано разработать и принять межведомственный правовой акт, регламентирующий порядок оказания содействия войсками национальной гвардии пограничной службе в охране и обороне российской границы, способы и формы применения ВНГ РФ, а также порядок обеспечения взаимодействия между пограничными органами ФСБ России, воинскими частями (подразделениями) и органами ВНГ РФ, при введении боевых действий в непосредственной близости от российской границы.

Ключевые слова: полномочия, Росгвардия, войска национальной гвардии, специальная военная операция, межведомственный правовой акт, демилитаризация и денацификация.

За весь период своего развития войска национальной гвардии приобрели значительный опыт выполнения боевых и служебно-боевых задач в различных условиях обстановки. Они всегда находились на передовых рубежах обеспечения государственной и общественной безопасности, а когда возникала необходимость – и обеспечения обороны страны. Этот опыт имеет важнейшее значение для строительства, развития и применения войск национальной гвардии [1, с. 15-26].

Не стала исключением и специальная военная операция на Украине, которая началась 24 февраля 2022 г. Основная цель операции – оказание помощи народу ЛНР и ДНР, демилитаризация и денацификация Украины. К ее проведению руководство России приступило только тогда, когда стало окончательно ясно, что достичь этой цели политическим путем было невозможно.

Украина, поддерживаемая странами Запада, публично отказалась от выполнения Минских соглашений, и продолжила наращивание боевого потенциала своих воинских формирований, явно готовясь к наступательным действиям на Донбассе, а в перспективе и в Крыму. Российская Федерация оказалась в ситуации, когда поиск дипломатических путей выхода из сложившейся кризисной ситуации вел только к затягиванию процесса. Единственной возможностью спасения граждан ЛНР и ДНР и предотвращения агрессии Украины на территорию Российской Федерации, в первую очередь, в Крыму, стало начало специальной военной операции.

Не размышляя о задачах, которые возлагаются на войска национальной Гвардии, рассмотрим одну из них: «оказание содействия пограничным органам ФСБ РФ государственной границы российской федерации [1, с. 15-26]».

Существующая в настоящее время военно-политическая обстановка в мире не является стабильной. Усиливается геополитическое противоборство между странами Запада и Российской Федерацией. Соединенные Штаты Америки, стремящиеся сохранить глобальное лидерство, продвигают в общемировом масштабе ранее апробированные в отдельно взятых регионах технологии «управляемого хаоса» и «гибридной войны [2, с. 82-89]».

Восточная часть России полностью мореходная. Южная часть России – прежде всего сухопутная граница. Она тянет от тихоокеанского океана к Керченскому проливу. На Ближнем Востоке самая большая опасность в отношении России и границ Китая – это Китай. У западной границы России есть одна особенность. Запад «отступает» от России по границе. Для того чтобы укрепить свою восточную границу, Запад усиливает пограничные отношения с Финляндией, Польшей, Прибалтией, отгораживает Украину.

Таким образом, ВНГ в приграничной зоне будет частью сил и средств или в полном составе принимать участие в контртеррористической, противодиверсионной или комплексно-профилактической специальных операциях, а также профилактических и адресных специальных мероприятиях.

Охрана границы является составной частью охраны границы Государства. Пограничная служба ФСБ осуществляется в приграничной зоне; вооруженные силы РФ воздушным пространством и воздушной средой; и другими силами (органами) обеспечения безопасности Российской Федерации в случаях и в порядке, определяемых законодательством российской Федерации.

По нашему мнению, формулировка «другие силы (органы) обеспечения безопасности Российской Федерации в случаях и в порядке, определяемых законодательством Российской Федерации», полностью относится к деятельности войск национальной гвардии. Обязанность которой по «оказанию содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации» возложена на нее Указом Президента России от 05.04.2016 г. № 157 (ред. от 15.05.2018) [3] и Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ [4]. И это, не окончательный перечень задач, поставленных перед войсками. Так например, в ходе СВО ВНГ выполняли следующие задачи: участвовали в прорыве и захвате оборонительных рубежей, штурме населенных пунктов, на отдельных участках линии боевого соприкосновения вели оборонительные действия (удержание районов), выполняли задачи по борьбе с диверсионно-разведывательными и диверсионно-террористическими группами противника [5, с. 155-157], осуществляли охрану важных объектов (в том числе атомных электростанций), принимали участие в обеспечении гуманитарной помощью жителей освобождённых населённых пунктов, и все это происходило вблизи госграницы.

Все многочисленные (и сложные) задачи войск национальной гвардии в отношении охраны границ предлагается разбить на две группы:

1. Главной задачей является непосредственное содействие пограничным службам ФСБ в охране государственной границы РФ.

2. Дополнительные и сопутствующие задачи, выполняемые ВНГ в приграничных регионах федерации, будут выполнены ВНГ. И таким образом повысить уровень безопасности границы государственной.

Законодательством РФ закреплены действия сил и средств по охране непосредственно на границе, цель их полномочий заключается в недопущении незаконного изменения прохождения границы РФ, соблюдения порядка и правил, определенных НПА, инструкций, по порядку пересечения госграницы гражданами как РФ, так и иностранного государства, соблюдение пограничного режима и другие.

Ярким примером, выполнения служебно-боевых задач по охране и обороне госграницы при проведении СВО является факт, произошедший 24 апреля 2022 г. – попытки бронегруппа ВСУ, составом до 30 ед. бронетехники предприняла попытку прорыва Государственной границы Российской Федерации в районе н.п. Казачья Лопань на севере Харьковской области. В ходе выдвижения колонна противника была разбита огнём артиллерии и рассредоточена, а уцелевший личный состав противника – ликвидирован подразделениями войск национальной гвардии в ходе проведения специальных мероприятий на освобождённой территории.

Однако, автором отмечено, что силы и средства ВНГ передаются в оперативное подчинение пограничной службе ФСБ России, отсюда логично исходит, что ВНГ не могут принимать самостоятельных решений по охране границ, не могут самостоятельно появляться на государственной границе и подменять собой органы охраны государственной границы, это говорит о том, что войскам национальной гвардии не хватает на это полномочий. В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ [4], войска могут, при необходимости, сделать это только на основе отдельного решения Президента Российской Федерации, принятого в соответствии с Федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Так, в данном нормативно-правовом документе «оказание содействия пограничной службе ФСБ в охране Государственной границы» носит «точечный» и краткосрочный характер. Главенствующее же место в системе охраны госгранице законодатель относит к ПС ФСБ РФ, и ФСБ РФ, которые согласно нормам закона, подчиняются Президенту России. И это означает, что определенные формы «оказания помощи» должны быть решены законодательно. Специфика функционального предназначения войск национальной гвардии определяет их особое место в структуре механизма российского государства и заключается в том, что эти войска «обязаны» тесно и непрерывно взаимодействовать с ПС ФСБ РФ и ФСБ РФ при выполнении данной задачи.

Так, имеющиеся проблемы в правовом регулировании деятельности войск национальной гвардии не позволяют войскам эффективно и в полном объёме выполнять стоящие перед ними служебно-боевые задачи по оказанию содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации, а также реализовать некоторые другие функции.

Поэтому, по нашему мнению, для того, чтобы выработать меры «содействия» решениям Правительства Российской Федерации, необходимо создать межведомственную комиссию. После чего решение комиссии должно быть оформлено Постановлением Правительства РФ, Совместными приказами ФСБ России и ВНГ России, Положениями и так далее, субъектов федерации по месту дислокации войск.

В соответствии с постановлением Правительства о организации взаимодействия ВНГ и ФСБ Российской Федерации на уровне командующих округов войск национальной гвардии и регионального управления погранвойск должны быть разработаны отдельные планы взаимодействия, которые необходимо объявить в совместных

приказах, в них должны быть отражены региональные возможности оказания помощи в охране границы государства.

Согласование действий между ПС ФСБ РФ, органами МВД, войсками национальной гвардии в сфере охраны Государственной границы Российской Федерации организуется в соответствии с «Инструкцией о взаимодействии ПС ФСБ Российской Федерации с органами внутренних дел Российской Федерации и внутренними войсками Министерства внутренних дел Российской Федерации в сфере охраны Государственной границы Российской Федерации» утвержденной приказом ФПС РФ и МВД РФ от 31 января 1995 года № 57/42.

В связи с тем, что: с 01.07 2003 г. указом Президента РФ упраздненная Федеральная Пограничная Служба РФ и ее функции переданы в ведение Пограничной Службы, созданной в соответствии с этим же Указом Федеральной Службы безопасности РФ; 20.07 2004 г. на основе Морской охраны ПС ФСБ России была образована Береговая охрана ПС ФСБ России; 05.04 2016 г. был создан самостоятельный орган исполнительной власти с широкими полномочиями [6, с. 46-51] и возможностями решать внутренние проблемы силовыми методами, созданный для совершенствования механизма государства [1, с. 15-26], укрепления безопасности России – войска национальной гвардии; с учетом военных хитростей, вооруженных силы Украины, которые все больше применяют вероломные действия, которые никак не могут быть оправданы, но информация о них необходима. К ним, по нашему мнению, необходимо отнести: использование источников сигналов GPS и сотовой связи; использование мессенджеров, сети интернет и камер видеонаблюдения; использование местных жителей и пособников; агитационные, дезинформационные действия, применение угроз; проведение имитационных действий; применение новых тактических приемов и технологий; вероломные действия; с учетом вхождения в состав Российской Федерации новых субъектов, требуется дальнейшее совершенствования системы организации и поддержания взаимодействия между Пограничной службой ФСБ, МВД, ВНГ РФ в сфере охраны Государственной границы РФ.

Так для разработки, согласования и утверждения новой межведомственной инструкции положений о взаимодействиях в выполнении служебных и боевых задач охраны государственной границы РФ необходимо разработка, согласование и утверждение новой межведомственной инструкции.

В этой инструкции предлагается определить основные формы взаимодействия. Вопросы взаимодействия пограничной службы с органами внутренних дел отражаются в планах взаимодействия, а с войсками национальной гвардии РФ – в планах применения при осложнении обстановки в мирное время. Взаимодействие необходимо уточнять в процессе организации охраны Государственной границы на соответствующий период, при разработке годовых планов, изменениях обстановки, состава сил и средств, а также в других необходимых случаях. Об уточнении взаимодействия производятся записи в планах применения при осложнении обстановки в мирное время.

В ходе совершенствования вопросов взаимодействия, с учетом опыта полученного при проведении СВО, автором предлагается согласовывать действия по следующим направлениям. В военно-политической сфере: состояние военно-политической обстановки в зоне ответственности; данные о действиях диверсионно-разведывательных групп, подразделений иностранных армий, националистических

формирований киевского режима действия, которые возможны в зоне ответственности. В общественно-политической сфере: анализ политической жизни в субъекте, наличие политических объединений, общественных движений и иных организаций цель их деятельности, статус, особое внимание предлагается обращать на связи данных организаций с иностранными государствами. В социально-экономической сфере: уровень социально-экономического развития региона. В криминогенной сфере: деятельность незаконных вооруженных формирований, бандгрупп направленная на подрыв суверенитета и территориальной целостности государства и преследующих иные преступные цели. В информационной сфере: наличие признаков информационно-психологического воздействия, противника на местное население и подразделения, а также наличие признаков информационно-технического воздействия (вирусы, программы-шпионы) обнаруженные в средствах АСУ.

При этом необходимо, всем силовым структурам, выполняющим задачи по охране и обороне госграницы [7, с. 120-139], постоянно изучать: обстановку в приграничной зоне, районе выполнения задач (общественно-политическая, социально-экономическая и оперативная), местное население; состав, вооружение, принадлежность и возможный характер действий противника (НВФ), националистов украинского режима; состояние, обеспеченность и возможности подчиненных подразделений; задачи и действия других сил и средств и территориальных органов войск национальной гвардии, взаимодействующих ФОИВ; особенности охраняемых объектов, перевозки грузов и другое.

Так, данные о местном населении могут включать следующую информацию: о численности населения и его плотности, этническом составе, особенностях материальной и духовной культуры, быта и нравов; об отношении населения к противнику, соотношении сочувствующих ему и настроенных по отношению к нему враждебно или нейтрально; другие данные, необходимые для определения отношения населения к войскам национальной гвардии.

Данные о задачах и действиях взаимодействующих территориальных органов, воинских формирований и органов включают информацию: о пунктах дислокации (районах расположения) территориальных органов, взаимодействующих воинских формирований и органов; об имеющихся в их распоряжении силах и средствах; задачах, выполняемых совместно с ними, и выделяемых для решения этих задач силах и средствах; о средствах связи и автоматизации, с помощью которых поддерживается взаимодействие, и о возможностях по наращиванию системы связи для его обеспечения; о порядке совместных действий в различных условиях обстановки, характере и возможных сроках оказания взаимопомощи в случае необходимости.

Не мало важным являются данные об экологической обстановке, которые должны включать: информацию об общем экологическом состоянии района (уровне загрязнения воды, почвы, воздуха в районе размещения (служебно-боевого применения) соединения (воинской части, подразделения). Данные о РХБ обстановке включают информацию: о разрушениях РХБОО, районах РХБ заражения; о мощностях доз излучения, типе токсичных химических веществ; о дозах облучения личного состава.

Определить, что в свою очередь органы внутренних дел и войска национальной гвардии в пределах своей компетенции информируют пограничные органы об оперативной обстановке вблизи госграницы. Пограничные органы информируют орга-

ны внутренних дел и войска национальной гвардии в части, их касающейся о введении усиленного порядка несения службы на границе, о нарушениях пропускного режима, задержании подозрительных лиц [9, с. 22-24] и т.д.

При введении усиленного режима пограничной службы, а также в случаях получения упреждающей информации о готовящихся противоправных действиях на Государственной границе, в пунктах пропуска через неё или в приграничных районах пограничные органы немедленно информируют об этом органы внутренних дел, войска национальной гвардии РФ. На участках, где вблизи Государственной границы проходят железные или автомобильные дороги, органы внутренних дел усиливают контроль участков замедленного движения поездов, районов производства работ на дорогах, оказывают помощь пограничным органам в контроле соблюдения пограничного режима на железнодорожных и автобусных станциях, находящихся в пределах пограничной зоны.

Так, при выработке конкретных форм применения ВНГ в «оказании содействия» предлагается исходить из общих полномочий войск [6, с. 46-51], закрепленных в ст. 9 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Таким образом можно говорить о том, что у современных войск национальной гвардии есть ряд преимуществ по сравнению с ПС ФСБ РФ. Прежде всего, это широчайший перечень полномочий, изложенных в ст. 9. ФЗ «О войсках национальной гвардии российской Федерации».

Эти права могут быть разделены на несколько групп. В первую очередь - «общее полномочие ФСВНГ в качестве органа исполнительной власти. Затем полномочия Национальной Гвардии. И далее полномочия управления структурными подразделениями ФССНГ, каждая из которых осуществляет свой спектр задач [10, с. 68-91]».

При правильной организации взаимодействия ФСБ и ППС ФСБ России значительную часть данных полномочий могут использовать в целях охраны границы Российской Федерации. Во-первых, в приграничных регионах страны, в регионах кризисного и этнического характера, где населения «сдержанно» относятся к деятельности пограничных органов. Таким образом, в условиях деятельности недружественных государств, в связи с проведением специальной военной операции на Украине, а также опыта полученного войсками в ходе участия в ней, требуется совершенствование нормативно-правовой базы в вопросах наделения войск национальной гвардии дополнительными полномочиями по выполнению задачи в охране и обороне Государственной границы [11]. В настоящее время «нетрадиционный» противник, нехарактерные для прежней деятельности войск внутреннего предназначения задачи обусловили необходимость на основе большого исторического опыта использовать новые организационные структуры, особую систему управления силами и средствами войск, иную тактику действий.

Автор полагает, что существует объективная необходимость переосмысления и переоценки деятельности войск национальной гвардии в современных условиях. При этом, исключительно важное значение приобретает практическая разработка форм применения и способов действий войск в конфликтных ситуациях «нового образца», выполненная на основе исследования и анализа опыта, приобретенного войсками НКВД в годы Великой Отечественной войны [12, с. 514-562], а также в ходе проведения специальной военной операции на Украине. Несомненно, что это потребует внесения серьезных корректив как в организационную структуру войск,

систему подготовки кадров и материально-технического обеспечения, так и в комплекс правовых актов, направленных на регулирование их деятельности при выполнении служебно-боевых задач [13, с. 38-47].

Хочется отметить, специальная военная операция проводится за пределами территории России, в ходе её проведения героически и мужественно выполняют боевые задачи военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии, но в непосредственной близости от её Государственной границы. Поэтому с учетом накопленного опыта Росгвардии и ФСБ России может быть рекомендовано разработать и принять межведомственный правовой акт, регламентирующий порядок оказания содействия войсками национальной гвардии пограничным органам в охране Государственной границы, способы и формы применения ВНГ РФ, а также порядок обеспечения взаимодействия между пограничными органами ФСБ России, воинскими частями (подразделениями) и органами ВНГ РФ, в том числе в условиях ведения боевых действий в непосредственной близости от российской границы.

Список литературы:

1. Зубарев, Н.В., Шеншин, В.М. Войска национальной гвардии Российской Федерации как элемент механизма государства. Участие войск национальной гвардии в обеспечении экологических функций государства [Текст] / Зубарев Н.В., Шеншин В.М. // Мир юридической науки. – 2017. – № 10-11. – С. 15-26.
2. Зубарев, Н.В. Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в системе противодействия гибридным угрозам [Текст] / Н.В. Зубарев // Право в вооруженных силах – Военно – правовое обозрение. – 2022. – № 3. – С. 82-89.
3. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 05.04. 2016 г. № 157 (ред. от 17.06.2019) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_872950/ (дата обращения 11.02.2022 г.).
4. Сальников, В.П., Борисов, О.С., Кондрат, Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <http://szocons.rosgvard.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=iocY9VT0yVyyOPcy1&cacheid=5FA98AA9765E1DD6AB524C23CFBC43D1&mode=splus&rnd=0.2913916907550539&base=CMB&n=18229#PIY9VTrsPEuro9/> (дата обращения 07.02.2023 г.).
5. Дерюгин, А. А. Режим контртеррористической операции: механизм и стадии правового регулирования / А. А. Дерюгин, Д. А. Никонов, В. В. Луценко // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 7(158). – С. 155-157.
6. Кудашкин, А.В., Кириченко, Н.С. О полномочиях военнослужащих (сотрудников) Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации на входение (проникновение) в жилое помещение [Текст] / А.В. Кудашкин, Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных силах. – 2017. – № 4(237). – С. 46-51.
7. Захарцев, С.И., Клименко, О.А., Мирзоев, А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности [Текст] / С.И. Захарцев, О.А. Клименко, А.К. Мирзоев, М.В. Сальников, И.Л. Третьяков // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
8. Беломестных, Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина [Текст]: Теоретический аспект: автореф. дис...канд. Юрид. Наук / Л.Л. Беломестных. – Москва: 2008. – 250 с.
9. Шеншин, В.М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности [Текст]: вопросы применения / В.М. Шеншин // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 22-24.
10. Литвинов, Н. Д., Скулаков, Р. М. О полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере охраны государственной границы российской федерации [Текст] / Н. Д. Литвинов, Р. М. Скулаков // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 68-91.
11. О Государственной границе Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 1993 г. № 4730-1-ФЗ (с изменениями от 26 июля 2019 года) // Рос. газета. – 1993. – №84.
12. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. М.: Юрид. лит., 1975. С. 544-562.
13. В.П. Григонис, Зубарев Н.В. Правовые основы участия войск национальной гвардии Российской Федерации как государственной военной организации в территориальной обороне и контртеррористи-

ческой операции // право в вооруженных силах — Военно — правовое обозрение. — 2022. — № 11. — С. 38-47.

Zubarev N. V. Powers of the national guard troops in protection of the state border of the russian federation in the conditions of activities of unfriendly states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2023. — Т. 9 (75). № 2. — P. 313-320.

The article analyzes the powers of the National Guard troops. It was noted that the troops of the National Guard lack the authority to protect the state border in the border zone of the Russian Federation. A special military operation is carried out outside the territory of Russia, but in close proximity to its state border. The main goals of the operation are to provide assistance to the people of the LPR and DPR, the demilitarization and denazification of Ukraine, and the elimination of threats to the military security of the Russian Federation from our Western «neighbor». Therefore, taking into account the accumulated experience of the Russian Guard and the FSB of Russia, it may be recommended to develop and adopt an interdepartmental legal act regulating the procedure for assisting the troops of the National Guard of the Border Service in protecting and defending the Russian border, methods and forms of using the VNG of the Russian Federation, as well as the procedure for ensuring interaction between border agencies FSB of Russia, military units (subdivisions) and bodies of the VNG of the Russian Federation, during the conduct of hostilities in the immediate vicinity of the Russian border.

Key words: powers, National Guard, National Guard troops, special military operation, interdepartmental legal act, demilitarization and denazification.

Spisok literatury:

1. Zubarev, N.V., SHenshin, V.M. Vojska nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii kak element mekhanizma gosudarstva. Uchastie vojsk nacional'noj gvardii v obespechenii ekologicheskikh funkcij gosudarstva [Tekst] / Zubarev N.V., SHenshin V.M. // Mir yuridicheskoy nauki. — 2017. — № 10-11. — S. 15-26.
2. Zubarev, N.V. Nekotorye voprosy uchastiya vojsk nacional'noj gvardii v sisteme protivodejstviya gibridnym ugrozam [Tekst] / N.V. Zubarev // Pravo v vooruzhennyh silah — Voенно — pravovoe obozrenie. — 2022. — № 3. — S. 82-89.
3. Voprosy Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii : Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.04. 2016 g. № 157 (red. ot 17.06.2019) // Konsul'tantPlyus : [sajt]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_872950/ (data obrashcheniya 11.02.2022 g.).
4. Sal'nikov, V.P., Borisov, O.S., Kondrat, E.N. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 03.07.2016 № 226-FZ «O vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) // Konsul'tantPlyus : [sajt]. URL: <http://szocons.rosgvard.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=iocY9VT0yVyyOPcy1&cacheid=5FA98AA9765E1DD6A-B524C23CFBC43D1&mode=splus&md=0.2913916907550539&base=CMB&n=18229#PIY9VTrsPEurro9/> (data obrashcheniya 07.02.2023 g.).
5. Deryugin, A. A. Rezhim kontrterroristicheskoy operacii: mekhanizm i stadii pravovogo regulirovaniya / A. A. Deryugin, D. A. Nikonov, V. V. Lucenko // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. — 2021. — № 7(158). — S. 155-157.
6. Kudashkin, A.V., Kirichenko, N.S. O polnomochiyah voennosluzhashchih (sotrudnikov) Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii na vohozhdenie (proniknovenie) v zhiloe pomeshchenie [Tekst] / A.V. Kudashkin, N.S. Kirichenko // Pravo v Vooruzhennyh silah. — 2017. — № 4(237). — S. 46-51.
7. Zaharcev, S.I., Klimenko, O.A., Mirzoev, A.K., Sal'nikov M.V., Tret'yakov I.L. Suverenitet rossijskoj Federacii: sovremennye ugrozy i obespechenie voennoj bezopasnosti [Tekst] / S.I. Zaharcev, O.A. Klimenko, A.K. Mirzoev, M.V. Sal'nikov, I.L. Tret'yakov // Mir politiki i sociologii. — 2017. — № 1. — S. 120-139.
8. Belomestnyh, L.L. Ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Tekst]: Teoreticheskij aspekt: avtoref. dis...kand. YUrid. Nauk / L.L. Belomestnyh. — Moskva: 2008. — 250 s.
9. SHenshin, V.M. Ofornlenie protokola ob administrativnom pravonarushenii dolzhnostnymi licami vojsk nacional'noj gvardii pri osushchestvlenii imi administrativno-yuridickejnojj deyatelnosti [Tekst]: voprosy primeneniya / V.M. SHenshin // Rossijskaya yusticiya. — 2020. — № 2. — S. 22-24.
10. Litvinov, N. D., Skulakov, R. M. O polnomochiyah vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v sfere ohrany gosudarstvennoj granicy rossijskoj federacii [Tekst] / N. D. Litvinov, R. M. Skulakov // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. — 2019. — № 6. — S. 68-91.
11. O Gosudarstvennoj granice Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 1 aprelya 1993 g. № 4730-I-FZ (s izmeneniyami ot 26 iyulya 2019 goda) // Ros. gazeta. — 1993. — №84.
12. Vnutrennie vojska v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg. Dokumenty i materialy. M.: YUrid. lit., 1975. S. 544-562.
13. V.P. Grigonis, Zubarev N.V. Pravovye osnovy uchastiya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii kak gosudarstvennoj voennoj organizacii v territorial'noj oborone i kontrterroristicheskoy operacii // право v vooruzhennyh silah — Voенно — pravovoe obozrenie. — 2022. — № 11. — S. 38-47.

УДК 343.137

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Иванова А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматривается понятие досудебного соглашения о сотрудничестве и особенности развития данного института в уголовном процессе Российской Федерации. Осуществлен краткий анализ применения «сделок с правосудием» в зарубежных странах, таких как: США, Франция, Германия, Италия. Становление института досудебного соглашения имеет различную природу, историю и форму реализации в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных стран.

Определено, что задача института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовно-процессуальном законодательстве в первую очередь состоит в стимулировании положительного поведения подозреваемого (обвиняемого), которое приведет к результату как для самого лица, так и для стороны обвинения в виде необходимой информации и не только, а также в обсуждении и согласовании условий сотрудничества лица со следствием. Для зарубежных стран в большинстве случаев главное – это признание вины и достижение согласия в вопросах квалификации и размеров наказания.

Установлено, что целью данного института является эффективное противодействие преступности, особенно ее организованным формам, а также выявление соучастников и организаторов, которых не привлекли к уголовной ответственности ранее.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовно-процессуальное законодательство, сделка с правосудием, обвиняемый, подозреваемый.

Изменения в экономике и социальной сфере, активные миграционные процессы влекут за собой и рост преступности, что, в свою очередь, требует переосмысления и реформирования отдельных институтов уголовного и уголовно-процессуального права.

Развитие и совершенствование института досудебного соглашения – нового уголовно-правового института, введенного в 2009 г. и именуемого в законодательстве зарубежных стран как «сделка с обвинением» («сделка с правосудием»), продолжается в Российской Федерации уже более 10 лет. Подобный механизм функционирует в уголовном процессе и других стран, в частности таких, как: США, Франция, Германия, Италия и др. – и показывает неплохие результаты в раскрытии преступлений. Однако отметим, что цель введения таких «сделок с обвинением» («сделок с правосудием») в России, в отличие от зарубежных аналогов, заключается в стимулировании положительных посткриминальных поступков, в том числе в усилении борьбы с организованной преступностью и коррупционными преступлениями [1].

Такая особенность института досудебного соглашения о сотрудничестве породила в научном сообществе ученых-процессуалистов и практических сотрудников множество споров и дискуссий. Ввиду этого различные проблемные аспекты реализации досудебного соглашения неоднократно становились предметом изучения в рамках диссертационных исследований (А.А. Алмирзаев, Д.В. Глухов, Н.Н. Гусева, Н.А. Дудина, Р.Р. Ковалев, Н.С. Костенко и др.), а также находили отражение в работах таких ученых, как: А.С. Александров, В.М. Быков, П.В. Вдовцев, И.М. Комаров, В.А. Лазарев, А.Г. Смолин, Л.Т. Ульянова, С.П. Щербы и др.

Целью института досудебного соглашения о сотрудничестве является эффективное противодействие преступности, особенно ее организованным формам, а также выявление соучастников и организаторов, которых не привлекли к уголовной ответственности ранее.

Обращаясь к практике зарубежных стран, отметим, что, например, в Германии, где институт соглашений в сфере уголовного производства существует с 2009 г., сделка должна быть заключена во время открытого судебного заседания с отражением условий в мотивировочной части судебного решения, субъектами сделки выступают суд, прокуратура, обвиняемый и его защитник [2].

Особое место, как основоположника сделки с правосудием, принадлежит Соединенным Штатам Америки. Подобные сделки применяются в 75–90 % всех дел [2], а по некоторым данным в 90–95 % [3], они утверждаются судом. В их основе лежит признание обвиняемым своей вины в обмен на переквалификацию совершенного преступления на менее тяжкое или на особое смягчение наказания.

Во французском уголовно-процессуальном законодательстве представлены два вида упрощенного производства, которые основываются на соглашении сторон: первое заключается между прокурором и лицом, подлежащим преследованию, до возбуждения уголовного дела и утверждается судом («composition penale»); второе – между прокурором и лицом, сделавшим заявление о признании вины, утверждается судом, основываясь на добровольности волеизъявления подсудимого («prealable de culpabilité») [2].

Итальянская «сделка с правосудием», берущая свое начало еще в 1980-х во время судебных процессов над мафиями, и сегодня существует в уголовно-процессуальном законодательстве Италии и представлена также в двух формах сокращенного производства, каждая из которых имеет свою специфику.

Основываясь на кратком анализе «сделок с правосудием» в зарубежных странах, таких как: США, Франция, Германия, Италия, – рассмотрим отдельные аспекты применения в российском уголовно-процессуальном законодательстве института досудебного соглашения, решающего в первую очередь задачу стимулирования положительного поведения подозреваемого (обвиняемого), которое приведет к результату как для самого лица, так и для стороны обвинения в виде необходимой информации, а также обсуждения и согласования условий сотрудничества лица со следствием.

Как видим, для зарубежных стран в большинстве случаев главное – это признание вины и достижение согласия в вопросах квалификации и размеров наказания. Ввиду этого можно утверждать, что российский уголовный процесс при применении данного института ставит более широкие цели и задачи, нежели в зарубежных странах [4].

Понятие досудебного соглашения закреплено в п. 61 ст. 5 УПК РФ [5] как соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Под сотрудничеством в уголовном процессе следует понимать носящее добровольный характер волеизъявление сторон для достижения определенной цели. При этом стороны должны взаимодействовать, решая проблемы, которые возникли при

расследовании уголовного дела. Что касается предмета досудебного соглашения, то в своих трудах доктор юридических наук, профессор А.С. Александров отмечает, что им может выступать только установление обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, к которой будет привлечен обвиняемый по итогам проведенного в отношении него предварительного следствия [6]. Но, как отмечают другие ученые-процессуалисты, в предмет также входят условия и способы сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) с правоохранительными органами. Лишь при качественном выполнении условий подозреваемый (обвиняемый) может рассчитывать на смягчение уголовной ответственности. Об этом говорится в ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ (назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств). Обязательства, конечно, распространяются как на сторону обвинения (указываются смягчающие обстоятельства, которые будут учитываться судом при назначении наказания), так и на самого подозреваемого (обвиняемого).

Институт досудебного соглашения отдельные исследователи определяют, как необходимый механизм содействия органам следствия в раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Подобную точку зрения в своих работах отстаивает Н.А. Дудина [7]. По ее мнению, разделяемому и другими специалистами в этой области, именно для этой категории преступлений досудебное соглашение о сотрудничестве применяется более продуктивно.

Рассматривая институт досудебного соглашения, необходимо отметить, что, с одной стороны, его относят к ускоренной, а с другой – к упрощенной форме судопроизводства. И хотя понятие «ускоренная» и «упрощенная» формы часто определяют как равнозначные, А.В. Смирнов считает такое сравнение некорректным, ссылаясь на такие основания: упрощение уголовно-процессуальной формы подразумевает пропуск определенных этапов и процедур, а ускорение возможно и без использования «упрощения», которое можно достичь при активной работе следователя. В данном случае сравнить досудебное соглашение о сотрудничестве, следовательно, можно именно с ускорением [8, 9].

Основываясь на изучении норм уголовно-процессуального законодательства, можно выделить такие элементы субъекта досудебного соглашения [10], включающие в себя: нормы права, определяющие и закрепляющие его статус; правоспособность и дееспособность; права и обязанности; законные интересы субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве; ответственность за неисполнение условий; гарантии прав и интересов.

Кроме того, в рамках рассмотрения досудебного соглашения в уголовном процессе Российской Федерации, отметим, что заключить его возможно как с лицом, которое находится в статусе подозреваемого, так и в статусе обвиняемого. Но, как показывает практика, статус подозреваемого является временным и в таком статусе досудебное соглашение почти не заключают. Нет смысла заключать соглашение с временным участником – подозреваемым, так как его статус еще окончательно не определен, тем более, что от статуса подозреваемого до статуса обвиняемого проходит, как правило, достаточно недлительное время.

Таким образом, проблемы, связанные с выявлением, раскрытием и расследованием преступлений, совершаемых в соучастии, главным образом и стали основанием для введения института досудебного соглашения о сотрудничестве. Следователю (дознавателю) необходимо доказать роль каждого участника в совершенном пре-

ступлении, указать на факт их сговора. Кроме того, все чаще в практике сталкиваются с интеллектуальным пособничеством, когда лицо не выполняет объективной стороны преступления и не принимает непосредственного участия в совершении преступления. Досудебное соглашение направлено на получение от обвиняемого или подозреваемого признательных показаний, что упрощает процесс доказывания соучастия и непосредственно расследование преступлений, совершенных группой лиц. Без таких показаний доказывание интеллектуального соучастия занимает немало времени. Именно из показаний подозреваемого и обвиняемого в дальнейшем возможно установить и проверить наличие обстоятельств, характеризующих субъективную сторону преступления (форму вины, мотив).

Институт досудебного соглашения можно считать квинтэссенцией принципа гуманности ввиду того, что реализация данного принципа заключается как в гуманном отношении к потерпевшему (например, возмещение ущерба), так и к лицу, совершившему преступление. Кроме того, соответствующие смягчения способствуют даче признательных показаний.

Таким образом, становление института досудебного соглашения имеет различную природу, историю и форму реализации в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных стран. В России его становление связано как с объективными трудностями при раскрытии и расследовании групповых преступлений, так и со сложностями расследования преступлений с пособничеством, в том числе интеллектуальным. Заключение досудебного соглашения является понятным, но в то же время сложным процессом, который включает в себя как организационные мероприятия (принятие ходатайства и его рассмотрение с защитником, подписание соглашения с прокурором), так и обсуждение позиции стороны защиты, и целесообразность применения данного института в конкретном случае. Заключение досудебного соглашения происходит при участии прокурора, в присутствии следователя, защитника и подозреваемого (обвиняемого).

Список литературы:

1. Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 2–3.
2. Вальшина И.Р. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме дознания с позиции зарубежного законодательства // Общество и право. 2017. № 2 (48). С. 204–209.
3. Агаев З.Р. Досудебное соглашение о сотрудничестве в России и других странах // Актуальные проблемы российского права. № 4. 2011. С. 253–263.
4. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: среди мифов и рифов // Досудебное соглашение о сотрудничестве: материалы научно-практич. конф. (Воронеж, 21-22 декабря 2009 г.). Вып. 6. Воронеж, 2010. С. 49–72.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1. УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3–11.
7. Дудина Н.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие и сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (60). 2013. С. 92–96.
8. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 345 с.
9. Ульянова И.Р., Горбенко Т.В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: проблемы теории и практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3. С. 246–251.

10. Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. 2017. С. 33–34.

Ivanova A. V. Pre-trial cooperation agreements in criminal proceedings in the Russian Federation and foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 321–325.

The article deals with the concept of pre-trial agreement on cooperation and peculiarities of development of this institute in criminal proceedings of the Russian Federation. A brief analysis of the application of “deals with justice” in foreign countries, such as: USA, France, Germany, Italy. The formation of the institution of pre-trial agreement has a different nature, history and form of implementation in criminal proceedings in the Russian Federation and foreign countries. It is determined that the task of the institute of pre-trial agreement on cooperation in the Russian criminal procedural legislation is primarily to stimulate positive behavior of the suspect (accused), which will lead to the result both for the person himself and for the prosecution in the form of necessary information and not only, but also to discuss and agree on the terms of cooperation of the person with the investigation. For foreign countries in most cases the most important thing is to admit guilt and reach an agreement on the qualification and amount of punishment. This institution has been found to be aimed at effectively combating crime, especially organised crime, and at identifying accomplices and agreement on cooperation organisers who have not previously been prosecuted.

Keywords: pre-trial, criminal procedure law, bargain with justice, accused, suspect.

Spisok literatury:

1. Kostenko N.S. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v ugovolnom processe: pravovye i organizacionnye voprosy zaklyucheniya i realizacii: avtoref. ... kand. jurid. nauk. CHelyabinsk, 2013. S. 2–3.
2. Val'shina I.R. Zaklyuchenie dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve pri rassledovanii ugovolnogo dela v forme doznaniya s pozicii zarubezhnogo zakonodatel'stva // Obshchestvo i pravo. 2017. № 2 (48). S. 204–209.
3. Agaev Z.R. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v Rossii i drugih stranah // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. № 4. 2011. S. 253–263.
4. Baev O.YA. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: sredi mifov i rifov // Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: materialy nauchno-praktich. konf. (Voronezh, 21-22 dekabrya 2009 g.). Vyp. 6. Voronezh, 2010. S. 49–72.
5. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 29.12.2022, s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
6. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Soglasenie o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya sushchnost' i voprosy tolkovaniya norm, vkhodyashchih v glavu 40.1. UPK RF // Ugolovnyj process. 2009. № 8. S. 3–11.
7. Dudina N.A. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: ponyatie i sushchnost' // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. № 4 (60). 2013. S. 92–96.
8. Smimov A.V. Tipologiya ugovolnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2001. 345 s.
9. Ul'yanova I.R., Gorbenko T.V. Uskorennoe dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnym delam: problemy teorii i praktiki // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2020. T. 6. № 3. S. 246–251.
10. Tisen O.N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve: avtoreferat dis. ... d-ra jurid. nauk. 2017. S. 33–34.

УДК 340

**К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ЦЕЛЯХ ПРИНЦИПА НАДЛЕЖАЩЕГО
ИЗВЕЩЕНИЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ И КЛАССИФИКАЦИИ
НАДЛЕЖАЩИХ ИЗВЕЩЕНИЙ**

Иванченко С. В.

ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Рассматриваются особенности института надлежащего извещения участников судопроизводства, характер и цели судебного извещения при рассмотрении данного института процессуального права. Проводится анализ связи между судебными извещениями и вызовами и делается вывод о взаимообусловленности, диалектической связи неразрывности судебных извещений и вызовов. Проводится классификация института надлежащего извещения лиц, участвующих в деле по целям такого извещения, степени императивности явки лица, которому направлено извещение, а равным образом по иным основаниям, которые выражаются исходя из особенностей процесса. В результате проведенной классификации делается вывод о необходимости адекватного, уместного и надлежащего применения того или иного типа надлежащих извещений. Делается вывод о том, что для различных типов надлежащих извещений, исходя из их природы и назначения, необходим различный уровень нормативной проработанности и различные механизмы реализации. Данный вывод приводит к заключению об относительности и подвижности институтов процессуального права.

Ключевые слова: надлежащее извещение, явка, судебные извещения, судебные вызовы, принцип процессуального права, ответчик, принцип надлежащего извещения, обеспечение явки, судопроизводство, суд, истец.

Процессуальное право, как, собственно, и сам процесс отправления правосудия, при понимании первого как системы правовых норм и формальных правил в пространстве судопроизводства, а второго как непосредственной реальности реализации своего статуса участниками судопроизводства, представляют собой динамическую систему, вне зависимости от того, насколько стремительно развивающимся либо сторнирующим представляется не вовлечённому наблюдателю современная ему правовая система.

При этом, судебный процесс, являет собой систему относительных категорий, понимание, значение и степень применения которых меняются в зависимости от современной такому процессу политической, социальной, экономической, культурной конъюнктуры.

Важность рассмотрения характерных особенностей, свойств, условий изменчивости формы и содержания института надлежащего извещения через классификацию надлежащих извещений позволит не только понять специфику применения данного института в различных процессуальных отраслях на различных стадиях судопроизводства, но и в целом проиллюстрирует сущность процесса как явления динамического, ситуативного.

Надлежащее извещение является инструментом, которым обеспечивается достижение целей судопроизводства, он позволяет реализовать не только объективное, всестороннее рассмотрение дела, но обеспечивает ряд процессуальных принципов. Соответственно данный институт является категорией формирующей процесс, обеспечивающей целостную систему судопроизводства, следовательно, допустимо причислять институт надлежащего извещения к системе процессуальных принципов.

Исследованию проблем института надлежащего извещения, в особенности его исследованию в качестве принципа судопроизводства, посвящено не так много научных работ, чтобы можно было говорить о достаточной разработанности данной темы. Тем не менее, в последнее время, исследования в данном направлении приобретают большую актуальность. Теоретическим и практическим аспектам извещения лиц, участвующих в деле, в своих работах уделяют особое внимание современные ученые-процессуалисты, в числе которых А. Т. Боннер, Е. А. Борисова, Г. А. Жилин, Е. В. Зайченко, А. В. Юдин, В. В. Ярков и др. М. А. Фокина анализирует инструмент судебных извещений и вызовов в аспекте относительности данного института к категориям презумпций либо фикций.

Особый интерес представляют работы М. Г. Цуцковой, которая анализирует институт надлежащего извещения как целостную систему, в самых различных аспектах ее проявления и применения. Тем не менее, институт надлежащего извещения не рассматривается учеными-правоведами как структурообразующий элемент процессуальной системы, как процессуальный принцип.

Полагаем, что такой подход при рассмотрении характера, свойств института надлежащего извещения, при приведении классификации надлежащего извещения, позволит переосмыслить подход к данному институту с точки зрения его значимости и дополнительно проиллюстрировать динамичность, подвижность процессуального права, в целом.

Процессуальное законодательство, в каждой из своих отраслей, с большей или меньшей степенью конкретизации, пояснения и описательности, закрепляет необходимость извещения сторон судопроизводства, которые являются его участниками, а также вызова их в судебное заседание.

Статьи 231, 232 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – «УПК РФ») закрепляют нормы о том, что «стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала» и «судья дает распоряжение о вызове в судебное заседание лиц, указанных в его постановлении, а также принимает иные меры по подготовке судебного заседания». Также, стоит указать, что в соответствии со статьей 112 УПК РФ: «при необходимости у подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего или свидетеля может быть взято обязательство о явке», а статья 113 УПК РФ закрепляет институт привода, состоящего в принудительном обеспечении явки («доставлении») лица в суд [1].

ГПК РФ, а равным образом Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – «АПК РФ») и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации посвящают судебным извещениям и вызовам отдельные главы (гл. 10, 12 и 9, соответственно).

Примечательно, что императивность требования о явке в судебное заседание в уголовном процессе более выражена, нежели в иных процессуальных отраслях, при этом нормы, которые регулируют данные отношения, менее содержательны. Представляется, что данное обстоятельство вызвано более авторитетным положением субъектов уголовного процесса, которые создают структуру процесса, то есть субъектов властных по отношению к субъектам-участникам.

По-иному дело обстоит в гражданском процессе. Здесь судья исполняет роль арбитра, третьей стороны, хоть и наделенной властными полномочиями и

представляющей государство в своем лице, тем не менее, с оговорками, воспринимаясь иными участниками судопроизводства в качестве *primus inter pares*. Такое положение судьи в цивилистических процессуальных отношениях требует более сложных механизмов для обеспечения явки сторон, участников судопроизводства.

Рассмотрим положения статьи 156 АПК РФ, начиная с пункта 2 указанной статьи. Так, в пункте 2 указанной статьи отмечено, что «стороны вправе известить арбитражный суд о возможности рассмотрения дела в их отсутствие» [2], очевидным образом данная норма ярко иллюстрирует уровень усмотрения сторонами исполнения тех или иных действий в рамках процесса, об этом свидетельствуют употребление слов «вправе», «возможность». В пункте 3 рассматриваемой статьи отмечается: «При неявке в судебное заседание арбитражного суда истца и (или) ответчика, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного разбирательства, суд вправе рассмотреть дело в их отсутствие». И далее, в пункте 4, указывается, что в случае, если в судебное заседание не явились лица, участвующие в деле, а их явка в соответствии с АПК РФ была признана обязательной арбитражным судом, суд может наложить на указанных лиц судебный штраф в порядке и в размерах, которые предусмотрены в АПК РФ.

Рассматривая приведенные выше нормы статьи 156 АПК РФ можно сделать вывод, что возможность разрешения судебного дела не ставится в зависимость от явки лица, участвующего в деле, такая зависимость носит, если в специально определенных судом случаях не потребуется иного, относительный характер. То есть обеспечение явки участником дела обязательным не является, если иное не определит суд, при этом мерой, в случае необходимости обеспечения явки участника процесса могут служить санкции в виде штрафа либо, применительно к истцу, оставлении судом иска без рассмотрения, если истец не явился повторно в судебное заседание и не предоставил соответствующего ходатайства о рассмотрении дела в его отсутствие либо об отложении судебного разбирательства. В пункте 5 рассматриваемой статьи закрепляется норма, в которой указано, что при неявке в судебное заседание иных лиц, участвующих в деле и надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного разбирательства, суд рассматривает дело в их отсутствие. Поверхностно анализируя приведенные выше нормы, можно заключить, что, в рамках цивилистического процесса, суд оказывает воздействие не непосредственно на самого субъекта, а опосредованно путем властного воздействия на его интересы, в том числе имущественные.

Цивилистический процесс, в силу того, что интерес его участников является частным, требует от последних исполнения всех тех действий, которые бы требовались для защиты такого интереса и обеспечение явки в судебное заседание относится к таким действиям. Так, вполне разумным представляется формальный подход, выраженный в том, что при не обеспечении явки истца, суд оставляет иск без рассмотрения, поскольку логика процессуального формализма подсказывает, что истец утратил интерес к иску, следовательно утратил интерес к судебной защите. Аналогичный подход наблюдается и по отношению к ответчику, при неявке которого суд имеет право рассмотреть дело *absente geo* (при условии надлежащего уведомления ответчика о месте и времени рассмотрения дела), неявка ответчика также может свидетельствовать об отсутствии интереса ответчика в судебной

защите.

На первый взгляд может показаться, что подход к извещениям и вызовам сторон в цивилистическом процессе сводится к формальности в виде надлежащего извещения, что обеспечивается за счет наличия документально подтвержденного факта соблюдения требуемой процедуры уведомления. Тем не менее, однократной неявки в процесс ответчика недостаточно суду для рассмотрения дела в его отсутствие, суд при неявке сторон извещает их повторно, откладывая судебное разбирательство, что вызвано интересом суда в объективном и всестороннем рассмотрении дела, с целью соблюдения требования к законности и обоснованности судебного решения.

Необходимо отметить, что надлежащее извещение включает в себя не только непосредственно информацию о процессе [3, с. 9-10], как на это указывает М. Г. Цуцкова, но и вызов, то есть волеизъявление властного субъекта, направленное на обеспечение явки.

На наш взгляд, извещение и вызов находятся в неразрывной диалектической связи и выступают переменными по отношению друг к другу в заданной системе процессуальной функции, где изначально заданный волей извещающего субъекта алгоритм по значению намерения такого субъекта представляет соответствующие выходные данные. То есть, вызов в извещении выражен с большей или меньшей степенью конкретизации и императивности, что зависит от установленных законодательством правил извещения, степенью императивности вызова, необходимой для процесса и так далее.

Как отмечает М. Г. Цуцкова различие извещения и вызовов состоит в том, что первые направлены на предоставление информации участнику судопроизводства, что направлено на обеспечение его прав на защиту своих интересов, в то время как вызовы направлены на совершение определенных установленных законом действий «в интересах разбирательства конкретного гражданского дела (уведомление об обязанности)» [3, с. 16]. Ревков В. С., Рухтина В. С. отмечают необходимость законодательного различения институтов судебных извещений и вызовов, полагая, что реализация данного различия «устранит и облегчит часть существующих в правоприменительной практике проблем, а также сделает более эффективным правовое регулирование в сфере судебных извещений и вызовов» [4, с. 575].

Допустимо отметить, что такой подход усложняет различие инструментов, направленных на обеспечение информативности и явки в рамках судопроизводства, поскольку извещения и вызовы обычно оформляются одним документом. Полагаем, что дифференциацию необходимо производить в рамках самого института извещений, поскольку извещения могут носить информативный, побудительный, обязательственный либо смешанный характер, то есть в извещении имманентно закладывается институт вызова (в той степени, насколько это вызвано сущностью процесса в целом и акциденциями конкретного дела).

При поверхностном рассмотрении характера извещения сторон в процессуальном праве очевидно наличие различных подходов к такому извещению. Данное различие необходимо привести в определенную систему, которая бы позволила классифицировать характер и назначение извещения сторон в процессуальном праве.

В части 1 ст. 123 АПК РФ предусмотрено, что лица, участвующие в деле,

считаются извещенными надлежащим образом, если к началу судебного заседания арбитражный суд располагает сведениями о получении адресатом копии определения о принятии искового заявления к производству и возбуждении производства по делу, направленной ему в порядке, установленном АПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе. Также, в ч. 4 ст. 123 АПК РФ установлено, что лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса также считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом, если судом соблюден ряд приводимых в данной норме формальных правил.

Именно соблюдение данных правил в целом обеспечивает надлежащее извещение сторон. Но возможно ли говорить о том, что извещение надлежащее, если участник судопроизводства не обеспечивает свою явку в суд, если таковая явка обязательна. Утверждать то, что, в случае однократного формального извещения участника, суд может рассмотреть дело, нельзя, поскольку будут нарушены принципы объективности и законности судебного решения, всесторонности рассмотрения дела.

Судебные извещения, вызовы, целью которых является побудить сторону к непосредственному участию в процессе, выразить свой возможный, предполагаемый интерес, представить суду сведения, имеющие значение для дела обозначим в качестве инвокативных извещений. Судебное заседание при инвокативном извещении может быть проведено, при согласии иных участников, при наличии достаточных данных о фактическом уведомлении соответствующей стороны. Таким образом, результат рассмотрения дела, а также вопросы о всестороннем и объективном рассмотрении дела, при таком извещении, не могут быть поставлены в зависимость от явки участника судопроизводства, равным образом, в рамках процесса, где применяется инвокативное извещение, нет необходимости даже в отложении судебного разбирательства в связи с неявкой извещенного участника.

Обратимся к этимологии избранного наименования данного типа извещений. Так, прилагательное «инвокативный», образованное от слова «инвокация», восходит к латинскому глаголу «*invoco*» основное значение которого сводится к глаголам «призывать», «приглашать», в свою очередь «*invocatio*» означает «призывание» [5].

Именно инвокативные извещения в рамках судопроизводства носят формальный характер. Извещение инвокативной природы считается надлежащим, если соблюдены формальные, закрепленные законодательно, требования к надлежащему извещению. При наличии почтовых извещений о вручении вызова в суд соответствующему лицу процесс может быть проведен и в отсутствии такого лица.

Инвокативность по своей природе обеспечивает возможность реализации права истца на судопроизводство, иначе при игнорировании участниками дела судебных извещений, требований о явке в процесс, дело не было бы рассмотрено либо его рассмотрение не могло бы быть окончено, ввиду постоянных отложений судебного разбирательства по причине неявки участников. Цуцковой М. Г. отмечается: «извещение участвующих в деле лиц характеризуют также как правообразующий юридический факт, то есть как условие, позволяющее суду совершать те или иные процессуальные действия» [6, с. 90].

Использование надлежащего извещения invocativного характера обеспечивает права истца, а равным образом обеспечивает объективность и всесторонность рассмотрения дела, так, применение такого формального подхода вполне разумно. Invocative извещения выступают инструментом, обеспечивающим осуществление судопроизводства, возможность его реализации при отсутствии какого-либо из участников, то есть invocative вступает в процесс тогда, когда возникает препятствие в рассмотрении дела в виде неявки участников.

Переходя к следующему типу надлежащих извещений отметим, что описывая судопроизводство в римском праве, И. А. Покровский указывает: «... для начала процесса непременно необходимо личное присутствие как истца, так и ответчика» [7, с. 61], и далее: «характерной чертой древнеримского права служит то, что государственная власть сама не вызывает ответчика и не принуждает его в случае упорства к такой явке; доставить ответчика на суд — это дело самого истца» [7, с. 61-62]. Инструментом обеспечения явки ответчика служил институт *in jus vocatio*, в соответствии с которым истец мог потребовать у ответчика явиться в суда там, где ответчик встретится истцу. «В случае отказа истец должен опротестовать этот отказ перед свидетелями и задержать ответчика силой; в случае сопротивления или попытки к бегству, ответчик подлежит *manus injectio*, то есть делается как бы приговоренным по суду в полное распоряжение истца.» [7, с. 63], пишет И. А. Покровский.

Институт *in jus vocatio* легисакционного процесса в римском праве, описываемый И. А. Покровским, служит ярким примером надлежащего извещения второго типа.

Несмотря на то, что обязанность обеспечения извещения и явки ответчика лежала на истце, это не изменяет характера такого извещения. Именно вынуждение участника судопроизводства явиться в процесс, применение к нему властного понуждения, характеризует принцип надлежащего извещения второго типа, который полагаем возможным наименовать эвокативным.

В рамках такого извещения, участник считается надлежащим образом извещенным, когда ему предписано обязательство о явке в процесс и такое извещение фактически вручено и такой участник фактически извещен, извещен не только о процессе и своей обязанности явиться, но и последствиях такой неявки.

Для более полного понимания применяемой в рамках настоящего изложения терминологии, вновь обратится к ее этимологическим началам. У латинского глагола «*evoco*» довольно вариативный спектр значений, приведем, те, которые имеют значение для настоящего изложения. Так, глагол «*evoco*» означает «звать», «вызывать», «извлекать», «вытягивать». Очевидны различия в степени побуждения объекта к которому применяется данный глагол, степень императивности данного глагола более существенна нежели предыдущего. В свою очередь существительное «*evocatio*» означает «вызов», «вызывание» [5].

Очевидно, что эвокативное извещение носит сугубо императивный характер и призвано обеспечить явку в судопроизводство той стороны, которой такое извещение адресовано.

Подобное извещение максимально реализовано в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальное законодательство на высоком уровне нормативности закрепляет механизмы обеспечения явки участников процесса в суд. Например, в статье 112 УПК РФ предусмотрен институт обязательства о явке. Так, нормами

указанной статьи закреплено, что при необходимости у подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего или свидетеля может быть взято обязательство о явке. Кудрина Е. В. указывает, что обязательство о явке включает в себя две обязанности лица в отношении, которого она применяется, а именно: обязанности своевременно являться по вызовам и незамедлительно сообщать о перемене места жительства [8, с. 254]. Обязательство о явке таким образом обеспечивает исполнимость принципа надлежащего извещения стороны путем отобрания у лица обязательства об исполнении своего обязательства явиться в процесс.

Следовательно, нельзя говорить о том, что эвокативные извещения носят только информативный характер, при получении извещения подобного рода у лица возникают обязательства в виде обеспечения своей явки в процесс. Подобные извещения необходимы, когда без явки вызываемого лица невозможно установить объективную истину, получить необходимые для разрешения дела сведения, при этом процессу необходимо непосредственное присутствие вызываемого лица.

Из рассматриваемых в настоящем изложении типов принципа надлежащего извещения, эвокативные извещения являются наиболее императивными и наиболее обеспеченными мерами процессуального принуждения. В отличие от инвокативных извещений, целью эвокативных извещений, в современном судопроизводстве, зачастую является соблюдение интереса государства, общества, а также законности и правопорядка.

Последовательно осуществляя классификацию надлежащего извещения, выделим третий тип надлежащего извещения, сущность которого заключается в пробуждении интереса участника процесса к непосредственному участию в судопроизводстве. То есть, суд провоцирует лицо принять участие в процедуре отправления правосудия через указание такому лицу на его возможный интерес. Участие в процессе может быть обеспечено как посредством явки в судебное заседание такого лица либо направлением в суд своей позиции, изложенной в письменном виде.

Таким образом, обозначим третий тип извещений как провокативный. Латинский глагол «*рговосо*» означает «побуждать», «вызывать», «подстрекать», в свою очередь, существительное «*рговосатио*» имеет два значения: «вызов», а также «апелляция», «обжалование» [5].

В качестве примера реализации провокативного принципа надлежащего извещения можно привести дела об установлении факта принятия наследства, в которых ответчиком зачастую является орган местного самоуправления. При том, что интерес органа местного самоуправления подразумевается противоположным интересом истца (наследника) в части приобретения права собственности на имущество, при наследовании которого, наследником был пропущен срок для подачи заявления нотариусу, тем не менее судам вполне достаточным представляется наличие письменной позиции такого ответчика, при этом даже отсутствие такой позиции не является препятствием для рассмотрения дела по существу. Однако, перед судом стоит задача выяснения такого интереса органа местного самоуправления к наследуемому имуществу (состоит ли оно на балансе муниципального образования и так далее).

Еще одним примером могут служить нормы ст. 131 АПК РФ, в которых указывается на обязанность ответчика предоставить суду отзыв на исковое

заявление, который должен содержать «возражения относительно каждого довода, касающегося существа заявленных требований, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, а также на доказательства, обосновывающие возражения», при этом, согласно ч. 1 ст. 156 АПК РФ, непредставление отзыва не является препятствием к рассмотрению дела. В направляемом стороне извещении суд указывает на обязанность, предусмотренную ст. 131 АПК РФ, при этом, судя по нормам ст. 156 АПК РФ, такая обязанность ответчика относительна и служит лишь для побуждения данного участника судопроизводства обозначить свои законные интересы в процессе.

То есть суд, в рамках провокативного извещения, не только информирует участника судопроизводства о том, что лицо приобрело процессуальный статус, о месте и времени проведения судебного заседания, но и побуждает лицо обнаружить суду и иным участникам свой интерес в отношении предмета спора.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что принцип надлежащего извещения является сложной структурой, которая порой может иметь крайне различный характер. Требования к надлежащему извещению, его характер, признаки, цели меняются исторически, в зависимости от реальной политической, социальной и иной значимой конъюнктуры. Равным образом отмеченные характеристики надлежащего извещения могут меняться в рамках различных процессуальных отраслей.

В целях выявления оптимальных механизмов осуществления судопроизводства через реализацию принципа надлежащего извещения, в настоящем изложении была представлена классификация надлежащего извещения в зависимости от степени выраженности необходимости явки участника судопроизводства, императивности такой явки, признаков надлежащего извещения и собственно целей такого извещения.

Является ли извещение информативным, информативно-побудительным, обязывающим к явке, обеспечивает ли явка участника процесса формализм судопроизводства, интересы государства и общества, частные интересы истца или ответчика возможно определить выстроив систему классификации принципа надлежащего извещения. Выделение invocативных, эвокативных и провокативных извещений позволяет понять не только характер процесса, характер и степень затрагиваемых прав и законных интересов участников процесса, но и равным образом позволяют более глубоко понять сущность системы процессуальных принципов и фундаментальные категории и механизмы процессуального права, которое является системой, требующей для реализации поставленных перед ней задач, постоянного и непрерывного развития, которое, в частности, проявляется в отсутствии догматичности и гибкости подходов к применению различных процессуальных институтов.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.05.2022). — Текст : электронный // СПК "КонсультантПлюс" : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.06.2022);
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022). — Текст : электронный // СПК «КонсультантПлюс» : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.06.2022).

3. Цуцкова М. Г. Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве : специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цуцкова М. Г. ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов, 2015. – 28 с. – Текст : непосредственный.
4. Ревков В. С., Рухтина В. С. Извещения и вызовы в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 10. – С. 567-575 – Текст: непосредственный.
5. Большой латинско-русский словарь по материалам словаря И. Х. Дворецкого // Большой латинско-русский словарь URL: <https://linguaeterna.com/vocabula/alph.php> (дата обращения: 15.06.2022).
6. Цуцкова М. Г. О понятии судебных извещений и вызовов в гражданском судопроизводстве // Современное право. - 2014. - №10. - С. 90-96 - Текст: непосредственный;
7. Покровский И. А. История римского права. - СПб.: Летний сад, 1998. - 560 с.
8. Кудрина Е. В. Порядок применения отдельных мер процессуального принуждения в виде обязательства о явке и его совершенствование // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2010. - №4. - С. 254-257 - Текст: непосредственный.

Ivanchenko S. V. On the question of the nature and purposes of the principle of due notification of persons participated in the case and classification of the due notices // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 326–334.

The features of the institution of proper notification of participants in legal proceedings, the nature and purpose of judicial notification when considering this institution of procedural law are considered. An analysis of the relationship between court notices and calls is carried out and a conclusion is made about the interdependence, the dialectical connection of the continuity of court notices and calls. The classification of the institution of proper notification of persons participating in the case is carried out according to the purposes of such notification, the degree of imperativeness of the appearance of the person to whom the notification was sent, and also on other grounds, which are expressed based on the characteristics of the process. As a result of the classification, a conclusion is made about the need for adequate, appropriate and proper application of one or another type of appropriate notices. It is concluded that for different types of proper notices, based on their nature and purpose, a different level of regulatory sophistication and different implementation mechanisms are required. This conclusion leads to the conclusion about the relativity and mobility of the institutions of procedural law.

Keywords: due notice, appearance, court notices, court summons, principle of procedural law, defendant, principle of due notice, attendance, legal proceedings, court, plaintiff.

Spisok literatury:

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 25.03.2022, s izm. ot 19.05.2022). — Текст : elektronnyj // SPK "Konsul'tantPlyus" : [sajt]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashcheniya: 15.06.2022);
2. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 30.12.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.01.2022). — Текст : elektronnyj // SPK «Konsul'tantPlyus» : [sajt]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (data obrashcheniya: 15.06.2022);
3. Cuckova M. G. Informacionnoe obespechenie v grazhdanskom sudoproizvodstve : special'nost' 12.00.15 «Grazhdanskij process; arbitrazhnyj process» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / Cuckova M. G. ; FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». — Saratov, 2015. — 28 s. — Текст : neposredstvennyj.
4. Revkov V. S., Ruhtina V. S. Izveshcheniya i vyzovy v grazhdanskom processe // Voprosy rossijskoj yusticii. — 2020. — № 10. — S. 567-575 — Текст: neposredstvennyj;
5. Bol'shoj latinsko-russkij slovar' po materialam slovarya I. H. Dvoreckogo // Bol'shoj latinsko-russkij slovar' URL: <https://linguaeterna.com/vocabula/alph.php> (data obrashcheniya: 15.06.2022);
6. Cuckova M. G. O ponyatii sudebnyh izveshchenij i vyzovov v grazhdanskom sudoproizvodstve // Sovremennoe pravo. - 2014. - №10. - S. 90-96 - Текст: neposredstvennyj;
7. Pokrovskij I. A. Istoriya rimskogo prava. - SPb.: Letnij sad., 1998. - 560 s.;
8. Kudrina E. V. Poryadok primeneniya otdel'nyh mer processual'nogo prinuzhdeniya v vide obyazatel'stva o yavke i ego sovershenstvovanie // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. - 2010. - №4. - S. 254-257 - Текст: neposredstvennyj.

УДК 340.1

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Луценко В. В.

*Санкт-Петербургский военный орден Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

Чрезвычайное правовое регулирование по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с террористической деятельностью, в современных условиях, приобретает особое значение в качестве средства охраны общества и государства, поддержания уровня национальной безопасности на должном уровне. Изучение проблем обычного, чрезвычайного и особого правовых режимов, в том числе правового режима контртеррористической операции, предполагает критический анализ, а также изучение этих правовых явлений в практическом и концептуальном плане. Этот процесс осуществляется с целью получения теоретических знаний, с помощью которых можно как можно полнее изучить сущность различных видов правовых режимов, получить исчерпывающий перечень данных об этих явлениях, в том числе наиболее полную юридическую характеристику.

Ключевые слова: теория права, правовые режимы, механизм правового регулирования, критический анализ, контртеррористическая операция, правовые средства, юридическая техника.

Понятие «правовой режим контртеррористической операции» применяется в юриспруденции в общей теории права, в его различных отраслях, в содержании нормативных правовых актов в первую очередь направленных на урегулирование вопросов, связанных с противодействием терроризму. Правовая категория «правовой режим контртеррористической операции», при достаточно широком применении в разделах дисциплины основы теории национальной безопасности, административно права, является крайне изученным [4, с. 120-139]. В отраслях права правовые категории «правовой режим» и «чрезвычайный правовой режим» в основном применяются к субъектам права, их видам деятельности, объектам регулируемых данными правовыми режимами правоотношений [3, с. 120-139].

Изучение чрезвычайных правовых режимов зачастую проводится без поиска их истинной сущности, всестороннего теоретического изучения данной категории, где происходит только отражение его содержания, законодательного закрепления и т.д. Таким образом, необходимость научного анализа правовых явлений «правовой режим контртеррористической операции» и «чрезвычайные правовые режимы», с соблюдением основных руководящих идей и положений, используемых при познании предметов теории права, сегодня является актуальным [9, с. 70-75].

Изучение определенного порядка правового регулирования общественных отношений при урегулировании общественных отношений в сочетании взаимодействующих между собой запретов и дозволений, позитивных обязываний, в том первоначальном виде, как они существуют, восходит к периоду архаической эпохи Древней Греции и позднее к продолжившим их греческие традиции Древнеримским ученым. К первым авторам, в чьих работах было первое упоминание о правовых режимах, формирования воззрений о них и понимания их в социально-политическом смысле, стали работы Платона, Лукреция, Панетия, Аристотеля, Цицерона и др. Дальнейшее изучения правовых режимов получило свое продолжение в научных трудах фило-

соффов и ученых в области истории государственного и публичного права: Ф. Аквинского, Л. Дюги, А. Эсмен и др. [1].

При изучении правового режима контртеррористической операции особое внимание должно обращаться на тот комплекс общественных отношений и существующих правовых явлений, на которые направлено его действие. К примеру, состояние глобальной безопасности постоянно находится под воздействием деструктивных кризисов, создаваемых террористическими организациями. Военно-политическая обстановка в стране также не является стабильной, в связи с чем от государства требуется постоянное использование правовых средств, непосредственно направленных на помощь при противодействии терроризму, который представляет реальную угрозу интересам национальной безопасности. Таким образом, государству необходимо регулирование общественных отношений в условиях постоянно нарастающей террористической опасности. Свое особое место среди чрезвычайных правовых режимов занял именно правовой режим контртеррористической операции. Данному правовому режиму присущ весь набор правовых средств, направленных на своевременную ликвидацию и (или) минимизацию последствий проявлений угрозы терроризма [5, с. 1102-1103].

В ходе изучения правового режима контртеррористической операции подлежит более подробно разработать его понятийный аппарат, представить на общетеоретическом уровне его роль и место в механизме правового регулирования государства с отражением ее в теоретико-правовой модели. При теоретико-правовом моделировании автор предлагает создание такой модели, в которой будет воплощено представление обо всех составных частях правового режима контртеррористической операции, как в его общем понимании, так и в сравнении с другими экстраординарными правовыми режимами.

При изучении сущности правового режима контртеррористической операции, автор рассматривает его общие закономерности, отличительные признаки, принципы, на которых он основывается и функционирует, методы и механизм, который позволит определить его самостоятельную юридическую категорию.

В процессе системного и комплексного общетеоретического изучения правового режима контртеррористической операции, следует особое внимание обратить на проведение анализа и сравнительной характеристики ранее представленных научных результатов об этом правовом явлении. Данный анализ позволит выработать научно-практические рекомендации по изучению данного правового режима, тем самым показать отличительные стороны от других смежных юридических категорий, определить его индивидуальные особенности и признаки, которые позволят считать его самостоятельным правовым явлением.

В процессе научного изучения правового режима контртеррористической операции, следует включать весь комплекс взаимосвязанных приемов и способов, которые позволят осуществить всестороннее изучение данного государственного-правового явления. К таким методам следует отнести общенаучные (анализ и синтез, моделирование, системно-структурный, функциональный подходы), специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой метод и метод толкования норма права) и частные методы. Использование представленных методов, позволит познать, каким образом следует интерпретировать и логически познавать юридическую категорию – правового режима контртеррористической операции во всех его

проявлениях.

Остановимся на тех принципах, на которых основывается познание всех правовых режимов, в том числе и экстраординарных. К основополагающим отнесем такие принципы, как историзма, объективности, универсальности и плюрализма. Руководствуясь в научном анализе принципом историзма, предполагается изучение правовых режимов как «изменяющееся правовое явление во времени», и должен рассматриваться в динамике исторического развития всего права и наиболее ярких событий связанных с проявлением терроризма. Принцип плюрализма показывает возможность использования различных идейно-теоретических подходов, концепций, которые могут содержать противоречивые суждения и мнения относительно понимания правового режима контртеррористической операции.

Получение предельно достоверной информации об изучаемом правовом режиме, используя по возможности только объективные факторы, реализуются в принципе объективности. Влияние субъективных факторов, таких как: личное мнение, традиции, общественное отношение должны сводиться к минимуму.

Рассматривая сущность и содержание правового режима контртеррористической операции, обратимся к генезису терминов «режим» и «правовой режим».

Этимология термина «режим» берет свое начало от французского языка, и дословно переводится как «правление, управление». Семантическим свойством слова «режим» является отличительная характеристика его значения, которая служит для различения его значения от других слов. Таким образом, значением к семантическим свойствам термина режим, следует отнести государственно-политический строй, образ правления, условия существования, функционирования, деятельности чего-либо. Далее остановимся на информации, которая представлена в юридическом словаре и дадим определение «правовому режиму», которое применяется в юриспруденции.

Таким образом, правовой режим, согласно БЮС, это специальный порядок регулирования общественных отношений, в котором сочетаются конкретно определенные юридические средства, направленные на создание желаемого состояния в обществе и конкретной степени позитивности или неблагоприятности в процессе удовлетворения интересов человека, общества и государства. В процессе познавательной процедуры, посредством постижения действительности мышления относительно значения термина «правовой режим», получило свое начало после публикации научных трудов О.С. Иоффе и С.С. Алексеева. Ученные впервые определили данную категорию в контексте комбинирования различных типов правового регулирования и сопутствующих им проблемам.

Эволюция юридической категории «правовой режим» раскрывается при изучении основных подходов к ее пониманию. По мнению В.Б. Исакова, «правовой режим» представляет собой такой социальный режим объекта, при котором он обеспечивается правовыми нормами и сочетанием конкретно определенных юридических средств. В свою очередь С.С. Алексеев под данной категорией понимает определенный порядок регулирования, который выражается в процессе синтеза позитивных обязываний, дозволений и запретов. Все эти составляющие в комплексе создают обособленную направленность регулирования. Трудно не согласиться с позицией Л.А. Морозовой, которая утверждает то, что правовой режим проявляется в одной из отраслей права, которая предназначена для урегулирования специфиче-

ских общественных отношений. При этом урегулирование происходит при использовании определенного набора юридических средств, органично сочетающихся в единой системе и, как итог, достигается определенный результат такого воздействия. В свою очередь Н.И. Малько и А.В. Матузов считают, что под правовым режимом следует понимать специфичный порядок регулирования, выражающийся в процессе создания желаемой социальной обстановки. В подобной обстановке должен быть достигнут такой уровень благоприятности или же неблагоприятности, который будет способствовать удовлетворению интересов человека, общества или государства [8, с. 17].

Использование в терминологии юридических дисциплин такой дефиниции как «режим», показывает его теоретическую и практическую важность при раскрытии основных правовых явлениях. При этом, в ходе критического анализа точки зрения различных авторов относительно «правового режима», авторы статьи приходят к выводу, что в понимании сущности правового режима у ученых занимавшихся изучением этого вопроса, отсутствует единство и достаточное теоретическое воззрение его основ и содержания.

Исходя из проведенного исследования, следует отметить то, что правовой режим, независимо от условий его функционирования и общественных отношений, предназначенный регулировать, является многосторонним правовым явлением, со сложной структурой и имеет определенный набор специфических средств правового регулирования. Любой правовой режим должен иметь нормативное закрепление и тесно переплетаться со специфической группой общественных отношений, который в свою очередь будут являться предметом его правового регулирования. Регламентация действия правовых режимов закреплена в соответствующих нормативных правовых актах, в содержание которых включено подробное «руководство» по их применению.

Используемый метод теоретико-правового моделирования, входящий в группу частноправовых методов (на примере правового режима контртеррористической операции, позволил авторам представить модель механизма правового регулирования общественных отношений в условиях противодействия терроризму.

Так как право является разносторонним явлением, то его главной целью является регулирование общественных отношений, формирующихся в различных правовых реалиях. При этом, с другой стороны, право следует определять как специфическое средство для решения наиболее значимых проблем и задач, стоящих перед личностью, обществом или государством. Такого рода правопонимание при исследовании правовых средств, осуществляется инструментально. При всем многообразии проблем, связанных с функционированием правовых средств, в первую очередь заслуживает внимания общетеоретическая проблема.

Все правовые режимы представляют собой определенную группу правовых средств, предназначенных для регулирования общественных отношений при удовлетворении наиболее значимых интересов субъектов права. Цели, которые ставятся перед правовыми режимами, могут быть различными, но в итоге они сводятся к единому – беспристрастной упорядоченности общественных отношений.

Рассмотрим механизм правового регулирования, который представляет собой систему правовых средств, находящихся в тесной взаимосвязи между собой, и имеющих общую цель – решение определенных проблем, которые возникают на пути

удовлетворения интересов личности, общества и государства.

Определение термина позволяет понять, что механизм правового регулирования контртеррористической операции имеет основную цель – упорядочивание и регулирование общественных отношений, возникающих в процессе противодействия терроризму, ликвидации и (или) минимизации последствий терроризма [6, с. 371-374]. Однако, как отмечает Э.Ф. Мамедов, среди научного сообщества нет единого мнения о том, стоит ли признавать юридическую технику одним из компонентов механизма правового регулирования, или же наоборот стоит ли считать механизм правового регулирования одним из элементов юридической техники [7, с. 293-297]. В структуру механизма правового регулирования режима контртеррористической операции входят правовые средства, которые действуют в единой взаимосвязи между собой. Определение вида правовых средств, содержащихся в том или ином правовом режиме, зависит от характера движения интересов субъектов права к определенным ценностям, а также присутствием препятствий, стоящих на их пути.

Правовое регулирование в условиях противодействия терроризму протекает в следующих стадиях с присущими им элементами: 1) Нормы права. 2) Юридические факты или фактические составы. 3) Правоотношения. 4) Акты реализации прав и обязанностей. 5) Охранительный правоприменительный акт.

На 1-й стадии формируются определенные правила поведения, при соблюдении которых возможно удовлетворение интересов субъектов права в условиях террористической угрозы. На данной стадии определяется не только круг наиболее значимых интересов субъектов права и правоотношений, но рассматриваются возможные препятствия на пути правового регулирования при противодействии терроризму. В связи с этим законодатель определяет, как правило, исчерпывающий перечень, входящий в один из элементов механизма правового регулирования режима контртеррористической операции – правоотношения, возникающие между субъектами права. Первая стадия выражается в нормах права, составляющих механизм правового регулирования противодействия терроризму.

На 2-й стадии происходит в первом случае определение конкретных юридических фактов, при наступлении которых правовой режим начинает свое действие, во втором – вступление в силу организационно-исполнительного правоприменительного акта, который позволяет перейти от общих правил поведения к более конкретным. Главным элементом, юридическим фактом, наступление которого приводит в действие правовой режим контртеррористической операции, является обстоятельство угрозы совершения террористического акта. В ходе применения правового режима контртеррористической операции должны быть достигнуты следующие цели: пресечение террористического акта; раскрытие террористического акта; минимизация или ликвидация последствий терроризма; защита жизненно важных интересов субъектов права.

Поэтому для начала действия правового режима контртеррористической операции необходимо наступления либо одного юридического факта в виде угрозы терроризма, либо целой системы юридических фактов. При этом реальная угроза терроризма должна быть решающим юридическим фактом, который служит законным основанием для руководителя контртеррористической операции о начале ее проведения. В случае отсутствия определенных обстоятельств, являющихся основанием для введения правового режима контртеррористической операции, создаются опре-

деленные препятствия, которые следует характеризовать в формальной (законной) и содержательной стороны. Проблема теряет свою силу в случае наступления определенных юридических фактов и правоприменительной деятельности руководителем контртеррористической операции и принятия им соответствующего акта применения права. Ограничение свободного передвижения физических лиц транспортных средств в пределах территорий, на которых введен правовой режим операции, невозможен без определения данного ограничения в содержании организационно-исполнительного правоприменительного акта.

На третьей стадии происходит выявление определенного разделения субъектов на управомоченных и обязанных. Другими словами здесь определяются участники данных правоотношений, одни из которых наделяются императивными началами, а другие путем наложения на них определенных обязанностей и запретов, должны выбирать активную или пассивную модель поведения в условиях проведения контртеррористической операции. Не смотря на это, так или иначе, речь идет о правоотношениях, складывающихся в условиях противодействия терроризму и правового режима контртеррористической операции. Данные правоотношения основываются на нормах права действующего законодательства, начинающих свое действие в случае наступления конкретно определённых юридических фактов. В таком виде происходит трансформация концептуальной программы в конкретно определённую линию поведения для всех субъектов, принимающих участие в контртеррористической операции.

В ходе действия четвертой стадии происходит реализация должного поведения субъектов правоотношений и юридической возможности правоохранительными органами действовать определенным образом для скорейшего разрешения кризисной ситуации связанной с терроризмом.

Все стадии в процессе функционирования правового механизма регулирования контртеррористической операции направлены на скорейшее удовлетворение интересов субъектов права. Достижение целей, которые ставит законодатель перед участниками контртеррористической операции, в первую очередь, достигаются благодаря актам реализации субъективных прав и обязанностей. Такие акты являются основным средством, которые должны находить свое отражение в должном поведении конкретных субъектов при реализации ими своих прав и обязанностей. При этом акты, имеющие в своем содержании образец модели должного поведения участников контртеррористической операции, как правило, выражаются в формах исполнения, использования и соблюдения.

Рассмотрев основные подходы в понимании правового режима контртеррористической операции в контексте теории права, следует прийти к выводу о том, что данный вид правового режима является упорядоченным набором правовых средств, которые выполняют роль связующих частей, необходимых для нормального функционирования механизма правового регулирования общественных отношений в условиях проявления терроризма. Эти общественные отношения могут складываться могут складываться при наступлении определенных юридических фактов террористического характера. Правовые средства, принципы и гарантии создают определенные условия, в которых происходит удовлетворение (или не удовлетворение) интересов личности, общества и государства. Достижение наиболее оптимального социального-значимого результата в процессе правового регулирования обществен-

ных отношений, является главенствующей целью любого правового режима.

Список литературы:

1. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. и др. Большой юридический словарь. М., 2001. - 790 с.
2. Захарцев С.И. Теоретико-правовой аспект правового режима контртеррористической операции / С.И. Захарцев, В.В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. № 9. – С. 44-51.
3. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. - 2017. - № 1. - С. 120-139.
4. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. - 2017. - № 1. - С. 120-139.
5. Луценко В.В. Особенности правового статуса военнослужащих войск национальной гвардии в условиях проведения режима контртеррористической операции / В.В. Луценко // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 30. – С. 1100-1104.
6. Луценко В.В. Тип, методы и способы правового режима контртеррористической операции / В.В. Луценко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 4(37). – С. 371-374.
7. Мамедов Э.Ф. Юридическая техника и механизм правового регулирования: понятие и соотношение / Э.Ф. Мамедов // Вестник ИрГТУ. 2013. №7 (78). – С. 293 – 297.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. – 1996. № 1. – С. 17.
9. Никонов Д.А. Роль войск национальной гвардии Российской Федерации в политическом механизме противодействия терроризму / Д.А. Никонов, Ф.С. Сибгатуллин, В.В. Луценко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 1(32). – С. 70-75.

Lutsenko V.V. Scientific approaches used in the process of understanding and studying the legal regime of a counter-terrorism operation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 335–341.

Emergency legal regulation for the prevention and liquidation of emergency situations associated with terrorist activities, in modern conditions, is of particular importance as a means of protecting society and the state, maintaining the level of national security at the proper level. The study of the problems of ordinary, emergency and special legal regimes, including the legal regime of the counter-terrorist operation, involves a critical analysis, as well as the study of these legal phenomena in practical and conceptual terms. This process is carried out in order to obtain theoretical knowledge, with the help of which it is possible to study the essence of various types of legal regimes as fully as possible, to obtain an exhaustive list of data on these phenomena, including the most complete legal description.

Key words: theory of law, legal regimes, mechanism of legal regulation, critical analysis, counter-terrorist operation, legal means, legal technique.

Spisok literatury:

1. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. i dr. Bol'shoj yuridicheskij slovar'. M., – 2001. – 790 s.
2. Zaharcev S.I. Teoretiko-pravovoj aspekt pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii / S.I. Zaharcev, V.V. Lucenko // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2022. № 9. – S. 44-51.
3. Zaharcev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Sal'nikov M.V., Tre't'yakov I.L. Suverenitet Rossijskoj Federacii: sovremennye ugrozy i obespechenie voennoj bezopasnosti // Mir politiki i sociologii. - 2017. - № 1.
4. Zaharcev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Sal'nikov M.V., Tre't'yakov I.L. Suverenitet Rossijskoj Federacii: sovremennye ugrozy i obespechenie voennoj bezopasnosti // Mir politiki i sociologii. - 2017. - № 1.
5. Lucenko V.V. Osobennosti pravovogo statusa voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii v usloviyah provedeniya rezhima kontrterroristicheskoy operacii / V.V. Lucenko // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. – 2021. – № 30. – S. 1100-1104.
6. Lucenko V.V. Tip, metody i sposoby pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii / V.V. Lucenko // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2021. – Т. 10, № 4(37). – S. 371-374.
7. Mamedov E.F. YUridicheskaya tekhnika i mekhanizm pravovogo regulirovaniya: ponyatie i sootnoshenie / E.F. Mamedov // Vestnik IrGTU. 2013. №7 (78). – S. 293 – 297.
8. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki // Pravovedenie. – 1996. № 1.
9. Nikonov D.A. Rol' vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v politicheskom mekhanizme protivodejstviya terrorizmu / D.A. Nikonov, F.S. Sibgatullin, V.V. Lucenko // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2022. – № 1(32). – S. 70-75.

УДК 342.924

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО
ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ
НЕСОБЛЮДЕНИЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОГО И АНТИТАБАЧНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

Мерказова В. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В качестве основных субъектов, которые занимаются вопросами выявления правонарушений в области несоблюдения антиалкогольного и антитабачного законодательства, несовершеннолетними гражданами, а также профилактикой данных правонарушений, выступают сотрудники правоохранительных органов, а в основной части – сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних ОВД МВД РФ. При этом свой весомый вклад в деятельность по пресечению и профилактике таких правонарушений вносят сотрудники дежурных частей, ГИБДД, участковых уполномоченных полиции, специальных приемников для содержания лиц, арестованных в административном порядке, сотрудников патрульно-постовой службы, подразделений по исполнению административного законодательства.

Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) определен смысл всей ее деятельности, одним из основных направлений которой является обеспечение правопорядка в общественных местах (п. 6 ч. 1 ст. 2). Именно на полицию возлагается обязанность обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах и других общественных местах (п. 5 ч. 1 ст. 12). Соответственно, именно сотрудники полиции занимаются вопросами выявления правонарушений антиалкогольного и антитабачного законодательства несовершеннолетними субъектами. Кроме этого, сотрудники полиции осуществляют профилактические мероприятия, направленные на предотвращение данного вида правонарушений.

Ключевые слова: антиалкогольное законодательство, антитабачное законодательство, пресечение и профилактика правонарушений, профилактические мероприятия, безнадзорность, беспризорность, индивидуально-профилактическая работа, доставление несовершеннолетнего, административно-предупредительная мера, мера пресечения, административное наказание, мера административно-процессуального обеспечения, административное воздействие.

Взаимоотношения в системе несовершеннолетний – общество всегда носили сложный, а в некоторой части криминальный характер. В этом аспекте, как нами было отмечено ранее, необходимо акцентировать внимание на том, что психика, привычки, мировоззрение подростка в процессе взаимодействия с окружающим миром формируются почти сразу. Несовершеннолетний как «губка» впитывает происходящие явления, процессы, модели поведения людей моментально, проецируя их на себя и ориентируясь на родственников, членов семьи в частности. Многое зависит от методов, подходов, способов перевоспитания молодого преступника, изменения его установок, мотивировок и идеалов [1].

В первую очередь, стоит выделить те мероприятия, которые в деятельности правоохранительных органов имеют профилактическую направленность. Важнейшим элементом профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних выступает существующая в России система подразделений по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — ПДН), которая представлена единой двухуровневой иерархической структурой. В нее входят комиссии, созданные высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и

осуществляющие деятельность на территории субъектов Российской Федерации, а также муниципальные (территориальные) комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

ПДН – это подразделение по делам несовершеннолетних – контролирующий орган, обязанный пресекать детскую преступность и проводить профилактическое разъяснение. В случае правонарушений несовершеннолетних сведения о случившемся передаются в различные инстанции: военкоматы, учебные заведения при поступлении или обучении в ВУЗе. Отделы по делам несовершеннолетних и защите их прав являются подразделениями полиции в структуре ГУ МВД России. На отделы ПДН возлагаются задачи координации всех субъектов системы профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, сбора информации для комиссий по делам несовершеннолетних, мониторинга и аналитики информации о состоянии безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних на отдельно взятой территории.

Служба участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних осуществляют следующие функции по предупреждению и пресечению употребления алкогольной и табачной продукции [3]:

- проведение индивидуально-профилактической работы в отношении следующих категорий лиц: злоупотребляющие алкогольными напитками и употребляющие табачные изделия; совершившие правонарушения, повлекшие применение мер уголовного и административного наказания, связанных с нарушением антиалкогольного законодательства, состоящие на учете в подразделении по делам несовершеннолетних;

- реализация мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни. Данные мероприятия могут проводиться в формате лекций, бесед, выступлений и т.д. С целью профилактики нарушений правил реализации алкогольной и табачной продукции несовершеннолетним на постоянной основе проводится информирование городского населения через средства массовой информации, в том числе с разъяснением наступления административной и уголовной ответственности;

- подготовка сведений в учреждения здравоохранения если выявляются случаи злоупотребления со стороны несовершеннолетних алкогольной продукцией;

- выявление на административном участке лиц, употребляющих алкогольные напитки, а также граждан, нарушающих антитабачное законодательство. Данная профилактическая мера сводится к обязанностям участкового уполномоченного полиции;

- привлечение несовершеннолетних правонарушителей, а также их законных представителей, в зависимости от того, кто является субъектом правонарушения, к административной ответственности [2].

В целях профилактики и предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, инспектора подразделений по делам несовершеннолетних участвуют в рейдовых мероприятиях по микрорайонам города, в ходе которых отрабатываются места концентрации молодежи, несовершеннолетние и родители, состоящие на учете в отделении по делам несовершеннолетних, торговые точки на предмет реализации несовершеннолетним табачных изделий и спиртосодержащей продукции.

Также, поскольку нарушение антиалкогольного и антитабачного законодательства наблюдается преимущественно в общественных местах, то довольно обширный круг обязанностей, в связи с этим возлагается на патрульно-постовую службу полиции, которые совершают следующие действия для предупреждения и пресечения случаев пьянства и табакокурения:

1. Выявление и удаление с улиц и других общественных мест лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность;

2. Пресечение распития спиртных напитков в общественных местах;

3. Выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в пьянство;

4. Регулярное обследование территории и мест концентрации несовершеннолетних лиц, склонных к употреблению спиртных напитков (скверы, парки, территория образовательных учреждений, заброшенные здания и т.д.). Нередкими являются случаи, когда в общественных местах обнаруживаются случаи употребления несовершеннолетними алкогольной продукции [3].

Далее стоит рассмотреть, каким является порядок действий сотрудников полиции уже не в рамках профилактической работы, а при выявлении конкретных случаев нарушения антиалкогольного и антитабачного законодательства. Здесь сразу стоит указать на тот факт, что в целом действия сотрудников полиции, совершаемые ими при выявлении факту употребления несовершеннолетним лицом алкогольной продукции, аналогичны тем действиям, которые реализуются при обнаружении фактов нарушения антиалкогольного законодательства совершеннолетними лицами. Но при этом имеется ряд существенных отличий, соблюдение которых выступает принципиальным моментом в деятельности сотрудников правоохранительных органов в силу возраста несовершеннолетнего правонарушителя.

Как показывает административная практика, случаи употребления несовершеннолетними гражданами алкоголя могут встречаться в самых разнообразных местах и даже в образовательных учреждениях.

В качестве примера можно привести случай, когда, как следует из материалов дела, 6-го апреля 2017 года в 09 час. 20 мин., несовершеннолетний гражданин М., находясь в школьной раздевалке ГБОУ Гимназия «Свиблово», г. Москвы, распивал алкогольную продукцию. Данный факт был выявлен администрацией учебного заведения, о чём было сообщено в полицию. В ходе проверки в отношении несовершеннолетнего М. должностным лицом ОДН ОМВД России по району Свиблово г. Москвы был составлен протокол об административном правонарушении по ч.1 ст.20.20 КоАП РФ. Постановлением Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав района Свиблово г. Москвы от 16 мая 2017 года несовершеннолетний М. привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде штрафа в размере 1500 рублей.

Поскольку на момент совершения правонарушения М.Е. уже достиг шестнадцатилетнего возраста, то к административной ответственности был привлечен именно он, а не его законный представитель [4].

Отметим, что целью комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав должно явиться не только привлечение виновного лица к административной ответственности, но и предупреждение повторного совершения им правонарушения;

убеждение законных представителей в необходимости усиления контроля за воспитанием своих детей; координирование усилий субъектов государственной системы профилактики на основе мониторинга причин и условий, способствовавших нарушению антиалкогольного и антитабачного законодательства, направленных на профилактику (как общую, так и индивидуальную) таких нарушений [5].

Итак, обозначая порядок действий сотрудников полиции, в первую очередь, при обнаружении в общественном месте случаи употребления алкогольной продукции или же при появлении в общественных местах лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, сотрудник полиции должен установить возраст данных лиц, чтобы убедиться в том, что правонарушение совершается именно несовершеннолетним гражданином. Также важным моментом является установление места жительства лица и место его пребывания. Поскольку интересы несовершеннолетнего представляют родители или законные представители, сотруднику полиции надлежит узнать контактные данные указанных лиц, как правило, уточняется номер телефона, для сообщения факта обнаружения подростка при употреблении алкогольной или табачной продукции.

Необходимость установления личности лица обусловлена тем, что именно от возрастного признака будут зависеть дальнейшие действия служб подразделений полиции. Так, в частности, установление факта употребления в общественном месте спиртных напитков лицом, возраст которого менее 16 лет, означает необходимость привлечения к административной ответственности законных представителей несовершеннолетнего. В то время как при определении того, что лицу уже исполнилось шестнадцать лет, ответственность будет понесена непосредственно им.

Соответственно, значение для каждого дела имеет и непосредственно объективная сторона совершаемого правонарушения. Следовательно, установление возраста несовершеннолетнего должно происходить наряду с определением объективной стороны состава правонарушения в соответствии с нормами особенной части КоАП РФ.

Затем, следующим шагом сотрудника полиции выступает его связь с дежурной частью, в которую докладывается произошедшее событие и все его обстоятельства. В свою очередь оперативный дежурный проводит проверку сообщенных сведений посредством обращения к оперативно-справочным учетам. Помимо прочего оперативный дежурный должен связаться законным представителем несовершеннолетнего с целью сообщения факт выявления нарушения антиалкогольного и антитабачного законодательства. Также оперативный дежурный должен уведомить законных представителей несовершеннолетнего о необходимости явиться в отдел полиции.

После установления личности и возраста лица, решается вопрос о возможности доставления гражданина в отдел полиции. Так, если лицу исполнилось 16 лет и показания для оказания ему медицинской помощи отсутствуют, то лицо должно быть доставлено в отдел полиции или в медицинское учреждение в целях прохождения медицинского освидетельствования в зависимости от того, какое именно правонарушение было совершено. Например, распитие спиртных напитков в общественных местах позволяет доставить нарушителей в полицию, поскольку налицо именно факт употребления. Если же речь идет о правонарушении по ст. 20.21 КоАП РФ, то здесь уже нужно достоверно установить наличие или отсутствие состояния опьянения. Вместе с тем крайне важно учитывать, что направление на медицинское осви-

детельствование допускается исключительно при наличии признаков опьянения, например, запах изо рта, несвязная речь, нескоординированность движений и т.д. [6]. Когда обозначенные признаки отсутствуют, то, как уже было отмечено, несовершеннолетний, в соответствии с положениями Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД РФ от 15 октября 2013 г. № 845 [7], доставляются в дежурную часть территориального органа МВД России.

Процесс доставления несовершеннолетнего в дежурную часть сопровождается составлением подробного рапорта, в котором описываются обстоятельства совершенного правонарушения. Затем в дежурной части происходит установление всех обстоятельств дела и уже после этого данные о произошедшем правонарушении передаются в подразделение по делам несовершеннолетних совместно с наработанными материалами, полученными в процессе проверки произошедшего.

Определяя алгоритм действий сотрудников полиции при доставлении несовершеннолетнего, совершившего административное правонарушение рассматриваемой категории в дежурную часть, обозначим следующую последовательность действий:

1. Установить данные, характеризующие его личность, сведения о родителях или законных представителях, условиях воспитания.

2. Выяснить обстоятельства совершения правонарушения, включая сведения относительно того, где именно происходило употребление алкоголя, а также имелись ли факты вовлечения участия несовершеннолетнего в употребление табака или алкоголя, каким образом у несовершеннолетнего оказались алкогольные напитки, табачные вещества, если в их употребление никто не вовлекал. Если приобретал сам, то, где, когда, у кого или кто их приобретал для несовершеннолетнего.

3. По прибытию законных представителей несовершеннолетнего решить вопрос о его направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

4. Оформить материалы, необходимые для привлечения, доставленного к административной ответственности.

5. Передать в установленном порядке доставленного несовершеннолетнего родителям или законным представителям, должностным лицам образовательных учреждений, специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации или учреждений органов здравоохранения.

У законных представителей отбирается расписка о передаче им несовершеннолетнего. О передаче несовершеннолетнего делается отметка в протоколе административного задержания и Книге учета лиц, доставленных в дежурную часть территориального органа МВД России, с указанием времени передачи и лица, которому передан несовершеннолетний.

Итак, обобщив изложенное, отметим, что для защиты рассматриваемых общественных отношений в соответствии с действующим законодательством сотрудники полиции вправе применять:

1. Административно-предупредительные меры (проверка документов у граждан и должностных лиц; входение в жилые и иные помещения граждан, на принадлежащие им земельные участки, на территорию и в помещения, занимаемые организациями, и т.д.);

2. Меры пресечения (доставление лица на медицинское освидетельствование или в отделение полиции);

3. Административные наказания (предупреждение, штраф);

4. Меры административно-процессуального обеспечения (доставление к месту составления протокола, изъятие документов и вещей и др.).

Говоря о специфике административной ответственности несовершеннолетних, следует отметить что в научной литературе выделяют соответствующие меры правового воздействия, необходимые для перевоспитания правонарушителей, предупреждения совершения новых проступков, воспитания правосознания и правовой культуры этой категории лиц для соблюдения законодательства Российской Федерации и морально-этических основ существования и развития общества [8].

Перечисленные методы отражают в себе тот комплекс полномочий, которым наделены сотрудники полиции и соответственно обладающие правом приводить этот комплекс в действие.

Также важным направлением в деятельности полиции является выявление случаев табакокурения несовершеннолетними. Здесь следует отметить, что, равно как и при употреблении алкоголя, употребление табака несовершеннолетними является тем негативным фактором, который создаёт угрозу как здоровью несовершеннолетнего, так и интересам общества и государства. Однако, в настоящее время, ответственность за подобные деяния предусмотрена только за случаи табакокурения в не отведенных для этого местах. С целью пресечения и предупреждения таких проявлений, сотрудники полиции осуществляют систематическую проверку мест, где употребление табачных изделий запрещено.

В качестве примера можно привести случай, когда 23.03.2020 в 16 час.30 мин., несовершеннолетний С., находясь в общественном месте, а именно межэтажном лестничном марше 5-этажного многоквартирного дома в г. Чебоксары, в нарушение требований части 4 статьи 20 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», курил сигарету.

23.03.2020 инспектором ОДН ПДН ОП-1 УМВД России по г. Чебоксары в отношении С. составлен протокол об административном правонарушении, по части 1 статьи 6.24 КоАП РФ. Материалы административного дела были переданы для рассмотрения в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Постановлением комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав администрации Калининского района г. Чебоксары от 18.05.2020 года, несовершеннолетний С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 6.24 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде штрафа. Из материалов дела об административном правонарушении следует, что на момент совершения административного правонарушения С. не достиг совершеннолетнего возраста [9].

Таким образом, как видно из приведенного примера судебной практики, при установлении факта табакокурения несовершеннолетним лицом, сотрудник полиции должен установить возраст лица и после этого он уже имеет возможность составить протокол об административном правонарушении, предусмотренного соответствующей ст. КоАП РФ.

Также уместно отметить, что если несовершеннолетний употребляет алкогольную или табачную продукцию, то вероятнее всего он ее где-то приобрел. Данный факт свидетельствует о совершении еще одного правонарушения, выраженного уже

в продаже несовершеннолетнему гражданину продукции, реализация которых запрещена на законодательном уровне в интересах лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Здесь важно подчеркнуть, что наибольший профилактический эффект в части предотвращения совершения нарушений антиалкогольного и анти-табачного законодательства будет достигнут при том условии, что к ответственности будет привлечено еще и лицо, осуществившее продажу рассматриваемой продукции. Именно поэтому должностным лицам, осуществляющим проверку и рассматривающим материалы по указанным правонарушениям важно установить, откуда именно у несовершеннолетнего лица появились алкоголь или табачные изделия.

Административное воздействие на предприятия торговли по недопущению продажи алкогольной и табачной продукции несовершеннолетним закреплено в ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ и в ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ. Кроме того, особое внимание стоит уделять не только вопросам торговли табачной и алкогольной продукции, но и фактам вовлечения несовершеннолетних граждан в распитие алкогольных напитков и курение табака.

В завершении отметим, что подразделения по делам несовершеннолетних, участковые уполномоченные, а также иные сотрудники полиции играют важную роль в вопросах организации профилактических мероприятий среди подростков, направленных на предотвращение правонарушений законодательства в части употребления табака и алкоголя.

Список литературы:

1. Мерказова, В. А. Характеристики личности несовершеннолетнего преступника / В. А. Мерказова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 244-248. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-244-248. – EDN ХНАЖКС.
2. Стульнова Т.А. Предупреждение и пресечение полицией мелкого хулиганства и других правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность // Административная деятельность полиции. 2016. С. 356.
3. Виноградов А. С. Компетенция комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних // Молодой ученый, 2018. № 48. С. 129.
4. Решение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 22.07.2017 по делу № 12-1781/2017. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 28.06.2022).
5. Махина С. Н., Карагодин А. В., Дорофеева Ж. П. Особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних за правонарушения, посягающие на общественный порядок в сфере реализации антиалкогольного законодательства // Научный портал МВД России. 2021. №. 2 (54). С. 110.
6. Шевко Н. Н., Куленкова Е. В. Действия сотрудников полиции при обнаружении в общественных местах несовершеннолетних, находящихся в состоянии опьянения // Постулат. 2018. №. 6. С. 4.
7. Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 (ред. от 31.12.2018) «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 11, 17.03.2014.
8. Пономарев, А. В. Проблемы применения и перспективы совершенствования административного воздействия, применяемого в отношении несовершеннолетних / А. В. Пономарев, С. Ю. Русанова, Э. А. Османов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 280-287. – EDN LMBDJW.
9. Решение Калининского районного суда города Чебоксары Чувашской Республики от 08.07.2020 по делу № 12-241/2020. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.06.2022).

Merkazova V.A. Organization Of The Activities Of Police Officers To Identify And Prevent Offenses In The Field Of Non-Compliance With Anti-Alcohol And Anti-Tobacco Legislation By Minor Citizens // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 342–349.

The main subjects that deal with the detection of offenses in the field of non-compliance with anti-alcohol and anti-tobacco legislation, minor citizens, as well as the prevention of these offenses, are law enforcement officers, and in the main part - employees of the juvenile affairs units of the Internal Affairs Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. At the same time, employees of duty units, traffic police, district police commissioners, special receivers for the detention of persons arrested in administrative proceedings, employees of the patrol and post service, units for the implementation of administrative legislation make a significant contribution to the suppression and prevention of such offenses.

The Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ "On the Police" [1] (hereinafter referred to as the Law on the Police) defines the meaning of all its activities, one of the main directions of which is to ensure law and order in public places (clause 6 of Part 1 of Article 2). It is the police who are obliged to ensure the safety of citizens and public order in the streets, squares, stadiums, in squares, parks, on highways, railway stations, airports, sea and river ports and other public places (clause 5 of part 1 of Article 12).

Accordingly, it is the police officers who are engaged in the detection of offenses of anti-alcohol and anti-tobacco legislation by minor subjects. In addition, police officers carry out preventive measures aimed at preventing this type of offense.

Key words: anti-alcohol legislation, anti-tobacco legislation, suppression and prevention of offenses, preventive measures, neglect, homelessness, individual preventive work, delivery of a minor, administrative and preventive measure, preventive measure, administrative punishment, measure of administrative procedural support, administrative impact.

Spisok literary:

1. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ (red. of 21.12.2021) "About the Police" // *Sobranie denaktura RF*. 2011. № 7. Art. 900.
2. Merkazova, V. A. Characteristics of the personality of the juvenile delinquent / V. A. Merkazova // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Juridical Sciences.* – 2021. – T. 7. – № 2. – S. 244-248. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-244-248. – EDN XHAJKC.
3. Stulnova T.A. Prevention and suppression by the police of petty hooliganism and other offenses encroaching on public order and public safety // *Administrative activity of the police*. 2016. p. 356.
4. Vinogradov A. S. Competence of the commission for minors' affairs and protection of their rights in the sphere of prevention of delinquency of minors // *Molodoyi nauchnyi*, 2018. № 48. p. 129.
5. Decision of the Babushkinsky District Court of Moscow dated 22.07.2017 in case No. 12-1781/2017. Electronic resource. Access mode: <https://www.mos-gorsud.ru> (date of access: 28.06.2022).
6. Makhina S. N., Karagodin A. V., Dorofeeva Zh. P. Osobennosti priektivatsiya k administrative'nogo liability of minors for offenses, encroaching on public order in the sphere of implementation of antialcoholnogo konodaktika // *Nauchnyi portal MVD Rossii*. 2021. № 2 (54). p. 110.
7. Shevko N. N., Kulenkova E. V. Actions of police officers at the discovery of public places of minors, who are in a state of intoxication // *Postulat*. 2018. № 6. p. 4.
8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 15.10.2013 No. 845 (as amended on 31.12.2018) "On Approval of the Instructions for the Organization of the Activities of Units for Juvenile Affairs of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation" // *Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Bodies*. № 11, 17.03.2014.
9. Ponomarev, A. V. Problems of application and prospects for the improvement of administrative impact, applying votnosheniya minor / A. V. Ponomarev, S. Y. Rusanova, E. A. Osmanov // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Juridical Sciences.* – 2020. – T. 6. – № 4. – S. 280-287. – EDN LMBDJW.
10. Decision of the Kalininsky District Court of the city of Cheboksary of the Chuvash Republic of 08.07.2020 in case No. 12-241 / 2020. Electronic resource. Access mode: <https://sudact.ru/> (date of access: 30.06.2022).

УДК 343.2

ТЕОРИИ СОУЧАСТИЯ, ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ

Мельничук Н. А.

*Автономная некоммерческая организация «Профессиональная образовательная организация»
«Финансово-экономический колледж» преподаватель*

В статье рассматриваются теории соучастия и их отражение в современном правовом регулировании в теоретическом и практическом аспектах. Соучастие в преступлении является одним из наиболее дискуссионных институтов уголовно-правовой отрасли России. Актуальность изучения соучастия заключается прежде всего в активно возрастающем количестве преступлений, совершенных при наличии данного признака. За весь период изучения, вынесенной на рассмотрение проблемы, многие авторы старались охарактеризовать вышеупомянутый аспект и дать ему определяющие характеристики. Как следствие, сложилось несколько устоявшихся мнений. В статье рассмотрены классические теории соучастия – акцессорная и самостоятельной ответственности соучастников, а также проведен анализ действующих уголовно-правовых норм, составляющих данный институт, на наличие в них положений, отражающих основные концепции каждой из рассматриваемых теорий. Помимо этого, сделан акцент на теории смешанной ответственности, которая представляет собой современный подход к пониманию института соучастия.

Ключевые слова: соучастие, акцессорная теория, теория самостоятельной ответственности соучастников, теория смешанной ответственности.

С точки зрения криминологической характеристики – совершение преступления несколькими лицами представляет собой повышенную степень общественной опасности, что выражается не только в контексте возможных негативных последствий, но и в силу появления большего количества преступников. В случае совершения преступления в соучастии, имеет место, как правило, более тщательная степень подготовки к совершению такого преступления, а равно раскрытие такие преступлений и привлечение виновных лиц к ответственности вызывает большие сложности у сотрудников правоохранительных органов.

Ключевым аспектом в соучастии, который и составляет львиную долю предмета правовых дискуссий, является вопрос степени ответственности каждого из лиц, действия которых, тех или иным образом приводили к преступному результату. Дискуссионный характер данного института приводит к неоднозначному восприятию правовой природы явления. В современной научной литературе традиционным следует считать подход, при котором соучастие рассматривается сквозь призму трёх теорий: акцессорной, самостоятельной ответственности соучастников и смешанную.

Акцессорная теория получила свои зачатки в эпоху французской революции XVIII в., а впервые нормативно была закреплена в Уголовном Кодексе Франции 1810 г. С точки зрения данной теории соучастия, которой придерживаются некоторые учёные, ключевой фигурой в соучастии является исполнитель, действия же остальных участников следует рассматривать как вспомогательную, второстепенную [1]. Так называемый «придаточный» характер действий соучастников в рамках данной теории можно сформировать сквозь призму следующих постулатов:

- только при наличии уголовно-наказуемого действия исполнителя соучастник понесёт ответственность;

- соучастник несет уголовную ответственность по той же статье уголовного закона, по которой были квалифицированы деяния исполнителя преступления [2].

Исходя из вышеуказанных особенностей, в рамках данной теории, рациональным видится вывод о том, что соучастие, как уголовно-правовое явление, невозможно без исполнителя. А также, то, что наступление ответственности иных соучастников допустимо только после выполнения исполнителем объективной стороны преступления, или хотя бы начала такого выполнения [3].

При этом, данная теория подвергается строгой критике в силу её реакционного характера, так как она ставит под сомнение положение современной доктрины о том, что каждый соучастник несёт ответственность за своё собственное преступление, а не за чужое. Тем не менее важно понимать, что акцессорная теория не носит критический характер последней инстанции, а является лишь обобщённой точкой зрения, начальным подходом, который в свою очередь порождает множество течений и ответвлений, в том числе и учитывающих иные положения.

Вторым подходом к пониманию соучастия следует считать теорию самостоятельной ответственности соучастников. Следуя незыблемым традициям концептуальных подходов к юридическому явлению, данная теория является обратной от предыдущей. В основу данной теории ложится мнение о том, что каждый соучастник несёт ответственность самостоятельно, с учётом совершенного конкретно ими, деяния. Столь принципиальный подход позволял некоторым учёным задавать такой кардинальный вопрос – «А нужен ли вообще в таком случае институт соучастия?»

Такого мнения придерживался Н. Д. Сергеевский, который в своих работах указывал на несостоятельность данного института. Он предлагал расценивать действия каждого участника преступления как самостоятельные, не проводя взаимосвязь между иными соучастниками, в том числе и исполнителем [4].

Современное положение института соучастия даёт понять то, что в рамках современного правового регулирования явно прослеживается влияние обеих базовых теорий.

Законодательное определение соучастия в рамках Российского законодательства находит своё отражение в положении ст. 32 УК РФ – Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Правовому регулированию особенностей соучастия посвящена Глава 7 УК РФ.

С точки зрения вышеуказанных теорий допустимо говорить об акцессорной природе сквозь призму анализа п. 5 ст. 34 УК РФ – в случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него обстоятельствам, остальные соучастники несут ответственность за приготовление или покушение на совершение преступления, как исполнитель. Таким образом, ключевым моментом квалификации содеянного остальными соучастниками, в контексте стадийности преступлений, будет являться факт того довел исполнитель содеянное до конца или нет, в независимости от того, выполнили ли соучастники возложенные на них, обусловленные их ролью в совершении преступления, функциональные обязанности.

Следующим, следует сделать вывод о том, что с точки зрения факультативных признаков объективной стороны также прослеживается некая зависимость остальных соучастников – именно время конкретного деяния, совершенного исполнителем, а также место, где исполнитель реализовал содеянное, следует считать оконча-

тельными, вне зависимости от того, где и когда свою деятельность реализовывали остальные.

Помимо этого, если дело в отношении исполнителя прекращается по признакам ч. 2 ст. 14 УК, то оно автоматически прекращается и в отношении других соучастников, естественно, при условии, что факт совершения исполнителем малозначительного деяния охватывался умыслом всех совместно действовавших лиц. Абсолютно аналогично решается этот вопрос в том случае, когда действия исполнителя прерываются на стадии приготовления к преступлению небольшой или средней тяжести.

Свою лепту в современный институт соучастия внесла и теория самостоятельной ответственности. Наиболее явно её влияние отражается на явлении эксцесса исполнителя, регламентированного ст. 36 УК РФ. Данное положение очерчивает рамки привлечения иных соучастников к ответственности за преступления, умысел на совершение которых на них не распространялся.

Так же, в соответствии с частью 4 ст. 31 УК РФ организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. В случае, если действия организатора или подстрекателя не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то в соответствии с частью 5 ст. 31 УК РФ, суд может признать смягчающими обстоятельствами, меры, которые предпринимались организатором или подстрекателем с целью предотвратить совершение преступления исполнителем.

Согласно, тем же положениям части 4 ст. 31 УК РФ пособник не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

Помимо этого, согласно ч.1 ст. 34 УК РФ, где прямо закреплено, что «ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления», что говорит о том, что основание ответственности формируется из тех преступных действий, которые были лично совершены каждым из соучастников [5].

Вышеизложенные доводы указывают на закономерный вывод о том, что в действующем уголовно-правовом регулировании задействованы положения обеих теорий. На этих основаниях и получила своё распространение концепция смешанной ответственности соучастников. Такой позиции в науке придерживаются те, кто счёл недостаточными обоснования вышеизложенных теорий.

Одним из приверженцев смешанной теории соучастия следует считать С.С. Аветисяна, который выдвигает следующие положения в поддержку данной теории:

- 1) основанием, для привлечения к ответственности соучастников, является наличие в их действиях признаков состава преступления;
- 2) для выявления признаков всех теорий соучастия необходим тщательный анализ действующего законодательства и правоприменительной практики;
- 3) соучастники несут ответственность самостоятельно, однако, в некоторых случаях их ответственность находится в зависимости от действий и ответственности исполнителя;

4) в борьбе с преступлениями, совершёнными группой лиц, содействует именно смешанная теория ответственности соучастников [6].

Важно отметить, что С.С. Аветисян в целом признаёт правильной акцессорную теорию, однако с учётом современных особенностей совершения групповых преступлений, положений только данного подхода недостаточно, особенно, если взять во внимание действующее уголовное законодательство.

В дополнение к этому, Ю.А. Клименко указывает на то, что для построения современного института соучастия в преступлении, акцессорная и теория самостоятельной ответственности соучастников являются идеальными компонентами [7].

Тем не менее, первостепенной проблемой соучастия следует считать не то, насколько ответственность соучастников зависит от действий исполнителя, а то каким образом происходит обоснование такой ответственности.

Всё вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что две базовых теории соучастия, акцессорная и самостоятельная имеют ряд преимуществ, при этом не лишены существенных недостатков, которые представляют собой прежде всего ряд закономерных вопросов к каждой теории, которые возникают в силу существующих пробелах, вызванных конструкцией актуального уголовного законодательства. Действующее правовое регулирование института соучастия не позволяет полностью отдать предпочтение какой-либо одной из теорий.

По мнению автора, подход к объединению теорий в единую, на примере смешанной теории, которая предусматривает взаимосвязь между действиями исполнителя и соучастников, но при этом и так же предусматривает специфику наступления уголовной ответственности у каждого из видов соучастия в зависимости от степени их непосредственного участия, является концептуально верным подходом, поскольку позволит сформировать подход, лишенный пробелов и вопросов. Помимо этого, такой подход позволит преодолеть пласт существующих разногласий в науке уголовного права, а также создаст благоприятные условия в правоприменительной практике.

Список литературы:

1. Соучастие в преступлении. Понятие соучастия. // Свердловский юридический институт. Ученые труды. Т. 3. 1960. С. 111, 166-169.
2. Флетчер Д. Основные концепции современного уголовного права. / Флетчер Д. - М.: Юрист, 1998. – С. 512.
3. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 13
4. Сергеевский, Н. Д. Конспект лекций Общей части уголовного права / Н. Д. Сергеевский. - Санкт-Петербург, 1885. - С. 2.
5. Мухаметдинов, Д. М. Правовая природа соучастия в преступлении в уголовном праве России / Д. М. Мухаметдинов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 23 (418). — С. 316-318. — [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/418/92847/> (дата обращения: 16.03.2023).
6. Соучастие в преступлениях со специальным составом. Монография / Аветисян С.С. - М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. - 467 с.
7. Клименко Ю. А. О юридической природе соучастия в преступлении // Актуальные проблемы российского права. 2010. №4. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yuridicheskoy-prirode-souchastiya-v-prestuplenii> (дата обращения: 18.03.2023).

Melnichuk N.A., The theories of complicity, their role in the modern criminal law of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 350–354.

The article contains theories of complicity and their reflection in modern legal regulation in theoretical and practical aspects. Complicity in a crime is one of the most debatable institutions of the Russian criminal law industry. The relevance of the study of complicity lies primarily in the actively growing number of crimes committed in terms of availability of this sign.

Over the entire explore period of the problem submitted for consideration, many authors have tried to characterize the above aspect and give it defining characteristics. As a result, several established opinions have developed. The article discusses the classical theories of complicity - accessory and independent responsibility of accomplices, and also analyzes the existing criminal law norms that make up this institution, for the presence of provisions in them that reflect the basic concepts of each of the theories under consideration. In addition, emphasis is placed on the theory of mixed responsibility, which is a modern approach to understanding the institution of complicity.

Keywords: complicity, accessory theory, theory of independent responsibility of accomplices, theory of mixed responsibility.

Spisok literaturi:

1. Souchastie v prestuplenii. Ponyatie souchastiya. // Sverdlovskij juridicheskij institut. Uchenye trudy. T. 3. 1960. S. 111, 166-169.
2. Fletcher D. Osnovnye koncepcii sovremennogo ugovolnogo prava. / Fletcher D. - M.: YUrist", 1998. - S. 512.
3. Kovalev M.I Souchastie v prestuplenii. Ekaterinburg: Izd-vo UrGYUA, 1999. S. 13.
4. Sergeevskij, N. D. Konspekt lekcij Obshchej chasti ugovolnogo prava / N. D. Sergeevskij. - Sankt-Peterburg, 1885. - S. 2.
5. Muhametdinov, D. M. Pravovaya priroda souchastiya v prestuplenii v ugovolnom prave Rossii / D. M. Muhametdinov. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2022. — № 23 (418). — S. 316-318. — [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: URL: <https://moluch.ru/archive/418/92847/> (data obrashcheniya: 16.03.2023).
6. Souchastie v prestupleniyah so special'nym sostavom. Monografiya / Avetisyan S.S. - M.: Zakon i pravo, YUNITI-DANA, 2004. - 467 c.
7. Klimenko YU. A. O juridicheskoy prirode souchastiya v prestuplenii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2010. №4. [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yuridicheskoy-prirode-souchastiya-v-prestuplenii> (data obrashcheniya: 18.03.2023).

УДК 343.214

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В РОССИИ

Нагорный А. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Крайняя необходимость признается УК РФ в качестве отдельного основания, исключающего преступность деяния. В тоже время реализация данного института уголовного права в практической деятельности сопряжена с рядом проблем, обусловленных несовершенством действующего законодательства. Правовое регулирование крайней необходимости в ст. 39 УК РФ носит весьма фрагментарный характер, оставляя без должной регламентации раскрытие условий крайней необходимости, превышения пределов крайней необходимости. В связи с изложенным, в настоящей статье предпринята попытка определения сущности и правовой природы крайней необходимости, исследования вопросов практического применения данного института, выявления имеющихся проблем в законодательстве и судебной практике. В результате проведенного исследования предложены конкретные меры по внесению изменений и дополнений в УК РФ.

Ключевые слова: крайняя необходимость, превышение крайней необходимости, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния, преступление, уголовная ответственность.

Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, является одним из самых неразработанных и мало изученных институтов в уголовном праве. Основное внимание исследователей обращено на другое обстоятельство, исключающее преступность деяния, – необходимую оборону, правовое регулирование которой также нельзя назвать достаточным. В тоже время научные работы и исследования по теме необходимой обороны носят более фундаментальный характер, а в судебной практике пусть и немногочисленные, но все же имеются случаи признания действий лиц в состоянии необходимой обороны. Иная ситуация наблюдается в судебной практике применительно к институту крайней необходимости. Суды редко квалифицируют действия лица в состоянии крайней необходимости, что подтверждается статистическими данными, опубликованными на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, согласно которым за 2021 г. судами не было принято ни одного решения, которым действия лица были квалифицированы в качестве крайней необходимости [1]. Стороной защиты нередко делаются заявления, что лицо не совершало преступления, а действовало в состоянии крайней необходимости, но такие доводы признаются неубедительными судами.

Среди основных проблем законодательной регламентации института крайней необходимости в уголовном праве можно назвать:

1. несовершенство правовой регламентации крайней необходимости в нормах УК РФ. Законодатель весьма неудачно сформулировал определение крайней необходимости и ее отдельных элементов, пределы правомерности крайней необходимости, критерии превышения крайней необходимости и т.д.

2. С момента закрепления в УК РФ института крайней необходимости уже прошло много лет, однако судебная и следственная практика достаточно осторожно относится к установлению данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, что можно объяснить несколькими обстоятельствами: пробелы в законода-

тельстве; приверженность судов и следственных органов обвинительного уклона; противоречивость судебной практики.

3. Принятое Пленумом Верховного Суда РФ Постановление № 19 от 27.09.2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» внесло существенный вклад в разъяснение содержания ст. 37 УК РФ, регламентирующей применение необходимой обороны [2]. Однако, Пленум Верховного Суда РФ оставил без должного внимания институт крайней необходимости.

4. В теории уголовного права дискуссионным является вопрос, связанный с разграничением крайней необходимости от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности, от необходимой обороны, поскольку данные институты имеют достаточно много схожих признаков, а законодатель не проводит четкого разграничения между ними.

5. Некоторые авторы к недостаткам правовой регламентации крайней необходимости относят «отсутствие в ст. 39 УК РФ перечня обстоятельств, влияющих в каждом конкретном случае на оценку правомерности действий лица, причинившего вред охраняемым уголовным законом объектам при предотвращении грозящей опасности» [3, с. 126].

Институт крайней необходимости является одним из самых обсуждаемых и дискуссионных, несмотря на то, что по данному вопросу написаны многочисленные научные работы. В науке уголовного права нет единой точки зрения относительно понимания сущности и правовой природы крайней необходимости. Д.Ю. Гончаров, С.Г. Гончарова под крайней необходимостью понимают состояние, в котором вред причиняется для устранения опасности причинения другого вреда [4, с. 10].

По мнению ряда исследователей, институт крайней необходимости на протяжении длительного исторического этапа не получал должной законодательной регламентации в дореволюционный период и постепенно трансформировался, и видоизменился из обычного обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность, в обстоятельство, исключающее преступность деяния [5, с. 89].

О.С. Капинус, В.Н. Дадонов полагают, что крайняя необходимость характеризуется сложной правовой природой и содержанием, что проявляется в наличии двух охраняемых интересов, один из которых имеет преобладающее значение, необходимость охраны которого допускает причинение вреда другому объекту [6, с. 32].

Некоторые исследователи высказывают предложения о переименовании института крайней необходимости в «устранение угрожающей опасности» [7]. Не соглашается с данной позицией Т.Ю. Орешкина, полагающая, что подобное название фактически может быть использовано и в отношении иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, например, в отношении необходимой обороны [8, с. 109].

Понятие крайней необходимости дано в ст. 39 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ), из содержания которой следует, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не

могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости [9].

На основе анализа указанного законодательного определения, а также изучения теоретических положений позволим сформулировать следующие признаки крайней необходимости:

- в качестве основной цели, которую преследует лицо при причинении вреда, выступает устранение грозящей опасности. При этом, суды исходят из необходимости доказывания наличия реальности и опасности угрозы охраняемым интересам [10];

- законодатель допускает причинение вреда не только неимущественным, но и имущественным интересам конкретной личности, государства, общества в целом;

- предпринимаемые лицом действия не были заранее спланированы и подготовлены, а были обусловлены возникновением экстраординарной, чрезвычайной ситуации;

- причинение вреда выступало единственным возможным средством устранения внезапно появившейся угрозы;

- причинение вреда при крайней необходимости не является безграничным. Оно всегда очерчено определенными рамками, которые не должны выходить за пределы размера предотвращенного вреда. Если вред причинен в большем размере, чем предотвращенный, то говорить о действиях лица в крайней необходимости не приходится.

При обращении к судебной практике становится очевидно, что суды квалифицируют наличие опасности как условие крайней необходимости в качестве неизбежного обстоятельства, наступление которой не зависит от воли лица [11]. В ряде решений можно встретить позицию, исходящую из признания опасности в качестве обстоятельства стихийного характера, которое невозможно было заранее предвидеть [12].

Обратим внимание на то обстоятельство, что несмотря на отсутствие в УК РФ дефиниции мнимости крайней необходимости, в науке уголовного права ведутся активные дискуссии относительно данного явления.

Некоторыми авторами допускаются также случаи неудавшейся крайней необходимости, когда предпринятые лицом действия для предотвращения вреда не принесли желаемого результата, в результате чего вред не был предотвращен, несмотря на все возможные усилия. В качестве такого примера приводят ситуацию гибели заложников в результате проведения специальной операции по их освобождению [13, с. 96]. Данная ситуация представляется возможной, однако, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что вред причиняется в минимальном размере и в действиях лица дополнительно отсутствуют небрежность и легкомыслие, иначе следует говорить о наступлении уголовной ответственности за совершение неосторожного преступления.

Одним из самых неоднозначных и дискуссионных вопросов связан с установлением пределов превышения крайней необходимости. В ч. 2 ст. 39 УК РФ можно выделить следующие признаки, свидетельствующие о превышении пределов крайней необходимости:

- 1) причиненный вред должен явно не соответствовать характеру и степени угрозавшей опасности;

2) явное несоответствие причиненного вреда обстоятельствам, при которых опасность устранялась;

3) охраняемым уголовным законом интересам (социальным ценностям) был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный.

Временные пределы правомерности крайней необходимости в своей основе имеют такой обязательный признак правомерности, как наличие опасности, означающий возникновение опасности и ее непосредственное наличие на протяжении определенного периода времени. Таким образом, опасность должна реально существовать.

Можно говорить о том, что устранить можно имеющуюся опасность, но еще не миновавшую. Наличие сложностей с определением временных пределов крайней необходимости предполагает необходимость установления и иных признаков, таких как своевременность.

Лица, устраняющие опасность, в силу своих возрастных, психологических особенностей могут не обладать необходимыми навыками, знаниями и опытом в той или иной сфере. В этой связи законодатель в качестве основного требования к действиям лица при крайней необходимости предъявляет следующее: причиненный вред вследствие устранения опасности всегда должен быть меньше вреда предотвращенного.

Определенные проблемы теоретического и практического характера имеются при разграничении крайней необходимости от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния. В частности, крайнюю необходимость следует отличать от необходимой обороны. Основные отличия института необходимой обороны в уголовном праве заключаются в том, что лицо наделяется возможностями по защите своих нарушенных прав посредством осуществления самостоятельных действий, не причиняющих вреда правонарушителю.

Если при необходимой обороне в качестве источника опасности признается исключительно общественно опасное поведение человека, то при крайней необходимости соответствующим источником опасности может признаваться как действия, так и бездействие человека, различные стихийные бедствия, столкновение обязанностей и т.д.

В тоже время по объектам причинения вреда различий между необходимой обороной и крайней необходимостью не имеется, поскольку возможным является причинение вреда как нематериальным благам (жизни, здоровью), так и имуществу граждан, юридических лиц, публичных образований.

Следует говорить о том, что лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, всегда осознает возможность причинения вреда, в результате чего должно предпринимать определенные меры по его минимизации.

При причинении вреда в состоянии необходимой обороны можно наблюдать факт противоправных действий со стороны нападающего лица. Иную ситуацию следует наблюдать в условиях крайней необходимости, когда третье лицо, которому причинен вред, является невиновным.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что вопрос квалификации крайней необходимости вызывает существенные сложности у судов.

В этой связи предлагаем внести следующие изменения и дополнения в текст УК РФ и предпринять меры по совершенствованию практики применения ст. 39 УК РФ:

1. Статья 39 УК РФ требует уточнения относительно объекта причинения вреда, дополнив содержание данной правовой нормы имущественными и неимущественными интересами личности. Наряду с этим, придерживаемся мнения о необходимости конкретизации действий лица, причиняющего вред, в части описания их признаков. Поэтому предлагаем дополнить ч. 1 ст. 39 УК РФ формулировкой, указывающей на чрезвычайный, вынужденный характер действий причинителя вреда.

2. Наиболее частым является причинение вреда в состоянии крайней необходимости при совершении дорожно-транспортных происшествий, в быту, при исполнении профессиональных обязанностей медицинскими работниками, работниками профессий, чья деятельность сопряжена с источниками повышенной опасности, при устранении чрезвычайных ситуаций (пожаров, ураганов, техногенных катастроф и т.п.). В большинстве случаев субъектами, действующими в условиях крайней необходимости, выступают вменяемые физические лица, достигшие 18-летнего возраста. Полагаем, что если на лицо в силу закона возложены обязанности по устранению опасности здоровью и жизни граждан, их имуществу, то действия этих лиц в условиях опасности не могут быть квалифицированы в качестве крайней необходимости ввиду того обстоятельства, что устранение чрезвычайных и внезапно возникших опасностей является их прямой служебной обязанностью. Соответствующее разъяснение предлагаем изложить в ч. 3 ст. 39 УК РФ.

3. Анализ положений Особенной части УК РФ показал, что в ней законодатель не предусмотрел перечень составов преступлений за превышение пределов крайней необходимости. На сегодняшний день эти действия подлежат исключительно квалификации по соответствующей статье Особенной части УК РФ (например, за причинение вреда личности, имуществу) со ссылкой на п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в которой крайняя необходимость признана смягчающим обстоятельством. Изложенное позволяет прийти к выводу, что о крайней необходимости необходимо упомянуть как специальном составе преступлений непосредственно в ст.ст. 108, 114 УК РФ.

4. Считаем необходимым Пленуму Верховного Суда РФ разработать и принять специальное Постановление «О практике применения судами законодательства о крайней необходимости», в котором разъяснить многочисленные спорные вопросы квалификации крайней необходимости, оставшиеся без должного раскрытия в ст. 39 УК РФ.

Список литературы:

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 26.01.2023).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 года «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета, № 227, 03.10.2012.
3. Смирнова Л.Н. Законодательное определение крайней необходимости нуждается в дополнении // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 125-129.
4. Гончаров Д.Ю., Гончарова С.Г. Причинение смерти при крайней необходимости как форма легитимации насилия // Уголовное право. 2015. № 4. С. 8 - 12.
5. Жигжитова Б.Б. Особенности развития института крайней необходимости в уголовном праве России // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 88-95.
6. Капинус О.С., Додонов В.Н. Крайняя необходимость в современном уголовном праве // Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Буквоед, 2008. С. 31 - 35.
7. Ситникова А.И. Конструирование и законодательно-текстологическая интерпретация теоретической модели главы «Причинение вреда в исключительных ситуациях» // Lex russica. 2016. № 8. С. 48 - 61.

8. Орешкина Т.Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // *Lex russica*. 2017. № 6. С. 101 - 115.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Апелляционное определение Курганского областного суда от 17.05.2016 по делу № 33-1652/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2013 года (утв. президиумом Пермского краевого суда 28.02.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 18.07.2013 по делу № 22-4888/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013.

A.P. Nagornyi. Problems of qualification of extreme necessity in Russia // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science.* – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 355–360.

Extreme necessity is recognized by the Criminal Code of the Russian Federation as a separate ground excluding the criminality of the act. At the same time, the implementation of this institution of criminal law in practice is associated with a number of problems caused by the imperfection of the current legislation. The legal regulation of extreme necessity in Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation is very fragmentary, leaving without proper regulation the disclosure of the conditions of extreme necessity, exceeding the limits of extreme necessity. In connection with the above, this article attempts to determine the essence and legal nature of the emergency, to study the practical application of this institution, to identify existing problems in legislation and judicial practice. As a result of the conducted research, specific measures have been proposed to introduce amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: extreme necessity, excess of extreme necessity, necessary defense, circumstances precluding the criminality of the act, crime, criminal liability.

Spisok literaturey:

1. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostojanii sudimosti v Rossii za 2021 god. Ofitsial'nyj sajt Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federatsii [Elektronnyj resurs] // *Rezhim dostupa: <http://www.cdep.ru>* (data obraschenija: 26.01.2023).
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 19 ot 27.09.2012 goda «O primenении sudami zakonodatel'stva o neobhodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie» // *Rossijskaja gazeta*, № 227, 03.10.2012.
3. Smirnova L.N. Zakonodatel'noe opredelenie krajnej neobhodimosti nuzhdaetsja v dopolnenii // *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 6. S. 125-129.
4. Goncharov D.Ju., Goncharova S.G. Prichinenie smerti pri krajnej neobhodimosti kak forma legitimatsii nasilija // *Ugolovnoe pravo*. 2015. № 4. S. 8 - 12.
5. Zhigzhitova B.B. Osobennosti razvitiya instituta krajnej neobhodimosti v ugolovnom prave Rossii // *Prolog: zhurnal o prave*. 2021. № 1. S. 88-95.
6. Kapinus O.S., Dodonov V.N. Krajnjaja neobhodimost' v sovremennom ugolovnom prave // *Kapinus O.S. Sovremennoe ugolovnoe pravo v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti: Sbornik statej*. M.: Bukvoved, 2008. S. 31 - 35.
7. Sitnikova A.I. Konstruirovanie i zakonodatel'no-tekstologicheskaja interpretatsija teoreticheskoj modeli glavy «Prichinenie vreda v iskljuchitel'nyh situatsijah» // *Lex russica*. 2016. № 8. S. 48 - 61.
8. Oreshkina T.Ju. Glava Ugolovnogo kodeksa RF ob obstojatel'stvah, iskljuchajuschih prestupnost' dejanija: problemy formirovanija // *Lex russica*. 2017. № 6. S. 101 - 115.
9. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2022) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. № 25. St. 2954.
10. Apelljatsionnoe opredelenie Kurganskogo oblastnogo suda ot 17.05.2016 po delu № 33-1652/2016 // SPS «Konsul'tantPljus».
11. Obzor apelljatsionnoj i kassatsionnoj praktiki po ugolovnym delam Permskogo kraevogo suda za vtoroje polugodie 2013 goda (utv. prezidiumom Permskogo kraevogo suda 28.02.2014) // SPS «Konsul'tantPljus».
12. Apelljatsionnoe opredelenie Permskogo kraevogo suda ot 18.07.2013 po delu № 22-4888/2013 // SPS «Konsul'tantPljus».
13. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federatsii: nauchno-prakticheskij (postatejnyj) / N.I. Vetrov, M.M. Dajshutov, G.V. Dashkov i dr.; pod red. S.V. D'jakova, N.G. Kadnikova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Jurisprudentsija, 2013.

УДК 343.61

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ, КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК УБИЙСТВА

Оболенский Ю. Б.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В соответствии с Основным законом Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, в связи с чем его охрана является одной из приоритетных задач государства. Человеческая жизнь является бесценной, поэтому в законодательстве предусмотрено установление наивысших мер ответственности за посягательство на нее. Наличие каких-либо отягчающих обстоятельств, при совершении любого преступления, в том числе и убийства, повышает общественную его общественную опасность. В свою очередь, правильное установление признаков, в том числе, обстоятельств, отягчающих ответственность, является необходимым для правильной квалификации и назначения соответствующего наказания. В статье указывается авторская позиция, относительно толкования такого квалифицирующего признака убийства, как особая жестокость.

Ключевые слова: человек, жизнь, убийство, насилие, особая жестокость

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [1]. Ст. 20 Конституции Российской Федерации закрепляет право на жизнь [1]. Никто не может быть произвольно лишен жизни. Обязанность государства – защищать жизнь человека. Правовая охрана жизни человека от преступных посягательств обеспечивается нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК Российской Федерации), который предусматривает наиболее строгую ответственность за их самую тяжкую разновидность – убийство и, особенно, за убийство с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 105 УК Российской Федерации).

Интенсивная, прогрессирующая эскалация насилия во всех без исключения областях жизни нашего общества, растущий уровень социального напряжения, которое обусловлено негативными кризисными социально-экономическими и политическими процессами, которые происходят в Российской Федерации в настоящее время, обуславливают актуальность и необходимость исследования преступных проявлений насилия с целью разработки эффективных уголовно-правовых мер противодействия этому негативному явлению, и прежде всего самому тяжкому по социальным и правовым признакам преступлению против личности – убийству.

Особая жестокость, будучи оценочной категорией, несет в себе большой заряд кумулятивности, что и позволяет относить ее к разряду категорий, раскрытия специфики которых требует специальных познаний комплексного характера.

Хотя на жестокость совершения преступления, как квалифицирующий признак, прямо указывалось в уголовном законодательстве еще времен Русской империи, законодательного закрепления, в современном уголовном законодательстве, она не имеет.

Однако и раскрытие некоторыми авторами сущности особой жестокости путем указания на чрезвычайную безжалостность, удивительное бессердечие, чрезвычайную беспощадность виновного, проявление звериных инстинктов, не вносит надлежащую ясность в раскрытие критериев, на основании которых особая жестокость приобретает уголовно-правовой статус обстоятельства, которое влияет на содержа-

ние и объем ответственности. Также целесообразно указать, что отдельные авторы предлагают решить вопрос кардинально, путем исключения оценочные понятия из уголовного законодательства. Однако, иные авторы отмечают, что такое мнение не является всесторонне обоснованным, так как оценочные понятия придают уголовному законодательству динамичность, возможность вынести справедливый судебный приговор с учетом фактических обстоятельств дела и поведения виновного лица. Примером другого кардинального решения данного вопроса является создание универсального понятия или даже с закреплением унифицированного «словаря» в Уголовном кодексе, как это иногда сделано в иных федеральных законах. Иные авторы, относительно указанного мнения отмечают, что, необходимости в четком перечислении всех дефиниций спорных понятий в уголовном законодательстве нет, так как большая часть оценочных понятий, прежде всего, несут в себе моральную составляющую, связанную с конкретным видом уголовно – правового критерия [2, с. 99]. Следует также иметь в виду, что установление особой жестокости не входит в компетенцию судебно-медицинской экспертизы, так как понятие «жестокость» не является медицинским. Этот вопрос разрешается следственными и судебными органами.

Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27 января 1999 г. признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.). Особая жестокость может выражаться в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания [3].

Анализируя понятие жестокость, необходимо указать, что под ним понимается свойство личности, которое характеризуется стремлением к причинению страданий, мучений, людям или животным, выражается в действиях, бездействии, словах, а также фантазиях соответствующего содержания. Проявления жестокости могут быть осознанными и несознательными, умышленными или импульсивными. Жестокость олицетворяет наиболее полное воплощение ненависти, очень часто ненависти безадресной, ненависти вообще, ненависти ко всем [4, с. 115]. Кроме того, особая жестокость – это дополнительная цель преступника, потому что он может довести преступление до конца, не проявляя жестокости. Следовательно, особая жестокость – это способ совершения, она проявляется ради себя самой, чтобы причинить потерпевшему еще больше страданий по сравнению с обычными действиями преступника [2, с. 99].

Однако необходимо отметить, что множественность ранений не всегда свидетельствует о совершении преступления с особой жестокостью. Для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что виновный, нанося множество телесных повреждений потерпевшему, сознавал, что причиняет ему особые мучения и страдания.

Также раскрывая данный вопрос целесообразно указать, что глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетель-

ствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 УК РФ и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших. Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может быть основанием для квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью.

Убийство, совершенное с особой жестокостью, не только преступно лишает человека жизни, но также, в ходе его совершения преступником задействуются самые жестокие, зачастую – садистские способы, вследствие чего потерпевшему, а в некоторых случаях и его близким, доставляются особые мучения и страдания, что, несомненно, характеризует данное преступление как особо тяжкое, вызывающее широкий резонанс в цивилизованном обществе.

Необходимо указать, что понятие жестокость используется законодателем во многих статьях уголовного закона.

Таким образом, законодатель предоставляет жестокости совершенных деяний самостоятельного уголовно-правового значения в отдельных случаях при наличии трех условий: при наличии определенных обстоятельств, определенных в диспозициях соответствующих уголовно-правовых норм; при условии, что деяния виновного лица причиняют потерпевшему физические или психические страдания; осознание виновным причинения потерпевшему физических или психических страданий.

Что же следует понимать под термином «особая жестокость»? Для этого необходимо раскрыть значение каждого элемента – «жестокость» и «особая». К сожалению, ныне действующий УК РФ не содержит определения жестокости, в связи с чем, более целесообразным будет обращение к толковым словарям русского языка. Так, С.И. Ожеговым дается понятие жестокости при помощи прилагательных суровый, безжалостный, беспощадный [5, с. 393]. Если обратиться к словарю В.И. Даля, жестокостью признаются качества, действия, поступки человека, имеющие признаки немилосердия, бесчеловечности, бессердечности, суровости, изуверства, свирепости, зверства и кровожадности. Применительно к человеку, незнающего жалости, сожаления, сочувствия и сострадания [6, с. 168].

Особая жестокость, в соответствии с судебной практикой, отличается тем, что потерпевшему наносятся особые страдания.

Также возникает вопрос какие именно страдания следует считать особыми? Действительно, жестокость – оценочное понятие и отнесение конкретного поступка к числу жестоких зависит от субъективных нравственных представлений и взглядов оценивающего, его социальной и национальной принадлежности, общественного положения, интеллигентности, уровня культуры, способности, к сочувствию и сопереживанию, чуткости и т. п. [7, с. 19]. Отдельные авторы отмечают, что особая жестокость при совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью или убийства – это умышленные действия (бездействия) лица, выходящие за пределы осуществляемого преступления в целях причинения физического и морального вреда потерпевшему. Основное в оценочной категории особой жестокости заключается не в действиях лица, а в цели такого поведения, которое связано с причинением дополнительных страданий. Кроме того, следует понимать, что и без особой жестоко-

сти преступление может совершаться, но оно будет квалифицироваться иначе. Особая жестокость проявляется для самой себя и служит выражением специфического отношения преступника к потерпевшему [2, с. 100].

Совершая преступление с особой жестокостью, виновное лицо осознает, что он совершает деяния, которые являются чрезмерными для достижения преступного последствия. Оно умышленно избирает именно такой способ совершения преступления, которые наносит потерпевшему (другому лицу) особые страдания, что охватывается его преступным умыслом. Так, желая нанести потерпевшему (иному лицу) особые страдания, убийца избирает способ совершения преступления который охватывает деяние лишние (чрезмерные) для лишения жизни потерпевшего. Обычный способ убийства (какой является характерным для содержания деяния, которое составляет объективную сторону неквалифицированного убийства) не дает убийце возможность полностью реализовать его преступный умысел.

Более того, по нашему мнению, особая жестокость, которая применяется относительно потерпевшего (иных лиц) может вызывать как особые страдания, так и особенные мучание. Хотя с точки зрения этимологического толкования понятия «страдание» и «мучание», в принципе, по своему содержанию, являются идентичными, но относительно уголовно-правовой точки зрения такое разделение кажется нам полностью оправданным с позиции функциональности и полезности в правоприменительной практике.

Существование человека представлено в первую очередь функционированием и развитием живого организма наивысшего порядка. В этом складывается биологическая сущность человека. Организм является биологической основой человека, составляет его материальную организацию. Однако, человек, как живая система, является собой неразрывное единство биологического и социального. Как живой организм человек подчиняется биологическим закономерностям и имеет особенный элемент – психику.

В связи с этим, на наш взгляд, понятие «особая жестокость» имеет две составляющие: особые страдания, которые следует рассматривать как следствие особой жестокости, которая имеет проявление в совершении деяний, направленных, в первую очередь, на психическую составляющую человека и особые мучения, которые следует рассматривать как последствия деяний, направленных на физическую составляющую (ткани, органы или их функции).

Следует отметить, что совершение преступления, в частности убийства, с особой жестокостью в некоторых случаях возможно, как путем действия, так и путем бездействия. Так, например, когда лицо с целью оградить себя от забот перестает кормить парализованного родственника, с которым проживает и о котором должно заботиться, в результате чего наступает смерть последнего, оно совершает именно убийство с особой жестокостью. Потерпевший в данном случае медленно умирая переживает особые физические (через негативные изменения в организме, связанные с голодом и жаждой) и психические (через ощущение отчаяния, безвыходности и страха неминуемой смерти) страдания.

На основании вышеуказанного, по нашему мнению, анализируемому квалифицирующему признаку убийства присущи следующие черты:

- особая жестокость – это способ совершения преступления, который заключается в совершении определенного рода деяния (действия или бездействия);

- деяние имеет место непосредственно перед, во время или после совершения преступления;
- деяние является избыточным с точки зрения причинения последствия, характерного для состава соответствующего преступления (без наличия указанного квалифицирующего признака);
- деяние совершается с умыслом. Умысел виновного направлен на причинение потерпевшему (иному лицу) особых физических мучений и (или) психических страданий;
- причинение потерпевшему (иному лицу) особых физических мучений и (или) психических страданий достигается путем применения психического или физического насилия (причинения телесных повреждений, пыток, истязания, глумления, обиды, психической травмы и т. п.).

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.12.2022).
2. Захорольных, И. Р. О понятии «особая жестокость» в уголовном законодательстве России / И. Р. Захорольных // Молодой ученый. – 2021. – № 24 (366). – С. 99-100.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27 января 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=984.
4. Антонян Ю. М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. – М., 1991. – 248 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Оникс, 2007. – 1393 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 2005. – 468 с.
7. Антонян Ю. М. Преступная жестокость: монография. – М., 1994. – 217 с.

Obolensky Y. B. Special cruelty as a qualifying sign of murder // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 361–365.

In accordance with the Basic Law of the Russian Federation, a person, his rights and freedoms are the highest value, and therefore his protection is one of the priorities of the state. Human life is priceless, therefore, the legislation provides for the establishment of the highest measures of responsibility for encroachment on it. The presence of any aggravating circumstances in the commission of any crime, including murder, increases its public danger. In turn, the correct identification of signs, including circumstances aggravating responsibility, is necessary for the correct qualification and appointment of the appropriate punishment. The article indicates the author's position regarding the interpretation of such a qualifying attribute of murder as special cruelty.

Keywords: human, life, murder, violence, special cruelty.

Spisok literatury:

1. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993. [electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of appeal 01.12.2022).
2. Zahorolnykh, I. R. On the concept of "special cruelty" in the criminal legislation of Russia / I. R. Zahorolnykh // Young scientist. – 2021. – № 24 (366). – Pp. 99-100.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of January 27, 1999 [Electronic resource]. – Access mode: http://supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=984
4. Antonyan Yu. M., Guldan V.V. Criminal pathopsychology. – M., 1991. – 248 p.
5. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / S. I. Ozhegov. – M.: Onyx, 2007. – 1393 p.
6. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / V. I. Dal. – M.: Russian language, 2005. – 468 p.
7. Antonyan Yu. M. Criminal cruelty: monograph. – M., 1994. – 217 p.

УДК 343.2

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Параев И. Г., Галкин А. Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

В статье проанализированы нормы действующего российского, иностранного и международного законодательства в части ответственности за незаконный оборот наркотических средств. Исследователи рассматривают такие понятия как «незаконное распространение наркотиков», «незаконный оборот наркотических средств», «распространение наркотиков», проводя сравнение дефиниций отечественного и иностранного законодательства. Особое внимание авторы обратили на применение современных технологий, а именно информационно-телекоммуникационной сети Интернет в части самого популярного канала для распространения (сбыта) наркотических средств. Также приводятся в качестве примера правового регулирования законодательство США, Китая, Чешской и Французской республик.

На основании вышеизложенного, авторы предлагают перенять опыт Франции и других государств (Великобритании, ФРГ, КНР, Канады и иных) в части введения в УК РФ ответственности для юридических лиц, а также рассмотреть возможность на введение ответственности в УК РФ за пропаганду наркотических средств.

Ключевые слова: уголовный закон, наркопреступления, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, международное право, зарубежное законодательство.

На сегодняшний день в России базисом правового регулирования отношений, связанных с оборотом наркотических средств, выступает Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ № 3), а также УК Российской Федерации и нормы международного права.

В рамках ФЗ № 3 под незаконным оборотом наркотических средств понимается разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию РФ и вывоз с территории РФ, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с действующим законодательством [1]. Так, в свою очередь, подобное понятие закреплено и в Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 г., в которой культивирование или иное действие по сбыту наркотиков в нарушение Конвенции именуется как незаконный оборот [2].

Следует отметить, что помимо рассматриваемого выше понятия, встречается также такой термин как «незаконное распространение наркотиков». Нормы международного права не содержат дефиниции, раскрывающей его содержание, однако отечественные подзаконные акты, такие как Указ Президента РФ от 23.11.2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» содержат словосочетание распространение наркотиков [3; 4].

Кроме того, в научной литературе термин «распространение наркотиков» рассматривается неоднозначно и без раскрытия его сущности. Так, есть правоведы, относящие это словосочетание к деяниям, связанным с продажей и приобретением

наркотиков, учитывая тем самым хранение, предложение, предложение с целью извлечения выгоды, а другие трактуют его с позиции распространения наркомании. Как указывает Державина В., в силу увеличения круга действия сферы влияния наркотических средств и способом сделать более доступными и узнаваемыми стал применяться термин «распространение наркотиков». Также автор подчеркивает, что этот термин стал синонимом сбыта [6].

Одними из самых распространенных в сфере незаконного оборота наркотиков в настоящее время являются преступления с применением информационно-телекоммуникационной сети Интернет. С помощью развития информационных технологий злоумышленники, используя их, пытаются скрыть свою личность и остаться безнаказанными.

Исследуя правовое регулирование указанной проблематики в иностранных государствах, следует отметить следующее, что, например, в США в качестве квалифицирующего признака определенных наркопреступлений выступает применение информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Ярким отличием американского от отечественного законодательства является выделение применения информационно-телекоммуникационной сети Интернет в отдельном подразделе, связанном с рекламой. В качестве цели рекламы американский законодатель указал поиск, предложение незаконного получения, приобретения или распространения контролируемой субстанции [7, с. 28]. Российский законодатель в свою очередь предусмотрел административную ответственность, закрепленную в ст. 6.13 КоАП РФ [8]. Указанные противоправные деяния охватываются терминами пропаганды или незаконной рекламы наркотиков. Диспозиция данной нормы – бланкетная, соответственно дефиниция пропаганды (незаконной рекламы) наркотиков содержится в других нормативно-правовых актах.

В ст. 46 ФЗ № 3 дается определение «пропаганда наркотических средств». Однако законодатель предусмотрел и исключения из указанной нормы. Так, например, в соответствии со статьей 6.13 КоАП РФ распространение в специализированных изданиях, предназначенных для работников сферы здравоохранения, сведений о разрешенных к применению в медицинских целях наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах.

На основании ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» рекламой является информация, распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование и поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке; под ненадлежащей рекламой – реклама, не соответствующая требованиям законодательства РФ [9].

Следует подчеркнуть, что законом РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» введен запрет на распространение в СМИ, в информационно-телекоммуникационных сетях сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда каких-либо преимуществ применения определенных наркотиков, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также распространение другой информации, распространение которой запрещено российским законодательством [10].

УК РФ квалифицирует любые действия, направленные на возбуждение у иного лица желания потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (включая уговоры, предложения, совет, обман, психическое и физическое насилие и прочее), совершаемые с умыслом принуждения к их употреблению гражданином, находящимся под воздействием, то есть склонение к потреблению запрещенных законом веществ (ст. 230 УК РФ). Отметим, что и тут парламентарии ввели исключение в части пропаганды использования в целях профилактики инфекционных заболеваний, определенных вспомогательных средств и оборудования, используемых для потребления наркотических средств и психотропных веществ, при условии совершения указанных действий по согласованию с органами государственной власти (министерство здравоохранения и министерство внутренних дел) [11].

Приведем пример из судебной практики. Р. проживала в Челябинске и занималась незаконным сбытом наркотических средств посредством сети Интернет. Согласно показаниям Р., данными в судебном заседании, она с помощью знакомого ей А. создала веб-сайт для продажи наркотических средств. Также, помимо этого, А. помог Р. с приобретением и транспортировкой партии «товара», доставив его в квартиру Р., где она осуществляла фасовку и смешивала их со специями в необходимых пропорциях. По окончании процесса фасовки Б. и В. производили закладки в разных районах города Челябинска. После поступления оплаты от покупателя на киви-кошелек, Р. сообщала им посредством приложения ISQ место нахождения наркотических средств. Вывод денежных средств с электронного кошелька осуществлялся через банковскую карту.

С учетом того, что Р. активно сотрудничала со следствием, предоставила пароль от ноутбука, рассказала о тайниках, тем самым 25 покушений на преступления не были доведены до логического завершения. Приговором Калининского районного суда г. Челябинска от 14.01.2019 Р. признана виновной в совершении 17 преступлений, предусмотренных п.п. «а, г» ч.4 ст. 228.1 УК РФ; 25, предусмотренных п.п. «а, г» ч.4 ст. 228.1 УК РФ, ч.3 ст. 30 УК РФ, а также п. «а» ч.2 ст. 230 УК РФ в соответствии с ч.3 ст. 69 УК РФ и осуждена на 12 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима [12]. Данный приговор, по нашему мнению, довольно мягкий в силу большой общественной опасности противоправной деятельности, которой занималась осужденная с применением сети Интернет.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что фундаментальным отличием отечественного уголовного закона выступает установление уголовной ответственности за распространение информации о наркотических средствах лишь при наличии умысла на изъявление желания или принуждения иного гражданина к употреблению запрещенных законом средств и веществ. Если указанные действия имеют место быть и адресованы неопределенному кругу лиц, то они являются рекламой и не преследуются по в соответствии с уголовным законом.

Рассматривая уголовный закон Чешской республики, следует обратить внимание, что использование компьютерных сетей (в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет) является квалифицирующим признаком при совершении противоправного деяния, заключающегося в распространении наркомании. Так, чешский законодатель предусмотрел уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок от 1 до 5 лет или наложение денежного штрафа за соблаз-

нение иного гражданина злоупотреблять алкоголем, наркотиками, вызывающими привыкание либо зависимость или иное поощрение злоупотребление подобными веществами или их распространение с применением публичных компьютерных сетей [13]. Безусловно, анализируемая норма схожа по формулировке со ст. 230 УК РФ, но ее отличие проявляется в том, что согласно уголовному законодательству Чехии склонение как таковое к употреблению не персонифицировано и не направлено на конкретное лицо как предусмотрено российским законодательством. Думается, правильным будет использовать термин «реклама» к данной норме чешского права, так как она направлена на неопределенный круг лиц.

Интересен для анализа законодательство Французской республики, в котором отсутствует применение информационно-телекоммуникационной сети Интернет в качестве квалифицирующего признака состава преступления. Кроме того, французский законодатель установил уголовную ответственность для провайдеров (компаний, предоставляющих услуги по доступу в сеть Интернет) за предоставление хостинга неидентифицированным пользователям [14]. Можно сделать вывод, что данный подход ликвидирует анонимность и вводит цензуру на уровне провайдера.

В УК Франции закреплена уголовная ответственность юридических лиц, например, в ст. 222-42. Таким образом, если следствие установит причастность провайдера либо определенного сайта к незаконному обороту наркотиков, их могут привлечь к уголовной ответственности. При этом, данная ответственность юридического лица не исключает подобной ответственности гражданина. Предлагаем перенять опыт Франции и других государств (Великобритании, ФРГ, КНР, Канады и иных) в части введения в УК РФ ответственности для юридических лиц. Безусловно, на наш взгляд, это позволит под угрозой наказания пресечь данную деятельность в сети Интернет при установлении причастности провайдера либо веб-сайта к организации незаконного оборота наркотиков.

Подобным образом обстоит ситуация и в Китае. Прохождение цензуры, в том числе приветствие самоцензуры, осуществляют в КНР. Китайскую систему интернет-регулирувания часто именуют как «великая китайская веб-стена». Ее структура включает в себя множество серверов, функционирующих на интернет-канале, проводя фильтрацию трафика, передающегося по нему. Политическая власть Китая в лице единственной правящей силы – Коммунистической партии – активно вмешивается в деятельность веб-порталов в Сети при совершении последними действий, направленных на нарушение действующего законодательства КНР. В китайский уголовный закон включено 9 статей, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Подчеркнем, что китайский законодатель в рассматриваемой категории преступлений не выделил как квалифицирующий признак – применение сети Интернет, но при этом закрепил довольно жесткие меры ответственности вплоть до смертной казни. Например, ст. 347 УК КНР предусмотрена ответственность за контрабанду, продажу, транспортировку и производство наркотических средств, которая, к слову, наступит вне зависимости от количества [15]. За совершение данных противоправных деяний грозит лишение свободы на срок до пятнадцати лет, бессрочное лишение свободы либо смертная казнь. Необходимо обратить внимание, что количество наркотических средств определяется исходя из фактического количества, то есть перерасчет как в РФ на химически чистый вес не осуществляется. Думается, что

подобная жесткость наказания в данной категории преступления вполне оправдана, иначе подобное крайне сложно будет искоренить.

На основании вышеизложенного, видится целесообразным, рассмотрев опыт США, Чехии в части установления законодателем такого квалифицирующего признака как применение информационно-телекоммуникационной сети Интернет для наступления более строго наказания в силу публичности указанной сети. Помимо этого, нам думается, что следует рассмотреть возможность на введение ответственности в УК РФ за пропаганду наркотических средств. Прежде всего, это позволит создать юридический механизм привлечения к уголовной ответственности владельцев сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, используемых для пропаганды наркотических средств, так как в реальности закрытие доступа к веб-сайтам на уровне провайдера зачастую не гарантирует прекращение его работы.

Список литературы:

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.01.1998. № 2. Ст. 219.
2. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (Заключена в Нью-Йорке 30.03.1961) // Собрание законодательства РФ. 29.05.2000. № 22. Ст. 2269.
3. Указ Президента РФ от 23.11.2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 30.11.2020. № 48. Ст. 7710.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
6. Державина В. Незаконный сбыт наркотических средств // www.legalneed.ru. URL: http://www.legalneed.ru/info/criminallaw/sbit_narkotikov/ (Дата доступа: 12.11.2022)
7. Паламарчук А.В. Регулирование правоотношений в сети Интернет в зарубежных странах [Текст] // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 6 (32) 2012 - М., 2012. - С. 28.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
9. О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 20.03.2006. № 12. Ст. 1232.
10. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 // Российская газета. № 32. 08.02.1992.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
12. Приговор Калининского районного суда г. Челябинска по делу № 1-155/2019 [Электронный ресурс] URL: <http://kalin.chel.sudrf.ru/> (Дата доступа 12.11.2022).
13. CRIMINAL CODE OF THE CZECH REPUBLIC // [Электронный ресурс] URL: [http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/Criminal%20Code%20of%20the%20Czech%20 Republic.pdf](http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/Criminal%20Code%20of%20the%20Czech%20Republic.pdf) (Дата доступа: 12.11.2022).
14. Code pénal // CJOINT.COM. [Электронный ресурс] URL: http://www.cjoint.com/doc/16_01/FAhnIM1xInM_codepenal2016.pdf (Дата доступа 12.11.2022).
15. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. 2-е изд. - М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ». 2021. С. 312.

Paraev I.G., Galkin A.G. On the issue of responsibility for illicit drug trafficking using the internet information and telecommunications network: comparative legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – С. 366–471.

This article analyzes the norms of the current Russian, foreign and international legislation in terms of liability for illegal drug trafficking. Researchers consider such concepts as "illicit distribution of drugs", "illicit drug trafficking", "distribution of drugs" by comparing the definitions of domestic and foreign legislation. The authors paid special attention to the use of modern technologies, namely the Internet information and telecommunication network in terms of the most popular channel for the distribution (sale) of narcotic drugs. Also given as an example of legal regulation is the legislation of the United States, the China, the Czech and French Republics.

Based on the foregoing, the authors propose to adopt the experience of France and other states (Great Britain, Germany, China, Canada and others) in terms of introducing liability for legal entities into the Crimi-

nal Code of the Russian Federation, and also consider the possibility of introducing liability in the Criminal Code of the Russian Federation for the promotion of narcotic drugs.

Key words: criminal law, drug crimes, information and telecommunication network Internet, international law, foreign legislation.

Spisok literaturey:

1. O narkoticheskikh sredstvakh i psihotropnykh veshchestvakh: federal'nyj zakon ot 08.01.1998 g. № 3-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 12.01.1998. № 2. St. 219.
2. Edinaya konvenciya o narkoticheskikh sredstvakh 1961 goda s popravkami, vnesennymi v nee v sootvetstvii s Protokolom 1972 goda o popravkah k Edinoj konvencii o narkoticheskikh sredstvakh 1961 goda (Zaklyuchena v g. N'yu-Jorke 30.03.1961) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 29.05.2000. № 22. St. 2269.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 23.11.2020 g. № 733 «Ob utverzhenii Strategii gosudarstvennoj antinarkoticheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 30.11.2020. № 48. St. 7710.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.07.2021. № 27 (chast' II). St. 5351.
6. Derzhavina V. Nezakonnyj sbyt narkoticheskikh sredstv // www.legalneed.ru. URL: http://www.legalneed.ru/info/criminallaw/sbit_narkotikov/ (Data dostupa: 12.11.2022)
7. Palamarchuk A.V. Regulirovanie pravootnoshenij v seti Internet v zarubezhnykh stranah [Tekst] // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. № 6 (32) 2012 - M., 2012. - S. 28.
8. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheniyah: federal'nyj zakon ot 30.12.2001 № 195-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.01.2002. № 1 (ch. 1). St. 1.
9. O reklame: federal'nyj zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 20.03.2006. № 12. St. 1232.
10. O sredstvakh massovoj informacii: zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 // Rossijskaya gazeta. № 32. 08.02.1992.
11. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 17.06.1996. № 25. St. 2954.
12. Prigovor Kalininskogo rajonnogo suda g. Chelyabinska po delu № 1-155/2019 [Elektronnyj resurs] URL: <http://kalin.chel.sudrf.ru/> (Data dostupa 12.11.2022).
13. Criminal Code of the Czech Republic // [Elektronnyj resurs] URL: [http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/Criminal%20Code%20of%20the%20Czech%20 Republic.pdf](http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/Criminal%20Code%20of%20the%20Czech%20Republic.pdf)(Data dostupa: 12.11.2022).
14. Codepénal // CJOINT.COM. [Elektronnyj resurs] URL: http://www.cjoint.com/doc/16_01/FAhnIM1xInM_codepenal2016.pdf (Data dostupa 12.11.2022).
15. Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki. 2-e izd. - M.: OOO «Yuridicheskaya firma kontrakt». 2021. S 312.

УДК 343.3/7

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ,
НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ЧЕРЕЗ
ИНТЕРНЕТ**

Семенцова И. А., Федорова Е. А.

В статье рассматриваются особенности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 110-110.2 УК РФ с использованием глобальной сети Интернет. Смежные составы разграничиваются по способам совершения и наступившим последствиям. Критически оценена попытка законодателя разграничить уголовную ответственность за склонение к суициду, содействие самоубийству и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению суицида от общего состава доведения до самоубийства. Видится, что склонение, содействие, а также организация деятельности, направленной на возбуждение желание покончить с собой, является частным случаем соучастия доведения до самоубийства. Предлагается дополнить состав квалифицирующими признаками, придающими преступлению повышенную общественную опасность.

Ключевые слова: Уголовная ответственность, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие в самоубийстве, соучастие.

Популяризация и массовое распространение в сети Интернет деструктивных сообществ, пропагандирующих совершение суицидальных поступков, послужила толчком к развитию уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за доведение и иное содействие действиям, направленным на самоубийство. В последнее десятилетие наблюдается тревожная тенденция к увеличению случаев суицидальных проявлений в виде попыток и завершённых актов самоубийств среди особенно среди детей и молодежи. В своем психолого-правовом исследовании Мещерякова А.В. и Цыкора А.В., рассуждая о склонениях несовершеннолетних к суицидальному поведению, выделяют 3 формы такого поведения:

1) истинный суицид, который предполагает сознательно направленные действия на лишение себя жизни, причинение тяжелых последствий своему здоровью, подвергание опасности, которые сопровождаются чаще всего депрессивным состоянием, угнетенным настроением, тяжелым эмоциональным состоянием;

2) демонстративный суицид как намеренный способ акцентировать внимание окружающих на себя, на свою личность, свои проблемы и переживания, своеобразный призыв о помощи, шантаж.

3) скрытый суицид, то есть спрятанное и завуалированное самоубийство, заключающееся в глубоком внутреннем саморазрушающем поведении, своеобразной игре со смертью [1, с. 138].

Несовершеннолетние, получившие психологические травмы, девочки - подростки, имеющие межличностные конфликты, одаренные дети, а также жертвы насилия по мнению психологов наиболее подвержены суицидальному поведению. При этом организующими и (или) склоняющими несовершеннолетних в Интернете к совершению суицида, становятся тоже, как правило, подростки, но из благополучных семей, которые относятся к своим жертвам с нескрываемым пренебрежением и жестокостью. Вместе с тем, кураторами «групп смерти» чаще являются совершеннолетние злоумышленники, имеющие существенные психологические проблемы, либо психические отклонения, а также склонные к

педофилии. Массовое использование сети Интернет, всевозможных мессенджеров и соцсетей, их доступность позволяет иным лицам активно использовать телекоммуникационные системы для склонения несовершеннолетних к девиантному поведению. Все чаще характерной чертой суицидальных мыслей и поведения становится так называемый «кибербуллинг», то есть запугивание и травля с использованием цифровых технологий, он-лайн атака.

В 2017 г. УК РФ дополнен ст. 110.1 Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства и 110.2 Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства [2]. Редакция ст. 110 была дополнена частью, в которой указывается на квалифицирующий признак доведения до самоубийства: - деяние, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях, включая Интернет.

До принятия данных изменений уголовные дела по факту доведения до самоубийства или склонения к самоубийству дистанционно (через Интернет) возбуждались по ст. 110 УК РФ, из смысла которой доведение до самоубийства возможно лишь при личном контакте с потерпевшим путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Как следствие возникали проблемы правового и методического характера, т.к. доведение до самоубийства через Интернет не было урегулировано нормами уголовного законодательства. В действующей редакции УК РФ этот пробел устранен, а уголовная ответственность за доведение до самоубийства подобным способом ужесточилась. Так законодателем была осознана угроза использования информационных технологий, которые воздействуют на психику с целью склонения и доведения до самоубийства граждан, прежде всего, несовершеннолетних.

Вместе с тем при расследовании рассматриваемых деяний у правоприменителей возникают определенные сложности при квалификации противоправных действий, что связано с отсутствием устоявшейся судебно-следственной практики. Очевидны и законодательные «промахи», о которых и порассуждаем. Отличие рассматриваемых смежных составов преступлений суицидальной направленности весьма существенно влияет на практику применения, так как разграничение осуществляется по способам совершения самого деяния и наступившим последствиям.

Объективная сторона доведения до самоубийства выражается в том, что виновный выполняет действия, вынуждающие потерпевшего совершить самоубийство, либо действия, направленные на совершение суицида. Законодатель определяет способы доведения со самоубийства: угрозы; жестокое обращение; систематическое унижение человеческого достоинства. Таким образом, рассматриваемое деяние характеризуется действиями, связанными с физическим или психическим насилием. Уголовно-наказуемое деяние считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий (самоубийства или покушения на самоубийства).

Совершение преступления в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ) предполагает, что оно осуществляется путем размещения в социальных сетях, мессенджерах, YouTube, иных интернет-ресурсах обращений с угрозами в адрес потерпевшего, унижением его человеческого достоинства, видеороликов и фотографий со сценами жестокого обращения, которые доступны для просмотра и ознакомления неограниченному

количеству лиц. Поэтому действия виновного предполагают активное поведение в форме размещения вышеуказанных материалов и их опубликования на различных интернет-ресурсах (форумах, сайтах, страницах), в информационных сетях, что приводит к самоубийству потерпевшего или покушению на самоубийство. Между наступившими последствиями и действиями преступника должна существовать причинно-следственная связь.

Специфика Интернета, как информационно телекоммуникационной сети и средства массовой информации в целом, определяется ролевым предназначением глобальной сети, а именно возможностью распространения информации в отношении более широкого круга пользователей, предоставляя возможность ознакомления с информацией или участия в группах (сообществах) неопределенному кругу лиц.

Диспозиция статьи не определяет форму вины, мотивы и цели виновного лица. Поэтому логичным является вывод о том, что субъективная сторона состава преступления характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины, а преступные мотивы и цели не учитываются при юридической оценке деяния. Субъект указанного преступления общий, физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в данном случае, 16 лет. Вызывает вопросы также и объективная сторона преступления, предусмотренная ч. 1 ст. 110.1 УК РФ.

Объективная сторона характеризуется преступными действиями лица, направленными на склонение к совершению самоубийства потерпевшего путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом. Таким образом, способы совершения данного преступления могут быть самыми различными, и для квалификации деяния достаточно того факта, что виновный своими действиями склонил потерпевшего к суициду или поступку, направленному на его совершение. Тем самым состав преступления является формальным. Деяние признается оконченным с момента склонения лица к суициду, независимо от фактически наступивших последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего в результате противоправных действий виновного лица. Следует учитывать, что данное преступное деяние не может быть совершено путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, так как в этом случае действия виновного должны квалифицироваться по ст. 110 УК РФ.

При склонении к самоубийству возможно соучастие лиц. В зависимости от преступной роли виновный может выступать организатором, подстрекателем, пособником или соисполнителем преступления. Содействие в самоубийстве выражается в оказании потерпевшему помощи или услуги (интеллектуальной, информационной, моральной или физической) в лишении себя жизни.

В отличие от склонения к самоубийству, при содействии в совершении самоубийства законодателем установлен исчерпывающий перечень способов совершения данного деяния. Однако к набору указанных признаков следует относиться весьма критично. Уговоры и предложения являются вербальными средствами коммуникации. Получается, фактически любая фраза, сказанная в качестве предложения или аналогичной смысловой лексической конструкции, содержит признаки состава преступления. К примеру, фраза «Застрелись!» или «Убейся об стену!» содержит предложение на совершение самоубийства. А написанная в личном сообщении и распространенная с помощью сети Интернет такая фраза уже квалифицируется по части 3 ст. 110.1 УК РФ и предусматривает лишение свободы до 4 лет. А подкуп или

обман, используемые в качестве способа доведения до самоубийства вообще противоречат здравому смыслу. Пытаясь изобрести действенные уголовно-правовые барьеры, законодательные органы, по сути, ввели в действие абсурдный закон, который противоречит здравому смыслу.

По ч. 2 ст. 110.1 УК РФ было криминализовано содействие доведению до самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. При этом, по нормам уголовного закона содействие советами, указаниями, предоставлением информации, средств и орудий совершения преступления квалифицируется как пособничество в совершении преступления по нормам ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Данная норма также же вызывает множество вопросов и споров к ее содержанию. Так Евдокимов К.М. полагает, что содействие в самоубийстве не может быть признано соучастием в преступлении в форме пособничества, потому что самоубийство преступлением не признается [3 с. 36]. Однако доведение до самоубийства является уголовно-наказуемым деянием. Следовательно, уголовная ответственность за пособничество должна наступать по ст. 110 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ. Считаем, что на лицо фактическое дублирование со стороны законодателя действующей нормы уголовного закона.

Содействие совершению преступления содержится в нормах о соучастии, и совершенно не имело смысла вводить его в состав еще одной статьи закона. Это равно, как разрабатывать отдельную статью для пособничества в совершении каждого из состава преступлений, содержащегося в Особенной части УК РФ – уголовный закон разрастется до невероятных размеров и перестанет выполнять свои основные функции. Склонение к совершению преступления также уже содержится в составе уголовного закона, по сути, это ничто иное, как подстрекательство, предусмотренное нормой о соучастии. Т.е. ст. 110.1 УК РФ является мертворожденной нормой.

Еще одним преступлением против жизни и здоровья, совершаемым с помощью высоких информационных, компьютерных, коммуникационных, когнитивных и других технологий, является деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за организацию деятельности, направленную на побуждение к совершению самоубийства. Преступление относится к категории особо тяжких и предусматривает наказание до 15 лет лишения свободы.

Как и в предыдущих составах преступления, видовым объектом выступает жизнь человека как правовая ценность, а непосредственным – общественные отношения, гарантирующие право конкретной личности на жизнь, ее неприкосновенность.

Объективная сторона состава преступления характеризуется активными действиями по организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, которое осуществляется двумя способами: распространением информации о способах совершения самоубийства либо призывами к совершению самоубийства. С точки зрения конструкции объективной стороны состав преступления формальный. Поэтому для привлечения виновного лица к ответственности юридического факта наступления последствий – в виде смерти потерпевшего в результате суицида не требуется. Под организацией подобной преступной деятельности понимается ее упорядочение, систематизация, структурирование, придание ей логически последовательного характера. Побуждением к совершению самоубийства есть вы-

зывание у потерпевшего определенных психоэмоциональных переживаний и страданий, формирующих у него решимость и непреодолимое желание покончить жизнь самоубийством. Распространение информации о способах совершения самоубийства - это действия, направленные на передачу и получение указанной информации неопределенным кругом лиц в данном случае через информационные сети, блоги, мессенджеры, электронные мультимедиа и пр. Под призывами к совершению самоубийства следует понимать выраженные в устной, письменной или конклюдентной (жесты, музыка, светозвуковые сигналы, изображения и т.д.) форме обращения к другим лицам с целью побудить их к совершению самоубийства [4]. Другие способы совершения деяния законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы не предусмотрены, что означает исчерпывающий характер перечня.

Действия преступника должны обладать публичностью, т.е. выполняться путем выступления, обращения, демонстрации, размещения или иным способом доведения противоправной информации о методах и приемах совершения суицида до неопределенного круга лиц. Количество людей, ознакомившихся с данной информацией, или количество просмотров на интернет-ресурсах указанных материалов для юридической оценки совершенного деяния не имеют значения, даже если с этими публикациями ознакомился лишь один человек. Определяющим фактором здесь выступает общедоступность подобных призывов и информации для других лиц.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Кроме того, из диспозиции правовой нормы следует, что деятельность по организации самоубийства имеет цель – побуждение к совершению самоубийства. Преступные мотивы по организации самоубийства могут быть различными (месть, зависть, личная неприязнь, религиозные или национальные мотивы, удовлетворение психического расстройства и др.). Однако на квалификацию деяния и его юридическую оценку на стадии предварительного следствия они не влияют, в судебном заседании при вынесении обвинительного приговора некоторые мотивы (расовые, национальные, религиозные) могут быть рассмотрены как обстоятельства, отягчающие наказание для подсудимого.

Субъект рассматриваемого преступления общий – физическое вменяемое лицо не моложе 16 лет. Приговором Люберецкого городского суда Московской области от 6 марта 2019 г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, был осужден к 6 годам лишения свободы гражданин Глазов А.Ю. Судом было установлено, что Глазов А.Ю., являясь пользователем социальной сети ВКонтакте, используя страницы аккаунтов «А. Глазов», «А. Глазик», «Аннубис Кит», «Николай Кротов», организовал деятельность, направленную на побуждение к совершению самоубийства и распространение информации о способах и приемах совершения самоубийства, создав форум ролевой игры под названием «На грани жизни». После чего вступил через информационно-телекоммуникационную сеть в электронную переписку с 5 потерпевшими. В переписке с ними Глазов А.Ю. разъяснял правила ролевой игры и давал участникам различных 30 заданий, к примеру, причинять себе телесные повреждения, фотографировать себя на крышах высотных многоквартирных домов и зданий, стрелах строительных башенных кранов, перебегать через железнодорожные пути перед движущимся на скорости поездом. Последнее, 30-е задание Глазова А.Ю. включало совершение несовершеннолетними самоубийства путем падения с крыши или балкона высотного здания. При этом Глазов А.Ю. переда-

вал указанным несовершеннолетним обязательные для просмотра и прослушивания аудио- и видеоролики со сценами насилия и осуществления суицида различными способами, тем самым формируя у несовершеннолетних психические расстройства и депрессивную направленность сознания с целью снятия психологического барьера, препятствующего совершению самоубийства предложенным им способом [5].

В настоящее время существует определенная дискуссия по вопросу об адекватности наказания за совершение данного противоправного деяния. Поскольку ответственность, предусмотренная санкцией ст. 110.2 УК РФ, приравнивается законодателем к ответственности за некавалифицированное умышленное убийство. Некоторые авторы видят в этом определенный диссонанс в существующую уголовную доктрину [3; 6]. Таким образом, криминализация рассмотренных преступных деяний продиктованным стремительным развитием компьютерных, информационных, коммуникативных, когнитивных и иных высоких технологий – активным использованием в молодежной среде социальных сетей, мессенджеров, айфонов, смартфонов и других мобильных компьютерных устройств, имеющих выход в Сеть, и которые не менее активно применяются преступниками в противоправных целях, в т.ч. против жизни и здоровья несовершеннолетних путем психотронного воздействия.

Вместе с тем полагаем, что выделение данных деяний в самостоятельные составы преступлений перегружает российское уголовное законодательство излишними правовыми нормами, усложняет квалификацию вышеуказанных преступных деяний, затрудняет обобщение и формирование единой судебно-следственной практики по уголовным делам о преступлениях данного вида.

Думается, что включение указанных деяний в качестве квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, являлось бы более логичной и разумной мерой для систематизации российского уголовного законодательства. Кроме того, полагаем возможным криминализовать некоторые мотивы и цели в качестве квалифицирующих признаков. Например, «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» или «из корыстных побуждений или по найму», так как они придают преступлению повышенную общественную опасность и соответствуют тенденциям развития современной российской преступности, т.е. преобладания преступлений корыстной направленности, и совершенных с использованием информационных, коммуникационных, компьютерных технологий.

Несомненно, «суицидальные преступления», предусмотренные статьями 110-110.2 УК РФ обладают повышенной общественной опасностью, причиняют существенный вред отношениям в сфере охраны жизни человека, кроме того отличаются еще и бесчеловечностью, аморальностью, коварством преступника, крайней низменностью мотивов его поведения, поэтому их криминализация представляется вполне обоснованной. Поддержим авторов, считающих логичным предложение по установлению возраста уголовной ответственности за совершение данной группы преступлений с 14 лет [7]. Очевидно если лицо в таком возрасте, с позиции законодателя, способно сознавать фактический характер и общественную опасность убийства, оно точно так же может понимать, к каким общественно опасным последствиям могут привести и его действия, подходящие под квалификацию доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства; организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Список литературы:

1. Мещерякова, А.В. Выявление и пресечение деятельности лиц, склоняющих несовершеннолетних к суицидальному поведению с использованием сети Интернет // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – №6. – С. 137-143.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федер. закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 24. Ст. 3489.
3. Евдокимов, К.Н. Уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2021. – № 12. – С. 34 - 38.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт. – 2017. Т. 2. // Доступ из справ. - правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
5. Уголовное дело № 1-74/2019 по обвинению Глазова А.Ю. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 110.2 УК РФ // Архив Люберецкого городского суда Московской области за 2019 г.
6. Аносов, А.В. Уголовное законодательство государств - участников СНГ о преступлениях, связанных с самоубийством несовершеннолетних / А.В. Аносов, И.В. Алексеев // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 4. – С. 31 - 34.
7. Красковский, Я.Э. К вопросу о криминологической обусловленности уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом // Современное право. – 2019. – № 6. – С. 126-129.

Sementsova I. A., Fedorova E. A. Problems of criminal responsibility for acts directed to suicide via the Internet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 372–378.

The article discusses the features of bringing to criminal responsibility for the commission of crimes provided for in articles 110-110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation using the global Internet. Adjacent compositions are differentiated according to the methods of commission and the resulting consequences. The legislator's attempt to distinguish between criminal liability for inciting suicide, assisting suicide and organizing activities aimed at inciting suicide from the general composition of incitement to suicide is critically assessed. It seems that inducement, assistance, as well as the organization of activities aimed at arousing the desire to commit suicide, is a special case of complicity in incitement to suicide. It is proposed to supplement the composition with qualifying features that give the crime an increased social danger.

Key words: Criminal liability, incitement to suicide, inducement to suicide, assistance in suicide, complicity.

Spisok literatury:

1. Meshcheryakova, A.V. Vyyavlenie i presechenie deyatel'nosti lic, sklonyayushchih nesovershennoletnih k suicidal'nomu povedeniyu s ispol'zovaniem seti Internet / A.V. Meshcheryakova, A.V. Cykora – Tekst : neposredstvennyj // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2022. – №6. – S. 137-143.
2. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mekhanizmov protivodejstviya deyatel'nosti, napravlennoj na pobuzhdenie detej k suicidal'nomu povedeniyu: Feder. zakon ot 07.06.2017 № 120-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2017. – № 24. St. 3489.
3. Evdokimov, K.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennye s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Rossijskij sledovatel'. – 2021. – № 12.
4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: V 4 t. / Otv. red. V.M. Lebedev. M.: YUrajt. – 2017. Т. 2. // Dostup iz sprav.- pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst: elektronnyj.
5. Ugolovnoe delo № 1-74/2019 po obvineniyu Glazova A.YU. v sovershenii prestuplenij, predusmotrennyh ch. 2 st. 110.2 UK RF // Arhiv Lyubereckogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti za 2019 g.
6. Anosov, A.V. Ugolovnoe zakonodatel'stvo gosudarstv - uchastnikov SNG o prestupleniyah, svyazannyh s samoubijstvom nesovershennoletnih // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2018. – № 4.
7. Kraskovskij, YA.E. K voprosu o kriminologicheskoj obuslovlennosti ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s suicidom // Sovremennoe pravo. – 2019. – № 6. – S. 126 - 129.

УДК 343.13

**ОБ ОЦЕНКЕ СУДАМИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦ, НАПРАВЛЕННЫХ НА
ЗАГЛАЖИВАНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ
ОБЩЕСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ, ПРИ НАЗНАЧЕНИИ МЕРЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА**

Хохрякова Э. А.

Челябинский государственный университет

В статье анализируются примеры судебных решений по применению ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ, свидетельствующие об отсутствии единства судебной практики, единства подходов судей к оценке действий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением общественным отношениям в той или иной сфере. Автором сделан вывод о том, что необходимо выработать единые критерии, понятные общие подходы, которыми могли бы руководствоваться суды при принятии решения на основании положений ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ в отношении лиц, совершивших преступления в случаях, когда вред причинен не конкретному потерпевшему, а интересам общества.

Ключевые слова: судебное правоприменение, судебный штраф, заглаживание вреда, формат судебного применения, мера уголовно-правового характера, позиция суда, усмотрение суда.

В предисловие к коллективной монографии П.П. Серков отметил, что правовые теории получают развитие при появлении правовых доктрин, но: «...систему взглядов и подходов, представленную в виде теоретико-правовых обобщений, можно выявить не только в научной (как общеправовой) мысли, но также с помощью практико-ориентированных приемов анализа, прежде всего в формате судебного правоприменения, которое давно находится в фокусе внимания в связи с поиском способа «перекинуть мост» между общим (абстрактным предписанием правовой нормы) и отдельным (конкретным жизненным случаем, подлежащим правовому решению)» [1, с. 11].

Задача статьи представить и проанализировать примеры «формата судебного применения» меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которые свидетельствуют о наличии различных подходов по оценке судами действий лиц, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением общественным отношениям, при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Необходимо заметить, что достоинства такой меры уголовно-правового характера как судебный штраф были отмечены в постановлении X Всероссийского съезда судей № 1 от 1 декабря 2022 г., так: «съезд поддерживает позицию Верховного Суда Российской Федерации по реализации института судебного штрафа как условия снижения уровня криминализации общества и социальной конфликтности» [2].

Однако, несмотря на отмеченную значительную роль такой меры уголовно-правового характера в снижении уровня криминализации и социальной конфликтности общества, практика применения норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с применением судебного штрафа разнообразна, непоследовательна и даже противоречива в вопросах о том, какие именно действия лица, привлекаемого к уголовной ответственности, можно расценить как иной спо-

соб заглаживания вреда, причиненного преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Для иллюстрации разнообразия и противоречивости судебной практики, приведем несколько примеров судебных решений о возможности либо невозможности освободить лицо от уголовной ответственности с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Так, уголовное дело в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, прекращено по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ, в соответствии со ст. 76.2 УК РФ и назначена мера уголовно – правового характера в виде судебного штрафа. Апелляционным постановлением решение суда первой инстанции отменено с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Аргументация судов для убедительности в правильности цитирования содержания обоснования решения, а также демонстрации различных подходов судей по толкованию применяемой нормы, приведены практически полностью.

«Мотивируя вывод о наличии оснований для освобождения М. от уголовной ответственности, и прекращения уголовного дела в отношении него суд указал, что последний обвиняется в преступлении, совершенном впервые, которое относится к категории небольшой тяжести, поскольку имеющаяся у М. судимость погашена в установленном законом порядке, что подсудимый согласен с выдвинутым в отношении него обвинением, которое подтверждено доказательствами, изложенными в обвинительном постановлении, дознание по уголовному делу проводилось в сокращенной форме, подсудимый согласен с прекращением уголовного дела и применением к нему судебного штрафа, осознает последствия прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа.

Также суд первой инстанции указал, что по уголовному делу в отношении М. потерпевшие отсутствуют, и, таким образом, отсутствует материальный ущерб в результате совершенного преступления, который мог бы быть возмещенным подсудимым, тем не менее, подсудимый загладил причиненный в результате преступления вред общественным отношениям путем добровольного оказания материальной помощи КГУЗ «Краевой психоневрологический дом ребенка» путем перечисления денежных средств в размере 20 000 рублей.

Вместе с тем, с указанным выводом суда согласиться нельзя, как основанным на неверном толковании закона, поскольку возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда представляют собой обязательное для выполнения условие, без которого применение положений ст. 76.2 УК РФ будет свидетельствовать о нарушении принципа законности, игнорирования поощрительной уголовно-правовой природы назначения судебного штрафа, и каких-либо исключений для преступлений, не причинивших ущерба, в данном случае, нет.

Вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Учитывая, что объектом преступного посягательства М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 228 УК РФ, являются здоровье населения и общественная нравственность, суд не привел в своем решении, как повлияли принятые подсудимым меры – перечисление денежных средств на счет КГУЗ «Краевой психоневрологический дом ребенка» на восстановление законных

интересов общества, и достаточны ли эти меры для того, чтобы признать снижение степени общественной опасности содеянного и применения судебного штрафа.

Кроме того, в материалах дела отсутствуют надлежаще оформленные документы, подтверждающие сам факт перечисления М. денежных средств детям на счет КГУЗ «Краевой психоневрологический дом ребенка».

В приложенных защитником к уголовному делу копиях документов, в частности – Благодарности главного врача учреждения здравоохранения ФИО7, содержатся сведения об оказании М. благотворительной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, однако не указано, в какой форме была выражена помощь, и не представлено сведений о поступлении от М. денежных средств или материальных ценностей, и что они поступили именно в указанное учреждение в размере 20000 рублей, который приводится в ходатайстве защитника, в связи с чем, суд апелляционной инстанции находит обоснованными доводы прокурора, что принимая решение о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа суду необходимо было оценить, соответствует ли это задачам правосудия – необходимости соблюдения общественного интереса.

Таким образом, сведений о реальном заглаживании вреда, причиненного преступлением общественным отношениям в сфере охраны здоровья населения и общественной нравственности, что относится к объекту преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, в постановлении не приведено.

Указанные же судом в постановлении факты, с учетом характера инкриминируемого подсудимому преступления, не свидетельствуют о снижении общественной опасности содеянного и не дают оснований считать, что оказанием помощи КГУЗ «Краевой психоневрологический дом ребенка», подсудимый М. полностью загладил вред, причиненный общественным отношениям в сфере охраны здоровья населения и общественной нравственности» [3].

Еще один пример: апелляционным постановлением оставлено без изменений решение суда первой инстанции, которым прекращено уголовное дело в отношении обвиняемого в совершении преступления, также предусмотренного ч.1 ст. 228 УК РФ, на основании ст. 25.1 УПК РФ в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Аргументация суда апелляционной инстанции.

«По смыслу закона, прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ, возможно, если после совершения преступления обвиняемый принял активные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов личности, общества и государства. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении № 2257-О от 26 октября 2017 г., различные уголовно-наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, поэтому предусмотренные ст. 76.2 УК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми и определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния. С учетом этого, суд должен решить, достаточны ли предпринятые лицом, совершившим преступление, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности.

Исходя из положений ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ суд при принятии решения о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа должен установить, возмещен ли ущерб или иным образом заглажен ли причиненный преступлением вред.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 2.1 Постановления Пленума ВС Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», под заглаживанием вреда (ч.1 ст. 75, ст. 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

В силу ст. 76.2 УК РФ при наличии предусмотренных в ней оснований освобождения от уголовной ответственности, данная норма уголовного закона подлежит применению и в тех случаях, когда диспозиция соответствующей статьи Особенной части УК РФ не предусматривает причинение ущерба либо иного вреда в качестве обязательного признака состава преступления, либо, когда в результате совершения преступления ущерб (вред) фактически не причинен.

В указанных случаях, для принятия судом решения о наличии оснований для прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа может быть учтено позитивное посткриминальное поведение лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

При принятии обжалуемого постановления суд первой инстанции кроме тяжести преступления обоснованно учел, что ФИО1 ранее не судим, по месту жительства характеризуется удовлетворительно, по месту работы в ООО «...», по предыдущему месту работы в ООО «...» - положительно, на учетах у врачей психиатра, нарколога, на учете в полиции не состоит, имеет благодарность КГ ОБУ «... №» за оказание материальной помощи воспитанникам группы детского дома, а также принял во внимание поведение обвиняемого после совершения преступления, а именно то, что он дал явку с повинной, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, выразившееся в добровольном указании на месте обстоятельств совершенного преступления и в даче подробных признательных показаний, чистосердечно раскаялся, что свидетельствует о том, что ФИО1 вину признал полностью, осознал противоправность своих действий, высказал сожаление, ведет позитивную постпреступную деятельность, подобных правонарушений более не совершал. Вопреки доводам апелляционного представления, не только оказание материальной помощи воспитанникам группы детского дома, но и поведение ФИО1 после совершения преступления, его отношение к содеянному суд расценил, как иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда.

Не указание судом первой инстанции в обжалуемом постановлении объема, стоимостного выражения финансовой помощи, оказанной ФИО1 КГ ОБУ «... №», не ставит под сомнение оказание указанной помощи последним, поскольку судом исследовались соответствующая квитанция на сумму 2000 руб., благодарность упомянутого учебного заведения за оказание ФИО1 материальной помощи в сумме 2000 руб. воспитанникам группы детского дома.

При указанных обстоятельствах вышеприведенные требования закона, вопреки доводам апелляционного представления, в полном объеме выполнены судом первой инстанции при производстве по уголовному делу в отношении ФИО1» [4].

По данным делам, позиция прокуроров не удивляет, так как анализ примеров судебной практики показывает, что, как правило, прокуроры занимают отрицательную позицию о возможности прекращения уголовных дел по нереабилитирующим обстоятельствам и на чем основывается более чем последовательный в этом плане прокурорский подход не входит в задачу настоящей статьи.

Нам важна позиция судей одного и того же суда, когда в первом случае апелляционный суд указал, что объектом преступного посягательства «являются здоровье населения и общественная нравственность», а суд первой инстанции «не привел в своем решении, как повлияли принятые подсудимым меры – перечисление денежных средств на счет... на восстановление законных интересов общества, и достаточны ли эти меры для того, чтобы признать снижение степени общественной опасности содеянного и применения судебного штрафа». Во втором же случае перечисление суммы в 2000 руб. (в первом случае, напомним было 20 000 руб.) «вопреки доводам апелляционного представления» суд расценил, как иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда.

В первом примере, при всей неопределенности к перечислению 20 000 руб. (это мог вполне и суд апелляционной инстанции выяснить), суд все же обосновал свое мнение, не суммой как таковой (кстати, прокурор в представлении, перечисление суммы в 20000 руб. и не оспаривал), а учитывал «характер инкриминируемого подсудимому преступления» и посчитал, что все изложенные судом первой инстанции «факты» «не свидетельствуют о снижении общественной опасности содеянного и не дают оснований считать, что оказанием помощи КГУЗ «Краевой психоневрологический дом ребенка», подсудимый М. полностью загладил вред, причиненный общественным отношениям в сфере охраны здоровья населения и общественной нравственности».

Во втором же примере: «вопреки доводам апелляционного представления, не только оказание материальной помощи воспитанникам группы детского дома, но и поведение ФИО1 после совершения преступления, его отношение к содеянному суд расценил, как иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда».

Фактические данные можно сказать по делам идентичны, а принятые процессуальные решения различны для обвиняемых – в первом случае отрицательное, а второе положительное.

Как известно, исследование обстоятельств уголовного дела протекает по единым законам познания с соблюдением логических правил и способов раскрытия истины [5, с. 3]. Представляется, что в данном тезисе ключевым словом является «как известно», но в приведенных примерах мы видим нарушение этого устоявшегося «как известно» и вызвано это разрушение устоявшегося, на наш взгляд, усмотрением судей, что немаловажно в данном случае, одного и того же суда, при толковании одной и той же применяемой нормы закона.

Это замечание к тому, что еще В.И. Ленин, создатель первого в мире социалистического государства, в статье о законности указал на то, что «законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурыности

является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской» [6].

Обращаясь к приведенному П.П. Серковым предисловию к монографии можно констатировать, что абстрактным предписаниям одной правовой нормы придан различный смысл к конкретным жизненным случаям. С нашей точки зрения такой различный смысл нормы закона к тождественным жизненным ситуациям в судебной практике должен быть исключен. То, что судебная практика по применению института судебного штрафа непоследовательна, свидетельствует и другие примеры.

«Выводы суда об отсутствии оснований для отказа в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, сделаны без выяснения характера и объема оказанной помощи, её стоимостного выражения.

Представленная Р. суду апелляционной инстанции копия чека о приобретении моющих средств на общую сумму 6375 рублей не свидетельствует о том, что указанные моющие средства были приобретены именно Р. и поступили именно в указанные детские учреждения» [7].

А вот пример из практики Красноярского краевого суда, из которого следует, что суд апелляционной инстанции отменил приговор суда первой инстанции в отношении М., осужденного по ч. 1 ст. 228 УК РФ и назначил ему меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, мотивировав это тем, что суд первой инстанции не учел, что М. принял меры по заглаживанию причиненного вреда «принесение публичных извинений обществу, проведение профилактических бесед о вреде наркомании, пропагандирование здорового образа жизни и прохождение воинской службы» [8].

Апелляционным постановлением от 14 июня 2021 г. отменено постановление суда первой инстанции в отношении Р., так как суд посчитал, что: «Удовлетворительные характеристики, совершение преступления впервые и иные сведения, на что сослался суд в своем постановлении», а также перечисление денег в размере 10 000 рублей в детское учреждение, «два благодарственных письма, не свидетельствуют о каких-либо действиях, предпринятых Р. с целью заглаживания им вреда, о снижении общественной опасности содеянного и не дают оснований считать, что он полностью загладил вред, причиненный интересам общества и государства» [9].

Владимир Путин в приветственном слове к делегатам и гостям X Всероссийского съезда судей, обратил их внимание, что государство наделило судей «особыми полномочиями и от вашей работы, от нравственных установок и понимания значимости, достоинства своей миссии зависит качество правосудия и авторитет судебной власти в стране, чтобы люди, обращаясь в суд, доверяли ему, были уверены, что получают законное и справедливое решение, что суд будут вершить беспристрастные, честные, неподкупные люди...» [10].

Владимир Соловьев, яркий представитель отечественных философов XIX века, в работе «Оправдание добра», допуская, «что некоторые из преступников неисправимы», утверждая, что «никто не имеет возможности и права сказать заранее с уверенностью, принадлежит ли данный преступник к этим некоторым», полагал в силу этого «должно ставить *всех* (выделено косым Вл. Соловьевым) в условия, наиболее благоприятные для возможного исправления» [11, с. 516].

Из этого и для достижения «возможного» исправления, Владимир Соловьев считал, что «первое и самое важное условие есть, конечно, то, чтобы во главе пенитенциарных учреждений стояли люди, способные к такой высокой и трудной задаче, - лучшие из юристов, психиатров и лиц с религиозным призванием» [11, с. 516].

Между тем, необходимо признать, что в деле «возможного» исправления в пенитенциарных учреждениях, это условие является несомненно «первым и важным», но при практическом применении нормы к конкретному жизненному случаю, это важно, однако, как представляется, не имеет особого первостепенного значения, так как понимание добра и милосердия у образованных и профессиональных судей разное. Поэтому, чтобы добиться единообразного, предсказуемого с точки зрения уголовного закона, социальной справедливости, законов познания и правил логики принятия решений при применении ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ необходимо вырабатывать единые критерии, применяя которых суды будут оценивать действия лиц, привлеченных к уголовной ответственности, направленные на заглаживание вреда, причиненного охраняемым уголовным законом общественным правоотношениям, на которые было направлено преступное посягательство.

В определении от 26 марта 2020 г. N 650-О Конституционным судом РФ указывается, что из Конституции РФ не вытекает обязанность федерального законодателя закреплять в уголовном законе одинаковые критерии освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, без учета обстоятельств, свидетельствующих о том, что лицо своими действиями снизило степень общественной опасности совершенного им преступления.

Законодатель вправе – имея в виду достижение задач уголовного закона - уполномочить суд в каждом конкретном случае решать, достаточны ли предпринятые виновным действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить его от уголовной ответственности.

Вывод о возможности такого освобождения, к которому придет суд в своем решении, должен быть обоснован ссылками на фактические обстоятельства, исследованные в судебном заседании.

Соглашаясь с данным мнением Конституционного суда РФ о том, что не обязательно законодательное закрепление основных критериев освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, в том числе, и для оценки действий лиц, привлеченных к уголовной ответственности, направленных на заглаживания вреда соответствующим правоотношениям, представляется, что необходимо выработать понятные общие подходы, которыми могли бы руководствовались суды при принятии решения на основании положений ст. 76.2 УК РФ и ст.25.1 УПК РФ в отношении лиц, совершивших преступления в случаях, когда вред причинен не конкретному потерпевшему, а интересам общества, охраняемым законом правоотношениям в той или иной сфере.

Эти общие подходы должны быть понятны всему обществу и прежде всего судам, участникам уголовного судопроизводства, в том числе подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, чтобы они при наличии у них соответствующего желания заглаживать вред могли это сделать. Представляется, что вопросы, поставленные выше, могут быть разрешены предметным авторитетным разъяснением Верховного суда РФ в соответствующем постановлении Пленума для определения общих подходов и формирования единой судебной практики.

Список литературы:

1. Серков, П.П. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. – Москва: ИЗиСП: Норма, 2020. – 344 с.
2. О развитии судебной системы Российской Федерации: Постановление X Всероссийского съезда судей № 1 от 1 декабря 2022 года. – URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/49122>
3. Апелляционное постановление от 31 января 2022 года Приморского краевого суда. – URL: <https://kraevoyprm.sudrf.ru> (дата обращения: 11.02.2023). – Текст: электронный.
4. Апелляционное постановление Приморского краевого суда. – URL: <https://kraevoy--prm.sudrf.ru> (дата обращения: 11.02.2023). – Текст: электронный.
5. Жогин, Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р.С., Винберг А.И., Дорохов В.Я., Карнеева Л.М., и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
6. Статья В.И. Ленина О двойном подчинении и законности. – URL: <https://diletant.media/articles/38308547/> (дата обращения: 11.03.2023). – Текст: электронный.
7. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 14 февраля 2022. – URL: <http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru> (дата обращения: 11.02.2023). – Текст: электронный.
8. Обзор апелляционной и кассационной практики Красноярского краевого суда по рассмотрению дел о преступлениях, связанных с незаконным оборот наркотических средств и психотропных веществ за 2019 год. – URL: http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=248
9. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 14 июля 2021 года. – URL: <http://www.ulobsud.ru> (дата обращения: 11.02.2023). – Текст: электронный.
10. Президент России: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-vserossiiskom-sezde-sudei-29-11-2022.html>
11. Соловьев, В. Оправдание добра / В. Соловьев. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 768 с.

Khokhryakova E.A. On the assessment by the courts of the actions of persons aimed at making amends for the harm caused by the crime to public relations when assigning a criminal law measure in the form of a court fine // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 379–386.

The article analyzes examples of court decisions on the application of Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 25.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, indicating the lack of unity of judicial practice, unity of judges' approaches to assessing the actions of persons brought to criminal responsibility aimed at making amends for the harm caused by the crime to public relations in a particular area. The author concludes that it is necessary to develop common criteria, understandable general approaches that could guide the courts in making decisions based on the provisions of Article 76.2 of the Criminal Code and Article 25.1 of the Criminal Procedure Code in relation to persons who have committed crimes in cases where harm is caused not to a specific victim, but to the interests of society.

Keywords: judicial enforcement, judicial fine, compensation for harm, the format of judicial application, a measure of a criminal nature, the position of the court, the discretion of the court.

Spisok literatury:

1. Serkov, P.P. Sudebny`e doktriny` v rossijskom prave: teoriya i praktika: monografiya / V.V. Lazarev, X.I. Gadzhiev. – Moskva: IZiSP: Norma, 2020. – 344 s. – ISBN 978-5-00156-110-1 – Tekst: neposredstvenny.
2. O razvitii sudebnoj sistemy` Rossijskoj Federacii: Postanovlenie X Vserossijskogo s`ezda sudej № 1 ot 1 dekabrja 2022 goda. – URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/49122> (data obrashheniya: 11.03.2023).
3. Apellyacionnoe postanovlenie ot 31 yanvarya 2022 goda Primorskogo kraevogo suda. – URL: <https://kraevoyprm.sudrf.ru> (data obrashheniya: 11.02.2023). – Tekst: e`lektronny.
4. Apellyacionnoe postanovlenie Primorskogo kraevogo suda. – URL: <https://kraevoy--prm.sudrf.ru>
5. Zhogin, N.V. Teoriya dokazatel`stv v sovetskom ugolovnom processe / Belkin R.S., Vinberg A.I., Doroxov V.Ya., Karneeva L.M., i dr. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Yurid. lit., 1973. – 736 s. – Tekst: neposredstvenny.
6. Stat`ya V.I. Lenina O dvojnomo podchinenii i zakonnosti. – URL: <https://diletant.media/articles/38308547/>
7. Apellyacionnoe postanovlenie Primorskogo kraevogo suda ot 14 fevralya 2022. – URL: <http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru> (data obrashheniya: 11.02.2023). – Tekst: e`lektronny.
8. Obzor apellyacionnoj i kassacionnoj praktiki Krasnoyarskogo kraevogo suda po rassmotreniyu del o prestupleniyax, svyazanny`x s nezakonny`m oborot narkoticheskix sredstv i psixotropny`x veshhestv za 2019 god. – URL: http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=248
9. Apellyacionnoe postanovlenie Ul`yanovskogo oblastnogo suda ot 14 iyulya 2021 goda. – URL: <http://www.ulobsud.ru> (data obrashheniya: 11.02.2023). – Tekst: e`lektronny.
10. Prezident Rossii: oficial`nyj sajт. – Moskva. – Obnovlyayetsya v techenie sutok. – URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-vserossiiskom-sezde-sudei-29-11-2022.html>
11. Solov`ev, V. Opravdanie dobra / V. Solov`ev. – SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. – 768 s.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 347.4

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАЦИЙ НА
РЫНКЕ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ**

Цыганков А. Ю., Бобылев С. С.

Московский университет им С. Ю. Витте

Несмотря на то, что слом плановой экономической системы произошел в России более тридцати лет назад, механизмы регулирования рынка ценных бумаг в российской экономике всё ещё находятся в состоянии развития, что не может не отразиться на деятельности фондовых бирж на соответствующем рынке. В фокусе внимания исследователей находится деятельность корпораций на рынке бездокументарных ценных бумаг и правовые нюансы их деятельности. Научная новизна заключается в рассмотрении вопроса с точки зрения рисков, несомых держателями бездокументарных ценных бумаг. Авторами сформулировано предложение, с учетом инвестиционных рисков, принимаемых на себя держателями ценных бумаг, законодательно сместить приматитет выполнения компаниями своих обязательств в рискованных ситуациях, например, при банкротстве: с государства и сотрудников компании-банкрота — на государство и акционеров. Такое решение могло бы стать решением застарелой проблемы шаткости ценных бумаг.

Ключевые слова: ценные бумаги, бездокументарные ценные бумаги, финансовая пирамида, имущественные права, воплощение права, рискованные ситуации, регулирование деятельности корпораций.

Переход России к рыночной экономике в начале 90-х годов XX в. как следствие процессов системной дезинтеграции в СССР и последующего образования Российской Федерации стал важной предпосылкой либеральных преобразований в экономической сфере, ознаменовавших собой начало нового экономического курса и развития качественно новых отношений, в частности, в гражданско-правовой сфере: физические и юридические лица получили возможность свободного вложения своих средств в ценные бумаги, поскольку такие инвестиции являются одним из наиболее распространенных способов сохранения и приумножения финансовых ресурсов в условиях рыночной экономики.

Для вкладчиков, впервые имевших дело с подобной системой, она была совершенно новой и незнакомой в связи с тем обстоятельством, что целые поколения россиян прожили при советском режиме с его плановым экономическим конструктом, из-за чего обладали недостаточным опытом и фрагментарными знаниями о ценных бумагах, что делало их уязвимыми перед лицом финансовых махинаций и чему сопутствовало слабое регулирование многих аспектов функционирования рынка ценных бумаг государством, которые привели к созданию и последующему крушению финансовых «пирамид», приостановке деятельности промышленных предприятий и банков, и, как следствие, негативно сказались на экономическом положении населения.

Крупнейшим примером таких финансовых «пирамид» в отечественной практике, существенным образом сказавшихся на благополучии населения, была действовавшая в 1989-1994 гг. компания «МММ», в деятельности которой, по разным оценкам, принимало участие 2-15 млн. человек [1].

При этом, подобные проблемы на рынках ценных бумаг происходили не только в России. Известным примером «пирамиды», которая была создана в США, являлся инвестиционный фонд Бернарда Мейдоффа, в результате финансовой аферы которого пострадало до 3 млн. человек. Потери вкладчиков составили около 17,5 миллиардов долларов. Считается, что мошенничеством он стал заниматься с 1970-х гг., когда тот стал обещать инвесторам до 46 % годовых от игры на фондовом рынке, а в реальности он расплачивался со старыми клиентами теми средствами, которые поступали от новых клиентов [2]. Данная авантюра, в связи с объемом понесенных убытков, была признана крупнейшей аферой в истории, осуществлявшейся до 2008 г., что стало резонансным и показательным случаем, когда даже самые развитые на тот момент государства с рыночной экономической системой обладали недостаточно совершенным инструментарием законодательного регулирования деятельности корпораций на рынке ценных бумаг, и допустили существование подобной махинаторской системы на протяжении более 40 лет. Россия, которая только ступила на путь рыночных отношений в 90-е гг. XX века, по сей же день продолжает принимать меры по совершенствованию регулирования рынка ценных бумаг, имея дело с совершенно новым для российских физических и юридических лиц явлением.

Гражданский Кодекс Российской Федерации в ст. 142 определяет ценную бумагу как документ, удостоверяющий, с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов, имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении [3, с. 96]. Ценная бумага не самоценна, но приобретает экономическую и финансовую значимость из-за того, что воплощает субъективные гражданские права имущественного – как вещно-правового, так и обязательственного характера, и при этом неимущественного характера, например, право на участие в управлении обществом.

В теории ценных бумаг принято различать право на бумагу и право из бумаги. Если речь идет о праве из бумаги, то имеют в виду иное (обязательственное) право, например, право требовать платежа по векселю. Поэтому «бездокументарная ценная бумага», не имеющая документальной формы и лишь фиксирующая обязательственное право, не оформляет никаких вещных отношений [4].

С юридической точки зрения ценная бумага может рассматриваться как титул имущественных прав, а также как движимое имущество. С экономической точки зрения, ценная бумага – представитель капитала.

В настоящее время, в связи с активной деятельностью многочисленных акционерных обществ, наиболее популярным инструментом инвестирования стали акции, позволяющие участвовать в получении прибыли от деятельности предприятий любого масштаба. При этом, сама акция представляет собой бездокументарную ценную бумагу, не имеющую физической формы [5]. На данный момент, это – самый распространенный вид ценных бумаг.

Фиксация прав по такому типу ценных бумаг осуществляется посредством записей на специальных счетах [6]. По своим функциям бездокументарные ценные бумаги идентичны документальным за тем исключением, что при совершении сделок не требуется физического перемещения ценных бумаг [7].

Возникновение термина «Бездокументарные ценные бумаги», как отдельного института, взяло начало из американского права, которое не знало единого правового режима регулирования в целом «ценной бумаги», а выделяло лишь виды, такие

как: оборотные (negotiable instruments) (к ним можно отнести облигации, векселя, чеки), бумаги позволяющие распоряжаться товаром (seminegotiable instruments) (складское свидетельство, коносамент), а также инвестиционные (фондовые) ценные бумаги (investment securities, securities) (акции), которые имели различные правовые режимы (ст. 3-102,3-104,7-102,8-102 Единообразного торгового кодекса США – далее «ЕТК США») [8].

Ценные бумаги, в отличие от вещей, могут существовать вне материальной формы и при этом не терять своей ценности и не утрачивать потребительских свойств.

Гибель вещи влечет за собой прекращение всех правоотношений, касающихся конкретно именно этой вещи. Однако, гибель ценной бумаги (бланка) не является основанием к прекращению выраженных в ней прав. В соответствии с законодательством, эти права могут быть восстановлены [9].

На российском же рынке бездокументарные ценные бумаги появились сравнительно недавно, около 25 лет назад. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. не регулировал обращение ценных бумаг. Статья 137 ГК РСФСР избегала употребление термина «ценные бумаги». Первым шагом к законодательному закреплению стало принятое Советом Министров СССР Постановление от 19.06.1990 г. №590. Согласно данному Постановлению было утверждено Положение об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положение о ценных бумагах. Согласно п.31 Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, «Акцией является ценная бумага, подтверждающая право акционера участвовать в управлении обществом, в его прибылях и распределении остатков имущества при ликвидации общества. Акции оплачиваются акционерами в рублях, иностранной валюте или путем предоставления иного имущества в собственность либо в пользование акционерного общества. Стоимость акции выражается в рублях независимо от формы внесения вклада. Минимальная номинальная стоимость не может быть менее 100 рублей. Акционерам может выдаваться сертификат на суммарную номинальную стоимость акций» [10].

Будет интересным отметить, что отношения по вкладам в бездокументарные ценные бумаги, представленные акциями, имеют связь и с таким правовым институтом, как корпоративный договор. В зависимости от организационно-правовой формы хозяйственного общества это может быть договор о привлечении участников общества с ограниченной ответственностью или акционерное соглашение [11]. В данном случае, можно сказать о том, что если общество предполагает эмиссию собственных ценных бумаг, то такие отношения могут происходить в тесной связи с данным институтом, особенно если условия акционерного соглашения определяют положение его участников и объем их корпоративных прав в зависимости от процента акций, которым владеют участники.

Предельная новизна института ценных бумаг, в особенности – бездокументарных, для современного российского законодателя в наши дни демонстрируется на примере трудностей, возникающих при классификации виртуальных платежных средств – криптовалют и токенов, как самостоятельного платежного инструмента или же ценной бумаги. Так, 20 марта 2018 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 419059-7, известный так же как «Законопроект о криптовалюте», в котором предпринималась попытка законодателя ввести такие понятия, как «май-

нинг», «блокчейн» и «смарт-контакт» в правовое поле. В этом же законопроекте была предпринята попытка приравнять криптовалюту к ценным бумагам, в частности, указывая на необходимость эмитенту подготовить решение о выпуске цифровых активов, подобно акциям. Однако, тогда же встал вопрос, который на сегодняшний день не имеет определенного решения – как лицу, задействованному в системе виртуальной валюты, подготовить такое решение, если он просто получает «блоки» еще не созданного актива по специальному алгоритму. Более того, сама идея криптовалюты заключается в создании универсальной децентрализованной финансовой системы, не подчиненной правилам международного валютного контроля и не зависящей от банковской системы.

В связи с этим, становится очевидно, что даже для законодателя представляется не совсем определённым институт бездокументарных ценных бумаг, и российское законодательство, таким образом, находится только в начале пути совершенствования механизмов регулирования рынка бездокументарных ценных бумаг, допуская, порой раз, существенные ошибки в определении тех или иных платежных средств в качестве ценной бумаги. Этот момент важно учитывать при обстоятельном изучении подхода законодателя к вопросам регулирования бездокументарных ценных бумаг.

В данном исследовании главным объектом является деятельность корпораций на рынке бездокументарных ценных бумаг, а ключевым предметом - бездокументарные ценные бумаги в обороте корпораций и инвесторов, вкладывающихся в них, проблемным аспектом которых являются риски, с которыми сталкиваются организации и инвестирующие в их ценные бумаги лица. Эти риски можно классифицировать по трём основным видам:

1. Риск банкротства компании;
2. Риск падения котировок;
3. Риск невыплаты дивидендов.

При банкротстве компании акционеры выстраиваются в очередь кредиторов в самый конец – после государства в своих обязательствах по налоговым сборам, после банков-кредиторов и владельцев облигаций, а также персонала компании. Примечателен тот факт, что руководство предприятия, разорившее его, получит своё выходное пособие до того, как что-то останется разорённым владельцам акций.

Географическая разбросанность и многочисленность участников создаваемых акционерных компаний, невозможность знакомства всех участников компаний не то что с уставом, но и с делами компании, по сути малая заинтересованность участников приводила к тому, что ведение дел компании сосредотачивалось в руках правления, не опасаящегося серьезного контроля со стороны собрания акционеров [12, с. 326], что является немаловажным фактором того, почему при ситуации банкротства компании, не обладающие возможностью влиять на её решения акционеры остаются ни с чем.

За повышенный риск акционеры должны получать финансовую компенсацию – их доход обычно выше, чем у тех, кто покупает инструменты с фиксированной доходностью. Однако, при этом акционерам необходимо в не меньшей степени следить за платежеспособностью компаний, в которые они вкладывают, и рассчитывать на то, что банкротство не может возникнуть на пустом месте.

Иногда на финансовых рынках возникает ситуация крупных экономических кризисов, при которых разоряются не отдельные предприятия, а их большое число в той или иной сфере. Например, неоднократно происходившие в мире кризисы рынка недвижимости, уносящие в небытие огромное количество финансовых учреждений. Так происходило не один раз в Японии, самый наглядный пример – Японский финансовый пузырь 1986-1991 гг., и кризис 2007 г. в США. Многие финансисты помнят начало 2000-х гг., когда происходило массовое банкротство интернет-компаний. Самый главный урок, который можно сделать из той ситуации заключается в понимании, что необходимо иметь в портфеле ценные бумаги не только разных фирм, но и вкладывать в отличающиеся отрасли.

Цена акций может как расти, так и падать. Считается, что в конечном счете акции компаний вырастают в длительной перспективе. Но на практике неизвестно, когда это произойдет. Самый яркий пример – Великая депрессия в США, после которой те компании, которые не разорились совсем, восстановили свои котировки только к началу Второй Мировой Войны и позднее, то есть в действительности кризис растянулся на десятилетия.

В России же несколько лет подряд акции имели низкую дивидендную доходность. Возможно, поэтому инвесторы не проявляли никакой реакции на объявление о повышении дивидендных выплат. Другое объяснение авторов того, что классическая сигнальная теория не подтвердилась, заключается в том, что «сигналы», подаваемые компаниями рынку, являются не положительным последствием деятельности компании, а скорее наоборот, это является потенциальной угрозой для финансового состояния компании, что и происходило в кризисные 2008-2009 годы, и нашло свое отражение в 2010-2012 годы [13, с. 330]. Следует отметить, что акции такой крупной российской компании, как ПАО «Газпром», до сих пор переживают падение котировок.

На данный момент регулирование деятельности участников рынка бездокументарных ценных бумаг, как эмитентов ценных бумаг, так и инвесторов, регулируется пар. 3 гл. 7 ГК РФ, а также Федеральным законом «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» от 05.03.1999 №46-ФЗ, Федеральным законом «О центральном депозитарии» от 07.12.2011 №414-ФЗ, Положением Банка России от 11.08.2014 №428-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг, порядке государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, государственной регистрации отчетов об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг», Положением Банка России от 13.11.2015 №503-П «О порядке открытия и ведения депозитариями счетов депо и иных счетов», Положением Банка России от 13.05.2016 №542-П «О требованиях к осуществлению депозитарной деятельности при формировании записей на основании документов, относящихся к ведению депозитарного учета, а также документов, связанных с учетом и переходом прав на ценные бумаги, и при хранении указанных документов», а также Условиями осуществления депозитарной деятельности Небанковской кредитной организацией АО «НРД» [14].

При анализе данных нормативно-правовых актов можно резюмировать, что законодателем предприняты довольно серьезные меры, направленные на поддержание

стабильного функционирования рынка ценных бумаг с позиции защиты интересов их держателей и позиций обязательств депозитариев.

Но нельзя не отметить, что законодательная база по регулированию рынка бездокументарных ценных бумаг содержит сравнительно мало правовых норм, призванных регулировать исполнение своих обязательств эмитентами перед вкладчиками с условием рисков, которыми сопровождается инвестиционная деятельность.

Авторы приходят к выводу, что наиболее неурегулированной проблемой в сфере оборота бездокументарных ценных бумаг являются инвестиционные риски, которые принимают на себя инвесторы, приобретая ценные бумаги у компаний-эмитентов, с целью получения полагающихся им дивидендов. Сейчас законодатель концентрирует свои усилия на том, что осуществляет регулирование подобных отношений с позиций того, что имеется уже, но не с позиций интересов вкладчиков и ответственности корпораций в случае, когда первоначальные объекты их экономических взаимоотношений – финансовые ресурсы или определённые права, воплощаемые ценной бумагой, пострадали в случае наступления рискованной ситуации. При банкротстве, компания всегда ставит в приоритет выполнение своих обязательств перед государством и сотрудниками компании, их руководство стремится забрать как можно больше с «тонущего корабля». Таким образом, акционерам, в лучшем случае, достается самое малое из тех средств, что остались в распоряжении организации и могли бы быть употреблены при выполнении их обязательств перед вкладчиками.

Всё это является очевидным следствием слабой урегулированности законодательством алгоритма действий корпораций в подобных обстоятельствах, когда как современное законодательство на данный момент не акцентирует своего внимания на самых коренных проблемах подобного инвестиционного инструментария. Вследствие этого, авторами формируется предложение выделить и отдельно закрепить имущественные права, закрепляемые бездокументарными ценными бумагами в самостоятельном параграфе или расширить статьи, связанные с ними, так как к бездокументарным ценным бумагам должны применяться нормы права, учитывающие специфику данных объектов. Необходимы статьи, призванные регулировать обязательства организаций перед инвесторами в рискованных условиях и обстоятельствах, когда первоначальный объект отношений бездокументарных ценных бумаг пострадал в результате банкротства, что прерывает и ликвидирует данные отношения с последующими убытками для вкладчика. Ведущим приоритетом при крахе организации должны стать обязательства перед государством и держателями акций. Эта мера, с одной стороны, предполагает вынужденное усиление государственного надзора за действиями организаций, но с другой стороны способно стать решением довольно старой и распространенной для мировой практики проблемы шаткости ценных бумаг и, в том числе, бездокументарных бумаг, в связи с рискованным характером инвестиционных вложений и учетом их зависимости от экономической и политической ситуации внутри страны, а также действиями правительств недружественных стран.

Список литературы:

- 1.Седов, А. Почему Мавроди не сбежал за границу. / Андрей Седов. – Текст: электронный // Газета «Комсомольская Правда»: [сайт]. – 2003 – Общество (3 фев.). – URL: <https://www.kp.ru/daily/22965/1422/>. (Дата обращения: 24.03.2023).
- 2.Корепанова, С. Как умелый юрист вернул жертвам аферы Мэйдоффа почти все их деньги. / Софья Корепанова. – Текст: электронный // Газета «Ведомости»: [сайт]. – 2020 – Личный счет (29 янв.). –

- URL: https://www.vedomosti.ru/personal_finance/articles/2020/01/29/821672-umelii-yurist. (Дата обращения: 24.03.2023).
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации: на 1 июня 2022 года. – Москва: Издательство АСТ. 2021. – 704 с. – (Кодексы и законы).
 4. Суханов Е.А. Право собственности и иные вещные права. Способы их защиты. Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации. – М., 1996. – С. 156.
 5. Бездокументарная ценная бумага // Финансово-кредитный энциклопедический словарь. — М.: Финансы и статистика. Под общ. ред. А. Г. Грязновой. 2002.
 6. Бездокументарная ценная бумага // Рынок ценных бумаг. Словарь основных терминов и понятий. — Екатеринбург: УРАГС. А. Ф. Титков. 2007.
 7. Безналичная ценная бумага // Российская юридическая энциклопедия. — М.: ИНФРА-М, 1999.
 8. Барулин В.А. Бездокументарные ценные бумаги в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2001. С. 92.
 9. Лубягина Д.В., Абузярова Н.А. Правовая природа бездокументарной ценной бумаги. Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 2. С. 93-97.
 10. Юркова Е.В. Правовое регулирование бездокументарных ценных бумаг: историко-правовой анализ. Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2. С. 157-160.
 11. Камышанский В.П. Корпоративный договор и договор об осуществлении прав участников: некоторые проблемы соотношения. Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 38-41.
 12. Цыганков, А. Ю. Тренды в развитии института экстраординарных сделок / А. Ю. Цыганков // Современное право в условиях реформирования общества и государства: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 25 мая 2022 года / Под редакцией А.В. Семенова, С.Н. Бабурина, Т.В. Слюсаренко, О.А. Егеревой. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022 – С. 325-330.
 13. Цыганков, А. Ю. Понятие и особенности дивидендов / А. Ю. Цыганков, Л. Е. Бабкова // Научный аспект. – 2022 – Т. 3, № 4 – С. 329-333.
 14. Условия осуществления депозитарной деятельности Небанковской кредитной организацией закрытым акционерным обществом «Национальный расчетный депозитарий» (утверждены Наблюдательным советом Наблюдательным советом НКО ЗАО НРД Протокол от 24 мая 2016 г. № 6/2016 и согласованы Банком России 05 июня 2016 года). – Текст: электронный – 2020. – URL: <https://www.nsd.ru/about/raskrytie-informatsii/vnutrennie-dokumenty/>. (Дата обращения: 24.03.2023).

Tsygankov A. Yu., Bobylev S. S. Legal regulation of the activities of corporations in the market of undocumented securities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 387-394.

Despite the fact that the breakdown of the planned economic system occurred in Russia more than thirty years ago, the mechanisms for regulating the securities market in the Russian economy are still in a state of development, which cannot but affect the activities of stock exchanges in the corresponding market. The researchers focus on the activities of corporations in the book-entry securities market and the legal nuances of their activities. The scientific novelty lies in considering the issue from the point of view of the risks borne by the holders of book-entry securities. The authors formulated a proposal, taking into account the investment risks assumed by the holders of securities, to legislatively shift the priority of companies fulfilling their obligations in risky situations, for example, in bankruptcy: from the state and employees of a bankrupt company to the state and shareholders. Such a solution could be a solution to the long-standing problem of securities volatility.

Keywords: securities, non-documentary securities, financial pyramid, property rights, implementation of law, risk situations, regulation of corporations.

Spisok literatury:

1. Sedov, A. Pochemu Mavrodi ne sbezhal za granicu. / Andrej Sedov. – Tekst: elektronnyj // Gazeta «Komsomol'skaya Pravda»: [sajt]. – 2003 – Obshchestvo (3 fev.). – URL: <https://www.kp.ru/daily/22965/1422/>. (Data obrashcheniya: 24.03.2023).
2. Korepanova, S. Kak umelyj yurist vernul zhertvam afery Mejdoffa pochti vse ih den'gi. / Sof'ya Korepanova. – Tekst: elektronnyj // Gazeta «Vedomosti»: [sajt]. – 2020 – Lichnyj schet (29 yanv.) – . – URL: https://www.vedomosti.ru/personal_finance/articles/2020/01/29/821672-umelii-yurist. (Data obrashcheniya: 24.03.2023).
3. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii: na 1 iyunya 2022 goda. – Moskva: Izdatel'stvo AST. 2021. – 704 s. – (Kodeksy i zakony).
4. Suhanov E.A. Pravo sobstvennosti i inye veshchnye prava. Sposoby ih zashchity. Kommentarij k Grazhdanskomu Kodeksu Rossijskoj Federacii. – M., 1996. – S. 156.
5. Bezdokumentarnaya cennaya bumaga // Finansovo-kreditnyj enciklopedicheskij slovar'. — M.: Finansy i statistika. Pod obshch. red. A. G. Gryaznovoj. 2002.

6. Bezdokumentarnaya cennaya bumaga // Rynok cennyh bumag. Slovar' osnovnyh terminov i ponyatij. — Ekaterinburg: UrAGS. A. F. Titkov. 2007.
7. Beznalichnaya cennaya bumaga // Rossijskaya yuridicheskaya enciklopediya. — M. : INFRA-M, 1999.
8. Barulin V.A. Bezdokumentarnye cennye bumagi v grazhdanskom prave Rossii. Dis. ... kand. yurid. nauk. M. 2001. S. 92.
9. Lubyagina D.V., Abuzyarova N.A. Pravovaya priroda bezdokumentarnoj cennoj bumagi. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2007. № 2. S. 93-97.
10. YUrkovala E.V. Pravovoe regulirovanie bezdokumentarnyh cennyh bumag: istoriko-pravovoj analiz. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2017. № 2. S. 157-160.
11. Kamyshanskij V.P. Korporativnyj dogovor i dogovor ob osushchestvlenii prav uchastnikov: nekotorye problemy sootnosheniya. Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 1 (229). S. 38-41.
12. Cygankov, A. YU. Trendy v razvitii instituta ekstraordinarnyh sdelok / A. YU. Cygankov // Sovremennoe pravo v usloviyah reformirovaniya obshchestva i gosudarstva: Materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 25 maya 2022 goda / Pod redakciej A.V. Semenova, S.N. Baburina, T.V. Slyusarenko, O.A. Egerevoj. — Moskva: Moskovskij universitet im. S.YU. Vitte, 2022 — S. 325-330.
13. Cygankov, A. YU. Ponyatie i osobennosti dividendov / A. YU. Cygankov, L. E. Babkova // Nauchnyj aspekt. — 2022 — T. 3, № 4 — S. 329-333.
14. Usloviya osushchestvleniya depozitarnoj deyatel'nosti Nebankovskoj kreditnoj organizaciej zakryтым akcionernym obshchestvom «Nacional'nyj raschetnyj depozitarij» (utverzhdeny Nablyudatel'nyim sovetom Nablyudatel'nyim sovetom NKO ZAO NRD Protokol ot 24 maya 2016 g. № 6/2016 i soglasovany Bankom Rossii 05 iyunya 2016 goda). — Tekst: elektronnyj — 2020. — URL: <https://www.nsd.ru/about/raskrytie-informatsii/vnutrennie-dokumenty/>. (Data obrashcheniya: 24.03.2023).

УДК 342.7

**ИНИЦИАТИВЫ РЕШИДА МЕДИЕВА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАРАСУБАЗАРА
ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ**

Хаяли Б. Р.

Таврическая академия КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Правотворческая работа городской думы Карасубазара Таврической губернии под руководством заступающего место городского головы Решид Медиева в сфере образования. Обязательные постановления, разработанные городской управой, принятые городской думой и подписанные Решидом Медиевым, в последующем утверждались Таврическим по земским и городским делам присутствия под руководством губернатора. Правотворческие инициативы были направлены на развитие образования в городе, на максимальный охват обучением детей всех возрастов.

В статье сделан вывод, что правотворческая деятельность городской управы и городской думы под руководством заступающего место городского головы Решид Медиева в сфере образования и культуры была направлена на строительство новых зданий, поддержку учителей и учеников.

Ключевые слова: правотворчество, городская управа, городская дума, образование, культура, Решид Медиев.

Решид Медиев, занимая должность заступающего место городского головы и членом управы, уделял первоочередное внимание развитию образования и культуры. В контексте проблематики научное осмысление правотворческих инициатив органов местного самоуправления на примере полиэтничного г. Карасубазара Таврической губернии начала XX в. в сфере образования и культуры имеет важное значение и представляет научный интерес.

В начале XX в. в Карасубазаре действовали женская прогимназия, одноклассное женское и двухклассное мужское училища. Для мусульман в городе имелся мектеб, а для армяно-григориан, армяно-католиков, евреев начальные учебные заведения.

В исследуемый период городской управой и думой уделялось первостепенное значение финансовой поддержке учебных заведений. Так, 14 февраля 1905 г. для городской школы была выделена ежегодная помощь 120 руб. В соответствии с постановлением от 3 октября 1906 г. и 13 сентября 1907 г. денежные средства были предоставлены начальному училищу в местечке Ханджами [1, л. 78 об.].

По инициативе заступающего место городского головы на основе Положения о народных училищах 1872 г. 26 октября 1906 г. в городе открывается четырехклассное училище. На первом этапе было открыто два класса, а в последующем планировалось открыть еще два класса [2, л. 154 об.].

В заседании городской думы 28 ноября 1906 г. обсуждался вопрос о введении в курс Карасубазарского училища преподавания французского и немецкого языков. Заслушав доклад городской управы, городской думой принимается решение возбудить ходатайство о выделении из средств городского бюджета на создание условий преподавания языков в сумме 300 руб. Изучать иностранные языки изъявили желание около 20 учеников. Об официальном разрешении введения иностранных языков в курсе школы Карасубазарского городского училища 25 апреля 1907 г. губернатором было доведено учителю-инспектору училища П. Москальцу [3, л. 7, 8–8 об.].

Через два года в 1908 г. действующая женская гимназия преобразовывается в полную гимназию. В следующем 1909 г. для учащихся открывается одноклассное женское училище [4, л. 77 об.]. Помимо этого, в городе были открыты частная городская гимназия и две начальные школы.

Городским самоуправлением была проведена большая работа по благоустройству действующих и новых школ. В 1909 г. городская дума принимает решение по женской гимназии, которая функционировала в старом съемном помещении, и обошлось бюджету в 600 рублей ежегодно. При финансовой поддержке министерства народного образования и бюджета города для женской гимназии было построено новое здание. Общие расходы составили 27 000 руб. [5, л. 9972]. С увеличением учащихся администрация женской гимназии в 1912 г. обратилась в городскую думу с ходатайством о выделении финансов на обустройство второго этажа гимназии. После бурного обсуждения вопроса думой было принято решение об удовлетворении ходатайства, но с условием, что руководство учебного заведения и председатель опекунского совета представят документы о финансовом положении учебного заведения за последние три года. По результатам рассмотрения всех отчетов, городской думой были приняты обязательное постановление о выделении 21 000 руб. на обустройство гимназии [6, л. 159 об.]. По результатам отчетов строительство школы обошлось бюджету города в 30 000 руб. [7, л. 157, л. 9972]. Помимо этого, ежегодная помощь на содержание женской гимназии составляла 2 700 руб. Также ежегодно выделялось 500 руб. на оборудование [8, л. 74 об.].

В городе обустраивались другие учебные заведения. Например, 22 мая 1909 г. городская дума Карасубазара приняла обязательные постановления о выделении средств в размере 7 200 рублей на постройку нового здания мужского училища. Строительство здания для школы было поручено городской управе на выделенном участке в черте города [9, л. 6 об.]. Впоследствии городской думой Карасубазара было принято решение о заимствовании денег у физических лиц, так как суммы, выделенной на строительство, не хватило, о чем свидетельствовал новый проект обязательных постановлений, а также смета расходов за 1911 г. [10, л. 52].

Городская дума на постоянной основе выделяла деньги на образовательные учреждения. В соответствии с постановлениями думы от 15 июня и 27 ноября 1907 г. и 12 января 1912 г. ежегодно выделялось 650 руб. на содержание татарского министерского одноклассного училища. С 1912 г. училище было преобразовано в трехштатное двухклассное училище и получило поддержку в сумме 460 руб. 15 февраля 1912 г. городской думой, при активном участии общества помощи мусульман, было принято решение о выделении участка земли для строительства среднего образовательного учреждения [11, л. 132 об.].

Тяга населения к образованию являлась стимулом поиска финансовых источников для поддержки учебных заведений, выделения стипендий, обустройство и содержание школ и гимназий. В целях реализации программ внешкольного образования, которую предложил Решид Медиев, были организованы курсы вечерней школы для совершеннолетних граждан. Лучшим ученикам школ города дума выделяла денежные средства на стипендии. Только в 1910 г. на это было выделено 130 руб., в 1911 г. 125 руб., в 1912 г. 300 руб. Также на основании постановления думы от 19 февраля 1911 г. в честь освобождения крестьян России из крепостного права было выдано ученикам 170 руб. 26 февраля 1912 г. думой было также принято ре-

шение о выделении 130 руб. на стипендиальное обеспечение в честь городского головы Е.Б. Бобовича. Школе для взрослого населения думой ежегодно выделялись от 100 до 200 руб. В целях повышения квалификации и учебного процесса дума ежегодно поддерживала и направляла педагогов для повышения квалификации на общеобразовательные педагогические курсы в Симферополь. Педагогическим работникам также оказывалась помощь. Так, заведующий единственного в городе татарского министерского училища Амет мурза Аргинский, ссылаясь на то, что в училище 103 учащихся и он один ведет занятия, получал всего 400 руб. жалования в соответствии с определением министерства народного просвещения в год, просил увеличить жалование на 200 руб. Дума поддержала педагога, утвердив размер суммы в 120 руб. в следующем 1913 г. [12, л. 110]

Уже после смерти Р. Медиева продолжая его работу в заседании 1 сентября 1912 г. гласный Сулейман Алимоллаев выступил с ходатайством перед думой о выделении помощи татарскому училищу. Инспекция народных училищ также выступила инициатором о преобразовании училища из одноштатного в двухштатное и обратилась в городскую думу с просьбой ассигновать 950 руб. По результатам голосования дума приняла решение о выделении 650 руб. Оставшуюся необходимую сумму 300 руб., по мнению думы, должно было перечислить благотворительное общество. Сулейман Алимоллаев не согласился с данным решением, считая его несправедливым. По вопросу также выступил гласный Усеин Ягъяев, отметивший печальное положение татарских детей, незнание ими русского языка и отсутствие возможности поступать в прогимназию и городское училище. По результатам голосования дума изыскала средства и выделила 300 руб. в счет бюджета 1913 г. [13, л. 291–291 об.].

Ежегодное содержание образовательных учреждений из средств, выделяемых городской думой было существенным. Об этом свидетельствуют обязательные постановления городской думы.

Помимо правотворческой работы на посту заступающего место городского головы Р. Медиев, будучи членом педагогического совета Карасубазарской женской гимназии 16 октября 1908 г. участвовал в заседании педагогического совещания по вопросам внешкольного наблюдения за учениками учебных заведений города, на котором присутствовали представители городской администрации, а также инспекторы карасубазарских учебных заведений. Как свидетельствует журнал заседаний педагогического совета гимназии, посвященный выработке мероприятий по вопросу упорядочения поведения учащихся Карасубазара, вне школы от 6 октября 1908 г. под руководством начальницы карасубазарской женской прогимназии Е.П. Толмачевой с участием Р. Медиева, был принят нормативный акт, устанавливающий следующие требования: ученики могут гулять зимой до 8 часов вечера, летом до 10 часов вечера. В более позднее время они могли гулять только с родителями, но не позже 12 часов ночи или по особому распоряжению учебного начальства по уважительным причинам. Наблюдение за учащимися возлагалось на классных дам, в низших учебных заведениях на заведующих училища. Все учащиеся учебных заведений города обязаны были ходить в форме. Ученики низших мужских учебных заведений должны были носить специальные значки. Им воспрещалось употребление спиртных напитков, посещение кофеен, бильярдных ресторанов других публичных заведений. Рекомендовалось снимать квартиры только у проверенных лиц, которых проверяло учебное начальство. Учащимся запрещалось чтение книг в публичных

библиотеках. Чтение допускалось только удобных книг для учеников и под контролем педагогов. В городских торговых точках запрещалось выставлять в витринах порнографические картинки, фото и других открытые изображения. Устанавливался тщательный контроль со стороны полиции. Лица, которым было поручено осуществлять контроль, предоставлялись бесплатные места в театре и других увеселительных заведениях [14, л. 2–2 об.].

15 февраля 1912 г. в третьем очередном собрании городской думы под председательством заступающего место городского головы Р. Медиева, члена управы Сулеймана Алимоллаева и 19 гласных были рассмотрены предложения по образовательному развитию города. В частности, в управу поступило ходатайство общества вспомоществования о бесплатном отводе участка в 400 кв. саженей городской земли для постройки здания мужской гимназии. Присутствующий в заседании городской думы почетный гражданин Карасубазара и почетный блюститель прогимназии Илья Борисович Шишман, ознакомив собрание с историей прогимназии, отметил, что ранее городская управа к учебному заведению относилось безразлично. Открытие гимназии, – по мнению блюстителя, – давало возможность пригласить преподавателей с высшим образованием. Заслушав выступление И.Б. Шишмана, председатель собрания Р. Медиев высказался за удовлетворение ходатайства общества, которое устраивая гимназию, может оказать городу большую помощь, потому что рано или поздно перед городом возникла бы такая проблема. Также он отметил, что это сопряжено с большими расходами в 30–35 тыс. руб. Но если город отведет участок под строительство гимназии, единовременные расходы составят 6–7 тыс. руб. По результатам прений собрание городской думы закрытым голосованием выступило за предоставление обществу участка для строительства гимназии на углу улицы Л. Толстого и шоссе площадью 600 кв. саженей [15, л. 131–132 об.].

Составленная городской управой и принятая городской думой 12 января 1912 г. смета расходов в г. Карасубазаре также содержала расходы на постройку здания для народного училища [16, л. 37].

Важной сферой правотворческой деятельности городского самоуправления была культурная жизнь города. В частности, думой решался вопрос об открытии театра. 20 сентября 1911 г. городская дума рассмотрела и утвердила разработанный проект обязательного постановления о порядке устройства и содержания театра и кинематографа в Карасубазаре. Уже 13 декабря 1911 г. от губернатора Таврической губернии в городскую думу поступило предложение, в котором в частности отмечалось, что, рассмотрев представленные 8 ноября за № 1351 Р. Медиевым обязательные постановления о порядке устройства и содержания театров, кинематографов, необходимо дополнить требованием об устройстве в кинематографах, освещаемых электричеством, запасного освещения, которое должно состоять из свечей в фонарях с белыми стеклами. В зрительных залах кинематографов, из которых по условиям демонстрации картин требуется полусвет, белые стекла заменяются светло-зелеными. В каждом отдельном помещении кинематографа как-то: в зрительном зале, фойе, вестибюле и над каждым входом должно быть не менее одного фонаря, которые ввиду желательности установки запасного освещения по одному типу, рекомендуется устраивать металлические треугольной формы, высотой в 5 вершков и шириной 4 вершка. Помимо этого, в параграф 6 обязательных постановлений о порядке устройства и содержания кинематографов фраза «на две несгораемые отдель-

ные друг от друга лестницы» должна быть заменена такой редакцией «двух несгораемых отдельных друг от друга лестниц» и в п. параграфа 2 о хранении целлулоидной ленты слово «фунта» должно быть заменено словом «фута». Собрание городской думы за подписью заступающего место городского головы решида Медиева единогласно утвердило доклад городской управы [19, л. 44–45 об.].

В § 2 обязательных постановлений о хранении целлулоидной ленты слово «фунта» должно быть заменено словом «фута». Вследствие этого, не признавая возможным, по изложенным соображениям, издать данное постановление, губернатор предложил городской управе доложить об этом городской думе на предмет исправления и дополнения согласно сделанным выше указаниям и в последующем предоставить на утверждение [17, л. 13].

Предложение Таврического губернатора о дополнении и изменении, составленных думой 20 сентября 1911 г. обязательных постановлений о порядке устройства и содержания театров и кинематографов были рассмотрены думой. В своем докладе городской думе городская управа доложила: 1) § 6 упоминаемых здесь обязательных постановлений следовало бы изложить следующим образом: «В каждом кинематографическом театре должно быть не менее двух выходов наружу или двух несгораемых отдельных друг от друга лестниц»; 2) Дополнить обязательные постановления следующим: § 6 «В кинематографах, освещаемых электричеством, обязательно устройство запасного освещения, которое должно состоять из свечей в фонарях с белыми стеклами, при чем в зрительных залах кинематографов, в которых, по условиям демонстрирования картин, требуется полусвет, белые стекла в фонарях заменяются светло-зелеными. В каждом отдельном помещении кинематографа, как-то в зрительном зале, фойе, вестибюле и над каждым входом должно быть не менее одного металлического, треугольной формы, высотой в 5 вершков и шириною в 4 вершка фонарь»; 3) пункт «3» § 2 обязательных постановлений о хранении целлулоидной ленты изложить следующим образом: «На выставках в магазинах не допускается более 1/2 фута целлулоидной ленты». По результатам собрания городская дума открытым голосованием единогласно постановило «согласиться с докладом городской управы» [18, л. 13 об.].

13 февраля 1912 г. Р. Медиев предоставил Таврическому губернатору выписку постановления о порядке содержания и устройства театров и кинематографов.

После смерти Решид Медиева городской голова Карасубазара Б.Э. Бобович высоко оценил его многогранную деятельность в сфере образования следующим словом: «В вопросах народного образования у Решид Медиевича не было двух мнений, если школа, то только открывать» [20, с. 231].

В исследуемый период правотворческие инициативы городского самоуправления Карасубазара были направлены на развитие школьного и гимназического образования, а также культуры. В многогранной работе активное и непосредственное участие принял Решид Медиев. Его правотворческие инициативы в органах местного самоуправления в первую очередь были направлены на максимальный охват школьным образованием подрастающего поколения. Они имели различные формы – строительство учебных заведений, обеспечение оборудованием, учебниками и принадлежностями, финансовая поддержка учителей и учеников. Открытие театра в городе удовлетворяли культурным потребностям горожан, дали возможность приблизиться к достижениям отечественной и мировой культуры.

Список литературы:

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 78 об.
2. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2385. Л. 154 об.
3. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2405. Л. 7, 8–8 об.
4. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 77 об.
5. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решид Медиева. КП 26990; Д 9972.
6. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 159 об.
7. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2385. Л. 157; Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решид Медиева. КП 26990. Д 9972.
8. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 74 об.
9. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 188. Л. 6 об.
10. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4271. Л. 52.
11. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 132 об.
12. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 110.
13. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 291–291 об.
14. ГАРК. Ф. 354. Оп. 1. Д. 14. л. 2–2 об.
15. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 131–132 об.
16. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 37.
17. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 82. Л. 13.
18. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 82. Л. 13 об.
19. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 201. Л. 44–45 об.
20. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 231 об.

Khayali B. R. Reshid medieva's initiatives in the law-making activities of the city self-government of karasu-bazar of the tavrishes province in the field of education and culture // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 395-400.

In the article, on the basis of normative legal acts, the law-making work of the city дума of Karasubazar, Tauride province, under the leadership of the city head Reshid Mediev, in the field of education, is considered. Mandatory resolutions developed by the city council, adopted by the city дума and signed by Reshid Mediev, were subsequently approved by the Tauride on zemstvo and city matters of presence under the leadership of the governor. Law-making initiatives were aimed at developing education in the city, at the maximum coverage of education for children of all ages.

The article concludes that the law-making activities of the city government and the city дума under the leadership of the incumbent mayor Reshid Mediev in the field of education and culture were aimed at the construction of new buildings, support for teachers and students.

Key words: law-making, city government, city дума, education, culture, Reshid Mediev.

Spisok literatury:

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK). F. 42. Op. 1. D. 185. L. 78 ob.
2. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2385. L. 154 ob.
3. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2405. L. 7, 8–8 ob.
4. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 77 ob.
5. Central'nyj muzej Tavridy (g. Simferopol'). Arhivnyj fond Reshida Medieva. KP 26990; D 9972.
6. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 159 ob.
7. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2385. L. 157; Central'nyj muzej Tavridy (g. Simferopol'). Arhivnyj fond Reshida Medieva. KP 26990. D 9972.
8. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 74 ob.
9. GARK. F. 42. Op. 1. D. 188. L. 6 ob.
10. GARK. F. 27. Op. 13. D. 4271. L. 52.
11. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 132 ob.
12. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 110.
13. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 291–291 ob.
14. GARK. F. 354. Op. 1. D. 14. l. 2–2 ob.
15. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 131–132 ob.
16. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 37.
17. GARK. F. 42. Op. 1. D. 82. L. 13.
18. GARK. F. 42. Op. 1. D. 82. L. 13 ob.
19. GARK. F. 42. Op. 1. D. 201. L. 44–45 ob.
20. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 231 ob.

УДК 349.23/24

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Туранин В. Ю., Гусакова Ю. С., Лиликова О. С.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»)*

Статья посвящена особенностям правового регулирования труда женщин. На сегодняшний день правовая база регламентации женского труда представляется весьма обширной. К категории таких законов можно отнести не только Трудовой кодекс РФ, но также и различные подзаконные нормативные правовые акты, среди которых Приказ Минтруда России от 18 июля 2019 года № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин», Постановление Правительства РФ от 06 февраля 1993 года № 105 «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» и т.д. Высокий интерес и российского, и международного законодателя к регламентации женского труда вызван тем, что женщины, как одна из наиболее незащищенных категорий населения, часто подвергаются дискриминации именно в трудовой деятельности. Несмотря на то, что в современном мире идет активная борьба за равные права мужчин и женщин на труд, эта проблема актуальна до сих пор, хотя во многом приобрела латентный характер.

Ключевые слова: правовое регулирование, труд женщин, законодательство, условия труда, дискриминация, должность, профессия, компенсационные выплаты, гарантии.

Женский труд обладает определенной спецификой, обусловленной особенностями ее физического и физиологического строения. Специфика женского труда регламентирована главой 41 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ). Как совершенно верно утверждает Т. З. Демченко, главная цель выделения женского труда и предоставления им дополнительных гарантий, является формирование благоприятных и справедливых условий труда, обеспечивающих равенство прав и возможностей работников [9, с. 120].

В рамках представленной статьи мы проанализируем не только основные нормативные правовые акты, которые регулируют женский труд, но и рассмотрим проблемы, которые возникают в связи с их действием.

Обратим внимание, что подобное выделение женского труда в качестве отдельной категории, не является новеллой российского законодательства. Впервые подобная специфика была закреплена на международном уровне в Конвенции МОТ 1981 года № 156 «О равных возможностях трудящихся мужчин и женщин, трудящихся с семейными обязанностями» [2, с. 11-15].

Данная конвенция была ратифицирована нашей страной в 1998 г., и уже на ее основе (в части) формулировал трудовой кодекс. Кроме того, в качестве источника международного трудового законодательства в части регулирования женского труда, мы можем назвать Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах, принятый ООН 16 декабря 1966 г. [2, с. 12].

Высокий интерес и российского, и международного законодателя к регламентации женского труда вызван тем, что женщины, как одна из наиболее незащищенных категорий населения, часто подвергаются дискриминации именно в трудовой деятельности. Несмотря на то, что в современном мире идет активная борьба за равные

права мужчин и женщин на труд, эта проблема актуальна до сих пор, хотя во многом приобрела латентный характер.

Итак, в чем же проявляется дискриминация?

Прежде всего, обратим внимание на то, что в последние годы существенно увеличилась доля активно занятых женщин, и по заверениям некоторых ученых, во многих странах их количество сравнялось с количеством социально активных мужчин. Другими словами, в трудовой деятельности занято примерно равное количество мужчин и женщин. На сегодняшний день, прослеживаются следующие виды дискриминации женского труда:

1. Дискриминация при приеме на работу;
2. Неравенство в оплате труда;
3. Недостаток женщин на руководящих должностях;
4. Разделение профессий на «мужские» и «женские»;
5. Запрет женщинам заниматься некоторыми профессиями и пр.

Все указанные разновидности дискриминации в той или иной мере являются латентными или неочевидными, однако есть и вполне легальные. Например, ст. 253 ТК РФ закрепляет перечень работ, на которых ограничивается применение труда женщин [3, ст. 253].

Например, женский труд применяется в ограниченном виде на работах, связанных с вредными и (или) опасными условиями, на подземных работах, а также на работах, «связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы». Если же мы обратимся к Приказу Минтруда России от 18.07.2019 № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин [5], то мы увидим конкретные примеры профессиональной деятельности, где использование женского труда ограничено или запрещено вовсе. Например, это подземные работы в горнодобывающей промышленности, работы по эксплуатационному и разведочному бурению скважин на нефть и газ, работы по ремонту и техническому обслуживанию железных дорог и пр.

В целом, перечень достаточно широкий, но на наш взгляд, довольно сложно рассматривать его как некий акт дискриминации женского труда. Даже наоборот – женщины не допускаются к тем работам, с которыми они не могут справиться не из-за отсутствия каких-либо профессиональных качеств, а именно из-за своего физического состояния.

Кроме того, работа на некоторых производствах, особенно, что касается химической промышленности, может нанести женскому здоровью (и репродуктивному в том числе) невосполнимый вред. Таким образом, мы считаем целесообразным рассматривать подобные ограничения не как акт легализированной дискриминации женского труда, а скорее, как гарантию охраны и защиты их жизни и здоровья ввиду особенностей физиологического развития. Дополнительные гарантии, исходя из гендерной принадлежности, заключаются не только в ограничении работ, к которым женщины не допускаются.

Если мы проанализируем главу 21 ТК РФ, то увидим, что еще существуют такие гарантии как:

1. Перевод на другую работу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет. Например, женщинам, находящимся в состоянии беременности, нельзя осуществлять свои рабочие обязанности в условиях воздействия ультразвука, резкого перепада давления и пр.

2. Предоставление отпуска по беременности и родам и отпуска по уходу за ребенком. Так как последние месяцы беременности и рождение ребенка – это самый сильный стресс для организма, а также необходимость женщины находиться со своим ребенком в первые годы жизни, то по семейным обстоятельствам женщина предоставляется дополнительный отпуск. В этот период она имеет право на получение специальных пособий (пособие по беременности и родам, пособия по уходу за ребенком и т.д.).

3. Предоставление перерывов для кормления ребенка. Согласно ст. 258 ТК РФ, такие перерывы предоставляются не реже, чем через каждые три часа и продолжительностью не менее тридцати минут каждый. При этом время кормления может как суммироваться с рабочим перерывом женщины как работника, так и выделяться отдельно в начале или конце рабочего дня. Также важной особенностью данной гарантии является то, что перерывы для кормления подлежат обязательной оплате.

4. Гарантии, которые предоставляются беременным и женщинам, имеющим детей, связанные с направлением в служебные командировки, привлечении к сверхурочным и ночным работам, а также в нерабочие и праздничные дни. Например, трудовое законодательство запрещает привлекать к трудовой деятельности беременных женщин в ночное и сверхурочное время. Если у женщины есть дети в возрасте до трех лет, то ее нельзя отправлять в командировки. Также интересен тот факт, что беременную женщину нельзя досрочно вызвать из ежегодного оплачиваемого отпуска или заменить отпуск денежной компенсацией.

5. Дополнительные гарантии женщинам, работающим в сельской местности и т.д. Данная новелла была введена в 2019 г. и устанавливает, что женщинам, работающим в сельской местности, дополнительно может быть предоставлен один дополнительный выходной без сохранения заработной платы, установление повышенной оплаты труда на работах, где рабочий день разделен на части и возможность установления сокращенного рабочего дня.

Помимо вышеупомянутых нормативных правовых актов, женский труд частично регламентирован Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 1993 г. № 105 «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» [4]. Данный документ действовал до 28 февраля 2022 г., а с 1 марта 2022 г. вступил в силу Приказ Минтруда России от 14 сентября 2021 г. № 629н «Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» [6].

Данные законы устанавливают весовые ограничения для женщин при перемещении и поднятии тяжестей, что является основанием для их ограничения в выполнении той или иной работы.

Также частично регламентирует порядок выплаты социальных пособий (в том числе по беременности и родам) Приказ Минтруда России от 29 сентября 2020 г. № 668н «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» [7]. Данный нормативный правовой акт регулирует скорее не трудовую деятельность, а порядок осуществления гарантийных

социальных выплат в связи с временной утратой женщиной трудоспособности в связи с беременностью, родами и последующим воспитанием ребенка.

Однако, несмотря на то, что законодатель попытался максимально полно раскрыть и закрепить гарантии защиты женского труда, это привело к повсеместному распространению латентной дискриминации, доказать факт наличия которой довольно сложно.

Связано это с тем, что подавляющему большинству работодателей невыгодно брать на работу женщин, так как существует «риск» того, что она уйдет в декрет, а это будет означать не только потерю работника и необходимость поиска нового на период декрета, но и обязанность осуществления установленных законом социальных и компенсационных выплат. Кроме того, нельзя не отметить, что в России уже достаточно долго существует стереотип, согласно которому женщина является «хранительницей домашнего очага», а мужчина – «основным кормильцем семьи», из-за чего многие работодатели предпочитают брать на работу мужчин (особенно на руководящие должности), считая, что женщина не справится с возлагаемыми на нее обязанностями.

Также нельзя не обратить внимание на стереотипность разделения профессий на мужские и женские. Например, Д. С. Ульянова утверждает, что при приеме на работу, например, в правоохранительные органы, работодатель скорее отдаст предпочтение мужчине, нежели женщине, хотя на сегодняшний день доля сотрудников-женщин в правоохранительных органах ненамного меньше, чем доля мужчин [12, с. 66].

В целом, закрепление гарантий защиты и поддержки женского труда стало «палкой о двух концах»: с одной стороны женщины действительно были ограждены от ряда дискриминационных проявлений, с другой – стали менее конкурентоспособными на рынке труда.

Обратим внимание, что факт дискриминации при приеме на работу очень сложно доказать, если работодатель не сказал об этом прямо. И хотя ТК РФ закрепляет ряд гарантий граждан, реализуемых при приеме на работу, доказать отказ в приеме, основанный на гендерном признаке, практически невозможно.

Так, при анализе судебной практики, нами было обнаружено Постановление мирового судьи судебного участка в границах Пачелмского района Пензенской области в отношении директора магазина М. Согласно материалам дела, М. опубликовала в сети «Интернет» объявление о том, что в ее магазин требуется продавец, уточнив, что требуется именно мужчина. Суд счел указание на желаемую половую принадлежность соискателя дискриминационным и назначил М. административный штраф в размере 10 тыс. рублей [8].

Интересен тот факт, что похожих дел в Белгородской области мы не обнаружили, что позволяет сделать два вывода:

1. Или в Белгородской области работодателями соблюдаются все требования к запрету дискриминации женщин при приеме на работу;
2. Или в Белгородской области дискриминация существует, но носит скрытый характер, в связи с чем довести дело до суда практически невозможно.

В качестве примеров завуалированной дискриминации мы также можем привести случаи, когда работодатель «вынуждает» беременную женщину уволиться по собственному желанию. Официально, увольнять беременную женщину не запреще-

но, однако никто не запрещает работодателю создать такие условия труда или психологическую атмосферу, в которых женщина будет вынуждена уйти. Нередки случаи, когда работодатели при поиске соискателей на должность заранее дают сотруднику, осуществляющему кадровый подбор, негласное задание о поиске только мужчин.

Доказать существование такого дискриминационного уклона невозможно, так как фактически соискатель, не подходящий по критериям, не получит внятного и обоснованного объяснения, почему на работу взяли не его, а кого-то другого. Если же соискатель просит от работодателя официальный, письменный ответ с указанием причины отказа в приеме на работу, то, как правило, последний ссылается на «несоответствие деловых качеств соискателя желаемой должности», что фактически может означать и нежелательный пол, и физическое состояние и пр.

Если подобные дела все же доходят до суда, то в подавляющем большинстве случаев, женщинам в иске просто отказывается. Как правило, суд мотивирует свое решение тем, что отсутствуют доказательства, подтверждающие факт отказа работодателя устроить соискателя на работу. Или же суд ссылается на ст. 22 ТК РФ, которая закрепляет право работодателя на самостоятельное принятие решений по кадровым вопросам [3, ст. 22].

В контексте рассматриваемого вопроса обратим внимание на то, что сложности в трудовом положении женщины в России, повлекли за собой возникновение такого негативного социального явления как феминизация бедности. Как утверждает И. К. Колос, это явление заключается в том, что среди бедных возрастает доля женщин по сравнению с мужчинами [11, с. 10]. Также в частном секторе наблюдается тенденция к тому, что заработная плата женщин существенно ниже, чем заработная плата мужчин.

В зарубежных странах дела с занятостью женщин в трудовой деятельности обстоят несколько иначе, чем в нашей стране. Например, в Швеции действует закон «О равных возможностях», принятый в 1991 г. Данный нормативный правовой акт провозглашает повсеместное равенство мужчин и женщин, в том числе и в сфере трудовой деятельности. Кроме того, Швеция является одной из ведущих стран по уровню женской занятости, а мужчины в стране уходят в отпуск по уходу за ребенком не реже, чем сами женщины. Во многом это объясняется и разницей в менталитете, ведь если в России традиционно считается, что домашним хозяйством и детьми должна заниматься исключительно женщина, то в Швеции эту роль берут на себя многие мужчины. Да и в целом, такого строгого разделения обязанностей на мужские и женские в скандинавских странах нет.

Совершенно другая ситуация складывается в Италии, где между уровнем дохода мужчин и женщин существует огромный разрыв. Например, что итальянская женщина должна обеспечивать не только себя и ребенка (если таковой имеется), но также и своих пожилых родителей, что вынуждает ее работать за двоих и даже за троих. Таким образом, женщине в Италии добиться уровня дохода, равного с мужчинами, очень сложно.

Если же говорить о странах мусульманского мира, то там говорить о равенстве не только трудовых, но прав в целом между мужчинами и женщинами, не представляется возможным. Обусловлено это особенностями религиозного воспитания

женщин в мусульманских странах и традиционной главенствующей ролью мужчины.

Таким образом, мы можем констатировать, что в зарубежных странах отношение к женскому труду не самое однозначное и варьируется в зависимости от специфики менталитета и системы законодательства той или иной страны. К сожалению, мы вынуждены признать, что дискриминация женщин в трудовой сфере существует в той или иной мере в каждой из стран, в том числе и в России. На наш взгляд, это проблема, с которой нужно бороться. Увы, изменить менталитет в нашей стране мы не можем, хотя уже сегодня мы можем наблюдать тенденцию к увеличению доли женщин в сфере занятости, в том числе и на руководящих должностях. Однако, государство может предпринять еще несколько мер по защите женщин в сфере труда.

Е. К. Рудакова предлагает в качестве меры государственной поддержки организовывать на постоянной основе курсы повышения квалификации или переподготовки сотрудников, вышедших из декретного отпуска [11, с. 48].

Одной из причин нежелания работодателей принимать на работу женщин является опасение, что, выйдя из декретного отпуска, женщина потеряет свои навыки как квалифицированный специалист, так как почти на три года она «выпадает» из рабочего процесса. Выходом из данной ситуации и является проведение таких курсов за счет средств регионального бюджета. Это поможет не только самим работодателям не переживать за потерю квалификации сотрудницы, но и позволит самим женщинам восстановить пробелы в знаниях и в короткие сроки компенсировать недостающие знания.

Весьма интересное предложение было выдвинуто И. К. Колос. Она предлагает создать центры женской мотивационной консультации, где можно будет прослушать лекции и получить материалы для самостоятельного изучения под руководством женщин, добившихся успеха в бизнесе [11, с.12].

На наш взгляд, идея достаточно спорная, так как на сегодняшний день гораздо удобнее создавать такие сообщества в онлайн-формате, например, на базе площадок социальных сетей, таких как Инстаграм и ВКонтакте.

Это позволит объединить женщин не только в рамках отдельного населенного пункта, но и всей России, и сделает сотрудничество и доступ к необходимой информации более эффективным. Наиболее рациональным способом будет создание общественного объединения, на базе которого уже и развивать возможные варианты сотрудничества.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день правовая база регламентации женского труда представляется весьма обширной. К категории таких законов можно отнести не только Трудовой кодекс РФ, но также и различные подзаконные нормативные правовые акты, среди которых Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин», Постановление Правительства РФ от 6.02.1993 № 105 «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» и т.д.

2. Специфика женского труда такова, что женщины в силу своих физических и физиологических возможностей, не могут быть допущены к ряду работ, например, подземным работам, некоторым особо вредным производствам и пр. Объясняется

это тем, что занятие подобными видами деятельности может нанести женскому здоровью непоправимый урон, в том числе и ее репродуктивному здоровью. В современных условиях, направленных на повышение уровня демографии в стране это не допустимо. Однако мы выяснили, что закрепление в трудовом законодательстве ряда гарантий, направленных на защиту женщины от эксплуатации ее труда, фактически понизило ее конкурентоспособность как самостоятельного работника. В общей сложности, это приводит к тому, что работодатели во многих профессиональных сферах предпочитают брать на работу мужчин, так как в отношении женского труда не только существует ряд ограничений, но также и система выплаты пособий и компенсаций при ее уходе в декретный отпуск. Таким образом, женщина представляется для потенциального работодателя нерентабельным работником, что фактически приводит к дискриминации по половой принадлежности.

3. На законодательном уровне урегулировать обозначенную нами проблему сложно, так как фактическая дискриминация латентна и доказать ее практически невозможно. В качестве способа государственной поддержки организовывать на постоянной основе курсы повышения квалификации или переподготовки сотрудников, вышедших из декретного отпуска. Это поможет не только самим работодателям не переживать за потерю квалификации сотрудницы, но и позволит самим женщинам восстановить пробелы в знаниях и в короткие сроки компенсировать недостающие знания. Также выходом станет создание различных общественных объединений, активно работающих в онлайн-сфере, что позволит не только объединять женщин по всей России, но и доносить им полезную информацию, касающуюся саморазвития и самостоятельного изучения под руководством женщин, добившихся успеха в бизнесе.

Список литературы:

1. Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 10. С. 11 – 15. - Текст: электронный.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. – Текст: электронный.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2023 года + таблица изменений + путеводитель по судебной практике. – Москва : Эксмо, 2023. – 400 с. – (Актуальное законодательство). – Текст : непосредственный.
4. Постановление Правительства РФ от 06.02.1993 № 105 «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. – Текст: электронный.
5. Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (ред. от 13.05.2021) «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.08.2019 № 55594) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст: электронный.
6. Приказ Минтруда России от 14.09.2021 № 629н «Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.11.2021 № 65973) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст: электронный.
7. Приказ Минтруда России от 29.09.2020 № 668н (ред. от 20.12.2021) «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.12.2020 № 61741) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст: электронный.
8. Постановление мирового судьи судебного участка в границах Пачелмского района Пензенской области от 21.03.2017 по делу № 5-184/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст: электронный.

9. Демченко Т. З. Занятость и трудоустройство женщин и лиц с семейными обязанностями в России и зарубежных странах // Инновации и инвестиции. 2015. № 10. С. 120. – Текст : непосредственный.
10. Колос И. К. К вопросу о дискриминации женщин при приеме на работу // Science Time. 2016. № 1. С. 10-12. – Текст : непосредственный.
11. Рудакова Е. К. Демографические последствия глобализации в контексте феминизации труда // Власть. 2021. № 4. С. 48. – Текст : непосредственный.
12. Ульянова Д. С. Особенности регулирования труда женщин // Уникальные исследования XXI века. 2016. № 5. С. 66. – Текст : непосредственный.

Turanin V. Yu., Gusakova Yu. S., Lilikova O. S. Legal regulation of women's labor in modern conditions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 401-408.

The article is devoted to the peculiarities of legal regulation of women's labor. To date, the legal framework for regulating women's labor seems to be very extensive. The category of such laws includes not only the Labor Code of the Russian Federation, but also various subordinate regulatory legal acts, including the Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated July 18, 2019 No. 512n "On approval of the list of industries, jobs and positions with harmful and (or) dangerous working conditions in which the use of women's labor is limited", Decree of the Government of the Russian Federation No. 105 dated February 06, 1993 "On new norms of maximum permissible loads for women when lifting and moving weights manually", etc. The high interest of both Russian and international legislators in the regulation of women's labor is caused by the fact that women, as one of the most vulnerable categories of the population, are often discriminated against in their work. Despite the fact that in the modern world there is an active struggle for the equal rights of men and women to work, this problem is still relevant, although it has largely acquired a latent character.

Keywords: legal regulation, women's labor, legislation, working conditions, discrimination, position, profession, compensation payments, guarantees.

Spisok literary:

1. Convention No. 156 of the International Labour Organization "On Equal treatment and equal opportunities for Working men and Women: workers with Family responsibilities" (adopted in Geneva on 23.06.1981 at the 67th session of the ILO General Conference) // Bulletin of International Treaties. 2004. No. 10. pp. 11-15.
2. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (Adopted on 12/16/1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary Session of the UN General Assembly) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. No. 12.
3. The Labor Code of the Russian Federation: text with amendments and additions as of February 1, 2023 + table of changes + guide to judicial practice. – Moscow : Eksmo, 2023. – 400 p. – (Current legislation).
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 105 dated 06.02.1993 "On new norms of maximum permissible loads for women when lifting and moving weights manually" // Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation. 1993. No. 7.
5. Order of the Ministry of Labor of Russia dated 18.07.2019 No. 512n (ed. dated 13.05.2021) "On approval of the list of productions, works and positions with harmful and (or) dangerous working conditions in which the use of women's labor is restricted" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 14.08.2019 No. 55594) // SPS "ConsultantPlus". URL: <http://consultant.ru/> (date of appeal: 04.02.2023).
6. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation No. 629n dated 14.09.2021 "On approval of the maximum permissible load standards for women when lifting and moving weights manually" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 65973 on 25.11.2021) // SPS "ConsultantPlus". URL: <http://consultant.ru/> (date of appeal: 02/04/2023).
7. Order of the Ministry of Labor of Russia dated 09/29/2020 No. 668n (ed. dated 12/20/2021) "On approval of the Procedure and conditions for the appointment and payment of state benefits to citizens with children" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 12/23/2020 No. 61741) // SPS "ConsultantPlus". URL: <http://consultant.ru/> (accessed: 02/04/2023).
8. Resolution of the Justice of the peace of the judicial precinct within the boundaries of the Pachelmsky district of the Penza region dated 21.03.2017 in case No. 5-184/2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (date of application: 04.02.2023).
9. Demchenko T. Z. Employment and employment of women and persons with family responsibilities in Russia and foreign countries // Innovations and investments. 2015. No. 10. p. 120.
10. Kolos I. K. On the issue of discrimination of women in hiring // Science Time. 2016. No. 1. pp. 10-12.
11. Rudakova E. K. Demographic consequences of globalization in the context of feminization of labor // Power. 2021. No. 4. p. 48.
12. Ulyanova D. S. Features of regulation of women's labor // Unique studies of the XXI century. 2016. No. 5. p. 66.

УДК 342.7

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ:
ФОРМАЛИЗОВАННЫЙ ОПЫТ СТРАН СНГ**

Новикова А. Е., Грищенко Н. В.

Современный этап развития российского конституционализма в совокупности с вызовами и угрозами от изменений международного политико-правового ландшафта детерминируют исследование законодательного вклада в легализацию традиционных для государства аксиологических опор. В этой связи авторами статьи на основе сравнительно-правового анализа конституций стран-членов Содружества независимых государств представлены результаты формализации в их текстах духовно-нравственных ценностей по критерию заданных вербальных конструкций; сделаны выводы компаративного характера о достаточности актуальных учредительных норм для обеспечения традиционных ценностей в суверенных государствах.

Ключевые слова: конституция, ценность, норма, нравственность, духовное наследие, народ, общество, государство.

В современный период обращение к рассмотрению духовно-нравственных феноменов актуализировано необходимостью их возрождения, укрепления и популяризации в российском обществе как ответ на деструктивные внешнеполитические воздействия, способные дестабилизировать и обстановку внутри государства. Право, юридические нормы являются одним из действенных инструментов установления векторов духовно-нравственных ценностей. Особенно важен конституционный уровень в силу ценностной ориентации базового закона [3, с. 1-11], его высшей юридической силы [4, с. 24], учредительного [6, с. 83], многоцелевого и многофункционального [5, с. 174] характера.

В полной мере разделяем научную позицию о том, что саму «конституцию можно в ценностном измерении рассматривать с различных позиций <...> эстетическую ценность формулировок, содержащихся в конституции, филологическую и семантическую ценность словарного набора и грамматических конструкций текста конституции, логическую ценность присутствующих в конституции высказываний, суждений, факторов и проч., идеологическую ценность фундаментальных положений и т.д.» [4, с. 26]. В частности, по мнению С.А. Авакьяна, «конституция просто не может не быть идеологическим – в смысле мировоззренческим документом, причем практически каждое ее слово, все закрепленные в конституции институты выражают видение желаемой социально-политической системы страны, и каждая конституция закрепляет свою систему общественных ценностей и нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества» [2, с. 14-15].

С учетом представленной значимости базового закона в данной работе авторское внимание уделено анализу формализации конституциями стран-членов СНГ духовно-нравственных феноменов [7], терминологически представленных в формулировках «ценность», «духовный» и «нравственный». Подчеркнем, что категории духовно-нравственных феноменов гораздо шире обозначенных терминов и вербально могут быть выражены и в иных словесных конструкциях, которые не относятся к объекту настоящего исследования.

Что касается российского опыта, то термин «ценность» легализован в Конституции 14 раз, из которых 10 указывается на материальные ценности в аспекте ценза реализации пассивного избирательного права (ч.ч. «т» ст. 71, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81, ч. 4 ст. 95, ч. 1 ст. 97, ч.ч. «е» ч. 1 ст. 103, ч. 4 ст. 110, ст. 119 и ч. 2 ст. 129) [1]. Остальные российские и иные заявленные конституционные нормы называют:

высшей ценностью человека, его права и свободы (ст. 2 Конституции России). Идентичен текст конституций Беларуси (ст. 2), Казахстана (ч. 1 ст. 1), Киргизии (ч. 1 ст. 23) и Молдовы (ч. 3 ст. 1). В данном же ключе с небольшими отличиями сформулирована ч. 1 ст. 3 Конституции Армении: в Республике человек – высшая ценность. В Туркменистане человек является наивысшей ценностью не только для государства, но и общества (ст. 4).

По сравнению с представленными оригинальна словесная конструкция ст. 13 Конституции Узбекистана. В ней формализованы в качестве высшей ценности человек, его жизнь, свобода, честь, достоинство и другие неотъемлемые права;

культурные ценности в контексте

их охраны в связи с вводимыми в соответствии с федеральным законом ограничениями перемещения товаров и услуг (ч. 2 ст. 74 Конституции России). Уточним, что содержательно приближена формулировка ч. 2 ст. 19 Конституции Армении, оперирующая армянскими историческими и культурными ценностями, сохранению которых способствует Республика на основе международного права;

доступа к ним в рамках субъективного права каждого на участие в культурной жизни и пользования учреждениями культуры (ч. 2 ст. 44 Конституции России). Аналогично установление в конституциях Азербайджана (ч. I ст. 40) и Киргизии (ч. 2 ст. 48).

В ст. 51 Конституции Беларуси в контексте заявленного права указана общедоступность ценностей отечественной и мировой культуры.

Здесь же хотелось бы отметить ст. 44 Конституции Беларуси, упоминающую историко-культурные ценности, которым не должно наноситься вреда осуществление права собственности;

семейные ценности как объект проведения Правительством Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики (ч.ч. «в» ч. 1 ст. 114).

В заявленных конституциях установлена формализация категории общечеловеческих ценностей в качестве одной из основных целей политики Республики Армения в экономической, социальной и культурной сферах (п. 15 ст. 86).

В ст. 54 Конституции Беларуси легализованы национальные ценности, которые каждый обязан беречь. В данной же Конституции легализована разновидность труда равной ценности, на равное вознаграждение от которого имеют право женщины и мужчины, взрослые и несовершеннолетние (ст. 42).

Ценности в разновидности материальных и интеллектуальных закреплены применительно к собственности в ч. 1 ст. 9 Конституции Молдовы. Аналогичная норма применительно к частной собственности обнаружена в ст. 12 Конституции Туркменистана.

Что касается формализации исключительно духовной составляющей, то «духовное развитие детей» впервые на современном конституционном уровне было в Рос-

сии закреплено в ходе поправочного процесса и отражено в ч. 4 ст. 67.1. Данная норма с заявленным развитием корреспондирует деятельности государства (создание условий).

В Конституции Азербайджана категория духовности выражена в вариативном ряду «духовное наследие народа», «духовное наследие» и «духовное здоровье». В первом случае Азербайджанское государство охраняет духовное наследие народа (ч. II ст. 16). Во втором – в контексте права на культуру «каждый должен с уважением относиться к историческому, культурному и духовному наследию» (ч. II ст. 40). В третьем случае ч. II ст. 31 устанавливает запрет посягать на духовное здоровье.

Сделаем акцент на распространенности сочетания «духовное наследие», подтвердив тем, что согласно ст. 15 Конституции Беларуси историко-культурное и духовное наследие выступают предметом государственной ответственности. В соответствии с ч. 3 ст. 21 Конституции Киргизии государство охраняет духовное наследие народа. Иной подход в ст. 49 Конституции Узбекистана, когда граждане обязаны оберегать духовное наследие народа Узбекистана.

В ч. 1 ст. 18 Конституции Армении «Армянская Апостольская Святая Церковь» закреплена духовная жизнь армянского народа как признанный государством объект исключительной миссии Армянской Апостольской Святой Церкви в качестве национальной церкви.

В ст. 16 Конституции Беларуси формализованы духовные традиции белорусского народа как критерий взаимоотношений государства и религиозных организаций на основании закона.

В формате предмета компетенции разработка и реализация общегосударственных программ духовного развития закреплена за Кабинетом Министров (п. 9 ст. 91 Конституции Киргизии).

В ст. 73 и ст. 98 конституций Таджикистана и Узбекистана отмечено, что Правительство / Кабинет Министров обеспечивает эффективное руководство духовной сферы.

Еще одна из заявленных нами категорий – нравственность, обнаружена в ч. 3 ст. 55 Конституции России. Защита нравственности является основанием для ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина. В данном же ключе выстроена ст. 23 Конституции Беларуси. В содержательно приближенной формулировке ч. 1 ст. 39 Конституции Казахстана: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях охраны нравственности населения. В аналогичном текстуальном совпадении ч. 2 ст. 23 Конституции Киргизии.

В ч. III ст. 48 Конституции Азербайджана легализована общественная нравственность, которой не должно противоречить выполнение религиозных обрядов.

В разновидности общественной нравственности закреплена в ч. 5 ст. 12 Конституции Казахстана, когда на нее не должно посягать осуществление прав и свобод человека и гражданина.

В ст. 16 Конституции Беларуси напротив легализована нравственность граждан, которой запрещено наносить вред деятельностью религиозных организаций, их органов и представителей.

Согласно ст. 44 Конституции Туркменистана и ст. 57 Конституции Узбекистана запрещаются создание и деятельность политических партий и иных общественных объединений, посягающих на здоровье и нравственность народа.

В Главе 2 «Основные права и свободы человека и гражданина» Конституции Армении словосочетание «защита нравственности» встречается 12 раз как основание для ограничения законом следующих субъективных прав и свобод: право на физическую и психическую неприкосновенность (ч. 2 ст. 25), право на неприкосновенность частной и семейной жизни (ч. 2 ст. 31), право на неприкосновенность жилища (ч. 2 ст. 32), свобода и тайна сообщения (ч. 2 ст. 33), право на ознакомление с персональными данными (ч. 4 ст. 34), свобода вступления в брак (ч. 3 ст. 35), право на свободное передвижение (ч. 4 ст. 40), свобода мысли, совести и религии (ч. 2 ст. 41), свобода выражения мнения (ч. 3 ст. 42), собраний мнения (ч. 5 ст. 44), объединений (ч. 3 ст. 45), право на справедливое судебное разбирательство (ч. 2 ст. 63).

Нарушения нравственное развитие зафиксированы в ст. 32 Конституции Беларуси в качестве недопустимого последствия работ, к которым привлекается ребенок.

В аналогичном смысловом ключе ч. 4 ст. 50 Конституции Молдовы, запрещающая эксплуатацию несовершеннолетних, использование их на работах, наносящих вред нравственности, запрещаются.

Одновременно включение двух заявленных категорий, присутствует, к примеру, в ст. 32 Конституции Беларуси, когда молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие. Аналогичен замысел ч. 3 ст. 20 и ч. 1 ст. 27 Конституции Киргизии в отношении детей.

В ч. 1 ст. 47 Конституции Киргизии право на духовно-культурное и нравственное развитие гарантировано молодежи.

Симбиоз ценностей и нравственности демонстрирует ч. 4 ст. 10 Конституции Киргизии: в целях защиты подрастающего поколения мероприятия, противоречащие моральным и нравственным ценностям, общественному сознанию народа Кыргызской Республики, могут ограничиваться законом.

В ст. 40 Конституции Таджикистана отмечено, что духовные ценности охраняются государством.

Одним из ключевых отличий рассматриваемых конституций от российского варианта является включение искомых норм в преамбулу. Так, в конституциях Азербайджана, Армении, Беларуси, Киргизии, Молдовы и Туркменистана в преамбуле отражена приверженность общечеловеческим ценностям. В преамбуле Конституции Киргизии также зафиксировано стремление к развитию духовности. А в преамбуле Конституции Молдовы отражено признание в качестве высших ценностей правового государства, гражданского мира, демократии, достоинства человека, его прав и свобод, свободного развития человеческой личности, справедливости и политического плюрализма. В преамбуле Конституции Туркменистана отмечена цель охраны национальных ценностей.

На наш взгляд, представленные формулировки исчерпывающим образом демонстрируют конституционный вклад в легализацию духовно-нравственных ценностей по заданным вербальным конструкциям. Уточним, что структурно они легализованы в различных частях базовых законов; вариативно (высшая ценность, общечеловеческие ценности, культурные ценности, семейные ценности, духовные ценности, национальные ценности, материальные и интеллектуальные ценности, духовное

наследие народа, духовная жизнь, духовные традиции, духовное развитие, духовная сфера, нравственность населения, общественная нравственность, нравственность граждан, нравственность народа, защита нравственности, нравственное развитие и др.) адресованы субъектам различной правовой природы.

Полагаем, о конституционной аксиологии рассмотренных категорий свидетельствует то, что с ними связывается обеспечительная деятельность государства.

В совокупности представленные конституционные установления выступают достаточными учредительными ориентирами для развития законодательной базы и специального стратегического нормирования абрисов деликатной сферы, имеющей важное значение для личности, общества и государства.

Список литературы:

1. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 1-11.
2. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 656 с.
3. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 560 с.
4. Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2020. 768 с.
5. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. 528.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
7. 15. <https://constitutions.ru/> (дата обращения 11.01.2023 г.).

Novikova A. E., Grishchenko N. V. Constitutional spiritual and moral phenomena: formalized experience of the cis countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 409-413.

The current stage of the development of Russian constitutionalism, together with the challenges and threats from changes in the international political and legal landscape, determine the study of the legislative contribution to the legalization of traditional axiological pillars for the state. In this regard, the authors of the article, based on a comparative legal analysis of the constitutions of the member countries of the Commonwealth of Independent States, present the results of the formalization of spiritual and moral values in their texts according to the criterion of given verbal constructions; comparative conclusions are made about the sufficiency of relevant constituent norms to ensure traditional values in sovereign states.

Keywords: constitution, value, norm, morality, spiritual heritage, people, society, state.

Spisok literatury:

1. Bondar' N.S. Konstitucionnye cennosti – kategoriya dejstvuyushchego prava (v kontekste praktiki Konstitucionnogo Suda Rossii) // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2009. № 6 (12). S. 1-11.
2. Konstituciya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya / отв. ред. V.E. Chirkin. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 656 s.
3. Ebzeev B.S. Vvedenie v Konstituciyu Rossii: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 560 s.
4. Marchenko M.N. Istochniki prava. M.: Prospekt, 2020. 768 s.
5. Avak'yan S.A. Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'. M., 2000. 528.
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ; s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993, 25 dekabrya; 2020, 4 iyulya.
7. 15. <https://constitutions.ru/> (data obrashcheniya 11.01.2023 g.).

УДК 347

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО
ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

Пасечник О. С., Шевчук Е. П.

В статье рассматриваются правовые последствия причинения ущерба правомерным поведением органов публичной власти. Делается вывод, что причиненный ущерб может быть возмещен даже за правомерное поведение органами публичной власти. Правомерность действий таких лиц можно квалифицировать, если они были реализованы в пределах их компетенции и закреплены в должностных инструкциях. Действия, выходящие за указанные пределы, признаются незаконными. Делается вывод о том, что положение о возмещении ущерба правомерными действиями носит бланкетный характер и отсылает к законам, которые на сегодняшний день не существуют в России. Законодатель создал предпосылку для ее реализации через федеральное законодательство, которое так и не сформировалось по данной категории вопросов, за исключением регулирования общественных отношений в сфере проведения контртеррористических операций. Думается для реализации этой нормы важно не только формировать предпосылки ее применения, но и фактическую возможность такого применения.

Ключевые слова: публично-правовые образования, возмещение вреда, правомерные действия, вред личности, нарушение субъективных права.

По общему правилу, при нарушении субъективных прав личности или юридического лица, он имеет право на полное их возмещение в соответствии со ст. 15 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [1]. Но для этого необходимо доказать условия такого возмещения. В настоящее время в законе появился новый случай, предусматривающий лишь компенсацию ущерба за правомерное поведение органов публичной власти. С применением данной нормы принцип полного возмещение вреда колеблется. Следует отметить, что такое ограничение вполне справедливо, ведь если поведение было правомерным, то санкции применять нельзя, а возникнуть может лишь обязанность по компенсации в силу прямого указания в законе.

Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, введена Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ [2, с. 56]. Необходимо разграничить, что является вредом, а что ущербом для правильной квалификации подобных казусов. Так законодатель в одних статьях упоминает о вреде, в других – об ущербе (ст.15 ГК РФ). Важно разобраться в тонкостях терминологии, и какой смысл в них заложен. Понятие ущерба поясняется в гражданском законодательстве как фактические затраты, которые лицо понесло на восстановление своего нарушенного субъективного права. Понятие убытки гораздо шире, ведь они включают в себя все расходы и неполученную выгоду. Вред в этом арсенале самый широкий термин, включающий в себя и неимущественный вред, который может оценить только суд исходя из степени страданий и виновности причинителя вреда, а также разумности и справедливости [3, с. 110]. В ст. 16.1 ГК РФ упоминается именно о компенсации ущерба, ведь не зря законодатель упоминает данный термин – потерпевший может претендовать лишь на компенсацию фактических затрат, видимо и слово возмещение намеренно не используется, поскольку возмещение возможно только при наличии правонарушения, что в данном случае отсутствует. Думается, что за

правомерное поведение не может быть предусмотрена ответственность именно поэтому в законодательстве идет речь о компенсации. Было бы несправедливо вообще возлагать обязанность полного возмещения, поэтому вполне логично только компенсировать ущерб.

Субъектами данных обязательств выступают государственные органы и органы местного самоуправления, а также должностные лица этих органов. Исходя из разъяснений, данных в п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» [4], к таким иным лицам, в частности, относятся юридические лица и индивидуальные предприниматели, аккредитованные в установленном порядке для выполнения работ по сертификации, государственные учреждения, уполномоченные на проведение государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Федерального закона «О техническом регулировании» [5], государственные учреждения, подведомственные федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему кадастровый учет и ведение государственного кадастра недвижимости на основании ст.3 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» [6].

Положения ст. 16.1 ГК РФ вряд ли можно считать нововведением, поскольку ранее она охватывалась более общей нормой п.3 ст. 1064 ГК РФ. Также всегда существовала норма о возмещении вреда в случае крайней необходимости ст. 1067 ГК РФ, однако она предусматривает только возмещение полного или частичного вреда при наличии судебного волеизъявления.

На сегодняшний день нет возможности реализации данной ст. 16.1 ГК РФ, поскольку она отсылает к законам, которые также содержат отсылку к другим федеральным законам, которых попросту нет. Единственная реализация компенсации такого ущерба видится в законодательстве о противодействии терроризму. Примером соответствующего акта является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7], в ч.2 ст.18 которого предусмотрено, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством РФ в порядке, установленном Правительством РФ. На основании данной нормы издано Постановление Правительства РФ от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» [8] позволяет компенсировать вред из бюджетных средств.

Помимо, общей нормы п.3 ст. 1064 части второй ГК РФ есть ч. 3 ст. 22 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [9] по которой вред, причиненный юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям правомерными действиями должностных лиц органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля, возмещению не подлежит, за исключением случаев, предусмотренных

федеральными законами. Мы видим, как данная норма опять нас отсылает к несуществующему закону, создавая лишь видимость реального возмещения.

Аналогичная норма закреплена в ч.3 ст. 25 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [10] в отношении вреда, причиненного лицам правомерными действиями таможенных органов и их должностных лиц.

На наш взгляд, такая мера защиты как компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, носит гражданско-правовой характер. Следует отметить, что практически нет реализации этой статьи, законодатель попросту создал предпосылку для такого возмещения с целью усиления охраны интересов потерпевших и восстановления справедливости. Порядок выплаты компенсации, который включает в себя правила определения размера затрат, устанавливается законом и связан с восстановлением имущественного положения потерпевшего. В то же время действующим законодательством устанавливаются отсылочные нормы к подзаконным актам. В п.2 ст. 18 ФЗ РФ «О противодействии терроризму» [11] предусматривает, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством РФ [12]. Порядок определен Постановлением Правительства РФ № 750, в соответствии с которым бюджетные ассигнования из резервного фонда выделяются федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в целях осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб [13, с. 163] в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, для покрытия расходов по финансовому обеспечению. Однако компенсацию за физические и нравственные страдания эта статья не предусматривает, более того, данная норма отсылает к законам, которые в России не существуют. А компенсация от самих причинителей в подобных случаях просто невозможна, что подтверждается практикой – заявлять эти требования в суд к публично-правовым образованиям бессмысленно, поскольку данная норма говорит лишь о возможности возмещения фактического ущерба, а именно о понесенных затратах.

Таким образом, ст. 16.1 ГК РФ носит бланкетный характер и отсылает к законам, которые на сегодняшний день не существуют в России. Видимо законодатель создал предпосылку для ее реализации через федеральное законодательство, которое так и не сформировалось по данной категории дел, за исключением положений о контртеррористических операциях. Думается для применения этой нормы важно не только сформировать предпосылки ее применения, но и фактическую реализацию данной нормы.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гинц Е.М. Институт возмещения вреда, причиненного государственными органами, в свете реформы гражданского законодательства // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции : материалы V Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (г. Москва, 1 октября 2012). М., - 2012.

3. Звонарев А. А. Возмещение вреда органами государственной власти и органами местного самоуправления и их должностными лицами // Образование и право. 2018. №5. С. 110-111.
4. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих: постановление Пленума ВС РФ от 10.02. 2009 г. № 2 // Российская газета. – 2009. -18 февр.
5. О техническом регулировании: федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ // Российская газета. - 2002 - 31. дек.
6. О государственном кадастре недвижимости: федер. закон 24.07.2007г. № 221-ФЗ // Российская газета 2007 — 1 авг.
7. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6.03. 2006 г. № 35-ФЗ // СЗ РФ. - 2006.- № 11. - Ст. 1146.
8. О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий: постановление Правительства РФ от 13.10.2008 г. № 750 // СЗ РФ. - 2008. - № 42.- Ст. 4822.
9. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Российская газета 2008. — 30 дек.
10. О таможенном регулировании в Российской Федерации: федер. закон от 27.11. 2010г. № 311-ФЗ // СЗ РФ.- 2010. - № 48. - Ст. 6252.
11. О противодействии терроризму: федер. закон 06.03.2006 № 35-ФЗ // Российская газета 2006 — 10 марта.
12. О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий: постановление Правительства РФ от 13.10. 2008 г. № 750 // Собрание законодательства РФ - 2008. - № 42. - Ст. 4822.
13. Петухова А.В. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: новое направление в развитии деликтных обязательств // Государство и право. 2013. № С. 163-166.

Pasechnik O. S., Shevchuk E. P. Problems of implementing compensation for damage caused by legal actions of public authorities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 414-418.

The article deals with the legal consequences of causing damage by the lawful behavior of public authorities. It is concluded that the damage caused can be compensated even for the lawful behavior of public authorities. The legitimacy of the actions of such persons can be qualified if they were implemented within their competence and enshrined in job descriptions. Actions that go beyond these limits are recognized as illegal. It is concluded that the provision on compensation for damage by lawful actions is blanket in nature and refers to laws that do not exist in Russia today. The legislator created a prerequisite for its implementation through federal legislation, which has not yet been formed on this category of issues, with the exception of regulating public relations in the field of counter-terrorism operations. It seems that for the implementation of this norm it is important not only to form the prerequisites for its application, but also the actual possibility of such application.

Key words: public law formations, compensation for harm, lawful actions, personal harm, violation of subjective rights.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyab. 1994 g. № 51-FZ // Sobr. zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Ginc E.M. Institut vozmeshcheniya vreda, prichinennogo gosudarstvennymi organami, v svete reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva // Nauchnaya diskussiya: voprosy yurisprudencii : materialy V Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 1 oktyabrya 2012). M., - 2012.
3. Zvonarev A. A. Vozmeshchenie vreda organami gosudarstvennoj vlasti i organami mestnogo samoupravleniya i ih dolzhnostnymi licami // Obrazovanie i pravo. 2018. №5. S. 110-111.
4. O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii reshenij, dejstvij (bezdeystviya) organov gosudarstvennoj vlasti, organov mestnogo samoupravleniya, dolzhnostnyh lic, gosudarstvennyh i municipal'nyh sluzhashchih: postanovlenie Plenuma VS RF ot 10.02. 2009 g. № 2 // Rossijskaya gazeta. – 2009. -18 fevr.
5. O tekhnicheskom regulirovanii: federal'nyj zakon ot 27.12.2002 № 184-FZ // Rossijskaya gazeta. - 2002 - 31. dek.
6. O gosudarstvennom kadastre nedvizhimosti: feder. zakon 24.07.2007g. № 221-FZ // Rossijskaya gazeta 2007 — 1 avg.
7. O protivodejstvii terrorizmu: federal'nyj zakon ot 6.03. 2006 g. № 35-FZ // SZ RF. - 2006.- № 11. - St.

1146.

8. O poryadke vydeleniya byudzhetnyh assignovaniy iz rezervnogo fonda Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po preduprezhdeniyu i likvidacii chrezvychajnyh situacij i posledstvij stihijnyh bedstvij: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.10.2008 g. № 750 // SZ RF. - 2008. - № 42. - St. 4822.

9. O zashchite prav yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya: feder. zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ // Rossijskaya gazeta 2008. — 30 dek.

10. O tamozhenном regulirovanii v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 27.11. 2010g. № 311-FZ // SZ RF.- 2010. - № 48. - St. 6252.

11. O protivodejstvii terrorizmu: feder. zakon 06.03.2006 № 35-FZ // Rossijskaya gazeta 2006 — 10 marta.

12. O poryadke vydeleniya byudzhetnyh assignovaniy iz rezervnogo fonda Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po preduprezhdeniyu i likvidacii chrezvychajnyh situacij i posledstvij stihijnyh bedstvij: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.10. 2008 g. № 750 // Sobranie zakonodatel'stva RF - 2008. - № 42. - St. 4822.

13. Petuhova A.V. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo pravomernymi dejstviyami gosudarstvennyh organov i organov mestnogo samoupravleniya: novej napravlenie v razvitii deliktnyh obyazatel'stv // Gosudarstvo i pravo. 2013. № S. 163-166.

УДК 342.821

УЧАСТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ВЫБОРАХ В КРЫМУ ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ ЕГО В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гузеева И. Н.

В статье автор анализирует электоральные предпочтения избирателей Крыма на различных уровнях избирательных кампаний. Проведение выборов является важным аспектом политической жизни страны, в связи с чем имеет особую важность при изучении. Политические процессы, происходящие в Республике Крым после 2014 года в силу множества причин, имеют ряд специфических черт, являющихся актуальными для изучения. В данной работе рассмотрены особенности формирования региональной законодательной власти, в частности на примерах выборов в Государственный Совет Республики Крым. Также проанализированы особенности составов партийных списков и причины имеющих показатели на выборах на территории рассматриваемого субъекта Российской Федерации. Вносятся предложения по совершенствованию участия политических партий и общественных объединений в выборах.

Ключевые слова: политические партии, выборы, Государственный Совет Республики Крым, народовластие, политическое пространство, электоральная статистика.

В современной политической науке все большее распространение получают исследования в области электоральной географии. Первичным и важнейшим источником данных для любых исследований поведения избирателей выступает электоральная статистика – достоверный и хорошо поддающийся математическому анализу материал.

В марте 2014 г. Республика Крым вошла в состав Российской Федерации, что подтверждается Федеральным конституционным законом «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [1]. Несмотря на то, что с этого момента прошло уже более восьми лет, данная тема до сегодняшнего дня является резонансной, в связи с чем не утихают споры по поводу данного события. Особенно интересным в данных условиях является всесторонний анализ политического пространства Крыма после 2014 г. в связи с тем, что все политические процессы происходят в условиях новой реальности как для населения Республики Крым, так и для России в целом.

Капицын В.М. утверждает, что результаты референдума в Республике Крым в 2014 г. в большей степени связаны с тем, что на протяжении всего времени после распада СССР жители полуострова сохраняли потенциал российской идентичности и что именно данный фактор в большей степени оказал влияние на выбор населения Крыма [2].

С 2014 г. в Республике Крым уже накоплены достаточные эмпирические данные в сфере электоральной статистики: жители полуострова принимали участие в выборах Президента Российской Федерации (2018 г.), выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2016, 2021 годы), Общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации (2020 г.), выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым (2014, 2019 годы) и выборах депутатов представительных органов му-

ниципальных образований Республики Крым (2014, 2019 гг.). Результаты данных выборов позволяют сделать обобщения и выявить тенденции в поведении избирателей республики. Данная задача является, безусловно, актуальной, поскольку, во-первых, формирует первоначальную опору для изучения электоральных процессов, происходящих в Крыму, во-вторых, позволяет наметить некоторые закономерности в данной сфере политической жизни, в-третьих, создает базу для прогнозирования результатов последующих выборов [3].

Институт выборов имеет огромное значение в политической системе каждой страны, ведь именно благодаря ему граждане могут выразить свою волю и поучаствовать в формировании властных структур в стране. Для того, чтобы жители Крыма могли в полной мере реализовать свое избирательное право, первоочередной задачей государственных органов было приведение в порядок законодательной базы. Был принят ряд нормативно-правовых актов, которые базировались на российском законодательстве и способствовали интеграции Крыма в состав Российской Федерации. В сфере выборов одним из основных подобных нормативно-правовых актов стал Закон от 15 мая 2004 г. «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» (на сегодняшний день утративший юридическую силу) [4]. В настоящий момент действующим является Закон Республики Крым от 26 февраля 2019 г. с аналогичным названием [5].

Впервые после референдума 2014 г. реализовать свое избирательное право граждане, проживающие на территории Крыма, смогли на выборах 14 сентября 2014 г. в Государственный Совет Республики Крым. Данный факт явился на тот момент существенным шагом для формирования региональной законодательной власти в рассматриваемом регионе. Выборы в Государственный Совет на первый взгляд по мнению ряда политологов должны были стать достаточно предсказуемыми, но большой неожиданностью для многих стал тот факт, что партия КПРФ, которая имеет внушительный электорат на протяжении многих лет не смогла преодолеть избирательный порог и получить соответствующий мандат. Гарас Л.Н. отмечает, так как лидирующее место на рассматриваемых выборах заняла партия «Единая Россия» в большей степени при принятии данного решения граждане ориентировались на ассоциацию с личностью Президента РФ [6].

Для выявления особенностей партийных предпочтений крымских избирателей целесообразным будет проанализировать рейтинги четырех наиболее популярных политических партий Российской Федерации, которые входили в состав Государственной Думы РФ шестого созыва на момент проведения выборов в Государственный Совет Республики Крым в 2014 г., а также вошли в состав Государственной Думы РФ 7-го созыва по результатам рассматриваемых выборов 2016 г. Это, соответственно, «Единая Россия», Либерально-демократическая партия Российской Федерации (ЛДПР), Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и «Справедливая Россия». Остальные политические партии-участники выборов получали незначительную поддержку среди крымских избирателей, анализ их поддержки не включается в рамки данной работы.

18 сентября 2016 г. на всей территории Российской Федерации состоялись выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Во многих субъектах прошли выборы высшего должностного лица и депутатов законодательного органа власти, также состоялись выборы на уровне многих муниципальных образо-

ваний. Соответственно, выборы в Республике Крым и г. Севастополе состоялись согласно Федеральному закону от 22 февраля 2014 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» по смешенной избирательной системе. На территории Республики Крым было сформировано 3 мажоритарных одномандатных округа и один округ в г. Севастополе. В вышеназванных субъектах выборы проходили только на федеральном уровне, т.е. избирали только депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ [7].

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации сообщила, что в Республике Крым зарегистрированы 1474514 избирателей, в Севастополе – 318271. В Республике Крым создано 1207 избирательных участков, в Севастополе – 191. Явка избирателей на выборах в Республике Крым составила 49,15 %.

Несмотря на заявления киевских властей о нелегитимности рассматриваемых выборов, попытках запретить проведение предвыборной агитации, выборы 18 сентября 2016 г., первые выборы федерального уровня в Республики Крым и г. Севастополе состоялись, причем на высоком организационном и правовом уровнях. По итогам голосования большинство голосов получила партия «Единая Россия».

Итак, «Единая Россия» набрала наибольшее количество голосов крымских избирателей как в 2014 г., так и в 2016 г. На выборах Государственного Совета Республики Крым партию поддержали 70,18 % избирателей. В 2016 г. рейтинг поддержки «Единой России» среди крымских избирателей составил 72,8 % [8].

Таблица 1. Статистические показатели, характеризующие поддержку парламентских политических партий в Крыму на выборах в ГС РК 2014 г. и ГД РФ 2016 г., %

Статистические показатели	«Единая Россия»		ЛДПР		КПРФ		«Справедливая Россия»	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Средняя арифметическая, всего	70,90	73,43	7,38	10,46	4,45	5,49	2,21	1,96
Средняя арифметическая по ГО	68,80	68,61	8,82	12,96	5,72	6,80	2,31	2,5
Средняя арифметическая по МР	72,53	77,23	6,24	8,49	3,40	4,40	2,10	1,41
Минимальный результат	64,73	62,89	4,48	6,11	2,25	3,58	0,42	0,56
Максимальный результат	76,47	81,77	12,29	16,15	9,59	8,93	9,12	4,79

При проведении описательно-статистического анализа результатов голосования за данную партию в различных районах Крыма наблюдается закономерность: в городах поддержка партии-лидера меньше, чем в сельских районах. Данная особенность подтверждается вычислением среднего арифметического показателя рейтинга в городских и сельских регионах отдельно. В 2014 г. при средней поддержке «Единой России» в 70,90 % в городских округах данное значение составляет 68,80 %, в муниципальных районах – 72,53 %; особенно явно различие в поведении городских и сельских избирателей проявляется на выборах федерального уровня: в 2016 г. при средней арифметической в 73,43 % данные значения составляют 68,61 % и 77,23 % соответственно.

Либерально-демократическая партия и в 2014 г., и в 2016 г. получала второй по величине электоральный рейтинг среди избирателей Крыма. На выборах депутатов ГС РК общий рейтинг партии по республике составил 8,49 %, на выборах депутатов ГД РФ республиканский рейтинг ЛДПР составил 11,14 %. В 2014 г. в целом по республике средняя арифметическая поддержки ЛДПР составляет 7,38 % в городских округах – 8,82 %, в муниципальных районах – 6,24 %; в 2016 г. при среднем арифметическом поддержки в 10,46 % в городах данное значение составляет 12,96 %, а в сельских районах – 8,49 %. Как видим, обнаруженный при анализе поддержки «Единой России» территориальный раскол в поведении избирателей Республики Крым сохраняется [9].

Различия в партийных предпочтениях городских и сельских жителей Крыма отражаются также и на поддержке Коммунистической партии, получающей на рассматриваемых выборах 3-е место: при средней арифметической рейтинга в 2014 г. в 4,45 % в городских округах данное значение, составляет 5,72 %, а в муниципальных районах – 3,40 %, в 2016 г. при среднем в 5,49 % в городах и муниципальных районах данные значения составляют 6,80 % и 4,40 % соответственно. Однако, для «Справедливой России», получающей сравнительно слабую поддержку среди жителей республики, различия между рейтингами в сельских и городских территориях Крыма обнаруживаются лишь незначительные: средняя арифметическая поддержки партии составляет 2,21 %, в городских округах – 2,31 %, в муниципальных районах – 2,10 %. В 2016 г. разница между данными показателями увеличиваются: при общей средней в 1,96 % среднее арифметическое в городских и сельских регионах составляют 2,5 % и 1,41 % соответственно.

Очевидно также, что, если рассмотреть результаты выборов 2014 и 2016 гг. как динамическую переменную, то на характер изменения электоральных рейтингов некоторых партий оказывают влияние обнаруженные особенности их распределения по регионам республики. Так, поддержка «Единой России» возросла только среди жителей сельских районов Крыма, в городах же рейтинг партии остался на прежнем уровне. «Справедливая Россия», наоборот, увеличила свой рейтинг только за счет избирателей городских округов Республики Крым. Однако, поддержка ЛДПР и КПРФ практически равномерно возросла во всех типах муниципальных образований.

Однако, стоит заметить, что обнаруженные по результатам выборов в 2016 г. положительные связи между поддержкой КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» не стоит интерпретировать как свидетельство общности электората у данных партий. Наличие данных связей скорее всего вызвано именно влиянием исследуемых внутрирегиональных различий поддержки политических партий, в частности - особенностями вариации поддержки «Единой России». Так, российский исследователь А.С. Ахременко обращает внимание, что присутствие среди партий-участников абсолютного лидера, которым является в данном случае «Единая Россия», заставляет рейтинги других партий изменяться сходным друг с другом образом: «В каком-то смысле такая переменная «давит» своей огромной вариацией на все остальные переменные, заставляя их колебаться в противоположном направлении» [10]. Таким образом, обнаруживается некоторое размежевание между поддержкой «Единой России» с одной стороны и ЛДПР, КПРФ, а в 2016 г. также и «Справедливой Россией», с другой.

Итак, форма распределения поддержки партий в Республике Крым отражает наличие территориального раскола. Как видим, главной пространственной закономерностью вариаций данных показателей выступает различие в электоральном поведении жителей городских и сельских районов Крыма. Раскол «город-село» наблюдается как на региональных, так и на федеральных выборах, то есть данная особенность носит устойчивый характер. Так, «Единая Россия» получает большую поддержку среди жителей сельских районов республики, а ЛДПР и КПРФ имеют более высокие электоральные рейтинги в городах. Раскол «город-село» не наблюдается лишь в отношении электорального рейтинга «Справедливой России» на выборах в ГС РК, однако в 2016 г. различие также обнаруживается: партия получает более высокую поддержку среди городских избирателей. Р.Ф. Туровский отмечает, что раскол «город-село» является фундаментальным фактором различий в электоральном поведении избирателей, а в России он выражен более сильно, чем в зарубежных странах. Можно утверждать, что данный раскол структурирует республику как электоральное пространство. Какую-либо другую группировку регионов Крыма с учетом всех рассмотренных проявлений электорального поведения произвести не удастся.

Следующие выборы в Государственный Совет Республики Крым прошли в 2019 г. и имели ряд отличий от результатов выборов, которые проходили в 2014 г. Сравним как были распределены голоса на выборах в 2014 и 2019 гг. среди самых популярных политических партий. Обратимся к таблице 2 [11].

Таблица №2.

	2014	2019
Единая Россия	70,18 %	54,75 %
ЛДПР	8,49 %	16,84 %
КПРФ	4,48 %	8,19 %
Справедливая Россия	1,84 %	3,95 %

По данным приведенной таблицы мы можем заметить, что Единая Россия хоть и осталась лидером на выборах, но в процентном соотношении получила значительно меньше голосов в 2019 году, чем на выборах в Государственный Совет в 2014 г., но это вовсе не значит, что данная политическая партия теряет поддержку на территории Республики Крым. Данные показатели скорее отражают внутрорегиональные различия в отношении различных политических партий.

Был проведен ряд исследований по поводу результатов выборов в Государственный Совет Республики Крым за 2014 и 2019 год, которые показали, что данный регион, как и многие другие регионы РФ характеризуются ярко выраженными внутрорегиональными различиями. Так, Кузьмина Т.Н. в своей работе приводит ряд статистических данных на основании которых делает вывод о том, что жители сельских и городских районов по-разному оценивают деятельность всех представленных политических партий. «Единая Россия» по представленным в ее работе данным получает большую поддержку среди жителей сельских районов республики, а ЛДПР и КПРФ имеют более высокие электоральные рейтинги в городах [12].

С момента присоединения Республики Крым в состав России помимо выборов в Государственный Совет республики, жители данного субъекта также успели по-

участвовать в выборах депутатов Государственной Думы РФ седьмого и восьмого созывов. Аналогично с выборами в Государственный Совет Республики Крым лидером на них стала политическая партия «Единая Россия» и ее представители. О. Ковитиди, которая является Представителем от исполнительного органа государственной власти Республики Крым прокомментировала подобный результат: «Крымчане, впервые голосовавшие на выборах депутатов Государственной Думы РФ, показали стабильный результат, подавляющее большинство пришедших на избирательные участки отдали свои голоса партии Президента России – «Единой России». Данное мнение было высказано после выборов в Государственную Думу РФ седьмого созыва, но аналогичные результаты и мнения сохранились до сих пор [13].

Анализируя выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ 2016 и 2021 гг. необходимо отметить, что при относительно небольшой разнице в численности избирателей, 2016 г. – 109737301, 2021 – 108145648, активность избирателей в 2021 г. целом по стране была на 3,84 % выше по сравнению с 2016 г. В 2016 г. явка – 47,88 %, а в 2021 – 51,72 % [14; 15]. В Республике Крым показатели активности избирателей практически не изменились, 2016 г. – 49,15 %, 2021 г. – 49,75 %. Голоса избирателей РФ за ведущие политические силы страны распределены следующим образом:

Таблица №3.

	2016	2021
Единая Россия	54,20 %	49,82 %
ЛДПР	13,14 %	7,55 %
КПРФ	13,34 %	18,93 %
Справедливая Россия	6,22 %	7,46 %
Новые люди		5,32 %

Теперь сравним как были распределены голоса среди крымского электората на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2016 и 2021 годах среди самых популярных политических партий по федеральному округу:

Таблица №4.

	2016	2021
Единая Россия	72,80 %	63,33 %
ЛДПР	11,14 %	7,75 %
КПРФ	5,60 %	9,15 %
Справедливая Россия	2,06 %	5,93 %
Новые люди		3,96 %

Анализ показывает на снижение поддержки Единой России и ЛДПР — на этом сказались два фактора. Общефедеральный — пенсионная реформа, в первую очередь повлиявшая на ухудшение позиций «ЕР», что было зафиксировано на выборах региональных парламентов в 2018 г. Региональный — снижение рейтинга главы Крыма Сергея Аксёнова, что показывают результаты проводимых в регионе соцпросов. Влияние негативного фона пенсионной реформы на рейтинг Единой России

с течением времени снижается, но не исчезает, и, если в ходе избирательной кампании у единороссов появятся оппоненты, которые будут напоминать избирателям об этой реформе, влияние данного фактора может активизироваться.

В сентябре 2022 г. проходили муниципальные выборы, представители «Единой России» стали победителями на дополнительных выборах в Государственный Совет Республики Крым. Руководитель научного совета Центра политической конъюнктуры А. Чеснаков считает, что россияне в целом спокойно воспринимают социальное положение в стране и продолжают поддерживать действующую власть во главе с президентом. Стоит отметить, что за муниципальными выборами в Крыму следила не только вся Россия, но и весь мир, а особенно Евросоюз. Представители данного объединения прокомментировали прошедшие выборы следующим образом: «ЕС не признает проведение этих выборов и их результаты в Крыму и в Севастополе, населения Крыма и Севастополя не имеет легитимности» [16]. Несмотря на подобные комментарии выборы в Республике Крым в соответствии с действующим законодательством России были проведены на легальной и легитимной основе.

Также интересными являются данные исследований, проведенных коллективом Крымского филиала ФНИСЦ РАН о развитии социально-политической активности жителей Крыма. В результате проведенных исследований также прослеживается мысль о внутрирегиональных различиях и приводятся данные о том, что лидирующая на выборах партия получает поддержку со стороны сельского населения больше, чем от городского населения [17].

Помимо этого, внутрирегиональные различия также связаны с этносоциальными общностями, населяющими Крым. В настоящее время на территории республики Крым проживают более 150 национальностей, одной из которых являются татары, которые создали Межрегиональное общественное движение крымско-татарского народа "Къырым. Многонациональный состав Крыма в теории мог бы отразиться на результатах выборов на различных уровнях, но даже это не оказало существенного влияния на выбор граждан. Так, Глава Общественного совета крымско-татарского народа Сейтумер Ниметуллаев перед выборами Президента РФ высказался о том, что его организация не представляет другого лидера страны, что очередной раз доказывает, что на протяжении уже более восьми лет на территории Крыма граждане поддерживают действующую власть.

На сегодняшний день согласно данным, предоставленным Министерством юстиции РФ по Республике Крым по состоянию на 01 октября 2022 г. зарегистрированы и действуют 21 политическая партия. Всего по России на сегодняшний день зарегистрировано 30 политических партий. Таким образом, можно заметить, что не все политические партии после событий 2014 г. пожелали открыть в Республике Крым региональное представительство.

Одной из причин может выступать отсутствие поддержки в решении о присоединении Республики Крым в состав России в целом, ярким примером служит «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО». Основатель указанной политической партии Явлинский Г.А. не просто отказывается поддерживать решение о принятии субъекта в состав России, а в открытую предлагает перечеркнуть результаты волеизъявления жителей Крыма на референдуме в марте 2014 г. Более того, лидер политической партии «Яблоко» тезис о возвращении Крыма Украине считает одним из лозунгов своей предвыборной кампании, в том числе на

выборах в Президенты РФ в 2018 г. Результаты этих выборов продемонстрировали, что указанный тезис не находит поддержки среди граждан России, так как он смог набрать всего 1,05 % голосов.

Конечно, рассмотренных в данной работе результатов голосований недостаточно для построения достоверных научных прогнозов относительно поведения избирателей различных регионов Крыма на последующих выборах. Для выявления устойчивых тенденций в электоральной географии полуострова требуется большее количество эмпирического материала. Поэтому перспективным и плодотворным будет изучение статистических данных последующих выборов в Республике Крым.

Результаты проведенного анализа позволяют понять особенности поведения крымских избирателей в российских условиях политического выбора, а также могут использоваться в качестве опоры для дальнейших исследований электоральных процессов в Крыму.

Подводя итоги данной работы можно сделать вывод о том, что Республика Крым имеет ряд особенностей в формировании региональной законодательной власти, большая часть из которых связана с внутрирегиональными различиями анализируемого региона России. Тот факт, что существует негативная оценка деятельности государственных органов власти означает, что в регионе существуют определенные локальные проблемы, требуемые решения. И представители политических партий, которые заинтересованы в привлечении электората на свою сторону могут, решая данные проблемы привлечь большое число граждан на свою сторону к моменту проведения следующих выборов.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ, 2014, № 12, ст. 1201.
2. Капицын В. М. Референдум в Крыму 16 марта 2014 г. и апгрейд российской идентичности / В. М. Капицын // Русская политология. – 2017. – № 1(2). – С. 14-21.
3. Кузьмина Т. Н. Поддержка политических партий в Крыму: внутрирегиональные различия // Архонт. 2018. № 2 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-politicheskikh-partiy-v-krymu-vnutreregionalnye-razlichiya>
4. Закон Республики Крым «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» от 15.05.2014 № 3-ЗРК (Утратил силу) // «Крымские известия» от 20.5.2014 г., № 92-93.
5. Закон Республики Крым «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» от 26.02.2019 № 572-ЗРК/2019 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
6. Гарас, Л. Н. Выборы в органы государственной власти города Севастополя и Республики Крым: факторы, особенности, итоги / Л. Н. Гарас, Д. В. Маковская // Выборы: теория и практика. – 2015. – № 3 (31). – С. 16-22.
7. Троицкая Т. В. Становление избирательного законодательства в Республике Крым и городе Севастополе: конституционные проблемы и перспективы развития // Вестник СГЮА. 2017. № 2 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-izbiratel'nogo-zakonodatelstva-v-respublike-krym-i-gorode-sevastopole-konstitutsionnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya>
8. Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
9. О.В. Вдовиченко Гражданское общество и политический процесс в Республике Крым // Вестник ПАГС. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-politicheskiy-protsess-v-respublike-krym>
10. Ахременко А.С. «Корреляционный анализ электоральной статистики: некоторые методологические и методические проблемы» Вестник московского университета. Серия 12: политические науки 2008. № 2 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11644777>

11. Выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым (Электронный ресурс) // Избирательная комиссия Республики Крым. URL: http://crimea.izbirkom.ru/2019/vybory-deputatov-gosudarstvennogo-soveta-respubliki-krym-vtorogo-sozyva/?clear_cache=Y
12. Кузьмина, Т. Н. Поддержка политических партий в Крыму: внутрирегиональные различия / Т. Н. Кузьмина // Архонт. – 2018. – № 2(5). – С. 33-38.
13. Ольга Ковитиди: Выборы показали, что крымчане безапелляционно доверяют Путину (Электронный ресурс) // Официальный портал Правительства Республики Крым URL: <https://tk.gov.ru/ru/structure/710>
14. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года. Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – М. 2017. – 528 с.
15. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва 19 сентября 2021 года. Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – М. 2022. – 492с.
16. ЕС отказался признавать итоги выборов в Крыму и Севастополе (Электронный ресурс) // Газета.ру URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/09/12/18544627.shtml>
17. Социально-политическое и социально-экономическое пространство Республики Крым: риски и перспективы развития / В. В. Узунов, В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая [и др.] // Россия реформирующаяся. – 2020. – № 18. – С. 425-443.

Guzeeva I.N. Participation of electoral associations in the elections in Crimea after its entry into the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 419-428.

In the article, the author analyzes the electoral preferences of Crimean voters at various levels of election campaigns. The conduct of elections is an important aspect of the political life of the country, in connection with which it is of particular importance when studying. The political processes taking place in the Republic of Crimea after 2014, for many reasons, have a number of specific features that are relevant for study. In this paper, the features of the formation of regional legislative power are considered, in particular, by the examples of elections to the State Council of the Republic of Crimea. The features of the composition of party lists and the reasons for the available indicators in the elections in the territory of the subject of the Russian Federation are also analyzed. Proposals are being made to improve the participation of political parties and public associations in elections.

Keywords: political parties, elections, the State Council of the Republic of Crimea, democracy, political space, electoral statistics.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.03.2014 № 6-FKZ (red. ot 14.07.2022) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ, 2014, № 12, ст. 1201.
2. Капичин В. М. Референдум в Крыму 16 марта 2014 г. и агрежд российской идентичности / В. М. Капичин // Русская политология. – 2017. – № 1(2). – С. 14-21.
3. Кузьмина Т. Н. Поддержка политических партий в Крыму: внутрирегиональные различия // Архонт. 2018. № 2 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-politicheskix-partij-v-krymu-vnutriregionalnye-razlichiya>
4. Закон Республики Крым «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» от 15.05.2014 № 3-ZRK (Утратил силу) // «Крымские известия» от 20.5.2014 г., № 92-93.
5. Закон Республики Крым «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» от 26.02.2019 № 572-ZRK/2019 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
6. Garas, L. N. Vybory v organy gosudarstvennoj vlasti goroda Sevastopolya i Respubliki Krym: faktory, osobennosti, itogi / L. N. Garas, D. V. Makovskaya // Vybory: teoriya i praktika. – 2015. – № 3 (31). – С. 16-22.
7. Troickaya T. V. Stanovlenie izbiratel'nogo zakonodatel'stva v Respublike Krym i gorode Sevastopole: konstitucionnye problemy i perspektivy razvitiya // Vestnik SGYUA. 2017. № 2 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-izbiratel'nogo-zakonodatel'stva-v-respublike-krym-i-gorode-sevastopole-konstitucionnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya>
8. Svedeniya o provodyashchihsvya vyborah i referendumah // Central'naya izbiratel'naya komissiya Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
9. O.V. Vdovichenko. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskij process v Respublike Krym // Vestnik PAGES. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obshchestvo-i-politicheskij-protsess-v-respublike-krym>
10. Ahremenko A.S. «Korrelyacionnyj analiz elektoral'noj statistiki: nekotorye metodologicheskie i metodicheskie problemy» Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 12: politicheskie nauki 2008. № 2 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11644777>

11. Vybory deputatov Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym (Elektronnyj resurs) // Izbiratel'naya komissiya Respubliki Krym. URL: http://crimea.izbirkom.ru/2019/vybory-deputatov-gosudarstvennogo-soveta-respubliki-krym-vtorogo-sozyva/?clear_cache=Y
12. Kuz'mina, T. N. Podderzhka politicheskikh partij v Krymu: vnutrireional'nye razlichiya / T. N. Kuz'mina // Arhont. – 2018. – № 2(5). – S. 33-38.
13. Ol'ga Kovitidi: Vybory pokazali, chto krymchane bezapellyacionno doveryayut Putinu (Elektronnyj resurs) // Oficial'nyj portal Pravitel'stva Respubliki Krym URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/710>
14. Vybory deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii sed'mogo sozyva 18 sentyabrya 2016 goda. Elektoral'naya statistika / Central'naya izbiratel'naya komissiya Rossijskoj Federacii. – M. 2017. – 528 s.
15. Vybory deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii vos'mogo sozyva 19 sentyabrya 2021 goda. Elektoral'naya statistika / Central'naya izbiratel'naya komissiya Rossijskoj Federacii. – M. 2022. – 492s.
16. ES otkazalsya priznavat' itogi vyborov v Krymu i Sevastopole (Elektronnyj resurs) // Gazeta.ru URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/09/12/18544627.shtml>
17. Social'no-politicheskoe i social'no-ekonomicheskoe prostranstvo Respubliki Krym: riski i perspektivy razvitiya / V. V. Uzunov, V. A. CHigrin, E. G. Gorodeckaya [i dr.] // Rossiya reformiruyushchayasya. – 2020. – № 18. – S. 425-443.

УДК 347.963

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО ФИНАНСОВОМУ МОНИТОРИНГУ С ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чеботарева Г. В., Басов А. В.

В статье проведен анализ научных исследований, предметом которых, являлись различные аспекты осуществления взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Установлено, что необходимость глубокого научного осмысления и дальнейшей детальной проработки вопросов организации взаимодействия Росфинмониторинга с Генеральной прокуратурой Российской Федерации путем проведения научных исследований с постоянным акцентом на подготовку и внедрение в практику рекомендаций, направленных на научно-методическое и правовое обеспечение финансовой безопасности, является важным направлением научного поиска. Кроме того, анализ содержательной стороны различных научных концепций позволил обозначить ряд проблем, которые требуют современного научного осмысления и разрешения в сфере осуществления взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

В статье рассматриваются практические аспекты реализации отдельных форм взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу с Генеральной прокуратурой Российской Федерации при реализации национальных проектов, в частности «Демография», «Образование» и др.

Ключевые слова: взаимодействие, деятельность, законность, обеспечение, законодательство, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Генеральная прокуратура Российской Федерации.

В современной правоприменительной практике фундаментальные исследования имеют особую ценность, так как позволяют ориентировать государственное строительство и правотворчество на формирование эффективных институтов правового регулирования и современную структуру законодательства, определять максимально точно место и роль судебной и правоприменительной практики в правовой системе [1, с. 20].

Одним из приоритетных направлений государственной политики и значимым условием дальнейшего социально-экономического развития Российской Федерации является обеспечение защиты финансовой системы и экономики России от угроз отмывания денежных средств, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения [2].

Проблемы в сфере обеспечения защиты финансовой системы и экономики от угроз отмывания денежных средств, а также организации деятельности государственных органов, своевременности и законности их деятельности в данной сфере являются актуальными не только для России, но и для любой страны мира. В подтверждение изложенного отметим, что объем реализованных Росфинмониторингом в 2021 г. задач позволил существенно повлиять на: обеспечение устойчивости финансово-экономической системы и ее способность противостоять современным вызовам и угрозам; сокращение теневого сектора и вовлеченности финансовых институтов в сомнительные операции. В 2021 г. на 23 % уменьшился объем сомнительных операций с участием «фирм-однодневок» (номинальных юридических лиц); на 33 % снизился общий объем подозрительных финансовых операций; выявление,

предупреждение и пресечение преступлений в сфере экономики; декриминализацию приоритетных отраслей, обеспечение возмещения причиненного ущерба.

С целью эффективной реализации указанных направлений, государство принимает необходимые меры, среди которых важное место занимают те, которые направлены на создание соответствующей системы государственных органов, обеспечивающих реализацию государственной политики в сфере финансовой безопасности, организации их взаимодействия и др. Однако, на сегодня четко прослеживается отсутствие надлежащего научного внимания теоретическим, правовым и организационным вопросам взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга) с Генеральной прокуратурой России. Такая ситуация обуславливает актуальность вопроса относительно определения научных исследований, посвященных данной проблематике, а также основных направлений данного взаимодействия. Специфика исследуемой проблематики предполагает необходимость обобщения научных исследований ученых различных сфер знаний.

Итак, отдельные теоретические и правовые аспекты организации взаимодействия Генеральной прокуратурой Российской Федерации с Росфинмониторингом рассматривались в работах Р. В. Жубрина, В. А. Зубкова, А. В. Ивковой, И. Д. Камынина, И. А. Киселева, В. Н. Мазура, В. Н. Мельникова, В. И. Михайлова, О. В. Нардиной, А. А. Паненкова, В. А. Фадеева, Е. С. Щетковой и др. Труды указанных ученых внесли весомый вклад в научную разработку различных аспектов указанной проблематики. Однако, в настоящее время существует значительное количество теоретических и практических аспектов, которые еще не исследовались.

А.В. Ивкова в исследовании «Проблемы взаимодействия органов прокуратуры с контрольно-надзорными органами при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере» выделяет такие формы взаимодействия прокуратуры с контрольно-надзорными органами:

1) взаимодействие в рамках координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе: участие в координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов, межведомственных группах, комиссиях, комитетах; совместная разработка комплексных программ по борьбе с правонарушениями и преступностью;

2) взаимодействие в процессе профилактики правонарушений, которое охватывает: проведение совместных проверочных мероприятий при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов в сфере противодействия легализации преступных доходов; участие прокуроров в рассмотрении контрольно-надзорными органами протестов и представлений;

3) взаимодействие по вопросам правотворчества: участие в рабочих группах, комитетах и комиссиях по подготовке проектов нормативных правовых актов в сфере противодействия легализации преступных доходов [3].

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить дополнительные направления взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу с Генеральной прокуратурой, которые успешно реализуются с помощью:

– *использования судебных механизмов в противодействии схемам отмывания денег*. Анализ статистических данных показывает, что в 2021 г. сохранялась актуальность проблемы использования исполнительных документов, выданных судеб-

ными органами, в целях легализации преступных доходов. Продолжалось взаимодействие с Верховным Судом РФ, куда регулярно направлялись типологии мнимых судебных споров, содержащие описание наиболее распространенных схем осуществления незаконных финансовых операций. При участии сотрудников финансовой разведки удалось не допустить использования судебных механизмов в противоправных целях на сумму свыше 75 млрд руб. В ряде случаев Росфинмониторингом информация о таких спорах, имеющих признаки фиктивности, направлялась в органы прокуратуры, другие правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовных дел [2];

– *использование механизмов нотариата*. Исследование результатов работы Росфинмониторинга за 2021 показывает, что в ходе проведенных мероприятий были выявлены многочисленные факты совершения нотариальных действий в отношении сделок, обладающих признаками фиктивности, с целью обналичивания и легализации денежных средств, полученных преступным путем. Во взаимодействии с органами прокуратуры Российской Федерации, ФСБ России и МВД России в 27 субъектах РФ проведены масштабные проверочные мероприятия в отношении более 70 нотариусов. Итогом реализации указанных мероприятий стали: ликвидация 3-х «теневых» площадок по легализации преступных доходов с использованием механизма нотариата; привлечение к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности нотариусов, которые были вовлечены в противоправные схемы; с использованием материалов Росфинмониторинга прокурорами заявлено ряд исков о признании мнимых сделок, в отношении которых совершены нотариальные действия, ничтожными и взыскании полученных по ним денежных средств в доход государства на сумму около 200 млн руб. Также прокурорами и региональными нотариальными палатами направлены в суды 4 иска о лишении нотариусов права нотариальной деятельности за нарушение законодательства в данной сфере [2].

Многие принципиальные вопросы, даже имеющие законодательные решения, до сих пор не имеют концептуальной правовой проработки [1, с. 20]. По нашему мнению указанные аспекты «нуждаются» в научной проработке и осмыслении.

Продолжая исследование следует подчеркнуть, что сфера противодействия коррупции в России, в частности, вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности, являются важным направлением взаимодействия Росфинмониторинга с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Отметим, что в 2021 г. при участии Росфинмониторинга во взаимодействии с Генеральной прокуратурой России было изъято 22 млрд руб. в рамках возмещения ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности.

Е.В. Красникова в исследовании «К вопросу о возмещении ущерба от преступлений коррупционной направленности» выделяет причины, затрудняющие процесс возмещения ущерба:

– во-первых, недостатки законодательного регулирования. Так, конфискация имущества как мера уголовно-правового характера применяется только на основании обвинительного приговора суда (ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Конфискация имущества не может применяться в случаях, когда вынесение обвинительного приговора суда невозможно, в том числе в случаях прекращения уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям, в связи с деятельным раскаянием, с применением судебного штрафа и др. Кроме того, законом не конкретизировано, является ли

конфискация имущества правом или обязанностью суда, в связи с чем суды не во всех случаях применяют данную меру и изымают имущество;

– недостатки в деятельности правоохранительных органов нередко обусловлены низким уровнем взаимодействия органов предварительного расследования с оперативными и экспертными подразделениями, а также с контрольно-надзорными, налоговыми и регистрирующими органами. В связи с недостатками деятельности правоохранительных органов по возмещению ущерба, причиненного данными преступлениями, на этапе предварительного расследования нередко арест на имущество совершивших его лиц накладывается непосредственно в судебном заседании по ходатайству прокурора. Как отметил Генеральный прокурор И.В. Краснов, арест имущества предполагается не только в целях возмещения ущерба, но и для обеспечения исполнения наказания, в частности, в виде штрафа [4, с. 41-44].

Нельзя оставить без внимания научное обеспечение реализации национальных проектов. На протяжении последних лет увеличивается активное участие Университета прокуратуры Российской Федерации в процесс реализации ежедневной функциональной деятельности Генеральной прокуратуры РФ, усиления ее научного обеспечения. Отметим, что ведущими учеными Университета прокуратуры России проводятся фундаментальные исследования по вопросам обеспечения законности при реализации национальных проектов, к их числу относятся: «Прокурорский надзор за исполнением законов при реализации национальных проектов» [5]; «Обеспечение законности при реализации национальных проектов и работа органов прокуратуры»; «Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и содержание, поводы и основания, предмет и пределы (теоретический подход)» [6] и др.

В целях должной реализации национальных проектов органами прокуратуры осуществляется их надзорное сопровождение. На постоянной основе ведется работа по выявлению и пресечению нарушений закона при выполнении мероприятий национальных проектов и защите прав граждан. В 2021 г. прокурорами в данной сфере выявлено свыше 61,1 тыс. нарушений в 2020 г. – 45,5 тыс. нарушений. С учетом значительных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов из бюджетов всех уровней самое пристальное внимание в процессе обеспечения законности при реализации нацпроектов прокурорами уделяется выявлению и устранению нарушений бюджетного законодательства, а также законов о закупках товаров, работ, услуг, осуществляемых с целью реализации мероприятий, предусмотренных нацпроектами [7].

С использованием информации Росфинмониторинга удалось сохранить от возможного хищения около 3 млрд руб., в федеральный бюджет возместить порядка 2 млрд руб., также выявить сговор участников торговых процедур на общую сумму свыше 2,5 млрд руб. Кроме того, по результатам проверок, проведенных прокурорами субъектов РФ с использованием материалов финансовой разведки приняты следующие меры реагирования: внесено более 160 представлений; привлечено к административной ответственности более 50 должностных лиц организаций; привлечено к дисциплинарной ответственности более 20 должностных лиц; исключены из ЕГРЮЛ около 80 юридических лиц [2]. Указанное выше обуславливает необходимость глубокого научного осмысления и дальнейшей детальной проработки вопросов организации взаимодействия Росфинмониторинга с Генеральной прокуратурой России, путем проведения научных исследований с постоянным акцентом на

подготовку и внедрение в практическую деятельность рекомендаций, направленных на научно-методическое и правовое обеспечение финансовой безопасности.

Список литературы:

1. Синюков В. Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. №9 (94). – С. 20.
2. Отчет о работе Росфинмониторинга по состоянию на 31 декабря 2021 г. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2022/%D0%B0nnualreport21.pdf>
3. Ивкова А. В. Проблемы взаимодействия органов прокуратуры с контрольно-надзорными органами при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере // Вестник КГУ. 2014. №3.
4. Красникова Е.В. К вопросу о возмещении ущерба от преступлений коррупционной направленности // Современная наука. 2022. №2. С. 41–44.
5. Прокурорский надзор за исполнением законов при реализации национальных проектов: информационно-аналитический обзор / Н.Д. Бут, Т.В. Ашиткова, Д.Г. Добрецов, С.Г. Хусьянова. – М.: НИИ Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2021. – 92 с.
6. Амирбеков К.И. Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и содержание, поводы и основания, предмет и пределы (теоретический подход) // Российский следователь. 2020. № 2. С. 63–68.
7. Обеспечение законности при реализации национальных проектов и работа органов прокуратуры: Научный доклад Н.Д. Бут, Т.В. Ашиткова, Д.Г. Добрецов, Н.А. Игонина, К.В. Камчатова, К.А. Клемина, Е.В. Ступаченко. – М.: НИИ Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2022.

Chebotareva G. V., Basov A. V. Forms of interaction of the federal financial monitoring service with the prosecution general of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 429-433.

Annotation. The article analyzes scientific research, the subject of which was various aspects of the interaction between the Federal Financial Monitoring Service and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. It has been established that the need for deep scientific understanding and further detailed study of the issues of organizing interaction between Rosfinmonitoring and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation by conducting scientific research with a constant focus on the preparation and implementation of recommendations aimed at scientific, methodological and legal support of financial security is an important area of scientific research. In addition, the analysis of the content side of various scientific concepts made it possible to identify a number of problems that require modern scientific understanding and resolution in the field of interaction between the Federal Financial Monitoring Service and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. The article discusses the practical aspects of the implementation of certain forms of interaction between the Federal Financial Monitoring Service and the General Prosecutor's Office of the Russian Federation in the implementation of national projects, in particular "Demography", "Education", etc.

Key words: interaction, activity, legality, provision, legislation, Federal Financial Monitoring Service, General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Sinyukov V. N. Obshchaya teoriya prava i razvitie otraslevykh yuridicheskikh nauk // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. №9 (94). – S. 20.
2. Otchet o rabote Rosfinmonitoringa po sostoyaniyu na 31 dekabrya 2021 g. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2022/%D0%B0nnualreport21.pdf>
3. Ivkova A. V. Problemy vzaimodejstviya organov prokuratury s kontrol'no-nadzornymi organami pri osushchestvlenii nadzora za ispolnieniem zakonodatel'stva o protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma v bankovskoj sfere // Vestnik KGU. 2014. №3.
4. Krasnikova E.V. K voprosu o vozmeshchenii ushcherba ot prestuplenij korruptsionnoj napravlenosti // Sovremennaya nauka. 2022. №2. S. 41–44.
5. Prokurorskiy nadzor za ispolnieniem zakonov pri realizacii nacional'nyh projektov: informacionno-analiticheskij obzor / N.D. But, T.V. Ashitkova, D.G. Dobrecov, S.G. Husyajnova. – M.: NII Un-ta prokuratury Ros. Federacii. 2021. – 92 s.
6. Amirbekov K.I. Prokurorskaya proverka ispolneniya zakonov: ponyatie i sodержanie, povody i osnovaniya, predmet i predely (teoreticheskij podhod) // Rossijskiy sledovatel'. 2020. № 2. S. 63–68.
7. Obespechenie zakonnosti pri realizacii nacional'nyh projektov i rabota organov prokuratury: Nauchnyj doklad N.D. But, T.V. Ashitkova, D.G. Dobrecov, N.A. Igonina, K.V. Kamchatov, K.A. Klenina, E.V. Stupachenko. – M.: NII Un-ta prokuratury Ros. Federacii. 2022.

УДК 341.64

ДОКТРИНА «ЖИВОГО ИНСТРУМЕНТА» В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Оганесян Т. Д.

Дипломатическая академия МИД России

Статья посвящена анализу доктрины «живого инструмента» Европейского суда по правам человека, которая затрагивает ряд проблем, связанных с расширительным толкованием конвенционных норм. Особое внимание уделяется правовому обоснованию доктрины «живого инструмента». В этой связи анализируются положения Преамбулы Конвенции, нормы толкования Венской Конвенции о праве международных договоров, а также доктринальные позиции ведущих ученых по данному вопросу. Отмечается, что желание ЕСПЧ толковать Конвенцию в свете современных условий, является необходимым условием для обеспечения наилучшей защиты прав человека. Автор поддерживает тезис о том, что объектно-целевое толкование и общие правила толкования международных договоров, закрепленные в Венской конвенции о праве международных договоров, позволили ЕСПЧ вполне легитимизовать эволютивный подход в страсбургской системе. Выделены несколько этапов в становлении доктрины «живого инструмента» в практике ЕСПЧ. Анализ научных работ ряда исследователей позволили автору выявить некоторые критические замечания, связанные с легитимностью эволютивного толкования. В заключительной части статьи отмечается, что с помощью данной доктрины ЕСПЧ обеспечивает такое толкование Конвенции, которое поддерживает эффективность индивидуальных прав на практике, не превращая в теоретические и иллюзорные.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; защита прав человека; доктрина живого инструмента; эволютивное толкование.

Международные договоры подобны памятникам и напоминают нам об уникальных моментах истории [1, р. 1]. В этом смысле эволютивные постановления Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) служат для нас примером определённого отрезка времени, господствующих ценностей и стандартов поколения, в котором соответствующее толкование Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) было реализовано. Временное измерение конвенционных прав человека в свете современных условий уже является не «роскошью», а необходимостью и потребностью. Не нужно забывать и о роли академического сообщества, призванной помочь международным, региональным и национальным системам защиты прав человека своевременно обращать внимание на изменения современных реалий в своих исследованиях.

Постепенное развитие стандартов в прецедентной практике ЕСПЧ является фундаментальной особенностью страсбургского механизма защиты прав. Бывший судья ЕСПЧ Ангелика Нуссбергер при характеристике эволютивного толкования отмечает следующее: «Суд отличается скромностью. Он не претендует на разработку всеобъемлющей доктрины. ... Как интерпретировать Конвенцию – это скорее история, рассказанная многими и многими разными авторами, рассказанная и развиваемая на протяжении многих лет и столкнувшаяся с различными проблемами. Это, однако, не случайно. Его основа общепризнанна и никогда не подвергалась сомнению — эффективность защиты прав человека» [1, р. 108]. Определённый характер и решительность ЕСПЧ следовать своей линии можно найти в постановлении по делу

«Rantsev v. Cyprus and Russia»: «Все более высокие стандарты, требуемые в области защиты прав человека и основных свобод, соответственно и неизбежно требуют большей твердости в оценке нарушений основополагающих ценностей демократических обществ» [2].

Доктрина «живого инструмента» имеет большой потенциал для споров и непонимания того, как она используется ЕСПЧ. В этой связи уместно будет задаться вопросом что из себя представляет доктрина живого инструмента? В деле *Тайрера* было отмечено, что: «Суд должен напомнить, что Конвенция является живым инструментом, который, как справедливо подчеркнула Комиссия, должен толковаться в свете современных условий. В рассматриваемом сейчас деле на Суд не могут не влиять изменения и общепринятые стандарты в области уголовной политики государств-членов Совета Европы в этой области» [3]. Из данного заявления ясно, что Конвенция может толковаться по-разному с течением времени. Ясно также, что толкование Конвенции Судом будет зависеть от «изменений и общепринятых стандартов» в государствах-членах. Поэтому представляется очевидным, что доктрина может основываться на общности (консенсусе) между государствами-членами Конвенции.

Можно согласиться с Джорджем Летсасом в том, что Европейский Суд создал свои собственные ярлыки для используемых им методов толкования, таких как «живой инструмент» и отказался от «оригинальных идей толкования, согласно которым значение основных прав в некоторой степени фиксировано или «заморожено во времени» [4, р. 513]. То, что ЕСПЧ должен толковать Конвенцию в свете современных условий, является необходимым условием для обеспечения наилучшей защиты прав человека. ЕСПЧ ссылается на современные стандарты в Совете Европы, даже на существование тенденции эволюции в качестве современного общего стандарта [5], чтобы выполнить свою функцию в качестве «нового социального актора, который способствует эволюциям в состоянии человеческого сознания» [6]. Даже когда толкование Конвенции Судом выходит за пределы зоны комфорта государств-участников, оно не ставит под угрозу его основанную на обязательствах легитимность, поскольку государства-участники не только обязуются соблюдать Конвенцию, но и «соблюдать окончательное решение Суда» в соответствии со статьей 46. Что еще более важно, государства-участники обязуются эффективно защищать права человека.

Тезис о том, что представления о том, какие права человека должны быть у людей, меняются с течением времени. Константин Дегтярев отмечает, что Суд не может быть «институтом мумификации прав человека, скорее он должен разрабатывать стандарты» [7, р. 155]. Статья 8 Конвенции и ее последующее эволютивное толкование «частной и семейной жизни» служит ярким примером измерения временем. Сам Суд неоднократно заявлял, что «частная жизнь – это широкое понятие, не поддающееся исчерпывающему определению» (*Niemietz v. Germany*, § 29; *Pretty v. the United Kingdom*, § 61; *Peck v. the United Kingdom*, § 57). Как отмечено в официальном руководстве по статье 8 Конвенции «щедрый подход к определению личных интересов позволил прецедентному праву развиваться в соответствии с социальными и технологическими достижениями» [8]. Так, со временем, «частная и семейная жизни» стали включать в себя такие аспекты прав, как: принудительное медицинское лечение и обязательные медицинские процедуры (например, обязательная вак-

цинация); проблемы конца жизни; вопросы, касающиеся погребения и умерших лиц; неприкосновенность частной жизни во время задержания и тюремного заключения; желаемый внешний вид; гендерная идентичность; право на этническую идентичность; экологические проблемы; репродуктивные права и т.д. «Конфиденциальность» стала охватывать такие сферы как: право на свое изображение и фотографии; защита данных; полицейское наблюдение; сбор данных службами безопасности или другими органами государства; переписка заключенных; перехват и прослушка телефонных разговоров; наблюдение на рабочем месте; массовая слежка и наблюдение.

Как подчеркивал бывший председатель ЕСПЧ Линос-Александр Сицилианос, «доктрина “живого инструмента” является неременным условием выживания Конвенции» [9, р. 3]. Постановление по делу *Tyrer v. the United Kingdom*, в которой Суд определил «Конвенцию - это живой инструмент ... которые должны быть истолкованы в свете современных условий» позволило в последующем распространить данную доктрину по всей страсбургской прецедентной практике и адаптировать текст Конвенции к правовым, социальным, этическим или научным изменениям. Как отмечает бывший судья ЕСПЧ Анатолий Ковлер, сегодня Конвенция «обросла» поправками, учреждающими «новые права», и пополнилась «новым набором прав, не меньшим, а, пожалуй, даже большим, чем перечень прав, закрепленных в ней в 1950» [10, с. 94].

Из Преамбулы Конвенции очевидно, что она не была предназначена для того, чтобы быть последним словом в международной защите прав человека в Европе, поскольку в ней говорится не только о «сохранении», но и о «дальнейшей реализации прав человека и основных свобод» и принятии «первых шагов для коллективной реализации некоторых прав, провозглашенных во Всеобщей декларации». Эта забота об эффективности является основной движущей силой и призывом к эволютивному толкованию. «Дальнейшая реализация» допускает определённую степень новаторства и творчества, расширяя охват конвенционных гарантий, особенно когда это необходимо для защиты прав и свобод по существу. Однако, как верно отмечает Лиза Зоннлайтнер, поддержание и дальнейшая реализация – это две разные концепции, которые необходимо четко различать в рамках эволюционной интерпретации. Термин «поддержание», по-видимому, поддерживает более статичную, чем эволюционную теорию интерпретации, термин «дальнейшая реализация» явно поддерживает эволюцию и расширение содержания конвенционных норм [11, р. 54]. По мнению Эйрика Бьорге, если стороны намеревались обеспечить дальнейшее развитие Конвенции и закреплённых в ней прав, то это создает законное ожидание эволюционного подхода к толкованию, который должен соблюдаться в силу принципа добросовестности [12, р. 74].

Поскольку Конвенция направлена на достижение большего единства между государствами-членами, то сохранение и дальнейшая реализация прав человека и основных свобод являются основными методами достижения этой цели. Как отмечает Юкка Вильянен, Европейский Суд по правам человека находится в авангарде права прав человека, особенно в области гражданских и политических прав [13, р. 249]. Страсбургский суд не раз подчеркивал, что при толковании Конвенции, необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективном обеспечении соблюдения прав человека и основных свобод. Суд также говорит об общем духе Конвен-

ции. Поэтому его толкование должно быть связано с поддержанием и продвижением идеалов и ценностей демократического общества [14].

Эволютивное толкование косвенно подтверждается не только Преамбулой. Формальную возможность использовать эволютивное толкование Суд получил непосредственно от Высоких Договаривающихся Сторон, подписавших и ратифицировавших Конвенцию. Так пункт 1 статьи 32 Конвенции предусматривает: «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней». Статья 53 Конвенции предусматривает, что «ничто в настоящей Конвенции не должно толковаться как ограничение или умаление каких-либо прав человека и основных свобод, которые могут быть гарантированы в соответствии с законодательством любой Высокой Договаривающейся стороны или в соответствии с любым другим соглашением, участником которого она является».

На основе статьи 46 Конвенции Суд обладает законной властью над договаривающимися государствами в том числе посредством своих эволютивных постановлений. Государства взяли на себя добровольное обязательство соблюдать Конвенцию, а также последующую практику Суда. Ключевой вопрос заключается в том, означает ли это также обязательное исполнение государствами-ответчиками эволютивных постановлений Суда, посредством которых происходит расширение конвенционных прав? Таким образом, согласно этой классической доктрине, решения Суда являются лишь формально обязательными *inter partes* и не имеют обязательного эффекта *erga omnes* для государств, которые не являются сторонами соответствующего дела.

Возвращаясь еще раз к Преамбуле Конвенции следует отметить, что Конвенция призвана защищать не только те права человека, которые были закреплены на момент ее принятия, но и те, которые могут возникнуть со временем для «развития» (*further realisation*) прав и свобод «наилучшим образом» (*best maintained*). В этом смысле в Конвенции заложена идея о продвижении и развитии конвенционных прав, что дает Суду право действительно использовать эволютивное толкование, а государствам-ответчикам исполнять результаты этого толкования. Венецианская комиссия отметила, что «другими словами, став участником Конвенции, государства-участники прямо признают компетенцию ЕСПЧ толковать, а не только применять Конвенцию» [15].

Статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров предусматривает, что положения договора должны толковаться в свете «обычного значения» (*ordinary meaning*) условий договора. Иногда Суд сталкивается со сложностью определения «обычного значения» термина. Чтобы облегчить данный процесс, Суд в рамках эволютивного толкования использует понятия в контексте современных реалий, времени и конкретных юридических обстоятельств рассматриваемого дела. По смыслу статьи 32 Венской конвенции о праве международных договоров подготовительные материалы или подготовительные работы к договору могут также использоваться в качестве дополнительного средства при эволютивном толковании Конвенции, однако их роль является вспомогательным и вторичным.

Поскольку Конвенция является живым инструментом, интерпретируемым Судом в свете объекта и цели Конвенции и в свете современных условий, договаривающиеся государства должны принимать во внимание развивающуюся прецедентную практику Суда при выполнении своих договорных обязательств по смыслу статьи 1 Конвенции. Действие эволютивных постановлений *erga omnes* также подразумевается

ется, когда Суд обосновывает, что его постановления «служат не только для разрешения дел, переданных на рассмотрение Суда, но, в более общем плане, для разъяснения, защиты и развития правил, установленных Конвенцией, тем самым способствуя соблюдению государствами взятых ими обязательств как Договаривающиеся стороны» [16]. Таким образом, можно сказать, что игнорирование принципиальных постановлений ЕСПЧ, прежде всего эволютивные постановления Большой палаты ЕСПЧ, может являться нарушением обязательств договаривающихся сторон по статье 1 Конвенции, независимо от того, против какого государства было вынесено соответствующее судебное решение.

Отмечается, что такое игнорирование, в свою очередь, также противоречило бы обязательству договаривающихся государств в соответствии со статьей 26 Венской конвенции о праве международных договоров добросовестно выполнять договорные обязательства [17, р. 825]. Руководящий комитет по правам человека в своем Доклад о долгосрочном будущем системы Европейской конвенции по правам человека отметил, что договаривающимся государствам следует более серьезно относиться к принципу *res interpretata* и «интегрировать Страсбургский Прецедентное право суда в национальное законодательство» [18]. Комитет призывает Суд играть более активную роль и предоставлять договаривающимся государствам более четкие указания по толкованию в своих решениях. Национальным властям, с другой стороны, рекомендуется изучать прецедентное право Суда для интегрирования стандартов Конвенции во внутригосударственные процессы. Интерлакенская декларация призвала государства принимать во внимание развивающуюся прецедентную практику Суда, также с целью рассмотрения выводов, которые следует сделать из решения, устанавливающего нарушение Конвенции другим государством, где такая же принципиальная проблема существует в рамках их собственного правового системы [18].

Принцип *res interpretata* призывает национальные суды применять эволютивные стандарты Суда к аналогичным ситуациям в конкретном национальном контексте. Однако следует иметь в виду, что эволютивные постановления Суда не всегда ясны с точки зрения содержащихся в них указаний по толкованию и, по сути, национальным властям следует в каждом конкретном случае взвешенно подходить к применению эволютивных стандартов. Комитет предполагает, что роль в предоставлении более общих указаний по толкованию «в первую очередь будет играть Большая палата, и особенно в тех случаях, когда такие указания естественным образом вытекают из предыдущих выводов по различным другим аналогичным делам» [19]. Таким образом, эффект *erga omnes* благодаря принципу *res interpretata* должен быть применен для тех эволютивных постановлений, которые содержат четкое руководство по толкованию и устанавливают ясные, однозначные принципиальные позиции. Для эффективности данного процесса Суд при вынесении эволютивных постановлений должен формулировать свои позиции четко и недвусмысленно, не порождая противоречие со своей предыдущей прецедентной практикой.

Воспользовавшись формулировками Преамбулы и статей 1, 32, 46, 53 Конвенции Суд обосновал свои полномочия по вынесению эволютивных постановлений и принуждению их исполнения государствами-ответчиками. Объектно-целевое толкование и общие правила толкования международных договоров, закрепленные в Венской конвенции о праве международных договоров, также позволили Суду вполне

легитимизовать эволютивный подход в страсбургской системе. Благодаря основам, заложенным преимущественно в Преамбуле Конвенции «отцами-основателями», Конвенция как живой документ сегодня постоянно адаптируется к современным реалиям, учитывая цели и объект. Этой простой формулой во многом объясняется популярность и долговечность Конвенции.

По сути, можно отметить несколько этапов в становлении эволютивного толкования:

- ранние дела: Суд внедряет доктрину живого инструмента. 1970-80-е гг.;

- ссылается на международные тенденции 1990-е, отходит от консенсуса и обращается к абстрактной идее «общих ценностей» и стандартов;

- ссылается на консенсус, вкладывая свое значение в это понятие (порой противоречивое) начало 1998-2010-х, создание нового Суда, доктрина живого инструмента становится одним из ключевых в деятельности Суда. Этот период можно назвать золотыми годами эволютивного толкования, когда с помощью данного метода Суд выводит из Конвенции больше новых прав, чем ранее. Пик критики Суда со стороны государств-ответчиков. Как отмечает Ангелика Нуссбергер, в 1990-х годах присоединение подавляющего большинства европейских государств к Конвенции оправдывало оптимистический взгляд в будущее, однако было ясно, что конвенционная система должна доказать свою ценность [1, р. 30]. Доказывать свою ценность Суд попытался в том числе с помощью эволютивного толкования как реакцию на новые вызовы и вопросы, которые предстали перед ним в начале 2000-х. В связи с растущей популярностью Суда и географическим расширением, когда бывшие коммунистические страны присоединились к Совету Европы, пришло понимание, что роль Суда будет переосмыслена. Одним из таких аспектов переосмысления стало эволютивное толкование, которое с начала 2000-х придало конвенционным нормам новое измерение.

- эволютивное толкование переход в зрелую стадию. Ряд проблем остаются. В большинстве случаев Суд использует консенсус в качестве ориентира для применения эволютивного толкования. Эволютивное толкование рассматривается уже как неотъемлемый элемент страсбургского механизма. В целом ситуация во многих европейских государствах становится все более сложной, что отражается также в вопросах, которыми приходится заниматься Суду в рамках эволютивного толкования.

Во многом благодаря эволютивному толкованию Конвенции отдельные категории лиц в Европе получили новые права: право на доступ к правосудию (*Golder v. The United Kingdom*), запрещение телесных наказаний (*Tyrell v. The United Kingdom*), отмена смертной казни (*Ocalan v. Turkey*), статус детей, рожденных вне брака (*Marckx v. Belgium*), признание гомосексуалистов (*Dudgeon v. The United Kingdom*; *Schalk & Kopf v. Austria*) и т.д. Сложно представить себе сферу жизни, в рамках которой Суд не принимал новаторские решения во имя защиты конвенционных прав и свобод.

Прецедентное право ЕСПЧ со временем приобрело большую глубину и последовательность благодаря использованию эволютивного толкования и поиску общих ценностей в международном праве [5, р. 109]. Первые эволютивные дела, по мнению Ангелики Нуссбергер, иллюстрируют успешную борьбу Давида с Голиафом [1, р. 21]. Эти дела, которые позволили Суду инициировать впервые эволютивное тол-

кование, стали барометром тех изменений, которые начали происходить не только среди европейского общества, но в среде (внутри) самих судей ЕСПЧ.

Критика эволютивного толкования также часто связана с опасениями «демократической легитимности». Могут ли международные договоры толковаться таким образом, чтобы налагать на государства больше обязательств, чем они должны на себя взять? Более конкретно: в какой степени принцип суверенитета допускает толкование, выходящее за рамки обязательств договора, которые государства первоначально взяли на себя? Анализ научных работ ряда исследователей позволил выявить следующие критические замечания, связанные с легитимностью эволютивного толкования. Во-первых, прецедентная практика ЕСПЧ, построенная на эволютивном толковании, может приравниваться к осуществлению законодательной роли Суда и обходить суверенное согласие Договаривающихся Сторон. Во-вторых, утверждает-ся, что эволютивное толкование противоречит таким принципам, как последовательность прецедентной практики, правовая определённость и предсказуемость [20, p. 35].

Паоло Кароцца подчеркивает, что стремясь обосновать свои постановления, особенно наиболее спорные, реальной практикой государств-членов помогло Суду со временем установить свою политическую легитимность и помогает ему сохранять легитимность в разгар расширения сферы охвата Конвенции [21, p. 1221]. Действительно, сравнительный анализ и консенсус защищает Суд от обвинений в чрезмерной судебной активности и легитимирует эволютивные постановления в глазах государств-членов и общественности. Этим же подходом создается правило, согласно которому Суду нежелательно применять эволютивное толкование, если не удастся обнаружить консенсус. При большом желании Суда применить эволютивное толкование и отсутствии консенсуса Суд может обратиться к международным тенденциям или докладам международных организаций.

Доктрина «живого инструмента» действительно побудила ЕСПЧ адаптировать и расширить конвенционные права, чтобы идти в ногу с современными событиями и изменениями. С помощью данной доктрины ЕСПЧ обеспечивает такое толкование Конвенции, которое «поддерживает эффективность индивидуальных прав на практике, не превращая в теоретические и иллюзорные» [22]. Метафора «живого инструмента», которая, скорее всего, вдохновлена концепцией «живой Конституции» во многих правовых традициях, просто указывает на надежду судей и ученых на то, что Конвенция должна быть способна развиваться с течением времени, чтобы соответствовать новым социальным и моральным реалиям, которые не могут быть предвидены ее создателями. Это стало целью толкования Конвенции, которая определяется необходимостью учитывать современные условия.

Список литературы:

1. Nussberger A. The European Court of Human Rights. Oxford University Press, – 2020. – 256 p.
2. Rantsev v. Cyprus and Russia, no 25965/04, Judgment (Merits) of 7 January 2010, para 277.
3. Tyrer v. the United Kingdom, no. 5856/72. Judgment (Merits) of 25 April 1978, para 31.
4. Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // European Journal of International Law. – 2010 – Vol. 21(3) – 509-541p.
5. Letsas G. The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and Its Legitimacy'. In: Andreas Føllesdal et al. (eds.) // Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context, Cambridge University Press. – 2013. – 106-141 p.
6. Sands P. Developments in Geopolitics – The End(s) of Judicialization. 2015. – URL: <http://www.ejiltalk.org/2015-esil-annual-conference-final-lecture-developments-in-geopolitics-the-ends-of-judicialization/#more-13719>.

7. Dzehtsiarou K. European Consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights Cambridge University Press. – 2015. – p. 155.
8. Guide on Article 8 of the Convention – Right to respect for private and family life. Prepared by the Registry. It does not bind the Court. (Updated on 31 August 2022), p. 25. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/guide_art_8_eng.pdf
9. Sicilianos L-A. Interpretation of the European Convention on Human Rights: Remarks on the Court's Approach. Seminar on: "The Contribution of the European Court of Human Rights to the Development of Public International Law" on the margins of the 59th CAHDI meeting in Prague. 23.09.2020, p. 3. – URL: <https://rm.coe.int/interpretation-of-the-european-convention-on-human-rights-remarks-on-t/1680a05732>
10. Ковлер А.И. Эволютивное толкование европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – №3 (58). – С. 92-99.
11. Sonnleitner L. A Constitutionalist Approach to the European Convention on Human Rights. The Legitimacy of Evolutive and Static Interpretation. Bloomsbury Publishing. – 2022. – 272 p.
12. Bjorge E. The Evolutionary Interpretation of Treaties. Oxford University Press. – 2014. – 240 p.
13. Viljanen J. The Role of the European Court of Human Rights as a Developer of International Human Rights Law // Cuadernos constitucionales de la Catedra Fadrique Furio Ceriol. – 2011. – Vol. 62/63, – 249 - 265 p.
14. Soering v. the United Kingdom, no. 14038/88, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 July 1989, para 87.
15. Venice Commission, Final Opinion on the Amendments to the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court, Doc. CDL-AD(2016)016, 10–11 June 2016, para. 91
16. Ireland v. United Kingdom, no. 5310/71, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 18 January 1978, para. 154.
17. Arnardóttir O. M. Res Interpretata, Erga Omnes Effect and the Role of the Margin of Appreciation in Giving Domestic Effect to the Judgments of the European Court of Human Rights // European journal of International Law. – 2017. – Vol. 28, no. 3, – 819-843 p.
18. Steering Committee for Human Rights, CDDH Report on the Longer-Term Future of the System of the European Convention On Human Rights (CDDH Report), Doc CDDH(2015)R84 Addendum I, 11 December 2015, para. 64. – URL: [www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDDH/REFORMECHR/CDDH\(2015\)R84_Addendum%20I_EN-Final.pdf](http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDDH/REFORMECHR/CDDH(2015)R84_Addendum%20I_EN-Final.pdf).
19. High Level Conference on the Future of the European Court of Human Rights, Interlaken Declaration, 19 February 2010, item B.4. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/2010_Interlaken_FinalDeclaration_ENG.pdf
20. Gribnau H. Legitimacy of the Judiciary. In: Netherlands Reports to the Sixteenth International Congress of Comparative Law / ed. by E. Hondius, C. Joustra. Antwerpen; Intersentia, – 2002. – 25-45 p.
21. Carozza Paolo. Uses and Misuses of Comparative Law in International Human Rights: Some Reflections on the Jurisprudence of the European Court of Human Rights // Notre Dame Law Review. – 1998. – Vol. 73 (5), – 1217-1238 p.
22. Mamatkulov and Askarov v. Turkey, nos. 46827/99, 46951/99, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 4 February 2005.

Oganesian T. D. The "living instrument" doctrine in the practice of the european court of human rights // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 2. – P. 434-442.

This article is devoted to the analysis of the doctrine of the "living instrument" and the evolutive judgments of the European Court of Human Rights, which address a number of problems related to the broad interpretation of convention norms. Particular attention is paid to the legal justification of the doctrine of the "living instrument". In this regard, the provisions of the Preamble of the Convention, the rules of interpretation of the Vienna Convention on the Law of Treaties, as well as the doctrinal positions of leading scientists on this issue are analyzed. It is noted that the desire of the ECHR to interpret the Convention in the light of modern conditions is a necessary condition for ensuring the best protection of human rights. The author supports the thesis that the object-oriented interpretation and the general rules of interpretation of international treaties, enshrined in the Vienna Convention on the Law of Treaties, allowed the ECHR to legitimize the evolutionary approach in the Strasbourg system. Several stages in the formation of the doctrine of a "living instrument" in the practice of the ECHR are highlighted. The analysis of the scientific works of a number of researchers allowed the author to identify some critical remarks related to the legitimacy of evolutionary interpretation. In the final part of the article, it is noted that with the help of this doctrine, the ECHR provides an interpretation of the Convention that supports the effectiveness of individual rights in practice, without turning them into theoretical and illusory

Key words: European court of human rights; European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms; protection of human rights; the doctrine of the living instrument; evolutive interpretation.

Spisok literatury:

1. Nussberger A. The European Court of Human Rights. Oxford University Press, – 2020. – 256 p.
2. Rantsev v. Cyprus and Russia, no 25965/04, Judgment (Merits) of 7 January 2010, para 277.
3. Tyrer v. the United Kingdom, no. 5856/72. Judgment (Merits) of 25 April 1978, para 31.
4. Letsas G. Strasbourg’s Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // European Journal of International Law. – 2010 – Vol. 21(3) – 509-541p.
5. Letsas G. The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and Its Legitimacy’. In: Andreas Føllesdal et al. (eds.) // Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context, Cambridge University Press. – 2013. – 106-141 p.
6. Sands P. Developments in Geopolitics – The End(s) of Judicialization. 2015. – URL: <http://www.ejiltalk.org/2015-esil-annual-conference-final-lecture-developments-in-geopolitics-the-ends-of-judicialization/#more-13719>.
7. Dzehtsiarou K. European Consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights Cambridge University Press. – 2015. – p. 155.
8. Guide on Article 8 of the Convention – Right to respect for private and family life. Prepared by the Registry. It does not bind the Court. (Updated on 31 August 2022), p. 25. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/guide_art_8_eng.pdf
9. Sicilianos L-A. Interpretation of the European Convention on Human Rights: Remarks on the Court’s Approach. Seminar on: “The Contribution of the European Court of Human Rights to the Development of Public International Law” on the margins of the 59th CAHDI meeting in Prague. 23.09.2020, p. 3. – URL: <https://rm.coe.int/interpretation-of-the-european-convention-on-human-rights-remarks-on-t/1680a05732>
10. Kovler A. Evolyutivnoe tolkovaniye evropeiskoi Konvencii po pravam cheloveka: vozmozhnosti i predeley. Evropeiskiy Sud po pravam cheloveka kak subekt tolkovaniya prava // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel’nogo pravovedeniya – 2016. – №3 (58). – S. 92-99.
11. Sonnleitner L. A Constitutionalist Approach to the European Convention on Human Rights. The Legitimacy of Evolutive and Static Interpretation. Bloomsbury Publishing. – 2022. – 272 p.
12. Bjorge E. The Evolutionary Interpretation of Treaties. Oxford University Press. – 2014. – 240 p.
13. Viljanen J. The Role of the European Court of Human Rights as a Developer of International Human Rights Law // Cuadernos constitucionales de la Catedra Fadrique Furio Ceriol. – 2011. – Vol. 62/63, – 249 - 265 p.
14. Soering v. the United Kingdom, no. 14038/88, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 July 1989, para 87.
15. Venice Commission, Final Opinion on the Amendments to the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court, Doc. CDL-AD(2016)016, 10–11 June 2016, para. 91
16. Ireland v. United Kingdom, no. 5310/71, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 18 January 1978, para. 154.
17. Arnardóttir O. M. Res Interpretata, Erga Omnes Effect and the Role of the Margin of Appreciation in Giving Domestic Effect to the Judgments of the European Court of Human Rights // European journal of International Law. – 2017. – Vol. 28, no. 3, – 819-843 p.
18. Steering Committee for Human Rights, CDDH Report on the Longer-Term Future of the System of the European Convention On Human Rights (CDDH Report), Doc CDDH(2015)R84 Addendum I, 11 December 2015, para. 64. – URL: [www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDDH/REFORMECHR/CDDH\(2015\)R84_Addendum%20I_EN-Final.pdf](http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDDH/REFORMECHR/CDDH(2015)R84_Addendum%20I_EN-Final.pdf).
19. High Level Conference on the Future of the European Court of Human Rights, Interlaken Declaration, 19 February 2010, item B.4. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/2010_Interlaken_FinalDeclaration_ENG.pdf
20. Gribnau H. Legitimacy of the Judiciary. In: Netherlands Reports to the Sixteenth International Congress of Comparative Law / ed. by E. Hondius, C. Joustra. Antwerpen; Intersentia, – 2002. – 25-45 p.
21. Carozza Paolo. Uses and Misuses of Comparative Law in International Human Rights: Some Reflections on the Jurisprudence of the European Court of Human Rights // Notre Dame Law Review. – 1998. – Vol. 73 (5), – 1217-1238 p.
22. Mamatkulov and Askarov v. Turkey, nos. 46827/99, 46951/99, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 4 February 2005.

УДК 343.141

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Исмаилов Д. А., Ренетева О. Е.

В настоящее время дисциплинарная ответственность играет важную роль в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сущность дисциплинарной ответственности заключается в применении работодателем (руководителем) к работнику (сотруднику) мер взыскания, в связи с совершением им дисциплинарного проступка. При употреблении термина дисциплинарной ответственности, складывается представление о его более широком применении в трудовых отношениях гражданской службы, нежели чем в правоохранительной. Однако это не совсем так. В связи с чем, авторами предлагается рассмотрение указанного вида ответственности в области правоохранительной службы, а именно, на примере структурного подразделения участковых уполномоченных полиции при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Также авторами предложены законодательные изменения, предусмотрев в специальном нормативно-правовом акте, регламентирующем служебную деятельность в органах внутренних дел перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, добавив отдельную правовую норму.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, полиция, служебная дисциплина, участковый уполномоченный полиции, уголовно-процессуальная деятельность, дисциплинарное взыскание, органы внутренних дел, участковые уполномоченные полиции, сотрудник полиции, органы внутренних дел.

Дисциплинарная ответственность является одним из самостоятельных видов юридической ответственности, занимающей важное место в общей теории права. Однако до настоящего времени многие исследователи продолжают изучать ее актуальность и значимость в разных сферах жизнедеятельности.

В условиях перехода к инновационным технологиям и глобализации российское законодательство постепенно трансформируется путем внесения изменений в нормы права, поскольку законодатель определяет ответственность, как меру защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства. Современное трудовое законодательство существенно изменилось в плане регламентации дисциплинарной ответственности по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Так, в период 1900-1920-х гг. правоприменителем в лице руководства Ставропольского отделения уездной милиции в отношении сотрудников применялись меры дисциплинарной ответственности, а именно: арест на определенное количество суток с исполнением служебных обязанностей и без исполнения, лишение оружия, лишение воинского звания, отстранение или увольнение со службы. Довольно часто должностные лица подвергались наказанию за неисполнение приказа руководства, манкирование службой, халатное отношение с оружием, некорректное отношение с начальником отделения уездной милиции, неявку на совещание и несвоевременную явку строевого занятия, самовольный выход на службу, неподчинение и возмущение, не отдачу рапорта, самовольное оставление без часового постов, упущение арестованного [1]. Наиболее распространенными видами дисциплинарной ответственности в период развития советской милиции являлся арест и увольнение со службы. Арест с исполнением служебных обязанностей предполагал продолжение исполне-

ния сотрудником своих полномочий на рабочем месте. Однако в связи с появлением кадрового голода в 1900-1920-е гг. в системе органов внутренних дел, руководство было вынуждено принять решение о неприменимости строгих мер наказаний. Нельзя не отметить, что местные и надзорные органы власти в лице прокуратуры рекомендовали привлекать сотрудников милиции, совершивших преступление «не злобно, а по недомыслию» к ответственности, при этом назначать замечание, выговор, административный штраф, увольнение с работы, как меры наказания [2, с. 38]. Стоит отметить, что применяемый вид ареста в период советского развития законодательства в настоящее время напоминает обязательные работы. Тем самым, можно сделать вывод, что соотношение мер взыскания в советском и современном законодательстве претерпело изменения.

Реализация возложенных задач на сотрудников конкретного структурного подразделения, предусмотренных нормативно-правовыми актами, возможно с соблюдением служебной дисциплины, а, следовательно, предусмотрено применение мер дисциплинарного взыскания.

На доктринальном уровне отмечается, что термин «дисциплинарная ответственность в сфере правоохранительной службы», достаточно сложный и многоаспектный, так как необходимо изучить юридическую литературу, провести более детальный разбор нынешнего законодательства в исследуемой области, а также привести практический опыт применения дисциплинарной ответственности в отношении сотрудников органов внутренних дел [3, с. 216].

В юридической науке дисциплинарная ответственность охватывает следующие две категории: «дисциплина» и «ответственность», имеющих собственное значение и толкование. По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, ответственность характеризуется рядом следующих признаков: применение мер государственного принуждения, негативные последствия для лица, совершившего деяние, юридическая обязанность [4, с. 37]. Ю.П. Степнова рассуждает, что юридическая ответственность представляет собой «целостное правовое явление, включающее единство позитивного и негативного аспектов, различающиеся формой реализации» [5, с. 179]. Таким образом, юридическая ответственность – это применение мер государственного принуждения к виновному лицу за совершение правонарушения, то есть, это обязанность лица отвечать за свои поступки и действия.

По утверждению В.М. Манохина, под дисциплиной в праве необходимо понимать выполнение должностными лицами организации, служащими установленных государством и учреждением, ведомством, организацией правил и конкретных предписаний, инструкций, за нарушение которых может быть применена соответствующая санкция [6, с. 11]. Аналогичного мнения придерживается В.С. Бялт, поясняя, что дисциплина – это соблюдение работниками организации установленных правил порядка трудового распорядка и процесса [7, с. 7]. С точки зрения социального подхода в правовой сфере Е.Н. Максакова указывает, что дисциплина – это «средство организации социальных связей в целях обеспечения совместного внутренне согласованного поведения участников общественных отношений» [8, с. 79]. А.А. Гогин предлагает трактовать, как инструмент трудовых правоотношений, включающий в себя как общие, так и специальные правила поведения [9, с. 12]. По мнению Н.А. Сафоновой, дисциплина труда – это неотъемлемый элемент трудового отношения, субъектами которых являются работодатель и работник, имеющие вза-

имный характер прав и обязанностей по соблюдению внутреннего распорядка организации [10, с. 129]. Рассуждая о деятельности органов внутренних дел, нельзя не отметить закрепление термина служебной дисциплины на ведомственном уровне в пункте 3 Дисциплинарного устава МВД России, трактовка которого заключается в «соблюдении сотрудником установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, настоящим Уставом, контрактом, а также приказами и распоряжениями Министра внутренних дел Российской Федерации, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных сотруднику прав» [11]. Таким образом, все отмеченные понятия, а именно, юридическая ответственность, дисциплина и дисциплина труда образуют один единый термин – дисциплинарная ответственность, являющаяся «средством обеспечения права работодателя требовать от работников надлежащего исполнения трудовых обязанностей» [12, с. 10]. Исследователи в области трудового права предлагают использование понятия дисциплинарной ответственности, как определенной категории, которая в свою очередь объединяет два аспекта: субъективный и объективный. По мнению П.С. Бутова, дисциплинарную ответственность в трудовом праве РФ необходимо понимать, как «категорию, объединяющую в своем содержании как объективный, так и субъективный аспекты в ее понимании, а именно: дисциплинарная ответственность – это применение к виновному работнику в порядке и на условиях, предусмотренных трудовым законодательством, дисциплинарных взысканий в виде лишения личного или организационного характера» [13, с. 6].

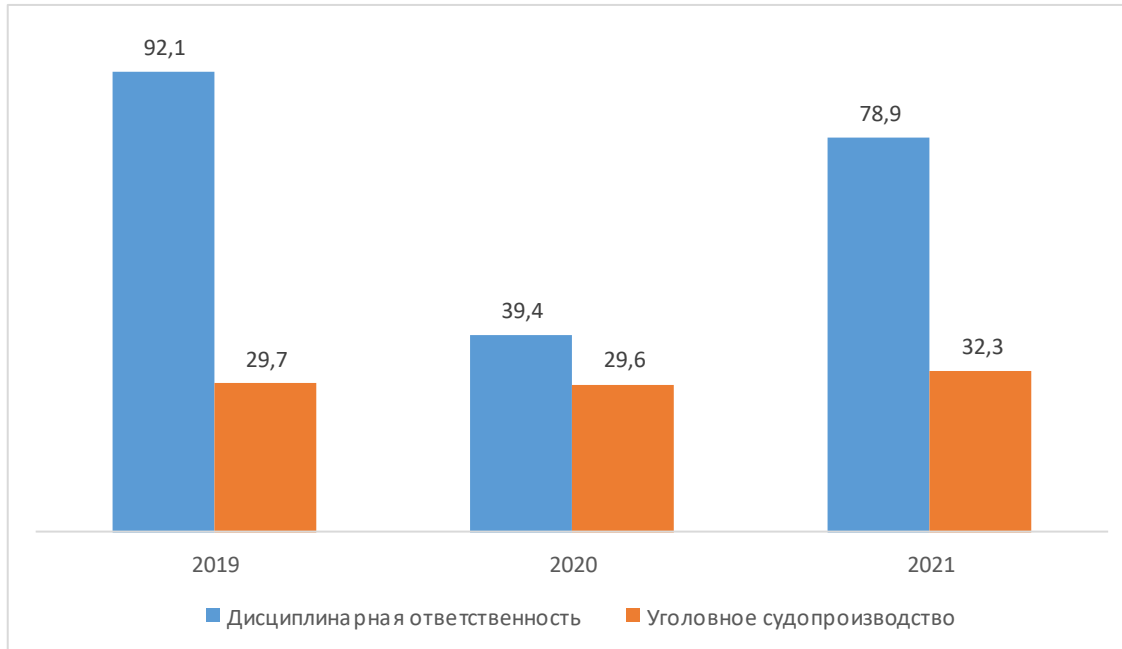
В юридической науке выделяются общая и специальная дисциплинарная ответственность, о которых также надлежит отметить, что их правовое регулирование осуществляется нормативно-правовыми актами, различающимися по субъектному составу, по мерам дисциплинарного взыскания и по способу обжалования. Общая дисциплинарная ответственность устанавливается правилами и требованиями внутреннего распорядка, которые должны соблюдать все сотрудники учреждения, предприятия или организации, кроме тех, для кого предусмотрена специальная ответственность. Специальная же дисциплинарная ответственность закрепляется непосредственно в отдельных нормативно-правовых актах (уставы, приказы, распоряжения), при этом они обязательны для исполнения определенным кругом лиц или в отношении конкретного должностного лица. Как правило, к данной категории относятся военнослужащие и военнообязанные, сотрудники органов государственной власти и правоохранительных органов, к которым относятся сотрудники органов внутренних дел, осуществляющих защиту прав и свобод человека и гражданина, раскрытие и расследование преступлений и правонарушений. Таким образом, в соотношении общих и специальных норм выражается единство и дифференциация трудового права. Единство проявляется в общих нормах, а дифференциация — в специальных. Общие нормы обязательны для всех собственников или уполномоченных ими органов, могут быть изменены только в сторону улучшения положения работников по сравнению с действующим законодательством. Специальные нормы конкретизируют общие, дополняют их, а в некоторых случаях устанавливают изъятия из общих норм. Дифференциация проявляется в установлении особенностей приема и увольнения отдельных категорий работников; регулирования рабочего

времени и времени отдыха; льгот и преимуществ в оплате труда; дополнительных оснований прекращения трудового договора; усилении дисциплинарной и материальной ответственности и ряде других особенностей. Дифференциация — это путь либо к льготам, либо к ограничениям, поэтому обозначить ее объективные критерии очень важно. В трудовом законодательстве закреплён перечень мер, применяемых к работнику за неисполнение своих должностных полномочий, предусмотренных нормативно-правовыми актами: замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям. Однако список дисциплинарных взысканий, установленных в пункте 33 Дисциплинарного устава МВД России является более широким по сравнению с Трудовым кодексом РФ. Так, на сотрудников органов внутренних дел могут налагаться такие меры, как замечание (устное замечание), выговор (строгий выговор), предупреждение о неполном служебном соответствии, перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел, увольнение со службы в органах внутренних дел [14, с. 17].

Отметим, что участковый уполномоченный полиции, как субъект уголовного судопроизводства является должностным лицом органов внутренних дел, выполняющим определённые полномочия по защите граждан от подготавливаемых и совершаемых противоправных посягательств, а также по охране общественной опасности на закреплённом за ним участке. Деятельность участковых уполномоченных полиции по проверке сообщений или заявлений граждан занимает особое место в правовой науке, поскольку устанавливается событие преступления, состав преступления, в том числе, доказываемая вина и первоначально квалифицируется состав противоправного деяния. После чего сотрудник рассматриваемого структурного подразделения принимает решение о передаче материала проверки в следственное подразделение или в отдел дознания для принятия решения о возбуждении уголовного дела. В соответствии с действующей нормой статьи 40 УПК РФ, законодатель относит участкового уполномоченного полиции к органу дознания, который уполномочен принимать соответствующие решения по сообщению или заявлению гражданина: выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, передавать по подследственности или подведомственности для проведения проверки и принятия дальнейшего процессуального решения [15]. Однако анализ правовых норм уголовно-процессуального законодательства, в том числе и ведомственных нормативно-правовых актов показал, что участковый уполномоченный полиции, как субъект уголовного судопроизводства, принимая решения в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ должен руководствоваться указаниями начальника органа дознания. Зачастую, как показывает практика, мер, способствовавших раскрытию преступлений недостаточно, поскольку с каждым годом уровень преступности и профессионализма правонарушителей повышается, когда профессиональный подход сотрудников органов внутренних дел в лучшем случае стал снижаться [16, с. 131], за счёт применения мер дисциплинарных взысканий в отношении должностных лиц.

На основании представленных статистических данных применение дисциплинарных взысканий можно отметить, что, принятые дисциплинарные меры в отношении должностных лиц, увеличивают эффективность и работоспособность в их уголовно-процессуальной деятельности, тем самым качество сбора материала проверки по доказыванию вины и расследованию преступлений повышается. Следует отметить, что в 2019 г. руководителем структурного подразделения участковых уполномочен-

ных полиции было принято решение о привлечении к дисциплинарной ответственности 92,1% личного состава, когда качество по раскрытию и расследованию преступлений было увеличено. Однако в 2020 г. было привлечено менее половины личного состава к дисциплинарной ответственности, при этом показатель уголовного судопроизводства остался прежним по сравнению с прошлым годом, поскольку часть сотрудников подразделения получила выговор (рис. 1).

Нельзя не отметить и меры поощрений, являющиеся позитивной санкцией дисциплинарной ответственности и назначаемых исключительно за добросовестное исполнение служебных обязанностей сотрудниками полиции в своей деятельности. Так, в ФЗ «О службе в органах внутренних дел» закреплено 13 мер поощрений, среди которых довольно часто применяются: объявление благодарности, выплата денежной премии, награждение ведомственными наградами, досрочное снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания на сотрудника. Следовательно, позитивная дисциплинарная ответственность достаточно влияет на деятельность сотрудников органов внутренних дел, поскольку за тяжелый труд сотрудник вправе получать стимулирование и компенсацию за ненормированный рабочий график.

Служба в правоохранительных органах, в частности, органах внутренних дел достаточно непростая, и, как показывает судебная практика, трудовых споров по увольнению сотрудников полиции возникает довольно немало. Прежде чем принять решение об увольнении должностного лица, в отношении него проводится служебная проверка, по итогам которой принимается решение о применении самой строгой меры дисциплинарной ответственности. Увольнение может быть произведено как по общим основаниям, так и по специальным. В последнее время достаточно часто стали увольнять за совершение проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции [17; 18] Большинство уволенных сотрудников полиции обращаются в судебные органы для восстановления их на рабочих местах. В настоящее время Ко-

декс профессиональной этики и служебного поведения сотрудника органов внутренних дел не устанавливает понятие чести и достоинства. Однако в ранее действовавшем Кодексе профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел устанавливалось, что честь сотрудника полиции выражается в авторитете, заслуженной репутации, верности долгу, а также нравственным обязательствам. Как отмечает С. Слесарев, к проступкам, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел следует относить: фальсификацию данных при административном и уголовном производствах, сокрытие преступника или правонарушителя, использование служебного положения в корыстных целях, нарушение общественного порядка (драки, нецензурные ролики в сети Интернет) и т.д. [19, с. 37-42]. Из-за отсутствия единообразия в терминологическом понимании, появляются законодательные коллизии, соответственно, работодатели трактуют своеобразно, тем самым допускают ошибки.

По мнению самих сотрудников подразделения, участковых уполномоченных полиции, дисциплинарная ответственность достаточно значима в системе МВД России, поскольку виновные работники за нарушение служебной дисциплины несут определенные негативные последствия своего поведения. Так, например, на службе в органах внутренних дел встречаются сотрудники-карьеристы, для которых внесение в личное дело запись о применении в отношении них дисциплинарной ответственности, может существенно сказаться на их карьерном росте, а именно, не исключается приостановление присвоения очередного специального звания, понижение в должности. Кроме того, при получении сотрудником выговора, он лишается ежеквартальной и годовой премий на срок до момента снятия и погашения дисциплинарного проступка. Как отмечают представители правоохранительных органов, дисциплинарная ответственность является инструментом воспитания и управления личным составом и необходима в современных условиях развития общества [20].

Таким образом, подведем итоги проведенного исследования. Под дисциплинарной ответственностью в правоохранительных органах следует понимать в первую очередь государственное принуждение руководящим составом за совершение дисциплинарного проступка, предусмотренного разными уровнями нормативно-правовых актов (федеральных, ведомственных и локальных), путем применения санкции в виде меры взыскания. Дисциплинарная ответственность, как разновидность юридической ответственности значима в современном обществе и государстве, поскольку посредством применения мер дисциплинарного характера, виновный сотрудник привлекается к ответственности и несет негативные последствия. Однако в настоящее время ни в одном из федеральных и ведомственных нормативно-правовых актов не закреплены смягчающие и отягчающие обстоятельства, в том числе обстоятельства, исключающие привлечения к ответственности. По мнению Т.А. Малыхиной это «необходимо для исключения различного, в том числе неправильного, толкования их субъектами, наделёнными дисциплинарными полномочиями, и для определения критерия индивидуализации наказания на этапе принятия решения о наложении дисциплинарного взыскания и выборе вида взыскания» [21, с. 111-112].

В связи с отсутствием четкого представления о перечне смягчающих и отягчающих обстоятельств привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел, предлагаем внесение в ст. 53 Гл. 7 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел» перечень смягчающих и отягчающих обстоя-

тельств. Так, к смягчающим обстоятельствам целесообразно отнести: раскаяние сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок; добровольное сообщение сотрудником о совершении проступка руководителю структурного подразделения; добровольное возмещение причиненного ущерба или устранение причиненного вреда; совершение проступка в результате принуждения; совершение проступка при нарушении условий правомерности необходимой обороны, крайней необходимости, задержании лица; нахождение лица в очередном отпуске. К отягчающим обстоятельствам следует отнести: продолжение совершения противоправного деяния, несмотря на требование руководителя прекратить его; повторное совершение аналогичного проступка, совершенного ранее; совершение дисциплинарного проступка группой лиц. Тем самым, включение данных обстоятельств в нормативно-правовой акт позволит дифференцированно назначать меры дисциплинарной ответственности, повышая эффективность применения.

Список литературы:

1. Архивный отдел администрации г.о. Тольятти Самарской области. Ф. Р-137. Оп. 1. Л. 5-58.
2. Мигущенко О.Н. Укрепление служебной дисциплины сотрудников милиции в 20-е - 30-е годы XX века / О. Н. Мигущенко // Российский следователь. – 2011. – № 8. – С. 37-39.
3. Корниенко А.Н. Понятие дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел / А. Н. Корниенко // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2016. – № 1(1). – С. 214-223.
4. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 950 с.
5. Степнова Ю.П. К вопросу о понятии юридической ответственности / Ю. П. Степнова // Теория государства и права. – 2019. – № 4(16). – С. 173-183.
6. Манохин В.М. Государственная дисциплина в народном хозяйстве. - М.: Юрид. лит., 1970. - 206 с.
7. Бялт В.С. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 26 с.
8. Максакова Е. Н. Дисциплина в правовой сфере / Е. Н. Максакова // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 79-83.
9. Гогин А.А. Характеристика дисциплинарного проступка // Трудовое право. - М.: Интел-Синтез, 2005, № 9. - С. 12-17.
10. Сафонова Н. А. Понятие дисциплины труда / Н. А. Сафонова // Правовые проблемы укрепления Российской государственности / под редакцией В. М. Лебедева, Г. Л. Осокиной, С. К. Соломина, В. С. Аракчеева, Н. Д. Титова. – Томск : Издательство Томского университета, 2013. – С. 129-130.
11. Указ Президента РФ от 14.10.2012 N 1377 (ред. от 22.12.2021) "О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 22.10.2012, N 43, ст. 5808.
12. Жукова Ю.А. Дисциплинарная ответственность работников как правовое средство обеспечения исполнения трудовых обязанностей / Ю.А. Жукова: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – Пермь, 2005. - 182 с.
13. Бутов П.С. Совершенствование материальных и процедурно-процессуальных норм о применении дисциплинарной ответственности работников по трудовому праву Российской Федерации / П.С. Бутов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – Томск, 2006. - 271 с.
14. Гончаров И.В. Юридическая ответственность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 14-19.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
16. Ищенко Е.П. О насущных проблемах раскрытия и расследования преступлений / Е. П. Ищенко // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 3(82). – С. 129-138.
17. Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 18.09.2020 по делу о признании незаконными заключения служебной проверки, признании незаконным приказа об увольнении, восстановление на службе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда [Электронный ресурс] Главное управление МВД России по Самарской области. URL: <https://63.mvd.rf/document/23225213> (дата обращения: 05.09.2022).
18. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 11.09.2018 по гр. делу № 33-10070/2018 об оспаривании заключения по результатам служебной

- проверки от 16 апреля 2018 года, пункта 27 приказа № л/с от 19 апреля 2018 года о расторжении (прекращении) контракта и увольнении со службы, о восстановлении на службе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула [Электронный ресурс] Главное управление МВД России по Самарской области. URL: <https://63.мвд.рф/document/14884197> (дата обращения: 04.09.2022).
19. Слесарев С. Споры по увольнению силовиков // Трудовое право. 2020. №4. С. 37-44.
20. Материалы интервью с заместителем начальника ОУУП и ПДН ОП №24 Управления МВД России по г. Тольятти подполковником полиции в 2017-2022 гг. Р.Х. Шарафутдиновым // Личный архив автора.
21. Малыгина Т.А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации / Малыгина, Т.А.: 12.00.14. – Москва, 2017. – 236 с.

Ismailov D. A., Repeteva O. E. The role and significance of disciplinary responsibility in criminal procedure activities of employees of the internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crime-an federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 443-451.

Currently, disciplinary responsibility plays an important role in the activities of employees of internal affairs bodies. The essence of disciplinary responsibility consists in the application by the employer (manager) to the employee (employee) of penalties in connection with the commission of a disciplinary offense by him. When using the term disciplinary responsibility, one gets an idea of its wider application in the labor relations of the civil service, rather than in law enforcement. However, this is not quite true. In this connection, the authors propose to consider this type of responsibility in the field of law enforcement service, namely, by the example of a structural subdivision of district police commissioners in the implementation of criminal procedural activities. The authors also proposed legislative changes, providing for a list of mitigating and aggravating circumstances in a special regulatory legal act regulating official activity in the internal affairs bodies, adding a separate legal norm.

Keywords: disciplinary responsibility, police, service discipline, district police commissioner, criminal procedural activity, disciplinary punishment, internal affairs bodies, district police commissioners, police officer, internal affairs bodies.

Spisok literatury:

1. Arhivnyj otdel administracii g.o. Tol'yatti Samarskoj oblasti. F. R-137. Op. 1. L. 5-58.
2. Migushchenko O.N. Ukreplenie sluzhebnoj discipliny sotrudnikov milicii v 20-e - 30-e gody HKH veka / O. N. Migushchenko // Rossijskij sledovatel'. – 2011. – № 8. – S. 37-39.
3. Kornienko A.N. Ponyatie disciplinarnoj otvetstvennosti sotrudnikov organov vnutrennih del / A. N. Kornienko // Vestnik Luganskoj akademii vnutrennih del imeni E.A. Didorenko. – 2016. – № 1(1). – S. 214-223.
4. Hachaturov R.L., Lipinskij D.A. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti: Monografiya. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2007. 950 s.
5. Stepnova YU.P. K voprosu o ponyatii yuridicheskoy otvetstvennosti / YU. P. Stepnova // Teoriya gosudarstva i prava. – 2019. – № 4(16). – S. 173-183.
6. Manohin V.M. Gosudarstvennaya disciplina v narodnom hozyajstve. - M.: YUrid. lit., 1970. - 206 s.
7. Byalt V.S. Disciplinarnaya otvetstvennost' sotrudnikov organov vnutrennih del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2011. – 26 s.
8. Maksakova E. N. Disciplina v pravovoj sfere / E. N. Maksakova // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2013. – № 6. – S. 79-83.
9. Gogin A.A. Harakteristika disciplinarного prostupka // Трудовое право. - М.: Intel-Sintez, 2005, № 9. - S. 12-17.
10. Safonova N. A. Ponyatie discipliny truda / N. A. Safonova // Pravovye problemy ukrepleniya Rossijskoj gosudarstvennosti / pod redakciej V. M. Lebedeva, G. L. Osokinoj, S. K. Solomina, V. S. Arakcheeva, N. D. Titova. – Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2013. – S. 129-130.
11. Ukaz Prezidenta RF ot 14.10.2012 N 1377 (red. ot 22.12.2021) "O Disciplinarnom ustave organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii" // Sobranie zakonodatel'stva RF, 22.10.2012, N 43, st. 5808.
12. ZHukova YU.A. Disciplinarnaya otvetstvennost' rabotnikov kak pravovoe sredstvo obespecheniya ispolneniya trudovyh obyazannostej / YU.A. ZHukova: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. – Perm', 2005. - 182 s.
13. Butov P.S. Sovershenstvovanie material'nyh i procedurno-processual'nyh norm o primenenii disciplinarnoj otvetstvennosti rabotnikov po trudovomu pravu Rossijskoj Federacii / P.S. Butov: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. – Tomsk, 2006. - 271 s.
14. Goncharov I.V. Yuridicheskaya otvetstvennost' sotrudnikov organov vnutrennih del v Rossijskoj Federacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 1. S. 14-19.
15. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 18.03.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 24.12.2001, N 52 (ch. 1), st. 4921.
16. Ishchenko E.P. O nasushchnyh problemah raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij / E. P. Ishchenko // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. – 2017. – № 3(82). – S. 129-138.

17. Reshenie Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Samary ot 18.09.2020 poisku o priznanii nezakonnymi zaklyucheniya sluzhebnoj proverki, priznanii nezakonnym prikaza ob uvol'nenii, vosstanovlenie na sluzhbe, vzyskanii denezhnogo dovol'stviya za vremya vynuzhdenного progula, kompensacii moral'nogo vreda [Elektronnyj resurs] Glavnoe upravlenie MDV Rossii po Samarskoj oblasti. URL: <https://63.mvd.rf/document/23225213> (data obrashcheniya: 05.09.2022).
18. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Samarskogo oblastnogo suda ot 11.09.2018 po gr. delu № 33-10070/2018 ob osparivanii zaklyucheniya po rezul'tatam sluzhebnoj proverki ot 16 aprelya 2018 goda, punkta 27 prikaza № 1/s ot 19 aprelya 2018 goda o rastorzhenii (prekrashchenii) kontrakta i uvol'nenii so sluzhby, o vosstanovlenii na sluzhbe, vzyskanii denezhnogo dovol'stviya za vremya vynuzhdenного progula [Elektronnyj resurs] Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Samarskoj oblasti. URL: <https://63.mvd.rf/document/14884197> (data obrashcheniya: 04.09.2022).
19. Slesarev S. Spory po uvol'neniyu silovikov // Trudovoe pravo. 2020. №4. S. 37-44.
20. Materialy interv'yu s zamestitelem nachal'nika OUUP i PDN OP №24 Upravleniya MVD Rossii po g. Tol'yatti podpolkovnikom policii v 2017-2022 gg. R.H. SHarafutdinovym // Lichnyj arhiv avtora.
21. Malyhina T.A. Disciplinarnoe proizvodstvo v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii / Malyhina, T.A.: 12.00.14. – Moskva, 2017. – 236 s.

УДК 343.91

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Чернецкий О. К.

*Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный Университет имени
В.И. Вернадского»*

Незаконный оборот наркотиков либо психотропных препаратов основывается на совокупности предпосылок и условий, которые обуславливают совершение преступлений данной категории. В частности, социально-экономические, культурологические, семейно-педагогические, производственные, досуговые, правовые и правоприменительные. Любая из указанных причин обладает определенным воздействием на развитие преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных препаратов. Криминалистическое значение способов осуществления преступлений дает возможность выявить традиционные следы таких преступлений, что позволяет начать процесс установления личности преступника. Таким образом, есть возможность точно предполагать места, где необходимо искать материальный следы.

Ключевые слова: способ преступления, способ сокрытия, элемент криминалистической характеристики, незаконный оборот наркотических средств.

В силу того, что многие связанные с незаконным оборотом наркотических средств преступления зачастую не проявляются, находятся в скрытом состоянии, понять их причины можно посредством анализа их классифицирующих индивидуальных характеристик.

На сегодняшний день наиболее эффективным способом недопущения роста противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, является профилактическая работа, начинающаяся с установления комплекса причин и условий, стимулирующих рост числа преступлений рассматриваемого вида.

Незаконный оборот наркотиков является одной из самых серьёзных проблем для мирового сообщества. Противозаконная торговля давно вышла за рамки отдельно взятой страны, поэтому опасность увеличилась в несколько раз и её масштабы свидетельствуют о катастрофе, которая сопряжена с постоянно увеличивающимся количеством преступлений, связанных с оборотом наркотических средств.

Одной из характерных особенностей исследуемых преступлений является их неочевидность, поскольку поводом начать расследование является информация, полученная из различных источников. Такие сведения нуждаются в моментальном реагировании, что является обязательным условием для достижения успеха. Следует отметить, что подобным образом удаётся инкриминировать около 89,5 % преступлений, в которых фигурируют наркоманы, дилеры и другие асоциальные личности.

В рамках расследования преступлений, в которых фигурирует дистанционная продажа наркотиков и психотропных препаратов, в первую очередь требуется четко определить как способ совершения преступного преступления, так и выявить все возможные способы сокрытия, то есть детально разобрать все этапы процесса. В том числе требуется тщательно и всесторонне изучить весь перечень изначальных

данных, и посредством информационных ресурсов выявить максимально подробную информацию о преступной группе в целом.

Некоторые данные можно получить из открытых источников, например, соцсети, форумы, определенные веб-сайты. После этого требуется установить, какая первичная информация о событии преступления является подлинной, а какая ложной, выявить наличие или отсутствие негативных обстоятельств в следовой картине, какие сведения еще необходимы для расследования. Выявить, за счет чего и как можно получить недостающую информацию.

Чтобы добиться всестороннего, справедливого, обоснованного и эффективного расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, требуется выработать актуальную на сегодняшний день криминалистическую методику, в рамках которой неотъемлемым элементом является криминалистическая характеристика данного вида преступления, наряду со способами изготовления наркотиков и процессами осуществления преступных действий.

Анализ способа преступления в контексте действий преступника – наиболее пространственный вопрос. В частности, этот вопрос рассматривается криминалистической, которая изучает разные его стороны. Однако на сегодняшний день существует множество трактовок способа преступления, каждая из которых отражает его природу с той стороны, с которой рассматривается та или иная задача.

В науке криминалистике, способ преступления также рассматривается как источник сведений, которые требуются для разработки средств, инструментов и методов расследования, а также профилактической деятельности. Отметим, что посредством способа преступления в действительности выражается преступное действие [1, с. 19].

Важность тщательного изучения способа совершения преступных деяний в области незаконного оборота наркотических веществ обуславливается тем, что наряду с другими преступными деяниями, данная категория обладает такими характеристиками, как длительность и совершение группой лиц [2, с. 3]. Каждый из составов, регламентированных в ст. 228.1-233 УК РФ, в частности – приобретение, хранение, перевозка, производство и пр. [3, с. 2554], являются лишь одной из составляющих общего состава преступного деяния.

Наибольшую важность представляют преступления, которые базируются на совокупности действий, то есть, когда усматриваются и употребление, и изготовление, и продажа одним лицом. Но в последнее время широко распространяются и узконаправленные преступления в сфере оборота наркотиков, что обусловлено непрекращающимся ростом теневого рынка наркотических веществ, при чем они касаются как органических наркотиков, так и психотропных препаратов [4, с. 287]. Основной закон любых рыночных отношений – спрос порождает предложение, что обуславливает актуальность изучения всей цепи способов осуществления преступлений данной категории.

Производство и сортировка наркотиков — это целый комплекс мероприятий, в рамках которого обрабатывается сырье, которое в чистом виде может быть абсолютно законным и не включено в список запрещенных препаратов и веществ, в результате которой получается уже наркотик, полностью готовый для употребления конечным потребителем, и вызывающий соответствующее состояние «опьянения». В качестве сырья могут использоваться и различные медикаменты, которые прохо-

дят определенную фильтрацию для выделения содержащихся в них наркотических препаратов.

Зачастую данный комплекс мероприятий по изготовлению наркотиков можно разделить на конкретные стадии – освоение теоретических основ производства наркотического вещества; подготовительные работы, включающие оборудование, технологических процесс и пр.; выбор места производства; подбор сообщников и помощников; закупка исходного материала (сырья, медикаментов и пр.). Существование таких четких стадий свидетельствует о разнообразии способов производства наркотиков, начиная от «кустарной» обработки в подвале, заканчивая высокотехнологичным производством синтетических веществ. Когда речь идет о последнем способе производства наркотиков, то окончанием преступления признается момент создания в готовом виде вещества с наркотическим воздействием, даже если оно может быть подвержено дополнительной обработке.

Не рассматриваются в качестве изготовления либо обработки такие действия, как дробление, денатурация, растирание растений, разбавление наркотических веществ водой (без выпаривания), рафинирование и прочие аналогичные по характеристикам действия в силу того, что их совершение никаким образом не влияет на химический состав наркотического вещества, подверженного этим действиям [5, с. 9].

Покупка без намерений реализации («для личного употребления») признается в случае получения наркотиков тем или иным способом (приобретение, дарение, «бартер», возврат долга, обмен, находка, сбор растений, которые внесены в список наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, обладающих статусом ограниченного оборота и пр.). Также наркотики могут покупаться с целью осуществления иных преступлений – для усыпления либо обездвиживания пострадавшего, похищенного лица [6].

Хранение — это действительное обладание наркотиками, с целью собственного употребления либо дальнейшей продажи, либо без таких намерений. Формы хранения наркотиков представлены довольно большим перечнем способов, в связи с чем рассмотрим только самые популярные. В малых дозах, наркотические вещества могут находиться во внутренней подкладке верхней одежды, швах, в обуви (в том числе в подошве), внутри тела (зачастую при транспортировке), дома, в офисе, в специальных скрытых местах, которые внешне выглядят как обычные предметы быта. Для сокрытия часто применяют – коробки от других медикаментов (цитрамон, анальгин и прочие наиболее распространенные препараты); дробление до порошкообразного вида, чтобы наркотик ничем не отличался от чистящего порошка либо соли, сахара, крахмала; жидкие наркотики помещают во флаконы от разрешенных медпрепаратов. Чтобы исключить вероятность распространения запахов применяют плотную, герметичную упаковку, либо размещают сильно пахнущие вещества рядом с местом хранения [7, с. 102]. В большинстве случаев данное актуально в случае с органическими наркотиками.

Повышение качества и эффективности расследования преступлений в области незаконной реализации наркотиков посредством информационных систем на сегодняшний день и в будущем должно сопровождаться изучением и применением теории электронных доказательств в рамках расследования. Опасности, которые возникают вследствие использования криптовалют, в частности, для оплаты операций по незаконной реализации и покупке наркотиков предполагают, что требуется со-

здать и внедрить различные программы взаимодействия и кооперации на межгосударственном уровне, в том числе с международными организациями в области противодействия преступлениям в сфере наркотиков.

Способы транспортировки не сегодняшний день не только разнообразны, но и регулярно возникают новые либо изменяются старые. Такое бурное развитие способов перевозки обуславливает как регулярным ужесточением деятельности правоохранительных органов непосредственно по борьбе с оборотом наркотиков, так и деятельностью этих органов в части недопущения преступлений данной категории. Исходя из осуществленного анализа, транспортировка наркотиков на сегодняшний день осуществляется всеми известными видами транспорта. Наиболее популярный - поезд и ж/д транспорт (2/3), самолеты и авиаперевозки (чуть менее 1/5), машины и автотранспорт (около 5%), посылки и средства доставки (около 4%), а также другие (почти 5%). К примеру, перевозя наркотические вещества поездом, преступники прибегают к помощи работников железной дороги (проводников, обслуживающий персонал и т. д), которые, по сути, и являются курьерами. Стоит отметить, что согласие этих лиц на осуществление таких действий достигается преступниками нередко и за счет угроз и насилия. Но для транспортировки поездом, не всегда требуется наличие «живого» курьера. К примеру, преступники могут перевозить наркотики посредством передачи посылки, которая маскируется под любые другие предметы, тому или иному гражданину, чтобы он ее передал другому лицу по приезду. Однако самым популярным средством в транспортировке наркотиков, является применение специальных, обученных курьеров, которые обеспечиваются необходимыми рекомендациями, техническими средствами, средствами конспирации и прочими необходимыми инструментами для осуществления такой деятельности.

Способы осуществления преступных деяний очень плотно взаимосвязаны со способами сокрытия преступных деяний. Так, способы сокрытия диверсифицируются на такие категории:

1) действия, целью которых является скрытие, которые осуществляются на этапе осуществления преступного деяния. К примеру, тщательная подготовка к покупке наркотиков, проработка конспирации, в частности оборудование различных скрытых мест для хранения сырья и уже готовых наркотиков;

2) действия, которые осуществляются в момент самого преступного деяния, к примеру – покупка наркотиков с помощью третьих лиц, сокрытие мест производства наркотиков;

3) действия, которые осуществляются уже после осуществления преступного деяния, к примеру, зачистка всевозможных следов преступления, выработка тактики и манеры поведения в случае раскрытия и задержания.

Иногда, обстановка совершившего преступления не вызывает у следствия сомнений в истинности произошедшего. Однако бывает и другая ситуация, когда мельчайшие детали, которые могут и не создавать значительные противоречия, являются основанием для сомнения о естественности обстановки произошедшего события. В сложившейся ситуации, для расследования преступлений, следователь применяет так называемый метод моделирования. Именно с помощью этого метода, следователь как бы сравнивает обстоятельства произошедшего, которые были обнаружены на месте происшествия с мыслительной моделью произошедшего. Следователь как бы отвечает на вопрос: «Что из общей картины произошедшего противоре-

чит, не соответствует действительности?». В данном случае, происходит мыслительная оценка всех обстоятельств и поведения лица, совершившее преступление. На основании этого анализа и появляется версии следствия, в том числе версии о совершении либо сокрытии преступления.

Механизма слеодообразования при сокрытии также имеет в себе противоречия, не соответствующие обстановке произошедшего. На противоречия может указывать выявление негативных обстоятельств произошедшего, которые в свою очередь можно разделить на следующие группы:

- 1) обнаруженные на месте происшествия следы, которые не должны быть, если исследуемое событие было не мнимым, а реальным (следы наличия);
- 2) следы, которые не обнаружены в силу их отсутствия, но которые с необходимостью должны были возникнуть в случае реальности инсценированного события (следы отсутствия);
- 3) обнаруженные на месте происшествия следы относятся к числу следов характерных для инсценированного события, однако их состояние не соответствует тому, в котором они должны находиться в сложившейся ситуации (по внешнему виду, количеству и т.д.) [10, с. 217].

Дальнейший выбор методики при расследовании преступлений, а также специфика выявления сокрытия зависит от выявленных негативных обстоятельств.

Анализируя практику правоохранительных органов, можно отметить, что зачастую преступники прячут наркотические вещества в пачки сигарет либо мешки с луком, так как это существенно затрудняет собакам находить следы наркотиков.

Преступные сообщества используют различные способы для создания каналов транспортировки наркотиков. Например, «промежуточные пункты», где наркотические вещества собираются, консолидируются и отправляются дальше; в этих же пунктах могут собираться непосредственно доставщики, для получения информации о следующей этапе маршрута или конечном цели; автомобили слежения, которые передвигаются вместе с автомобилями, в которых транспортируется наркотик, и используются для мониторинга общей ситуации вокруг либо для «отведения глаз» сотрудников полиции; детально анализируют конструкцию автомобилей, определяя наиболее скрытые места, где можно расположить тайник. Нередко наркотики прячут в детских игрушках, которые зачастую находятся в руках у детей [8, с. 133]. Стоит отметить такой интересный факт, что в случае выявления способа транспортировки, данный тайник либо метод переводки больше не используется.

Для криминалистики методы осуществления преступлений являются инструментом, посредством которого определяются характерные следы, и по ним выявляется сам правонарушитель. Таким образом, есть возможность точно предполагать места, где необходимо искать материальный следы [9, с. 334].

Но необходимо отметить, что в большинстве случаев, в рамках расследования наркотических преступлений, берутся во внимание лишь следы, которые называют «типичными» либо «типовыми», в частности следы папиллярных узоров пальцев рук. Однако практически во всех случаях можно найти и зафиксировать особые следы, которые характерны исключительно той или иной категории преступлений. Например: следы, которые формируются вследствие производства и обработки определенной категории наркотиков; следы транспортировки; следы покупки.

На практике такие следы первой группы могут иметь такое проявление: расположенные в огороде либо на участке растения, содержащие наркотические вещества (каннабис, мак); органические остатки в месте производства либо хранения (обрезки, листья, пыльца и пр.); следы неорганических материалов (химические вещества для обработки, емкости, инструменты и пр.); продукты, сопутствующие производству – специфические отложения внутри емкостей, флаконов, баночек, возникающие при производстве ацетилированного опия; готовый к употреблению наркотик, вещества, используемые в процессе изготовления (ангедрид, ацетон, уксус); инструкции, рецепты, методические записи по производству наркотиков; одеяла, пакеты, пленка, которые могли использоваться для сбора трухи; отпечатки на инструментах, приборах, колбах, весах, на шприцах, флаконах, баночках, коробках и пр.

Следующая группа следов может иметь вид: отдельные скрытые места в конструкции автомобилей, тайники в верхней одежде курьеров, особые емкости, которые при транспортировке находятся внутри организма курьера; остатки наркотиков на частях тела, пальцах, ладонях, одежде и пр.; остатки характерного для наркотика аромата; деньги и прочие вещи (техника, ювелирные украшения, шубы и пр.), которые приобретены за средства, вырученные за продажу наркотиков; контакты и личные данные курьеров; различные документированные подтверждения общения между соучастниками, заказчиками, курьерами.

Криминалистическое значение способов преступлений заключается в том, что по ним можно установить их типичные следы, и в последствии перейти к установлению преступника. Поэтому места, где необходимо осуществлять поиск материальных следов, можно прогнозировать, а поиск таких мест осуществлять осмысленно и целенаправленно.

К сожалению, при расследовании незаконных действий с наркотическими средствами в большинстве случаев внимание обращается лишь на следы, которые в криминалистике принято называть традиционными. Между тем преступник может оставить и следы, характерные именно для данного вида преступлений, которые одновременно являются криминалистическими признаками способов их совершения и сокрытия.

Изучение следственной обстановки на первых этапах расследования преступлений данной категории, дает возможность утверждать, что своевременное выявление способа преступления либо его сокрытия играет немаловажную роль в рамках установления и нахождения сведений, на основании которых выносятся те или иные ключевые решения по делу; в разработке самых следственных версий; в выборе основного направления расследования, которое даст необходимый результат; в выборе определенных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действия, плана их проведения, последовательности.

Список литературы:

1. Танасевич В.Г., Образцов В.А. Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. - Свердловск, 1978. С. 19
2. Гончаренко, В.И. Понятие криминалистической характеристики преступления [Текст] / В.И. Гончаренко, Г.А. Кушнир, В.Л. Подпальный // Криминалистика и судебная экспертиза. - 2005. – Вып. 33. – С. 3.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, с. 2954.

4. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно правовое и криминологическое исследование. - СПб; Изд-во «Юридический центр Пресс». 2016. С. 287.
5. Радченко О.В. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 1 (68). С. 9.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС Консультант Плюс
7. Присекин А.В., Яровенко В.В. Криминологическое исследование тайников как способа сокрытия незаконного оборота наркотических средств: Монография. - М.: Юрлитинформ. 2017. – С. 102.
8. Анисимов Е.Б. К вопросу о структуре преступных сообществ, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 303. С. 133.
9. Колдин В.Я., Корухов Ю.Г. Механизм преступления и вещественные источники криминологической информации // Криминология социалистических стран. - М., 1986. С. 334.
10. Уханова, А. С. Методика расследования убийств, замаскированных инсценировками / А. С. Уханова, Е. В. Ширманов // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминологии : Материалы VIII научно-практической конференции, Саранск, 29 марта 2019 года / Редколлегия: Г.П. Кулешова [и др.]. – Саранск: Общество с ограниченной ответственностью "ЮрЭксПрактик", 2019. – С. 215-217.

Chernetsky O. K. Method of committing crimes related to illegal drug trafficking // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 452-458.

Illegal trafficking in drugs or psychotropic drugs is based on a set of prerequisites and conditions that cause the commission of crimes of this category. In particular, socio-economic, cultural, family-pedagogical, industrial, leisure, legal and law enforcement. Any of these reasons has a certain impact on the development of crimes in the field of illicit drug trafficking and psychotropic drugs. The criminalistic significance of the methods of committing crimes makes it possible to identify the traditional traces of such crimes, which makes it possible to begin the process of establishing the identity of the criminal. Thus, it is possible to accurately assume the places where it is necessary to look for material traces.

Keywords: A method of crime, a method of concealment, an element of criminalistic characteristics, illegal drug trafficking.

Spisok literatury:

1. Tanasevich V.G., Obrazcov V.A. Metodika rassledovaniya i kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestuplenij // Kriminalisticheskie harakteristiki v metodike rassledovaniya prestuplenij. - Sverdlovsk, 1978. S. 19.
2. Goncharenko, V.I. Ponyatie kriminalisticheskoy harakteristiki prestupleniya [Tekst] / V.I. Goncharenko, G.A. Kushnir, V.L. Podpalyj // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. - 2005. Vyp. 33. S. 3.
3. Uголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-FZ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
4. Prohorova M.L. Narkotizm: ugovolno pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie. - SPb: Izd-vo «Yuridicheskij centr Press». 2016. S. 287.
5. Radchenko O.V. Problemy kvalifikatsii prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkotikov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2018. № 1 (68). S. 9.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.06.2006 № 14 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami» // SPS Konsul'tant Plyus
7. Priсекин А.В., ЯАровенко V.V. Kriminalisticheskoe issledovanie tajnikov kak sposoba sokrytiya nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv: Monografiya. - M.: YurLitinform. 2017. – S. 102.
8. Anisimov E.B. K voprosu o strukture prestupnyh soobshchestv, sovershayushchih prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkotikov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 303. S. 133
9. Koldin V.YA., Koruhov YU.G. Mekhanizm prestupleniya i veshchestvennye istochniki kriminalisticheskoy informatsii // Kriminalistika socialisticheskikh stran. - M., 1986. S. 334.
10. Ukhanova, A. S. Methods of investigating murders disguised by staging / A. S. Ukhanova, E. V. Shirmanov // Actual problems of criminal law and process, penal law and criminalistics: Materials of the VIII scientific and practical conference, Saransk, 29 March 2019 / Editorial Board: G.P. Kuleshova [i dr.]. - Saransk: Limited Liability Company "YurEksPraktik", 2019. - P. 215-217.

УДК 343.98.068

**БЕЗВЕСТНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛЮДЕЙ НА МОРСКИХ СУДАХ:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И
ТИПИЧНЫЕ ВЕРСИИ**

Михайлов М. А.

Севастопольский государственный университет

В статье объясняется необходимость создания основ методики расследования преступлений, связанных с безвестным исчезновением человека на судне, находящимся в открытом море. Актуальность их разработки обуславливается не столько многочисленностью фактов такого рода, сколько общественной опасностью преступлений и рисками безнаказанности преступников, провоцирующими повторение подобного. На примерах из отечественной и зарубежной практики, раскрываются элементы криминалистической характеристики: обстановки преступления, способа совершения преступления, личности преступника и потерпевшего, следовой картины произошедшего. Обращается внимание, на то, что умышленные убийства скрываются под инсценировкой несчастных случаев и суицидальных действий, что приводит к высокой латентности этих противоправных действий. Предлагается классификация обстановки совершения таких преступлений. Представлены типичные версии безвестного исчезновения людей на морских судах, от умышленного убийства до похищения с целью сексуальной эксплуатации и побега.

Ключевые слова: без вести пропавшие, происшествия на море, разоблачение инсценировок, капитан судна как орган дознания, расследование убийств без трупа.

Водная стихия на протяжении всей истории освоения ее человеком являлась опасной средой и причиной несчастных случаев, катастроф, или местом умышленного лишения жизни. К тому же моря, реки и водоемы значительно затрудняют, а порою делают невозможным установить причину, произошедших на их поверхности событий, восстановить истинную картину случившегося. Фразеологизм «спрятать концы в воду» существует со стародавних времен и имеет аналоги в других языках. Эти условия нередко используются злоумышленниками в их стремлении уйти от ответственности путем сокрытия совершенных преступлений или маскировки их под несчастные случаи, суицид или оставление судна.

Происшествия на гражданском морском флоте, повлекшие безвестное исчезновение человека, обязывают следователя при выдвижении версий предположить, что они могли стать следствием каких-либо преступных в отношении пропавшего, действий, скрываемых подобным образом.

Другой особенностью совершения и расследования преступлений на морских судах, является тот факт, что они совершаются среди ограниченной группы конкретных лиц (экипажа и пассажиров), и локализованы пространством судна. В то же время исчезновение зачастую происходит на неопределенной акватории, что затрудняет и ли делает невозможным поиски пропавшего. Кроме того, расследование может быть усложнено и тем, что наши граждане безвестно пропадают вдали от берегов страны, вне ее территориальных вод, и на судах, следующих под флагом других государств.

Специфика расследования преступлений, совершенных на морских судах, в частности, а также проблемы розыска лиц, без вести пропавших и установление

причин их исчезновения в целом, становились предметом научного интереса отдельных исследователей таких как Анянова Е.С. [3], Воробьев А.А. [4], Гигиевич А.И. [5], Гринева Д.А. [6], Гуцуляк В.Н. [7], Диканова Т.А. [8], Килессо Е.Г. [12], Мальцев А.С. [13], Михайлова Л.В. [14], Моисеев Н.А. [15], Мудьюгин Г.Н. [18], Новоселов Н.Г. [16], Пупынин С.С. [20], Скаридов А.С. [24], Суденко В.Е. [25], однако, нам не удалось найти свидетельств изучения на диссертационном уровне особенностей расследования преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей на морских судах.

Необходимость формирования такой частной методики назрела. Подобные факты происходят, и хотя в отечественной практике они еще немногочисленны, но их общественная опасность, низкая раскрываемость, а порою и латентность, позволяют сделать вывод об актуальности таких исследований.

За рубежом, где морское пассажирское сообщение и круизные путешествия распространены гораздо шире, подобные инциденты встречаются значительно чаще. По данным экспертов, за последние 25 лет зафиксировано 375 случаев падения за борт круизных лайнеров и паромов [28]. Около десяти лет назад создана общественная организация «Международная ассоциация жертв пассажиров круизов» [27].

Мы не претендуем на всеобъемлющий характер освещения темы, но хотели бы возбудить интерес российских теоретиков и практиков постановкой этой проблемы. Результаты попытки сбора имеющегося опыта и выявления отдельных особенностей работы по таким уголовным делам нам хотелось бы упорядочить в соответствии с классической структурой частной методики расследования отдельных видов преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений.

Обстановка. Изучение фактов безвестного исчезновения людей и результатов их расследования позволяет систематизировать признаки указанных событий в целях использования этого опыта для расследования новых прецедентов. Это также дает возможность более глубоко и детально классифицировать расследуемые события по различным критериям.

Обстановка совершения преступления во многом обусловлена категорией судна, ставшего местом происшествия. И выдвигаемые версии, и алгоритм проведения следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, и объем проводимой следователем работы во многом зависят от назначения и водоизмещения судна, численности экипажа, наличия и количества пассажиров. С этих позиций для организации расследования целесообразно использовать следующую классификацию обстановки:

- Безвестно исчезновение на пассажирских судах (океанских лайнерах, круизных и паромах).
- Безвестное исчезновение на грузовых судах (сухогрузах, наливных, обслуживающих, вспомогательных, промышленно-хозяйственных и судах технического флота).
- Безвестное исчезновение на судах морского рыболовецкого промысла.
- Безвестное исчезновение на яхтах и маломерных морских судах.

Безусловно, организация и проведение расследования во многом зависит и от состава находящихся на судне людей. Имеют значение гражданство, этнические,

возрастные и половые различия, предыдущие конфликты с Законом. Местонахождение судна в акватории Мирового океана, близость берега, удаленность от территории нашей страны могут значительно повлиять на ход и успех расследования. Имеет значение и наличие признаков занятия экипажем противоправной деятельностью (контрабанда, незаконный промысел морских ресурсов и т.п.) в акватории, где случилось безвестное исчезновение.

Большое значение, как положительное, так и отрицательное для установления обстоятельств случившегося, имеет морально-психологическое состояние экипажа, дисциплина на судне, беспрекословность подчинения приказам капитана и других начальников. Естественно, что момент совершения преступления может зависеть и от времени суток, и от погодных условий, и от циклов работы на судне его экипажа, и от распорядка дня пассажиров.

Личность потерпевшего и преступника. Круг этих субъектов ограничен лицами, находящимися на судне. Это члены экипажа, пассажиры, рабочие, проверяющие (пограничники, работники таможни, отдела государственного контроля, надзора и охраны водных биологических ресурсов и др.), лица, незаконно проникшие на борт. Какого-либо анализа статистических характеристик личности нами не проводилось, и эта работа еще ждет своих исследователей. Как мы уже упоминали, ограниченность круга лиц, находившихся на судне в момент безвестного исчезновения, может дать следствию возможность определить круг подозреваемых и использовать опыт расследования преступлений, совершаемых в локализованных обстоятельствах группами, а также прибегнуть к определенным техникам поиска источников доказательств (например, проверкам на полиграфе).

Потерпевшими (без вести пропавшими) из числа пассажиров, могут стать находящиеся в нетрезвом состоянии, лица, проявляющие агрессию и навязчивость, состоятельные люди, демонстрирующие свой достаток, женщины как объект сексуальной направленности и мужчины-соперники в ее реализации. Из числа членов экипажа - капитан и начальники, отдающие приказы и распоряжения подчиненным, рядовые моряки, не принимающие эти требования, либо неписанные правила или иерархию, сложившуюся в коллективе.

Способ совершения преступления. Убийство, как преступление, скрываемое путем выбрасывания потерпевшего за борт, может быть совершено с использованием ножей или холодного (реже огнестрельного) оружия, причинением смерти путем нанесения ударов тупыми твердыми предметами кулаками, ногами, инструментами производственно-бытового назначения. Имели место и случаи сталкивания жертвы за борт. К трупу могут привязываться тяжелые вещи (например, гиря из тренажерного зала круизного судна) [21, с. 36].

Похищение человека, следствием которого становится его безвестная потеря, так же может рассматриваться как способ совершения. Известен случай исчезновения пассажирки круизного судна в 1998 г. Принятыми первоначально мерами выяснить ее судьбу не удалось, однако через несколько лет, в одном из притонов приморского города похожая на пропавшую женщина, пыталась обратиться к соотечественникам за помощью, но сопровождающие не дали ей этого сделать. Это позволило выдвинуть версию о похищении с целью сексуальной эксплуатации [30].

В 2020 г. Б. безвестно пропала с маломерного судна – катера. Судоводитель катера, по показаниям которого, в основном, и выяснялись обстоятельства произо-

шедшего, заявил, что отдыхая с Б., он вышел в море, где она, будучи в нетрезвом виде, решила искупаться без спасательного жилета. Неожиданно Б. стала захлебываться, и он, для оказания помощи, прыгнул к ней в воду. Однако в связи с тем, что катер не стоял на якоре, судно стало сносить в открытое море. В течение полутора часов они пытались вплавь добраться до берега, при этом Б. теряла сознание и неоднократно уходила под воду. В результате, спастись удалось лишь ему одному. Судоводитель привлекался к уголовной ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации морского транспорта, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 263 УК РФ). Иного в его действиях установить и доказать не удалось [10].

Следовая картина. Виды следов, характерных для этой категории преступлений, обусловлены как событием, которое скрыто или замаскировано путем выбрасывания потерпевшего за борт, так и традиционным механизмом слеодообразования, характерным для преступлений против личности. Это могут быть следы жидкости, похожей на кровь, волосы, ткани человека и т.п. О борьбе жертвы с преступником могут свидетельствовать телесные повреждения на последнем.

В отдельных случаях ключевым доказательством могут стать следы отображения человека: пальцев, обуви, зубов и др. В ходе расследования преступления и поиска без вести пропавшего, может быть обнаружен и его труп, являющийся носителем ценной доказательственной информации. Так, сведения об обнаружении трупа капитана теплохода «Сабирабад» в Адриатическом море были получены уже после того, как за его убийство был осужден второй механик Г. Судебно-медицинское исследование трупа только подтвердило выводы суда, изложенные в обвинительном приговоре [22, с. 92-93].

Письменными доказательствами (в случае подделки и вещественными) могут служить записи в судовом, машинном, журналах инструктажей и радиожурналах, навигационные карты с прокладкой рейса, результаты служебных расследований, документы о дисциплинарных взысканиях и т.п.

К электронным следам следует отнести: содержание записей камер видеонаблюдения, следы в электронной памяти приборов регистрации данных о рейсе, компьютеров и мобильных устройств: ноутбуков, планшетов, смартфонов, навигаторов, сотовых телефонов и устройств спутниковой связи, а также записи в мессенджерах и социальных сетях.

Важно уделить внимание и идеальным следам в памяти очевидцев и свидетелей и вовремя зафиксировать путем получения показаний и их проверки на месте, что бывает непросто в условиях отсутствия специалистов, а лишь силами капитана – органа дознания или иного уполномоченного на это лица.

Типичные версии случившегося. После проведения первоначальных мероприятий для решения вопроса о возбуждении дела, что позволит легитимно использовать процессуальные и следственные действия, серьезно ограничивающие конституционные права граждан, такие, как например, обыск и задержание, необходимо выдвинуть версии случившегося и наметить план дальнейших действий.

Общие типичные версии причин безвестного исчезновения человека, находившегося на судне:

1. *Убийство на борту судна с последующим выбрасыванием трупа в море.* Так капитан теплохода «Михаил Кривошлыков», находившегося в Адриатическом море

сообщил о безвестном исчезновении в ночное время буфетчицы К. Из ее каюты пропали также некоторые вещи. В ходе расследования, проведенного на берегу было установлено, что повар Колесник, проживавшая с потерпевшей в одной каюте, в ходе ссоры ударила ее утюгом в висок, а после того как та скончалась, выбросила в иллюминатор труп убитой, орудие преступления, и некоторые вещи, со следами преступления [11, с. 94-97].

2. *Убийство путем выбрасывания за борт потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии.* Так вследствие неприязненных отношений, возникших между механиком и капитаном судна, назначившим служебное расследование, по поводу нарушений дисциплины, грозившим списанием с судов заграничного плавания, первый в ночное время на палубе нанес несколько ударов плоскогубцами по голове капитану и еще живого столкнул его в море [22, с. 95].

3. *Выбрасывание за борт без цели убийства.* В октябре 2009 г. в Конго был задержан балкер Island of Luck, прибывший под панамским флагом с грузом риса. Члены экипажа граждане Украины и россиянин обвинялись в том, что выбросили за борт четырех конголезцев, незаконно пробравшихся на борт в целях миграции. Для плавучести к ним привязали пластиковые канистры. Несмотря на требование обвинителем смертной казни для подсудимых, они были оправданы [17].

4. *Инсценировка под несчастный случай убийства или иного преступления.* Так при расследовании факта безвестного исчезновения с танкера «Волганефть-123» курсанта практиканта в окрестностях о. Чечень в Каспийском море, проверялись показания повара П., о том, что пропавший мог упасть в море, пытаясь пробраться по причальному брусу в иллюминатор ее каюты. Однако впоследствии было установлено, что при попытке проникновения, она ударила потерпевшего крышкой иллюминатора по голове и нанесла два удара ножом в живот, после чего вытолкнула его за борт [26, с. 106].

5. *Инсценировка убийства или иного преступления под суицид.*

6. *Похищение человека (например, в целях требования выкупа или сексуальной эксплуатации).* Наиболее известным является уже упомянутый нами случай исчезновения 23-летней американки Э.Брэдли в марте 1998 г. на океанском круизном судне «Rhapsody of the Seas» в Карибском море. Несмотря на обращение родителей об исчезновении, служба безопасности лайнера не приняла должных мер для проверки пассажиров, выходящих на острове Кюрасао, что могло способствовать похищению пропавшей без вести. Затем, в течение полугода было получено несколько свидетельств о том, что на Кюрасао видели похожую девушку, она просила о помощи и называлась именем пропавшей [28].

7. *Побег с судна.* Эти факты были характерны для советского периода, и одним из самых экстремальных является побег пассажира круизного судна «Советский Союз» С. Курилова 13 декабря 1974 г. в Филиппинском море. Он прыгнул в море с кормы судна с 12 м высоты в надежде добраться до побережья, находившегося по его расчетам в 18 км, однако был отнесен течением и преодолел вплавь около 100 км за три дня. Прыжок по его свидетельству мог видеть матрос судна, однако теплоход не останавливался и поисков человека за бортом не производил. Курилов считался пропавшим без вести, пока не объявился в Канаде и, о его побеге не сообщили СМИ [19]. И сегодня на морских судах, особенно на круизных и пассажирских, отмечаются факты побегов членов экипажа из числа развивающихся стран.

Это происходит во время прибытия в порты США, Великобритании и других развитых государств, с целью получения убежища. В практике правоохранителей Владивостока зафиксирован побег члена экипажа одного из судов, прибывших в Кампучию, из-за его преследования в России за совершение тяжкого преступления.

8. *Несчастный случай*, а также происшествия во время волнения на море либо иного внешнего воздействия. В практике Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Крыму находится уголовное дело по факту безвестного исчезновения в 2013 г. с судна, следовавшего под флагом иностранного государства в Средиземном море, судового электрика жителя Крыма. В качестве версий помимо убийства рассматриваются версии, самоубийства и несчастного случая - падения за борт в ходе ремонта ходового огня. Кстати, как несчастный случай во время волнения моря, могут быть представлены и факты безвестного исчезновения. При этом утверждается, что пропавший без вести был смыт за борт на глазах очевидцев. Это может быть сфабриковано и в целях укрывательства преступления, чтобы избежать возбуждения дела и по инициативе самих правоохранителей.

Судьба сейнера-траулера «СОАР-3» и шести членов его экипажа, вышедшего в район мыса Лукулл в 20 милях северо-западнее Севастополя для лова тюльки в сентябре 1996 г., до настоящего времени остается неизвестной. Выдвигались различные версии его исчезновения от захвата и угона за границу до случайного поражения во время учений Военно-Морского Флота. Наиболее вероятным представляется взрыв поднятого на борт взрывоопасного предмета [1]. Спустя два года примерно на этом же месте подорвался и затонул сейнер «Шквал». Свидетелями взрыва стали экипаж и пассажиры проходившего рядом теплохода, а спасшийся кок «Шквала» рассказал, что видел, как рыбаки из сетей извлекали предмет, похожий на глубинную бомбу [2].

9. *Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации морского транспорта*, выразившееся в беспечном оставлении дрейфующего судна с последующими попытками вернуться.

10. *Самоубийство*. Поводами к самоубийству могут стать различные обстоятельства: психическое состояние, вызванное злоупотреблением алкоголем и наркотическими средствами, психические расстройства, и проблемы в отношениях с родными и близкими и непомерные долговые обязательства, возникшие у пропавшего без вести. Так, одной из версий безвестного исчезновения члена экипажа панамского судна гражданина России Н. у берегов Ирана рассматривалось самоубийство, ввиду его долгов морякам различных судов на крупную сумму. Косвенным подтверждением этого стали следы обуви, направленные за борт, и окурки, брошенный на палубе, чего обычно не допускают [9].

10 мая 2020 г. в акватории порта Роттердам (Нидерланды) было обнаружено тело 39-летней гражданки Украины официантки океанского круизного лайнера Rigal Princess. Версия случившегося – самоубийство, причина смерти – удар об воду при падении с большой высоты. Круизы приостанавливались на время пандемии, а некоторые члены экипажей, ожидая возвращения на родину, были изолированы в каютах, находясь в непрестом психологическом состоянии [29].

Заключение. Морской флот в нашей стране успешно развивается, растет число судов, заметно увеличивается количество пассажирских круизных рейсов, перевозка грузов морем и добыча морских ресурсов. Безопасность пассажиров и экипажей су-

дов должна обеспечиваться не только техническими и организационными мерами, но и правовыми средствами, а возникающие правонарушения оперативно пресекаться и расследоваться.

Решению этих задач и будет способствовать эффективная методика расследования преступлений, связанных с безвестным исчезновением человека на морских судах, разработка, которой должна осуществляться на основе современного отечественного и зарубежного следственного опыта. В результате ее разработки и внедрения должны быть разработаны и меры по предупреждению и профилактике такого рода преступлений.

Список литературы:

1. Аварии и катастрофы судов рыбной промышленности России и других постсоветских стран: Сейнер-траулер "САОР-3" исчез вместе с шестью членами экипажа во время промысла около мыса Лукулл, в 20 милях от Севастополя. / – Текст: электронный // Флот рыбной промышленности социалистических стран : [сайт]. – URL: http://soviet-trawler.narod.ru/main_r/list5rus_r.html#Saor-3 (дата обращения: 11.03.2023).
2. Аварии и катастрофы судов рыбной промышленности России и других постсоветских стран: Севастопольский сейнер "Шквал" затонул в результате взрыва поднятой с тралом бомбы. / – Текст: электронный // Флот рыбной промышленности социалистических стран : [сайт]. — URL: http://soviet-trawler.narod.ru/main_r/list5rus_r.html#Saor-3 (дата обращения: 11.03.2023).
3. Анянова, Е.С. Международно-правовые основы противодействия преступлениям, совершаемым в мировом океане / Анянова, Е.С. – Калининград: БГАРФ, 2014. – 315 с. – Текст: непосредственный.
4. Воробьев, А. А. Правовые основы расследования аварий на море / А. А. Воробьев // Океанский менеджмент. – 2022. – № 1 (15). – С. 32-39. – Текст: непосредственный.
5. Гигиевич, А. И. Методика расследования безвестного исчезновения граждан / А. И. Гигиевич – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2022. – 203 с. – Текст: непосредственный.
6. Гринева, Д. А. Розыск без вести пропавших лиц (правовой, оперативно-розыскной и криминалистический аспекты : специальность 12.00.09 «уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : Диссертация на соискание кандидата юридических наук / Гринева, Дарья Алексеевна; Калининградский юридический институт МВД России». – Калининград, 2006. – 200 с. – Текст: непосредственный.
7. Гуцуляк В.Н Уголовно-процессуальные полномочия капитана российского морского судна: национальное и международно-правовое регулирование / Гуцуляк В.Н // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. № 4. – С. 190-208. – Текст: непосредственный.
8. Диканова, Т. А. О расследовании аварийных случаев на морском транспорте/ Т. А. Диканова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 2(46). – С. 84-91. – Текст: непосредственный.
9. Из практики работы Анапского Линейного отдела МВД РФ на транспорте.
10. Из практики работы Крымского следственного отдела на транспорте ГСУ СКР РФ по Республике Крым и городу Севастополю. 2021 г.
11. Каптелинин, Е. Ф. Тщательный осмотр места происшествия обеспечил успешное раскрытие убийства / Е. Ф. Каптелинин // Следственная практика. – М: Прокуратура СССР. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1987. – Вып.151. – С. 94-97. – Текст: непосредственный.
12. Килессо, Е. Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования : специальность 12.00.09 «уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : Автореферат на соискание кандидата юридических наук / Килессо, Евгений Георгиевич; Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ. – СПб, 2004. – 25 с. – Текст: непосредственный.
13. Мальцев, А. С. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан : специальность 12.00.09 «уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : Автореферат на соискание кандидата юридических наук / Мальцев, Алексей Сергеевич; Ростовский юридический институт МВД России». – Ростов-на-Дону, 2012. – 26 с. – Текст: непосредственный.
14. Михайлова Л.В. Об использовании в доказывании сведений, полученных от конфиденентов при раскрытии убийств, замаскированных под безвестное исчезновение лица с морского судна / Михайлова Л.В. – Текст: электронный // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России: [сайт]. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site134/document_text/003/379/142/Vestnik_2019348.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

15. Моисеев, Н. А., Новоселов, Н. Г. Характеристика убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан на объектах транспорта/ Н. А. Моисеев, Н. Г. Новоселов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 1. – С. 56-60. – Текст: непосредственный.
16. Моисеев, Н. А., Новоселов, Н. Г. Указ.соч. С. 58.
17. Моряков Island of Luck оправдали и отпустили / – Текст: электронный.// KORABEL.RU : [сайт]. — URL: https://www.korabel.ru/news/comments/moryakov_island_of_luck_opravdali_i_otpustili.html (дата обращения: 09.03.2023).
18. Мудьюгин, Г. Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего/ Г. Н. Мудьюгин. – М: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1967. – 133 с.
19. Окунев Д. Сто километров впласть: как Курилов бежал из СССР / Окунев Д.– Текст: электронный. // Газета.RU : [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/12/13_a_12862448.shtml (дата обращения: 10.03.2023).
20. Пупынин, С. С. Особенности розыска лиц, пропавших без вести / С. С. Пупынин // Закон и право. – 2021. – № 4. – С. 156-158. – Текст: непосредственный.
21. Раскрытие тяжких преступлений против личности: (Материалы науч.-практ. конф.) / [Ред. коллегия: А. И. Жуков (отв. ред.)] [и др.]; Прокуратура СССР. Следств. упр. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М: Ч. 1. – 1972. – С. 36. – Текст: непосредственный.
22. Саенко, И. П., Делимбовский, А. Н. Из опыта расследования умышленного убийства, совершенного в открытом море / И. П. Саенко, А. Н. Делимбовский // Следственная практика. — М: Прокуратура СССР. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1987. — Вып. 151. – С. 92-93. – Текст: непосредственный.
23. Саенко, И. П., Делимбовский, А. Н. Указ. соч. С.95.
24. Скариндов А.С. Преступления на море как часть международных правонарушений. Академический журнал. 2012. № 10. С. 221-238. – Текст: непосредственный.
25. Суденко, В. Е. Правовое обеспечение антитеррористической защищенности мореплавания / В. Е. Суденко // Военное право. – 2017. – № 4(44). – С. 33-36. – Текст: непосредственный.
26. Яковлева, Г. Я. Расследование убийства на танкере "Волгонефть-123" / Г. Я. Яковлева // Следственная практика. – М: Прокуратура СССР. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1987. – Вып.151. – С. 103-107. – Текст: непосредственный.
27. About ICV / – Текст: электронный // International Cruise Victims Association : [сайт]. – URL: <https://cruisevictims.wordpress.com/> (дата обращения: 09.03.2023).
28. Walker J. 23 Year-Old Woman Found Dead After Going Overboard From The Pacific Explorer / Walker J. – Текст: электронный.// Cruise Law : [сайт]. – URL: <https://www.cruiselawnews.com/2022/12/articles/disappearances/overboard-woman-from-pacific-explorer> (дата обращения: 09.03.2023).
29. Walker J. Crew Member from Regal Princess Goes Overboard During Final Repatriation Cruise / Walker J. – Текст: электронный.// Cruise Law : [сайт]. – URL: <https://www.cruiselawnews.com/2020/05/articles/disease/crew-member-from-regal-princess-goes-overboard-during-final-repatriation-cruise/> (дата обращения: 10.03.2023).
30. Wanted by the FBI: Missing Woman Amy Lynn Bradley / – Текст: электронный.// FBI: Federal Bureau of Investigation : [сайт]. – URL: <https://www.fbi.gov/video-repository/wanted-vodcast-amy-bradley-032317.mp4/view> (дата обращения: 09.03.2023).
31. Wanted by the FBI: Missing Woman Amy Lynn Bradley / – Текст: электронный.// FBI: Federal Bureau of Investigation : [сайт]. – URL: <https://www.fbi.gov/video-repository/wanted-vodcast-amy-bradley-032317.mp4/view> (дата обращения: 09.03.2023).

Mikhailov M. A., Missing persons on sea vessels: Criminalistic description of crimes and typical versions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 459-468.

The article raises the issue of vitality of creating the methodological foundations for investigating crimes related to the disappearance of persons on a ship in the open sea. The relevance of their development is determined not so much by the large number of facts of this kind, but by the social danger of crimes and the impunity of criminals, which provokes the repetition of this. Using examples from domestic and foreign practice, the elements of forensic characteristics are revealed: the situation of the crime, the identity of the victim and the offender, a trace picture of what happened. Attention is drawn to the fact that deliberate murders are hidden by staging accidents and suicidal actions, which leads to a high latency of these illegal actions. A classification of such crime situations is proposed. Typical versions of the disappearance of people on ships are presented, from the most common ones such as premeditated murder to rare ones: kidnapping for the purpose of sexual exploitation and escape.

Key words: missing, incidents at sea, exposure of staging, the captain of the ship as an organ of inquiry, murders without a corpse.

Spisok literatury:

1. Avarii i katastrofy sudov rybnoj promyshlennosti Rossii i drugih postsovetskikh stran Sejner trawler SAOR 3 ischez vmeste s shestyu chlenami ehkipazha vo vremya promysla okolo mysa Lukull v 20 milyah ot Sevastopolya Tekst ehlektronnyj Flot rybnoj promyshlennosti socialisticheskikh stran sajt URL http://soviet.trawler.narod.ru/main/ru/list5rus/ru/html/Saor_3 (data obrashcheniya 11 03 2023).
2. Avarii i katastrofy sudov rybnoj promyshlennosti Rossii i drugih postsovetskikh stran Sevastopolskij sejner SHkval zatonul v rezultate vzryva podnyatoj s tralom bomby Tekst ehlektronnyj Flot rybnoj promyshlennosti socialisticheskikh stran sajt URL http://soviet.trawler.narod.ru/main/ru/list5rus/ru/html/Saor_3 (data obrashcheniya 11 03 2023).
3. Anyanova E. S. Mezhdunarodno pravovye osnovy protivodejstviya prestupleniyam sovershaemym v mirovom okeane Anyanova E S Kaliningrad BGARF 2014 315 c. -Tekst:neposredstvennyj.
4. Vorobev A. A. Pravovye osnovy rassledovaniya avarij na more A A Vorobev Okeanskij menedzhment 2022 1 15 S 32 39. -Tekst:neposredstvennyj.
5. Gigievich A. I. Metodika rassledovaniya bezvestnogo ischeznoeniya grazhdan A I Gigievich Minsk Akademiya MVD Respubliki Belarus 2022 203 c. -Tekst:neposredstvennyj.
6. Grineva D. A. Rozysk bez vesti propavshih lic pravovoj operativno rozysknoj i kriminalisticheskij aspekty specialnost 12 00 09 ugovolnyj process kriminalistika i sudebnaya ehkspertiza operativno rozysknaya deyatelnost Dissertaciya na soiskanie kandi(data yuridicheskikh nauk Grineva Darya Alekseevna Kaliningradskij yuridicheskij institut MVD Rossii Kaliningrad 2006. – 200 c. – Tekst:neposredstvennyj.
7. Guculyak V N Ugolovno processualnye polnomochiya kapitana rossijskogo morskogo sudna nacionalnoe i mezhdunarodno pravovoe regulirovanie Guculyak V N Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk 2018 T 13 4 S 190 208. -Tekst:neposredstvennyj.
8. Dikanova T A O rassledovanii avarijnyh sluchaev na morskome transporte T A Dikanova Vestnik Akademii Generalnoj prokuratury Rossijskoj Federacii 2015 2 46 S 84 91. -Tekst:neposredstvennyj.
9. Iz praktiki raboty Anapskogo Linejnogo otdela MVD RF na transporte.
10. Iz praktiki raboty Krymskogo sledstvennogo otdela na transporte GSU SKR RF po Respublike Krym i gorodu Sevastopolyu 2021 g.
11. Kaptelinin E F Tshchatelnyj osmotr mesta proisshestviya obespechil uspeshnoe raskrytie ubijstva E F Kaptelinin Sledstvennaya praktika M Prokuratura SSSR Vsesoyuz in t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti 1987 Vyp 151 S 94 97. -Tekst:neposredstvennyj.
12. Kilessso E G Metodika rassledovaniya ubijstv sopryazhennyh s bezvestnym ischeznoeniem poterpevshego pervonachalnyj ehtap rassledovaniya specialnost 12 00 09 ugovolnyj process kriminalistika i sudebnaya ehkspertiza operativno rozysknaya deyatelnost Avtoreferat na soiskanie kandi(data yuridicheskikh nauk Kilessso Evgenij Georgievich Sankt Peterburgskij yuridicheskij institut Generalnoj prokuratury RF SPb 2004 25 c. -Tekst:neposredstvennyj.
13. Malcev A S Osobennosti rassledovaniya ubijstv svyazannyh s bezvestnym ischeznoeniem grazhdan specialnost 12 00 09 ugovolnyj process kriminalistika operativno rozysknaya deyatelnost Avtoreferat na soiskanie kandi(data yuridicheskikh nauk Malcev Aleksej Sergeevich Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii Rostov na Donu 2012 26 c. -Tekst:neposredstvennyj.
14. Mihajlova L V Ob ispolzovanii v dokazyvanii svedenij poluchennyh ot konfidentov pri raskrytii ubijstv zamaskirovannyh pod bezvestnoe ischeznoenie lica s morskogo sudna Mihajlova L V Tekst ehlektronnyj Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii sajt URL https://xn--blaew-xn.plai/upload/site134/document/text/003_379_142_Vestnik_2019348.pdf (data obrashcheniya 03 03 2023).
15. Moiseev N A Novoselov N G Ukaz soch.
16. Moiseev N A Novoselov N G Harakteristika ubijstv svyazannyh s bezvestnym ischeznoeniem grazhdan na obektah transporta N A Moiseev N G Novoselov Problemy pravoohranitelnoj deyatelnosti 2020 1 S 56 60. -Tekst:neposredstvennyj.
17. Moryakov Island of Luck opravdali i otpustili Tekst ehlektronnyj KORABEL RU sajt URL <https://www.korabel.ru/news/comments/moryakov-island-of-luck-opravdali-i-otpushtili.html> (data obrashcheniya 09 03 2023).
18. Mudyugin G N Rassledovanie ubijstv po delam vobuzhdaemym v svyazi s ischeznoeniem poterpevshego G N Mudyugin M Vsesoyuznyj institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti 1967 133 c.
19. Okunev D Sto kilometrov vplav kak Kurilov bezhal iz SSSR Okunev D Tekst ehlektronnyj Gazeta RU sajt URL https://www.gazeta.ru/science/2019/12/13_a12862448.shtml (data obrashcheniya 10 03 2023).
20. Pupynin S S Osobennosti rozyska lic propavshih bez vesti S S Pupynin Zakon i pravo 2021 4 S 156 158. -Tekst:neposredstvennyj.
21. Raskrytie tyazhkih prestuplenij protiv lichnosti Materialy nauch prakt konf Red kollegiya A I Zhukov otv red i dr Prokuratura SSSR Sledstv upr Vsesoyuz in t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti M CH 1 1972 117 s s 36. -Tekst:neposredstvennyj.

22. Saenko I P Delimbovskij A N Iz opyta rassledovaniya umyshlennogo ubijstva sovershennogo v otkrytom more I P Saenko A N Delimbovskij Sledstvennaya praktika M Prokuratura SSSR Vsesoyuz in t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti 1987 Vyp 151 S 92 93 .-Tekst:neposredstvennyj
23. Saenko I P Delimbovskij A N Ukaz soch S 95.
24. Skaridov A S Prestupleniya na more kak chast mezhdunarodnyh pravonarushenij Akademicheskij zhurnal 2012 10 S 221 238 .-Tekst:neposredstvennyj.
25. Sudenko V E Pravovoe obespechenie antiterroristicheskoy zashchishchennosti moreplavaniya V E Sudenko Voennoe pravo 2017 4 44 S 33 36 .-Tekst:neposredstvennyj.
26. Yakovleva G YA Rassledovanie ubijstva na tankere Volgoneft 123 G YA Yakovleva Sledstvennaya praktika M Prokuratura SSSR Vsesoyuz in t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti 1987 Vyp 151 S 103 107 .-Tekst:neposredstvennyj.
27. About ICV Tekst ehlektronnyj International Cruise Victims Association sajt URL <https://cruisevictims.wordpress.com> (data obrashcheniya 09 03 2023).
28. Walker J 23 Year Old Woman Found Dead After Going Overboard From The Pacific Explorer Walker J Tekst ehlektronnyj Cruise Law sajt URL <https://www.cruiselawnews.com/2022/12/articles/disappearances-overboard-woman-from-pacific-explorer/> (data obrashcheniya 09 03 2023).
29. Walker J Crew Member from Regal Princess Goes Overboard During Final Repatriation Cruise Walker J Tekst ehlektronnyj Cruise Law sajt URL <https://www.cruiselawnews.com/2020/05/articles/disease-crew-member-from-regal-princess-goes-overboard-during-final-repatriation-cruise/> (data obrashcheniya 10 03 2023).
30. Wanted by the FBI Missing Woman Amy Lynn Bradley Tekst ehlektronnyj FBI Federal Bureau of Investigation sajt URL <https://www.fbi.gov/video-repository/wanted-vodcast-amy-bradley-032317-mp4-view> (data obrashcheniya 09 03 2023).

УДК 34.09

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕДОКОЛОВ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе раскрыт процесс причин возникновения и последующее становление деятельности ледоколов в странах Балтийского региона в конце 19 – начале 20 вв. Указано, что первые ледоколы, для обслуживания торговых путей и проводки судов в порты были построены для порта Гамбурга. В последующем данный позитивный пример был использован и в Великом Княжестве Финляндском, где потребность в ледокольных судах также была весьма существенной. С постройкой и вводом в действие первых ледоколов для Финляндии их деятельность регулировалась особой инструкцией для «финляндских казенных пароходов-ледоколов» 1898 г. (27 октября), разработанной финляндским лоцманско-маячным ведомством.

Ключевые слова: ледоколы, Великое княжество Финляндское, инструкция, порт Гамбурга, правовое регулирование.

Одним из важнейших шагов за период 1860 – 1890-х гг., способствовавших существенному улучшению выполнения ведомством возложенных на него основных функций – обеспечение безопасности судоходства и стимулирование его деятельности, стало включение и использование в составе лоцманско-маячного ведомства целого ряда специализированных паровых судов: плавучих маяков, научных (предназначенных для изучения фарватеров и проливов), ледокольных и т.п. Такой шаг нельзя не признать верным и полезным, так как он вполне вписывался как в задачи, так и в логику работы ведомства.

Единичные попытки приобретения и эксплуатации ледоколов со стороны разрозненных лоцманских обществ в Российской империи оказывались экономически провальными [1; 2, с. 66-67], т.к. ни одно общество не могло самостоятельно, т.е. на «свой счет», пусть даже и в кредит, приобрести и использовать ледоколы, основную часть года не эксплуатировавшиеся по назначению, но требующие для своего содержания существенных затрат.

Как и все, ледокольное дело имеет свою историю, а сам процесс стал возможен при сочетании всех необходимых факторов – появления мощных паровых машин, судов с стальным корпусом и, конечно, общественным заказом.

В северных странах было бы практически невозможно держать порты открытыми во время суровых зим, в тоже время, развитие экономики и в первую очередь промышленности, требовали значительного увеличения товаропотока, а главное – обеспечение его максимальной регулярности, вне зависимости от погодных условий. При том, что железные дороги не всегда могли и могут обеспечить выполнение данной задачи в полной мере, именно на водный транспорт ложилась важнейшая часть ответственности за максимальное преодоление данных трудностей.

Все началось суровой зимой 1871 г., когда порт Гамбурга был закрыт на 60 дней из-за льдин, блокирующих Эльбу. Это показало существенную зависимость Германии от морских поставок, особенно в период войны. Не устраивала данная ситуация и торговцев. «Такого могущественный Ганзейский союз не мог стерпеть», – писал

Хенрик Рамсей в 1947 г. в своей книге «В битве со льдами Балтийского моря» [3], которая до сих пор является важным источником по развитию ледокольного дела в Финляндии.

Ледовая блокада на Эльбе привела к строительству «Eisbrecher I» (позже – «Eisfuchs»), судна длиной 40,5 м. и шириной 9,8 м., предназначенного лишь для ледокольных работ. Мощность его парового двигателя составляла 600 л.с.

Вдохновленные успехом немецкого судна «Eisbrecher», в Финляндии были заказаны ледоколы аналогичного типа. Норвежское судно «Mjölner» было поставлено в 1876 г., а г. Гетеборг спустил на воду свой ледокол в 1882 г. (Позже был переименован в «Ледокол 1»). Датчане построили «Starkodder» и «Bryderen» в 1883 и 1884 гг. соответственно.

В последние десятилетия XIX в. пассажирские перевозки между Швецией и Финляндией пытались осуществлять и зимой. Зимний пароход «Экспресс», несмотря на свою прочную конструкцию, не смог справиться с ледовыми условиями Балтийского моря на основном своем маршруте Ханко-Стокгольм. Это послужило причиной заказа первого финского ледокола «Муртая» («разрушитель») в механической мастерской Бергсунда в Стокгольме. Когда «Муртая» была сдана в 1890 г., она стала первым морским ледоколом Балтийского моря, также типа «Эйсбрехер».

Построенный в 1898 г. в Ньюкасле «Samro» был первым судном в Балтийском море с гребным винтом как на корме, так и на носу. Общая мощность носовой и кормовой паровых машин составляла 3000 л.с.

Появление ледокольного флота не могло не сказаться на организации деятельности лоцманско-маячного ведомства ВКФ, которое было обязано использовать данную ситуацию для расширения и собственных возможностей. В этом же 1898 г. (27 октября) была издана особая инструкция для «финляндских казенных пароходо-ледоколов» [4]. Документ предписывал ледоколам и их капитанам: «в Ханко, открыв и, если возможно, вскрыв канал во льду от гавани Хангё к судоходным водам, а также путем оказания помощи, где это было практически возможно, судам при входе и выходе». Для этого следовало использоваться все доступные средства. В изучаемый период термин «все доступные средства» означал использование не только самих ледоколов, но и находящегося на них дополнительного оборудования (кирки, ломы, взрывчатка и т.п.).

Кроме того, ледоколы должны были использоваться, при необходимости, для оказания помощи терпящим бедствие судам (п. 1). Ледокольным судам следовало находиться под наблюдением и управлением совета лоцманов и маячных властей и размещаться в Хельсинки, когда ледовые условия в Ханко не требовали их присутствия (п. 2).

Непосредственными руководителями командиров ледокольных судов объявлялся лоцманский директор. Однако, перед отправкой ледоколов на Ханко директор лоцманской службы должен был получить приказ от торгово-промышленной экспедиции Сената. Ледоколы не могли быть отправлены с обычной станции без получения приказа от упомянутой экспедиции (п. 3).

Главным начальником ледоколов объявлялся капитан ледокольных судов, который назначался Сенатом по ходатайству директора лоцманской службы. Именно он получал от директора по лоцманской проводке все распоряжения по ледоколам, и отвечал за качество деятельности ледоколов. Капитан другого ледокольного судна

должен был подчиняться приказам и указаниям командира, что до работы ледоколов, но при выполнении работы, которую ему приказано выполнить с вверенным ледоколом, а также когда ледоколы находились в разных местах, данный капитан действовал под свою ответственность.

Кроме вышеупомянутого, капитан нес все обязанности и права в отношении службы и экипажа, которые возлагались на каждого капитана или предоставлялись ему, и отвечал, в частности, за поддержание строгой дисциплины среди экипажа и за порядок, безопасность и охрану судна (п. 4).

В случае, когда работа по оказанию помощи не могла быть выполнена только одним из ледоколов, рекомендовалось, чтобы более сильный ледокол оказывал помощь судам в морском льду, а более слабый открывал гавань и ходил в сплошном льду. В более тяжелых ледовых условиях и иных случаях ледоколы должны были работать вместе под командованием старшего офицера (п. 5).

Почтовые и пассажирские пароходы, которые регулярно курсировали в месте работы ледоколов, должны были получать помощь в первую очередь, помимо других судов, не нуждающихся в помощи, и, если несколько пароходов нуждались в помощи одновременно, офицер, отвечающий за ледокол, должен был определить порядок её предоставления.

Затем в обязанности ледоколов входило оказание помощи другим судам, нуждающимся в помощи из-за ледовых условий. Однако, капитан ледокола мог отказать в такой помощи, если он считал, что судно, для которого запрашивается помощь, подвергается опасности либо во время выхода в море, либо после того, как ледокол покинет судно, либо в отношении конструкции, мощности, оборудования или груза; но, если капитан судна впоследствии подтверждал свидетельством местных штурвейеров пассажирских пароходов, что судно могло выйти без опасности для корпуса, в помощи не могло быть отказано (п. 6).

Если судно село на мель или иным образом терпело бедствие, ледоколы должны были оказать всю помощь для спасения судна без какой-либо компенсации, кроме помощи водолазов и использованных материалов (п. 7).

Буксировка неповрежденного судна оплачивалась по тарифу (п. 8).

Если капитан судна, которому должна быть оказана помощь, игнорировал приказ, отданный ледоколом, то капитан ледокола имел право отказать в помощи до выполнения приказа (п. 9). Суда, использующие ледокольный канал без помощи ледокола, должны были соблюдать требования ледокола (п. 10). При этом, правительство Финляндии не несло ответственности за ущерб, причиненный судам во время оказания помощи ледоколами (п. 11).

Во время рейса капитан ледокола должен был отдавать свои приказы судам, оказывающим помощь, с помощью сигналов свистком или сиреной. Капитаны ледоколов должны обеспечить наличие на борту ледокольных судов достаточного количества инструментов и динамита (п. 13); ведение точного учета и, как только это станет возможным, сообщать директору по лоцманской проводке обо всех важных событиях (п. 14).

Когда ледокольные суда базировались в одном месте, командир был обязан обращаться в Управление лоцманской проводки за всеми средствами, для ледокольных судов, вести иную переписку с Управлением, касающуюся ледокольных судов; каждый офицер должен был отчитываться перед Управлением за средства, находя-

щиеся в его распоряжении (п. 15). И, конечно, с учетом внедряемого повсеместно принципа гласности различных местных правил, предусматривалось, что каждый капитан судна, обращающийся за помощью к ледоколам, должен получить экземпляр данных правил, которые должны были быть доступны на шведском, финском, русском, немецком и английском языках (п. 16). Вот только не устанавливалось, что они получали указанные правила под расписку.

В завершение инструкции устанавливались сигналы помощи ледокола, а также предписывалось, что ночью, когда одному или нескольким судам оказывалась помощь, любое судно, находящееся впереди другого и намеревающееся дать задний ход, должно было подавать необходимые сигналы свистком и в то же время размахивать белым фонарем за кормой. Эти сигналы должны были применяться до установления международных сигналов для ледоколов [5], а также при оказании помощи ледоколами [6, s. 9].

В завершение рассмотрения данной инструкции выделим ее основные важнейшие моменты организации управления и принципы. На первом месте стоит создание вертикали управления ими в виде: а) капитан ледокола, б) капитан ледокольных судов (капитан одного из двух ледоколов), в) лоц-директор, г) «совет лоцманов и маячных властей», д) торгово-промышленная экспедиция сената.

Как видим, на первый взгляд, структура, для управления двумя ледоколами, довольно сложная. В чем причина ее именно такой формы? Во-первых, при двух ледоколах, даже не зависимо от разницы между ними в мощности и водоизмещении, но с учетом возможных совместных действий, принятие оперативных решений и ответственность за них, логично было бы возложить на кого-то одного, наиболее опытного и т.п. К тому же, в случае возможного появления еще аналогичных судов, принцип оперативного единоначалия тем более становился более важным.

Во-вторых, подчинение ледоколов именно лоцманско-маячному ведомству, независимо в каком виде, т.е. непосредственно лоц-директору или совету, обусловлено: а) той же необходимостью оперативного управления, б) выполнением части функций ведомства, в) отсутствием на данном этапе государственных портов и должного количества ледоколов, которые можно было бы включить в их штат, г) необходимость обслуживания не только интересов конкретных портов, но и дальних подходов к ним; д) ледоколы вполне вписывались в структуру служебного флота лоцманско-маячного ведомства будучи специализированными судами; е) высшее подчинение Сенату обусловлено: а) общегосударственной важностью выполняемых ими функций, б) государственной же принадлежностью судов.

В-третьих, обязательство предоставления первостепенной помощи пассажирских и почтовых судам являлась устоявшейся мировой практикой.

В-четвертых, установлений условия судоходности судна в ледовых условиях в качестве принципа для принятия решения капитаном ледокола о предоставлении или отказе в помощи диктовалось прагматическими соображениями (безопасности судна, груза, экипажа, пассажиров, а также возможной ответственности капитана ледокола за последствия).

В-пятых, обязанность бесплатного предоставления стандартной помощи судну, терпящему бедствие обусловлено государственным, а не коммерческим характером лоцманско-маячного ведомства.

В-шестых, обязательное выполнение приказов ледокола также продиктовано возможностью возложения ответственности на капитана ледокола за конечный результат действий, хотя пар. 2 п. 11 и снимал с правительства Финляндии ответственность за возможный ущерб судам при оказании ледокольной помощи. Данное, положение было также вызвано невозможностью предусмотреть развитие ледовой обстановки, состояние получающего помощь судна, поведение его экипажа и т.п.

Список литературы:

1. Змерзлый Б. В. Ледоколы в начале XX в. в Черном и Азовском морях «Правові реформи в Україні: реалії сьогодення»: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, (м. Харків, 23-24 травня 2014 року). – Харків ГО «Асоціація аспірантів-юристів», 2014.
2. Никитина А. П. Правовое регулирование деятельности лоцманов в конце XVIII – первой половине XX вв. – М., 2021. – С. 66-67.
3. Henrik Ramsay. I kamp med Östersjöns isar : en bok om Finlands vintersjöfart. Helsingfors : Schildt, 1947. – 415 s.
4. Устав для лоцманского и маячного ведомства и Высочайшее постановление о лоцманском и маячном учреждении в Финляндии 9 Мая 1870 года (С. П. Ф. №17 с. 1 и 49). С изменениями и дополнениями позднейших узаконений и алфавитным указателем. С.-Петербург: Государственная типография, 1913. – С. 145.
5. 23.6. Международные сигналы, употребляемые для связи между ледоколом и проводимыми судами (утверждены ИМ КО и введены в действие с 1 января 1966 г.). – URL: 23.6. Международные сигналы, употребляемые для связи между ледоколом и проводимыми судами (утверждены ИМ КО и введены в действие с 1 января 1966 г.) (flot.com)
6. 1898. Storfurstendömet. Finlands förättnings-samling. N:o 46, 1 1/4 ark, utgifvet i Helsingfors, den 21 December 1898. S. 9.

Zmerzly B.V. Legal regulation of icebreakers in the Grand Duchy of Finland // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 469-473.

The paper reveals the process of the causes of the emergence and subsequent development of the activity of icebreakers in the countries of the Baltic region in the late 19th - early 20th centuries. It is indicated that the first icebreakers for servicing trade routes and escorting ships to ports were built for the port of Hamburg. Subsequently, this positive example was also used in the Grand Duchy of Finland, where the need for ice-breaking ships was also very significant. With the construction and commissioning of the first icebreakers for Finland, their activities were regulated by special instructions for the “Finnish state-owned icebreaker steamers” of 1898 (October 27), developed by the Finnish pilot and lighthouse department.

Key words: icebreakers, the Grand Duchy of Finland, instructions, the port of Hamburg, legal regulation.

Spisok literatury:

1. Zmerzly B. V. Ledokoly v nachale HKH v. v Chernom i Azovskom moryah «Pravovi reformi v Ukraini: realii s'ogodennya»: materialy mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferencii, (m. Harkiv, 23-24 travnya 2014 roku). – Harkiv GO «Asociaciya aspirantiv-yuristiv», 2014.
2. Nikitina A. P. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti locmanov v konce XVIII – pervoj polovine HKH vv. – M., 2021. – S. 66-67.
3. Henrik Ramsay. I kamp med Östersjöns isar : en bok om Finlands vintersjöfart. Helsingfors : Schildt, 1947. – 415 s.
4. Ustav dlya locmanskogo i mayachnogo vedomstva i Vysochajshee postanovlenie o locmanskom i mayachnom uchrezhdenii v Finlyandii 9 Maya 1870 goda (S. P. F. №17 s. 1 i 49). S izmeneniyami i dopolneniyami pozdnejshih uzakonenij i alfavitnym ukazatelem. S.-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1913. – S. 145.
5. 23.6. Mezhdunarodnye signaly, upotrebyaemye dlya svyazi mezhdru ledokolom i provodimymi sudami (utverzhdeny IM KO i vvedeny v dejstvie s 1 yanvarya 1966 g.). – URL: 23.6. Mezhdunarodnye signaly, upotrebyaemye dlya svyazi mezhdru ledokolom i provodimymi sudami (utverzhdeny IM KO i vvedeny v dejstvie s 1 yanvarya 1966 g.) (flot.com)
6. 1898. Storfurstendömet. Finlands förättnings-samling. N:o 46, 1 1/4 ark, utgifvet i Helsingfors, den 21 December 1898. S. 9.

УДК 347.9
342.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УТРАЧЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Шкляр Т. А.

Верховный Суд Республики Крым, г. Симферополь

В настоящей статье рассматриваются вопросы процессуального характера, связанные с восстановлением утраченного судебного производства по административным делам, а также особенности рассмотрения данной категории дел и применения такого процессуального механизма в судах. Изучается проблема применения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации относительно применения к административным делам. Акцентируется внимание на том, что процедура восстановления утраченного производства содержит моменты, которые предполагают дополнительное исследование и совершенствование, вызывают вопросы при ее реализации в судах, в связи с чем, выражаем надежду, что предлагаемое нами понимание может послужить для целей дальнейшего развития данного процессуального института, повышения гарантий защиты прав граждан, особенно по административным делам, учитывая особенности, лежащие в основе административной процессуальной формы.

Ключевые слова: административное судопроизводство, восстановление утраченного судебного производства, прекращение производства по административному делу.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) не содержит главу касательно процедуры восстановления утраченного судебного производства. Значит ли это, что данная процедура неприменима по административным делам?

Наше твердое мнение, что как не зависит восстановление утраченного судебного производства от причин его утраты, так не должна ставиться в зависимость от вида судопроизводства возможность восстановления утраченного производства.

В настоящее время суды, оперируя процессуальными возможностями КАС РФ и применяя аналогию закона, руководствуются при разрешении споров о восстановлении утраченного судебного производства по административным делам нормами главы 38 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [1-3].

Тем не менее, попробуем в рамках настоящего исследования вывить особенности, характерные именно для административных дел.

В 2015 г. суды Республики столкнулись с достаточно частыми ситуациями, касающимися восстановления утраченного производства, поскольку те дела, которые были направлены в вышестоящие инстанции за пределами Крыма, к моменту воссоединения на территорию Республики возвращены не были.

В связи с этим, как до вступления в силу КАС РФ, так и после сентября 2015 г., в суды Республики обращались граждане с заявлениями о восстановлении утраченного производства, соответственно возникал большой круг вопросов, связанных с таким рассмотрением.

Первый вопрос, с которым столкнулись суды – вопрос родовой и территориальной подсудности, поскольку суды, которые существовали до 2014 г., прекратили свою деятельность.

Так, до создания на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя судов Российской Федерации правосудие от имени Российской Федерации на указанных территориях осуществляли суды, действующие на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов [4].

24 июня 2014 г. вступил в силу федеральный закон [5], которым были созданы на территории Республики Крым Верховный Суд Республики Крым, районные и городские суды, а также определена их юрисдикция.

Решение о дне начала деятельности созданных судов было принято Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [6], означенным днем отныне является 26 декабря 2014 г.

В части родовой подсудности подход о том, что дело должно рассматриваться судом того же уровня, который разрешил дело, производство по которому утрачено, по существу, сомнений не вызывало.

Заметим, что в настоящее время это справедливо и для восстановления утраченного производства, рассмотренного мировыми судьями.

Относительно территориальной подсудности вопрос не рассматривался так однозначно, поскольку суды, которые разрешали споры, были ликвидированы.

Безусловно, дело о восстановлении утраченного судебного производства подсудно не любому суду соответствующего уровня, а именно тому, который принял итоговое решение или вынес определение о прекращении производства по административному делу (ст. 314 ГПК РФ).

В этой ситуации суды, во-первых, ориентировались на процессуальное правило о подсудности по связи дел, то есть территориально такое дело должен рассматривать тот суд, который принял итоговый судебный акт, во-вторых, исходили из того, к компетенции какого суда относится на момент рассмотрения заявления о восстановлении аналогичное дело, поскольку и архивы судов, прекративших свою деятельность, были переданы по сходному принципу.

Например, дела и жалобы, принятые к производству общими судами, действующими на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, и не рассмотренные на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, передавались для рассмотрения в созданные федеральные суды общей юрисдикции с учетом их территориальной юрисдикции, определенной федеральным законом о создании этих судов [7].

А административные дела, принятые к производству и не рассмотренные административным судом первой инстанции, который действовал на территории Республики Крым, передавались как судам общей юрисдикции, так и арбитражному суду, поскольку к юрисдикции ранее действовавшего административного суда на территории Республики Крым относились как дела, подлежащие разрешению в соответствии с нормами ГПК РФ, КАС РФ, так и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Причем, стоит заметить, что имели место случаи, когда дело было рассмотрено в соответствии с процессуальными требованиями административного судопроизводства, действовавшего до марта 2014 года на территории Крыма, а восстанавливалось

утраченное производство до вступления в силу КАС РФ согласно нормам ГПК РФ [8].

В том или ином ключе процедура восстановления утраченного производства попадала в поле зрения ученых. Представляет интерес сравнительный анализ утраченного судебного производства и утраченных исполнительных документов [9], исторический анализ трансформации подходов к восстановлению утраченного производства [10], исследование особенностей взыскания судебных расходов, связанных с возбуждением дела по заявлению о восстановлении утраченного производства [11], яркие дискуссии касательно обоснованности отнесения данной категории дел к особому производству в гражданском процессе [12, с. 191-216; 13, с. 46-50], практический взгляд на процессуальную деятельность суда в таком производстве [14, с. 11].

С учетом изучения данных мнений сфокусируемся на процессуальных особенностях восстановления утраченного судебного производства, характерных для административных дел, опираясь на судебные акты.

Поскольку в научных кругах под судебным производством понимается совокупность процессуальных или иных документов, образующих материалы конкретного дела, под утратой судебного производства - отсутствие сведений о возбуждении, движении и окончании производства в суде по конкретному делу в результате полного или частичного исчезновения материалов дела в силу объективных или субъективных причин [15, с. 573-574], соответственно документами судебного производства именуется судебные приказы, решения суда, определения суда, протоколы, суды восприняли данный подход и при рассмотрении данной категории дел принимались решения о восстановлении протокола судебного заседания [16], и решения [17-29], и определения [30].

Это самый яркий сущностный вопрос, который возникает при рассмотрении подобных дел, поскольку заявители зачастую предполагают, что восстановлены будут все материалы административного дела, включая доказательства, пояснения, иные содержавшиеся в материалах дела документы.

Встречались в практике случаи восстановления утраченного производства в части искового заявления, письменных пояснений представителя истца [31].

Вместе с тем, полагаем, в данном вопросе определяющей является правовая позиция, высказанная Конституционным Судом Российской Федерации о том, что в процедуре восстановления утраченного судебного производства процессуальный закон не предусматривает возможности восстановления иных, нежели судебный акт, материалов дела ввиду того, что именно решение или определение суда о прекращении производства подлежат восстановлению как судебные акты, которые устанавливают правоотношения сторон, содержат указание на обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда, доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства, и результаты оценки этих доказательств, являются обязательными для всех и служат основанием для принудительного исполнения [32-33].

Такую позицию активно в настоящее время поддерживают суды как при рассмотрении вопросов восстановления утраченного производства по гражданским, так и по административным делам [34-47].

В целом, установленные требования к содержанию и форме подаваемого заявления не вызвали вопросов у судей, а также затруднений у граждан, которые обращались в суд, в том числе по административным делам. Такие требования абсолютно справедливо обусловлены спецификой рассматриваемой категории дел и направлены на максимально эффективное их разрешение.

Остановимся особо на позиции законодателя, содержащейся в ГПК РФ, об обязательном указании в заявлении цели восстановления утраченного производства, и каким образом это требование применимо для административных дел.

Пожалуй, с некоторой долей условности такое требование позволяет идентифицировать процессуально-правовую сторону права на подачу заявления, квалифицировать, имеется ли у заявителя право на предъявление такого заявления, в отличие от права на его удовлетворение.

Думается, поэтому процессуальным последствием отсутствия связи между указанной заявителем целью восстановления утраченного производства и защитой его прав и законных интересов является отказ в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства (ст. 315 ГПК РФ).

В то же время, в случае, если обстоятельства относительно отсутствия связи между целью заявителя, высказанной им для восстановления утраченного производства, и защитой его охраняемых законом прав и интересов будут выяснены в ходе судебного разбирательства, суд должен оставить заявление без рассмотрения (ч. 2 ст. 315 ГПК РФ).

Однако, очевидно, что правовые последствия отказа в возбуждении дела, отказа в принятии заявления и оставления заявления без рассмотрения категорически различны.

Надо отметить, что КАС РФ не содержит такого процессуального института как отказ в возбуждении дела, поэтому получается, что для административных дел при данных обстоятельствах применима исключительно процедура отказа в принятии заявления.

С учетом изложенного, хотелось бы высказать солидарность с мнением о том, что в данном вопросе имеет место некоторая непоследовательность [48, с. 573-574], процессуальная неурегулированность, поскольку процессуально-правовые последствия при наличии идентичного основания различаются в зависимости от стадии судебного разбирательства, в то время как, должны иметь место симметричные процессуально-правовые последствия.

Поэтому, на наш взгляд, отсутствует и единообразие в правоприменительной практике в случае, если цель, высказанная подателем заявления для восстановления утраченного судебного производства, не связана с защитой его прав. Суды при аналогичных обстоятельствах отказывают в принятии заявления о восстановлении утраченного производства [49], отказывают в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства [50; 51], оставляют заявление о восстановлении утраченного производства без рассмотрения [52], прекращают производство по делу о восстановлении утраченного судебного производства по делу [53], а также принимают решение об отказе в восстановлении утраченного судебного производства [54].

Более последовательной, надо полагать, была позиция, содержащаяся в проекте КАС РФ, согласно которой в таких случаях прекращается производство по делу [55]. Помимо того, оснований отказа в принятии при поступлении заявления к производству суда проект не содержал, что делало бы возможным принятие такого решения только после детального разбирательства, потенциально исключало бы постановление подобного судебного акта на стадии принятия заявления.

Определенная специфика присутствует в вопросе доказывания по данной категории административных дел. При их рассмотрении суд не применяет нормы материального права, поскольку целью разбирательства является установление наличия или отсутствия итогового судебного акта, его содержания, для чего необходимым инструментарием выступает процессуальный закон. Такая направленность данной процедуры предопределяет и требования, предъявляемые к доказательствам, которыми могут быть документы, которые имели место в период рассмотрения спора, так и возникшие позже. Причем, в отличие от общих правил, предъявляемых к доказательствам, допустимо предоставление не только оригиналов, но также незаверенных в установленном порядке копий. В остальной части сохраняется общий подход по доказыванию по административным делам, включая широкую компетенцию суда по истребованию относимых доказательств.

Высказывалось мнение о необходимости законодательного регулирования пределов достаточности доказательств, материалов и информации, позволяющих восстановить утраченное производство [56, с. 59-62], что, с нашей точки зрения, довольно инновационно, но не в полной мере соответствует общим подходам, предъявляемым к качественным характеристикам доказательств об их относимости и допустимости, которые надлежащим образом ограничивают сферу доказательств, используемых при разрешении административных дел.

Круг лиц, имеющих право обратиться с заявлением, ограничен такими процессуальными фигурами, как лица, участвующие в деле.

Уникальность применения данной процессуальной нормы при восстановлении утраченного судебного производства по административным делам для судов Крыма состояла в следующем.

В связи с тем, что в Крыму прекратили свою деятельность органы власти, действовавшие до марта 2014 г., были созданы новые органы исполнительной власти и местного самоуправления, при рассмотрении заявлений о восстановлении утраченного судебного производства обоснованно возникал вопрос относительно правомочий обращаться с рассматриваемыми заявлениями ныне действующих органов власти.

Учитывая функции, возложенные на вновь образованные органы власти, суды допускали к рассмотрению заявления в той части, в которой к ним перешли функции и полномочия ранее действовавших субъектов публичных правоотношений.

В отношении лиц, не наделенных публичными полномочиями, убеждены, что проблема должна решаться также положительно в случае, если лицо доказывает факт правопреемства и наличие связи между восстановлением утраченного производства и защитой его прав и охраняемых законом интересов, поскольку правопреемство допустимо на любой стадии процесса.

Наличие этих и иных особенностей, на которых мы отдельно не останавливаемся, позволяют, с одной стороны, высказать суждение, что указанная группа админи-

стративных дел обладает присущей именно ей спецификой, с другой стороны, что к таким делам применимы общие нормы, установленные КАС РФ.

В качестве вывода хотелось бы акцентировать внимание на том, что процедура восстановления утраченного производства содержит моменты, которые предполагают дополнительное исследование и совершенствование, вызывают вопросы при ее реализации в судах, в связи с чем, выражаем надежду, что предлагаемое нами понимание может послужить для целей дальнейшего развития данного процессуального института, повышения гарантий защиты прав граждан, особенно по административным делам, учитывая особенности, лежащие в основе административной процессуальной формы.

Список литературы:

1. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. по делу № 88а-8170/2021;
2. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2020 г. по делу № 88А-3521/2020;
3. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2020 г. по делу № 88А-3520/2020; Апелляционное определение Саратовского областного суда от 13 января 2022 г. по делу № 33а-224/2022 (2а-1028/2021) // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
4. См.: часть 5 статьи 9 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.
5. См.: Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 154-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3360.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2014 г. № 21 «О дне начала деятельности федеральных судов на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 2.
7. См.: статья 3 Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 154-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3360.
8. См.: Решение Ялтинского городского суда Республики Крым от 2 июня 2015 г. по делу №2674/2015 // Текст решения доступен на сайте суда.
9. Амосов С.М., Гнатко Е.А., Мариненко О.И. Восстановление утраченного судебного производства и утраченных исполнительных документов // Российский судья. 2019. № 6. С. 8–12.
10. Давидян Ю.С. Правовая природа дел о восстановлении утраченного судебного производства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 191–216.
11. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.
12. Давидян Ю.С. Правовая природа дел о восстановлении утраченного судебного производства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 191 - 216.
13. Афанасьев С.Ф. Восстановить нельзя отказать: запятую для заинтересованных лиц разные суды расставляют по-разному // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 1. С. 46 - 50.
14. Бычков А. Восстановить утраченное судебное дело // ЭЖ-Юрист. 2015. N 44. С. 11.
15. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть // М.: Норма, 2007. С. 573-574.
16. Апелляционное определение Московского областного суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 33-10133/2019 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
17. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2023 г. по делу № 88-59/2023
18. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2021 г. по делу №88-120/2021
19. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2022 г. по делу № 88-5423/2022

20. Решение Раменского городского суда Московской области от 26 августа 2021 г. по делу №2-4610/21
21. Апелляционное определение Московского областного суда от 10 ноября 2021 г. по делу №33-32743/2021
22. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2022 г. по делу №88-12697/2022
23. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2020 г. №88-2566/2020
24. Решение Ленинского районного суда города Новосибирска от 9 июля 2019 г. по делу № 2-4288/2019
25. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2020 г. № 88А-3521/2020
26. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. № 88а-8170/2021
27. Апелляционное определение СК по гражданским делам Севастопольского городского суда от 23 ноября 2015 г. по делу №33-2693/2015
28. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Крым от 11 июля 2018 г. №44Г-97/2018
29. Определение Верховного Суда Республики Крым от 26 декабря 2017 г. №4Г-3755/2017; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 20 июня 2017 г. по делу №33-4658/2017 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
30. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 20 июня 2017 г. по делу №33-4658/2017 // Архив суда. 2017.
31. Решение Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым от 15 июля 2015 г. по делу № 123/6426/13-п // Текст решения доступен на сайте суда.
32. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2013-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Савчука Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 317, 377, 379.1, 380.1 и 383 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»
33. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 N 2449-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Посохова Сергея Витальевича и Труфанова Ивана Эдуардовича на нарушение их конституционных прав статьёй 318 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
34. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2023 г. по делу № 88-59/2023
35. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2021 г. по делу №88-120/2021
36. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2022 г. по делу № 88-5423/2022
37. Решение Раменского городского суда Московской области от 26 августа 2021 г. по делу №2-4610/21
38. Апелляционное определение Московского областного суда от 10 ноября 2021 г. по делу №33-32743/2021
39. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2022 г. по делу №88-12697/2022
40. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2020 г. №88-2566/2020
41. Решение Ленинского районного суда города Новосибирска от 9 июля 2019 г. по делу № 2-4288/2019
42. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2020 г. № 88А-3521/2020
43. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. № 88а-8170/2021
44. Апелляционное определение СК по гражданским делам Севастопольского городского суда от 23 ноября 2015 г. по делу №33-2693/2015
45. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Крым от 11 июля 2018 г. №44Г-97/2018
46. Определение Верховного Суда Республики Крым от 26 декабря 2017 г. №4Г-3755/2017
47. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 20 июня 2017 г. по делу №33-4658/2017 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
48. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 3-е изд., перераб. и доп./под общ. ред. В.И. Нечаева // М.: Норма, 2008. С. 573-574.
49. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2022 г. по делу № 45-КГ22-2-К7 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

50. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2022 г. по делу № 88-5573/2022.
51. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 ноября 2022 г. № 88-26115/2022 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
52. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2012 г. по делу № 56-811-18 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
53. Апелляционное определение Московского городского суда от 29 марта 2022 г. № 33-2843/2022 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
54. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2012 г. по делу № 56-811-18; Апелляционное определение Севастопольского городского суда от 6 апреля 2015 г. по делу № 33-567/2015 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
55. Проект N 381232-4 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
56. Мамкиева Ю.Х. Дискреционные полномочия суда при рассмотрении дел о восстановлении утраченного судебного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. N 1. С. 29–32.

Shklyar T. A. Procedural features of recovery of lost administrative proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 474-483.

This article discusses procedural issues related to the restoration of lost judicial proceedings in administrative cases, as well as the features of the consideration of this category of cases and the application of such a procedural mechanism in courts. The problem of application of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation regarding its application to administrative cases is being studied. Attention is focused on the fact that the procedure for restoring lost proceedings contains points that require additional research and improvement, raise questions when it is implemented in courts, and therefore, we express the hope that the understanding we offer can serve for the purposes of further development of this procedural institution, increasing guarantees for the protection of the rights of citizens, especially in administrative cases, taking into account the features underlying the administrative procedural form.

Key words: administrative proceedings, restoration of lost judicial proceedings, termination of proceedings in an administrative case.

Spisok literatury:

1. Kassacionnoe opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 11 noyabrya 2021 g. po delu № 88a-8170/2021;
2. Kassacionnoe opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 26 fevralya 2020 g. po delu № 88A-3521/2020;
3. Kassacionnoe opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 26 fevralya 2020 g. po delu № 88A-3520/2020; Apellyacionnoe opredelenie Saratovskogo oblastnogo suda ot 13 yanvarya 2022 g. po delu № 33a-224/2022 (2a-1028/2021) // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
4. Sm.: chast' 5 stat' 9 Federal'nogo konstitucionnogo zakona ot 21 marta 2014 g. № 6-FKZ «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov - Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // SZ RF. 2014. № 12. St. 1201.
5. Sm.: Federal'nyj zakon ot 23 iyunya 2014 g. № 154-FZ «O sozdanii sudov Rossijskoj Federacii na territoriyah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2014. № 26 (chast' I). St. 3360.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 dekabrya 2014 g. № 21 «O dne nachala deyatelnosti federal'nyh sudov na territoriyah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // Byulleten' VS RF. 2015. № 2.
7. Sm.: stat'ya 3 Federal'nogo zakona ot 23 iyunya 2014 g. № 154-FZ «O sozdanii sudov Rossijskoj Federacii na territoriyah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2014. № 26 (chast' I). St. 3360.
8. Sm.: Reshenie YAltinskogo gorodskogo suda Respubliki Krym ot 2 iyunya 2015 g. po delu №2674/2015 // Tekst resheniya dostupen na sajte suda.
9. Amosov S.M., Gnatko E.A., Marinenko O.I. Vosstanovlenie utrachennogo sudebnogo proizvodstva i utrachennyh ispolnitel'nyh dokumentov // Rossijskij sud'ya. 2019. № 6. S. 8–12.
10. Davidyan YU.S. Pravovaya priroda del o vosstanovlenii utrachennogo sudebnogo proizvodstva v grazhdanskom i arbitrazhnom processah // Vestnik grazhdanskogo processa. 2013. № 3. S. 191–216.
11. Kurs dokazatel'stvennogo prava: Grazhdanskij process. Arbitrazhnyj process. Administrativnoe sudoproizvodstvo / S.F. Afanas'ev, O.V. Baulin, I.N. Luk'yanova i dr.; pod red. M.A. Fokinoj. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2019. 656 s.
12. Davidyan YU.S. Pravovaya priroda del o vosstanovlenii utrachennogo sudebnogo proizvodstva v grazhdanskom i arbitrazhnom processah // Vestnik grazhdanskogo processa. 2013. № 3. S. 191 - 216.

13. Afanas'ev S.F. Vosstanovit' nel'zya otkazat': zapyatuyu dlya zainteresovannykh lic raznye sudy rassstavlyayut po-raznomu // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2017. N 1. S. 46 - 50.
14. Bychkov A. Vosstanovit' utrachennoe sudebnoe delo // EZH-YUrist. 2015. N 44. S. 11.
15. Osokina G.L. Grazhdanskij process. Osobennaya chast' // M.: Norma, 2007. S. 573-574.
16. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 10 aprelya 2019 g. po delu № 33-10133/2019 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
17. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 8 fevralya 2023 g. po delu № 88-59/2023
18. Opredelenie SHestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14 yanvarya 2021 g. po delu №88-120/2021
19. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17 marta 2022 g. po delu № 88-5423/2022
20. Reshenie Ramenskogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti ot 26 avgusta 2021 g. po delu №2-4610/21
21. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 10 noyabrya 2021 g. po delu №33-32743/2021
22. Opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 13 iyulya 2022 g. po delu №88-12697/2022
23. Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15 aprelya 2020 g. №88-2566/2020
24. Reshenie Leninskogo rajonnogo suda goroda Novosibirska ot 9 iyulya 2019 g. po delu № 2-4288/2019
25. Kassacionnoe opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 26 fevralya 2020 g. № 88A-3521/2020
26. Kassacionnoe opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 11 noyabrya 2021 g. № 88a-8170/2021
27. Apellyacionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Sevastopol'skogo gorodskogo suda ot 23 noyabrya 2015 g. po delu №33-2693/2015
28. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 11 iyulya 2018 g. №44G-97/2018
29. Opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 26 dekabrya 2017 g. №4G-3755/2017; Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 20 iyunya 2017 g. po delu №33-4658/2017 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
30. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 20 iyunya 2017 g. po delu №33-4658/2017 // Arhiv suda. 2017.
31. Reshenie Kievskogo rajonnogo suda g. Simferopolya Respubliki Krym ot 15 iyulya 2015 g. po delu № 123/6426/13-c // Tekst resheniya dostupen na sajte suda.
32. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 sentyabrya 2017 g. № 2013-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Savchuka Vladimira Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionnykh prav polozheniyami statej 317, 377, 379.1, 380.1 i 383 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii»
33. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.09.2018 N 2449-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Posohova Sergeya Vital'evicha i Trufanova Ivana Eduardovicha na narushenie ih konstitucionnykh prav statej 318 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
34. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 8 fevralya 2023 g. po delu № 88-59/2023
35. Opredelenie SHestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14 yanvarya 2021 g. po delu №88-120/2021
36. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17 marta 2022 g. po delu № 88-5423/2022
37. Reshenie Ramenskogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti ot 26 avgusta 2021 g. po delu №2-4610/21
38. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 10 noyabrya 2021 g. po delu №33-32743/2021
39. Opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 13 iyulya 2022 g. po delu №88-12697/2022
40. Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15 aprelya 2020 g. №88-2566/2020
41. Reshenie Leninskogo rajonnogo suda goroda Novosibirska ot 9 iyulya 2019 g. po delu № 2-4288/2019
42. Kassacionnoe opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 26 fevralya 2020 g. № 88A-3521/2020
43. Kassacionnoe opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 11 noyabrya 2021 g. № 88a-8170/2021
44. Apellyacionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Sevastopol'skogo gorodskogo suda ot 23 noyabrya 2015 g. po delu №33-2693/2015
45. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 11 iyulya 2018 g. №44G-97/2018
46. Opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 26 dekabrya 2017 g. №4G-3755/2017

47. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 20 iyunya 2017 g. po delu №33-4658/2017 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
48. Kommentarij k Grazhdanskomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). - 3-e izd., pererab. i dop./pod obshch. red. V.I. Nechaeva // M.: Norma, 2008. S. 573-574.
49. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30 marta 2022 g. po delu № 45-KG22-2-K7 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
50. Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17 marta 2022 g. po delu № 88-5573/2022.
51. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 24 noyabrya 2022 g. № 88-26115/2022 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
52. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 fevralya 2012 g. po delu № 56-811-18 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
53. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 29 marta 2022 g. № 33-2843/2022 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
54. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 fevralya 2012 g. po delu № 56-811-18; Apellyacionnoe opredelenie Sevastopol'skogo gorodskogo suda ot 6 aprelya 2015 g. po delu № 33-567/2015 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
55. Proekt N 381232-4 «Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii» // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
56. Mamkieva YU.H. Diskreionnye polnomochiya suda pri rassmotrenii del o vosstanovlenii utrachennogo sudebnogo proizvodstva // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2023. N 1. S. 29–32.

УДК 342.92

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА»

Коноплев В. В.

*Юридический факультет Таврической Академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*

Осуществление различных административных процедур является одной из функций современного государства. В настоящее время в Российской Федерации законодательство в сфере осуществления различных административных процедур находится в состоянии внесения постоянных «лоскутных изменений», что обусловлено, прежде всего, комплексностью общественных отношений. Важную роль в развитии теории административных процедур занимают научные исследования данного вопроса. В данной научной статье проведен теоретический анализ научных подходов относительно определения понятия «административная процедура». Установлено, что для административной процедуры является характерным: 1) совокупность средств и методов осуществления административно-властных полномочий; 2) официально установленный порядок реализации закрепленных в законодательстве правил и норм; 3) деятельность государственных органов по решению индивидуальных административных дел, результатом которой является принятие административного акта или заключение административного договора.

Ключевые слова: административная процедура, деятельность, законность, обеспечение, законодательство.

В условиях проведения реформирования органов государственной власти происходит «обновление» административного права. Современная концепция данной области права базируется, прежде всего, на интересах личности, определении взаимодействия между личностью и государством. Отметим, что деятельность органов государственной власти по осуществлению определенных направлений деятельности основывается на материальных нормах. Однако общеизвестно, что любая материальная норма требует четкой процедуры ее реализации.

Процедура и административная процедура являются одними из тех правовых явлений, при определении сущности которых возникают некоторые методологические сложности, которые связаны с необходимостью решения концептуальных вопросов, касающихся ее онтологических и гносеологических характеристик.

Понятие и содержание административных процедур неоднократно становились предметом научных исследований. Вместе с тем, единой теории по определению правовой природы административных процедур, их места в современных научных исследованиях не выработано. Отсутствие единого подхода к определению данной правовой категории, как в научных исследованиях, так и в нормативных правовых актах приводит к трудностям в правоприменении. Такая ситуация и обуславливает необходимость исследования данного вопроса.

Понятие «процедура» многогранно по своему содержанию и может употребляться в различных значениях и контекстах. Об этом свидетельствует значительное количество научных исследований в социологии, юриспруденции, политологии и т.д. Однако считается, что сама процедура приобретает определенную специфику в зависимости от сферы, в которой она применяется [1, с. 112].

Исследуя развитие научных взглядов относительно понятия «процедура», следует согласиться с мнением В.М. Протасова, который указывает, что процедура является наиболее давним регулятором, обеспечивающим реализацию почти всех социальных норм. Кроме того, процедура как общественное явление представляет собой систему, которая:

- ориентирована на достижение конкретного социального результата;
- состоит из определенных действий, последовательно сменяющих друг друга;
- иерархически построена;
- постоянно находится в определенной динамике;
- носит служебный характер, то есть выступает средством реализации основных для нее общественных отношений [2, с. 6–7]. Безусловно, указанная характеристика имеет существенное теоретическое значение, однако отдельные ее положения спорны, например, относительно динамических свойств процедуры.

Отметим, что проблематика определения понятия и сущности термина «процедура» представляет большой интерес не только для ученых юристов, но и для политологов (понятие «процедура» в политологии исследуется в рамках анализа понятий «политический режим» и «политические процедуры»).

В отечественной юридической науке понятие «процедура» получило достаточно широкий круг применения. Тот факт, что процедура «удачно подходит» для регулирования отношений, в которых необходима формальная определенность, устанавливает ее важное место в механизме правового регулирования. Оказавшись в этой «специфической среде», процедура приобретает такие специфические свойства, как урегулированность нормами права, структурированность правовыми отношениями, направленность на правовой результат и т.д. Появление указанных новых признаков, точнее говоря, видоизменение уже существующих под влиянием особой среды является основанием для появления правовой процедуры, в частности административной [3, с. 14].

В зависимости от вида правовых отношений, определяется и содержание процедуры. Данная специфика зависит от цели процедуры и конкретной отрасли права (например, процедуры возбуждения уголовного дела в рамках уголовно-процессуального права, процедура возбуждения дела об административном правонарушении регулируется административно-правовыми нормами). При этом необходимо учитывать, что принципиальные отличия в содержании процедур, применяемых в различных отраслях права, не ограничиваются исключительно терминологическим содержанием, когда сущность процедуры, кроме ее названия и названия отдельных элементов, полностью копируют процедуру другой отрасли. Появление в определенной сфере регулирования собственной процедурной формы реализации правовых отношений может быть определено реальной потребностью, что обусловлено недостаточностью процедурных механизмов других отраслей, а не исключительно «желанием дополнительно обособиться».

Следовательно, для выделения процедуры в определенной отрасли необходимо установление наличия специфики в общественных отношениях, реализация которых обеспечивается процедурой [3, с. 15–17].

Продолжая исследование понятия «процедура», следует отметить, что с этимологической точки зрения данное понятие происходит от французского – «procedure» или от лат. «procedere» – продвигаться [4, с. 566].

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова раскрывает понятие «процедура» как официальный порядок действий, исполнения, обсуждения чего-либо [5, с. 558].

В Большом толковом словаре русского языка понятие «процедура» определяется как официально установленный или принятый порядок осуществления, выполнения или оформления чего-либо, ряд каких-либо действий, ход выполнения чего-либо [6, с. 663].

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля определяет процедуру как всякое длительное, последовательное дело, порядок, обряд [7, с. 526].

В Большом юридическом словаре процедура определена как установленный порядок ведения, рассмотрения любых дел [8, с. 566].

На основании анализа указанных подходов можно сделать вывод о том, что процедура – это официально установленный порядок осуществления определенной деятельности уполномоченных государственных органов (должностных лиц).

Правовая, а в частности административная процедура, как сложное юридическое явление пронизывают все стороны жизни государства и общества: политическую, правовую, социальную, экономическую. Для того чтобы осуществлять регулятивное воздействие на указанные группы отношений, государство устанавливает определенный порядок реализации закрепленных правил и норм. Как отмечалось выше, понятие «процедура» означает порядок. Вместе с тем, под порядком следует понимать правила, нормы общественного устройства, образ жизни, поведения и т.д.; способ, метод осуществления чего-либо [6, с. 929]. Однако с этимологической точки зрения понятие «порядок» соответствует содержанию понятия «режим», под которым следует понимать установленный порядок чего-либо.

В случае регулирования этого порядка нормами права, такой режим является правовым. В научной литературе понятие «правовой режим» определен как нормативно установленные правила относительно определенного предмета правовых отношений или конкретной ситуации, регулирующие определенную деятельность различных субъектов общественных отношений по поводу данного предмета (объекта или ситуации) [9, с. 812].

Известные ученые Д. М. Бахрах и С.Д. Хазанов считают, что правовой режим представляет собой официально установленный особый порядок правового регулирования специфических общественных отношений, направленный на обеспечение их функционирования, содержание которого представляет собой совокупность юридических, организационных мер и определенных процедур [10, с. 142].

В.Б. Рушайло в монографии «Административно-правовые режимы» отмечает, что правовой режим – это нормативно закрепленные права, обязанности и ответственность, система мер, которая используется для достижения поставленных целей, система правового воздействия, заключающаяся в специфике приемов регулирования и его механизма [11, с. 56].

Следовательно, проведенный анализ еще раз подтверждает, что понятие «порядок» входит в содержание понятия «процедура», которая является составной частью правового режима, и это сходство только этимологическое.

В юридической науке понятие «процедура» изучали ученые различных отраслей права. Так, одни ученые процедуру изучали на общетеоретическом уровне, другие – на отраслевом. Широкое использование термина «процедура» встречается в различ-

ных отраслях права, в частности, в административном, финансовом, земельном, гражданском, уголовно-процессуальном, хозяйственном и т.п. Это понятие также используется в разных значениях. Например, в теории государства и права выделяют понятие «процессуальная форма», под которой понимают официально установленный порядок при обсуждении, ведении любого дела [12, с. 330]. Однако данное понятие полностью совпадает с указанными в справочной литературе определениями.

О.Ф. Скакун в учебнике «Теория государства и права» понятие «процедура» связывает с определенными юридическими явлениями: во-первых, правотворческий процесс, под которым следует понимать систему взаимосвязанных процедур (стадий) при принятии, изменении как законов, так и подзаконных актов [13, с. 297]; во-вторых, законодательный процесс – это процедура принятия закона, состоящая из определенных стадий – самостоятельных, логически завершенных этапов и организационно-технических действий [13, с. 317]; в-третьих, правоприменение – это осуществляемая в процедурно-процессуальном порядке деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц, которая заключается в индивидуализации юридических норм в отношении конкретных субъектов и конкретных жизненных случаев в акте применения норм права [13, с. 389]. Таким образом, рассматриваемая точка зрения свидетельствует об отождествлении понятия «процедура» с понятием «процесс».

Исследуя понятие «административная процедура» в научных работах, следует отметить, что В.О. Макаров указывает, что правовая (юридическая) процедура – это носящая служебный характер иерархично-построенная и находящаяся в динамике формально-определенная и нормативно или индивидуально установленная совокупность последовательно осуществляемых юридически значимых действий, направленных на достижение единого правового результата, связанная с реализацией прав и обязанностей участниками общественных отношений и обладающая моделью (программой) своего развития [14, с. 235–242]. Кроме того, отмечено, что совокупность правовых отношений, составляющих содержание юридической процедуры, направлена именно на достижение определенного правового результата, выступающего ее целью.

М.А. Ефремов считает, что административная процедура – это урегулированный нормативными правовыми актами порядок деятельности органов власти в процессе государственного управления [15, с. 59]. Однако указанная позиция слишком сужает объем понятия «административная процедура» и не учитывает некоторые обязательные ее элементы, например, последовательность и направленность административной процедуры (решение индивидуального дела) и т.д.

И.М. Лазарев в монографическом исследовании «Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития» отмечает, что под административной процедурой следует понимать урегулированную административно-процессуальными нормами правоприменительную деятельность органов исполнительной власти, направленную на реализацию своих полномочий во взаимоотношениях с неподчиненными им гражданами и их организациями, и не связанную с рассмотрением споров или применением принуждения [16, с. 122].

С.Д. Хазанов считает, что административная процедура – это нормативно определенный последовательный порядок реализации административно-властных пол-

номочий, направленных на решение юридического дела или реализацию управленческой функции [17, с. 59].

Исследовав разные взгляды на проблему определения содержания понятия «административная процедура», следует отметить, что подавляющее большинство ученых выделяют общий признак – это наличие определенной последовательности действий соответствующего (уполномоченного) субъекта. Следовательно, анализ научных позиций свидетельствует о том, что указанные ученые под административной процедурой понимают установленный законом официальный порядок рассмотрения и решения органами публичного управления индивидуальных административных дел.

На основании рассмотренных научных подходов отметим, что под административной процедурой следует понимать установленный административно-правовыми нормами последовательный порядок правоприменительной деятельности уполномоченных государственных органов (должностных лиц) по разрешению индивидуальных административных дел, и результатом которой является принятие административного акта или заключение административного договора.

Установлено, что для административной процедуры является характерным: 1) совокупность средств и методов осуществления административно-властных полномочий; 2) официально установленный порядок реализации закрепленных в законодательстве правил и норм; 3) деятельность государственных органов по решению индивидуальных административных дел, результатом которой является принятие административного акта или заключение административного договора.

Список литературы:

1. Управленческие процедуры : [учеб.] / Б. М. Лазарев, И. Ш. Муксинов, А. Ф. Ноздрачев и др. – М. : Наука, 1988. – 272 с.
2. Протасов В. Н. Юридическая процедура / Протасов В. Н. – М. : Юрид. лит.-ра, 1991. – 169 с.
3. Помазуев А.Е. Административные процедуры доступа граждан к публичной информации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Помазуев Александр Евгеньевич. – Екатеринбург, 2007. – 249 с.
4. Большой юридический словарь / [под ред.. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских]. – М. : Инфра-М, 1999. – 790 с.
5. Ожегов, С.И.; Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Изд-во: М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2006. – 944 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / [под ред. С. А. Кузнецова]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1534 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1999. – Т.3: П. – 1999. – 556 с.
8. Большой юридический словарь / [под ред.. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских]. – М. : Инфра-М, 1999. – 790 с.
9. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорин. – М., 2001. – 936 с.
10. Бахрах Д. Н. Хазанов С. Д. Формы и методы деятельности государственной администрации: уч. пособие. – Екатеринбург, 1999.
11. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы : моногр.] – М. : Изд-во «Щит – М», 2000. – 264 с.
12. Алексеев С. С. Теория государства и права : [учеб.] / С. С. Алексеев, С. И. Архипов и др. – М. : Норма, 2005. – 496 с.
13. Скакун О. Ф. Теория государства и права : [учеб.] / О. Ф. Скакун. – Х. : Консум, Ун-т внут.дел, 2000. – 704 с.
14. Макаров В. О. Понятие и признаки юридических процедур // Власть закона. – 2017. – № 2 (30). – С. 235–242.
15. Ефремов М. О. Административные процедуры как форма реализации органов публичной власти во взаимодействии с частными лицами: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. – М., 2005. – 203 с.
16. Автономов А. С. Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития : моногр. / [А. С. Автономов, И. Л. Бачило, А. А. Бондаренко и др.]. – М. : ДЕК, 2004. – 568 с.

17. Хазанов С. Д. Административные процедуры: определение и систематизация // Юридический журнал. – 2003. – № 1. – С. 57–61.
18. Стариков Ю. Н. Российский закон об административных процедурах должен стать неотъемлемой частью современного административного законодательства // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2015. – № 3. – С. 20–28.

Konoplev V. V. Theoretical approaches to the definition of the concept «administrative procedure»
// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 484-489.

The implementation of various administrative procedures is one of the functions of the modern state. Currently, in the Russian Federation, legislation in the field of various administrative procedures is in a state of constant «patchwork changes», which is primarily due to the complexity of public relations. An important role in the development of the theory of administrative procedures is occupied by scientific research on this issue. This scientific article provides a theoretical analysis of scientific approaches regarding the definition of the concept of "administrative procedure". It has been established that the administrative procedure is characterized by: 1) a set of means and methods for exercising administrative powers; 2) the officially established procedure for the implementation of the rules and norms enshrined in the legislation; 3) the activities of state bodies in solving individual administrative cases, the result of which is the adoption of an administrative act or the conclusion of an administrative contract.

Key words: administrative procedure, activity, legality, provision, legislation.

Spisok literatury:

1. Upravlencheskie procedury : [ucheb.] / B. M. Lazarev, I. SH. Muksinov, A. F. Nozdrachev i dr. – M. : Nauka, 1988. – 272 s.
2. Protasov V. N. YUridicheskaya procedura / Protasov V. N. – M. : YUrid. lit-ra, 1991. – 169 s.
3. Pomazuev A.E. Administrativnye procedury dostupa grazhdan k publichnoj informacii : diss. ... kand. yurid. nauk : 12.00.14 / Pomazuev Aleksandr Evgen'evich. – Ekaterinburg, 2007. – 249 s.
4. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / [pod red.. A. YA. Suhareva, V. D. Zor'kina, V. E. Krutskih]. – M. : Infra-M, 1999. – 790 s.
5. Ozhegov, S.I.; SHvedova, N.YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Izd-vo: M.: ITI Tekhnologii; Izdanie 4-e, dop., 2006. – 944 s.
6. Bol'shoj tolkovyy slovar' russkogo yazyka / [pod red. S. A. Kuznecova]. – SPb. : Norint, 2000. – 1534 s.
7. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. / V. I. Dal'. – M. : Rus. yaz., 1999. – T.3: P. – 1999. – 556 s.
8. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / [pod red.. A. YA. Suhareva, V. D. Zor'kina, V. E. Krutskih]. – M. : Infra-M, 1999. – 790 s.
9. YUridicheskaya enciklopediya / otv. red. B. N. Toporin. – M., 2001. – 936 s.
10. Bahrah D. N. Hazanov S. D. Formy i metody deyatelnosti gosudarstvennoj administracii: uch. posobie. – Ekaterinburg, 1999.
11. Rushajlo V. B. Administrativno-pravovye rezhimy : monogr.] – M. : Izd-vo «SHCHit – M», 2000. – 264 s.
12. Alekseev S. S. Teoriya gosudarstva i prava : [ucheb.] / S. S. Alekseev, S. I. Arhipov i dr. – M. : Norma, 2005. – 496 s.
13. Skakun O. F. Teoriya gosudarstva i prava : [ucheb.] / O. F. Skakun. – H. : Konsum, Un-t vnut.del, 2000. – 704 s.
14. Makarov V. O. Ponyatie i priznaki yuridicheskikh procedur // Vlast' zakona. – 2017. – № 2 (30). – S. 235–242.
15. Efremov M. O. Administrativnye procedury kak forma realizacii organov publichnoj vlasti vo vzaimodejstvii s chastnymi licami: diss. ... kand. yurid. nauk : 12.00.07. – M., 2005. – 203 s.
16. Avtonomov A. S. Iсполnitel'naya vlast' v Rossii. Istoriya i sovremennost', problemy i perspektivy razvitiya : monogr. / A. S. Avtonomov, I. L. Bachilo, A. A. Bondarenko i dr.. – M. : DEK, 2004. – 568 s.
17. Hazanov S .D. Administrativnye procedury: opredelenie i sistematizaciya // YUridicheskij zhurnal. – 2003. – № 1. – С. 57–61.
18. Starilov YU. N. Rossijskij zakon ob administrativnyh procedurah dolzhen stat' neot'emlejoj chast'yu sovremennogo administrativnogo zakonodatel'stva // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. – 2015. – № 3. – С. 20–28.

УДК 347.51

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАНИНА

Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются проблемные аспекты, связанные с возмещением вреда, причиненного здоровью гражданина. При этом излагаются общие критерии определения объема возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина, и анализируются особенности возмещения такого вреда отдельным категориям лиц, в том числе, несовершеннолетним, а также работникам, подлежащим обязательному социальному страхованию.

Авторы обращаются к вопросу правового регулирования отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного здоровью гражданина, нормами Главы 59 ГК РФ и иными смежными правовыми нормами, и приходят к выводу о необходимости преимущественного применения в таких случаях специального законодательства и о возможности субсидиарного применения положений Гл. 59 ГК РФ.

Ключевые слова: здоровье, ответственность, возмещение вреда, убытки, трудоспособность, заработок, несовершеннолетние, обязательное социальное страхование.

Охрана и защита таких нематериальных благ как жизнь и здоровье человека гарантируются разными отраслями права. В частности, нормами гражданского законодательства (ст. 1084-1094 ГК РФ [1]) регулируются вопросы, связанные с необходимостью возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина. Безусловно, здоровье человека нельзя полностью восстановить ни за какие деньги, но, тем не менее, основная цель закрепления норм, регулирующих ответственность, в том, чтобы максимально возместить потери, понесенные пострадавшим.

При этом не смотря на старания законодателя урегулировать данный вид правоотношений, на практике, все же, возникают некоторые сложности, связанные с определением разумности и соразмерности объема возмещения, а также и другие проблемные аспекты в этой сфере. Поэтому проведение исследования на данную тему представляется не только актуальным, но и необходимым. Кроме того, в рамках настоящего исследования предстоит прояснить существующую неопределенность в вопросе о дуализме правового регулирования отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного здоровью гражданина, с одной стороны, нормами Гл. 59 ГК РФ, с другой стороны, специальным законодательством о социальном страховании от несчастных случаев на производстве.

Для определения критериев возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина, целесообразно проанализировать сам механизм возмещения вреда. И, прежде всего, необходимо обратиться к закреплённому в ст. 1064 ГК РФ общему правилу об обязанности возмещения всех причиненных убытков в полном объеме, что соответствует принципу полного и справедливого возмещения вреда, известному в юридической литературе как «принцип генерального деликта», согласно которому вина причинителя вреда презюмируется. В свою очередь, какие-либо отступления от указанного общего принципа именуется специальными деликтами [2, с. 566; 571]. При этом употребленный в указанном правовом положении термин «убытки» раскрывается в ст. 15 ГК РФ и подразумевает

возможность взыскания потерпевшим как реальных расходов, так и упущенной выгоды. Кроме того, вред может иметь и неимущественный характер, что влечет помимо и независимо от суммы возмещения ущерба также обязанность компенсации причиненного морального вреда.

Обращаясь к специальному правилу – ст. 1085 ГК РФ, которой непосредственно определяется объем и характер возмещаемого вреда при повреждении здоровья, следует отметить, что «возмещению подлежит утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе, расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение» [1].

Как видим, к основному виду возмещения относятся фактически утраченные на будущее время, и, в принципе, возможные доходы потерпевшего, размер которых следует определять «в процентах к его среднему месячному заработку (доходу) до увечья или иного повреждения здоровья либо до утраты им трудоспособности, соответствующих степени утраты потерпевшим профессиональной трудоспособности, а при отсутствии профессиональной трудоспособности – степени утраты общей трудоспособности» (п. 1 ст. 1086 ГК РФ) [1].

Если гражданин не работал и не имеет специальности, то тогда необходимо ставить вопрос о потере общей трудоспособности (временной или стойкой). Медицинские критерии для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, производятся в соответствии с Приказом Минздравсоцразвития РФ от N 194Н 24.04.2008 «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», к которому, в том числе, прилагается таблица с перечислением конкретных видов причиненного вреда и указанием процентов стойкой утраты трудоспособности, например, полный паралич обеих нижних конечностей, либо полная потеря обоих глаз, обладавших зрением, приравнивается к 100 % [3].

Определение степени утраты профессиональной трудоспособности гражданина возложено на учреждения медико-социальной экспертизы, определяющие, может ли работник в дальнейшем осуществлять свою профессиональную деятельность. Порядок освидетельствования и возможного переосвидетельствования потерпевших, которым должны руководствоваться учреждения медико-социальной экспертизы, отражен в специальных Правилах установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденных Правительством РФ [4]. Эти правила применяются в случаях утраты профессиональной трудоспособности лицами, получившими повреждение здоровья в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. К примеру, если пострадавший может беспрепятственно продолжить работу по специальности, то указывается приблизительно 10 % утраты, а если произошли значительные изменения, приведшие к инвалидности потерпевшего, то это означает полную утрату его профессиональной трудоспособности (100 %). Следовательно, размер

возмещения исчисляется путем умножения установленного процента утраты трудоспособности на среднемесячный заработок потерпевшего.

Требует пояснения и порядок определения среднемесячного заработка, как утраченного дохода потерпевшего, высчитываемого делением общей суммы полученного до увечья заработка за двенадцать, либо за фактически отработанные месяцы, соответственно, на двенадцать, либо на фактически отработанное количество месяцев (п. 2. ст. 1086 ГК РФ).

Причем кроме заработка, учитываются и другие доходы, а также иные полученные потерпевшим выплаты при условии уплаты подоходного налога от таких средств. Но при этом законодатель прямо указал на то, что выплаты единовременного характера, а именно: компенсация за неиспользованный отпуск и выходное пособие при увольнении не учитываются при определении размера утраченного дохода. Относительно вопроса о том, должна ли премия, учитывая ее нерегулярный и негарантированный характер, быть засчитана при определении размера утраченного заработка, в юридической литературе отмечалось, что анализ судебных актов не дает однозначный ответ, так как в большинстве случаев премии не включаются в размер возмещения вреда здоровью работника как единовременные и стимулирующие выплаты. Но в некоторых случаях включение премии в состав утраченного заработка, все же, имело место в связи с тем, что с нее взыскивался подоходный налог, либо, когда такая обязанность работодателя, как выплата премии за интенсивные условия работы при отработке полностью календарного месяца, предусматривалась коллективным договором [5, с. 88].

Напомним, что в ст. 129 Трудового кодекса РФ прямо указывается на то, что заработная плата включает в том числе и «стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты)» [6]. Кроме того, в отношении стимулирующих выплат нет прямого запрета о включении их в доходы потерпевшего, как, например, с выходным пособием. Из этого можно сделать вывод о том, что суд вправе учитывать их при определении размера возмещения вреда. Важно уточнить, что в качестве дополнительной гарантии надлежащей защиты имущественных интересов потерпевшего в п. 5 ст. 1086 ГК РФ закреплено правило о том, что исчислять необходимо тот заработок (доход), который потерпевший должен был получить после улучшения его имущественного положения, к примеру, если на момент причинения вреда повысилось его должностное (служебное) положение, либо возросла нагрузка работника, в результате чего и оплата труда могла быть более высокой.

Однако, для применения указанного правила на практике могут возникнуть сложности, связанные с доказыванием обязательного условия – устойчивости произошедших изменений, ведь даже перевод на другую работу у того же работодателя может носить не постоянное, а временное изменение трудовой функции работника. И, напротив, относительно возможного ухудшения материального положения потерпевшего на момент причинения ему вреда (понижение в должности, уменьшение нагрузки и т.п.), возникает вопрос о том, следует ли применять указанное правило по аналогии и брать за основу расчета утраченного дохода размер будущего заработка после произошедших устойчивых негативных изменений в имущественном положении работника?

В ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на

производстве и профессиональных заболеваний» также указывается на «заработок, который получил или должен был получить работник после соответствующего изменения (п. 6 ст. 12) [7], но, опять-таки, это касается случаев уже произошедших устойчивых изменений, улучшающих имущественное положение работника.

Таким образом, полагаем, что и п. 5 ст. 1086 ГК РФ касается исключительно изменений, улучшающих имущественное положение, а так как отсутствует указание на случай ухудшения, к примеру, при понижении работника в должности, уменьшении его нагрузки и т. п., следовательно, необходимо применять правило, закрепленное в п. 2 ст. 1086 ГК РФ, то есть учитывать заработок потерпевшего за фактически отработанные до увечья месяцы.

Кроме того, п. 4 ст. 1086 ГК РФ регулируется случай, когда потерпевший на момент причинения вреда вообще не работал, тогда по его желанию может учитываться заработок до увольнения, либо обычный размер вознаграждения работника его квалификации в данной местности (не менее величины прожиточного минимума для трудоспособного населения). Причем, как разъясняется в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» указанное выше правовое положение не содержит каких-либо ограничений по кругу субъектов, не работающих на момент причинения вреда, то есть п. 4 ст. 1086 ГК РФ применяется независимо от причин отсутствия у потерпевших на момент причинения вреда постоянного заработка [8].

Относительно характера возмещения, также влияющего на объем возмещения, в п. 2 ст. 1085 ГК РФ прямо указывается на то, что пенсия по инвалидности и подобные выплаты, а также доходы, получаемые потерпевшим после повреждения здоровья, не должны засчитываться в счет возмещения вреда. Это вполне логично, так как после причинения вреда потерпевший продолжит получать указанные виды доходов независимо от назначения ему ежемесячного возмещения со стороны причинителя вреда.

В п. 1 ст. 1085 ГК РФ также прямо указывается на то, что возмещению подлежат и, так называемые, дополнительные расходы, исчерпывающий перечень которых имеет ограничения такими двумя условиями: во-первых, потерпевший действительно должен нуждаться в перечисленных видах помощи, а во-вторых, у него должно отсутствовать право на их бесплатное получение.

В рамках темы настоящего исследования не можем обойти стороной вопрос об особенностях возмещения вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего. Данный вид правоотношений регламентируется отдельной правовой нормой – ст. 1087 ГК РФ. В частности, пунктом первым указанного правового положения закреплены права несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцати лет (малолетнего) и не имеющего заработка (дохода) требовать от причинителя вреда возмещения всех расходов, вызванных повреждением здоровья. Однако вторым пунктом ст. 1087 ГК РФ предусматриваются последствия достижения потерпевшим 14-летнего возраста, который, как и не имеющий заработка несовершеннолетний пострадавший в возрасте от 14 до 18 лет, вправе требовать возмещение расходов на лечение, а также и «вреда, связанного с утратой или уменьшением его трудоспособности, исходя из установленной в соответствии с законом

величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации». А если у несовершеннолетнего имелся заработок, то тогда вопрос возмещения вреда разрешается на основании п. 3 ст. 1087 ГК РФ, то есть «исходя из размера этого заработка, но не ниже установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации».

В исследованиях, посвященных причинению вреда несовершеннолетнему лицу, обсуждалась необходимость внесения в ст. 1085 ГК РФ изменений, касающихся возмещения родителю или законному представителю потерпевшего утраченного заработка (дохода) в случае прекращения такими лицами трудовых отношений в связи с необходимостью ухода за несовершеннолетним [9, с. 96], что, на наш взгляд, вполне справедливо и не должно зависеть от расходов, связанных с восстановлением и лечением пострадавшего. Однако это не подпадает под страховые случаи, предусмотренные в отношении работников, подлежащих обязательному социальному страхованию.

Касаясь вопроса о соотношении различных норм, регулирующих порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью работника при исполнении им обязанностей по трудовому договору, следует учесть, что в ст. 1084 ГК РФ прямо указывается на то, что «вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей возмещается по правилам, предусмотренным настоящей главой, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности», из чего следует сделать вывод о том, что положения гражданского законодательства, хотя и распространяются на указанные случаи, тем не менее, специальные правовые нормы имеют преимущественное применение.

Так, последствия изменения материального и (или) социального положения работающих граждан, а в случаях, предусмотренных законодательством РФ вследствие наступления инвалидности, заболевания, травмы, несчастного случая на производстве или профессионального заболевания и других событий, а также имущественные интересы физических лиц, связанные с утратой этими физическими лицами здоровья, профессиональной трудоспособности либо их смертью вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания предусмотрены многочисленными нормативно-правовыми актами [10; 11; 12; 13; 14]. При этом специальными ФЗ не ограничиваются права застрахованных лиц в части, превышающей обеспечение по страхованию, из чего следует вывод о том, что если размер возмещения по гражданскому законодательству превышает размер возмещения в страховых правоотношениях, в соответствующей части вред будет подлежать возмещению в гражданских правоотношениях [15, с. 169-170]. Иными словами, возмещенный вред не подлежит повторному возмещению, но допускается возмещение части вреда, не возмещенной в страховых правоотношениях, а также не возложенная на Фонд социального страхования компенсация морального вреда, т. е. к отношениям по возмещению вреда должны применяться соответствующие нормы гражданского права. Таким образом, на основании вышеизложенного следует заключить, что проблема возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина, свидетельствует о необходимости учета многочисленных факторов, влияющих на

характер и объем подлежащего возмещения. При этом, не смотря на попытки законодателя всесторонне урегулировать такие вопросы при помощи специальных законодательных актов, степень их отработанности не отличается четкостью и детальностью, что влечет необходимость субсидиарного применения положений гл. 59 ГК РФ. Кроме того, как показало настоящее исследование, предстоит еще большая работа в этой сфере, в том числе по выявлению и устранению существующих пробелов.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 № 20-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданское право : учебник : в 2 томах / под ред. Б. М. Гонгало. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2021. – Том 2. – 602 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=683366> (дата обращения: 01.03.2023). – ISBN 978-5-8354-1718-6 (Т. 2). – ISBN 978-5-8354-1716-2. – Текст : электронный.
3. Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Постановление Правительства РФ от 16 октября 2000 г. № 789-ФЗ (ред. от 25.03.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2000. - № 43. - Ст. 4247.
4. Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 N 194Н (ред. от 18.01.2012) [зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 N 12118] // URL: <https://base.garant.ru/12162210/>(дата обращения: 03.03.2023).
5. Агибалова, Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агибалова. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 112 с. – Текст непосредственный.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - N 1 (часть I). - Ст. 3.
7. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24.07.1998, N 125-ФЗ (ред. от 21.11. 2022 г. N 443-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1998. - N 31. - Ст. 3803.
8. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 26.01.2010 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 03.03.2023).
9. Мельничук М.А. Проблемы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетнему / М.А. Мельничук, Гарбалева Т.М. // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. - 2020. - № 6. - С. 93-99. – Текст: непосредственный.
10. Об основах обязательного социального страхования: Федеральный закон от 16.07.1999 N 165-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г. N 237-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - N 29. - Ст. 3686.
11. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 30.12.2021 г. N 491-ФЗ) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения: 03.03.2023).
12. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.06.2001 N 77-ФЗ (ред. от 5.12.2022 г. N 505-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - N 26 - Ст. 2581.
13. О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): Федеральный закон от 30.03.1995 N 38-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г. N 357-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - N 14. - Ст.1212.
14. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 N 17-ФЗ (ред. от 29.12.2022 г. N 612-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - N 2. Ст. 169.
15. Ротань В.Г. Соотношение норм гражданского права о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью потерпевшего, со смежными правовыми нормами / В. Г. Ротань // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3(69). № 2. - С. 168-178. – Текст непосредственный.

Bakhrieva Z.R., Murtazaeva A.A. Compensation for damage of citizen's health / Z. R. Bakhrieva, A. A. Murtazaeva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 2. – P. 490-496.

The article examines the problematic aspects related to the compensation of harm caused to the health of a citizen. The general criteria for determining the amount of compensation for harm caused to the health of a citizen are set out, and the specifics of compensation for harm caused to certain categories of persons are analyzed: minors, as well as employees who are subject to mandatory social insurance.

The author addresses the issue that the relations related to the compensation of damage caused to the health of a citizen are simultaneously regulated by the norms of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation and other related legal norms. As a result, it is concluded that the preferential application of special legislation and that in such cases it is possible to apply the provisions of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation additionally.

Keywords: health, responsibility, compensation for harm, losses, ability to work, earnings, minors, compulsory social insurance.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 25.02.2022 № 20-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1994. – № 32. – St. 3301.
2. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 tomah / pod red. B. M. Gongalo. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Statut, 2021. – Tom 2. – 602 s. – Rezhim dostupa: po podpiske. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=683366> (data obrashcheniya: 01.03.2023). – ISBN 978-5-8354-1718-6 (T. 2). – ISBN 978-5-8354-1716-2. – Tekst : elektronnyj.
3. Ob utverzhdenii Pravil ustanovleniya stepeni utraty professional'noj trudospobnosti v rezul'tate neschastnyh sluchaev na proizvodstve i professional'nyh zabolevanij : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 oktyabrya 2000 g. № 789-FZ (red. ot 25.03.2013) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2000. – № 43.
4. Ob utverzhdenii medicinskih kriteriev opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov'yu cheloveka: Prikaz Minzdravsocrazvitiya RF ot 24.04.2008 N 194N (red. ot 18.01.2012) [zaregistrirvano v Minyuste RF 13.08.2008 N 12118] // URL: <https://base.garant.ru/12162210/>
5. Agibalova, E. N. Deliktnye obyazatel'stva: uchebnoe posobie / E. N. Agibalova. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya – filiala RANHiGS, 2021. – 112 s. – Tekst neposredstvennyj.
6. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 19.12.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2002. – N 1.
7. Ob obyazatel'nom social'nom strahovanii ot neschastnyh sluchaev na proizvodstve i professional'nyh zabolevanij: Federal'nyj zakon ot 24.07.1998. N 125-FZ (red. ot 21.11. 2022 g. N 443-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1998. – N 31. – St. 3803.
8. O primenenii sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 1 ot 26.01.2010 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/
9. Mel'nichuk M.A. Problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo nesovershennoletnemu / M.A. Mel'nichuk, Garbaleva T.M. // Sovremennye tendencii razvitiya grazhdanskogo i grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya. – 2020. – № 6. – S. 93-99. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Ob osnovah obyazatel'nogo social'nogo strahovaniya: Federal'nyj zakon ot 16.07.1999 N 165-FZ (red. ot 14.07.2022 g. N 237-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1999. – N 29. – St. 3686.
11. O psichiatricheskoj pomoshchi i garantiyah prav grazhdan pri ee okazanii: Zakon RF ot 02.07.1992 N 3185-1 (red. ot 30.12.2021 g. N 491-FZ) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
12. O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 18.06.2001 N 77-FZ (red. ot 5.12.2022 g. N 505-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – N 26.
13. O preduprezhdenii rasprostraneniya v Rossijskoj Federacii zabolevaniya, vyzyvaemogo virusom immundeficita cheloveka (VICH-infekcii): Federal'nyj zakon ot 30.03.1995 N 38-FZ (red. ot 14.07.2022 g. N 357-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1995. – N 14. – St.1212.
14. O zheleznodorozhnom transporte v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 10.01.2003 N 17-FZ (red. ot 29.12.2022 g. N 612-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2003. – N 2. St. 169.
15. Rotan' V.G. Sootnoshenie norm grazhdanskogo prava o vozmeshchenii vreda, prichinennogo povrezhdeniem zdorov'ya ili smert'yu poterpevshego, so smezhnymi pravovymi normami / V. G. Rotan' // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – T. 3(69). № 2. – S. 168-178. – Tekst neposredstvennyj.

УДК 352

ИНТЕГРАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стоковский В. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В данной работе было уделено внимание коллизионным вопросам и текущим реалиям совокупного процесса интеграции местного самоуправления Республики Крым в муниципально-правовую систему современной России. Был проведен анализ понятия и сущности института местного самоуправления в целом, а также определены ключевые задачи, реализуемые Республикой Крым в ее новом статусе и в контексте заданного направления развития. В рамках настоящего исследования был проведен анализ системы взаимодействия местных органов власти и населения на примере конкретного муниципально-образовательного образования – городской округ Алушта. Удалось раскрыть такие приоритетные формы взаимодействия муниципальной власти и населения, как функционирование территориальных органов местного самоуправления (структурные элементы Администрации города), а также территориальных общественных самоуправлений. Также было уделено внимание проблематике эффективности деятельности органов местного самоуправления и их руководителей, оцениваемая населением соответствующего региона. Удалось установить наиболее отстающие направления, а именно: недостатки транспортного обслуживания населения; проблемы теплоснабжения, водоснабжения, газоснабжения; неудовлетворительное состояние транспортных дорог. Были предложены возможные варианты развития и совершенствования системы местного самоуправления в Республике Крым.

Ключевые слова: местное самоуправление, Республика Крым, городской округ, интеграция, территориальные органы местного самоуправления, территориальные общественные самоуправления, новый субъект, система «матрешки» местного самоуправления.

Одним из доминирующих принципов существования современной России является принцип федерализма. Последний, определяя форму государственного устройства, параллельно реализует баланс направлений централизованного и децентрализованного развития государства, способствуя укрупнению и актуализации наличия обратных взаимосвязей, в частности, между РФ, ее субъектами и муниципальными образованиями. Прослеживаемая как в рамках Основного закона страны, так и в проводимой Россией политике тенденция по всеобъемлющей реализации концептуальных идей демократизма, а также верховенства права и закона позволяет говорить о наличии достаточно обширных возможностей для населения по саморегулированию вопросов местного значения.

Местное самоуправление в РФ представляет собой одну из основ конституционного строя страны, в связи с чем выступает, своего рода, гарантом наличия власти в обществе, а также, наряду с реализацией принципа наличия механизма сдержек и противовесов, формирует модель правоприменительной и правореализационной деятельности территориального (локального) уровня. Понятие местного самоуправления в правовой доктрине (с опорой на положения ст. 1 ФЗ от 06.10.2003 № 131) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») истолковывается следующим образом: «Местное самоуправление как право населения на самостоятельное решение вопросов местного значения предполагает, прежде всего, единство самостоятельности и ответственности при решении всех вопросов местного значения — экономических, социальных, культурных и иных.

При этом под самостоятельностью понимается не только право населения муниципального образования непосредственно ... определять круг вопросов местного значения... но и необходимость решать их, действуя в соответствии с законами и нормативными актами муниципального образования» [1]. В целом, отечественный механизм самоуправления можно охарактеризовать, как достаточно сложный и функциональный, хотя в некоторых случаях – и пробелосодержащий. Наиболее очевидно преимущества и недостатки анализируемой модели проявляют себя в среде практической применимости отдельно взятого субъекта.

Современная политико-территориальная карта России динамична. Происходящие события внешнего государственно-правового характера обуславливают определенные преобразования. Так, а 2014 г. в состав РФ были включены два новых субъекта – Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Безусловно, для жителей Крыма данный период ознаменовался наличием переходного периода по всем направлениям общественной жизни: как правовых, так и институциональных изменений. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляют интегративные процессы, происходящие в отношении местного самоуправления Крыма в уже сформировавшуюся и слаженно функционирующую муниципально-правовую систему РФ.

На наш взгляд, именно термин «интеграция» наиболее удачно описывает происходящие изменения. В понимании автора, интеграция местного самоуправления в российскую правовую среду подразумевает под собой процесс конституционализации общественного, политического и экономического строя полуострова, с последующим внедрением фундаментальных основ, базовых идей и принципов местного самоуправления на уровне вновь образованного субъекта федерации. Реализуемые процессы нормативно подкреплены положениями части 1 и 2 статьи 19 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6 «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым...»: «Местное самоуправление на территориях Республики Крым ... осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о местном самоуправлении с учетом особенностей, установленных ... нормативными правовыми актами Республики Крым ... На территориях Республики Крым ... формируются органы местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации...» [2].

Отметим, что местное самоуправление в данном регионе, помимо уже ранее озвученных функциональных особенностей общенационального значения, представляет также значимость ввиду своей неполитической, консолидирующей сущности. Иными словами, плюрализм на территории полуострова в среде местного самоуправления выражается посредством сосуществования института гражданской самоорганизации и властно-общественной составляющих.

Важным с точки зрения правотворческой деятельности аспектом является период вступления Крыма в состав России: последний также ознаменовал себя этапом муниципальных реформ 2014 – 2016 гг. (с последующей пролонгацией). Помимо внедрения новой двухуровневой системы местного самоуправления, проводимые преобразования обусловили новую модель организации местного самоуправления в крупных городах. В целом, реформы можно охарактеризовать, как курс на усиление связи между гражданами и властью, повышение уровня правосознания населения. В правовой доктрине заданному направлению дается неоднозначная оценка, в том

числе, встречается точка зрения касательно декларативного характера формируемых суждений. Однако, учитывая длительный характер изменений, делать категоричные выводы несколько преждевременно.

Первичными задачами, реализуемыми Республикой Крым в ее новом статусе и в контексте заданного направления развития, следует определить:

- комплексная, поэтапная и, одновременно, фундаментальная перестройка всей совокупной системы местного самоуправления и местного управления;
- реструктуризация ранее действующих образований посредством перепрофилирования специалистов во вновь созданные управленческие единицы;
- реализация политики стимулирующего воздействия на жителей полуострова посредством повышений уровня правовой образованности и направление к повышению вовлеченности в самоуправленческий процесс.

Выделенные задачи призваны осуществить единую цель – сформировать первооснову для дальнейшего совершенствования института местного самоуправления в Республике Крым. В связи с чем была разработана и реализована федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года».

К началу 2023 г. следует говорить о завершении ключевых этапов переходного периода для Крыма, в связи и на основании чего представляется возможным провести анализ промежуточных итогов внедряемых моделей, интегрированных реформ в области реализации местного самоуправления в данном субъекте, а также определить возможные дальнейшие пути развития и совершенствования. Отчасти актуальность настоящего исследования обусловлена также тем фактом, что для жителей Крымского полуострова информация касательно правовых возможностей защиты своего нарушенного права остается недоступной и не вызывающей доверия.

Учитывая акт воссоединения Крыма с Россией как реализацию права населения на самоопределение, данной концептуальной идеи следует придерживаться и продолжать также на внутригосударственном, в частности, локальном уровне. Гарантированное РФ национальное равноправие, в совокупности с декларируемой тенденцией усиления субординационного взаимодействия центра государства с его субъектами и муниципалитетами было положено в основу т.н. традиционной модели Крымской муниципальной демократии.

Прежде всего, рассмотрим территориальную организацию местного самоуправления Республики Крым. Исходя из данных, размещенных на официальном сайте инвестиционного портала Республики, на сегодняшний день на территории Крымского полуострова выделяют «14 муниципальных образований (районов – прим. автора): (Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Кировский, Красногвардейский, Краснопереконский, Ленинский, Нижнегорский, Первомайский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Советский, Черноморский) и 11 городских округов (Алушта, Армянск, Джанкой, Евпатория, Керчь, Краснопереконск, Саки, Симферополь, Судак, Феодосия, Ялта)» [3]. Также представляется возможным выделить 250 сельских поселений, 4 городских поселения, а также 10 внутригородских муниципальных образований на территории г. Севастополь.

Интересной особенностью территориальной организации крымского самоуправления является вычленение такой уникальной категории единиц, как города регионального значения, а именно – города республиканского значения (подчинения).

Последние представляют собой территорию, характеризующуюся наличием экономической, культурной и/или промышленной значимости, а также имеющие достаточные основания полагать, что в дальнейшем здесь будут реализованы перспективы экономического и демографического развития. Категория хотя и является достаточно архаичной, однако, как видится, обуславливает существование характеризующего звена территориальной организации местного самоуправления в части конкретизации значимости отдельно взятых образований. Более того, характеристика административной единицы в этом ключе все еще применима посредством правовой регламентации в значительной степени устаревшего, однако, все еще действующего Положения «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР» от 17 августа 1982 г. (п. 8).

Законом Республики Крым от 5 июня 2014 г. № 15 «Об установлении границ муниципальных образований и статусе муниципальных образований в Республике Крым» представлена территориальная структура полуострова. В частности, статьей 1 муниципальные образования наделены соответствующим статусом, как например: «город Алушта – городской округ Алушта; город Армянск – городской округ Армянск; город Феодосия – городской округ Феодосия» [4]. Также раскрывается перечень населенных пунктов, входящих в состав городского округа и т.д.

Анализ территориальной организации местного самоуправления Крыма наводит на мысль о наличии действительно многоуровневой системы решения вопросов местного значения. С одной стороны, подобная модель призвана реализовать всеобъемлющий контроль и развитие большинства институтов общественной жизни с учетом обязательного наличия у граждан возможности не только в части обращения в специализированные органы власти, но также формирования оправданных ожиданий в части высокой доли вероятности удовлетворения возникающих нужд и потребностей. Однако, с другой стороны, подобная звенность в рамках правовой доктрины довольно часто именуется «системой матрешки», в негативном смысле данного явления.

Так, в исследовании Вараксиной А.О. отмечается, что «главная проблема в развитии местного самоуправления Республики Крым – феномен «матрешки местного самоуправления»... Такая «многоуровневая» система местного самоуправления внутри отдельно взятого муниципального образования приводит к дублированию полномочий, усложнению управленческих процессов» [5]. Отмечается необходимость в предоставлении реального доступа населения к муниципальной власти посредством минимизации промежуточных звеньев. Тем не менее, предложение является достаточно размытым и не учитывающим текущие реалии.

В качестве примера проанализируем структурные элементы городского округа Алушта. В составе последнего выделяют один город, один поселок городского типа (Партенит), 18 сел (Изобильное, Верхняя Кутузовка, Нижняя Кутузовка и т.д.), а также 6 поселков (Розовый, Лаванда, Семидворье и т.д.). На первый взгляд, действительно, столь многоступенчатая иерархическая лестница вертикального взаимодействия в достаточной степени затруднительна в части градации полномочий и возлагаемой компетенции. Однако, при изучении внутренней структуры муниципального уровня власти формируются следующие представления: городская власть г. Алушта состоит из трех крупных звеньев – Администрация города, Городской совет и Контрольно-счетный орган. К сфере полномочий последнего отнесены про-

ведения экспертиз муниципальных программ, контроль за ходом и итогами реализации программ и планов развития муниципального образования, правовое, методологическое обеспечение деятельности и т.д.

Городской совет, состоящий из Главы муниципального образования (председателя городского совета), его заместителя и отдела по обеспечению деятельности совета, уполномочен на реализацию программ социально-экономического развития города, определение направлений использования капитальных вложений и т.д.

Администрация города Алушта имеет сложное структурное строение. Возглавляемая Главой администрации, она также включает в себя нескольких заместителей, руководителя аппарата администрации, а также финансовое управление, каждый из которых реализует индивидуализированные полномочия в отведенной сфере(-рах) общественной жизни. Функциональные единицы – управления (например, управление общественной безопасности), отделы (например – отдел по работе с обращениями граждан). Однако, в рамках настоящего исследования интерес представляют также имеющиеся в модели взаимодействия территориальные органы (Партенитовский территориальный орган, Лучистовский территориальный орган и др.).

Являясь структурными подразделениями Администрации города Алушта, территориальные органы (на примере Лучистовского территориального органа) созданы «для обеспечения исполнения исполнительно-распорядительных функций администрации на территории муниципального образования городской округ Алушта Республики Крым в границах следующих населенных пунктов: с. Лучистое, п. Лаванда, п. Семидворье...», реализуя такие задачи, как:

«- участие в обеспечении жизнедеятельности населения и комплексного социально-экономического развития ...;

- обеспечение решения на подведомственной территории вопросов местного значения и вопросов, не относящихся к вопросам местного значения в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в пределах полномочий, установленных настоящим Положением, исходя из интересов его населения.

- обеспечение на подведомственной территории проведения единой муниципальной политики в соответствии с муниципальными правовыми актами Алуштинского городского совета Республики Крым и Администрации города Алушты Республики Крым» [6].

Также в 2015 г. (с учетом нововведений от 2022 г.) были организованы и актуализированы территориальные общественные самоуправления (а именно – форма самоорганизации граждан по месту жительства для решения вопросов местного значения). В Алуште таковых образований на текущий момент 8 – ТОС «Черемушки», ТОС «Партенит», ТОС села Рыбачье и т.д. Несколько раз в месяц Главой муниципального образования, при участии депутатов городского совета, специалистов управлений администрации и руководителей территориальных органов проводятся выездные приемы с жителями соответствующего территориального образования, на которых обсуждаются проблемы конкретного региона, проводится мониторинг вопросов, поднимаемых жителями городского округа.

Проведенный анализ структуры местного самоуправления на примере городского округа Алушта, позволяет сделать следующие выводы: как видится, декларируемая в приведенной ранее правовой доктрине мысль касательно необходимости ре-

формирования муниципальных образований Крыма, в том числе, посредством укрупнения населенных пунктов, расширения межмуниципальных связей и связи между органами государственной власти и органами местного самоуправления не является бесспорной. Предлагаемые изменения могут повлечь за собой диаметрально противоположный эффект, в том числе, в части рассредоточения местных органов управления, выражения недовольства населения ввиду деформирования традиционного устройства жизни, отсутствия индивидуализированного подхода в решении вопросов местного значения.

В свою очередь, функционирующие на сегодняшний день территориальные органы, а также территориальные общественные самоуправления позволяют говорить о высоком уровне эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. В частности, такой вывод можно сделать исходя из сведений, приведенных в Докладе Главы администрации городского округа Алушта «О достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2021 год и их планируемых значениях на 3-летний период» (например, в части транспортного оснащения: «Все население, проживающее в населенных пунктах муниципального образования городской округ Алушта, имеет регулярное автобусное сообщение с административным центром» [7]).

Тенденция к проведению административно-территориальных реформ в части укрупнения населенных пунктов, в большинстве случаев – путем объединения, не только не нова, но и, как показывает опыт предыдущих лет, приобретает общегосударственный характер. «Согласно отчетам Росстата, если на 1 января 2010 года на территории РФ насчитывалось 512 городских округов и 1829 муниципальных районов..., то к началу 2018 года (с учетом уже и муниципалитетов Крыма), количество городских округов выросло до 588, в то время как районов сократилось до 1758...» [8]. Так, в 2018 г. депутатами Краснопереконского городского и районного советов было принято решение об объединении двух муниципалитетов в один городской округ. Т.н. «тренд» – ликвидация низового уровня местного самоуправления сторонниками подхода расценивается в положительном ключе как: действенный механизм сокращения расходов на содержание депутатов и иных муниципальных служащих; оптимизация системы управления посредством укрупнения подконтрольных административно-территориальных образований.

Противники данного направления развития регионов, в свою очередь, отвечают, что подобные реформы обусловят такой негативный результат, как: очевидное ослабление роли местного самоуправления в части правовых возможностей на отстаивание населением своих интересов; деградация периферийных территорий, ввиду концентрации финансовых и человеческих ресурсов в центрах вновь образуемых территорий.

Автор исследования в большей степени придерживается второй точки зрения. Более того, отметим, что, на наш взгляд, тенденция к укрупнению муниципальных образований должна носить строго индивидуализированный (а не общегосударственный) характер. Так, на текущий момент представляется весьма спорным предложение об объединении Симферополя и Симферопольского р-на в единый «Большой Симферополь». В анализируемом случае тенденция к деградации периферийных территорий, как видится, будет наиболее очевидна.

Еще одной актуальной проблемой для Республики Крым, как достаточно молодого субъекта РФ, является эффективность деятельности органов местного самоуправления и их руководителей, которая оценивается, в первую очередь, населением соответствующего региона. Так, в 2021 г. на полуострове Министерством внутренней политики, информации и связи Республики Крым был проведен опрос населения об оценке эффективности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Республики Крым, в результате которого были получены следующие сведения:

- первая острая проблема – отсутствие должного уровня правосознательного поведения среди жителей Крыма: «Наибольшую активность проявили жители Краснопереконского (7,66%) и Черноморского (3,63%) районов. Наименее активными оказались жители городских округов Керчь (0,17%) Симферополь (0,29%), Ялта (0,3%), а также Нижнегорского района (0,44%)» [9];

- вторая – общая тенденция к снижению показателей уровня удовлетворенности населения: коэффициент «рассчитывался по следующим критериям: уровень организации транспортного обслуживания, качество автомобильных дорог, уровень организации жилищно-коммунальных услуг ..., водоснабжения (водоотведения), электроснабжения и газоснабжения. По итогам 2021 года отмечается снижение значения данных показателей среди городских округов в сравнении с 2020 годом в 4 из 11 округов. Резкое снижение показателя зафиксировано в городских округах Ялта (на 8,1 п.п.) и Евпатория (на 3,77 п.п.). Рост уровня удовлетворенности населения зафиксированы в городских округах Алушта (на 14,99 п.п), Краснопереконск (на 6,58 п.п), Керчь (на 4,62 п.п.), Феодосия (на 2,99 п.п.), Симферополь (на 2,27 п.п.), Судак (на 2,11 п.п.) и Саки (на 1,46 п.п.)» [9]. Исходя из сведений, полученных при анализе результатов опроса, наибольшее негодование вызывают такие аспекты:

а) недостатки транспортного обслуживания населения. Самыми распространенными недостатками являются неудовлетворенность в функционирующем графике движения транспортных средств, их количестве, в особенности, в вечернее время, а также выходные и праздничные дни; неудовлетворительное состояние транспортных средств, антисанитарные условия; неподобающее поведение водителей, выраженное, в том числе в нарушении правил дорожного движения;

б) проблемы теплоснабжения, водоснабжения, газоснабжения. Отмечаются случаи несоблюдения поставляемых тепловых ресурсов установленным нормативам, а также требованиям логичности и целесообразности, что влечет за собой также неудовлетворенность ценовой политикой;

в) неудовлетворительное состояние транспортных дорог. Помимо этого, сопутствующими проблемами являются несвоевременный и некачественный ремонт дорожного полотна, вызывающий перегруз трафика, отсутствие полноценных ливневых систем, а также знаков и тротуаров.

Все перечисленные недостатки обусловили наличие негативных показателей удовлетворенности населения деятельностью главы муниципального района (городского округа): например, значение «оказалось ниже порогового ... (40%) в городском округе Евпатория (31,75%)... Однако учитывая недостаточное количество респондентов из общего числа населения городского округа Евпатория (0,76%) дать объективные выводы ... не представляется возможным» [9].

Исходя из вышеизложенного, видится необходимым предложить следующие варианты развития и совершенствования системы местного самоуправления в Республике Крым:

- проведение комплексных открытых мероприятий в области взаимодействия с гражданами. Прежде всего, необходимо искоренить излишний формализм к реагированию на обращения граждан. Также очевидно актуальным является усовершенствование функционирования системы обращений и контроля за их исполнением, организации личных встреч и т.д. Как видится автору, а также исходя из официальных статистических данных, модель местного самоуправления г. Алушта в этой части является в должной мере показательной;

- распространение путей и способов вовлечения гражданского общества в процесс управленческой деятельности вопросов региона. В частности, речь идет о необходимости реализации публичного взаимодействия с общественностью, путем проведения встреч с населением, общественными организациями по вопросам деятельности органов местного самоуправления на постоянной основе и на уровне всех муниципальных образований. Более того, предлагаемые реформы, как видится, окажут положительное влияние на уровень правосознательности жителей Крымского полуострова.

Подводя итоги, отметим, что Республика Крым как субъект РФ, в лице местных органов власти и населения, в период с 2014 по 2023 гг. проделала большую работу по реализации интегративного процесса в российскую правовую среду, в том числе, и в поросах местного самоуправления. Несмотря на отсутствие опыта, оказываемая поддержка со стороны материковой части России в лице профильных специалистов оказала положительных эффект в части максимально возможного смягчения возникающих правовых разночтений и политических коллизий. Однако, проведенный анализ также позволяет говорить о наличии некоторых недостатков, как нормативного, так и прикладного характера, требующих дальнейшего изучения и совершенствования.

Список литературы:

1. Дворядкина, Е.Б. Местное самоуправление: понятие, сущность и экономическое содержание / Е.Б. Дворядкина, Е.В. Рогачев, И.В. Арагилян // *π-Economy*. 2012. №6 (161). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-ponyatie-suschnost-i-ekonomicheskoe-soderzhanie>
2. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 N 6-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/
3. Инвестиционный портал республики Крым: официальный сайт. URL: <https://invest-in-crimea.ru/atd>
4. Законом Республики Крым от 5 июня 2014 года № 15 «Об установлении границ муниципальных образований и статусе муниципальных образований в Республике Крым». URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901311>
5. Вараксина, А.О. Особенности организации местного самоуправления Республики Крым / А.О. Вараксина // Вопросы науки и образования. 2019. №3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya-respubliki-krym>
6. Приложение № 5 к решению Алуштинского городского совета Республики Крым т 25.03.2016 г. № 20/10 «Положение о Лучистовском территориальном органе Администрации города Алушты Республики Крым». URL: https://alushta.rk.gov.ru/file/luchistovskiy_territorialjnyj_organ.pdf
7. Доклад Главы администрации городского округа Алушта «О достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2021 год и их планируемых значениях на 3-летний период» от 29.04.2022 г. URL: https://alushta.rk.gov.ru/uploads/txtditor/alushta/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpR5Apuu_a21.pdf

8. Голос Крыма: В Крыму грядет административно-территориальная реформа. URL: <http://goloskrimanew.ru/v-krymu-gryadet-administrativno-territorialnaya-reforma.html>
9. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Республики Крым по итогам 2021 года // Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым. URL: https://rk.gov.ru/uploads/txtditor/main/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpSwi4X0_6333fcfb89ed87.99611550_doklad_2.pdf

Stokovsky V.V. Integration of local self-government of the Republic of Crimea in municipal legal system of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 497-505

In this work, attention was paid to conflict issues and the current realities of the overall process of integrating local self-government of the Republic of Crimea into the municipal legal system of modern Russia. The analysis of the concept and essence of the institution of local self-government as a whole was carried out, and the key tasks implemented by the Republic of Crimea in its new status and in the context of a given direction of development were identified. Within the framework of this study, an analysis of the system of interaction between local authorities and the population was carried out on the example of a specific municipality - the urban district of Alushta. It was possible to uncover such priority forms of interaction between municipal authorities and the population as the functioning of territorial bodies of local self-government (structural elements of the City Administration), as well as territorial public self-governments. Also, attention was paid to the problem of the effectiveness of the activities of local governments and their leaders, as assessed by the population of the corresponding region. It was possible to establish the most lagging directions, namely: shortcomings of transport services for the population; problems of heat supply, water supply, gas supply; unsatisfactory condition of transport roads. Possible options for the development and improvement of the system of local self-government in the Republic of Crimea were proposed.

Keywords: local self-government, the Republic of Crimea, urban district, integration, territorial bodies of local self-government, territorial public self-governments, new subject, “matryoshka” system of local self-government

Spisok literatury:

1. Dvoryadkina, E.B. Mestnoe samoupravlenie: ponyatie, sushchnost' i ekonomicheskoe sodержanie / E.B. Dvoryadkina, E.V. Rogachev, I.V. Aragilyan // *π-Economy*. 2012. №6 (161). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-ponyatie-suschnost-i-ekonomicheskoe-soderzhanie>
2. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.03.2014 N 6-FKZ (red. ot 14.07.2022) «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov - Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/
3. Investicionnyj portal respubliky Krym: oficial'nyj sajt. URL: <https://invest-in-crimea.ru/atd>
4. Zakonom Respubliki Krym ot 5 iyunya 2014 goda № 15 «Ob ustanovlenii granic municipal'nyh obrazovanij i statute municipal'nyh obrazovanij v Respublike Krym». URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901311>
5. Varaksina, A.O. Osobennosti organizacii mestnogo samoupravleniya Respubliki Krym / A.O. Varaksina // *Voprosy nauki i obrazovaniya*. 2019. №3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya-respubliki-krym>
6. Prilozhenie № 5 k resheniyu Alushtinskogo gorodskogo soveta Respubliki Krym t 25.03.2016 g. № 20/10 «Polozhenie o Luchistovskom territorial'nom organe Administracii goroda Alushty Respubliki Krym». URL: https://alushta.rk.gov.ru/file/luchistovskiy_territorialnij_organ.pdf
7. Doklad Glavy administracii gorodskogo okruga Alushta «O dostignutyh znacheniyah pokazatelej dlya ocenki effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov za 2021 god i ih planiruemyh znacheniyah na 3-letnij period» ot 29.04.2022 g. URL: https://alushta.rk.gov.ru/uploads/txtditor/alushta/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpR5Apuu_a21.pdf
8. Golos Kryma: V Krymu gryadet administrativno-territorial'naya reforma. URL: <http://goloskrimanew.ru/v-krymu-gryadet-administrativno-territorialnaya-reforma.html>
9. Svodnyj doklad o rezul'tatah monitoringa effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov Respubliki Krym po itogam 2021 goda // Ministerstvo vnutrennej politiki, informacii i svyazi Respubliki Krym. URL: https://rk.gov.ru/uploads/txtditor/main/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpSwi4X0_6333fcfb89ed87.99611550_doklad_2.pdf

НАШИ АВТОРЫ

Акименко Елена Сергеевна,	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации</i>
Аскарлов С. В.	<i>Преподаватель к-ры уголовного процесса и криминалистики, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Ставрополь)</i>
Арсентьева С. С.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета</i>
Бадиков Д. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова</i>
Баграмян С. Л.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Басов А. В.	<i>д.ю.н., доц., заведующий к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Бахриева З. Р.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>
Бобылев С. С.	<i>магистр 2-го курса юридического факультета. Московский Университет им. С. Ю. Витте</i>
Бубнова Ю. Г.	<i>к.ю.н., доцент, полковник внутренней службы, доцент кафедры Управления и административно-правовых дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир</i>
Булатов Р. Б.	<i>д.ю.н., проф. кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения</i>
Булатов Т. Р.	<i>аспирант к-ры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения</i>
Великая О. С.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева</i>

Волкова И. Ю.	<i>специалист 1 разряда Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Крым и городу Севастополю</i>
Волков В. Ю.	<i>к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Галкин А. Г.	<i>к.ю.н., доц., ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина</i>
Грищенко Н. В.	<i>старший преподаватель к-ры информатики и вычислительной техники факультета (инженерного) ФГБОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России»</i>
Гузеева И. Н.	<i>заместитель председателя Избирательной комиссии Республики Крым</i>
Гусакова Ю. С.	<i>к.ю.н., доцент, доц. к-ры трудового и предпринимательского права юрид. института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)</i>
Даниелян А. С.	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета</i>
Даниленко Ю. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Доросинская А.М.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Донская О. Г.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУВО «Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации</i>
Друзин Р. В.	<i>к.э.н., доц. к-ры мировой экономики Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)</i>
Евсикова Е. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры административного и финансового права – начальник отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Залоило М. А.	<i>аспирант юридического факультета Таврической академии ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского</i>
Змерзлый Б. В.	<i>д.и.н., д.ю.н., проф., профессор к-ры истории и теории государства и права ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского</i>

Зоз В. А.	<i>старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Зубарев Н. В.	<i>преподаватель к-ры тактики служебно-боевого применения подразделений Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации</i>
Иванченко С. В.	<i>аспирант юридического факультета Таврической академии ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского</i>
Исмаилов Д. А.	<i>студент Института права Тольяттинского государственного университета</i>
Киян М. Н.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Клименко Е. П.	<i>к.ю.н., доцент истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Клубенко В. С.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Коваленко Н. Е.	<i>аспирант юридического института, Алтайский государственный университет, Россия, Алтайский край, Барнаул</i>
Коваль В. Н.	<i>д.ю.н., проф., директор Юридического института Севастопольского государственного университета, проф. к-ры «Гражданское право и процесс»</i>
Коноплев В. В.	<i>д.ю.н., проф., профессор к-ры предпринимательского и экологического права Юридического факультета Таврической Академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Кручек И. В.	<i>преподаватель кафедры гражданского права, Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Заслуженный работник социальной сферы АРК</i>
Кудовба О. Н.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры административного права федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт МВД России» (ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)</i>

Куряшкин А. Н.	преподаватель к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Симферополь) (ФГКОУ ВО КФ КрУ МВД России)
Лагуточкин А. В.	к.ю.н., доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Лагуточкина А. С.	оперуполномоченный отдела уголовного розыска отдела полиции № 1 «Железнодорожный» УМВД России по г. Симферополю
Лиликова О. С.	к.ю.н., доцент, доц. к-ры трудового и предпринимательского права юрид. института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)
Липич Д. В.	аспирант очной формы обучения к-ры Теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», НИУ «БелГУ»
Маслов Н. П.	к.ю.н., проф., вице-профессор к-ры всеобщей истории Харьковского педагогического университета
Мерказова В. А.	преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Мельничук Н. А.	автономная некоммерческая организация «Профессиональная образовательная организация» «Финансово-экономический колледж» преподаватель
Михайлов М. А.	к.ю.н., доц., ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет», доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Морозова А. Н.	к.ю.н., доц. к-ры Финансовое и банковское право Юридического института Севастопольского государственного университета
Москалева Е. Н.	старший преподаватель к-ры уголовного права Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
Муртазаева А. А.	магистрант I курса юридического факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Нагорный А. П.	старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Невлев В. В.	<i>к.ю.н., доц., профессор РАЕ, доцент к-ры теории и истории государства и права</i>
Новикова А. Е.	<i>д.ю.н., проф., профессор к-ры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»</i>
Оганесян Т. Д.	<i>к.ю.н. доцент к-ры международного права Дипломатической академии МИД России</i>
Оболенский Ю.Б.	<i>к.ю.н., доцент, доцент кафедры Теория и история государства и права Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Олейник Н. Н.	<i>д.ю.н., проф. проф. к-ры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии</i>
Параев И. Г.	<i>студент 1 курса магистратуры юридического ф-та, Кубарнский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия</i>
Пасечник О. С.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Пикина Т. В.	<i>старший преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин юридического факультета ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»</i>
Погорелов С. А.	<i>старший преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, кандидат юридических наук, подполковник юстиции</i>
Потопальский С.С.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия</i>
Пономарева Н. В.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГУОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»</i>
Процевский В. А.	<i>д.ю.н., проф., профессор кафедры «Трудовое право» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Путинцева Т. А.	<i>Юрисконсульт ООО Юридическая компания «Деметра» г. Ростов-на-Дону</i>
Равнюшкин А. В.	<i>к.и.н., доцент кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Радомский Ю. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права</i>

	<i>юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Радомский А. Ю.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Репетева О. Е.	<i>к.ю.н., доц. к-ры «Предпринимательского и трудового права» Тольяттинского государственного университета</i>
Рыбалко С. В.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Семенцова И. А.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного права и процесса, Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в г. Ростове-на-Дону)</i>
Семёнова И. В.	<i>преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, кандидат юридических наук, подполковник юстиции</i>
Сибгатуллин Ф. С.	<i>адъюнкт заочной формы обучения (факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования) Санкт-Петербургского ордена Жукова военного института войск национальной гвардии РФ</i>
Сибилев И. А.	<i>аспирант кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Симонян К. Р.	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права Кубанского государственного университета</i>
Стоковский В. В.	<i>аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Трифонов С. Г.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Трифорова К. В.	<i>ю.н. доц., доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»</i>

Туранин В. Ю.	<i>д.ю.н., проф., заведующий к-ры истории и теории государства и права юрид. института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)</i>
Федорова Е. А.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры «Публичное право», Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск)</i>
Федуличева Е. А.	<i>Травматолого-ортопед Медицинского центра «А2MED» (г. Симферополь)</i>
Чеботарева Г. В.	<i>д.ю.н., проф., проф. к-ры уголовного права и процесса Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный Университет имени В. И. Вернадского»</i>
Чернецкий О. К.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовного права и процесса Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный Университет имени В. И. Вернадского»</i>
Шевчук Е. П.	<i>старший преподаватель к-ры гражданского права, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск</i>
Ширкова И. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры правовых и политических наук ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»</i>
Шкляр Т. А.	<i>заместитель Председателя Верховного Суда Республики Крым, к.ю.н., Верховный Суд Республики Крым</i>
Хаяли Р. Б.	<i>аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Хрущев Р.	<i>аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Хохрякова Э. А.	<i>старший преподаватель к-ры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права Челябинского государственного университета</i>
Хутько Т. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Цергой Д. Г.	<i>студентка 1-го курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрного университет имени И.Т. Трубилина» по направлению</i>

	<i>подготовки 40.04.01 Юриспруденция (программа магистратуры)</i>
<i>Цыганков А. Ю.</i>	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры гражданского права и процесса. Московский Университет им. С. Ю. Витте</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Великая О. С.</i> Организация удовлетворения духовных потребностей ссыльных из Великого Княжества Финляндского в Сибири в XIX – XX вв.....	3
<i>Друзин Р. В., Федуличева Е. А.</i> Правовые основы организации безопасности в туризме.....	8
<i>Залоило М. А.</i> Походы к определению сущности народа как субъекта права на самоопределение: теоретические и практические аспекты.....	18
<i>Киян М. Н., Хутько Т. В.</i> Концепция проведения крестьянской реформы 1861 г. в Крыму: ожидаемые результаты и действительность.....	29
<i>Клубенко В. С.</i> Функции государства и реализация основных функций законодательного органа власти на примере субъектов Российской Федерации.....	39
<i>Коваленко Н. Е.</i> Субъективная сторона правосознания человека: теоретико-правовой аспект. Продолжение исследования.....	56
<i>Кручек И. В.</i> Кодификация социально-обеспечительного законодательства Российской Федерации. Теоретические и практические проблемы.....	64
<i>Липич Д. В.</i> Правовые концепции русской религиозно-философской мысли начала XX в..	70
<i>Олейник Н. Н., Маслов Н. П., Невлев В. В.</i> Историко-правовые тенденции возрождения кооперации кустарных промыслов в начальный советский период.....	79
<i>Погорелов С. А., Семёнова И. В.</i> Историко-правовой аспект повышения боевой активности военнослужащих в годы Великой Отечественной войны через совершенствование системы поощрения.....	88
<i>Радомский А. Ю.</i> Правовое регулирование и актуальные направления совершенствования институтов самозащиты и защиты основ конституционного строя гражданами Российской Федерации и их объединениями.....	95
<i>Сибгатуллин Ф. С.</i> Сущность и содержание правоохранительной функции современного государства.....	104
<i>Трифонов С. Г., Пономарева Н. В.</i> Народная законодательная инициатива как одна из форм реализации народовластия.....	109

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Акименко Е. С., Луценко В. В., Сушицкий А. И.</i> Правовое регулирование общественных отношений, связанных с арендой транспортных средств по системе каршеринг.....	117
--	-----

Евсикова Е. В.	Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития.....	122
Коваль В. Н., Морозова А. Н.	Особенности правового регулирования мер поддержки и налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства в части, касающейся Республики Крым.....	136
Кудовба О. Н., Куряшкин А. Н.	О некоторых аспектах расследования административных правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения.....	147
Пикина Т. В.	Понятие, сущность реализации прав граждан при возникновении правовых режимов.....	156
Равнюшкин А. В.	О практике и проблемах привлечения в Республике Крым физических лиц к административной ответственности за оскорбления.....	162
Радомский Ю. А.	Институт конституционно-правовой ответственности: дефинитивная проблемность и перспективы практической применимости.....	172

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Волкова И. Ю., Волков В. Ю.	К вопросу о правомерности объединения лотов при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд.....	183
Галкин А. Г., Цергой Д. Г.	Содержание наследственного договора: сравнительно-правовой анализ.....	189
Даниелян А. С.	Электронное правосудие в гражданском процессе: понятие, вызовы и перспективы.....	194
Потопальский С. С.	Правовое регулирование участия в долевом строительстве в системе норм гражданского права.....	202
Рыбалко С. В.	Уполномоченный по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовой статус и проблемы функционирования государственного правозащитного института.....	209
Сибилев И. А.	Проблематика институтов возмещения убытков и взыскания неустойки в контексте правовых мер ответственности за нарушение договорных обязательств.....	219
Симомян К. Р.	К вопросу о роли нотариуса в обеспечении защиты прав участников корпоративных правоотношений.....	228
Ширкова И. В.	Правовая охрана или защита наименования мест происхождения товаров и географического указания.....	236

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Булатов Р. Б., Булатов Т. Р.

Понятие и классификация категории «иностранные граждане» в российском законодательстве в контексте их правовой защиты.....243

Трифопова К. В.

Международно-правовое регулирование трудовой миграции:
системный анализ.....247

Процевский В. А., Клименко Е. П.

Организация деятельности логистических служб Дании, Финляндии,
Норвегии, Швеции.....253

Хрущев Р. С.

Становление самоуправления Гренландии на основании закона 1978 г.....258

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аскарлов С. В.

Использование правоохранительными органами современных технико-
криминалистических средств и методов при обнаружении следов
биологического происхождения в ходе расследования дорожно-
транспортных преступлений.....264

Арсентьева С. С.

Когда форма «победила» содержание.....271

Бадиков Д. А., Лагуточкин А. В.

К вопросу об использовании специальных знаний при
производстве обыска.....276

Донская О. Г., Москалева Е. Н., Путинцева Т. А.

Проблема соотношения социальных и юридических преступлений.....282

Бубнова Ю. Г.

Пути повышения эффективности проведения служебных совещаний в
управленческой деятельности правоохранительных органов.....289

Даниленко Ю. А.

Криминалистическое распознавание в тактике производства следственных
действий при расследовании преступлений в сфере
компьютерной информации.....294

Доросинская А. М.

Понятие защиты как уголовно-процессуальной функции в российском
уголовном процессе.....299

Зоз В. А., Лагуточкина А. С.

Личность интернет-преступника и отдельные способы их выявления в
глобальной информационной сети.....306

Зубарев Н. В.

Полномочия войск национальной гвардии в охране государственной
границы Российской Федерации в условиях деятельности
недружественных государств.....313

Иванова А. В.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе
Российской Федерации и зарубежных стран.....321

Иванченко С. В.

К вопросу о характере и целях принципа надлежащего извещения лиц,

участвующих в деле и классификации подлежащих извещений.....	326
Луценко В. В.	
Научные подходы применяемые в процессе понимания и изучения правового режима контртеррористической операции.....	335
Мерказова В. А.	
Особенности деятельности сотрудников полиции по выявлению и профилактике правонарушений в области несоблюдения антиалкогольного и антитабачного законодательства несовершеннолетними.....	342
Мельничук Н. А.	
Теории соучастия, их роль в современном уголовном праве РФ.....	350
Нагорный А. П.	
Проблемы квалификации крайней необходимости в России.....	355
Оболенский Ю. Б.	
Особая жестокость, как квалифицирующий признак убийства.....	361
Параев И. Г., Галкин А. Г.	
К вопросу об ответственности за незаконный оборот наркотических средств с применением информационно-телекоммуникационной сети Интернет: сравнительно-правовой аспект.....	366
Семенцова И. А., Федорова Е. А.	
Проблемы уголовной ответственности за деяния, направленные на доведение до самоубийства через Интернет.....	372
Хохрякова Э. А.	
Об оценке судами действий лиц, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением общественным отношениям, при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа..	379

СРОЧНО В НОМЕР

Цыганков А. Ю., Бобылев С. С.	
Правовое регулирование деятельности корпорация на рынке бездокументарных ценных бумаг.....	387
Хаяли Б. Р.	
Инициативы Решида Медиева в правотворческой деятельности городского самоуправления Каарасубазара Таврической губернии в сфере образования и культуры.....	395
Туранин В. Ю., Гусакова Ю. С., Лиликова О. С.	
Правовое регулирование труда женщин в современных условиях.....	401
Новикова А. Е., Грищенко Н. В.	
Конституционные духовно-нравственные феномены: формализованный опыт стран СНГ.....	409
Пасечник О. С., Шевчук Е. П.	
Проблемы реализации возмещения ущерба, причиненного правомерными действиями органов публичной власти.....	414
Гузеева И. Н.	
Участие избирательных объединений в выборах в Крыму после Вхождения его в состав Российской Федерации.....	419
Чеботарева Г. В., Басов А. В.	

Формы взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу с генеральной прокуратурой Российской Федерации.....	429
<i>Оганесян Т. Д.</i>	
Доктрина «живого инструмента» в практике Европейского суда по правам человека.....	434
<i>Исмаилов Д. А., Репетева О. Е.</i>	
Роль и значение дисциплинарной ответственности в уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел.....	442
<i>Чернецкий О. К.</i>	
Способы совершения и сокрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.....	452
<i>Михайлов М. А.</i>	
Безвестное исчезновение людей на морских судах: криминалистическая характеристика преступлений и типичные версии.....	459
<i>Змерзлый Б. В.</i>	
Правовое регулирование деятельности ледоколов в Великом Княжестве Финляндском.....	469
<i>Шкляр Т. А.</i>	
Процессуальные особенности восстановления утраченного производства по административным делам.....	474
<i>Коноплев В. В.</i>	
Теоретические подходы к определению понятия «административная процедура».....	484
<i>Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.</i>	
Возмещение вреда, причиненного здоровью гражданина.....	490
<i>Стоковский В. В.</i>	
Интеграция местного самоуправления Республики Крым в муниципально-правовую систему российской федерации.....	497